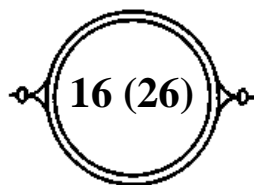

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

**НОВГОРОДСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Основан в 1936 году

Возобновлен в 1982 году

Великий Новгород
2016

УДК 947(471.24
ББК 63.3(2Ро-4Нов)
Н 72

Утверждено к печати
Ученым советом
Санкт-Петербургского
института истории РАН

Рецензент:

д. и. н. **А. В. Седунов**

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН **П. Г. Гайдуков** (отв. ред.),
д. и. н. **А. Н. Чистиков** (зам. отв. ред.), к. и. н. **Е. В. Торопова** (зам. отв. ред.),
д. и. н. **А. А. Селин**, д. и. н. **Б. Н. Ковалёв**,
д. и. н. **В. Г. Вовина-Лебедева**, д-р **Э. Лёфстранд** (*Швеция*),
к. и. н. **Г. М. Коваленко**, к. и. н. **В. Ю. Черняев**,
к. и. н., к. э. н. **Я. А. Васильев** (отв. секр.), к. и. н. **О. А. Тарабардина**

Новгородский исторический сборник : сб. науч. тр. / редкол. :
Н 72 **П. Г. Гайдуков** (отв. ред.) и др.; Санкт-Петерб. ин-т истории РАН,
Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2016.
– Вып. 16 (26). – 450 с.

ISBN 978-5-89896-619-5

Шестнадцатый 16 (26) выпуск «Новгородского исторического сборника» представляет исследования и материалы по истории и культуре Великого Новгорода и Новгородской земли XII–XX вв. Содержание настоящего выпуска определяют проблемы социально-политических отношений, религиозной жизни, административного устройства, вопросы археологии, историографические исследования, публикации забытых и вновь найденных трудов по истории древнейшего русского города.

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Ро-4Нов)

ISBN 978-5-89896-619-5

© Коллектив авторов, 2016
© Санкт-Петербургский институт
истории РАН, 2016
© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
2016

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

3 сентября на 66-м году жизни скоропостижно скончался известный новгородский историк, автор многочисленных работ по истории средневекового Новгорода Василий Фёдорович Андреев.

После окончания Ленинградского университета в 1973 г. Василий Фёдорович работал на кафедре истории СССР Ярославского государственного педагогического института и одновременно учился в аспирантуре Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Его научным руководителем был С. Н. Валк.

В 1979 г. Василий Фёдорович стал научным сотрудником Новгородского сектора ЛОИИ с одновременным исполнением обязанности ученого секретаря сектора. В 1980 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Новгородский частный акт XII–XIV вв.».

Василий Фёдорович внес большой вклад в возобновление издания Новгородского исторического сборника в 1982 г. Он был первым ответственным секретарем сборника, печатался на его страницах.

В 1989 г. Василий Фёдорович перешел на работу в Новгородский государственный педагогический институт, где заведовал кафедрой истории СССР, был деканом исторического факультета. По его инициативе в Новгороде стали проводиться ежегодные конференции «Прошлое Новгорода и Новгородской земли».

За время работы в Новгородском секторе ЛОИИ и НГПИ (с 1993 г. – НовГУ) Василий Фёдорович проявил себя не только как талантливый ученый и преподаватель, но и как активный популяризатор исторических знаний. Его популярные очерки истории средневекового Новгорода, вышедшие двумя изданиями под названием «Северный страж Руси», стали настольной книгой для школьников, студентов, учителей и экскурсоводов. Его лекции по истории Новгорода и Новгородской земли вызывали интерес в разных аудиториях.

Светлую память о Василии Фёдоровиче сохраняют не только его коллеги, но и многие новгородцы, знающие и любящие свой город.

Редколлегия

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Р. Михайлова

ДРЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ВОКРУГ ФИНСКОГО ЗАЛИВА: К ПРЕДЫСТОРИИ ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Литература, посвященная крупным водным путям эпохи раннего средневековья, проходившим через территорию Северо-Запада Восточной Европы, огромна. Системы средневековых путей Северо-Запада, в том числе водных, неоднократно рассматривались в сводных историко-географических трудах¹, однако большинство работ связаны с реконструкцией трасс путей в древнерусское время, их значением в политике и экономике того времени; работы, посвященные инфраструктуре путей и «хинтерланду», менее многочисленны. Исследований о водных

---

¹ *Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли / Ред. Г. С. Лебедев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5–25; *Сорокин П. Е.* 1) Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997; 2) Водный путь по Псковско-Чудскому озеру и реке Нарове // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею И. К. Лабутиной / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1999. С. 185–200; *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина / Ред. А. А. Гиппиус. М.: Русские словари, 1999. С. 157–170; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 534–569; *Петрухин В. Я.* «Путь из Варяг в Греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Памяти И. С. Чичурова / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Индрик, 2010. С. 58–65; *Мельникова Е. А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 240–269; *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X вв. // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 382–401 – в этих работах приведена и подробная библиография.

путях предшествующего исторического периода в современной историографии немного².

Целью настоящей статьи является обзор современного состояния исследований раннесредневековых древностей Северо-Запада Восточной Европы на территориях, непосредственно примыкающих к северо-восточной оконечности Балтики – Финскому заливу, определение наиболее дискуссионных проблем и возможных путей их решения. Для этого необходимо, на мой взгляд, подробно охарактеризовать с точки зрения археологии территорию, где складывалась система водных коммуникаций, вошедшая в начальный отрезок трансъевропейского пути.

Одной из больших тем северо-западной археологии продолжает оставаться расплывчатость хронологии и отсутствие собственной разработанной периодизации археологического материала. В предлагаемом тексте, где речь пойдет о древностях, имеющих много общего с Северной Европой и Прибалтикой в целом, материал распределен в соответствии с принятыми для этих регионов хронологическими системами, однако не нужно забывать об условности и названий периодов, и точного определения их хронологических рамок, когда речь идет о нескольких регионах. В самом деле, основные события бурной эпохи великого переселения народов в основном протекали гораздо южнее Балтийского и Северного морей, а североевропейская «эпоха Меровингов» лишь опосредованно связывается с историей государства франков. И уже совершенной условностью выглядят эти названия применительно к нашему материалу. Тем не менее определенное внутреннее единство выделяемых исторических периодов хорошо ощущается. Ниже под рубрикой «эпоха великого переселения народов» будут объединены археологические находки, датирующиеся в основном V–VI вв.; «эпоха Меровингов», согласно терминологии финляндских исследователей, соответствует VII–VIII вв. (сюда же следовало бы включить конец VI века, но не всегда материал позволяет столь четкую датировку);

---

² См., напр.: Булкин В. А., Герд А. С. Очерк древнейшей истории озера Селигер // Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Отв. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 251–264; Булкин В. А., Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2005. Вып. 3. С. 142–152; Джаксон Т. Н., Калинин Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река» Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. (Studia historica. Series minor). М.: Языки славянской культуры, 2007; Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4. С. 17–127; Kazanski M. Water routes from the Baltic to the Black Sea and Northern Barbarians in the Migration period // Inter ambo maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 154–174.

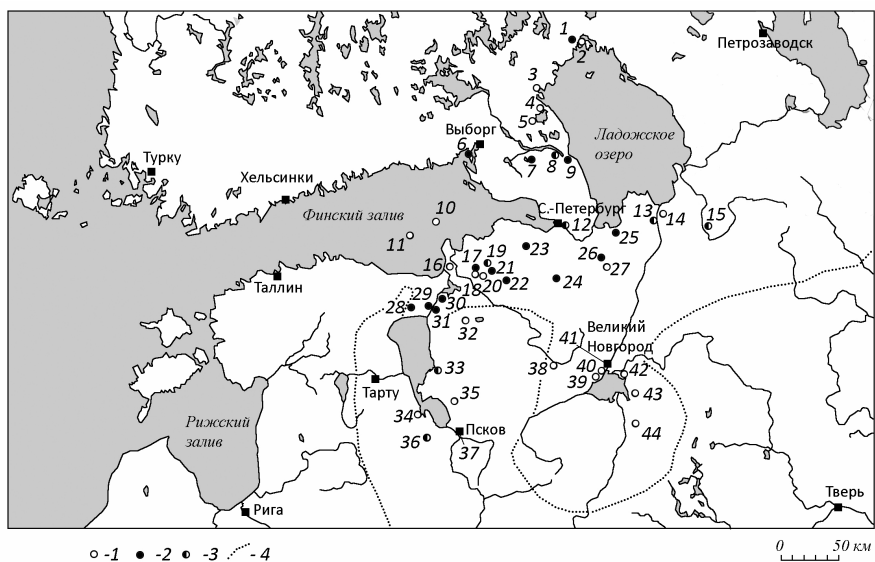

Рис. 1. Карта археологических памятников V–XI вв., упоминаемых в статье

Условные обозначения: 1 – памятники V–VIII вв., 2 – памятники IX–XI вв., 3 – памятники с находками обоих периодов; 4 – граница ареала культуры псковских длинных курганов.

Цифрами на карте обозначены: 1 – курганы близ п. Хелюля; 2 – погребение на о. Риеккала; 3 – погребение в Куркийоки–Лопотти; 4 – поселение Суотниemi; 5 – местонахождение Уннункоски; 6 – погребение на о. Эссаари; 7 – погребение в Валкярви–Уосуккала; 8 – погребения в Саккола–Лапинлахти (Наскалинмяки, Хеннонмяки); 9 – погребение в Метсяпиртти–Коуконниemi; 10 – курганы на о. Лавансаари; 11 – могильник на о. Большой Тютерс; 12 – местонахождение на Охтенском мысу (С.-Петербург); 13 – Старая Ладога; 14 – городище Любша; 15 – Городище на Сяси; 16 – погребение Россонь XI; 17 – городище Втырка; 18 – могильники Малли и Коммунар; 19 – могильник Ратчино; 20 – могильник Ополе; 21 – могильник Большие Озертицы; 22 – могильник Вруда; 23 – могильник Дятлицы; 24 – могильник Вырица; 25 – погребение Мучихино; 26 – могильники Кирсино; 27 – находка из д. Васькины Нивы; 28 – могильник Йьуга; 29 – могильник Кунингакюла; 30 – могильник Криуши; 31 – могильники Ольгин Крест и Скарятина; 32 – погребение в Доложском; 33 – могильник Залахтовье; 34 – могильник Суур-Рысна; 35 – могильник Володи; 36 – Изборск (Труворово городище); 37 – Псков (Псковское городище); 38 – Передольский погост; 39 – городище Георгий и селище Васильевское; 40 – селище Прость; 41 – Новгород и Новгородское (Рюриково) городище; 42 – городище Бронница; 43 – городище Городок на Маяте; 44 – городище Сельцо.

древности и события IX–XI вв. описаны как «эпоха викингов», но не менее справедливо для этого периода в Восточной Европе название «раннее древнерусское время».

Не меньше трудностей представляет собой географическое наименование пространства, центр которого составляет акватория Финского залива. За неимением общепринятого термина, я буду говорить о Северо-Восточной Балтике и Восточнобалтийском мире, хотя другие авторы вкладывают в него несколько иное содержание³. За пределами этой работы (не в последнюю очередь из-за ограничений объема статьи) останутся многочисленные памятники территорий Эстонии и Юго-Западной Финляндии, принадлежащих к той же культурной провинции. Их сопоставление с восточными соседями – предмет последующей работы.

Сведения об условиях плавания по Финскому заливу отразились в раннесредневековых письменных источниках. Иордан сообщает в «Гетике»: «Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро, откуда река Ваги, волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан»⁴. *Vagi Fluvius*, вытекающая из «обширнейшего озера», не может быть интерпретирована однозначно. Разные авторы предлагают видеть в ней Неву, Вуоксу или даже один из балтийских заливов – Финский или Рижский⁵, но, по мнению большинства исследователей, речь явно идет о восточной части Балтийского моря.

Вероятно, в древности все восточнобалтийское пространство, включая Финский залив с его отдельными частями, огромные Чудское и Ладожское озера, воспринимались как единая система открытых водных пространств и заливов, соединенных проливами и недлинными полноводными реками. Интересно в этом отношении позднее русское обозначение восточной части Финского залива – *озеро Котлино* («А город Выбор [Выборг] стоит на Котлине озере. На озере остров Котлин, да остров Березовой. <...> А от Выбору озеро Котлино вдоль 150 верст,

---

³ Ср., напр.: *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngerer Eisenzeit. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar Del 40:1). Stockholm, 1929.

⁴ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступит. статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 68.

⁵ Подробнее см.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарий // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 191; *Казанский М. М.* Скандинавская меховая... С. 79, – там же литература.

а поперег 50 верст. А из Ладожского озера, против города Орешка, вытекла река Нева и пала в Котлино озеро»⁶.

Разумеется, не следует забывать о многочисленных порогах, имеющих на всех крупных реках Северо-Запада. Однако те порожистые участки, которые делают реки труднопроходимыми или даже недоступными для современных судов, преодолевались в древности. П. Е. Сорокин, собравший сведения о средневековом судовом деле и судоходстве и, в частности, проанализировавший размеры корабельных заклепок из раннесредневековых памятников, предположил, что суда приблизительного одинаковых размеров могли доходить от Балтики до Ладоги, Пскова и Рюрика города⁷. В освоенном пространстве переходы могли совершаться и комбинированным способом, с перегрузкой людей и имущества.

Рассмотрим местные древности не по реконструируемым «племенным территориям», как это часто делается в историографии, а как сумму раннесредневековых памятников, расположенных вокруг хорошо знакомого мореплавателям залива.

Поздняя эпоха переселения народов и эпоха Меровингов

Пространство Северо-Восточной Балтики и связанных с ней крупных озер было освоено еще в древности, о чем свидетельствуют памятники и отдельные находки эпохи великого переселения народов и эпохи Меровингов / Вендель. Особенно показательны в этом отношении находки на так наз. Внешних островах Финского залива. Наиболее ранними, вероятно, являются курганы с кремациями на острове Лавансаари (Мощный), расположенном против Кургальского полуострова. Раскопки курганов на Лавансаари проводились дважды, и если результаты раскопок 1930 г. позволили отнести эти захоронения к доримскому и римскому железному веку, то радиоуглеродный анализ образцов из раскопок А. И. Сакса в 2006 г. показал VI век⁸. По-видимому, тем же временем (первой половиной – серединой VI в.) следует датировать находки на расположенном западнее острове Большой Тютерс. Здесь, на месте предполагаемого могильника с кремациями в местности Каунисмяки, в разное время были найдены изделия в I зверином стиле по Б. Салину (позолоченная серебряная равноплечая фибула, бронзовые

---

⁶ Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. Изд. 2-е. СПб., в типографии Имп. Росс. Академии, 1838. С. 177–178.

⁷ Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение... С. 82.

⁸ Edgren T. Lavansaaren Suursuonmäen röykkiöhaudat // Suomen Museo. 1992. №. 99. S. 5–20; Казанский М. М. Скандинавская меховая... С. 79 (со ссылкой на сообщение А. И. Сакса).

пряжки и ременные накладки), а также фрагменты лепной керамики, угли и обожженные камни⁹.

На северном берегу Финского залива и далее вглубь Карельского перешейка известны памятники того же времени (преимущественно эпохи Меровингов), а также отдельные предметы, многие из которых имеют широкую датировку (например, овальные кварцевые огнива или проушные топоры). Интересно, что все древности эпохи Меровингов, обнаруженные к настоящему времени на Карельском перешейке, тяготеют к течению Вуоксы¹⁰, в то время соединявшей Выборгский залив с Ладожским озером¹¹. Свидетельством постоянного обитания здесь являются несколько поселений, в том числе выявленное А. И. Сакса близ д. Суотниemi (ныне п. Яркое) поселение, для которого по нагару с керамики получена дата ок. 600 г.¹²

Спорна датировка известного погребения в Лапинлахти–Наскалинмяки (ныне д. Ольховка), которому посвящена обширная историография и которое большинство авторов считают относящимся к концу эпохи Меровингов¹³. В исследованной А. Европеусом каменно-земляной насыпи, сложенной вокруг крупного валуна, были собраны, помимо кальцинированных костей и углей, черешковые и втульчатые наконечники копий, черешковый ромбовидный наконечник стрелы, железное кольцо с привесками от плети, разнотипные фибулы (две равноплечные, три неодинаковые подковообразные, обломок круглой ажурной), спиральный перстень, обломки браслетов, пряжки, невыразительные бронзовые накладки, железные инструменты (серповидный нож, долото, скобели). П. Уйно предложила датировать вещи из захоронения в пределах 700–900/1000 гг. и опубликовала радиоуглеродную датировку угля из погребения в Наскалинмяки – 890±70 BP, cal AD 1040–1240. Столь поздняя радиоуглеродная дата заставила ее предположить, что позднее, в эпоху средневековья в захоронение мог вновь попасть уголь – например, при полевых работах¹⁴. А. И. Сакса датировал находки из Наскалинмяки концом VIII–IX в., подчеркнув, что ближайшие аналогии вещам западнофинского происхождения из могилы в Лапин-

---

⁹ *Uino P.* Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki, 1997. P. 340; *Казанский М. М.* Скандинавская меховая... С. 79, рис. 55, 57.

¹⁰ *Uino P.* Ancient Karelia... P. 109–113; *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 61, рис. 7.

¹¹ *Исаченко Г. А.* Окно в Европу: История и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 9–10.

¹² *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 61.

¹³ Подробнее см.: *Uino P.* Ancient Karelia... P. 50–52; *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 50 сл., рис. 9, 10.

¹⁴ *Uino P.* Ancient Karelia... P. 51.

лахти обнаружены в памятниках Юго-Западной Финляндии и, следовательно, наиболее вероятный путь их поступления на Карельский перешеек – морем через Финский залив¹⁵.

Говоря о реконструируемом пути по Вуоксе в северную часть Ладожского озера, уместно вспомнить о погребении под низкой каменной насыпью на острове Риеккала в заливе Нукутталахти, датированном VI в. В случайно обнаруженном в 1936 г. погребении по обряду кремации были найдены две скандинавские «пуговицы» (аграфы) и два браслета с утолщенными концами (на один из них надета крупная спираль из бронзовой проволоки); при позднейших раскопках на том же месте были собраны оплавленные синие бусы, свернутая спиралью бронзовая лента, кварцевый скребок и изогнутый железный инструмент, иногда обозначаемый в литературе как «нож скорняка»¹⁶. На заселенность островов в северной части Ладоги указывает также появление пыльцы ржи около 600 г. в донных отложениях озера Кирьявалампи на острове Риеккала и результаты пыльцевого анализа, показавшие появление земледелия на острове Валаам ок. 650 г. Есть свидетельства земледелия во второй половине – конце I тыс. н. э. и в некоторых других пунктах в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке, но они довольно отрывочны и порой противоречивы¹⁷.

Южное побережье восточной оконечности Финского залива долгое время считалось «пустым», здесь были известны только находки отдельных ранних вещей, преимущественно кварцитовых огнив¹⁸. Интересна недавняя находка бронзовой шпоры с коническим шипом из окрестностей д. Васькины Нивы в бассейне р. Мги, возможно, также относящаяся к сер. – третьей четв. I тыс.¹⁹

В нескольких километрах южнее берега залива начинается обширная Ижорская возвышенность, или Ижорское плато, представляю-

---

¹⁵ Сакса А.И. Древняя Карелия... С.50–55, 61.

¹⁶ Сакса А.И. Древняя Карелия... С. 45–47, рис. 8; Казанский М. М. Скандинавская меховая... С.81–82.

¹⁷ Кочуркина С.И. Этнокультурные процессы эпохи средневековья // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье) / Отв. ред. С. И. Кочуркина, М. Г. Косменко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 247–248; Сакса А.И. Древняя Карелия... С. 49.

¹⁸ Михайлова Е. Р. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 57-го заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 177.

¹⁹ Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 59-го заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 319, рис. 5.

щая собой специфический природный регион. Несмотря на то, что северная граница Ижорского плато образована так наз. Балтийско-Ладожским уступом, отчетливо выраженным на местности, на плато не так уж трудно подняться от берега залива. Заметное количество древностей I тысячелетия новой эры (более 30 памятников и случайных находок) были выявлены здесь сравнительно недавно²⁰. Большинство вновь выявленных объектов приурочено к западной окраине Ижорской возвышенности и датируется первыми веками нашей эры.

Однако обнаружены и древности V–VIII вв.: два могильника с кремациями, одиночное погребение (также по обряду кремации) и отдельные находки. Наиболее полно изучен могильник Малли (Керстово 2), где выделяется два периода функционирования²¹. Позднейший период представлен россыпями кальцинированных костей, помещенными поверх каменного могильника с оградками раннеримского времени. С погребениями второго периода связаны находки разнотипных пряжек (с В-образной, D-образной и округлой рамками), наконечников ремней, накладок, браслетов (в том числе с утолщенными концами),

---

²⁰ См., напр.: Юшкова М. А. 1) Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tagandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–329; 2) Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 187–197; Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулешов Вяч. С. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М. Б. Щукину / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 208–224; Михайлова Е. Р., Федоров И. А. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. М.; Псков, 2011. С. 69–77; Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 1) Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник, 2011, № 1. С. 336–360; 2) Анализ металла кладов римских монет в районе Копорья // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 148–161; Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5. С. 65–88; Федоров И. А., Мурзенков Д. Н. Новые исследования на западе Ижорского плато // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина. СПб.: СОЛЮ, 2012. С. 242–243; Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки... С. 312–322; Юшкова М. А., Ширококов И. Г. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 71–79; Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: Новые материалы // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 176–186.

²¹ Юшкова М. А., Ширококов И. Г. Антропологические материалы...; Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. ... С. 195.

булавок, бритв и др.²² Довольно многочисленно происходящее из могильника Малли оружие: клинки двулезвийных «меровингских» мечей, втульчатые наконечники копий с ромбовидным и с небольшим листовидным пером, умбоны щитов «с кнопкой». Оружие носит следы преднамеренной порчи: мечи были согнуты и сломаны в древности, умбоны намеренно смяты²³. Близки по находкам к могильнику Малли могильник Коммунар, известный пока только по разведочным работам, и погребение Россонь XI, расположенное западнее, в междуречье Нарвы и Луги²⁴.

По-видимому, могильники такого типа распространены лишь на территории Ижорского плато и в Лужско-Нарвской низменности к западу от него. Южнее Ижорского плато погребальные памятники середины – третьей четверти I тыс. связаны с курганным обрядом захоронения. Кроме единственной «литовской» подкурганной кремации в Доложском²⁵, это памятники так наз. культуры (псковских) длинных курганов²⁶.

Северная граница культуры длинных курганов проходит приблизительно по течению притока Луги р. Долгой, южнее Ижорского плато (хотя на пологих южных скатах плато известны два могильника с длинными курганами, оторванные от основного ареала). Значительной же плотности памятники этой культуры достигают еще южнее, приблизительно от Лужской возвышенности. Крайняя западная часть ареала

---

²² Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. ... С. 195, рис. 3: 2–15.

²³ Стасюк И. В. Население... С. 68–71.

²⁴ Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии... С. 182, рис. 3: 10–21.

²⁵ Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского (Материалы по археологии России, № 20). СПб., 1896. С. 108–109; Бехтер А. В. Кургано-жальничный могильник у дер. Заручье (Доложский погост) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 71–75; Казанский М. М. Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 119–127.

²⁶ Следует, однако, заметить, что среди погребальных памятников культуры длинных курганов представлены и отдельные грунтовые могильники (см., напр.: Орлов С. Н. Археологические исследования в низовьях р. Мсты // Советская археология. 1968. № 3. С. 166; Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. С. 57, Носов Е. Н., Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. В. Л. Янин. Любытино, 2002. С. 52, п. 17), а также упомянуть кремации в грунтовых ямках, датированные V–VI вв. и перекрытые позднейшей насыпью сопки № 4 в Передольском погосте на Верхней Луге – их культурная характеристика пока не вполне ясна (Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопки (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 195, сн. 10).

культуры длинных курганов охватывает бассейн Псковско-Чудского озера (за исключением северного Причудья, где, правда, известны единичные могильники), причем и здесь плотность памятников существенно возрастает к югу²⁷.

Культура длинных курганов формируется в конце V – первой половине VI в., по-видимому, при воздействии импульсов с юго-запада, со стороны белорусского Подвинья и верховьев р. Великой²⁸. Для памятников периода формирования культуры характерно наличие вещей центральноевропейского облика или восходящих к центральноевропейским образцам: округлые пряжки с хоботковым язычком, пряжки с V-образной рифленой рамкой, костяные / роговые гребни с полукруглой спинкой, «крапчатые» стеклянные бусы. Несколько особняком на этом фоне стоит могильник Володи в Восточном Причудье, где найдены предметы, связанные своим происхождением с Северной Европой и восходящие к образцам позднеимского времени: серебряные браслеты и наконечник пояса²⁹.

В последующем культура длинных курганов – одна из культур лесной зоны Восточной Европы, с типичными для них керамикой и набором вещей; на общем фоне она выделяется в первую очередь погребальной обрядностью. Ее обширный ареал разделяется на две основных большие области: западную (куда входят бассейн Псковско-Чудского озера, водосборы Великой, Плюсы и Луги) и восточную (бассейны Пола, Мсты, Мологи и Верхневолжье). Расположенные между ними памятники Двинско-Ловатского междуречья и Половатья, вероятно, существуют не очень продолжительное время, и затухание культуры длинных курганов на Ловати дополнительно обособляет друг от друга западную и восточную области культуры длинных курганов³⁰. Интересно в этой связи наблюдение Г. С. Лебедева и А. С. Герда об «оси» Волхов – Ильмень – Ловать, с глубокой древности разделяющей территорию позднейшей Новгородской земли на две различные историко-

---

²⁷ Аун М. 1) Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Тл.: Валгус, 1980. Рис. 2; Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Тл.: ОЛИОН, 1992. Рис. 1; Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. С. 231–232.

²⁸ Михайлова Е. Р. 1) Вещевой комплекс... С. 203–208; 2) К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 59-го заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 323–328.

²⁹ Михайлова Е. Р. Германские браслеты из могильника Володи близ Пскова // Скандинавские чтения 2008 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / Сост. Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 21–28.

³⁰ Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс... С. 191–198.

культурные зоны, западная из которых тяготела к Балтике, восточная – к Волго-Окскому бассейну³¹.

На нижней Ловати, в Приильменье и по берегам Волхова памятники культуры длинных курганов отсутствуют. Раннесредневековые поселения в Приильменье довольно многочисленны, некоторые из них подробно изучены археологически. Подавляющее большинство поселений многослойны; комплексы, датируемые V–VIII вв., обнаружены на селище Прость, на Бронницком городище, городищах Городок на Маяте и Сельцо в Юго-Восточном Приильменье³². Погребальные памятники, соответствующие поселениям этого времени, пока не выявлены – вероятнее всего, это были грунтовые или даже поверхностные могильники.

Керамический комплекс приильменских поселений в целом соответствует керамическому комплексу более южных территорий, в частности, Верхнего Поднепровья и Подвинья³³. С традициями, общими для лесной зоны Восточной Европы, И. И. Еремеев связывает и приемы фортификационного строительства³⁴. Те же основные связи заметны в вещевом комплексе перечисленных поселений. Некоторые из находок находят свои аналогии, среди прочих, на памятниках соседней культуры длинных курганов: подтреугольные наконечники стрелы с развернутым пластинчатым черешком, пластинчатое кресало с развернутым петельчатым ушком, фрагмент бронзового браслета или перстня с продольными «ребрами» (Городок на Маяте), «крапчатые» стеклянные бу-

---

³¹ Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 51–52; *Герд А. С.* Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионологический журнал. 2013. Вып. 16. С. 110.

³² *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 140–146; *Плохов А. В.* Древности VIII века у истока Волхова // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2008. Вып. 3. С. 155–167; *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 56–126; *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Кочубей О. В., Корниенко А. И., Лясковская Л. Е.* Бронницкое городище под Новгородом в исследованиях 2013 года. Первые результаты // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28 / Отв. ред. В. Л. Янин. В. Новгород, 2014. С. 144–164.

³³ *Плохов А. В.* Лепная керамика Центрального Приильменья и славянское расселения (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тезисы науч. конф. [Т. 4/5]. Новгород, 1992. С. 119–124; *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии... С. 115, 123.

³⁴ *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии... С. 153–158.

сины (селище Прость)³⁵. (Возможно, в том же контексте следует рассматривать две крапчатые бусины, в разные годы, найденные при раскопках в культурном слое Старой Руссы³⁶).

Предметы «южного» происхождения на приильменских поселениях хорошо представлены и позднее, уже в напластованиях IX–XI вв.: ножи с волнообразным навершием (городище Георгий, селище Васильевское 1), втульчатый двушипный наконечник стрелы (селище Васильевское 1)³⁷. Р. С. Минасян предложил связывать эти вещи с хозяйственно-бытовым комплексом, привнесенным в лесную зону Восточной Европы в процессе славянского расселения³⁸.

Южнее побережья Псковского озера расположены два важных городища – Псковское и Изборское (Труворово). Материальная культура обоих поселений: и вещевой, и керамический комплекс, – находит многочисленные параллели в культуре длинных курганов, однако не сводится только к ним. Здесь присутствуют металлические изделия и формы керамики, характерные для древностей Юго-Восточной Прибалтики (от территории соседней Эстонии на юго-запад вплоть до Литвы и Северной Польши), а также некоторые североевропейские предметы.

Для Псковского городища следует упомянуть браслеты нескольких типов (с утолщенными концами, пластинчатый с продольным ребром), роговые гребни с полукруглыми спинками, пинцет с резко расширенными концами, овальное кварцитовое огниво, булавку с седловидным навершием и др.³⁹

В нижнем слое Изборского (Труворова) городища обнаружены равноплечная фибула, овальные каменные огнива, фрагмент браслета с продольным ребром, орнаментированный пинцет с резко расширенными концами, формочка для отливки плоской накладки-«пуговицы», шпора с крючками⁴⁰.

Двигаясь из Финского залива на восток, необходимо упомянуть находки, сделанные при раскопках на территории Петербурга при устье Охты. В исследованном здесь многослойном памятнике наилучшим об-

---

³⁵ Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии... С. 71, 76, 113, рис. 68: 1, 2; 96: 4; 104: 8; Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки... С. 144.

³⁶ Благодарю автора раскопок Е. В. Торопову за любезное сообщение об этих находках.

³⁷ Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки... С. 130–131, табл. 147: 1, 3.

³⁸ Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 24–29.

³⁹ Белецкий С. В. 1) Культурная стратиграфия Пскова (Археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 11, рис. 6: 2, 3, 6, 9, 11, 12, 15, 17; 2) Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 55–56.

⁴⁰ Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. С. 84–109.

разом представлены напластования эпох неолита и нового времени, однако для периода раннего средневековья фиксируется если не постоянное обитание людей на Охтенском мысу, то, по крайней мере, посещение его: здесь найдена бусина прозрачного голубого стекла с белыми и темно-красными крапинками⁴¹.

Заболоченная Приладожская низменность слабо изучена археологически и, возможно, была мало заселена в этот период. Удобные для поселения места начинаются южнее Ладожского озера, по берегам р. Волхов, где история расселения восходит еще к неолиту. Нижнее течение Волхова (от устья реки до Гостинопольских порогов) насыщено раннесредневековыми памятниками⁴², самым ярким и изученным из них является, безусловно, Ладожское поселение⁴³.

Древнейшая порубочная дата для построек Ладоги – 753 год – получена для жилища и настилов, стратиграфически увязанных с границей слоев «бурый гумус II» и «черный гумус» в основании нижнего горизонта культурного слоя на Земляном городище (горизонт ЕЗ)⁴⁴. Поздненендальский облик материальной культуры Ладожского поселения, как и начало формирования культурного слоя до возведения дендродатированных построек, давно отмечены исследователями. В качестве наиболее ранних, как правило, привлекаются несколько находок из ближайших окрестностей поселения⁴⁵.

Наиболее ранней находкой интересующего нас периода является фибула, случайно обнаруженная в урочище Сопки, по-видимому, близ сопки 5-III по В. П. Петренко (т. н. Полая сопка, или «Олегова мо-

---

⁴¹ Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М. Б. Щукину / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 380–381, рис. 3: 4.

⁴² Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб.: Наука, 1994. Рис. 1; Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2: Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 132–143; Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012. С. 49 сл.

⁴³ Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985; Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002; Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Сб. статей памяти О. И. Давидан. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002; Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012 (там же – подробная библиография).

⁴⁴ Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: NOX, 1996. С. 112.

⁴⁵ Мы не будем рассматривать здесь недавно обнаруженную в слое Е2 Земляного городища перекладчатую фибулу III века (см.: Шаров О. В. Перекладчатая фибула из Старой Ладоги // *Stratum plus*. № 5, 2005–2009. С. 216–242), так как ее соотношение с ладожским поселением требует отдельного анализа.

гила»)⁴⁶. Большинство исследователей единодушно относит ее к сер. – вт. пол. VII в.⁴⁷, хотя Э. Кивикоски указывала, что на территории Финляндии такие фибулы получают собственное развитие и бытуют до самого конца эпохи Меровингов (т. е. до конца VIII в.)⁴⁸.

Еще одна безусловно ранняя находка – детали поясной гарнитуры неволинского типа, обнаруженные в трупосожжении № 4 в основании сопки в урочище Победище (курган № 140 из раскопок Н. Е. Бранденбурга)⁴⁹. Неволинская гарнитура – разновидность поясных гарнитур геральдического стиля, характерная для Прикамья (более всего – для бассейна р. Сылвы), где бытовала с конца VII в. до рубежа VIII–IX вв. и использовалась в женских поясах⁵⁰. Неволинские пояса поступали из Прикамья на Балтику: помимо сопки в Победище, они известны в каменном могильнике Оявески в Эстонии, нескольких могильниках эпохи Меровингов в Финляндии, в королевском кургане в Упсале⁵¹. К. Мейнандер подчеркивал, что на территорию Финляндии попадали именно целые пояса: в ингумации в Пеппилянмяки сохранились фрагменты кожаного пояса, накладки на котором расположены в том же порядке, что и на пермских поясах. Однако в памятниках Северо-Восточной Балтики неволинские пояса встречены в мужских захоронениях.

Кроме того, квадратные прорезные бляшки и гладкая серповидная, которые совместно представлены на так наз. «тюркско-аварских поясах» неволинской культуры, найдены на упоминавшемся селище

---

⁴⁶ *Петренко В. П.* Погребальный обряд... С. 89, рис. 4: 2; *Волковицкий А. И.* Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001. С. 56–63.

⁴⁷ *Петренко В. П.* Погребальный обряд... С. 89; *Волковицкий А. И.* Фибула... С. 57–59; *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Pölvamaa, Estland) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 51. Jahrgang 2004. S. 265–266; *Казанский М. М.* Скандинавская меховая... С. 84–85.

⁴⁸ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. 2st ed. Hells., 1973. S. 61.

⁴⁹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. МАР № 18. – СПб.: Типография Гл. упр-я уделов, 1895. С. 18–19, табл. VI: 6, 11, 18, 20; *Петренко В. П.* Погребальный обряд... С. 88, рис. 39: 13–15.

⁵⁰ *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, Курский областной археологич. музей, 1996. С. 86–89; *Голдина Е. В., Голдина Р. Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // *Голдина Е. В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С. 178–179.

⁵¹ *Мейнандер К.* Биармы // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 36–37; *Петренко В. П.* Погребальный обряд... С. 88; *Голдина Е. В., Голдина Р. Д.* «Дальний импорт»... Рис. 41.

Прость у истока Волхова⁵². Важно, что находки деталей неволинской гарнитуры в Восточной Балтике также датируются временем не позднее VIII в.

Из погребения в Полой сопке происходит черешковый двушипный дротик, который В.П. Петренко предложил сопоставить с латвийскими экземплярами⁵³. В типологии М. Атгазиса дротики, сходные с найденным в Ладоге (с едва намеченной профилировкой пера и округлым сечением гладкого утолщающегося в середине черешка) составляют тип В2, датирующийся VIII в.⁵⁴ Подобные ангоны широко распространены также в Финляндии, однако финляндские формы характеризуются граненым сильно удлиненным черенком и сильно профилированным пером⁵⁵. В связи с находкой из Полой сопки следует упомянуть также двушипный наконечник дротика с тордированным черенком (что соответствует типу С1 по М. Атгазису, IX в.), найденный в слое Е2 Земляного городища⁵⁶.

Любопытно, что наконечник дротика с двушипным профилированным пером был найден в могильнике культуры длинных курганов Сууре-Рысна в Юго-Восточной Эстонии. Однако здесь черешок подгранен, что, вместе с формой пера, позволяет относить его, скорее, к финляндским ангонам (к позднему типу так наз. ангонов с плоским пером), датирующимся VIII веком⁵⁷.

Непосредственно с Ладожского поселения происходит известное «навершие с головой Одина», найденное в составе клада кузнечных инструментов, сброшенного в обводную канавку вокруг постройки, дендрохронологически датированной 760-ми гг.⁵⁸, однако типологически гораздо более раннее⁵⁹.

Еще одна важная ранняя находка – двусторонний роговой гребень, обнаруженный в 2013 г. на Земляном городище в заполнении материковой ямы, относящийся к европейским древностям эпохи Меровингов⁶⁰.

---

⁵² Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки... С. 143.

⁵³ Петренко В. П. Погребальный обряд... С. 89, 122, рис. 39: 12.

⁵⁴ Atgāzis M. Dzelzs iedzītņa šķēru gali ar atkarpēm Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. 1974. № 11. Fig. 2–3

⁵⁵ Salmo H. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. Hels.i, 1938. S. 209–217; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari II. The Artefacts. Hels., 1982. Fig. 5.

⁵⁶ Петренко В. П. Погребальный обряд... С. 122; Старая Ладога, древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 101, № 286.

⁵⁷ Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс... С. 149–152.

⁵⁸ Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 60, рис. 23: 11.

⁵⁹ Meinnader C. F. Odin i Staraja Ladoga // Finskt Museum. 1985. Vol. 92. P. 65–67.

⁶⁰ Куртичников А. Н., Курбатов А. В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // Stratum Plus. 2014. № 5. С. 132, рис. 2.

Концом VIII в. датируются два хронологически компактных старорядожских монетных клада. Это клад, найденный в 1892 г. на берегу Волхова близ Старой Ладogi (28 целых и 3 обломка монет отчеканены в 749–786 гг.), и клад, найденный в самом селе в 1875 г. (7 монет, отчеканенных в 748–788 гг.). Вместе с небольшим кладом с острова Форё близ Готланда они составляют группу самых ранних кладов восточного монетного серебра на Балтике⁶¹.

Возможно, временем ранее IX века датируется грунтовый могильник с трупосожжениями, исследованный С. Н. Орловым на левом берегу Волхова юго-восточнее Земляного городища. На площади около 100 кв. м было обнаружено 9 грунтовых ямок с кремированными останками и несколько ям, по-видимому, вырытых позднее. Надежных данных для датировки могильника нет, но в погребении № 2 встречены бусы из синего и зеленого стекла, бронзовая спираль и обломок бляшки-обоймицы, характерной для культуры псковских длинных курганов. Могильник был перекрыт культурным слоем с находками IX в., в т. ч. с исключительно лепной керамикой⁶².

В последние годы получены новые данные о земледельческом освоении Нижнего Поволжья в интересующий нас период. Изучение почв, погребенных под культурным слоем в южной части Старорядожского Земляного городища, выявило сильное антропогенное воздействие на протяжении нескольких веков до начала накопления культурного слоя; радиоуглеродный анализ позволяет датировать формирование пахотного горизонта второй пол. VI–VII в.⁶³ Такая дата начала аграрного

Ср.: *Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. (Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne, 2e édition revue et corrigée). Condé-sur-Noireau, 2006. P. 41, № 324.

⁶¹ *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1910. С. 33, 140; *Седых В. Н.* Северо-Запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов (по археологическим и нумизматическим данным) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной Международной научной конференции / Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2004. С. 186; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 96.

⁶² *Орлов С. Н.* 1) Могильник в старой Ладoge (Из материалов Старорядожской экспедиции Истфака ЛГУ) // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 80. (Серия ист. наук. Вып. 10). С. 116–138; 2) О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладoge // Советская археология. 1960. № 2. С. 251–253.

⁶³ *Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С.* Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. I. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 54; *Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В.* Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (Становление культурного ландшафта) // Русь в IX–

освоения хорошо корреспондирует с данными, полученными для других памятников. Кроме приведенных выше данных по северной части Ладожского озера, можно упомянуть, в частности, сходные результаты спорово-пыльцевого анализа торфяников Приильменья⁶⁴.

Постепенно входящие в научный оборот материалы раскопок Е. А. Рябинина на городище Любша на правом берегу Волхова демонстрируют возможное существование здесь поселения, хронологически предшествующего ладожскому⁶⁵. Раскопками Е. А. Рябинина была установлена многослойность поселения (первые следы заселения мыса относятся к раннему железному веку, в IX в. городище прекращает свое существование); прослежены этапы развития фортификации городища; получена серия радиоуглеродных дат для основных этапов жизни городища (от III–IV вв. до VIII – нач. IX в.). С эпохой раннего средневековья связываются слой черного гумуса, насыщенного ихтиологическими остатками, и перекрывающий его слой серой углистой супеси. Из наиболее ярких находок, встреченных на Любше, исследователь памятника особо отмечал многочисленные находки, связанные с ювелирным ремеслом (ляльки, литейные формочки, сырьевые слитки, шаблоны-маточки), разнотипные височные кольца, подковообразные застежки со спиральными концами, многочисленные железные заклепки. Дополняет перечисленные выше находки прикамской поясной гарнитуры «находка бронзового поясного набора, напоминающего аналогичные изделия Прикамья VI–VII вв.», которую Е. А. Рябинин предположительно связывал с нижним из раннесредневековых слоев⁶⁶.

Исследователи, работавшие с материалами городища, отмечают его архаичность по сравнению с Ладожским поселением. Так, З. А. Львова отметила отличия любшанской коллекции от ладожской, в том числе отсутствие на Любше характерных для нижних слоев Ладоги рубленого бисера и некоторых типов глазчатых бус, в то же время здесь присутствуют бусы, известные в VIII–IX вв. в Прикамье и на Северном Кавказе (желтые многочастные пронизки с продольными валиками, дуговые бусы со следами краски внутри, голубые и желтая четырехгранные

XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 99–100; *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные... С. 131, 134.

⁶⁴ *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии... С. 43–47.

⁶⁵ *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 196–203; *Миляев П. А.* Городище Любша в Нижнем Поволжье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 108–124.

⁶⁶ *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище... С. 200.

бусы из проколотой палочки и др.)⁶⁷. Архаичны на фоне Ладоги технологии изготовления железных изделий⁶⁸. Интересны также результаты анализа керамического комплекса поселения, предпринятого Т. Б. Сениченковой. По ее мнению, набор и процентное соотношение типов лепной раннесредневековой керамики Любши и нижних горизонтов Ладоги идентичны, однако представлены в основном формами, широко распространенными в Восточной Европе, в том числе и в третьей четверти I тыс.⁶⁹. Тот же широкий круг аналогий, связанных, возможно, с южными и юго-западными контактами, предлагает О. А. Щеглова для ряда ювелирных изделий и инструментов с Любши⁷⁰.

Еще один заметный поселенческий центр в Приладожье возникает не позднее второй пол. VIII в. (вероятно, в его третьей четверти), хотя основной период функционирования комплекса памятников относится уже к IX–X вв. Речь идет о поселении у д. Городище на правом берегу р. Сясь, отделенном от нижнего течения Волхова низменным заболоченным Волховско-Сясьским междуречьем. Предложенная исследователями нижняя дата для поселения покоится на находках некоторых бус (в первую очередь центральноевропейских по происхождению цилиндрических черных) и на факте возведения в нач. IX в. на культурном слое селища курганного кургана⁷¹.

Таким образом, на северо-востоке Балтики в середине – третьей четверти I тыс. отчетливо выделяются две культурные зоны: 1) непосредственно «восточнобалтийская», связанная водными путями и развернутая к обширным водным пространствам (Финский залив с его ост-

---

⁶⁷ Львова З. А. Стекланные бусы Любши // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию А.Н. Кирпичникова посвящается / Ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. Т. 1. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 467–478.

⁶⁸ Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Рябинин Е. А., Щеглова О. А. Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 13–48.

⁶⁹ Сениченкова Т. Б. Керамика Любшанского городища // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 256–278.

⁷⁰ Щеглова О. А. 1) Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 135–150; 2) Тисненые изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // Восточная Европа в средневековье: К 80-летию В. В. Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 263–271.

⁷¹ Богуславский О. И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных северо-европейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. С. 101, 106–107.

ровами и побережьем, а также соединенные с ним реками Чудское и Ладожское озера), и 2) «лесная», материковая, ориентированная не столько на Балтику, сколько на регионы, расположенные южнее и юго-западнее. Приблизительную границу между ними, видимо, нужно проводить на расстоянии двух-трех дней пешего пути от побережий заливов и озер.

Материальная культура прибрежной зоны развивалась в результате постоянных устойчивых внутренних контактов (вероятно, в основном водными путями), о чем свидетельствует общность многих форм вещей и определенное сходство в обрядовой (погребальной) практике⁷². Широкое распространение скандинавских древностей в восточной части Балтики неоднократно отмечалось исследователями. Чаще всего оно трактуется как свидетельство ранней скандинавской экспансии – такая точка зрения в целом справедлива, хотя нельзя забывать и о возможности распространения у соседей вещей, обладающих высоким социальным или семиотическим статусом, а скандинавские вещи, по-видимому, им обладали. Не случайно в погребальных памятниках, приуроченных к прибрежным пространствам, наиболее заметные и частые находки – металлические украшения и предметы вооружения, связанные с североевропейским миром.

«Лесной» мир, как уже говорилось, обладал своими особенностями в культуре и хозяйстве, его культурные и экономические связи ориентированы, скорее, на юг, что отчетливо проявляется в импортах, керамическом комплексе, приемах домостроительства и фортификации. Подавляющее большинство импортов здесь связаны с центральноевропейским миром либо восточноевропейской лесостепью. В отличие от прибрежной зоны, в погребениях редки находки оружия и престижных вещей.

Связывающие воедино лесной мир пути с трудом поддаются однозначной реконструкции. Они могли проходить по борovým сухим водораздельным участкам и по руслам рек, в особенности зимой⁷³, и, по всей вероятности, представляли собой локальные трассы, по которым люди и вещи передвигались на небольшие расстояния. Реконструкция даль-

---

⁷² См., напр., *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech...; *Казанский М. М.* Скандинавская меховая...; *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 55–58; *Brisbane M.* Early trading centres of the Baltic: a view from the English coast // Археология Балтийского региона / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мастыковой, А. Н. Хохлова. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 161–166; *Михайлова Е. Р.* Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: Новые материалы // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 176–186; и мн. др. работы.

⁷³ Ср.: *Микляев А. М.* Путь из Варяг в Греки (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тезисы науч. конф. [Т. 4/5]. Новгород, 1992. С. 133–138.

них путей сквозь Северо-Запад в третьей четверти I тыс. требует дополнительного обоснования. С сугубой осторожностью можно рассуждать об археологических свидетельствах для двух возможных трасс.

Летописный «Серегерский» путь, шедший от озера Селигер и в целом от Верхневолжья через Полу и Явонь в сторону Ильмена, для более позднего времени реконструируется довольно уверенно на основании, в том числе, скопления здесь кладов монет, а также короткого, по сравнению с иными возможными путями, волокового участка⁷⁴. Однако его существование можно предположить уже для VI–VII вв.: на карте памятников культуры длинных курганов отчетливо выделяются скопления могильников на верхней Поле и Явони. Они расположены у северо-западного края Валдайской возвышенности между памятниками Селигерского поозерья и памятниками бассейна средней Ловати и, видимо, были связующим звеном между ними⁷⁵.

Наличие еще одного межрегионального пути заставляют предположить рассмотренные выше находки деталей неволинской поясной гарнитуры. Между Прикамьем и Балтикой находки неволинских накладок известны в Белозерье, в бассейне притока Шексны р. Андоги. Здесь многочисленные детали неволинской гарнитуры встречены в комплексах VII–VIII вв. памятников Черный Ручей и Ступолохта, вместе с некоторыми другими прикамскими и раннеболгарскими вещами⁷⁶. Восстановить трассу движения неволинской поясной гарнитуры точнее, чем «Прикамье – Белозерье – Ладожское озеро – Финский залив» сейчас невозможно, но само ее существование несомненно.

Кроме наборных поясов, из Прикамья на Северо-Запад могли поступать сасанидские драхмы, долго, до конца VIII в. находившиеся в этом регионе в обращении⁷⁷.

Ни «прибрежный», ни «лесной» мир, условно выделяемые здесь, не были монолитны – напротив, каждый из них представлял собой пеструю мозаику различных традиций и укладов, сходных лишь в основных чертах или при сопоставлении с удаленными регионами. Сложное взаимодействие этих традиций и составляет историю Восточной Балтики и Северо-Запада Восточной Европы в V–VIII вв.

Ключевое положение здесь занимают два небольших региона начального градообразования, расположенных в культурном пограничье,

---

⁷⁴ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII – X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 106; Булкин В. А., Герд А. С. Очерк древнейшей истории... С. 251–264.

⁷⁵ Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс... Карта 2.

⁷⁶ Кудряшов А. В. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 300–302, 304, рис. 2.

⁷⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 99–100.

где происходили наиболее интенсивные и налаженные контакты «морского» и «лесного» миров – Нижнее Поволховье и Нижнее Повеличье. Здесь сформировались не-аграрные поселения, специализирующиеся на обмене в самых разных его формах: торговле, обмене технологиями, трансформации и передаче культурных влияний («протогорода», по определению В. В. Седова⁷⁸). В культуре и Ладоги, и Пскова с самого начала ощутимо наличие нескольких культурных традиций, оба поселения стоят несколько особняком среди памятников Северо-Запада, демонстрируя особый характер своей культуры, несводимый к сумме окрестных древностей. Любопытно структурно-географическое сходство: будучи центрами хорошо освоенной, чуть обособленной округи, и Ладога, и Псков расположены недалеко от устья крупной реки, впадающей с юга в огромное озеро, по которому можно двигаться дальше в нескольких направлениях.

Эпоха викингов

Эпоха викингов на северо-западе Восточной Европы и происходящее в это же время становление раннего русского государства изучены гораздо подробнее предшествующих периодов⁷⁹. В рассматриваемом здесь регионе важнейшими памятниками эпохи являются крупные поселенческие центры Поволховья (Ладога, Новгородское Городище и Новгород) и Причудья (Псков, Изборск). Ряд авторов ставит в один ряд с перечисленными городами также комплекс памятников в районе д. Городище в нижнем течении р. Сяси, отождествляя его с Алаборгом саг⁸⁰, однако материал, происходящий из частично разрушенного па-

---

⁷⁸ Седов В. В. Начало городов на Руси // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1: Пленарные доклады. М., 1987. С. 12–31.

⁷⁹ Вот только наиболее крупные труды последних лет, содержащие подробную библиографию: Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005; Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010; Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012; Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012; Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum Plus*. 2014. № 5 (Люди и вещи Древней Руси). С. 45–87; Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015.

⁸⁰ Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера (Историография и источниковедение). Межвузовский сборник / Отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск: ПетрГУ, 1989. С. 128–

мятника, довольно скромн. Проанализировав комплекс лепной керамики поселения на Сяси, О. И. Богуславский отметил, что ему «не было присуще многообразие составляющих его культурных компонентов», что, в свою очередь, плохо согласуется с образом крупного транзитного центра международной торговли⁸¹.

В настоящей работе мы сосредоточимся не на формировании крупных торговых путей и археологии ранних городских центров, а на культурных процессах, протекавших в это время на прибрежных территориях Финского залива. Отмечу здесь лишь некоторые выразительные изменения в материальной культуре эпохи викингов / раннего древнерусского времени на Северо-Западе. В первую очередь обращает на себя внимание рост числа памятников и взрывной рост числа находок из металла и стекла, начало широкого распространения в «материковых» районах североευропейских вещей (оружия, гребней, некоторых типов украшений). На рубеже VIII–IX вв. начинается обращение монетного серебра, что отмечено находками монетных кладов и отдельных монет, а также широким распространением весов и гирек-разновесов, не встречавшихся ранее. Изменяется набор стеклянных бус (распространяются бусы новых типов и других цветов), причем картирование бус, массово представленных на старолadoжском Земляном городище, позволяет предположить их распространение на Северо-Запад Восточной Европы с севера, через Готланд и Скандинавию⁸².

Памятники и комплексы, узко датированные IX веком (т. н. ранней эпохой викингов), на Северо-Западе немногочисленны по сравнению с объектами X–XI вв., что уже неоднократно отмечалось исследователями и, по-видимому, не столько отражает степень изученности, сколько действительно характеризует археологический материал. Впрочем, за пределами Ладоги с ее дендродатированными слоями «археологический IX век» обычно определяется по наличию в памятниках

145; *Богуславский О. И., Мачинская А. Д.* Сясьское городище и поселения Нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С. 117–122; *Джаксон Т. Н.* Austr i Gördum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 77–81; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов... С. 496.

⁸¹ *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у деревни Городище на р. Сяси в системе синхронных древностей (вопросы анализа керамического комплекса) // Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Сакса. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 34.

⁸² *Львова З. А.* 1) Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 91–94, рис. 5, 6; 2) К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X – начала XI века в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Т. 18. Л., 1977. С. 106–109.

исключительно лепной керамики, что объединяет календарный IX век с началом X-го (гончарный круг и изготовленная на нем керамика распространяются на Северо-Западе Восточной Европы со второй четверти X в.⁸³).

Конец эпохи викингов на Северо-Западе Восточной Европы отмечен важными культурными и политическими изменениями. В течение XI века происходит смена погребального обряда: на смену кремациям приходят ингумации (вероятно, как христианские захоронения). Одновременно в городах средневековой Руси окончательно вырабатываются типы украшений и бытовых предметов, которые станут определяющими для средневековой русской культуры на значительной территории Восточной Европы⁸⁴. Распространение средневековой русской культуры сnivelировало местные культурные особенности, хорошо заметные на материалах предшествующих эпох. Важно подчеркнуть, что культурные изменения не были связаны со сменой населения, речь идет о распространении культуры сложившегося Русского государства и наступлении новой исторической эпохи.

Что же известно в это время на территориях, примыкающих к Финскому заливу?

В первую очередь это серия кладов серебряных монет, встреченных в основном близ побережья Финского залива, Чудского и Ладожского озер, а также в окрестностях Старой Ладogi⁸⁵.

На северном берегу залива и Карельском перешейке (вплоть до Невы) исследователи отмечают несвязанность памятников эпохи викингов с поселенческими центрами предшествующего времени. Большинство памятников IX–XI вв. – это отдельные могилы (чаще мужчин с оружием) и случайные находки предметов вооружения и украшений⁸⁶.

---

⁸³ *Рябинин Е. А.* Новые открытия... С. 37; *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов Северной Руси X – начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 94, 108.

⁸⁴ См., напр.: *Седов В. В.* Древнерусская народность... С. 214–219.

⁸⁵ *Марков А. К.* Топография кладов... С. 30–34, 36–37, 58–60; *Потин В. М.* 1) Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. 1967. Вып. XIX. С. 106–194; 2) Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. / Ред. Н. Е. Носов, И. П. Шаскольский. Л.: Наука, 1970. С. 64–80; *Носов Е. Н.* Нумизматические данные... С. 95–110; *Седых В. Н.* Северо-Запад России... С. 194–211; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов... С. 424–425; *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 62–75; и др. работы.

⁸⁶ *Кочуркина С. И.* Археологические памятники корелы X–XV вв. Л.: Наука, 1981; *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских культурных связей (Историко-археологические очерки). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 67 сл.; *Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантери Л.* Мечи средневековой

Почти все известные захоронения представляют собой кремации на каменных вымостках, которые в литературе принято сопоставлять с погребальными традициями западных финнов; особняком среди этих памятников стоят каменные курганы с кремациями XI в., исследованные Э. Кивикоски близ п. Хелюля в Северном Приладожье⁸⁷. Из погребений эпохи викингов следует упомянуть комплексы в Куркийоки–Лопотти, Валкярви–Уосуккала, Метсяпиртти–Коуконниemi, Саккола–Лапинлахти (Наскалинмяки и Хеннонмяки) и др. Наиболее ранними из них являются могилы в Лопотти и Уосуккала.

Погребение в Куркийоки–Лопотти представляло собой коллективную кремацию на вымостке из камней. Облик вещей столь выразителен, что некоторые исследователи считают погребение в Лопотти скандинавским либо связанным с западнофинской традицией, где скандинавское влияние также очень сильно. Здесь собраны согнутый пополам меч типа Н-1 по Я. Петерсену, перекрестье другого меча (вероятно, также типа Н-1), три втульчатых ланцетовидных наконечника копий, топор с прямой верхней гранью и парой щекавиц внизу, металлическая рукоять плети с привесками, трехчастные кольчатые удила, два ажурных биметаллических кресала, накладки в виде змей, парные скорлупообразные, круглые и крупная пластинчатая арбалетная фибулы, пара ладьевидных и пара спиральных браслетов, ложновитая гривна, привеска-гребешок, стеклянные бусы и др. Основываясь на типологии оружия и аналогиях находкам (в том числе датирующихся не ранее X века – ланцетовидное копье с граненой втулкой, накладки в виде змей), погребение можно датировать первой половиной X века⁸⁸.

Аналогичный комплекс – кремация на каменной вымостке с набором скандинавского оружия первой пол. X в. был обнаружен также в д. Уосуккала на Вуоксе. Здесь были найдены меч, два наконечника стрел и топор тех же типов, что в Лопотти; примечательно, что меч был вертикально воткнут между камнями⁸⁹.

Среди отдельных находок обращает на себя внимание скопление обломков украшений (от не менее восьми ладьевидных браслетов и

Карелии // Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. Доклад Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Сакса. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 48–50; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 62–75.

⁸⁷ Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 74–75.

⁸⁸ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы... С. 18–19; *Uino P. Ancient Karelia...* P. 115; *Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантери Л.* Мечи средневековой Карелии... С. 48–49; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 62–68, рис. 12.

⁸⁹ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы... С. 14; *Uino P. Ancient Karelia...* P. 341, 377; *Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантери Л.* Мечи средневековой Карелии... С. 49; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 68–69.

двух витых гривен) в д. Уннункоски (ныне п. Горы) в нижнем течении Вуоксы. Все эти вещи были собраны на некогда заболоченном поле, что позволяет считать их так наз. болотной находкой⁹⁰.

На морских островах к эпохе викингов относится известное погребение на о. Эссаари в Выборгском заливе. Это еще одна кремация X в. на вымостке из камней, сопровождавшаяся ланцетовидным наконечником копья, поясными накладками, ножом, кресалом и оселком⁹¹. Интересно, что в южной части того же острова Эссаари А. В. Субботиным были обнаружены многочисленные (около двухсот) прямоугольные и овальные в плане каменные кучи; при раскопках нескольких из них были обнаружены обожженные косточки, угли, пепел и включения черного тлена⁹². Точная культурно-хронологическая характеристика этих и других выявленных по берегам Выборгского залива каменных сложений пока невозможна, следует упомянуть только о находке В. А. Тюленевым пережженных человеческих костей и черешкового наконечника стрелы при раскопках сходной каменной конструкции на северном берегу залива⁹³.

Южнее Ладожского озера, между Невой и Волховом, известно погребение близ д. Мучихино Кировского района, предполагаемое по случайным находкам, – возможно, единый комплекс второй пол. X – нач. XI в.⁹⁴. Здесь представлены те же предметы, что и в рассмотренных выше погребениях Карельского перешейка: втульчатый ланцетовидный наконечник копья, два топора с прямой верхней гранью и щекавицами внизу, кольчатые трехчастные удила, а также калачевидное кресало с язычком, подковообразная застежка с так наз. гвоздевидными головками и нож. Сведений о погребальном обряде нет, но можно предположить, что погребение в Мучихино могло быть похоже на более поздние могильники у д. Кирсино, расположенные несколько западнее.

Для кирсинских могильников характерны ингумации в пристроенных друг к другу оградках из валунов, перекрытые слоем грунта незначительной мощности. Могильник Кирсино 2 датируется концом XI–

---

⁹⁰ Nordman С. А. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors, 1924. S. 100; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 70.

⁹¹ Nordman С. А. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors, 1924. S. 101; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 73.

⁹² Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. / Под ред. А. Н. Кирпичникова и Е. А. Рябиной. СПб.: Наука, 1992. С. 68, рис. 3, 4.

⁹³ Лапшин В. А. Археологическая карта... С. 157.

⁹⁴ Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А. Новые средневековые находки в Южном Приладожье // Археологическое наследия Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Ред. П. Е. Сорокин. СПб., 2008. С. 151–155, рис. 2.

XII в., в его погребениях встречены овалы выпуклые «карельские» фибулы, подковообразные застёжки (в т. ч. с гвоздевидными головками), цепи и двуспиральный цепедержатель, наконечники копья и стрел, топоры, коса, серпы и др. Могильник Кирсино 1 также датируется XII в., из находок здесь упомянем мечи (типов III и V по А. Н. Кирпичникову), наконечники копий, сулиц и стрел, топоры, овалы выпуклые фибулы, подковообразные застёжки, цепи с цепедержателями, привески, косы. Автор раскопок сопоставляет эти могильники с ранними ингумациями на Ижорском плато и разрушенными погребениями XII–XIII вв. бассейна Невы⁹⁵.

Ижорское плато представляет собой наиболее сложный для изучения регион, где непосредственно взаимодействовали несколько культурных традиций. Памятники с материалами эпохи викингов известны здесь уже довольно давно, однако исследования последних лет пополнили наши знания. Уверенно с периодом IX–XI вв. здесь можно связывать погребения по обряду трупосожжения, с нач. XII в. ведущим погребальным обрядом становятся ингумации⁹⁶.

С дальнейшим развитием местных традиций Ижорской возвышенности связывается могильник Ратчино⁹⁷. Частично разрушенный могильник из нескольких низких курганов содержал кремации конца X–XI в. и ингумации на горизонте XI–XII вв.; здесь же были обнаружены следы разрушенных погребений римского времени. С кремациями связываются, в частности, находки спиральных браслетов, массивной подковообразной застёжки с подгранеными головками, втульчатого ланцетовидного наконечника копья и черешковых наконечников стрел (ромбических и иволистного). Вместе с этими вещами собраны фрагменты лепной посуды типов, наиболее характерных для территории Эстонии, но встречающихся также и в Финляндии. Интересен комплекс предметов, происходящих из женской ингумации конца XI в. (погребение 1 в кургане 4), разрушенной уже в XII в. более поздними захо-

---

⁹⁵ *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Ред. П. Е. Сорокин. СПб., 2008. С. 91–113; *Сорокин П. Е., Певнева М. В.* Изучение ижорского могильника Кирсино 2 // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д. А. Мачинского: По материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 305–317.

⁹⁶ *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Межвуз. сборник / Под ред. Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 65–69; *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 83–90.

⁹⁷ *Стасюк И. В.* Население Ижорской возвышенности... С. 72–82.

ронениями. К нему относятся пара выпуклых овальных фибул, фрагменты цепи с двумя Ф-образными цепедержателями, бронзовая цепочка с двумя двуспиральными булавками, шесть витых трехпроводных обрубленноконечных браслетов, привеска-конек, широкосрединный перстень и пружинные ножницы. Этот комплекс по своему составу напоминает уже цитировавшиеся погребения в Лопотти и Кирсино. Помимо вещей общебалтийского облика, в ратчинских ингумациях XII в. встречены вещи, характерные для сложившейся древнерусской культуры Северо-Запада, в том числе и круговая керамика.

Могильники, подобные ратчинскому, исследованы вокруг Чудского озера. Таковы, в частности, могильник Ёбуга в Северном Причудье и могильник Залахтовье на берегу залива Лахта (Теплого). На рубеже I–II тыс. кремации постепенно сменяются здесь подкурганскими ингумациями, в погребениях широко представлены вещи североевропейского и общеприбалтийского облика, многочисленны находки оружия⁹⁸. На самой Ижорской возвышенности, возможно, аналогичный могильник располагался на окраине пос. Ополье⁹⁹.

Поселенческим памятником той же традиции является городище в урочище Втырка (Пиллово-2) на западном краю Ижорского плато¹⁰⁰. В разведочном раскопе на городище выявлено два этапа жизни на поселении: поздний относится к эпохе викингов и представлен несколькими последовательными стратиграфическими слоями, в том числе горизонтами нескольких пожаров. Соответствующий вещевой материал в основном представлен типами, широко датирующимися в пределах второй половины I тыс. – начала II тыс. Такие находки, как полихромная и голубая почти кубическая бусины, заклепки, бронебойная стрела типа 77 по А. Ф. Медведеву, нож в технике трехслойного пакета, фрагмент браслета с зооморфным окончанием позволяют отнести формирование этого стратиграфического комплекса к X–XI вв. Керамика из верхних слоев находит наиболее точные соответствия на синхронных городищах

---

⁹⁸ *Ligi P. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajandil). (Muinasaja teadus, 2). Tallinn, 1993. Lk. 7–152; Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004.*

⁹⁹ *Стасюк И. В. Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: Сб. научных статей. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 3–24.*

¹⁰⁰ *Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии... С. 183–184; Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 61-го заседания (в печати).*

Северной Эстонии, единичные находки такой керамики известны также на Северо-Западе Восточной Европы и в Юго-Западной Финляндии¹⁰¹.

Одновременно этим памятникам группа могильников с грунтовыми кремациями X–XI вв., исследованных на берегах р. Нарвы в районе Омутских порогов (Кунигакюла, Ольгин Крест, Скарятина, Криуши), близких по обряду и набору вещей синхронным могильникам на территории Эстонии¹⁰². Кремации сопровождалась находками оружия упоминавшихся ранее типов: топорами с прямой верхней гранью и нижними щекавицами, втульчатыми ланцетовидными наконечниками копий. В могильнике Криуши были найдены серебряные арабские монеты X в. В последующие столетия эти могильники функционируют как типичные средневековые курганные кладбища с ингумациями.

Одновременно в течение X–XI вв. на Ижорской возвышенности появляются памятники, демонстрирующие постепенное распространение сюда древнерусской культуры (которая, напомним, в это время тоже насыщена североевропейскими вещами). С уверенностью к эпохе викингов можно отнести некоторые погребения с кремациями, распавшиеся на Ижорском плато в нач. XX в. (Большие Озертицы, Дятлицы, возможно, Вруда) и сопровождавшиеся выразительными вещевыми находками¹⁰³. Наиболее интересны материалы Вырицкого могильника, расположенного юго-восточнее Ижорской возвышенности как таковой, демонстрирующие несомненное сходство с материалами курганов Юго-Восточного Приладожья¹⁰⁴.

Таким образом, в конце 1 тыс. граница между «морским» и «лесным» мирами постепенно размывается, причем это выражается не толь-

---

¹⁰¹ Lang V. Muistne Rävola: muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II (Muinasaja teadus, 4). Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1996. Jn. 24–29; Tvauri A. The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia (Estonian archaeology, 4). – Tartu: Tartu University Press, 2012. P. 69–76; Плохов А. В. 1) Контакты населения Старой Ладogi с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 163–187; 2) К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks / Toim. Ü. Tamla, V. Lang. (Muinasaja teadus, 25). Tallinn: Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut; Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arkeoloogia instituut, 2014. Lk. 231–245.

¹⁰² Ligi P. Vadjapärased kalmed... Lk. 23–24.

¹⁰³ Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской... С. 5, 74; Стасюк И. В. Могильник у поселка Ополье... С. 6; Соболев В. Ю. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // Stratum Plus. 2014. № 5. С. 287–295.

¹⁰⁴ Лесман Ю. М. Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследия Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Ред. П. Е. Сорокин. СПб., 2008. С. 33–74.

ко в формировании и функционировании сквозного пути с Балтики к Ильменю, но и в ряде региональных процессов, происходящих на стыке обеих выделенных ранее зон: в постепенном заселении с востока территории Ижорского плато, в сложении своеобразных культурных регионов по берегам Чудского озера, к северу и юго-востоку от Ладожского, в дальнейшем развитии городских центров, рядом с которыми заканчивалось морское пространство Восточной Балтики и за порогами начинались речные пути. Город Ладогу как место смены кораблей перед порогами упоминают уже скандинавские саги, описывая события XI века¹⁰⁵, однако похожие условия были и на Великой, и на Луге¹⁰⁶.

В глубине материка, на скрещении речных путей, в эпоху викингов возникает новый городской центр – Новгород, который сумел поставить под свой контроль обширные лесные территории и стал центром огромной Новгородской земли¹⁰⁷. Сформировавшиеся трансконтинентальные пути, сместившиеся к Ильменю, наряду с эксплуатацией лесных пространств, стали для Новгорода «начальным капиталом».

---

¹⁰⁵ Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. (Сост.) Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1987. С. 81, 87.

¹⁰⁶ Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение... С. 14–23.

¹⁰⁷ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина / Ред. А. А. Гиппиус. М.: Русские словари, 1999. С. 157–170; Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 542.

Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ РУССЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Старая Русса, до конца 1530-х годов именовавшаяся в источниках как «Руса», впервые появляется на страницах Новгородской первой летописи лишь под 1167/1168 годом («...а Святослав приде съ суждалицы и с братама и с смолянны и с полоцаны к Русе...»)¹, как уже, несомненно, существующий город Новгородской земли. Созвучие его названия с топонимом и хоронимом «русь», помноженное на фрагментарность письменных источников, приводило и приводит к самым противоречивым выводам относительно роли этого центра в ранней истории Древнерусского государства. Специалисты по ономастике аргументированно отвергают наличие этимологической связи между топонимом «Руса» и этнонимом/хоронимом «Русь». Опуская всю цепочку рассуждений, кратко их мнение можно суммировать следующим образом: «название города Русса идет от бывшего имени реки Порусьи – Русса, которое, в свою очередь, является древнебалтийским и расшифровывается как “Красная река”»². В связи с тем, что сведения письменных источников относительно Русы немногочисленны и не содержат информации о времени возникновения города, единственным путем изучения его ранней истории является комплексный анализ археологических материалов.

Руса упоминается в новгородской берестяной грамоте № 526, датируемой второй третью XI века: «На Бояне в Русе гривна, на Житобуде в Русе 13 кун и гривна истине...»³. Материалы многолетних археологических раскопок в Старой Руссе, как будет показано далее, свидетельствуют о возникновении здесь поселения на рубеже X–XI вв. В настоящее время важнейшими исследовательскими вопросами остаются: хронология возникновения средневекового поселения на месте совре-

---

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 32. (Полное собрание русских летописей. Т. III).

² Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В. Старая Русса. Тайны имени древнего города. М.: Мельгир, 2002.

³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 241.

менной Старой Руссы, его характер, локализация и топография первоначального ядра поселения. Связано ли возникновение этого центра со средневековыми трансконтинентальными водными торговыми путями? Возникла ли Руса как центр сельской округи или она была основана изначально как торгово-ремесленное поселение? Ответы на эти вопросы являются важными не только для изучения ранней истории Русы, но и для рассмотрения проблемы возникновения древнерусских городов в целом.

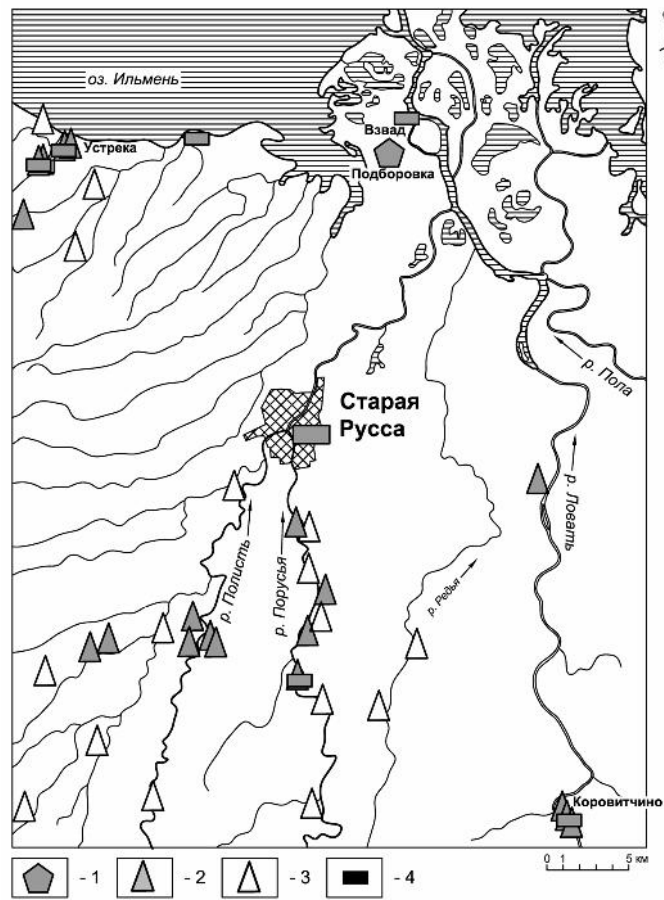

Рис. 1. Археологические памятники рубежа I–II тысячелетий в окрестностях Старой Руссы:

- 1 – клад дирхемов конца X в.;
- 2 – погребальные насыпи;
- 3 – несохранившиеся погребальные насыпи;
- 4 – поселения.

На каком же фоне происходит возникновение средневековой Русы? Обратимся к карте известных археологических памятников рубежа I–II тысячелетий н. э. в окрестностях Старой Руссы (рис. 1). Очевидно, что поселение, ставшее впоследствии городом, возникло в низовьях р. Порусьи, вблизи ее впадения в р. Полисть, в стороне от главных раннесредневековых торговых путей, проходивших по рекам Ловать и Пола. В ближайшей округе Русы нет кладов арабского серебра, являющихся важнейшим маркером торговых путей Эпохи Викингов. Единственный такой клад в данном микрорегионе, датируемый концом X в., был найден в д. Подборовка, расположенной в 19 км к северу от Старой Руссы, неподалеку от места впадения р. Ловать в оз. Ильмень⁴. Ряд скандинавских находок был обнаружен на территории древнерусского некрополя в устье р. Псижи, у современной д. Устрека (в 23 км к северо-западу от Старой Руссы). В X–XI вв. здесь находилось крупное поселение, связанное с обслуживанием водного пути по озеру и сухопутного вдоль его берега. Устье Псижи, при этом, было единственным местом, где корабли могли укрыться от непогоды⁵.

Наиболее крупные скопления памятников этого же периода, представленные сопками и синхронными им поселениями, также связаны с бассейнами Ловати и Пола и расположены на значительном удалении от Русы (на Ловати – выше д. Коровитчино). Ближайшие же к Старой Руссе памятники рубежа I–II тыс. н. э. на берегах Полисти, Порусьи и их притоков, находятся южнее города. Руса занимает периферийное положение по отношению к этим сгусткам. Полное отсутствие известных пунктов с сопками к северу от города, ниже по течению Полисти, объясняется, прежде всего, ландшафтными особенностями этой территории, где доминируют обширные низменные, затапливаемые пространства, малопригодные для раннесредневекового земледелия. В целом кажется очевидным, что формирование поселенческих структур

---

⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 91, 147.

⁵ Еришевский Б. Д., Конецкий В. Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 61–65; Торопов С. Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекции Новгородского музея // Археологические вести. Вып. 20. СПб.: «Арт-Экспресс», 2014. С. 247–248; Toropov S. E. Stray finds of Scandinavian origin and Viking hoards in the lake Il'men area near Novgorod the Great: topography and composition // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regard croises sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings a la Rous ancienne. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 276–277.

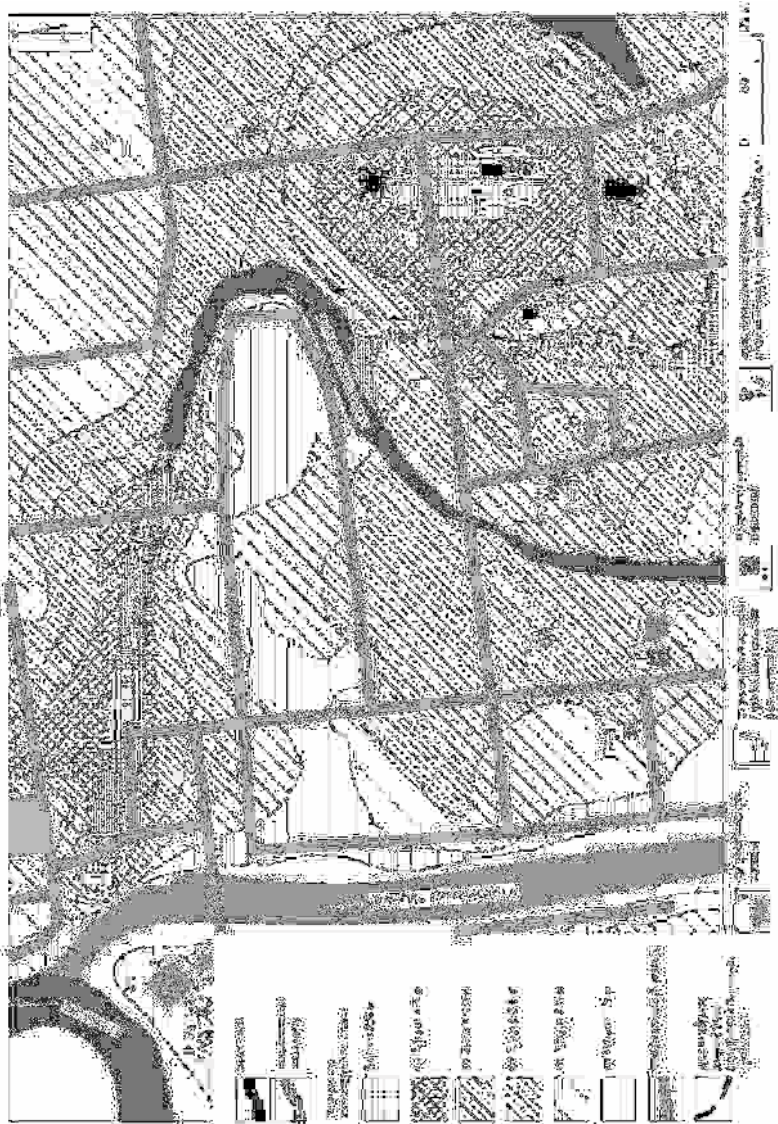

Рис. 2. Древнейшее ядро средневековой Руси. Схема мощности культурных напластований и расположения археологических раскопов

Подписи к рис. 2

Археологические раскопы:

Р. № 1-3 – раскопы № 1, № 2, № 3 (1939); **Р-I** – Раскоп I (1966–1967); **Р-II** – Раскоп II (1967); **Р-III** – Раскоп III (1967); **Р-IV** – Раскоп IV (1967); **Р-V** – Раскоп V (1967); **Р-VII** – Раскоп VII (1967–1968); **Р-VIII** – Раскоп VIII (1968); **Р-IX** – Раскоп IX (1969); **Р-X** – Раскоп X (1969–1970); **Р-XI** – Раскоп XI (1970–1971); **Р-XII** – Раскоп XII (1971–1974); **Р-XIII** – Раскоп XIII (1972); **Р-XIV** – Раскоп XIV (1976–1977); **Р-XV** – Раскоп XV (1978–1987); **Р-XVII** – Раскоп XVII (1990); **БГР** – Борисоглебский (XVI) раскоп (1988–2001); **ПТР-I** – Пятницкий-I раскоп (2002–2012); **ГР-I** – Георгиевский-I раскоп (2002); **ГР-II** – Георгиевский-II раскоп (2006); **ППР** – Петропавловский раскоп (2007); **ГР-III** – Георгиевский-III раскоп (2011); **ПТР-II** – Пятницкий-II раскоп (начат в 2013).

Существующие храмы:

1 – Воскресенский собор; **2** – церкви св. Георгия и Благовещения; **3** – ц. св. Николая.

Утраченные храмы:

4 – собор св. Бориса и Глеба; **5** – ц. Ильи Пророка и ц. Архангела Михаила; **6** – ц. св. Параскевы Пятницы; **7** – ц. св. Петра и Павла; **8** – ц. св. Анастасии; **9** – церкви Иоанна Предтечи и Покрова Богородицы

эпохи сопок по Полисти и Порусье связано с «классической» земледельческой колонизацией. Руса не является средоточием этой системы и, на наш взгляд, появление здесь древнерусского города нельзя рассматривать как результат формирования центра земледельческой округи.

Планомерные археологические раскопки в Старой Руссе продолжаются с 1966 г. За 50 лет накоплен внушительный объем информации о мощности и границах распространения культурного слоя⁶, который дает возможность убедительно указать на место древнейшего поселения. Вероятнее всего, это территория (площадью приблизительно 9 га) между современным курортом с источниками минеральной воды и церковью св. Николая, с запада и юга ограниченная несуществующим ныне соленым ручьем⁷. Максимальная мощность культурного слоя здесь достигает 6 м.

С 1967 по 2012 гг. на этой территории изучено одиннадцать участков, древнейшие средневековые слои которых исследователи осторожно относят к рубежу X–XI вв. (рис. 2). При анализе материалов этих раскопок следует учитывать некоторые общие наблюдения. Во-первых, это результат работы трех поколений исследователей. Семь участков (раскопы VII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV) изучены в 1966–1978 гг. экспедицией А. Ф. Медведева. Один участок (раскоп XV) – в 1985–1987 гг. экспедицией В. Г. Мироновой⁸. Исследования на трех участках (Борисоглебский (XVI)⁹, Петропавловский и Пятницкий-I раскопы) проводились в 1999–2012 гг. экспедицией Новгородского государственного университета (НовГУ) под руководством Е. В. Тороповой. Все это не могло не сказаться на хронологической интерпретации полученных материалов, в том числе в связи с существенными различиями в используемых методических подходах.

Во-вторых, главными датировочными методами для А. Ф. Медведева и В. Г. Мироновой являлись анализ керамического материала, соотносимого с классификацией керамики Новгорода по Г. П. Смирновой

---

⁶ Торопова Е. В., Воронков И. А. Модель распространения и мощности культурного слоя Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 63. С. 66–70.

⁷ Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Воронков И. А. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности, Великий Новгород, 24–26 янв. 2012. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 178–192.

⁸ Работы на раскопе XV были начаты в 1978 г. А. Ф. Медведевым. В том же году раскоп был законсервирован. Исследования были возобновлены в 1985 г. В. Г. Мироновой.

⁹ В 1988–1998 гг. исследования на раскопе XVI велись В. Г. Мироновой, с 1999 г. – Е. В. Тороповой (раскоп получил название «Борисоглебский (XVI)»).

(была постоянным участником и соавтором работ А. Ф. Медведева) и поиск датированных аналогий (также, главным образом, новгородских) вещевому материалу. Говоря об анализе керамической коллекции, заметим, что ни в одном отчете А. Ф. Медведева и В. Г. Мироновой не упоминаются находки лепной керамики, являющейся индикатором напластований X в.

В-третьих, особенностью работ А. Ф. Медведева и В. Г. Мироновой являлась явная недооценка метода дендрохронологического датирования. Несмотря на то, что в отчетах и архивных материалах содержится информация о том, что отбор спилов производился (суммарно 139 пригодных для анализа), полученные результаты не могут быть полноценно использованы для решения проблемы хронологии ранней Руси. Судя по монографии Н. Б. Черных, были датированы всего 65 образцов, при этом количество опубликованных дендродатировок минимально (они буквально единичны). Единственными датами, применимыми для хронологической трактовки древнейших напластований, являются даты трех бревен 11-го яруса «Борисоглебской улицы», срубленных в 1042–1044 гг. (раскоп XV, работы В. Г. Мироновой)¹⁰. Синхронизация сооружений производилась, главным образом, на основе стратиграфического соотнесения. В связи с этим одной из стратегических целей исследований нашей экспедиции изначально стало формирование эталонной древесно-кольцевой шкалы строительного дерева Старой Руссы. В настоящее время такая шкала, разработанная О. А. Тарабардиной, охватывает период с 870 по 1431 гг. (наиболее ранний образец датируется 1023 г.) и включает около 350 датированных образцов¹¹.

Обратимся теперь к рассмотрению материалов конкретных раскопов. Три смежных участка (раскопы XI, XIII, XIV) были изучены в 1970–1977 гг. в южной части исторического ядра Руси, к югу от современного переулка Дубровина. Общая исследованная площадь составила 668 кв. м, мощность культурного слоя – 3,8–4 м. Опираясь на керамический материал, исследователь датировал нижние слои XI раскопа второй половиной XI – началом XII в.¹² Древнейший ярус уличной мосто-

---

¹⁰ Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996. С. 99–100.

¹¹ На 2011 г. – более 270 образцов. См.: Тарабардина О. А. Новгород и Старая Русса: дендрохронология средневековых городов Северо-Западной Руси // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.: Великий Новгород, 2011. С. 192.

¹² Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в г. Старая Русса в 1970–1971 гг. Раскоп XI на Пушкинский улице // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 5126; Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1970–1971 гг. [Раскоп XI] (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 69.

вой на смежном XIII раскопе в полевом отчете был отнесен к концу XI в.¹³ (при этом в краткой публикации исследователь говорил о середине XI столетия¹⁴). Хронология древнейших слоев XIV раскопа, примыкавшего к предыдущим с юга, также не является однозначной. В полевом отчете А. Ф. Медведев определяет датировку нижних пластов следующим образом: «...дата слоя по керамике, позолоченным бусам, типичным для XI в., шиферному пряслицу – XI век и, по всей вероятности, первая его половина»¹⁵. Позднее исследователь гипотетически допускал возможность датировать их X столетием («с первой половины XI в. (если не с X в.) здесь находилась большая усадьба...»¹⁶). Напомним, все эти рассуждения не основываются на дендрохронологических датах.

Следующие интересующие нас участки расположены в западной части рассматриваемой территории. В 1967–1969 гг. А. Ф. Медведевым здесь были исследованы два смежных раскопа (VII и IX) общей площадью 136 кв. м, при мощности культурных напластований в 4,1–4,2 м. Отметим, что, начиная работы на этом участке и исходя из его расположения на краю склона выраженного холма, А. Ф. Медведев предполагал найти здесь остатки городских укреплений. Результаты раскопок опровергли эти ожидания: было зафиксировано, что холм является результатом накопления культурного слоя, а древнейшие напластования, «судя по материалам раскопок, относятся к первой половине XI века (а, возможно, к концу X)»¹⁷. Из ранних находок следует отметить фрагмент (вероятно) подвески (рис. 3), напоминающей, по своей орнаментике, маленькую круглую скандинавскую фибулу, близкую к фибулам типа

---

¹³ *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1972 г. Раскоп XIII // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 5217; *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1972 году. Раскоп XIII (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28. Л. 86.

¹⁴ *Медведев А. Ф.* Раскопки в Старой Руссе // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 25.

¹⁵ *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе. 1976–1977 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 6613; *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1976–1977 годах. Раскоп XIV (во дворе дома № 71 по Минеральной ул.) (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 46.

¹⁶ *Медведев А. Ф.* Усадьба ростовщика и ювелира в Старой Руссе // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 23.

¹⁷ *Медведев А. Ф.* Отчет о раскопках в Старой Руссе в 1968 г. Раскопы VII–VIII // Архив ИА РАН, Р-1, № 6206; *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1968 году. Раскоп VII (на Пушкинской улице). Раскоп VIII (на улице Красных Командиров). 1976 (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.

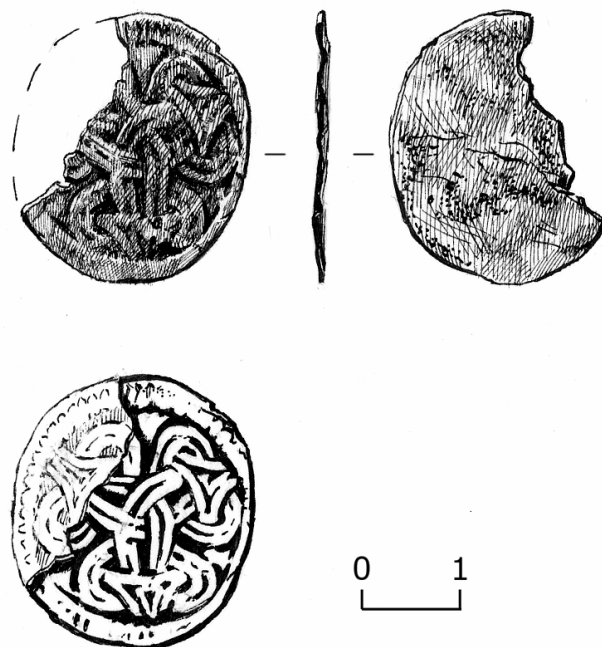

Рис. 3. Раскоп VII (1968). Подвеска (?), цветной металл.

Шд по классификации Ингмара Янссона, датируемым X в. (погребение 431 могильника Бирки)¹⁸.

В 2007 г., к западу от раскопов А. Ф. Медведева, непосредственно на склоне, экспедицией Новгородского университета были начаты спасательные работы на Петропавловском раскопе. В связи с прекращением финансирования, он был законсервирован на уровне XV в., однако доведенные до материка водосборные колодцы в западной и восточной частях раскопа дали возможность оценить стратиграфию (зафиксирована мощность культурного слоя около 3,5 м)¹⁹. Важно, что из предма-

¹⁸ *Jansson I.* Kleine Rundspangen // *Birka: Untersuchungen und Studien. Vol. II, no. 1. Systematische Analysen der Graberfunde.* Stockholm, 1984. S. 61, 63.

¹⁹ *Торопова Е. В.* Отчет об археологических исследованиях на Петропавловском раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2007 г. (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 322; *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Фролова Е. Е., Добрава О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А.* Археологические исследования 2007 года в Старой Руссе // *Новгород и Новгородская земля. История и*

териковой части происходят несколько фрагментов лепной керамики – это позволяет предварительно говорить о том, что освоение этого участка можно ориентировочно отнести к рубежу X–XI вв.

Следующие участки ранних напластований выявлены в северной части древнейшего ядра Русы, севернее современной улицы Сварога. Мощность культурного слоя здесь составляет 5,5 м, а общая изученная на трех смежных раскопах площадь – 470 кв. м. В 1971–1974 гг. А. Ф. Медведевым были проведены работы на раскопе XII. Датировочным материалом для древнейших напластований послужили «глазчатые бусины, гребень-расческа, два обломка янтарных перстней с узором на внутренней стороне и керамика»²⁰. В полевом отчете А. Ф. Медведев и Г. П. Смирнова отмечали, что небольшую часть керамического материала из нижних пластов, по их мнению, «можно датировать концом X – началом XI в. Эту дату подтверждает и орнамент. На 8 обломках имеется широкое мелко врезанное рифление, характерное для керамики X в.»²¹. Тем не менее общая датировка нижнего горизонта XII раскопа, на основании преобладающего материала, была определена как начало XI в.²² Следует отметить, что в более поздней научно-популярной статье Г. П. Смирнова утверждала, что около двух десятков фрагментов керамики из нижнего горизонта раскопа XII могут быть узко датированы X в. (к сожалению, в связи со спецификой газетной публикации, характеристики материала, позволяющие проверить такой вывод, не были приведены)²³. В свою очередь, А. Ф. Медведев продолжал отстаивать преждевременность такой узкой датировки, хотя и высказывал на-

---

археология (матер. науч. конф.: Новгород, 22–24 января 2008 г.). В. Новгород, 2008. Вып. 22. С. 272–274.

²⁰ *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Раскопки в Старой Руссе // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 26.

²¹ *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1974 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 5297; *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1974 г. Раскоп XII (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 88.

²² *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1974 г. Раскоп XII (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 91.

²³ «Среди керамики, найденной в культурном слое Руссы сравнительно много обломков сосудов, характерных для второй половины X и XI веков. <...> Но вот на раскопе 12, который находится во дворе дома № 61 по Минеральной улице (напротив курорта), среди керамики древнейшего слоя были обнаружены обломки горшков, форма которых характерна только для X в. Такой керамики пока немного, всего около двух десятков черепков <...> Первые находки керамики X века уже сейчас с достаточным основанием позволяют предположить, что во второй половине X века на высоком холме над рекой Порусьей уже существовало поселение, давшее начало городу Старой Руссе» (*Смирнова Г. П.* Вести из десятого века // Старорусская правда. 1977. 27 авг.).

дежду, что недостающие факты будут получены в ходе будущих исследований²⁴.

В 1985–1987 гг. В. Г. Мироновой были завершены исследования на смежном раскопе XV, начатые А. Ф. Медведевым в 1978 г. Датировка его нижних напластований не самостоятельна. Она основывается, в первую очередь, на экстраполяции выводов А. Ф. Медведева по XII раскопу, которые повторены буквально дословно²⁵. Вместе с тем, как уже упоминалось, дендрохронологически был датирован 11-й ярус мостовой Борисоглебской улицы (1042–1044 гг.)²⁶.

В 1999–2001 гг. экспедицией Новгородского университета были завершены исследования на XVI (Борисоглебском) раскопе, начатые в 1988 г. В. Г. Мироновой. Мощность культурных напластований, датируемых XI в., здесь составляет около 1 м. В результате целенаправленного отбора образцов строительного дерева была получена наиболее представительная для древнейших напластований Русы серия дендродат, охватывающая период с 1023 по 1098 г. Предшествующие 1020-м годам напластования (мощностью 0,2–0,3 м), ввиду отсутствия пригодной для анализа древесины, датированы не были²⁷. Тем не менее в предматериковых слоях и материковых ямах были найдены отдельные фрагменты лепной керамики. Аналогичная лепная керамика в культурном слое Новгорода исчезает в последней четверти X в. Это позволяет осторожно отнести время заселения данного участка также к рубежу X–XI вв. Этому не противоречит и характер коллекции индивидуальных находок, среди которых, к сожалению, нет узко датируемых типов.

Археологические материалы Борисоглебского раскопа позволяют в общих чертах реконструировать картину жизни первопоселенцев. Через центральную часть изученного участка в меридиональном направ-

---

²⁴ «Специалист по древнерусской керамике Г. П. Смирнова, научный сотрудник Института археологии АН СССР, постоянная участница раскопок, выделяет из общей массы керамики, характерную только для X в. К X и первой половине XI века относятся и ряд вещей различного назначения <...> Все упомянутые вещи, найденные в Руссе, безусловно, могли употребляться в X веке. Но они могли быть в обиходе и в XI веке. Вот почему приходится пока воздерживаться от категорического вывода, что Руса была основана в X веке, хотя это и вполне возможно. Археологические раскопки в ближайшем будущем, несомненно, позволят выяснить и этот вопрос. Во всяком случае, в пользу X века говорит и тот факт, что в первой половине XI века Руса предстает перед глазами археологов в полном расцвете городской культуры» (*Медведев А. Ф.* Старая Русса приближается к 1000-летию // *Старорусская правда.* 1977. 13 сент. С. 4).

²⁵ *Миронова В. Г.* История археологического изучения Старой Руссы // *Материалы по археологии Новгорода.* 1988. М., 1990. С. 215.

²⁶ *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология... С. 100.

²⁷ *Торопова Е. В.* Новые данные о времени возникновения Старой Руссы (по итогам археологических исследований на Борисоглебском раскопе в 2001 г.) // *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.* 2002. В. Новгород, 2003. С. 91–94.

лении проходила грунтовая дорога, по обе стороны которой удалось проследить следы древних изгородей. В восточной части раскопа выявлены следы древней пахоты, оставленные двузубым пахотным орудием – сохой²⁸. Первые постройки на данном участке появляются, вероятно, в 1020–1030-х гг. (дендродаты древнейшей постройки – 1023 и 1033 гг.). В 40–50-е гг. XI века начинается новый этап – по трассе грунтовой дороги сооружается первый деревянный уличный настил (дендродаты – 1050 и 1054 гг.), по всей видимости, четко фиксируются границы усадеб, возводятся новые жилые и хозяйственные постройки.

Древнейшие напластования Борисоглебского раскопа насыщены фрагментами цренов (железных противней для солеварения). В значительном количестве встречены донца берестяных и лубяных туесов, предположительно использовавшихся для хранения и измерения соли. В 4-х нижних пластах Борисоглебского (XVI) раскопа (площадь около 200 кв. м) обнаружено 212 экземпляров бирок – небольших деревянных палочек с зарубками, использовавшихся для различного рода подсчетов²⁹. Для сравнения, по сведениям Р. К. Ковалева, к 2006 г. коллекция бирок X–XV вв. из всех раскопов Новгорода насчитывала около 630 экз.³⁰, т.е. всего в три раза больше. Все это свидетельствует о крайне интенсивных темпах экономического развития древнейшей Руси.

Ряд находок можно отнести к элитарной субкультуре. Это элементы поясной гарнитуры, предметы вооружения, деталь плети и пр.³¹ Среди находок выделяется нехарактерный для древнерусских городов тип обуви, плетеной из растительных волокон и напоминающей сандали (рис. 4: 1). Следует обратить особое внимание, что эта находка стратиграфически тяготеет к древнейшей постройке раскопа (1023–1033 гг.).

---

²⁸ *Самойлов К. Г.*: 1) Следы древней пахоты по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2002 гг. и некоторые проблемы изучения истории земледелия // Новгород и Новгородская земля: История и археология: матер. науч. конф. Новгород, 28–30 янв. 2003 г. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 272–286; 2) Археологизированные следы работы средневековых пахотных орудий по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2012 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 73. Т. 1. С. 103–105.

²⁹ *Колосницын П. П.* Результаты статистического исследования средневековых деревянных бирок из Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 73. Т. 1. С. 93–97.

³⁰ *Ковалев Р. К.* Деревянная счетная бирка-сорочок второй половины XI века из Старой Руссы // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 314.

³¹ *Toropova E. V.* Staraya Russa at the End of the Viking Age and Later: a Review of Archaeological Research // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regard croises sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings a la Rous ancienne. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 289, fig. 8.

Рис. 4. Борисоглебский (XVI) раскоп (2001). Находки из нижних напластований:
1 – плетеная обувь, растительное волокно; 2 – резная чаша, дерево; 3 – фрагменты свечей, воск;
4 – крест-энколпион, цветной металл.

С ней же связан и яркий комплекс христианских древностей (деревянный сосуд с крестом в придонной части и орнаментом в виде рыбьей чешуи по бортику (рис. 4: 2), тонкие восковые свечи (рис. 4: 3) и фрагменты воска)³². Кроме того, в слоях первой половины XI в. был найден бронзовый энколпион (рис. 4: 4) – один из первых датированных серийных древнерусских крестов-реликвариев³³. Все эти находки свидетельствуют о существовании в Русе христианской общины уже в самый ранний период.

Последние интересующие нас участки расположены в центральной части древнейшего ядра Русы, между современными ул. Сварога и пер. Дубровина.

В 1969–1970 гг. А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой здесь были проведены исследования на раскопе X (площадь 64 кв. м, мощность слоя – 6,1 м)³⁴. Несмотря на то, что производился отбор образцов строительного дерева (по всей видимости, он не был систематическим), дендродаты были получены только для двух ярусов мостовой улицы «Губка» (первая половина XV в.)³⁵. Датирование культурного слоя и ярусов застройки было выполнено А. Ф. Медведевым и Г. П. Смирновой, прежде всего, на основе форм и декора керамики, при этом в полевом отчете древнейшие напластования отнесены к XI в.³⁶ В дальнейшем А. Ф. Медведев вновь обратился к данному вопросу – его архиве есть черновик записей, где датировки фактически всех пластов и ярусов застройки значительно изменены. В приведенной таблице сопоставлены отчетные и архивные даты³⁷.

---

³² Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (матер. науч. конф.: Новгород, 22–24 января 2002 г.). В. Новгород, 2002. Вып. 16. С. 179–184; Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е. Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1(62). С. 160–161.

³³ Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2003. С. 170. (Труды Института истории материальной культуры. Т. VII).

³⁴ Торопова Е. В. Раскоп X в Старой Руссе (стратиграфия, топография и хронология) // Новгородские археологические чтения-2: матер. науч. конф., посвящ. 70-летию археологического изучения Новгорода, 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского: В. Новгород, 21–24 сентября 2002 г. В. Новгород, 2004. С. 249–264.

³⁵ Черных Н. Б. Дендрохронология и археология... С. 99.

³⁶ Медведев А. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1969–1970 гг. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-И. № 4630; Смирнова Г. П., Медведев А. Ф. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1969–1970 годах. Раскоп X (копия) // Научный архив ОАНЗ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31. Л. 103, 107.

³⁷ Полный вариант таблицы см.: Торопова Е. В. Раскоп X в Старой Руссе... С. 258.

Таблица 1

Хронология нижних ярусов раскопа X по А.Ф. Медведеву

Ярусы	Пласты	Глубина, см	Дата согласно полевому отчету	Дата согласно архивным материалам
Ярус 18	20–21	–395/–415	XII в.	XII в.
Ярус 19	21–22	–410/–428	XII в.	конец XI – начало XII в.
Ярус 20	22–23	–438/–453	–	XI в.
Ярус 21	23–24	–454/–471	XII в.	XI в.
Ярус 22	24–26	–480/–504	конец XI – начало XII в.	XI в.
Ярус 23	26–27	–504/–530	–	конец X – начало XI в.
Ярус 24	27–28	–525/–544	–	X в.
Ярус 25	28	–545/–558	конец XI – начало XII в.	X в.
Ярус 26	29–31	–565/–607	XI в.	X в.

Хронологический вариант, представленный в архиве, существенно удревняет время заселения этой территории, относя его к X веку, причем, очевидно, что не к последним его десятилетиям. Фактически произошел сдвиг хронологии на 2–3 яруса (т. е. 2–4 пласта). К сожалению, аргументация такого пересмотра нам неизвестна. Возможно, это связано с тем, что на данном участке была зафиксирована максимальная для Старой Руссы мощность культурного слоя и А. Ф. Медведев пытался таким образом объяснить этот факт. На наш взгляд, веских аргументов для выдвижения подобной гипотезы нет. В отчете не отмечена лепная керамика, а коллекция находок из нижних напластований не содержит узкодатированных типов вещей. Таким образом, более доказательными нам представляются датировки, полученные в ходе анализа керамического комплекса, согласно которым заселение изученного участка произошло не ранее XI века.

С 2002 по 2012 г. экспедицией Новгородского университета были проведены исследования на Пятницком-I раскопе, расположенном в 15 м к северу от раскопа X. В 2012 г. он был доведен до материка на территории усадьбы «А» (площадь около 170 кв. м). Максимальная мощность культурного слоя здесь достигает 5,7–6,1 м, при этом на XI в.

приходится около 0,5–0,6 м (ниже залегает еще приблизительно 0,2 м предматериковых напластований, представляющих собой погребенный почвенно-дерновый слой³⁸). Значительный интерес представляет сопоставление мощности напластований XI–XII вв. с изменением плотности находок в слое (см. табл. 2). С одной стороны, необходимо констатировать, что в слоях XI в. на Пятницком-I раскопе значительно хуже, по сравнению с последующими веками, сохраняется органика. Это видно по катастрофическому уменьшению количества находок и массового материала из кожи. С другой стороны, отмечается существенный рост содержания в слое фрагментов керамики и костей животных. То же самое можно сказать и об общем количестве индивидуальных находок – в пластах 27–28 их количество возрастает более чем в два раза, при уже упомянутом исчезновении находок из кожи. Во многом этот рост связан с валообразным увеличением количества фрагментов и заклепок железных цренов.

Все это позволяет говорить об относительно медленном отложении культурного слоя на данном участке в течение XI в., что подтверждается еще рядом наблюдений. Все зафиксированные постройки XI в. были в древности разобраны практически полностью, включая нижние венцы. В вышележащих напластованиях, гораздо лучше сохраняющих органику и откладывавшихся более интенсивно, при разборке сооружения средневековым горожанам не удавалось извлечь нижние 1–2 венца срубов, которые к тому времени были уже перекрыты культурным слоем.

Изученные постройки XI в. можно разделить на два строительных горизонта³⁹ (рис. 5). Ярус XVII датируется последней третью XI в. и

---

³⁸ Предматериковый слой представлен серой слабогумусированной супесью со следами корней деревьев/кустарников, кусками дерна и т. п. Следы древних пахотных борозд на поверхности и в толще предматерика, и на материке, отсутствовали. Граница материка и предматерика была выражена недостаточно четко, отмечалась определенная диффузия слоёв. Это может быть объяснено тем, что предматерик представлял собой погребённую почву, не подвергавшуюся распашке. Однако, по мнению к. г. н. А. В. Долгих, возможно, предматерик Пятницкого раскопа все-таки представляет собой пахотный горизонт, серьезно трансформированный более поздней луговой стадией. Исходя из стратиграфических наблюдений, следует отметить, что именно верхняя поверхность погребенного почвенно-растительного слоя (предматерика) стала дневной поверхностью для древнерусского города. Древнерусские материалы в толще предматерика были относительно немногочисленны и тяготели к его верхней части. Возможно, они втоптыны из формировавшегося выше слоя или, скорее, отложились в результате хозяйственной активности, предшествовавшей застройке на данном участке.

³⁹ Подробное описание древнейших горизонтов застройки Пятницкого-I раскопа см.: *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П.* Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию

включает остатки трех деревянных построек. К более раннему ярусу XVIII отнесены остатки еще трех деревянных построек и развал «комплекса ювелирной мастерской». Полученные дендрохронологические даты (не ранее 1032 г., 1039 г., 1041 г.) позволяют датировать время первоначальной застройки данного участка второй третью XI в.

Таблица 2

Пятницкий-I раскоп (2012). Сопоставление мощности напластований XI-XII вв. с изменением плотности находок в слое

Предварительная хронология	Пласт	Глубина, см	ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАХОДКИ			МАССОВЫЙ МАТЕРИАЛ			
			ВСЕГО	В т. ч., фрагменты и заклепки цренов	В т. ч., индивидуальные находки из кожи	Фрагменты керамики	Фрагменты костей	Кожаные обрезки	
XII век	1200	22	-420/-440	312	122	90	1629	1065	137
	1170	23	-440/-460	675	490	80	2205	783	177
	1160	24	-460/-480	546	58	336	2276	1051	610
	1130 1110	25	-480/-500	737	151	313	5653	4287	800
	1100	26	-500/-520	594	277	146	6398	3117	409
XI век	1160	27	-520/-540	1127	891	27	8540	5093	86
	1040	28	-540/-560	1714	1442	0	4360	3997	7
Предматерик	29	-560/-580	274	173	0	665	504	5	

Уже на самом раннем этапе здесь фиксируется активное ремесленное производство. Важнейшую роль в жизни первопоселенцев играл солеваренный промысел – около 80% всех индивидуальных находок, отнесенных к древнейшему горизонту, составляют обломки и заклепки цренов для вываривания соли – более 1400 ед. Их значительная концентрация связана с остатками древнейшей на данном участке постройки (ПС-37). Как и на Борисоглебском раскопе, для нижних напластований характерно заметное количество деревянных биров (34 ед.) и берестяных туесов/коробов.

Интерес представляют и свидетельства занятия первых жителей исследованной усадьбы косторезным ремеслом, в частности изготовлением односторонних наборных гребней (II-й группы по классификации

со дня рождения М. Х. Алешковского, В. Новгород, 22–24 января 2013 г. В. Новгород, 2013. Вып. 27. С. 82–85.

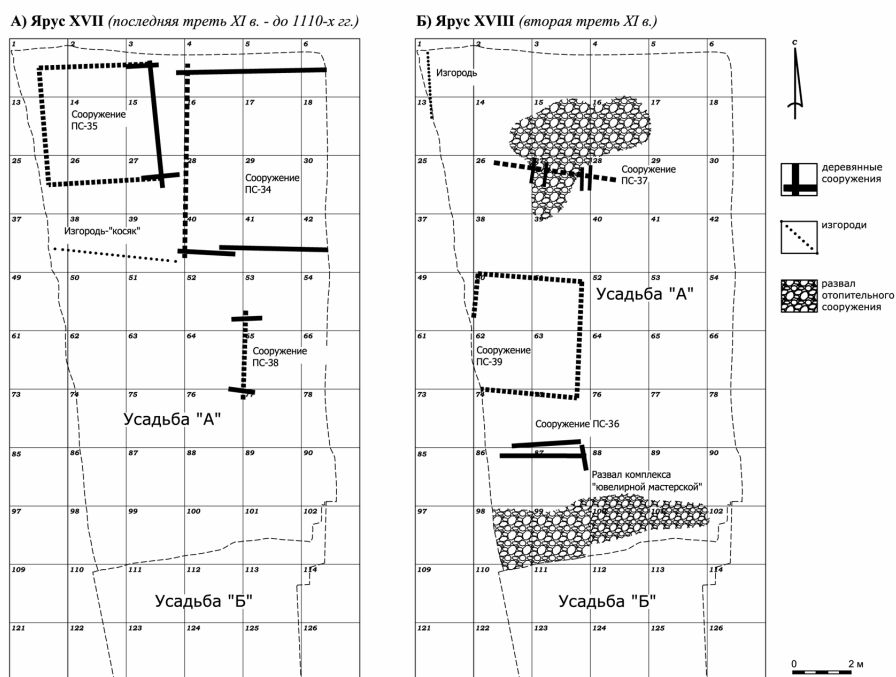

Рис. 5. Старая Русса. Пятницкий-I раскоп (2012). Схематический план исследованных сооружений XI в.

О. И. Давидан⁴⁰) и футляров для них. Кроме деталей (рис. 6: 5–6) и накладок гребней (4 ед.), деталей футляров (8 ед.) (рис. 6: 7), сюда могут быть отнесены заготовки (3 ед.) и опиленные фрагменты рога (5 ед.), а также многочисленные находки роговой стружки (30 ед.)⁴¹.

О ювелирном ремесле свидетельствуют остатки «комплекса ювелирной мастерской». Вдоль южной границы изученной усадьбы зафиксированы два горизонта разровненного еще в древности развала прокаленных камней, с которым связаны несколько выклинивающихся от него мощных прослоек прокаленного материкового песка, переслоен-

⁴⁰ Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4. С. 100.

⁴¹ См.: Торопова Е. В. Отчёт об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2012 г. в четырёх частях: 1) Части I–II. Текст [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт. URL: <http://www.novsu.ru/file/1211399> (дата обращения 01.09.2016); 2) Части III–IV. Альбом иллюстраций и приложения [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт. URL: www.novsu.ru/file/1211400 (дата обращения 01.09.2016).

ных углистыми и золистыми линзами. К комплексу тяготеют многочисленные оплавленные куски глиняной обмазки, шлака и фрагменты тиглей. Плохая сохранность переотложенных в древности остатков затрудняет реконструкцию конструктивного облика сооружения. Предположительно их можно интерпретировать как следы ювелирного горна на мощном песчаном (с примесью глины) основании. Данные остатки непосредственно подстилались прослойкой щепы, маркирующей первоначальную застройку, что позволяет отнести это сооружение к древнейшим на изученной территории.

Рис. 6. Старая Русса. Пятницкий-I раскоп (2012). Находки из нижних напластований:

- 1–2 – бусины, стекло;
- 3 – нательный крест, цветной металл;
- 4 – подвеска, цветной металл;
- 5–6 – детали наборных односторонних гребней, рог;
- 7 – чехол одностороннего наборного гребня, рог.

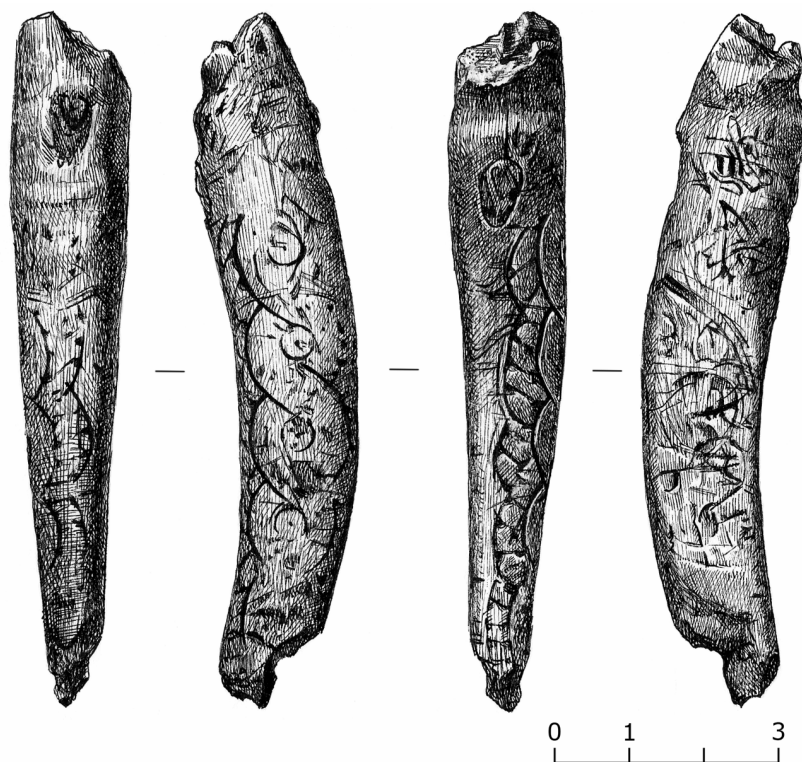

Рис. 7. Старая Русса. Пятницкий-I раскоп (2012).
Фрагмент орнаментированного «острия», рог.

Первоначальной застройке (вторая треть XI в.) предшествовал доярусный период, когда, судя по характеристикам предматерика, эта территория представляла собой луговину, на которой была поставлена легкая изгородь. Любопытно, что именно к предматериковым напластованиям (погребенным почвенно-дерновым слоем, перекрытым прослойкой щепы, образовавшейся при возникновении первой на этом участке застройки) относятся некоторые находки, имеющие по сравнению с остальными материалами, несколько более ранние датировки.

Среди них можно назвать неправильно цилиндрическую бусину из черного стекла с мозаичными рельефными ресничковыми красно-белочёрными глазками (рис. 6: 1), найденную в верхней части предматерикового слоя. Данный экземпляр по своим морфологическим особенностям сопоставим с некоторыми бусами IV группы по классификации

З. А. Львовой, обнаруженными на уровне построек горизонта «Д» Старой Ладogi. Подобные бусы имеют широкий ареал распространения и встречены, в основном, на памятниках X в.⁴² Ранние экземпляры датируются серединой X в., но в целом продолжают бытовать до конца XI в.⁴³ Еще одной ранней и редкой находкой является костяное «острие», декорированное резным плетеным орнаментом, сильно потертым, вероятно, по причине длительного использования (рис. 7). Верхняя не сохранившаяся часть была оформлена в виде головы фантастического животного, ниже прослеживается отверстие с остатками металлического кольца, использовавшегося для подвешивания предмета. Подобные костяные острия, датируемые в целом IX–XI вв., найдены в мужских погребениях эпохи викингов в Средней Швеции, Норвегии и Англии. На территории Древней Руси аналогичные находки зафиксированы в дружинных некрополях Киева, Гнездова, Шестовицы, Тимирева, а также в Полоцкой земле и Приладожье. Кроме того, они встречены в культурных напластованиях некоторых древнерусских городов⁴⁴.

Такого рода яркие, хотя и немногочисленные находки, стратиграфически датируемые временем до начала застройки рассматриваемого участка, однозначно свидетельствуют о том, что и в предшествующее время здесь имела место какая-то (хозяйственная (?)) активность. По аналогии с материалами близлежащего Борисоглебского (XVI) раскопа, в порядке рабочей гипотезы, предлагается предварительно датировать этот доярусный период первую треть XI в.

Редкую для древнерусских слоев находку представляет так наз. «крапчатая» бусина темно-синего стекла с белыми и красными неправильными вкраплениями (найдена в слое второй трети XI в.) (рис. 6: 2). На территории Северо-Запада находки бус этого типа связаны с памятниками третьей четверти I тыс. н. э., прежде всего с культурой псковско-новгородских длинных курганов⁴⁵. Древностей этого периода в Южном Приильменье не известно. Тем не менее, это вторая «крапчатая» бусина, обнаруженная в культурном слое Старой Руссы. По сведе-

---

⁴² *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1968. Вып. 10. С. 77–78.

⁴³ Авторы выражают искреннюю признательность научному сотруднику Государственного Эрмитажа Я. В. Френкелю за любезную консультацию.

⁴⁴ *Пушкина Т. А.* Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 57–68 (Труды Государственного исторического музея. Вып. 82); *Мядзведзева В. У.* Зааморфныя вастрый-амулеты // Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава. Мінск, 2008. С. 168–172. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15).

⁴⁵ *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у оз. Съезжье // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. С. 337–357.

ниям Я. В. Френкеля и Ю. М. Лесмана, единичные находки подобных бус известны в напластованиях X–XI вв. некоторых древнерусских городов и на Скандинавском полуострове.

Среди предметов из цветного металла необходимо упомянуть также нательный крест с грубым стилизованным изображением Распятия (рис. 6: 3). Это первая находка такого типа креста в Старой Руссе. Он найден в слоях, которые могут быть отнесены ко второй половине XI в. К числу редких относится и круглая литая подвеска с изображением хищной птицы в «геральдической» позе, декорированная ложной зернью и сканью (рис. 6: 4). Ближайшими датированными аналогиями по морфологии и материалу (свинцово-оловянистый сплав) являются находки из Новгорода (Неревский раскоп, слои второй половины X в.) и Гнездовского поселения (вторая половина X в. или рубеж X–XI вв.). По мнению Н. В. Ениосовой и С. С. Зозули, они представляют собой изготовленные из дешевых материалов «литые дериваты» серебряных подвесок, связанных с дружинной средой, производившиеся на Руси во второй половине X – первой половине XI в.⁴⁶

Таким образом, даже предварительное рассмотрение материалов древнейших слоев Пятницкого–I раскопа позволяет отнести их к рубежу X–XI вв. или к самому началу XI в. При этом необходимо отметить яркий торгово-ремесленный характер поселения и наличие ряда находок, связанных с элитарной субкультурой и через нее отражающих моду, распространенную в Северной Европе и Скандинавии.

Итак, необходимо констатировать, что Руса возникла на рубеже X–XI вв. (напластования, которые могли бы быть однозначно отнесены к X в., пока не выявлены). Это происходит в стороне от раннесредневековых торговых путей, на периферии поселенческой структуры предшествующего времени. Важнейшим градообразующим фактором явилось наличие источников минеральной воды, поставлявших сырье для производства соли – важнейшего продукта средневековой торговли. На это указывает топография первоначального ядра поселения, расположенного не в наиболее удобном для создания города месте (на пересечении рек Полисть и Порусья), а максимально близко к минеральным источникам. Уже в древнейших слоях фиксируются интенсивные следы солеварения. Характерные для данного памятника особенности материальной культуры свидетельствуют о том, что с самого начала основными занятиями жителей Русы были различные ремесла и торговля, а сельское хозяйство имело лишь вспомогательное значение. Судя по тому, что пока не найдены следы предшествовавшего городу сельского

---

⁴⁶ Ениосова Н. В., Зозуля С. С. Подвеска с изображением хищной птицы из Гнездова // *Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой.* М., 2012. С. 138–148. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 189).

поселения, основание Русы как центра солеварения могло быть одно-моментной государственной акцией. В середине XI века (в конце эпохи князя Ярослава Мудрого) в развитии поселения произошел резкий скачок. Видимо, именно с этого момента можно говорить о становлении Русы как города, как в социально-экономическом, так и в административном смысле.

Рост города в середине XI в., вероятно, был связан и с притоком нового населения. При этом необходимо учитывать, что по археологическим данным в XI в. на территории Приильменя отмечается значительный демографический спад, запустевают обширные пространства, освоенные в предыдущую эпоху. Такая ситуация характерна для бассейнов Ловати и Пола, где на десятки памятников эпохи сопок приходятся единичные поселения и могильники XI – середины XII в. Причины этих явлений, вероятно, надо искать как в экономических, так и в социальных и административно-политических процессах, сопровождавших становление Новгородского государства.

До сих пор остается открытым вопрос, была ли Руса изначально укрепленным поселением. Напомним, археологические следы наличия в Старой Руссе фортификаций древнерусского времени на настоящий момент отсутствуют. Укрепления известны только по письменным источникам, при этом их закладку и строительство Новгородская первая летопись описывает более чем через 30 лет после первого упоминания данного пункта. Под 6707 (1199) годом сообщается, что «въ Русе город обложшиша», а в 6709 (1201) – «срубшиша в Русе город»⁴⁷. Убеденность ряда исследователей в том, что крепость в Русе существовала и в предшествующее время, основывается на единственном и весьма спорном источнике – известиях двух редакций «Истории Российской» В. Н. Татищева о том, что «новой крепости» в Русе (её сооружение относится В. Н. Татищевым к 1200 г.) предшествовала старая⁴⁸. Традиционно это сообщение воспринимается как следы некоего недошедшего до нас, но доступного В. Н. Татищеву текста⁴⁹.

---

⁴⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 45, 239–240. (Полное собрание русских летописей. Т. III).

⁴⁸ См. в I редакции «Истории Российской»: «6708 (1200)... обложшиша новгородцы город Русу, первы бо град надеся, ово погоре» (Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. IV. С. 327). Во II редакции текст претерпел серьезные изменения: «6708 (1200)... Новгородцы в Русе, разломав ветхую крепость, построили новую, понеже прежних стен и стрельниц несколько сгорело, другие от древности развалились» (Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. III. С. 167).

⁴⁹ См., например: Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // Советская археология. 1967. № 3. С. 270; Миронова В. Г. Старая Русса в древности // Российская археология. 1999. № 3. С. 59–68; Ядрышников В. А. Архитектура Старой Руссы XII – начала XX века. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. С. 33.

Нами был проведен сравнительный анализ (в рамках методики, предложенной для исследования «татищевских известий» Е. М. Добрушкиным и Я. С. Лурье)⁵⁰ касающихся рассматриваемого сюжета известий обеих редакций второй части «Истории Российской» по отношению к текстам летописей, достоверно использованных В. Н. Татищевым. Были проанализированы известия за 1194–1201 гг. из Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Л), Радзивиловской летописи (Радз.), Новгородской IV летописи (Н4Л), Воскресенской летописи (Воскр.), Академического XV списка Никоновской летописи (Ник.) и Лаптевского тома Лицевого летописного свода (ЛЛС)⁵¹. Интересующие нас известия о строительстве старорусских фортификаций фиксируются в следующих текстах данной выборки: Н1Л под 1199 и 1201 гг., Н4Л под 1199 и 1201 гг., Воскр. под 1200 и 1201 гг. и в ЛЛС под 1200 и 1201 г. Академический XV список Ник., имевшийся у В. Н. Татищева, данных сообщений не содержит. При этом были рассмотрены не только сами упоминания строительства укреплений в Русе, но и окружающие их известия, что дало возможность реконструировать методику редакторской работы В. Н. Татищева в данном ареале текста.

Главным итогом изучения стал вывод о том, что последовательно расширяющиеся сообщения обеих редакций «Истории Российской» о существовании укреплений в Старой Руссе до рубежа XII–XIII вв. не проистекают из имевшихся у В. Н. Татищева источников. Их круг, при написании статей 1199–1201 гг., очерчивается достаточно четко. Изложение событий в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле следует в основном по Радз. с исправлениями по Воскр., Ник. и ЛЛС (именно текст последнего наиболее близок к татищевскому описанию строительства крепости в Русе, за исключением упоминания о предшествующих фортификациях). Сообщения Н1Л привлекаются в сокращенном виде и только в случае их уникальности, либо большей яркости и образности. В датировке событий предпочтение отдается ультрамартовским датам Радз. и следующих этой же традиции летописей, что приводит к конфликтам с новгородскими известиями. Помимо перенесения закладки укреплений в Русе с 6707 (1199) на 6708 (1200) г., это выража-

---

⁵⁰ Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской В. Н. Татищева» // Русская литература. 1970. № 2. С. 219–224; Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76–96.

⁵¹ Значительная работа по определению использованных В. Н. Татищевым «манускриптов» проведена С. Л. Пештичем, В. А. Петровым, Я. С. Лурье, А. П. Толочко, М. Б. Свердловым и др.

ется, например, в совершенно курьезном двойном указании на смерть архиепископа Мартирия и под 6707, и под 6708 г.⁵²

Кроме того, можно со значительной степенью уверенности утверждать, что отсутствуют какие-либо основания предполагать истоки этих известий в недошедших до нас, но известных В. Н. Татищеву летописях – как и в целом ряде других случаев, присутствие «дополнительной информации» может быть объяснено внутренней логикой «Истории Российской». Скорее всего, данное сообщение принадлежит перу самого В. Н. Татищева и должно выполнять функцию реконструкции событий прошлого в рамках его авторской концепции – функцию объяснения летописного известия о строительстве укреплений в городе, который, по мнению историка, не мог быть не укрепленным в предшествующий период, т.к. является одним из древнейших на Руси⁵³. Перед нами сообщение, отражающее, в первую очередь, собственные, основанные на априорных ожиданиях, историографические построения В. Н. Татищева.

Помимо всего прочего, такая интерпретация рассматриваемого «известия» подтверждается наличием в этом же ареале «Истории Российской» как минимум еще одного совершенно однотипного и также последовательно расширяющегося сообщения – о строительстве «города» в Переяславле под 6702 (1194) г. При этом переяславское «известие» полностью аналогично старорусскому: скупые упоминания источников о закладке укреплений трансформируются в I-й редакции «Истории Российской» в сведения о строительстве именно новой крепости⁵⁴, а II-я редакция дополнительно сообщает и о судьбе старых фортификаций⁵⁵. Как представляется, и в случае с Переяславлем, и в случае с Русой, мы имеем дело с универсальным для В. Н. Татищева механизмом

---

⁵² Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. IV. С. 326.

⁵³ Для В. Н. Татищева Старая Русса является древнейшим городом Руси (несомненно, древнее Новгорода), давшим исток этому этнониму и хорониму: «...ибо древний руссов город над устьем Ловоти близ Ильменя дондесъ Старая Русь, или Руса, знаем; и понеже словяне, пришед, руссами овладели и в них новый город в различие Старой Руси, или Старого Гордорики, Новый град Великий имяновали и тут обитать начали, потому славян сказует в Руси и Новегороде, что едино есть. И понеже город Старая Руса довольно от имяни видно, что прежде Новогорода была и люди оттуда в Новгород переселялись, то дало причину думать, что от оного Русь имя восприяла» (Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1962. Т. I. С. 286). Именно поэтому для историка было естественным предполагать, и даже настаивать на том, что укрепления были в столь древнем городе и до их упоминания в летописи на рубеже XII–XIII вв.

⁵⁴ «Того же году в Переяславли у Клещина озера срубиша град новый» (Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. IV. С. 317–318).

⁵⁵ «В Переславли у Клещина озера срубили город новый, а ветхий разломали» (Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. III. С. 156).

объяснения летописного известия о строительстве укреплений в городе, который, по мнению историка, уже должен был бы их иметь.

Необходимо признать, что на настоящий момент источников относительно наличия/отсутствия в Русе крепости до рубежа XII-XIII вв. мы не знаем. Существующие материалы вполне допускают интерпретацию этого поселения как открытого или не имеющего развитых фортификаций.

П. П. Колосницын

ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕДИТНЫЕ БИРКИ-ЖЕРЕБЬИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

При раскопках в древнерусских городах, культурный слой которых сохраняет органические материалы, нередко встречаются деревянные кредитные (или долговые) бирки. Чаще всего они представляют собой деревянные палочки, на которые наносились зарубки в соответствии с количеством взятых в долг денег или товаров. После этого бирка расщеплялась вдоль так, чтобы линия раскола проходила по зарубкам. В результате получались две стыкующиеся друг с другом части (рис. 1.). Это гарантировало невозможность внесения изменений в количество и форму зарубок на бирках и, выражаясь современным языком, защищало от подделки. Ещё одним преимуществом было то, что зарубки на бирке были понятны даже неграмотным. От них следует отличать счётные бирки – нерасколотые палочки и предметы с зарубками, которые служили для подсчёта и математических вычислений.

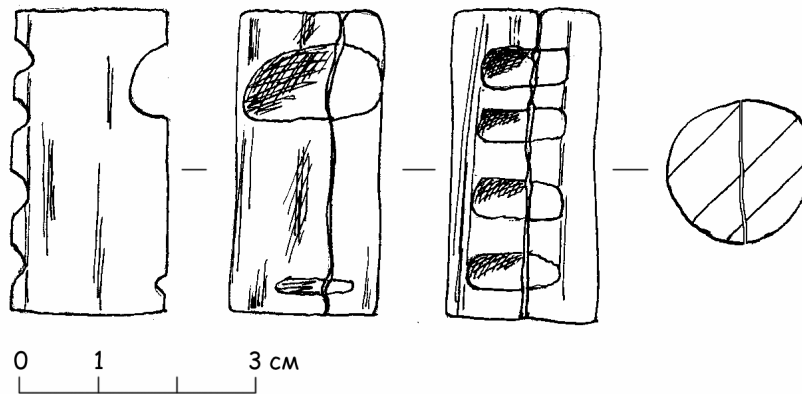

Рис. 1. Расколотая кредитная бирка, XIV в.
(Старая Русса, Пятницкий раскоп 013-088 № 065)

Для средневековой Европы деревянные бирки – обычное средство фиксации долга и обязательств. В Англии подобные предметы, выпущенные казначейством, долгое время служили средством безналичных расчётов. Расколотые деревянные «кредитные» бирки нередко находят при раскопках европейских городов. В некоторых городских архивах Европы такие предметы сохранились до настоящего времени, а в быту применялись вплоть до XX в.

Деревянные бирки обнаружены во многих древнерусских городах, а наиболее значимые коллекции происходят из Новгорода (где Р. К. Ковалёв в 2002 г. насчитал 74 экз.¹; с тех пор коллекция значительно увеличилась) и Старой Руссы (где на настоящий момент зафиксировано 85 долговых бирок).

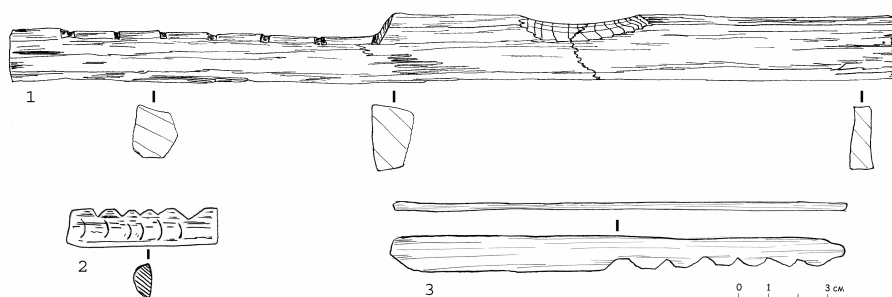

Рис. 2. Типы кредитных бирок. 1 – «длинные бирки»; 2 – «короткие бирки»; 3 – тонкие пластины с зарубками.

Коллекция бирок из Новгорода была исследована Р. К. Ковалёвым, который опубликовал ряд статей на эту тему. В предложенной автором системе классификации кредитные бирки, выделенные в отдельный тип, были разделены на три вида в зависимости от формы сечения. Кроме того, бирки подразделялись на две группы: с надписями и без них. Бирки из Старой Руссы стали объектом отдельного исследования, проведённого автором данной статьи². Большую часть старорусской

¹ Ковалёв Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // Российская археология. 2002. № 1. С. 38–50.

² Колосницын П. П. Результаты статистического исследования средневековых деревянных бирок из Старой Руссы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. № 73-1. С. 93–97; Колосницын П. П. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2014. № 29 (59). С. 266–273.

коллекции составляют находки, происходящие с Пятницкого и Борисоглебского раскопов. Эти раскопы дали более половины бирок XI–XIV в. – 21 и 25 экз. Кредитные бирки из Старой Руссы морфологически делятся на две хорошо различающиеся между собой группы:

1. «**Длинные бирки**» (рис. 2.1) – в виде сосновых или еловых палочек длиной от 30 до 50 см. Сечение, как правило, прямоугольное. Иногда имели усложнённую форму с подтёсанными гранями. Зарубки расположены на одном конце. Характерной особенностью этого типа бирки можно считать то, что он требовал предварительного изготовления заготовки.

2. «**Короткие бирки**» (рис. 2.2), в виде обрезков коротких веток (длина от 4 до 15 см), имеющие круглое сечение. Создание такой бирки требует минимума усилий – надо только отрезать кусок ветки необходимой длины (в некоторых случаях с неё даже не снималась кора), вероятно, именно по этой причине они встречаются в несколько раз чаще, чем длинные.

Бирки обеих групп встречаются практически во всех хронологических горизонтах культурного слоя Старой Руссы (с XI по XIV в.) и имеют аналогии среди новгородских находок. В Новгороде кредитные бирки также обнаружены практически во всех слоях, содержащих органику, и датируются периодом от X до XV в.

Кроме того, в старорусском материале была выделена ещё одна категория находок: тонкие сосновые пластинки с зарубками, которые тоже можно интерпретировать как части расколотых бирок (рис 2.3). На настоящий момент неясно, являются ли они бирками, а если да, то были ли специально изготовлены или это случайные сколы с длинных сосновых бирок. Следует отметить, что пока они встречены только на Пятницком раскопе в слоях второй половины XIII – кон. XIV в. Поэтому мы оставляем их за рамками исследования.

Важно учитывать, что термин «кредитная» или «долговая» бирка отражает лишь одну из возможных функций данного предмета, который мог быть не только аналогом векселя (хотя чаще всего выступал именно в этой роли), но и фиксировать другие взаимные обязательства. Судя по данным исторических и этнографических источников, бирки могли быть свидетельством уплаты налогов и безналичным эквивалентом денег³, применяться для учёта взятых в кредит товаров, служить для учёта отработанных крестьянином в пользу помещика дней, применяться для фиксации количества переданных пастуху животных или сданного на общественный склад зерна. Исходя из этого, следует заключить, что в широком смысле расколотые бирки служат для оформления между

---

³ *Apostolou N., Crumbley D. L. The Tally Stick: the First Internal Control? // The Forensic Examiner. 2008. March 22.*

двумя «лицами» обязательств, выраженных в числах и суммах. Поэтому термины «кредитная» или «долговая» бирка используются здесь как устоявшееся условное название для данной группы предметов.

Естественно, в эпоху Средневековья термина «кредитная бирка» не существовало. Данные предметы, по мнению большинства исследователей, в письменных источниках упоминаются под древнерусским названием *жеребии* или *доцки*. Слово *бирка* входит в обиход значительно позднее. При этом следует отметить, что этимология и происхождение этого слова неясны.

В письменных источниках упоминания *жеребии* или *доцек* довольно немногочисленны и вызывали серьезные затруднения у исследователей в их интерпретации. До появления археологических находок внешний вид этих предметов был неизвестен. Проблема была решена после обнаружения на Неревском и Троицком раскопах в Новгороде 8 деревянных кредитных бирок с надписями, которые были опубликованы В. Л. Яниным и А. А. Зализняком в 1986 г. (рис. 3–4)⁴. На бока расколотых бирок нанесены поясняющие надписи, в которых были указаны денежные суммы и количество мер зерна, совпадавшие с числом зарубок, а также должников. Таким образом, эта категория предметов была уверенно атрибутирована. Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство обнаруженных расколотых бирок надписей не имеет.

въ глави ски · биръ · к · ш · ги · ги ·
 шивана · с · с · г · в · в · р · жи · в · б · р · ги · ги ·
 дв · в · с · а · б · ак · ш · ги · а · г · р · ви · на · а ·
 ма · с · на · т · в · а · ж · та · г · б · р · ги

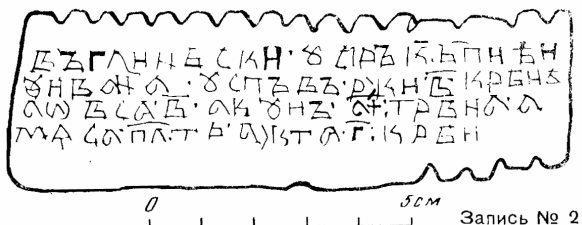

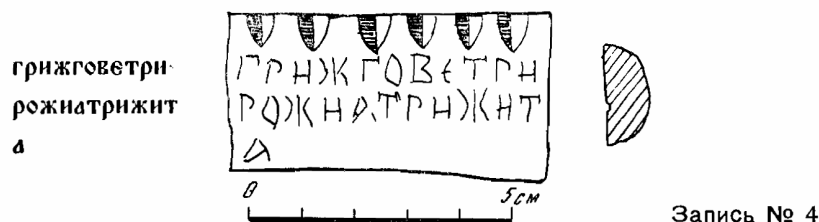
Рис. 3. Кредитная бирка с надписью № 2.

(Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на деревянных «счётных» бирках // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 82.)

Итак, перейдём к рассмотрению упоминаний бирок в письменных источниках. Как уже выше упоминалось, в эпоху Средневековья кредитные бирки чаще всего назывались *жеребии* или *доцки*. И с этим

⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на деревянных «счётных» бирках // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 81–86.

связана ещё одна трудность – оба эти слова имеют несколько значений, что в ряде случаев затрудняет интерпретацию, и приходится судить по контексту упоминания. Всего на настоящий момент можно с достаточной уверенностью говорить об 11 упоминаниях кредитных бирок в письменных источниках.

т. е.: **Грижгове три рожи, а три жита.**

По верхнему краю плашки нанесены шесть глубоких зарубок.

Рис. 4. Кредитная бирка с надписью № 4.

(Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на деревянных «счётных» бирках // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 82.)

Наиболее подробный документ с упоминанием деревянных кредитных бирок – это датированная XV в. Псковская судная грамота, 13 статей которой, так или иначе, касаются использования «досок» (которые, по мнению ряда исследователей, являются долговыми бирками)⁵. В целом документ рассмотрен обращающимися к изучению этого вопроса исследователями⁶, поэтому можно ограничиться только краткими выводами.

Первостепенный из них – Псковская судная грамота прямо указывает на то, что «доски» использовались для фиксации суммы долга (при этом максимальная сумма долга определялась в 1 рубль, более крупные суммы требовали оформления письменных грамот или залога). Также, согласно грамоте, с помощью досок фиксировались суммы, передаваемые для проведения торговых операций и долей прибыли от них. Кроме того, доски выступали свидетельством при передаче вещей на временное хранение.

⁵ Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 235–297.

⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на деревянных «счётных» бирках... С. 81–86.

В связи с данными из судной грамоты крайне интересно единственное упоминание «досок» в корпусе русских летописей. Это известие Новгородской первой летописи, описывающее конфликт новгородцев и посадника Дмитра, произошедший в 1209 г, в ходе которого горожане разграбили и разделили имущество Мирошки и Дмитра, а «что на дощках, а то князю оставиша»⁷. Если понимать здесь «дощки» как кредитные бирки, которые выступали фактически в роли долговых расписок, то можно сделать вывод, что новгородцы не стали ни уничтожать эти «финансовые документы», ни делить их между собой, а передали их князю. Вероятно, этот выбор можно объяснить тем, что князь как представитель власти смог бы добиться выплаты зафиксированных этими бирками долгов. В то же время примечательно, что новгородцы не стали уничтожать «дощки». То есть они их воспринимали не просто как свидетельства долга одних частных лиц другим (в таком случае их было бы логичнее уничтожить, облегчив участь должников), а как нечто вроде ценных бумаг (или кредитных денег?), изъятие из обращения которых может нарушить экономическую ситуацию. Это предположение имеет право на существование. Аналогичные функции деревянных биров отмечались в Средневековье в других странах, например в Англии, где долгое время существовала система деревянных биров (англ. – *the tally stick*), используемых в качестве безналичных денег.

Ещё семь упоминаний кредитных биров выявлено в новгородских берестяных грамотах, происходящих с Неревского раскопа. Четыре из них (№ 295, № 257, № 99, № 82) описаны исследователями, обращавшиеся к этой проблеме ранее⁸. В двух случаях упоминается выдача денег с фиксацией долга на «жеребье» – в **грамоте № 295** (20–30-е гг. XIII в., усадьба «Е») «расщепивши с вами жеребей»⁹ и **грамоте № 257** (80–90-е гг. XIV в., усадьба «Е») – «а Якуну серебро дай, а жеребей возьми»¹⁰.

В **грамоте № 99** (40–60-е гг. XIV в., усадьба «Д») некий Ондрик просит Онцифора прислать жеребьи¹¹, а в **грамоте № 82** (посл. четв.

---

⁷ Полная цитата: «Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить; аще кто потай похватить, а того единъ богъ вѣдаетъ, и от того мнози разбогатѣша; а что на дѣщкахъ, а то князю оставиша». – Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 51.

⁸ Ковалёв Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // Российская археология. 2002. № 1. С. 38–50.

⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 473.

¹⁰ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 625.

¹¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 552.

XII в., усадьба «Б») Творимир пишет о том, что если Фома придет к его шурина, то тот вытащит доски¹².

При работе с письменными документами удалось выявить ещё три новгородские берестяные грамоты (№ 222, № 322, № 354), также происходящие с Неревского раскопа, в тексте которых, по всей видимости, фигурируют деревянные бирки, называющиеся «жеребья». Во всех документах жеребья упоминаются в контекстах, связанных с долговыми обязательствами или торговыми операциями.

Среди них известная берестяная грамота № 354 (40–70-е гг. XIV в.). Её автор (возможно, посадник Онцифор Лукинич), среди прочих указаний, даёт следующее: «*да иди с Обросиемъ к Степану жеребви възмя или възметъ рубль купи и други конь*»¹³. Вполне вероятно, что в тексте имеется в виду именно долговая бирка, и предлагается при покупке коня расплатится либо посредством оформления долгового обязательства в виде бирки-жеребья, либо «наличным» рублём. Особо следует отметить, что Онцифор Лукинич является адресатом грамоты № 99 (40–60-е гг. XIV в.), в которой так же упоминаются жеребья, которые просят прислать для получения «недобора»¹⁴.

Ещё один документ – это берестяная грамота № 322 (1280-е – нач. 1310-х гг.). Она представляет собой запись долгов или повинностей, в которой упоминается отсутствие «жеребья»: «*а жеребья нетоу ть ни коунамъ ни верши*»¹⁵.

Другое упоминание термина «жеребие» в значении «долговая бирка» может относиться к грамоте № 222 (1200–1220-е гг.): «*ожъ ти нь бьжали колобязь оу тьбъ жерьбь скоть по людьмо ни тоу тобъ тощину въкъшь одоное*»¹⁶. То есть автор грамоты говорит адресату, что если «колбязи» не сбежали, а у него есть жеребья, то ущерб он не понесёт.

Следует отметить, что все семь грамот, упоминающих жеребья, относятся к разному времени от XII до XV вв., но концентрируются в южной части Неревского раскопа на усадьбах «Б», «Д», «Е», «И» и «К».

Следующая категория документов, в которых содержится информация о «жеребьях», это духовные грамоты – завещания. Работа с данными документами требует особого подхода, но даже первое обращение к опубликованным грамотам позволило выявить ещё два упоминания.

Вот, например, «Духовная Остафия Ананьевича на недвижимое и движимое имущество в Ловоти, Шенкурье, Кокшенгском погосте и

---

¹² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 430.

¹³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 550.

¹⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 552.

¹⁵ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 528.

¹⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 442.

других местах», датируемая 1393 г. В тексте читаем: «...А взяти ми где что по **жеребьямъ** и по грамотамъ, а то все мое чисто возметъ сынъ мой Федоръ...». Далее идёт перечисление имён должников и сумм («у Матфеевыхъ, у Болсина, у Семена и у Гордѣя пять рублевъ за Марфу...» и т. д.)¹⁷.

Ещё один документ из этой серии – Духовная грамота Мартемьяна, датируемая XV в. и хранившаяся в Архангельском монастыре. В ней после списка долгов, взятых у различных людей, содержится фраза «а иные куны мои по жеребьемъ детямъ моимъ чисты»¹⁸.

Таким образом, одно упоминание бирок в письменных источниках относится к XII в., четыре – к XIII, ещё четыре – к XIV и два – к XV в. При этом, судя по археологическим находкам, бирки-жеребьи бытуют в период, начиная, как минимум, с X в. вплоть до XV в. Однако, судя по этнографическим данным, после этого они не исчезают, а продолжают использоваться в быту, но, вероятно, в гораздо меньшем масштабе, чем в Средневековье.

Исходя из имеющихся письменных источников (в том числе и бирок-жеребьев с надписями), можно уверенно утверждать, что с помощью жеребьев фиксировались долги в деньгах (упоминаются гривны, резаны и рубли) и зерне (ржи, жите и овсе). На одной из бирок с Неревского раскопа упоминается также полтъ (полутуша) мяса.

Учитывая всё вышеизложенное, можно сделать вывод о довольно широком использовании в X–XV вв. на Новгородской земле деревянных бирок как средства фиксации долгов и обязательств между частными лицами. Согласно Псковской судной грамоте, доски (кредитные бирки) служили для фиксации малых сумм (менее рубля), однако неизвестно, насколько широко географически и хронологически применялся этот принцип. На одной из новгородских бирок-жеребьев зафиксирована денежная сумма в 11 гривен. При этом бирки используются одновременно с «грамотами» – письменными документами, судя по всему, фиксирующими более крупные долговые обязательства.

Ещё раз следует отметить сообщение летописи о передаче «дощек» князю. Существование большого массива подобных кредитных обязательств, изъятие которых из обращения является недопустимым, позволяет сделать предположение о другой функции деревянных бирок. Жеребьи могли выступать в качестве «обеспеченных» или «кредитных денег». Данное средство платежа могло выпускаться довольно широко и закрывать часть потребности в денежных средствах. Такая система существовала в Средневековье в Англии, а бирки в этой функции ис-

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 110.

¹⁸ Акты Юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. СПб., 1938. С. 434.

пользовались во многих европейских городах того времени. Этому могло способствовать и довольно широкое распространение кредитных отношений в средневековом Новгороде. Конечно, это гипотеза требует серьёзных доказательств и пока может рассматриваться как предположение.

М. И. Петров

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ НОВГОРОДСКАЯ УСАДЬБА:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОВ ПОСОЛЬСКИЙ-2006 И
НИКОЛЬСКИЙ-2007 В НОВГОРОДЕ)**

Основная единица микроструктуры города – усадьба – традиционно рассматривается как главный объект исследования средневекового Новгорода¹. Материалы изучения городских усадеб становятся основой для социальных и имущественных характеристик, а затем одним из элементов комплексного источниковедческого анализа. Однако изучение усадебного комплекса во всей полноте: постройки, находки и их взаимосвязи – довольно скудно представлено в историографии.

Наиболее полно разработаны вопросы древнерусского городского домостроения и усадебных планировочных решений. Основная проблематика изучения усадьбы была определена при обработке материалов Неревского раскопа²: качественные характеристики построек и их элементов; детальное изучение застройки на протяженном хронологическом диапазоне. Дальнейшие археологические исследования Новгорода вводили в научный оборот новые данные раскопов, характеризующие усадебную застройку: Ильинский³, Тихвинский⁴, Михайловский⁵, Кировский⁶, Нутный⁷; Федоровский⁸, Андреевский-II⁹, Посоль-

---

¹ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет археологии Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 4.

² Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // А. В. Арциховский, Б. А. Колчин (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР, № 55. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 44–137; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР, № 123. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 5–165.

³ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 57–116.

⁴ Янин В. Л. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 117–134.

⁵ Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 135–173.

⁶ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 178–238.

ский–1999¹⁰, Никитинский¹¹; Посольский–2006¹², Никольский–2007¹³, Алексеевский¹⁴, Ильменский–2009¹⁵; Воскресенский–2012¹⁶.

Накопленный материал позволил перейти к детальному изучению характеристик средневековой городской усадьбы: усадебное благоустройство¹⁷; систематизация и эволюция деревянного домостроительства¹⁸; усадебная планировка¹⁹, размерные характеристики усадеб²⁰ и

---

⁷ Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. 198 с.

⁸ Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде (некоторые итоги) // Новгородские археологические чтения – 2. Великий Новгород, 2004. С. 224–233.

⁹ Степанов А. М., Соловьев Д. И., Тихонов П. И. Андреевский II раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика усадебной застройки) // Новгородские археологические чтения – 2. В. Новгород, 2004. С. 280–288.

¹⁰ Тарабардина О. А. Посольский раскоп 1999 года в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // Новгородские археологические чтения–2. В. Новгород, 2004. С. 235–245.

¹¹ Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.

¹² Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский–2006. Развитие застройки участка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 24–39.

¹³ Петров М. И. Никольский раскоп 2007 года: характеристика застройки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22, В. Новгород, 2008. С. 14–28.

¹⁴ Степанов А. М. Исследования на Алексеевском раскопе в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. В. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 520–533.

¹⁵ Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. В. Новгород, 2010. С. 24–39.

¹⁶ Шуреев А. В. Археологические исследования в Славенском конце средневекового Новгорода: Воскресенский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. В. Новгород, 2013. С. 35–39.

¹⁷ Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. Архив архитектуры VI. Новгородские древности. Вып. 2. М., 1995. 128 с.

¹⁸ Khoroshev, A. & Sorokin, A. Buildings and Properties from the Liudin End of Novgorod. In: M. Brisbane (ed.). The Archaeology of Novgorod, Russia. Lincoln, 1992. P. 107–159; Фараджева Н. Н. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 80–99; Фараджева Н. Н. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010. 24 с.

¹⁹ Khoroshev, A., Sorokin, A. & Petrov, M. Property Layout in Medieval Novgorod in the Tenth to Fifteenth Centuries. In: M. Brisbane, D. Gaimster (eds.). Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum Occasional Paper #141. London, 2001. P. 23–30.

²⁰ Петров М. И., Сорокин А. Н. О размерах усадеб древнего Новгорода. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11, Новгород, 1997. С. 54–63.

построек²¹; изучение процесса строительства отдельных сооружений²². Изучение застройки рассматривается как начальный этап исследования усадебного комплекса²³.

При публикации материалов археологических исследований основное внимание авторов уделяется стратиграфии и хронологии на основании анализа локальной застройки. Иногда описание наиболее ярких находок дополняет общую характеристику застройки²⁴. Развернутая характеристика усадебного комплекса занимает в издании значительный объем, и краткость статей можно объяснить малым размером печатного пространства. Единственная работа, в которой рассматриваются усадебные комплексы во всей полноте, посвящена ограниченному количеству ярусов усадьбы А Троицкого раскопа²⁵.

Развернутые характеристики усадеб тесно связаны с выявлением ремесленных комплексов, где наиболее остро обозначен вопрос количественных характеристик. Выяснение насыщенности культурного слоя отходами: фрагментами кожи²⁶ или костными остатками для выявления следов торговли мясом²⁷ – производится на основании

---

²¹ *Фараджеева Н. Н.* Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // *Российская археология*, 2015, № 4. С. 123–133.

²² *Reynolds, A. & Sudds, B.* Building Construction in Medieval Novgorod: the Results of Excavations in Troitsky Sites XI and XII, 1998 // М. Brisbane, D. Gaimster (eds.). *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum Occasional Paper #141.* London, 2001. P. 31–46.

²³ *Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдюков П. Г.* Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа: топография, стратиграфия, хронология // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 27. В. Новгород, 2013. С. 127–140; *Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдюков П. Г.* Усадьба «О» Ярышевой улицы Троицкого раскопа: топография, стратиграфия, хронология // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 204–217.

²⁴ *Асташова Н. И.* Усадьбы древнего Смоленска // Д. А. Авдусин (ред.). *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*. М.: МГУ, 1991. С. 21–49; *Дубровин Г. Е.* Никитинский раскоп...; *Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А.* Усадьба «Ж» Федоровского раскопа в конце XI – первой половине XII в. // *Российская археология*, 2015, № 4. С. 101–102.

²⁵ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. 167 с.

²⁶ *Полонская М. Ю.* Кожаная обувь древнего Смоленска // Д. А. Авдусин (ред.). *Смоленск и Гнездово*. М., 1991. С. 118; *Курбатов А. В.* Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 280; *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // *Записки института истории материальной культуры РАН*. № 3. СПб., 2008. С. 211.

²⁷ *Яворская Л. В.* Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II во Пскове // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59 заседания (9–11 апреля 2014 г.)*. Москва–Псков–Санкт-Петербург, 2014. С. 43.

подсчетов массового материала в пласте (без упоминания мощности), хотя в его границах могут находиться несколько строительных ярусов. Это направление исследований представляется крайне важным, поскольку состоит в поисках порогового значения для выявления стандартных или аномальных количественных показателей.

Можно утверждать, что проблемы комплексного изучения средневековой городской усадьбы остаются в значительной степени неразработанными. Наиболее существенной причиной представляется сложная процедура согласования пластов и ярусов и, как следствие, выявление вещевого комплекса конкретной усадьбы. Этот фактор сдерживает количественный и пространственный анализ. Детальный качественный анализ находок зачастую затруднен из-за нарастающей научной специализации и постоянно расширяющихся возможностей извлечения информации из материалов археологических исследований. Также замедляющим фактором выступает объем археологического материала в раскопах с сохраняющейся органикой – сотни или тысячи индивидуальных находок и десятки тысяч предметов массового характера, что предполагает необходимость использования современных информационных технологий и разработки соответствующих методик. Малое количество работ, подробно описывающих усадебные комплексы, в свою очередь, сдерживает дальнейшее развитие исследований: сравнение различных усадеб и следующие за этим выводы о характере их жителей.

Разработанная автором методика анализа усадебного комплекса²⁸ коротко может быть охарактеризована следующим образом: за процедурами формирования и датировки яруса, соотнесения каждой индивидуальной находки с ярусом следует качественный, количественный и пространственный анализ как застройки, так и вещевого комплекса. По мнению автора, каждый ярус усадебной застройки следует рассматривать как отдельную усадьбу, что предоставляет широкие возможности для сравнительного анализа усадебных комплексов.

---

²⁸ *Петров М. И.* К вопросу о формировании яруса // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22, Великий Новгород, 2008. С. 108–120; *Петров М. И.* Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23, Великий Новгород, 2009. С. 226–243; *Петров М. И.* ГИС-технологии в изучении городской средневековой усадьбы (на примере раскопа Посольский-2006) // Археология и геоинформатика. Вып. 6. [Электронный ресурс]: CD-ROM. М.: ИА РАН, 2010; *Петров М. И.* Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25, Великий Новгород, 2011. С. 137–147; *Петров М. И.* Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. Вып. 226, М.: Языки славянских культур, 2012. С. 27–37.

Если качественные и пространственные характеристики вполне сопоставимы, то с количественными параметрами возникают определенные затруднения. Это связано с фрагментарностью исследований – акцент археологических исследований в Новгороде сместился на индивидуальное жилое строительство, и, как следствие, археологические исследования крупной площадью (более 600 кв.м) проводятся крайне редко. Соответственно, средневековые усадьбы исследуются фрагментарно, при этом исследованная площадь зачастую остается неизвестной. Сравнение открытых и неполных комплексов, выявленных в рамках одного раскопа, исключительно между собой искусственно ограничивает возможность сопоставления синхронных объектов границами этого раскопа. Прямые сравнения (например, количества находок на усадьбах) представляются исходно ошибочными. Возникает необходимость в выработке критерия, который позволит сравнивать различные усадебные комплексы вне зависимости от их расположения и размеров исследованных площадей и, в некоторой степени, хронологической принадлежности.

Число археологизированных предметов связано с количеством предметов, находившихся в употреблении. Вероятно, эта зависимость близка к прямо пропорциональной: чем больше вещей используется на усадьбе, тем больше их приходит в негодность и выбрасывается или теряется. При этом количество вещей зависит не только от числа жителей, но и от характера их занятий. Минимальная активность жителей оставляет меньшее количество предметов, чем останется в разрушенной пожаром мастерской. Характер деятельности также влияет и на скорость отложения культурного слоя в границах усадьбы.

Оценка интенсивности жизнедеятельности может опираться на количество находок, обнаруженных на усадьбе, и на мощность культурного слоя, образовавшегося во время возникновения–существования–разрушения этого комплекса. Тем самым оценка интенсивности жизнедеятельности привязывается к средней плотности находок в ярусе. Для вычисления этого показателя необходимо рассчитать объем, занимаемый ярусом: объем культурных отложений, ограниченных поверхностью возникновения, поверхностью разрушения и рамками усадебной или уличной территории. Отношение количества индивидуальных находок или массового материала к этому объему дают среднюю плотность индивидуальных находок или среднюю плотность массового материала. Показатель плотности находок связан не с исследованной площадью усадьбы или уличной территории, но с объемом отложившегося культурного слоя и, соответственно, может быть использован для сравнения различных объектов. Необходимо отметить, что данные о количестве находок в пределах квадрата и пласта могут быть пересчи-

таны в показатель плотности, хотя результаты будут заведомо сильно усреднены.

Оценка интенсивности деятельности жителей путем расчета плотности находок в пределах усадьбы дает довольно общий показатель. Детальную картину можно получить в результате изучения отдельных категорий предметов, но их значительное общее количество и чрезмерная детализация, как кажется, делает исследование крайне сложным. Анализ более крупных групп, объединенных по материалу изделий, демонстрирует, в основном, особенности сохранности культурного слоя и находок, и в значительно меньшей степени характеризует жителей усадьбы.

При исследовании городских памятников со значительной мощностью культурного слоя, сохраняющего органические материалы (постройки и находки), и крупными вещевыми коллекциями эффективным решением стало применение функционального анализа. Эта методика использовалась при изучении средневековых кварталов Трондхейма²⁹ и Щецина³⁰ и позволила выявить характеристики повседневной жизни различных городских усадеб. Разнообразие функциональных групп при сохранении принципа их выделения показывает, что эта методика находится в стадии разработки. Объединение предметов в группы на основании функций сокращает избыточную детализацию, а также более четко выделяет определенные виды усадебной деятельности. Создание списка функциональных групп происходило в процессе обработки материалов раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 и охватывает разнообразие находок этих раскопов (табл. 1). Этот список является открытым и при необходимости может быть дополнен. Работа по выделению функциональных групп и созданию списка изначально предполагала применение баз данных для управления и анализа.

Функциональные группы становятся не только объектом пространственного анализа, но и основой для изучения количественных характеристик вещевой коллекции усадьбы. Сравнение вещевых комплексов опирается на сравнительный анализ плотности различных категорий находок, объединенных в функциональные группы, в каждом усадебном комплексе. Малые количества находок некоторых категорий

---

²⁹ *Nordeide, S. W.* Activity in an urban community. Functional aspects of artefact material in Trondheim from c. A. D. 1000 to A. D. 1600 // *Acta archaeologica*. Vol. 60 – 1989. København, 1990. P. 130–150; *Christoffersen, A.* Dwelling Houses, Workshops and Storehouses. Functional aspects of the development of wooden urban buildings in Trondheim from c. A. D. 1000 to A. D. 1600 // *Acta archaeologica*. Vol. 60 – 1989. København, 1990. P. 101–129.

³⁰ *Kowalska, A. B.* Życie codzienne mieszkancow wczesnosredniowiecznego Szczecina w swiete zrodel archeologicznych. In: *Szczecin wczesnosredniowieczny. Nadodrzańskie centrum*. Origines Polonorum. Tom V. Warszawa, 2011. P. 216–342.

вынуждают сравнивать плотностные характеристики, но показывать результаты в диапазонах значений.

Одна из задач исследования состоит в выделении «количественных аномалий» – наличия, отсутствия или существенной разницы в количестве предметов различных ФГ по сравнению с другими усадьбами (как разновременными, так и синхронными). Это направление также преследует цель выявления порогового значения для определения «стандартного вещевого комплекса новгородской усадьбы», т. е. некоего количества вещей, которые характерны для городской усадьбы. Превышение этого порогового значения или отсутствие предметов требуют пристального изучения, поскольку могут отражать характеристики жителей усадьбы.

Бесспорно, для получения убедительных данных необходим анализ множества усадебных комплексов, в идеале полностью исследованных археологически. Однако разработка и тестирование новых методов анализа более оперативно проводится на небольших объектах. Кроме того, для накопления данных важны любые исследованные усадебные комплексы. Предложенная методика была опробована на усадьбах, обнаруженных в результате археологических исследований на раскопах Посольский–2006 и Никольский–2007 в Великом Новгороде.

Оба раскопа расположены в Славенском конце средневекового Новгорода (рис. 1), содержат хронологически близкие отложения (нач. XII – нач. XIII в. – Посольский–2006 и 2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в. – Никольский–2007) и характеризуются схожей мощностью средневековых напластований (ок. 200 см – Посольский–2006 и 120–150 см – Никольский–2007). На территории раскопа Посольский–2006 изучено 5 ярусов уличных настилов и 9 сменяющих друг друга усадебных комплексов; вещевая коллекция насчитывает 847 индивидуальных находок и около 14 000 единиц массового материала (фрагментов керамики, костей, кожи). В границах раскопа Никольский–2007 исследовано 7 ярусов улицы и 8 последовательных усадебных комплексов; вещевая коллекция насчитывает 991 индивидуальную находку и около 15 000 единиц массового материала. Раскопы отличаются площадью (60 кв. м – Посольский–2006 и 180 кв. м – Никольский–2007) и мощностью отложений, хотя верхняя часть отложений раскопа Посольский–2006 значительно повреждена. Таким образом, объекты, выявленные в ходе полевых работ, в принципе сравнимы между собой.

В результате проведенных исследований получены детальные характеристики усадебных комплексов и уличных территорий, наиболее

яркие комплексы введены в научный оборот³¹. Результаты завершеного этапа исследований позволяют предпринять попытку сравнения усадебных комплексов.

Средняя плотность находок рассчитывалась не только для усадеб, но и для уличных территорий³². В результате исследования установлено, что отложение находок на общественных территориях (улица) происходило по схожим законам, а на усадебных комплексах связано с индивидуальными характеристиками каждой усадьбы. При этом для усадеб была прослежена корреляция между плотностями индивидуальных и массовых находок, что, вероятно, связано с интенсивностью деятельности жителей и подтверждает правомочность использования этого критерия.

Динамика плотности находок на различных усадьбах позволила выделить усадебные комплексы с наиболее высокой хозяйственной активностью (Пос06-В3-II и Нкл07-IV). Для выявления «типичных» значений плотности находок на «типичной» усадьбе в настоящий момент недостаточно наблюдений, а показатели варьируются в довольно широких пределах.

Изучение вещевых комплексов на уровне функциональных групп позволяет получить детальные характеристики для дальнейшего сравнения. Необходимым условием исследования является относительная неповрежденность комплекса, т.е. отсутствие значительных поздних вторжений, а также малое количество находок размытой принадлежности. Среди исследованных усадеб этим условиям отвечают лишь 6 объектов: доярусные отложения на раскопе Посольский-2006; усадьбы Пос06-В3-I и Пос06-В3-II (другие усадьбы раскопа значительно повреждены поздним перекопом); усадьбы Нкл07-I, II, Нкл07-III, Нкл07-IV (остальные усадьбы раскопа расположены в слоях посредственной сохранности, и их вещевые комплексы пересекаются). Безусловно, исходная выборка для поиска «стандартного усадебного комплекса» невелика и состоит из фрагментов усадеб, однако этот вопрос нуждается как минимум в определении и постановке текущих задач.

---

³¹ *Петров М. И.* Усадебный комплекс 30–40-х гг. XII в. по материалам раскопа Посольский–2006 // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2012. В. Новгород, 2014. С. 87–96; *Петров М. И.* Усадебный комплекс начала XIII века по материалам раскопа Никольский–2007 в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59 заседания (9–11 апреля 2013 г.). Москва–Псков–Санкт-Петербург: Нестор–История, 2014. С. 235–244.

³² *Петров М. И.* Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения. С. 143–144.

Характеристики функциональных групп, равно как и особенности археологизации предметов, налагают определенные ограничения при выявлении «комплекса стандартной усадьбы». Однозначно аномальной находкой являются человеческие останки, которые требуют особого рассмотрения для выяснения условий их археологизации.

Некоторые группы характеризуют индивидуальность и даже уникальность усадебного комплекса (табл. 2). К таким группам следует отнести: предметы, связанные с военным делом; импортируемые продукты питания (греческие орехи); импортная тара (амфоры); парадная посуда (поливная керамика, стеклянные сосуды); нумизматические находки; разнообразные свидетельства ремесленного производства (за исключением прядения как домашнего ремесла); снаряжение коня и всадника; объекты сфрагистики; церковная утварь. Собственно наличие таких вещей на усадьбе уже дают определенную характеристику комплекса, однако их малое количество может указывать на случайное появление предмета на усадьбе или на перемешивание слоев.

Мелкие элементы доспеха (кольчужные кольца) выявлены не только на усадьбе Пос06-ВЗ-II (где плотность этой ФГ достигает почти 4 предметов на кубометр), но и в более ранних и поздних отложениях, куда, они, вероятно, попали в результате перемешивания культурного слоя. Вероятно, что обнаружение менее 10 мелких элементов доспеха или менее 3–5 более крупных фрагментов можно рассматривать как случайную находку.

Единичные образцы предметов вооружения обнаружены на усадьбах Нкл07-I_II и Нкл07-III, но лишь на усадьбе Нкл07-IV (с учетом снаряжения верхового воина) они образуют некий комплекс. В количественном выражении, вероятно, должно быть обнаружено не менее 5 предметов вооружения, чтобы предполагать связь с жителями усадьбы. На этой усадьбе также обнаружены единичные находки снаряжения коня и всадника (шпора и лука седла). Нельзя исключать, что даже единичные находки подобного снаряжения на усадьбе дают индивидуальную характеристику комплексу.

Малое количество находок из группы «системы взвешивания» обнаружены на усадьбах Пос06-ВЗ-II (2 экз.) и Нкл07-IV (1 экз.). Необходимо заметить, что именно эти комплексы являются наиболее яркими, но лишь на усадьбе Нкл07-IV можно предполагать связь между ремеслом литейщика и весовым инвентарем. Подобные единичные находки не дают возможности для убедительных интерпретаций.

Также немногочисленно представлены импортная тара (фрагменты амфор), импортируемые продукты (скорлупа грецких орехов) и фрагменты церковной утвари. Соответственно, 1–2 предмета из этих функциональных групп можно рассматривать в качестве обычного значения.

Ремесленный инструментарий не представлен большим количеством находок. Вероятно, это служит указанием на отсутствие явной ремесленной активности практически на всех усадьбах. Однако на усадьбе Нкл07-IV обнаружены убедительные доказательства существования ювелирно-литейного ремесла: производственные постройки, отходы, вероятный брак и/или сырье.

Сфрагистические материалы присутствуют практически на всех усадьбах, кроме Нкл07-I_II. Наибольшее количество находок обнаружено на усадьбе Нкл07-III (10 шт.). Также значительное количество свинцовых пломб обнаружено на усадьбе Нкл07-IV (7 шт.), но в этом комплексе они могут быть интерпретированы как сырье для литейного производства. Вероятно, обнаружение до 5 экземпляров свинцовых пломб следует рассматривать как норму, а превышение этого порога требует дополнительных объяснений.

Количественные и плотностные показатели групп: архитектурные детали; останки животных (например, черепа и полные скелеты); элементы интерьера; кухонная посуда и утварь; хозяйственная утварь; детали и предметы костюма; водный и гужевой транспорт; берестяная и деревянная тара, включая металлические детали (табл. 3) – определяются не столько интенсивностью деятельности, но особенностями археологизации и случайной сохранности. В подавляющем большинстве эти группы представлены предметами из органических материалов, которые, находясь внутри жилища, в первую очередь страдали от пожаров. Необходимо отметить, что находки из группы «парадная кухонная посуда» на основании их степени фрагментированности и количества могут быть также отнесены к индивидуальным характеристикам усадьбы как привозные вещи или предметы роскоши. Количество находок из этих функциональных групп не превышает 10 предметов, а их плотность невелика. Вероятно, их можно рассматривать как фон вещевого комплекса усадьбы, который может быть задействован для качественного анализа, но количественной информативности не несет.

Остальные находки из разных функциональных групп, как представляется, составляют «вещевой комплекс стандартной усадьбы» (табл. 4). В него входят группы, характеризующие собственно жителей усадьбы (обувь; детали костюма; украшения; предметы личной гигиены и персонального благочестия; игрушки); их занятия (универсальные и сельскохозяйственные орудия труда, инвентарь для рыбной ловли и охоты; детали водного и гужевого транспорта; домашние ремесла: прядение и швейное дело; приспособления для счета и фрагменты цветных металлов); предметы повседневной жизни (орудия для разведения огня; запорные системы), а также предметы многовариант-

ного использования, универсальный крепеж, неопределяемые предметы и неизвестные находки.

Детали обуви, найденные на усадьбах, варьируются как в количественных, так и в плотностных показателях. Наибольшая плотность находок прослежена на усадьбе Пос06-ВЗ-II, где с большой вероятностью можно предполагать их единовременное отложение. Можно предполагать, что на усадьбах с малой активностью нормальным количеством будет около 10 деталей обуви, на усадьбах с высокой активностью (и, возможно, с большим количеством населения) – 40–60 деталей обуви.

Металлическая костюмная фурнитура представлена относительно равномерно (по одному предмету), за исключением резкого количественного и плотностного пика на усадьбе Нкл07-IV (11 предметов), где это, скорее всего, связано с производственным характером усадьбы и, соответственно, представляет собой явную аномалию.

Игрушки обнаружены на всех усадьбах (1–3 находки на каждой), за исключением усадьбы Нкл07-IV (7 предметов), где явно прослежено проживание детей. На этой же усадьбе обнаружено максимальное количество деревянных стрел, которые могут быть интерпретированы как игрушки (а не только как охотничий инвентарь), тогда усадьба Нкл07-IV демонстрирует максимальное количество игрушек, сопряженных с фрагментами детской обуви, а на усадьбе Пос06-ВЗ-II (где также есть детская обувь) обнаружено несколько большее количество игрушек по сравнению с остальными усадьбами. Возможно, 1–3 предмета игрового инвентаря составляют случайную норму, а превышающие значения подтверждают проживание детей. Для убедительных заключений необходима группа свидетельств (например, наличие не только игрушек, но и детской обуви).

Находки предметов личной гигиены и предметов персонального благочестия составляет 1–2 находки для каждой усадьбы, что вероятно, составляет нормальное количество.

Плотность находок украшений схожа для всех усадеб, однако в количественном выражении резко выделяется усадьба Нкл07-IV, где обнаружено 48 предметов, в то время как на остальных усадьбах количество находок колеблется от 2 до 10. Вероятно, 5–10 находок следует рассматривать как нормальное значение, а более высокие показатели указывают на особенности комплекса. Учитывая характер усадьбы Нкл07-IV, очевидно, что часть украшений является продукцией/браком/сырьем расположенного на усадьбе ювелирного производства.

Плотность находок группы «универсальные орудия труда» схожа на всех усадебных территориях. Вероятно, нормой следует считать 10–15 предметов.

Сельскохозяйственные орудия труда представлены единичными находками на усадьбах раскопа Никольский-2007, что, как кажется, и следует считать нормой.

Если охотничий инвентарь обнаружен в единичном экземпляре на усадьбе Нкл07-IV, то рыболовный инвентарь присутствует практически на каждой усадьбе. Для большинства усадеб его количество составляет 1-5 предметов (обычно, каменных грузил), а на усадьбе Пос06-ВЗ-II обнаружено 39 находок этой группы. Вероятно, 1-5 находок можно рассматривать как случайные, но количественные и плотностные (5 шт. на куб/м) показатели усадьбы Пос06-ВЗ-II убедительно свидетельствуют о наличии на ней рыболовного промысла.

Домашнее ремесло (пряжение и швейное дело) представлено на всех усадьбах (за исключением доярусных отложений). Вероятно, пряжение как домашнее ремесло присутствовало на каждой из изученных усадеб, хотя больше всего предметов найдено на усадьбе Пос06-ВЗ2, в то время как на усадьбах Пос06-ВЗ-I и Нкл07-III найдены минимальные количества находок этой функциональной группы. Можно предполагать, что обычным для усадебного комплекса будет обнаружение 3-5 предметов для пряжения.

В единичных экземплярах обнаружены находки функциональных групп «сырье» и «счетные приспособления». Эти предметы найдены лишь на усадьбах раскопа Никольский-2007 (Нкл07-I_II и Нкл07-IV), и их количество явно недостаточно для убедительных заключений.

Группа «фрагменты цветных металлов» может быть отнесена к ремесленным находкам, однако эти предметы присутствуют практически на всех усадьбах в количестве от 1 до 5 экземпляров, а на усадьбе Пос06-ВЗ-II наблюдается максимальное количество (16 шт.), что дает наибольшую плотность находок в группе. Следует отметить, что убедительного объяснения этому не найдено. Вероятно, 1-5 фрагментов цветного металла следует рассматривать как нормальное количество находок для усадьбы.

Функциональная группа «запорные системы» представлена немногочисленными находками на каждой усадьбе (за исключением доярусных отложений раскопа Посольский-2006), с некоторым увеличением количества на усадьбе Нкл07-IV. Плотностные характеристики довольно схожи между собой, и явных аномалий не наблюдается. Вероятно, обычное количество находок этой группы составляет от 1 до 5 предметов.

Малое количество находок (1-2 экз.) предметов для разведения огня обнаружено на всех усадьбах, за исключением Нкл07-III и Нкл07-IV, где эти предметы отсутствуют. Скорее всего, в этом диапазоне находится норма находок для отдельной усадьбы.

Группы предметов, назначение которых многовариантно или неизвестно, распределены относительно равномерно: в целом не более 10 предметов на усадьбе. Необходимо особо выделить группу «неопределяемые предметы», которые, вероятно, представляли собой мусор уже на момент археологизации³³. Их максимальное количество совпадает с наиболее развитыми комплексами усадеб Пос06-ВЗ-II и Нкл07-IV, где обнаружены наибольшие количества находок. При этом плотность этих объектов выше на усадьбе Пос06-ВЗ-II. Повышенное количество таких находок, вероятно, показывает более высокий уровень активности жителей усадьбы.

Детальные характеристики усадеб и разработанные критерии оценки количественных показателей позволяют перейти к сравнительному анализу усадебных комплексов, выявленных в раскопах Посольский-2006 и Никольский-2007. В таблицу с обобщенными результатами (табл. 5) включены усадьбы с наиболее полными характеристиками, т. е. включающие детальный анализ как застройки, так и вещевого комплекса.

Застройка каждой усадьбы индивидуальна, однако необходимо отметить увеличение плотности застройки с течением времени и вероятным изменением владельцев: фактически каждый усадебный комплекс содержит больше построек, чем предшествующий. На исследованных фрагментах усадеб практически всегда присутствует жилое здание, при этом для усадеб раскопа Никольский-2007 это средний или большой пятистенок по классификации Н. Н. Фараджевой³⁴, что характерно для 2-й пол. XII в., а на усадьбе Пос06-ВЗ-II (1-я пол. XII в.) жилым зданием является малый четырехстенный сруб.

Установить минимальное количество жителей удалось только для наиболее ярких комплексов: на усадьбах Пос06-ВЗ-II и Нкл07-IV можно предполагать проживание мужчины, женщины и ребенка (или нескольких детей). Для остальных усадеб (Пос06-ВЗ-I, Нкл07-I_II, Нкл07-III) для установления числа жителей недостаточно данных. В то же время необходимо отметить, что на усадьбе Нкл07-III практически отсутствуют материалы, указывающие на присутствие женщин и детей среди жителей: это выражено как в малом количестве или отсутствии украшений и детских игрушек, а также в отсутствии предметов,

---

³³ *Петров М. И.* Функциональная группы «неопределяемые предметы» и ее информационный потенциал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 60 заседания (20–21 апреля 2014 г.). М.; Псков; СПб., С. 341.

³⁴ *Фараджева Н. Н.* Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Российская археология, 2015, № 4. С. 24.

связанных с традиционно женскими домашними ремеслами – прядением и шитьем.

Свидетельства ремесленной деятельности также присущи только наиболее ярким комплексам: на усадьбе Пос06-ВЗ-II это демонтаж доспеха (вероятно, разовый), а на усадьбе Нкл07-IV – ювелирное производство с изготовлением недорогих украшений. Явных свидетельств существования ремесленных мастерских в других усадебных комплексах не выявлено. В то же время такое домашнее ремесло, как прядение и шитье, представлено практически на каждой усадьбе, за исключением Нкл07-III.

Убедительные свидетельства промысловой деятельности обнаружены только на усадьбе Пос06-ВЗ-II, где найдены остатки рыболовных сетей. На прочих усадебных комплексах находки рыболовного инвентаря (преимущественно, грузил для сетей) выявлено только в фоновых количествах. Единичный фрагмент охотничьего снаряжения найден на усадьбе Нкл07-IV. Только жители усадьбы Пос06-ВЗ-II занимались рыбной ловлей, а на остальных усадьбах находки носят случайный характер. Сельскохозяйственный инвентарь, связанный, вероятно, с подсобным хозяйством (огородничество, сенокосение) обнаружен лишь на усадьбах Нкл07-I_II и Нкл07-III.

Находки деталей транспорта присутствуют на усадьбах Пос06-ВЗ-II, Нкл07-усI_II и Нкл07-IV в фоновом количестве: детали гужевых транспортных средств на всех усадьбах, фрагменты водных средств не обнаружены на усадьбе Нкл07-I_II. На усадьбах Пос06-ВЗ-I и Нкл07-III элементов транспортных средств не обнаружено. Предметы снаряжения верхового коня встречены на усадьбе Нкл07-IV, что вкупе с находками деталей вооружения всадника указывает на наличие боевого верхового выезда.

Сфрагистические материалы обнаружены на всех усадьбах, кроме Нкл07-I_II, и представлены в основном свинцовыми пломбами, которые распределены неравномерно. Незначительное количество обнаружено на усадьбе Пос06-ВЗ-I; количество находок пломб на усадьбах Пос06-ВЗ-II и Нкл07-IV несколько превышает норму. Наиболее ярким комплексом предстает усадьба Нкл07-III, где обнаружены как печати (печать церковного круга и заготовка), так и пломбы. Учитывая, что назначение и особенности свинцовых пломб остается дискуссионным, эта категория находок не позволяет получить убедительные выводы о характере комплексов. Нельзя исключать, что на усадьбе Нкл07-IV пломбы могли быть использованы как сырье, равно как и их появление в этом комплексе в результате перемешивания отложений. Следует отметить, что лишь на одной усадьбе найдена вислая свинцовая печать, что свидетельствует о наличии у жителей усадьбы документа церков-

ного круга. При этом остальные характеристики усадьбы Нкл07-III невыразительны.

Дополнительной характеристикой усадебного комплекса выступают изделия из импортных материалов (за исключением шиферных пряслиц), которые могут указывать на более высокий имущественный статус жителей. Подобные находки обнаружены на усадьбах Нкл07-I_II и Нкл07-IV.

В целом усадьбы, исследованные на раскопе Никольский–2007, характеризуются более высоким имущественным обликом – большой размер сооружений, предметы из импортных материалов, сфрагистический комплекс. Наиболее яркий из исследованных комплексов усадьбы Нкл07-IV также изучен на этом раскопе. Дополнительным фактором оценки может служить положение земельного участка: усадьбы Посольского раскопа расположены в зоне паводкового подтопления, и, вероятно, были менее престижны для поселения.

Детальное изучение и сопоставление усадебных комплексов подчеркивают ряд аспектов городской жизни, на которые на общем фоне средневековой городской материальной культуры ранее не обращалось внимания. На всех исследованных усадьбах отсутствуют находки, связанные с письменностью. Убедительное существование ремесленной мастерской доказано лишь для одной усадьбы, в то время как следов занятий ремеслом на остальных усадьбах не обнаружено (следы демонтажа доспеха вряд ли можно считать оружейной мастерской). Предполагающееся естественное присутствие детей на усадьбе также прослежено лишь на двух участках. Более того, выявлен усадебный комплекс, в котором отсутствуют свидетельства о проживании детей и женщин, но обнаружен сфрагистический комплекс, связанный с церковью. В целом исследованные усадьбы при относительной общности материальной культуры демонстрируют значительное количество различий, что указывает на многообразие повседневной жизни средневекового Новгорода.

Предложенная в статье методика сравнения средневековых городских усадеб и/или их фрагментов, исследованных в различных раскопах, опробована на материалах нескольких усадебных комплексов. В качестве критерия используется плотность находок, которая позволяет сопоставлять различные комплексы вне зависимости от их площади. Для более детального изучения этот же параметр применяется для групп находок, объединенных на основании своих функций. Это позволило обозначить круг функциональных групп, которые можно рассматривать как вещевой комплекс «стандартной новгородской усадьбы», а также группы, которые определяют индивидуальные характеристики усадебного комплекса. Для некоторых функциональных

групп в первом приближении выявлены пороговые количественные значения, превышение которых указывает либо на убедительное присутствие того или иного вида деятельности, либо требует дополнительных объяснений. Одновременно обозначены значения, характерные для «стандартной городской усадьбы».

К сожалению, неполнота исследованных усадеб и их небольшая выборка позволяют рассматривать полученные результаты только как промежуточные. Увеличение количества изученных усадеб и исследование полностью раскопанных усадебных комплексов с последующим их сравнением представляются перспективным направлением продолжения работы, которая позволяет детально увидеть городскую усадьбу средневекового Новгорода.

Приложения

Рис.1. Археологические исследования Славенского конца
(центральная и южная части).

Цифрами обозначены раскопы: 1 – Михайловский (1970); 2 – Дубошин (1978); 3 – Нутный I-III (1980-1984); 4 – **Никольский-2007**; 5 – Нутный IV (2011-); 6 – Ильменский-2009; 7 – **Посольский-2006**; 8 - Посольский-2008; 9 – Воскресенский (1937); 10 – Посольский-1999; 11 – раскопы на Славне (1932–1937); 12 – Никольский-2012; 13 – Воскресенский-2012; 14 – раскопы Петропавловский I и II (2014).

Таблица 1

Функциональные группы.

Буквенный индекс	Наименование	Номенклатура
Антр	Антропологические остатки	фрагменты человеческого скелета
АрхДет	Архитектурные детали	балясины, подпятники, двери, курица
ВД-Досп	Военное дело – доспех	кольчужные кольца, доспешные пластины
ВД-Огн	Военное дело – оружие огнестрельное	ядра, пули и т.п.
ВД-Ор	Военное дело – оружие	детали мечей, детали сабель, детали ножен
ВД-ОрДревк	Военное дело – оружие древковое	наконечники копий, втоки
ВД-ОрМет	Военное дело – оружие метательное	наконечники стрел, детали луков
ВзвСист	Системы взвешивания	весы, весовые гирьки, безмены, коромысла весов, чашки весов
Дос-Кур	Досуг – курение	трубки, мундштуки
Жив	Животные остатки	костные остатки животных (черепа)
ЗапСист	Запорные системы	ключи, замки, дверные крючки, пружины замков, корпуса замков, жековины
ИгрДет	Игрушки детские	свистульки, погремушки, деревянные мечи, деревянные колесики
ИгрУ	Игрушки универсальные	мяч, коньки, бабки-астргалы, бабки-битки
Имп-П	Импорт – продукты питания	грецкие орехи (скорлупа)
Имп-Т	Импорт – тара	амфоры
Инт	Элементы интерьера	настенные крюки, мебель, изразцы
К-Об	Костюм – обувь	сапоги, туфли, поршни, детали обуви, подошвы, стельки
К-Об-Присп	Костюм – обувь – приспособления	обувные шипы, подковки
К-Укр	Костюм – украшения	нашивные бляшки, дробницы
К-Фурн	Костюм – фурнитура	пуговицы, фибулы, язычки фибул, булавки
К-ФурнПояс	Костюм – фурнитура – поясная	поясные бляшки, пряжки, разделительные кольца, наконечники ремней
К-Эл	Элементы костюма	рукавицы и их детали, пояса, тесьма
КрепУ	Крепеж универсальный	скобы, заклепки, гвозди, нагели

Кух-Пос	Кухня – посуда	горшки, миски, плошки, ковши, чаши
Кух-Пос-Пар	Кухня – посуда – парадная	стеклянные сосуды, поливная керамика
Кух-Утв	Кухня – утварь	половники, ложки, мутовки, жернова, затычки
Мвар	Многовариантное использование	кольца, железные пряжки неопределенного назначения, пробои, пробои с кольцом, шипы ледоходные, свинцовые грузики, звено цепи
Неизв	Область применения неизвестна	лопатки деревянные, наверхия деревянные, глиняные грузики, обломки бронзовых сосудов
Неопр	Неопределяемые объекты	предметы, поделки, изделия, неопределяемые детали объектов, ткань, кожаный крой
Нумизм	Нумизматика	монеты
Огн	Разведение огня	кресала, фрагменты кремня, трутницы
ОрТ-СХ	Сельскохозяйственные орудия	грабли, зуб граблей, зуб бороны, косы
ОрТ-У	Орудия труда – универсальные	ножи, топоры, обоймицы ножей, ножны, шила, неопределяемые рукояти (от ножа или шила), точильные камни, оселки, лопаты, чекмари, проколки
Ох	Промыслы – Охота	костяные наконечники стрел, томары
Ох;Игр	Охота; Игрушки	деревянные стрелы
ПЛГ	Предметы личной гигиены	гребни, копоушки
ППБл	Предметы персонального благочестия	нательные кресты, иконки
Рем-Гонч	Ремесло – гончарство	гончарные круги
Рем-Дер	Деревообработка	заготовки деревянные, инструменты (ложкарь), резцы
Рем-Кость	Ремесло – косторезное	опиленные рога, опиленные кости, струги по кости
Рем-Неопр	Ремесло – неопределенное	неопределенные обломки инструментов, ложила
Рем-Отх	Ремесло – отходы	неопределенные отходы: шлак, бобышки
Рем-Пр	Ремесло – прядение	пряслица глиняные, веретена, прялки, кудельные булавки
Рем-Пр;Имп	Ремесло – прядение; Импорт	шиферные пряслица
Рем-Стр	Ремесло – строительство	клинья (для раскалывания бревен)
Рем-Юв	Ремесло – ювелирное	тигли, льячки, литьевой брак
РыбЛ	Промыслы – Рыбная ловля	поплавки для сетей, грузила, петли от сетей
Сфраг	Сфрагистика	печати, пломбы, заготовки печатей и пломб

Счет	Счетные приспособления	бирки счетные
Сырье	Сырье	охра, воск
Т-Бер	Тара – берестяная	туеса, коробка
Т-Бонд	Тара – бондарная	днища, клепки бочек, клепки ведер, ободья
Т-МД	Тара – металл. детали	дужки котлов, ведер, ушки котлов
Т-Сунд	Тара – сундуки	петли сундучные, сундучные замки, сундучные накладки
Тр-Верх	Транспорт – верховая езда	удила, подковы, стремена, скребницы
Тр-Водн	Транспорт – водный	детали судов: шпангоуты, рыбыны
Тр-Гуж	Транспорт – гужевой	копылы, оглобли
Укр	Украшения	бусины, привески, перстни, браслеты, бисер, лунница; бубенчик
Укр-Обер	Украшения – обереги	медвежьи/волчьи клыки и когти, кабаньи клыки,
УкрЖ	Украшения женские	височные кольца
ХозУтв	Хозяйственная утварь	угольные совки, веники
ЦвМ-Фр	Цветной металл – фрагменты	обломки пластин, проволока, выплески
ЦеркУтв	Церковная утварь	паникадила, рипиды
Шв	Швейное дело	иглы, игольники, наперстки

Таблица 2. Функциональные группы, характеризующие индивидуальный облик усадьбы.

	Объем, куб.м	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_1	Нкл07-3	Нкл07-IV	Медиана
Военное дело – доспех	кол-во	2	12	93		1		7,000
	плотн.	0,47	1,27	3,95	0	0,03	0	0,250
	Кпл	1,88	5,08	15,8	0	0,12	0	
Военное дело – оружие	кол-во				1	1	4	1,000
	плотн.	0	0	0	0,04	0,03	0,06	0,015
	Кпл	0	0	0	2,67	2	4	
Системы взвешивания	кол-во			2			1	1,500
	плотн.	0	0	0,08	0	0	0,01	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	
Импорт – продукты	кол-во				1			1,000
	плотн.	0	0	0	0,04	0	0	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	
Импорт – тара	кол-во			1		2		1,500
	плотн.	0	0	0,04	0	0,06	0	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	
Церковная утварь	кол-во			1				1,000
	плотн.	0	0	0,04	0	0	0	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 2. Функциональные группы, характеризующие индивидуальный облик усадьбы (продолжение)

	Объем, куб.м	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_2	Нкл07-3	Нкл07-4	Медиана
Ремесло – гончарство	кол-во плотн.	0	0	0	0	0	1	1,000
	Кпл	-	-	-	-	-	0,01	0,000
Ремесло – дерево-обработка	кол-во плотн.	0	0	0	0	0	1	1,000
	Кпл	-	-	-	-	-	0,01	0,000
Ремесло – косторезное	кол-во плотн.	0	0,11	0,08	0	0	2	2,000
	Кпл	0	7,33	5,33	0	0	0,03	0,015
Ремесло – отходы	кол-во плотн.	0	0,11	0,08	0	0	2	2,000
	Кпл	-	7,33	5,33	-	-	0,03	0,015
Ремесло – строительство	кол-во плотн.	0	0,21	0,04	0	0	0	1,500
	Кпл	-	-	-	-	-	-	-
Снаряжение верхового коня и всадника	кол-во плотн.	0	0	0	0	0	2	1,000
	Кпл	-	-	-	-	-	0,03	0,000

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 2. Функциональные группы, характеризующие индивидуальный облик усадьбы (окончание).

	Пос06- до-яр	Пос06- ВЗ-1	Пос06- ВЗ-2	Нкл07- I_II	Нкл07- III	Нкл07- IV	Медиана
Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
кол-во	2	1	4		10	7	4,000
плотн.	0,47	0,11	0,17	0	0,3	0,1	0,140
Кпл	3,36	0,79	1,21	0	2,14	0,71	

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 3. Функциональные группы, не входящие в «комплекс стандартной усадьбы»

	Объем, куб.м	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-I_II	Нкл07-III	Нкл07-IV	Медиана
Архитектурные детали	кол-во	1			2			1,500
	плотн.	0,23	0	0	0,08	0	0	0,000
Останки животных	Кпл	-	-	-	-	-	-	-
	кол-во		1	1			1	1,000
Детали интерьера	плотн.	0	0,11	0,04	0	0	0,01	0,005
	Кпл	0	22	8	0	0	2	
Элементы костюма	кол-во					2		2,00
	плотн.	0	0	0	0	0,06	0	0,000
Кухонная посуда	Кпл	-	-	-	-	-	-	-
	кол-во	0	0	0	0	1	4	2,500
Парадная кухонная посуда	плотн.	0	0	0	0	0,03	0,06	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	-
Архитектурные детали	кол-во		3		4	4	13	4,000
	плотн.	0	0,32	0	0,17	0,12	0,18	0,145
Парадная кухонная посуда	Кпл	0	2,21	0	1,17	0,83	1,24	
	кол-во	1	2				1	1,000
Парадная кухонная посуда	плотн.	0,23	0,21	0	0	0	0,01	0,005
	Кпл	46	42	0	0	0	2	

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 3. Функциональные группы, не входящие в «комплекс стандартной усадьбы» (продолжение).

	Объем, куб.м	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_2	Нкл07-3	Нкл07-4	Медиана
Кухонная утварь	кол-во	2	1	1	1	2	4	2,000
	плотн.	0	0,21	0,04	0,04	0,06	0,06	0,050
Тара – берестяная	Кпл	0	4,2	0,8	0,8	1,2	1,2	
	кол-во	2	4	4	1	5	7	4,000
Тара – бондарная	плотн.	0	0,21	0,17	0,04	0,15	0,1	0,125
	Кпл	0	1,68	1,36	0,32	1,2	0,8	
Тара – ме-талл.детали	кол-во		1	1	3		2	2,000
	плотн.	0	0	0,04	0,13	0	0,03	0,015
Тара – сундучные детали	Кпл	0	0	2,67	8,67	0	2	
	кол-во	0	0	0	0	4	1	2,500
Тара – сундучные детали	плотн.	0	0	0	0	0,12	0,01	0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-	
Водный транспорт	кол-во	1	1	2				2,000
	плотн.	0,23	0	0,08	0	0	0	0,000
	Кпл	46	0	8	0	0	0	
	плотн.	0,23	0	0,4	0	0	0,01	1,000
	Кпл	46	0	8	0	0	2	0,005

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 3. Функциональные группы, не входящие в «комплекс стандартной усадьбы» (окончание).

	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_2	Нкл07-3	Нкл07-4	Медiana
Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Гужево́й транс-порт	кол-во плотн.	0	0,08	0	0,06	0,01	2,000
	Кпл	0	16	0	12	2	0,005
Хозяйственная утварь	кол-во плотн.	0	0,13	0	0	0,01	2,000
	Кпл	-	-	-	-	-	0,000

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
 Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 4. Функциональные группы, характеризующие «комплекс стандартной усадьбы»

		Пос06- до-яр	Пос06- ВЗ-1	Пос06- ВЗ-2	Нкл07- I_II	Нкл07- III	Нкл07- IV	Медиана
	Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Запорные системы	кол-во		1	2	1	3	5	2,000
	плотн.	0	0,11	0,08	0,04	0,09	0,07	0,075
Игрушки	Кпл	0	1,47	1,07	0,53	1,2	0,93	
	кол-во		2	3	1	2	7	2,000
?Охота / игрушки	плотн.	0	0,21	0,13	0,04	0,06	0,1	0,080
	Кпл	0	2,63	1,63	0,5	0,75	1,25	
Костюм – обувь	кол-во			1		1	3	1,000
	плотн.	0	0	0,04	0	0,03	0,04	0,015
Костюм – фурнитура	Кпл	0	0	2,67	0	2	2,67	
	кол-во	2	6	40	10	12	59	11,000
Универсальный крепеж	плотн.	0,47	0,63	1,7	0,42	0,36	0,81	0,550
	Кпл	0,85	1,15	3,09	0,76	0,65	1,47	
Универсальный крепеж	кол-во			1	1	1	11	1,000
	плотн.	0	0	0,04	0,04	0,03	0,15	0,035
Универсальный крепеж	Кпл	0	0	1,14	1,14	0,86	4,29	
	кол-во		1	9	2	10	4	4,000
Универсальный крепеж	плотн.	0	0,11	0,38	0,08	0,3	0,06	0,095
	Кпл	0	1,16	4	0,84	3,16	0,63	

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 4. Функциональные группы, характеризующие «комплекс стандартной усадьбы» (продолжение).

	Объем, куб.м	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_1	Нкл07-3	Нкл07-4	Нкл07-IV	Медиана
Многовариантное использование	кол-во	1	1	5	4	4	4	9	4,000
	плотн.	0,23	0,11	0,21	0,17	0,12	0,12	0,12	0,145
	Кпл	1,59	0,76	1,45	1,17	0,83	0,83	0,83	
Неизвестные предметы	кол-во			5	2	2	2	3	2,500
	плотн.	0	0	0,21	0,08	0,06	0,04	0,04	0,050
	Кпл	0	0	4,2	1,6	1,2	0,8		
Неопределяемые предметы	кол-во	4	9	38	9	13	39		11,000
	плотн.	0,94	0,95	1,61	0,38	0,39	0,54		0,740
	Кпл	1,27	1,28	2,18	0,51	0,53	0,73		
Разведение огня	кол-во	2	2	2	1				0,000
	плотн.	0,47	0,21	0,08	0,04	0	0		0,060
	Кпл	7,83	3,5	1,33	0,67	0	0		
Орудия труда – сельское хозяйство	кол-во				1	1			1,000
	плотн.	0	0	0	0,04	0,03	0		0,000
	Кпл	-	-	-	-	-	-		
Орудия труда – универсальные	кол-во	3	5	12	11	9	19		10,000
	плотн.	0,7	0,53	0,51	0,47	0,27	0,26		0,49
	Кпл	1,43	1,08	1,04	0,96	0,55	0,53		

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 4. Функциональные группы, характеризующие «комплекс стандартной усадьбы» (продолжение).

	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_2	Нкл07-3	Нкл07-4	Медиана
Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Ремесло – прядение	кол-во	1	2			2	2,000
	плотн.	0	0,11	0,08	0	0	0,015
Ремесло – прядение; импорт	Кпл	0	7,33	5,33	0	2	
	кол-во			5	2	3	4,000
	плотн.	0	0	0,21	0,21	0,06	0,050
	Кпл	0	0	4,2	4,2	1,2	0,8
Предметы личной гигиены	кол-во	2		1	1	2	1,500
	плотн.	0	0,21	0	0,04	0,03	0,030
	Кпл	0	7	0	1,33	1	
Предметы персон. благочестия	кол-во	1	1	1	2	4	2,000
	плотн.	0	0,11	0,04	0,08	0,06	0,060
	Кпл	0	1,83	0,67	1,33	1	
	кол-во	3	5	39	3	1	3,500
Рыбная ловля	плотн.	0,7	0,53	1,66	0,13	0,03	0,330
	Кпл	2,12	1,61	5,03	0,39	0,09	0,18
Счетные приспособления	кол-во					1	1,000
	плотн.	0	0	0	0	0,01	0,000
Кпл	-	-	-	-	-	-	

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 4. Функциональные группы, характеризующие «комплекс стандартной усадьбы» (окончание).

	Пос06-до-яр	Пос06-ВЗ-1	Пос06-ВЗ-2	Нкл07-1_2	Нкл07-3	Нкл07-4	Медиана
Объем, куб.м	4,26	9,45	23,54	23,55	33,73	72,59	
Сырье	кол-во			1			1,000
	плотн.	0	0	0,04	0	0	0,000
Украшения	Кпл	-	-	-	-	-	
	кол-во	2	3	5	6	10	5,500
	плотн.	0,47	0,32	0,21	0,25	0,3	0,310
	Кпл	1,52	1,03	0,68	0,81	0,97	2,13
Фрагменты цветных металллов	кол-во	2	16	4	4	1	4,000
	плотн.	0,47	0	0,68	0,17	0,03	0,120
	Кпл	3,92	0	5,67	1,42	0,25	0,58
Швейное дело	кол-во		1	2	3	2	2,000
	плотн.	0	0,11	0,08	0,13	0,06	0,070
	Кпл	0	1,57	1,14	1,86	0,86	0,43

Плотность находок измеряется в шт./куб.м
Кпл = значение отношения плотности находок к медиане плотностей находок.

Таблица 5. Усадьбные комплексы с наиболее полными характеристиками.

	Пос06-ВЗ-1 (рис. 2)	Пос06-ВЗ-2 (рис. 3)	Нкл07-1_II (рис. 4)	Нкл07-III (рис. 5)	Нкл07-IV (рис. 6)
Застройка	иссл.частичн	иссл.частично	иссл.частично	иссл.частично	иссл.частично
Размерные группы [Фараджева 2015, 124]	1 строение (вспом.) малый	2 строения (жилой? дом – четырехстен; вспом.сруб	1 строение (пятистен)	2-?3 строения (пятистен; 1-?2 вспом.сруба с мощением между ними)	4 строения (пятистен; 1 вспом.сруб 2 произв.соор.)
Жители (мин. кол-во)		малые	средний	пятистен – ?средний вспом.срубы – малые	пятистен – ?большой; четырёхстен – средний произв.сооружения – малые
Военное дело (занятие)					мужчина (оружие; снаряжение всадника, обувь); женщина (ребенок; украшения); ребенок (игрушки, дет.обувь)
Письменность	-	-	-	-	наконечники стрел, обкладка ножен сабли
Сфрагистика (соц. и имущ статус)	+	++ (4 пломбы)		печать церковного круга; заготовка печати; 7 пломб	++ (7 пломб)

Таблица 5. Усадьбные комплексы с наиболее полными характеристиками. (продолжение)

	Пос06-ВЗ-1 (рис.2)	Пос06-ВЗ-2 (рис.3)	Нкл07-1_II (рис.4)	Нкл07-III (рис.5)	Нкл07-IV (рис.6)
Ремесла		демонтаж доспеха (кольчужные кольца, пластины)			ювелирное дело (производственные соору- жения; отходы производ- ства; сырье/брак)
Домашние ремесла (прядение, шитье)	+	+	+		+
Промыслы (охота; рыболовство)	+	рыболовство	+	+	+
Сельское хозяйство			+	+	
Транспорт		+	+		верховой конь: лука седла, шпора + (водный, гужевой)
Предметы из импортных материалов			грецкие орехи, бусина из сердо- лика		бусина из хрусталя; натальный крест (пор- фирит)
Пояснения:	+ - обычное количество ++ - незначительное превышение обычных количеств (менее, чем на 25%) [текст] - явная количественная аномалия				

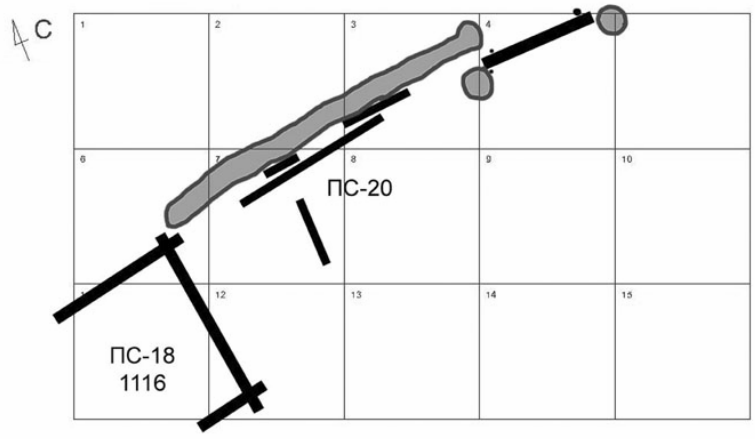

Рис. 2. Усадьба Пос06-В3-І. Схема застройки

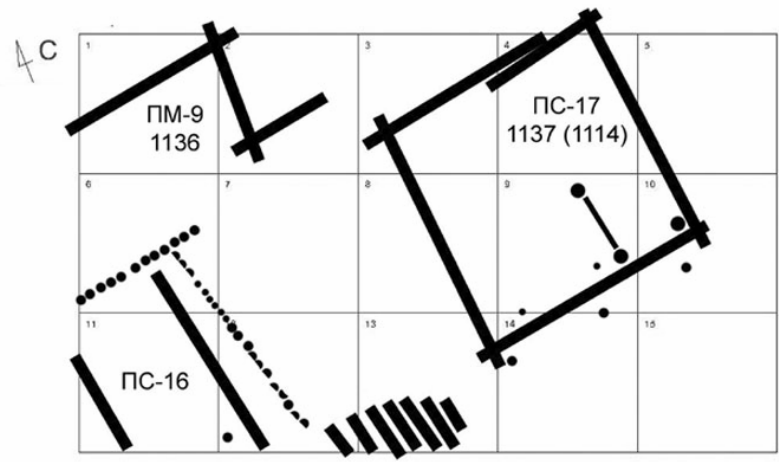

Рис. 3. Усадьба Пос06-В3-ІІ. Схема застройки

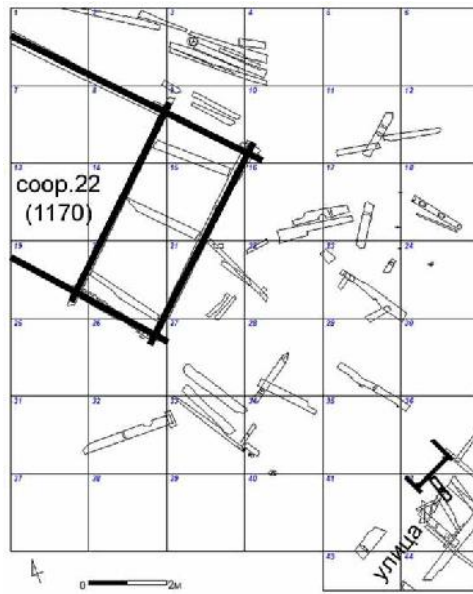

Рис. 4. Усадьба Нкл2007-I_II. Схема застройки

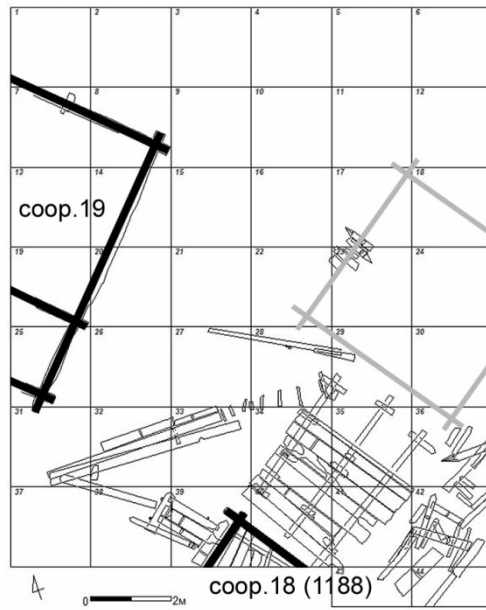

Рис. 5. Усадьба Нкл2007-III. Схема застройки

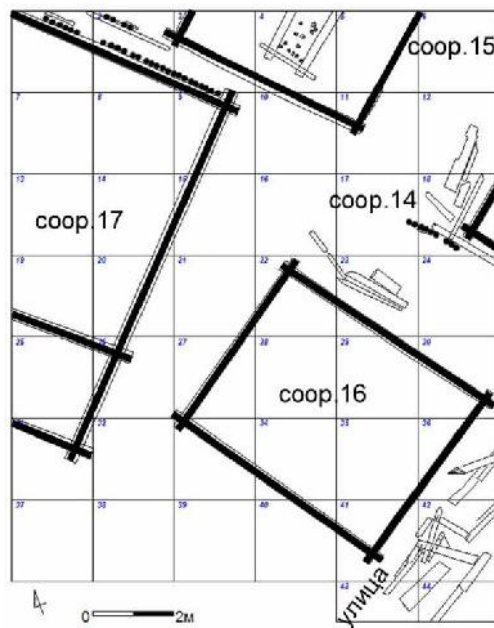

Рис. 6. Усадьба Нкл2007-IV. Схема застройки

С. Б. Чебаненко

ДОСУДЕБНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В
ЭПОХУ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ: НОВГОРОДСКАЯ
БЕРЕСТИЯНАЯ ГРАМОТА № 548

Древнерусское население было довольно активным в правовой сфере и могло разрешать возникшие споры без обращения к княжескому суду. В этой связи обратимся к берестяной грамоте № 548¹ (середина XII – начало XIII в.). Автор, чьё имя заканчивается на «...бог», пишет Моиславу и Миките:

«цѣмоу бра(тѣ) (--) (бѣ не в)звншисѧ . а ѧ вѣдѣ оужь жь близ
ѣ.стѣ тѣварѣ ольскы(нѣ) [а] ѧзо не єдино . былѣ . Ар.мирѣ а нннх
моуужѣ .г. ----- [х] а правитѣ . нмѣ тѣваро . бѣ сѧ бо.цѣ».

А. А. Зализняк даёт следующий перевод: «От ...бога к Моиславу и к Миките. Почему ты, брат, [Бога не] боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы) (или: я же знаю, что товар Олескин у вас). А я не один был, [когда видел это], — [был еще] Яромир и трое других мужей ... (вероятно: уличан, рушан и т. п.). Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога»³.

Содержание грамоты бесспорно указывает на определённый конфликт юридического характера. Вопросание «цѣмоу», начинающее грамоту, это не столько вопрос, сколько «вполне обычная для древнерусских источников форма выражения обвинений или юридических претензий»⁴. Фразу «[а] ѧзо не єдино . былѣ» относят к формуле официальных документов⁵. Одно из значений слова «правити» – «приводить в исполнение торговое или налоговое обязательство»⁶, или

¹ Найдена в 1977 г. См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII. С. 7.

² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 402.

³ Там же. С. 403.

⁴ Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3 (май–июнь). С. 4–5.

⁵ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 403, 681–682.

«исполнять какое-либо обязательство», в частности, отдавать долг, доставлять товар⁷.

Но в чем суть конфликта? В первых комментариях к грамоте утверждалось, что речь идёт о незаконном присвоении товара. «По Новгороду распространились слухи о том, что некие Моислав и Микита, которым адресована эта грамота, захватили и спрятали товар какого-то Олексы. Автор письма советует им вернуть товар и восстановить свою репутацию»⁸. «Вероятно, при разговоре о присвоении Моиславом и Микитой товара Олексы присутствовал не один только автор письма, но также Ярямир и трое других мужей <...> Моислав и Микита незаконно присвоили товар, принадлежавший Олексе. Об этом стало известно, пошли разговоры, свидетелем которых оказался и автор письма. Последний советует Моиславу и Миките, вернув чужое имущество, защитить свою репутацию»⁹.

Е. А. Рыбина назвала грамоту № 548 среди грамот, говорящих о складничестве, они, в свою очередь, «составляют самую большую группу документов торгового содержания»; «торговля в средние века, особенно дальняя, сопряженная с постоянным риском, велась не отдельными купцами, а товариществами купцов»¹⁰. В статье 1989 г., перечисляя термины, связанные со складничеством, исследователь слово «правити» определила как «приводить в исполнение торговое или налоговое обязательство», причём в качестве примера сослалась и на интересующую нас грамоту¹¹. Позже она написала о «сокрытии товара»,

---

⁶ Рыбина Е. А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 74. Е. А. Рыбина, упоминает и рассматриваемую грамоту, приводя данное определение.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. С. 111. Составители Словаря, приводя это значение слова, в первую очередь цитируют соответствующую фразу из грамоты № 548.

⁸ Янин В. Л. Берестяная почта столетий. М., 1979. С. 122.

⁹ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 153. Данная оценка почти дословно повторяется при публикации грамоты в рамках серии «Новгородские грамоты на бересте»: «Об этом стало известно разным людям, в том числе и автору письма. Он советует Моиславу и Миките вернуть чужой товар его законному владельцу и защитить свою репутацию». – Янин В. Л. Новгород. Берестяные грамоты № 540–614 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII. С. 20.

¹⁰ Рыбина Е. А. Сведения о торговле в берестяных грамотах. С. 78. См. также: Рыбина Е. А. 1) Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 283; 2) О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М.: Индрик, 2003. С. 96–97.

¹¹ Рыбина Е. А. Сведения о торговле в берестяных грамотах. С. 74.

«о чем свидетельствует грамота № 548, автор которой видел как был спрятан товар Олексы»¹².

В. В. Момотов развитие ситуации, изложенной в письме, изложил следующим образом. «В грамоте речь идет о недобросовестном незаконном владении со стороны Микиты. Микита вместе со своим компаньоном незаконно завладел товаром Олексы. Свидетелями незаконного захвата собственности Олексы стали Моислав (брат Микиты), Яромир и ещё трое людей. Микита является незаконным недобросовестным владельцем. Он знает, что товар не принадлежит ему, но, тем не менее, относится к нему, как к своему, и удерживает его у себя, т. е. фактически им обладает. Уже Русская Правда в ст. 13, 14, говоря о процедуре “свода”, определила порядок изъятия вещи, находящейся в незаконном недобросовестном владении.

В данном случае процедура “свода” как способа установления истинного собственника не нужна, так как в грамоте указаны свидетели незаконного недобросовестного приобретения Микитой товара Олексы»¹³.

По мнению Ю. В. Оспенникова, здесь говорится о сделке zapродажи, суть которой в том, что «продавец обязуется продать другой стороне предмет договора за определенную цену, а покупатель обязуется заплатить»¹⁴. «Иногда для обозначения процедуры доставки товара мог использоваться другой глагол – «править». Например, в берестяной грамоте № 548 (рубеж XII и XIII в.) читаем: «...а правите имь тьваро, бога ся бояць» (то есть «доставьте же им товар, побойтесь бога»). Автор записки увещевает продавцов доставить предмет договора zapродажи, деньги за который, судя по всему, уже были уплачены»¹⁵.

Полагаем, что ближе к пониманию смысла спора те авторы, кто полагает, что пребывание товара у Моислава и Микиты подразумевало договорные начала.

На то, что в грамоте спор о «товаре» имеет правовую подоплёку, точнее восходит к договорным отношениям (именно, что «товар» попал в руки Моислава и других вполне законно, а не был попросту похищен, захвачен и т. п.), намекает количество людей, представляющих потерпевшую сторону. Их шестеро: помимо Олексы – хозяина имущества, это

---

¹² Рыбина Е. А. О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот). С. 101.

¹³ Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 227–228.

¹⁴ Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М.: Юрлитформ, 2011. С. 198.

¹⁵ Там же. С. 199.

автор грамоты, Яромир и ещё трое «мужей»¹⁶ – свидетелей перехода «товара» в руки адресатов, совершения сделки или иной договоренности относительно «товара» Олексы¹⁷. Возможно, здесь стоит упомянуть грамоту № 343 (XIII в.), где перечисляются послухи, которых, несмотря на некоторые утраты текста, насчитывается тоже шестеро. Текст трактуется как конец какого-то договора¹⁸.

Вполне вероятно, что и противоположную сторону представляли также шесть человек, куда входили Моислав и Микита (?¹⁹): когда автор переходит к сути послания, то употребляет местоимение «жъ **ѡлѣхъ**» и глагольные формы «**п^рѡвѣдѣхъ**», «**сѡ ѡлѣцѣхъ**» множественного числа, а не двойственного, чего можно было бы ожидать от послания, адресованного двум получателям. Надо полагать, здесь подразумевается более широкая группа лиц, стоящая за Моиславом и Микитой и имеющая отношение к этому делу²⁰.

Таким образом, не исключено, что участники подразумеваемых в грамоте правоотношений были представлены двенадцатью людьми – по шесть с каждой стороны, которые и засвидетельствовали совершение некой сделки или договора. Если верно наше предположение, то есть все основания усматривать здесь институт, родственный «изводу» Краткой Правды, представленному двенадцатью «мужами», участники которого рассматривали также споры по сделкам, заключённым в их присутствии (подробнее об этом далее).

Поскольку количество участников, представляющих одну сторону конфликта, а также понимание некоторых терминов («правити»), указывают, скорее, на то, что данная коллизия началась с некоей договоренности, то это не был «захват» (В. Л. Янин) или «незаконный захват» собственности Олексы при свидетелях (по В. В. Момотову). Первоначально сам переход «товара» в распоряжение Моислава и

---

¹⁶ А. А. Зализняк усматривает в них «уличан, рушан и т. п.». См.: *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. С. 403.

¹⁷ Обратим внимание на толкование текста В. В. Момотовым, который главным «антигероем» считает Микиту, который, однако, в грамоте упомянут вторым после Моислава, они, по В. В. Момотову, являются братьями, хотя прямо из текста это не следует. «Свидетелями незаконного захвата собственности Олексы стали Моислав (брат Микиты), Яромир и еще трое людей». Однако в грамоте автор такими свидетелями, кроме себя, называет Яромира и других трех людей, а Моислава в этой фразе нет. Подобное чтение текста грамоты и распределение ролей между её героями никак не аргументировано и вызывает недоумение. См.: *Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.* С. 227.

¹⁸ *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. С. 509.

¹⁹ О сомнениях насчет Микиты см. сноску 30.

²⁰ См. сравнение этой детали в рассматриваемой грамоте с грамотой № 603: *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. С. 403, 404.

других лиц²¹ был совершен с ведома и разрешения Олексы и его представителей, а уже потом он был присвоен, удержан или не передан своевременно. Автор письма – «...бог», Яромир и трое «мужей», таким образом, не свидетели правонарушения (В. В. Момотов), «сокрытия товара» (Е. А. Рыбина) или разговора о неблагоприятном поступке Моислава и Микиты (В. Л. Янин), а свидетели сделки.

Поэтому вряд ли здесь уместно говорить о своде и связанной с ним процедуре виндикации, как предложил В. В. Момотов. Свод подразумевает ситуации, так или иначе связанные именно с незаконным завладением чужим имуществом, настоящий владелец которого лишился его в результате, прежде всего, хищения²².

Как представляется, с учётом высказанных ранее в литературе мнений, можно предложить следующее понимание содержания спора.

Возможно, товар был передан Моиславу и Миките по взаимному согласию на хранение²³ или для торговли от лица Олексы. Подобные споры рассматриваются в Пространной Правде. О передаче имущества кому-либо на хранение и о возникающих вследствие этого спорах говорится в ст. 49 «О поклаже». О распоряжении купцом чужим товаром по договоренности с его собственником говорит ст. 54 Пространной Правды (отчасти и ст. 55).

Между тем среди статей Пространной Правды, имеющих отношение к институту складничества, разные исследователи называют ст. 48, 49 и 54²⁴. Статью 48 из рассмотрения мы исключаем, т. к. она говорит, не о «товаре», а о даче «кун» в долг. Остаются статьи 49 и 54.

Более вероятным представляется, что в грамоте речь идет именно о передаче имущества на хранение (ст. 49): «Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то ту послуха не[туть; но оже] начнеть большимь клепати, тому ити роте оу кого то лежал товарь: [а толко] еси оу мене положиль, зан[е же] ему въ бологодель и хорониль товарь того»²⁵. Хранитель товара квалифицируется как лицо, оказавшее добрую услугу

---

²¹ Если и был, собственно, переход товара в чьи-то руки: если придерживаться гипотезы Ю. В. Оспенникова, то проблема в том и состоит, что контрагент (Моислав и Микита сотоварищи) не передал товар, получив плату за него. См.: *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. С. 199.

²² Ст. 14–15 Краткой Правды (Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 71), ст. 35–38 Пространной Правды (Там же. С. 107).

²³ См. грамоту № 622, где описывается именно такая ситуация. См.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 579.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX вв. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 100, 102; *Рыбина Е. А.* 1) Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. С. 282; 2) О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот). С. 96; *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. С. 313–318.

²⁵ Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 109.

(«бологодеть» – совершать добро). Указывается, что в разбирательстве послухи не участвуют. Хранителю товара достаточно присягнуть, что он отдал всё, что брал на хранение, и делу конец.

В ст. 54 Пространной Правды, говорится о распоряжении купцом чужим имуществом по договоренности с его владельцем и о его утрате или из-за обстоятельств, от него не зависящих, либо по его вине. Предусмотрено, что если купец пропьёт, проиграет или испортит чужой товар, то на рассрочку в выплате долгов он рассчитывать не может. Определение добросовестности или недобросовестности купца, надо полагать, решается на суде. Отметим, что в этом случае специальных ограничений на привлечение послухов нет²⁶. Но статья 54 подразумевает утрату товара или его порчу нерадивым купцом, а из грамоты не следует, что с товаром Олексы случилось что-то подобное.

Пространная Правда в отношении «поклажи», да и вообще в отношении споров между компаньонами, исходит в основном из того, что это дело самих участников договорённостей и в некотором смысле остаётся «над схваткой», не вдаваясь в разбирательства: по ст. 48 и 49 послухи не требуются, дело решает «рота». Этим ситуация отличается, например, от споров о долге между лицами, не являющимися компаньонами – ст. 47 о взыскании «кун», в отличие от ст. 48, допускает послухов на суд²⁷. А фразы «пред послухи кунъ не имати» (ст. 48), «то ту послуха нетуть» (ст. 49) означают не столько то, что договор заключался (или даже должен заключаться) в отсутствии послухов, сколько то, что послухи, если они были, в данном случае на суд не зовутся. Такой подход заметно отличается от ситуации, отраженной, например, в Псковской судной грамоте, в которой договор «поклажи» формализуется, и связанным с ними спорам уделено пристальное внимание²⁸.

Наконец, в связи со ст. 49 заметим, что передавать имущество на хранение могли не только купцы-складники, хотя нельзя не признать, что данная норма Правды была ориентирована, прежде всего, на них.

Обратим внимание на обращение «брат» в грамоте. Оно указывает на довольно близкие, достаточно доверительные отношения, как минимум, между некоторыми участниками имевшей место договоренности (однако такой договоренности, которая всё же потребовала, как мы полагаем, заверения представителями сторон – «...бог», Яромир и др.). Может быть, автор и адресат являются родными братьями²⁹, но не

---

²⁶ Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 110.

²⁷ Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 109.

²⁸ Ст. 14–19. – Памятники Русского Права. М., 1955. Вып. 2. С. 287–288.

²⁹ Е. А. Пачкунова в сводной таблице к статье относит грамоту № 548 к «отношениям между родственниками (брат–сестра)» и к деловым отношениям. (Пачку-

исключено, что здесь подразумеваются не родственные, а личные, социальные или территориальные связи (близкие друзья, уличане, лица, входящие в «братчину» и т. д.).

«Братьями» являются, как прямо следует из текста грамоты, её автор и Моислав³⁰. Возможно, что в таких же отношениях с последним находился и собственник имущества, Олекса. Не исключено также, что напротив – тот не находился в тесных отношениях с Моиславом, но понадеялся на поручительство «...бога» относительно Моислава (поэтому именно автор грамоты, а не Олекса обращается к Моиславу по поводу чужого имущества)³¹. Особое доверие контрагентов друг к другу можно ожидать, например, при участии в складничестве, при передаче товара на хранение или для торговли от лица собственника. Речь может идти как непосредственно о складничестве, так и о ситуациях так или иначе с ним связанных: например, «...бог», Моислав и Микита – складники, а Олекса – нет, но, последний, доверяя автору грамоты, оставляет свой товар на хранение Моиславу и Миките сотоварищи.

На наш взгляд, очень точно о подобного рода отношениях написала Е. Э. Пачкунова: «...особое внимание обращает присутствие ярко выраженного «личностного фактора» в деловых отношениях новгородцев. Имеют место примеры называния компаньона, товарища по какому-либо делу «братом» или «кумом», не только как указание на степень родства, но и как свидетельство проявления наивысшего доверия к этому человеку. Прослеживается тенденция соблюдения и в общественных отношениях той системы ценностей, которая обычно характерна для отношений между членами одной семьи. Например, критериями отношений компаньонов («складников»), часто являются требования, предъявляемые друг другу кровными родственниками.

нова Е. А. Возможности реконструкции частной жизни новгородцев XI–XV вв. по берестяным грамотам // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 132–133). Е. А. Рыбина отмечает, что складниками нередко были родственники, не упоминая, однако, рассматриваемую грамоту среди конкретных примеров. См.: Рыбина Е. А. 1) Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. С. 285–286; 2) О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот). С. 100.

³⁰ А как же Микита? Микита мог быть участником договора со стороны Моислава и именно поэтому «твварь ольскы(нь)» находится также и у него либо же он не участвовал в предыдущих правоотношениях между Олексой и Микитой и у него часть принадлежащего Олексе «товара» лишь хранится.

³¹ Ср. грамоту № 622, где автор, скорее всего, складник, обращается с наказом к компаньонам заботиться как о его имуществе, так и об имуществе неких Якова и Семена (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 356).

Здесь ярко выражены ответственность друг за друга, забота об общем деле, право рассчитывать на помощь в критической ситуации и т. д.»³²

Полагаем, что грамота № 548 подразумевает либо спор об имуществе, оставленном одним купцом-складником на хранение другому купцу-складнику (или нескольким), либо такой же спор, но между лицами, непосредственно не участвующими в совместной торговле, но находящимися в достаточно доверительных отношениях (особенно благодаря фигуре «...бога», являющемся неким посредником между обеими сторонами). Таким образом, рассматриваемое соглашение могло базироваться преимущественно на уверенности в добропорядочности сторон и не предполагать какого-либо участия официальных структур.

Возможно, всё это были лица, имевшие отношение к коммерческим или административным мероприятиям в Югорской земле. Моислава грамоты соотносят с летописным Моиславом Поповичем, участником неудачного похода на Югру 1194 г.³³ Персонажи грамоты могли быть причастны к походам в Югру за данью³⁴ и к торговле пушниной, добываемой там, или к тому и другому одновременно³⁵.

Итак, предположительные причины обращения автора грамоты к адресатам названы. Но на что могла рассчитывать заинтересованная сторона в случае отказа Моислава и Микиты вернуть или передать искомое?

Из берестяных грамот нам известны примеры конфликтов между складниками, это грамоты № 105 и 622³⁶. Важно отметить, что в одном случае последовало обращение к официальным властям, а в другом пытались обойтись без него. Из письма Семки к Кулотке (грамота № 105, вторая половина XII в.) известно, что последний пожаловался Несде (которого считают административным лицом, биричем) что Семка не отдает ему долг³⁷. В другой грамоте (№ 622, 20–70-е гг. XIV в.)

---

³² Пачкунова Е. Э. Частная жизнь в средневековом русском городе: основные черты, тенденции и возможность реконструкции (по материалам новгородских грамот на бересте) // Городецкие чтения – 2002. Материалы научной конференции. Городец, 2003. С. 108. В качестве примера проявления таких отношений автор указывает и грамоту № 548.

³³ Янин В. Л. Новгород. Берестяные грамоты № 540-614 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII. С. 18.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Перхавко В. Б. За пушниной в «страну мрака» // Исторический лексикон: История в лицах и событиях: V–XIII века: М., 2006. Кн. 1. С. 206, 211; Овчинникова Б. Б. Взаимодействия Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 21–23.

³⁶ Рыбина Е. А. 1) Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. С. 283–284, 285; 2) О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот). С. 97–98, 98–99.

³⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 356.

Матфей укоряет своих компаньонов в нерадивом хранении его имущества (а также имущества некоего Якова и, Семена – явная параллель отношений «...бога» и Олексы) и грозит лишь передать его «чужим людям» на хранение, да призывает, боясь Бога, исполнять обещанное³⁸.

Разница в подходах к разрешению конфликта (обращение к властям или самостоятельное улаживание ситуации) может объясняться не только тем, что грамоты отражают разные этапы препираний – от упреков к судебному разбирательству. Дело может быть и в том, насколько эффективным для истца было обращение к официальному суду.

Спор Кулотки и Семки касался долга – последовало обращение к судебно-административному лицу, биричу Несде, а далее, вероятно, мог состояться суд. Матфей недоволен условиями хранения своего имущества компаньонами, но лишь призывает их перед лицом Бога поступать должным образом.

По ст. 48 Пространной Правды купцу, одолжившему деньги другому купцу и не дождавшемуся их возвращения, достаточно на суде присягнуть, чтобы быть признанным правым в споре³⁹, соответственно, Кулотка имел все основания рассчитывать на успех в суде.

По ст. 49 Пространной Правды лицу, взявшему на хранение чей-либо товар, достаточно было поклясться, что он вернул всё без остатка, и суд становился на его сторону, поэтому, видимо, Матфей даже не угрожал судом, ограничиваясь поначалу увещаниями⁴⁰. В последнем случае налицо сходство с ситуацией, в которой оказались «...бог» и Олекса грамоты № 548.

Обратим внимание, что автор короткого послания к Моиславу и Миките дважды апеллирует к богобоязненности адресатов, не угрожая прямо обращением к суду, который в такой ситуации (при передаче товара на хранение) вряд ли смог бы помочь истцу при упорном заперательстве ответчиков⁴¹. При обсуждении данного вопроса Н. И. Милютенко и П. И. Стефанович отметили, что обращение к богобоязненности адресатов – не просто свидетельство бессилия истца

---

³⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 579.

³⁹ Правда Русская. Т. I. Тексты. С. 109.

⁴⁰ В грамоте видна «обида» Матфея на компаньонов, он их именно что «упрекает». См.: Пачунова Е. А. Возможности реконструкции частной жизни новгородцев XI–XV вв. по берестяным грамотам. С. 132–131.

⁴¹ Ср. в грамотах № 675 и 944, близких по времени, рассматриваемому письму, обращение к Богу как свидетелю устных сделок или договоренностей, заключенных вовсе без свидетелей (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 296–297; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 39–40).

добиться правды через суд, а не что иное, как отсылка к засвидетельствованию перед лицом Бога устной договоренности или к «роте» – принесению присяги на суде. Ложная «рота» на суде будет иметь для клятвopреступника негативные последствия сверхъестественного порядка.

Действительно, пострадавшей стороне, если речь идет о ситуации, подразумеваемой в ст. 49 Пространной Правды, и не на что больше надеяться, кроме как на честность контрагентов или боязнь ими Божьей кары.

Несмотря на более чем серьезное отношение к клятвopреступлениям, договоренности всё же нарушались, а на судах могли даваться ложные присяги⁴². Быть может, в грамоте № 548 о возможности судебного разбирательства прямо не говорится именно потому, что нормы Русской Правды в данном случае были на стороне Моислава и Микиты, если бы те решили запереться и присягнули, что у них нет товара Олексы. И автор грамоты мог предполагать такое упорство, соответственно Олекса не рассчитывал угрожать им судом, почему представляющий его интересы автор грамоты о нём и не упоминает.

Но даже если мы слишком плохо думаем о Моиславе и Миките сотоварищи относительно их склонностей к клятвopреступлению и ложным присягам, то, тем не менее, складывается впечатление, что участники данного конфликта и не ориентируются на официальный суд, намереваясь решить дело самостоятельно⁴³.

Мы видим, что автор грамоты от имени Олексы напоминает Моиславу с Микитой и о самой договоренности относительно товара, и о шести её свидетелях, включая его самого и Олексу. В последних, как уже сказано, мы усматриваем послухов, которые Русской Правдой к суду по спорам о «поклаже» не допускаются. Но зачем тогда их упоминать, если на суде они бесполезны?

Известно, что в изводе Краткой Правды участвовали двенадцать «мужей»⁴⁴. Мы склоняемся к мнению, что в изводе XI в. можно усматривать также посреднический орган, а двенадцать человек были представителями сторон – по шесть с каждой, куда входили и истец с ответ-

---

⁴² См. о причинах и развитии подобной практики, правда, для несколько более позднего времени: *Груша А. И.* Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 131–156.

⁴³ Так, Э. Мюле, приводя классификацию грамот по «смысловым полям», отраженным в них, в итоговой таблице относит грамоту № 548 к смысловому полю «Торговля / товарообмен», в поле «Судебные дела» она не указана. См.: *Мюле Э.* Торговля и денежные операции в ранних новгородских берестяных грамотах (XI – первая половина XIII в.) // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*. М.: Индрик, 2003. С. 94–95.

⁴⁴ Ст. 12. – Правда Русская. Т. I. Тексты. С. 79.

чиком соответственно. Извод в качестве самостоятельного института на фоне распространения княжеского суда уходит в тень⁴⁵, а сами участники извода на этом суде превращаются в соприсяжников, свидетелей правоотношений, не имеющих права оказывать влияние на принятие решения. Так, мы видим это на примере ст. 10 договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в., где двенадцать «мужей послухов» упоминаются именно в таком качестве⁴⁶.

Тем не менее, практика досудебного⁴⁷ разрешения споров, мировых сделок, причём признаваемых властями, продолжала существовать и в гораздо более позднее время⁴⁸. И свою роль в этих процедурах также играли институты, близкие или родственные изводу.

В число «12-ти мужей» на изводе, полагаем, входили и сами спорящие – истец и ответчик. Обращаясь к сравнительным данным, мы увидим, что когда оговариваются вопросы, связанные с соприсяжничеством, истец и ответчик называются в числе присягающих (их бывало разное количество – в зависимости от дела)⁴⁹, в более поздних памятниках русского права можно видеть лишь следы такого порядка⁵⁰. Автор рассматриваемой нами грамоты говорит о себе как об одном из свидетелей сделки наряду с четырьмя «мужами» и хозяином «товара» и требует отдать «товар» Олексе.

Полагаем, что грамота № 548 отражает попытку полюбовного, досудебного и на этом этапе вообще «допроцедурного» способа разреше-

---

⁴⁵ Примеры упоминания извода и родственных институтов в разные периоды и в разных регионах и ученые мнения на этот счет представлены в работе С. В. Васильева. См.: *Васильев С. В.* Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М., 2011. С. 43–48.

⁴⁶ Памятники Русского Права. М.: Государственное издание юридической литературы, 1955. Вып. 2. С. 126.

⁴⁷ Под судом здесь подразумевается официальный суд – суд князя, посадника, смесный суд и т. п.

⁴⁸ См. на этот счет сжатую, но ёмкую характеристику новгородского судоустройства: *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 330–332. См. также: *Васильев С. В.* Личное начало в правоотношениях Псковской Судной Грамоты и Литовского Статута // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2013. № 3 (53). С. 24–26.

⁴⁹ См. ст. XII, XV, XVI, XVII, XXIII, XXVIII Польской Правды (Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 742–745, 747), ст. 8 Капитулярия II (Салическая правда. М., 1950. С. 65–66), *Edictus Rothari Regis.* 164, 359 (*Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 32, 59).

⁵⁰ В ряде статей Псковской Судной грамоты (27, 51, 55, 56) стороны конфликта обращаются к содействию четырёх-пяти человек, которые свидетельствуют или присягают на их стороне, соответственно, одна сторона представлена пятью или шестью людьми. Но суд уже разделяет истца и ответчика и их представителей: присягают на суде лишь последние. – Памятники Русского Права. М., 1955. Вып. 2. С. 289, 293.

ния конфликта. Представитель заинтересованной стороны, ссылаясь на заключённый в присутствии послухов (с обеих, надо полагать, сторон) договор, требует возврата имущества⁵¹. В случае отказа, может быть, последовало бы обращение ко всем участникам договора (изводу?). Если верно наше предположение, что в грамоте говорится о передаче товара на хранение, то в случае упорного отрицания ответчиками претензий обращение к суду князя и выставление там послухов было бессмысленно – ст. 49 Пространной Правды не признает послухов в таких случаях.

---

⁵¹ В этой связи упомянем грамоту № 9, в которой брошенная мужем Гостята жалуется Василию, вероятно, своему родственнику (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 300). В комментарии к грамоте *А. В. Поппэ* говорится, что муж, «избивь роуки» (разорвав брачный договор) и разойдясь с Гостятой, не отдал её приданое. И Гостята зовёт Василия как рукобитца – свидетеля заключённого соглашения (*Поппэ А. В.* О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // *Берестяные грамоты: 50 лет изучения.* М., 2003. С. 41–42). Учёный допускает, что развод мог иметь место без церковного суда (Там же. С. 39–40). В этом случае решение имущественного спора – дело самих сторон.

А. А. Кузнецов

БИТВА НА ЛИПИЦЕ 1216 г.: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ СОБЫТИЯ

В апреле 2016 г. исполнилось 800 лет битве на Липице. Этому событию в отечественной истории придаётся большое значение. Сражение стало олицетворением масштабных усобиц политических сил и символом пагубности стихии раздробленности на Руси. В общепринятом восприятии побоище на Липице характеризуется огромным, для Древней Руси, числом участников (значительно больше 10 000) и большой вовлечённостью крупных военно-политических сторон (почти все силы Владимиро-Суздальского княжества, его Ростовской части, бродники, муромцы, смоляне, псковичи и новгородцы). Важной деталью события является участие в нём новгородцев. Причём за предшествовавший событию столетний период новгородцы, чуть ли не впервые, видятся в данном случае не объектом, но субъектом межкняжеских отношений.

Причина такого пристального и избирательного внимания в историографии, в общественном сознании к битве на Липице в 1216 г. заключается в том, что она имеет внушительное источниковое обоснование. Это – Повесть о битве на Липице (ПоБЛ) читающаяся в «новгородско-софийских» летописях: (Новгородской четвёртой (Н4), Софийской первой (С1), второй выборки Новгородской Карамзинской (НК). По структуре, многим эпизодам она совпадает с текстами о битве на Липице, читаемым в Ермолинской (ЕРМ), Львовской (ЛьВ), Воскресенской (ВОСК) летописях, Тверском сборнике (ТВ), Московским летописным сводом (МЛС) и с кратким (по сравнению с ПоБЛ) сведением Новгородской первой летописи (Н1).

ПоБЛ содержит объемную, детализированную информацию о битве на Липице в 1216 г. Именно детали и заставляют доверять этому памятнику XV в., превосходящему более древнее известие Н1 о Липице по полноте. В источниковедении предлагаются разные схемы взаимоотношений данных летописных известий (без должного источниковедческого исследования), а потому в зависимости от них предлагаются

разные трактовки события¹. Художественная убедительность ПоБЛ настолько сильна, что внимание исследователей сосредотачивается исключительно на самом сражении: события в ПоБЛ начинаются 1 марта 1216 г. выступлением Мстислава Удатного против зятя Ярослава Всеволодовича, а завершаются концом апреля 1216 г. Тем самым сражение на Липице включается из фактографического контекста событий и процессов Древней Руси в первые двадцать лет XIII в. Историков, доверяющих ПоБЛ, устраивает его, пожалуй, единственное источниковедческое исследование, проведенное Я. С. Лурье². Он указал, что С1, НК2, Н4 донесли исходный материал ПоБЛ, а другие летописи его переделывали. При этом в стороне остается замечание Я. С. Лурье, что из летописных сообщений о Липице достоверным историческим источником остается сведение Н1³.

Эти обстоятельства обуславливают необходимость очередного обращения к источниковедению феномена битвы на Липице 1216 г., чтобы потом проводить историческую реконструкцию.

* * *

Изучение летописных источников по истории Северо-Восточной Руси в первой трети XIII в. показало, что сведения о ней, которые читаются в Лаврентьевской (Л), Радзивиловской (РАДЗ), Симеоновской (СИМ), Ипатьевской (И), Новгородской первой (Н1) летописей, Летописца Переяславля Суздальского (ЛПС) собирались воедино ростовскими книжниками в период второй половины XIII – второй половины XIV в. Цель такой сборки – идеологический реванш Ростова по отношению к некогда «младшему» Владимиру. Методы подобной работы выражались в сборе и компилировании материала, читаемого в таких летописях. Именно с опорой на собранный массив московское великокняжеское летописание проводило последующие обобщение и представление исторического материала. Однако в ряде случаев в Новгороде сводчики летописных текстов выбирали из массива сведений, отредактированных в Ростове, те, которые были актуальны для Новгорода и

---

¹ Обзор версий см.: Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Преломление источников в историографии. Нижний Новгород, 2006. С. 182–199, 208–239.

² См. также относительно недавние обобщения источниковедения ПоБЛ: Кучкин В. А. Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 70–73; Кучкин В. А. Липица // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 457.

³ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 113.

расширяли их, представляя в летописях «софийско-новгородского круга». Таковыми стали сведения о битве на Липице в 1216 г. Обращение к этому событию было естественным, так как в нём видна заметная роль новгородцев, хорошо прописанная ещё в Н1.

* * *

Летописные сведения о переговорах на Липице

А. В. Юрасовский, ссылаясь на исследования Я. С. Лурье, предположил, что протограф ПоБЛ был сокращен в Н1; там же были переставлены части текста протографа, а близкое к первоначальному чтение ПбоЛ есть в Н4⁴. Из доказательств же Я. С. Лурье следует иной вывод: в Н4 проявился дополнительный источник наряду с текстом-протографом, читаемым в Н1. Поэтому предложение того, что в Н1 был сокращен, по сравнению с Н4, протограф, ошибочно уже с этой точки зрения. Весомым аргументом А. В. Юрасовского является то, что в Н1 посол Ларион обращается то к одному, то к нескольким лицам⁵: «...в первой части послания обращение делается в первом лице множественного числа; во второй – в единственном («кланяем ти ся» – «пусти мужи мои»). Деталь... явно показывает, какой из текстов был первичен»⁶. Действительно, фраза Н1, начинающаяся словами «кланяем ти ся», исходит от нескольких лиц и адресована владимирскому князю Георгию (Юрию) Всеволодовичу. Затем речь начинает исходить от одного лица, о чем сигнализирует местоимение «мои», относящееся к пленным Ярославом новоторжцам и новгородцам⁷. Обнаруживается ещё ряд несогласованностей в числах местоимений в текстах о битве на Липице⁸. Все эти случаи, взятые в комплексе, свидетельствуют, что для редактирования в Н4 был взят текст Н1, по времени более близкой к событиям. Редактирование шло в направлении расширения этого текста⁹.

Передача диалогов, с изменениями в числах местоимений, в сообщении Н1 о Липице имеет аналоги в берестяных грамотах того же времени. Характерная черта этих новгородских текстов – «необъяв-

---

⁴ Юрасовский А. В. О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР, 1987. М., 1989. С. 59, 64.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. М., 2000 (Н1). С. 56, 256.

⁶ Юрасовский А. В. Указ. соч. С. 62.

⁷ Н1. С. 55, 254; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. М., 2000 (Н4). С. 185, 187; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. I. М., 2000 (С1). Стб. 263; Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002 (НК). С. 107.

⁸ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович... С. 203–204.

⁹ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в политической истории... С. 205–208.

ленное» переключение сообщения на нового адресата», изменение ролевой структуры текста в пределах одной фразы при отсутствии внешних признаков изменения – порождена ориентацией на ситуацию, что «свойственно... устной диалогической коммуникации», но – не литературному языку. Поскольку Н1 старшего извода писалась в XIII в., то запись о переговорах на Липице могла производиться со слов очевидцев. Это лишний довод в пользу первичности сведения Н1 о Липице. А вот в XV в., когда сформировались нормы построения связанной речи, началась правка этого отрывка в текстах ПоБЛ: «Редактор разбил первоначальную единую речь новгородского посла, введя ответ Юрия и отдельное обращение к Ярославу, устранил местоимение *мои*, вносящее отличную от новгородской точку зрения Мстислава, и... заменил множественное число на единственное в ответной речи,... выдержав ее с точки зрения Ярослава»¹⁰.

Это свидетельствует о том, что устная речь, переданная в Н1 старшего извода близко к рассказу очевидца, литературно оформлялась в ПоБЛ: «Чем менее рассказ летописи, основанный на устном источнике, “литературен”, тем более он... достоверен»¹¹. В силу этого правила рассказ о Липице в Н1 более достоверен, нежели ПоБЛ.

А. А. Гиппиус указал на редакторскую работу новгородско-софийских книжников. Редактирование сведений Н1 о Липице обнаруживается и в ЕРМ, ЛЬВ и ТВ. Их сравнение с ПоБЛ показывает тенденциозность редактур вторых. Из наблюдений за фрагментами летописей о переговорах перед битвой на Липице выводится схема формирования летописных текстов XV в. Сначала был исходный текст Н1. Его распространённые фрагменты читаются в ТВ и ЕРМ, ЛЬВ. Тексты о Липице в Н1, ЕРМ, ТВ и ЛЬВ¹² близки, несмотря на перестановки фраз и появление в ТВ новых фраз. Именно текст, близкий к текстам о Липице в ЕРМ, ЛЬВ, ТВ, расширился в Н4.

Редактирование текста, читаемого в ЕРМ, ЛЬВ и ТВ, проявилось во вставках дополнительных сведений. Их цель – устранение смысловых «противоречий» из сообщения Н1. Это и внесло прояснение, и породило новые противоречия. На этом этапе речь Лариона разделилась на два обращения: к Георгию и к Ярославу. Дополнения в сообщениях о Липице в ЕРМ, ЛЬВ и ТВ были обыграны в ПоБЛ. Фраза о кровопроли-

---

¹⁰ Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XI. М., 2004. С. 189–192.

¹¹ Азбелев С. Н. Устная история. СПб., 2007. С. 3–4.

¹² Н1. С. 56; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. М., 2004 (ЕРМ). С. 65. Более понятно выглядит схожий текст в Львовской летописи: Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. М., 2005 (ЛЬВ). С. 148–149; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000 (ТВ). Стб. 320.

тии в Н1 исходит от Ростиславичей, а в ЕРМ в измененном виде уже принадлежит Георгию и Ярославу: «И посласта второе, глаголюще: мы приидохомъ не кровопролитиа радї, но управити межы себе, едино бо есмя племя». Очевидно, что это было первое чтение, затем попавшее в руки составителей ПоБЛ и поданное ими как обращение смоленских князей: вместо 2-х Всеволодовичей появились 2 их противника – Мстислав и Владимир. Видимо, при совмещении сведений НПЛ и ЕРМ составители ПоБЛ соединяли прямую речь от нескольких человек со словами, говорившимися от двух лиц. Такая переориентировка обращения порождена непониманием этих слов.

Состав войска Георгия Всеволодовича на Липице

Коалиции Мстислава, согласно ПоБЛ, противостояли силы Владимирского княжества и их союзников: Георгий с владимирцами, Ярослав с новгородцами и новоторжцами и с переяславцами; братья Владимир и Святослав Всеволодовичи, городчане, муромцы и бродники¹³.

В историографии отмечалось, что Георгий Всеволодович выдвинулся к Липице с братьями Святославом и Владимиром. Сведения об этом берутся из ПбоЛ. Лаврентьевская летопись (Л) противоречит этому «факту»: в 1213 г. Георгий направил Владимира в Переяславль-Русский, где тот в 1215 г. был пленен половцами и в 1218 г. вернулся домой¹⁴. Исследование показало, что автор(ы) ПоБЛ «создали» князя Владимира Всеволодовича на Липице¹⁵ из неверно истолкованного сведения о том, что Георгий Всеволодович выдвинулся с братией из Владимира¹⁶.

Выявление данной ошибки и объяснение причин ее появления дает аргумент в пользу схемы развития летописного сообщения о битве на Липице: Н1–Н4 (НК, С1). Если в Н4 сохранили в полном виде текст о битве на Липице, то тогда надо дать объяснение того, с какой целью составители Н1 убрали Владимира Всеволодовича из рассказа¹⁷.

Сложнее решать вопрос об участии Святослава Всеволодовича в битве на Липице. В ПбоЛ он упомянут несколько раз: еще в марте он послан с дружиной в помощь Ярославу и безуспешно осаждал Ржеву (о его отходе летописи не сообщают); затем Георгий, Ярослав и Святослав

---

¹³ Н4. С. 188; С1. Стб. 265; НК. С. 108. См. также: ЕРМ. С. 65; МЛС. С. 112; ВОСК. С. 121

¹⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (Л). Стб. 438, 442.

¹⁵ Н4. С. 188; С1. Стб. 265; НК. С. 108.

¹⁶ ЕРМ. С. 65; ТВ. Стб. 319; ЛЬВ. С. 148; Кузнецов А.А. Об «участии» князя Владимира Всеволодовича в битве на Липице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 51–52.

¹⁷ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории... С. 239–242.

двинулись (скопили влости) к Липице; Святослав упомянут при возможном разделе русских земель – ему Георгий и Ярослав хотели отдать Смоленск (об участии Святослава в беседе накануне битвы не сообщается). Других сведений о Святославе на Липице нет, неизвестно о полках из Юрьева и их участии в битве. Повествуется лишь о младшей братии Георгия и Ярослава: ее силы противостоят рати Константина; Георгий и Ярослав обратились в бегство с меньшей братией¹⁸. Георгий с двумя неназванными братьями вышел из Владимира к победителям. В Н1 сведения о Святославе кратки¹⁹: Святослав лишь «скопил» волость, но был ли он на Липице? Н1 не сообщает, вышел ли он из Юрьева на битву (где он и был на момент выхода Георгия из Владимира, если доверять Н1). Если нет, то он был лишь зрителем Липицкого побоища. Зачем Святославу надо было выходить из Владимира, ведь сражение состоялось у Юрьева?

Н1 сообщает о бегстве Георгия с Липицы во Владимир днем 21 апреля 1216 г. и указывает, что к вечеру туда стали подходить раненые и нагие. О прибытии братьев не говорится. Источники не сообщают о карательных мерах или прощении победителями Святослава. Святослав после Липицы не появился во Владимире, но летописи молчат о том, что он ушёл в Юрьев. Поскольку победители ничего не совершили против Юрьева и его князя, то возможно, что Святослав воздержался от битвы. Этот аргумент косвенно подтверждает предположение, что перечень сил Георгия и Ярослава в ПоБЛ искусственно расширен. Очевидно, что в ПоБЛ развивались сообщения Н1 о сборе Святославом волости, о капитуляции Георгия и его отбытии в Городец. Тогда составители ПоБЛ расширили упоминание Н1 о Святославе так, что он стал участником битвы в составе меньшей братии Георгия.

Надо рассмотреть и капитуляцию Георгия. Он вышел к победителям из Владимира, согласно ПоБЛ, с двумя братьями (кто это? на эту роль не подходят ни Ярослав, ни Константин, ни Владимир, ни Святослав). В ЕРМ сообщается о выходе одного Георгия. В ТВ говорится лишь о выходе одного Георгия. В Н1 сообщается лишь о просьбе Георгия победителям. То есть данное сведение ПоБЛ является результатом развития сведений НПЛ и сопряжение со «сведениями» об участии Владимира и Святослава в битве на Липице²⁰. Мог ли Георгий выйти уже со своими сыновьями, как это сообщают Московский летописный свод (МЛС) и Воскресенская летопись (ВОСК)²¹? Анализ сообщений о

---

¹⁸ С1. Стб. 270; Н4. С. 193; НК. С. 109.

¹⁹ Н1. С. 55–56, 255–256.

²⁰ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории... С. 242–247.

²¹ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949 (МЛС). С. 114; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001 (ВОСК). С. 123.

двух сыновьях, вышедших с Георгием, показывает, что они есть результат истолкования сведений ЕРМ, ЛЬВ, ТВ об отъезде Георгия в Городец с детьми и известий ПоБЛ о выходе Георгия с двумя братьями.

В связи с участвовавшими в битве на стороне Георгия Всеволодовича муромцами, надо отметить то, что их мог возглавлять встречавшийся в событиях 1213 г. князь Давыд Юрьевич. ПоБЛ упоминает муромцев трижды: 1) они вышли из Владимира с Георгием; 2) встали на поле битвы с Ярославом; 3) Ярослав побежал вместе с муромскими князьями²². О судьбе муромцев и отношении к ним победителей не сообщается. Это важно, поскольку Н1 не говорит о муромцах в битве. Примечательно и обобщенно-безличное упоминание муромских князей на Липице: ведь дошедшие источники не позволяют говорить конкретно о правителях Муромы в 1213–1217 гг., кроме Давыда Юрьевича.

В исследованиях битвы на Липице характерно доверие сведениям об участии в сражении бродников, городчан и муромцев (в Н1 о них не говорится). Бродники и городчане указаны вместе в ПоБЛ. Настораживает симптоматичное молчание источников о мерах, предпринятых по отношению к этим союзникам побежденных Георгия и Ярослава. Бродники, муромцы, городчане появились в ПоБЛ: 1) когда Георгий двинулся на Липицу с муромцами, бродниками и городчанами; 2) муромцы, бродники и городчане были в полках Ярослава в самом начале битвы²³.

Вероятно, городчан на Липице надо рассматривать как вымысел-вставку в исходный текст Н1. Если так, то надо указать и на проблему: с какой целью в ПоБЛ вставлены городчане? Ведь понятен механизм «включения» Владимира и Святослава Всеволодовичей, братии, муромцев (упоминание Давыда Юрьевича в действиях Георгия против Константина). Возможно, тут повлияло сведение, что Георгий после поражения отправился в Городец.

В русских летописях бродники упоминались редко. Л их не знает. В Ипатьевской летописи (И) они названы во второй половине 1140-х гг.²⁴: из контекста следует, что так именовалась группа населения южнорусских степей. В Н1 бродники – участники битвы на Калке²⁵: они предали Мстислава Романовича и еще двух князей, нарушив крестоцеловальную клятву. Она обуславливает вывод о христианстве бродников. Доверяя известию о бродниках на Липице в ПоБЛ и ТВ, соединяя его с другими краткими сообщениями, надо бы делать масштабный вывод: бродники – славяноязычное население, тяготевшее к хри-

---

²² С1. Стб. 265, 269, 270; Н4. С. 188, 191, 193; НК. С. 108, 109.

²³ Н4. С. 188, 191; С1. Стб. 265, 269; НК. С. 108, 109.

²⁴ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998 (И). Стб. 342.

²⁵ Н1. С. 63, 266.

стианству – жили на границах Руси от Дуная до лесов в устье Оки. Внезапное появление бродников в ПоБЛ и ТВ показательно в связи с молчанием о них в Н1 в 1216 г. Но ведь лишь в Н1 бродники упомянуты на Калке, и та же Н1 стала источником для ПоБЛ. Поскольку в исходном памятнике – Н1 – бродники упомянуты в битве на Калке, то можно объяснить их появление в битве на Липице в источниках, генетически связанных с Н1, как результат авторского редактирования с целью увеличить размеры войска Георгия. Ведь оно противостояло смоленским князьям, в том числе и тем, что были на Калке. Появление Липице бродников, предавших на Калке смоленского князя, усиливало неправоту Ярослава и Георгия на Липице²⁶.

При выяснении состава войска Георгия и Ярослава Всеволодовичей, вышедшего на Липицу, надо доверять, прежде всего, Н1. В ПоБЛ состав войска преувеличен с целью показать мощь войска Всеволодовичей, объяснить их большие потери, число которых отсутствует в Н1 и есть в ПоБЛ.

Подобным образом в летописях разнятся сведения о потерях. Н1: бесчисленное число избитых и повязанных воинов Георгия и Ярослава (также «паде бещисла»); названы 5 (в младшем изводе – 4) новгородцев²⁷; ТВ: из полка Георгия погибло 9000 и 200 и 30 и 3 человека, из полка Мстислава – 4 человека новгородцев и 1 смолянин; число погибших новгородцев повторяет сведение Н1 младшего извода²⁸; С1: пало 5 новгородцев и 1 смолянин, количество избитых воинов Георгия и Ярослава не может постичь ум человеческий (9000 и 200, и 30, и 3), в плен было взято 60 человек²⁹; Н4, НК: погибли 4 новгородца (поименный список) и 1 смолянин, погибших воинов Георгия и Ярослава не может соотнести человеческий ум, захваченных в плен – 60, число избитых – 9000 и 200 и 30 и 3 (НК2 – 9233 мужа)³⁰.

В Н1 число жертв побежденной стороны не указано – их много, а новгородцев – 5. В ТВ и в ПоБЛ, и в зависимых от нее сообщениях летописей XV–XVI вв. появляется число 9233 и 60 пленных. Число 9233 незавершенно и неправильно. Возможно, оно округлилось бы, если вместо 200 было бы 300: 9333. А в 9233 воплотились «и совершенная ненужность и чрезмерность точности, и невозможность прямого подсчета», как писал М. М. Бахтин. Это точное число, начиная с ПоБЛ, сопровождается указаниями, что количество погибших бесчисленно, и

---

²⁶ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории... С. 199–277, 302–311; *Он же*. Праказки или Пургасова Русь // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 4–9.

²⁷ Н1. С. 56–57, 257.

²⁸ ТВ. Стб. 323.

²⁹ С1. Стб. 270–271.

³⁰ Н4. С. 193, НК. С. 110.

его не может постичь ум. Вспоминается бахтинское: «и, наконец, развенчивающее точность слово “более”»³¹. Число павших на Липице «беспокойно и незавершимо». Это беспокойство трагическое и обличающее. Беспокойная незавершимость, как и соотношение потерь – 9233 суздальцев и 4 (5; 6) новгородцев и смолянина – терзала летописцев, и вот в Никоновской летописи появились числа: 17 200 и 550 («резкий скачок», по терминологии М. М. Бахтина!), дающее в сумме «неровное» 17 750. Эту беспокойную неровность устранил «последний летописец» Татищев: 17 250 и 2550 – в сумме 20 000.

Большинство чисел в ПоБЛ – дань литературному творчеству нескольких столетий. Поражение на Липице огромного войска Георгия и Ярослава подчеркивало их неправоту перед неприятелем. Появление таких идей в новгородско-софийских летописях было обусловлено давлением на Новгород московских князей, потомков Ярослава Всеволодовича. ПоБЛ писалась как политический памфлет против Ярослава и его потомков – московских князей.

Временная канва битвы на Липице 1216 г. в источниках XIV–XVI вв.³²

Много дает для понимания того, как создавалась ПоБЛ, изучение ее хронологической сетки. Ее исследование в различных источниках о битве на Липице позволяет развести летописи по группам.

I группа – Н1 и ТВ. Их сходство проявляется при сравнении текстов ТВ и НПЛ младшего извода: в ТВ меняются имена святых, чья память отмечается в тот или иной день; к встрече в великую субботу добавлено празднование Пасхи 10 апреля; дата битвы на Липице расширена указанием на четверг второй недели после Пасхи; добавлено только, что победители подошли к Владимиру в неделю (в Н1 и ТВ корректно употреблен термин «неделя» – воскресенье). Встреча на Саре произошла в Великую субботу – накануне Пасхи. Видимо, составители ТВ добавили сведение о праздновании князьями Пасхи на следующий день после встречи. Это добавление, подобно изменению, по сравнению с Н1 младшего извода, имен святых, надо признать следствием обратного исчисления³³.

II группа: С1, Н4, НК (а также МЛС, ВОСК и ЕРМ).

---

³¹ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 513–514.

³² Представлены выводы исследования: *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории... С. 278–301.

³³ Эта особенность ТВ указана в: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // *Религии мира: история и современность*, 2002. М., 2002. С. 92–93. Составители ТВ высчитывали даты рождения исторических деятелей по месяцеслову, отталкиваясь от их имен.

Сравнение временных систем координат в источниках этой группы демонстрирует общее в хронологическом построении материала – это выделение дат, связанных с Пасхой и Преполовлением. В Л, И, Н1 датировки по Троице и Преполовлении на порядок уступают датировкам по другим праздникам и дням святых. Это может быть косвенным аргументом для того, чтобы предполагать обратное исчисление при создании памятников, по которым восстанавливается текст ПоБЛ. Это обстоятельство может указать на время создания ПоБЛ – после начала XV в. Так заставляет думать и употребление термина «неделя» – в двух смыслах: праздничный день (позднее – воскресенье), неделя – 7-дневный период (ранее – «седмица»).

При календарном оформлении ПоБЛ была произведена процедура обратного исчисления на основе совмещения ее с пасхально-троицким циклом, о чём свидетельствует упоминание праздника Преполовления.

Заметны ещё и хронологическое, текстуальное сходства ЕРМ и ТВ. Это позволяет утверждать, что в ЕРМ и ТВ отразился этап соединения сведений Н1 с материалами ростовского летописания. Затем эти даты были потеснены теми, что имеются в ПоБЛ. Там они появились как результат развития именно пасхальной символики. Совпадающие с Н1 и ТВ даты в ПоБЛ не связаны с днями святых. Изучение хронологической канвы подтверждает, что в ПоБЛ расширен и изменен текст о Липице, читающийся в ЕРМ и ТВ. Можно предположить, как это делалось. В ростовском летописании, где ощущается сильное влияние Н1, было произведено вычисление Пасхи 1216 г.: после Великой Субботы должна следовать Пасха. После этого работа над материалами этого ростовского летописания, соединяемого с Н1, велась новгородскими книжниками. Полагаясь на здравый смысл, они распределили по дням события после сражения, отталкиваясь от праздника Пасхи.

При составлении ПоБЛ уточнялись и дополнялись даты, чтобы читатель уяснил связь битвы с Божественным Промыслом, исполнителем которого были смоленские князья, новгородцы. Расчет событий марта–апреля 1216 г. относительно Пасхи прогнозировал успешное завершение мероприятия смоленских князей и новгородцев.

Литературный этикет в текстах о Липице в 1216 г.

Первое проявление этикета связано с обсуждением предложений противника в шатре и у Георгия и Ярослава и планов по разделу Руси перед битвой³⁴. Эта сцена, имеющаяся в ПоБЛ, МЛС и ВОСК, дважды читается в ТВ:

1) в сведении о битве на Липице³⁵;

---

³⁴ Н4. С. 188; С1. Стб. 266; НК. С. 108; ЕРМ. С. 65; МЛС. С. 112; ВОСК. С. 121.

³⁵ ТВ. Стб. 320–321.

2) в повествовании о Калке в связи с Александром Поповичем³⁶.

Примечательно то, что при совещании накануне битвы князя Георгий и Ярослав советуются с боярами, и один из них призывает согласиться с условиями мира. В ПоБЛ боярина зовут Творимир. В связи с Творимиром заслуживает внимания его антипод Ратибор. Он фигурирует в пространном сообщении об Александре Поповиче в ТВ. Похожее сообщение из Хронографа (не позже 1661 г.) привел Д. С. Лихачев³⁷.

Поэтому схему создания ПоБЛ можно представить так: летописцы соединяли материалы новгородского и ростовского летописания. При этом было сохранено имя Творимира с устранением его антипода Ратибора. Он стал «жертвой» новгородских интересов, преследовавшихся при создании Повести. Однозначно, что Ратибор и Творимир – плод литературного творчества фольклорного происхождения. Появление в ПоБЛ Творимира – результат целенаправленной литературной обработки в Ростове текстов, сохранившихся в ЕРМ, ЛЬВ и ТВ.

Если Творимир – литературный герой, появившийся в ПоБЛ после «ликвидации» Ратибора, то тогда детали договоренностей в шатре не достоверны. Например, возможный раздел Руси между князьями в случае победы Георгия и Ярослава, встречающийся лишь в ПоБЛ и последующих памятниках: Георгий получил бы владимирскую и ростовскую земли, Ярослав – Новгород, Святослав – Смоленск, черниговские князья – Киев, а Галич достался бы Всеволодовичам. Летописец сослался на грамоты с обязательствами Георгия и Ярослава выполнить эти решения; грамоты попали в руки победителям после сражения на Липице.

Есть основания не доверять сообщениям о планах Всеволодовичей. Сомнительна практика составления грамот между братьями о будущем разделе. Дипломатические переговоры в XI–XIII вв. велись устно³⁸.

Письменное закрепление договоренностей Георгия и Ярослава более подходит под реалии XV–XVI вв. А летописи, близкие по времени к битве на Липице, о планах Георгия и Ярослава и письменном их оформлении молчат. Известия о прожектах Всеволодовичей на Липице появились в летописях в XV в., содержащих ПоБЛ.

Новации, встречающиеся в ПоБЛ, усиливают обличительный ее пафос. Ради него авторы пошли на вымысел. ПоБЛ осуждает княжеские преступления. Георгий и Ярослав с точки зрения летописца – винов-

---

³⁶ ТВ. Стб. 337.

³⁷ Лихачев Д. С. Летописные повести об Александре Поповиче // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 334–335.

³⁸ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования... С. 152; Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 107–109.

ники распри. Они, покушаясь на другие земли, ничего не оставляли Константину. В предшествующих речах Георгий и Ярослав, обращаясь к боярам, призвали жестоко обходиться с врагами и пленных не брать. Георгий и Ярослав, как отрицательные герои, ведут себя по канонам нескольких литературных стилей: монументальный историзм³⁹, эпический и эмоционально-экспрессивный стили.

Георгий и Ярослав в ПоБЛ хвастливы, жестоки и вероломны по отношению к врагам. Они трусливы: когда вострубили в полках Константина, они чуть не убежали. Они – плохие военачальники: обладая численным превосходством, оставили на поле боя около 10 тыс. погибших и раненых. Их соперники предлагают справедливый мир, но, по-нуждаемые к конфликту, готовятся воевать. В ПоБЛ победители не преследуют врагов, а стоят до ночи, что вписывается в каноны исторического монументализма⁴⁰.

В ПоБЛ поведение князей Мстислава и Владимира Мстиславичей вырастает до размеров эпических подвигов, что характерно для литературы XII–XIII вв., сочетавшей исторический монументализм с эпическим стилем⁴¹. Но в ПоБЛ виден и другой стиль – эмоционально-экспрессивный, характерный для XIV–XV вв.⁴², но он отсутствует в статье 1216 г. Н1.

ПоБЛ – сложное и многослойное произведение, в котором, несмотря на старания авторов, угадываются швы и противоречия при сведении данных разных источников. Целиком доверять картине сражения в ПоБЛ нельзя. Имеет смысл удовлетвориться скудным описанием битвы в Н1: новгородцы решили биться, как их предки, босыми и пешими; они набросились на полк Ярослава, обратив его в бегство; Георгий, увидев это, также побежал. Далее Н1 отмечает большое число убитых и повязанных⁴³. Ярослав бежал в Переяславль (Залесский), где побросал в погреб новгородцев. А Мстислав и два Владимира с Константином устремились к Владимиру. Ночью там вспыхнули княжеский двор и крепость. Утром Георгий запросил пощады и ушел в Городец, «и посадиша новгородци Костянтина въ Володимири на столе отни». Затем Мстислав направил к Переяславлю отряд, получил свою дочь и плененных Ярославом новгородцев. В ПоБЛ устроителем мира в Залесской земле показан Мстислав Удатный. Он, а не новгородцы, посадил на великокняжеский стол Константина и отправил Георгия в Городец. Далее к Переяс-

---

³⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л., 1987. С. 37, 41, 64.

⁴⁰ Там же. С. 40.

⁴¹ Там же. С. 76.

⁴² Там же. С. 91.

⁴³ Н1. С. 56, 256–257.

лавлю пошли все полки победителей. В конце концов, Ярослав сдался, и Мстислав забрал свою дочь и оставшихся в живых новгородцев.

Литературным этикетом можно объяснить и появление слова «наши» в ПоБЛ применительно к смоленским князьям. Я. С. Лурье считал, что это обстоятельство сигнализирует о смоленском компоненте ПоБЛ. Однако новгородские книжники, составлявшие ПоБЛ, идентифицировали смоленских князей с новгородцами, поскольку все они выступали против Ярослава. Авторы ПоБЛ главным положительным героем сделали не Константина, как в ТВ (ЕРМ и ЛЬВ)⁴⁴, а смоленских князей, а значит и новгородцев.

Взаимосвязь текстов о битве на Липице и о преступлении в Исадах в летописях XIV–XVI вв.

Пролить свет на историю формирования ПоБЛ помогает соотнесение летописных сведений о Липицкой битве с известиями об убийстве рязанских князей в Исадах в 1217 г. В памятниках с ПоБЛ, о резне в Исадах скупо сообщается в пространной статье о Липицком сражении – под тем же годом.

Существует устойчивое источниковедческое представление о бытовании пространного текста о трагедии в Исадах. Рязанское известие о резне в Исадах представлено в Н1 старшего извода⁴⁵, куда оно попало из рязанской летописи, составленной для Ингваря Игоревича, избежавшего Исад⁴⁶. Известие вставлено в Н1, его отсутствие в Н1 мл. извода объясняется «следствием утраты листа в протографе младшего извода»⁴⁷. Л также донесла до нас рязанское известие⁴⁸, но его нельзя считать первичным из-за грубой описки в дате⁴⁹. Оно попало в Л и Н1 из общерусского свода: ведь «повествование об усобице содержится также

⁴⁴ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 102–103, 106–108.

⁴⁵ Н1. С. 58.

⁴⁶ Комарович В. Л. История русской литературы. Т. II. Ч. I. М.; Л., 1945. С. 74–77; Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261–262; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... С. 148; Дмитриев Л. А. Рассказ о преступлении рязанских князей (комментарий) // БЛДР. Т. V. СПб., 1997. С. 464–465; Кучкин В. А. Летописный рассказ об убийстве рязанских князей // Письменные памятники истории Древней Руси... С. 73.

⁴⁷ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 13–14; Гимон Т. В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. Дис.... канд. ист. наук: 07.00.03 / РГГУ. – М., 2001. С. 19; Гимон Т. В. Новгородское летописание XII–XIII вв.: проблема отбора событий для фиксации // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 337.

⁴⁸ Л. Стб. 440–441.

⁴⁹ Кучкин В. А. Летописный рассказ об убийстве рязанских князей... С. 74.

во многих летописях, не связанных» ни с Л, ни с Н1⁵⁰. Согласно Л, трагедия в Исадах «произошла» в том же году, что битва на Липице (оба события помещены в одной статье 6725 г.), а в Н1 же статьи о Липицкой битве (6725 г.) и резне в Исадах (6726 г.) разделены добавочной статьей 6726 г. По мнению Н. Г. Бережкова, статья Л состоит из сообщений о битве на Липице в 1216 г. и о резне в Исадах в 1217 г.; в НПЛ статьи 6726 и 6725 гг. надо отнести к одному 6725 г. и перевести его как 1217 г.; соответственно, битву на Липице нужно датировать 1216 г.⁵¹

Однако на статью 6725 г. можно посмотреть не из 1216 г., а из 1217 г. В последнем случае в Л сообщается о примирении Константина и Георгия, возвращении второго из Городца в Суздаль, предыстория которых уходит в столкновение братьев. История этого столкновения кратко представлена в начале летописной годовой статьи. То есть главной целью повествования в этой статье является примирение братьев. В данном случае сообщение о примирении Всеволодовичей логично помещено с известием о резне в Исадах в 1217 г.

В С1 краткое известие об Исадах помещено в одну статью 6725 г. с сообщением о Липице (между ними сообщение о походе Всеволода Мстиславича на Ригу)⁵²; почти так же, но с изменением даты (6724 г.), поданы сведения в Н4, НК⁵³.

В МЛС, ВОСК сообщение о битве на Липице датировано 6724 г., а пространное сведение об убийстве в Исадах входит в статью 6725 г.⁵⁴. Составители МЛС (ВОСК) взяли в качестве исходного текст об Исадах, близкий к Л. В частности, имеется резюме летописца, имеющееся в Л – «си же злоба сключися» далее следует дата (в Н1 к дате привязаны слова, что рязанские князья скончались). В МЛС и ВОСК нет рассуждений, подобно Л, о преступлении Каина, предвещающих рассказ о событии; также в этих памятниках и Л нет слов Н1 (или их перефразировки), заключающих повесть: «Съ же оканьнии Глебъ и Костянтинъ, брат его, онемъ уготова царство небесное, а собе муку вечную и съ думьци своими». То есть текст, имеющийся в МЛС, ВОСК отличается от близкого сообщения Л и от известия Н1 снижением обличительного пафоса, выдержанного в рамках библейских ценностей. В МЛС и ВОСК указана правильная дата (если за эталон взять сведение Н1) кровавой распри в Исадах – 20 июля, но без увязки с Ильиным днем. Верная дата без приходящегося на нее праздника указывает на использование составителем МЛС источника, отразившего текст Л.

---

⁵⁰ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... С. 148–149.

⁵¹ Бережков Н. Г. Хронология... С. 105, 258–259.

⁵² С1. Стб. 263–274.

⁵³ Н4. С. 186–197; НК. С. 111.

⁵⁴ МЛС. С. 114–115; ВОСК. С. 120–125.

Строку об убийстве в Исадах в С1, Н4, НК нельзя считать реликтом какого-то памятника. Она есть лишь в тех летописях, где представлена пространная ПоБЛ. Будучи посвященной преступлению Георгия и Ярослава, она могла бы быть затенена даже той записью об убийстве в Исадах, что есть в ЕРМ, ЛЬВ, ТВ. Убийства родного и двоюродных братьев «перевешивают» борьбу Ярослава за Новгород и Георгия и Константина за старшинство. Источником краткой записи в С1, Н4, НК стала Н1 старшего извода через посредство текста ЕРМ, ЛЬВ, ТВ. Именно в летописях, где есть ПоБЛ, в одну годовую статью объединены битва на Липице и преступление Глеба Владимировича, подобно Л. Однако если в последней это явление появилось благодаря сведению статей разных стилей, то в С1, Н4, НК это могло стать результатом сознательного сверстывания в одну статью сведений о двух княжеских преступлениях. Следовательно, сообщение о резне в Исадах в С1, Н4, НК текстуально связано с ПоБЛ, не входя в ее состав. За это говорит и краткость сообщения о преступлении в Исадах.

При редактировании составители ПоБЛ провели ряд операций. С учетом того, что авторы ПоБЛ стремились максимально отдалиться от той традиции, представленной в Л, то соединение, подобно ей, в одной годовой статье сообщение о Липице и об Исадах было сознательным приемом. Это доказывается сравнением организации материала в предшествующих текстах (Н1, возможно – ЕРМ, ЛЬВ, ТВ) и в последующих (МЛС, ВОСК): Липица и Исады разнесены по разным годам. И во всех этих памятниках Исады описаны более подробно по отношению к ПоБЛ. Если верно допущение, что составители ПоБЛ воспользовались текстом, читаемым в ЕРМ, ЛЬВ, ТВ, то понятна логика и насущность исправления этого материала. Слабый обличительный пафос текстов о Липице в ЕРМ, ЛЬВ, ТВ снижен следующим сообщением о резне в Исадах и о примирении Георгия и Константина⁵⁵.

Источники уникальных сведений ПоБЛ.

ПоБЛ создавалась на основе статьи Н1 путем наращивания дополнительной информации, извлекаемой из сведений о разных событиях, в целях дискредитации Георгия и Ярослава (в первую очередь) Всеволодовичей. Эта дискредитация нужна была для оправдания Константина Всеволодовича (а значит, и их предков) и Новгорода, сопротивлявшегося в XV в. давлению московских князей, наследников Ярослава Всеволодовича. Для создания памфлета привлекались образы из трех версий «Повести о битве на Калке»⁵⁶, ростовские местные предания об

---

⁵⁵ ТВ. Стб. 326; ЕРМ. С. 66; ЛЬВ. С. 149.

⁵⁶ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси... С. 251–271.

Александр Поповиче. Этап создания ПоБЛ отразился в текстах ЕРМ, ЛЬВ, ТВ, несмотря на то, что эти летописи моложе С1, Н4, НК, содержащих ПоБЛ.

Решение проблем происхождения и достоверности «избыточных материалов» ПоБЛ (событийные и топографические реалии) позволяет уточнить и этапы формирования ПоБЛ. В ПоБЛ представлена попытка своеобразного реванша за предыдущую битву на Липице в 1176 г. В этом реванше были заинтересованы, вероятно, ростовцы: ведь жители Ростова в 1176 г. выступили несправедливо против того, на чьей стороне была Божья Правда и старшинство. Ростовцы «реабилитировали» себя в 1216 г., выступив на стороне Константина. Ради этого сгущались краски при описании негативных образов Ярослава и Георгия и возвеличивании их противников. Потом в Новгороде эти тенденции созданного в Ростове текста о Липице в 1216 г., были усилены для прославления новгородцев, смоленских князей и опорочить Ярослава⁵⁷. Кроме того, в ростовском летописании компилировались из сведений Л, И и Н1 отдельные известия о битвах на Колокше (1177 г.), на Влене (1180 г.). В «новгородско-софийском летописании» эти сообщения были развернуты в сторону компроментации Ярослава и восхваления самих новгородцев и смоленских князей⁵⁸.

Такие текстологические выводы подтверждаются наблюдениями за описанием битвы на Липице в 1216 г. В Н1: пешие новгородцы, вспомнив битву на Кулачц(к)е (Колокше), устремились на полк Ярослава, их поддержал Мстислав Удатный, двинувший конницу; Ярослав не выдержал удара и «вдавъ плече»; полк Георгия, бывший с полком Константина, видя бегство воинов Ярослава, тоже побежал. Иное описание в ПоБЛ: после совещаний в каждом стане ночью произошла перекличка воинов Константина, и Георгий с Ярославом хотели бежать; утром обнаружилось, что суздальцы по приказу Георгия и Ярослава за ночь отошли с предполагаемого места битвы за лесистый овраг и расположились на Авдовой горе, укрепившись плетнем и кольями; их противники расположились на Юрьевой горе, отделенной от Авдовой горы ручьем Тунегом; Георгию было предложено занять удобное место для открытой битвы, но он отказался; Мстислав и Владимир Мстиславичи послали молодых людей биться, что они и делали до вечера, но не усердно из-за погоды; следующим утром смоленские и ростовский кня-

---

⁵⁷ Кузнецов А. А. Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 291–311.

⁵⁸ Кузнецов А. А. Источники уникальных сведений «Повести о битве на Липице» // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4. Вып. 3. С. 79–87.

зья решили идти к Владимиру, Георгий поспешил ударить по ним, считая, что отступают, но был отогнан; в это время подошел Владимир Псковский из Ростова (хотя днем раньше он посылал молодых людей на битву, а еще раньше участвовал в переговорах); началось совещание, где Константин высказал опасения по поводу боевых качеств своих воинов, Мстислав, уповая на крест и правду, решил пойти на врага; началась расстановка сил – с края полк Владимира Смоленского противостоял полкам Ярослава с муромцами, городчанами и с бродниками, против псковско-новгородского центра войска, руководимого Мстиславом и Владимиром Мстиславичами, действовал Георгий со всеми силами Суздальской земли, на другом фланге должны были сойтись ростовский полк Константина и силы «меньшой братии». Пешие и босые новгородцы нанесли удар, смоляне по их примеру пешими устремились на Ярослава. Для поддержки смолян Владимир Смоленский бросил конный отряд Ивора Михайловича. Вместе они подсекли два стяга. Это воодушевило Мстислава Удатного, его брата Владимира, остальных князей и Константина с ростовцами. Мстислав трижды проехал через полки Георгия и Ярослава, рубя топором: то есть он врезался в полк Георгия и повернул в сторону флангового полка Ярослава, прошел до его конца, развернулся и шел до центрального полка Георгия. Так сражался и Владимир. Георгий и Ярослав с муромскими князьями и меньшими братьями бежали. Затем рассказывается о мародерстве смолян, о потерях и еще раз о бегстве почти так же, как в Н1: Георгий стоял против Константина⁵⁹, увидел отступление полка Ярослава и побежал. Панорамное и детальное описание битвы (на Липице в 1216 г. в ПоБЛ, созданной в XV в.) – в современной историографии аргумент в пользу ее недостоверности⁶⁰.

Осознавая шаткость сюжетных параллелей событий 1176–1178 гг. и 1216 г., надо еще раз указать на то, что большинство деталей ПоБЛ в предыдущих источниках не встречается, если только не признать первичными сведения, отразившиеся в летописях ростовской традиции, из которых ЕРМ почти ровесник С1, НК, Н4, а ЛЬВ и ТВ – младшие. Этим и будет объясняться непротиворечивое наличие «избыточного» материала в ЕРМ, ЛЬВ и ТВ по сравнению с Н1 на фоне меньшего объема сообщения о Липице 1216 г., нежели в С1, НК, Н4. Тогда получается, вывод, сделанный раньше, что в Ростове материал о Липице 1216 г., взятый из Н1, обогащался сведениями о баталиях на Липице 1176 г. и на Колокше 1177 г. При этом сообщения, читаемые в Л, И и Н1, о по-

---

⁵⁹ Хотя ранее говорилось, что Константин находился на фланге против младшей братии.

⁶⁰ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 303–310.

следних событиях обобщались. Эти обобщения учитывались при расширении текста Н1 о битве на Липице 1216 г. В таком виде материалы попали в протограф летописей софийско-новгородской группы. Там из уже ростовских сообщений о Липице 1176 г. и о Колокше 1177 г. убиралось противоречия, как правило, связанные со следами И. Вторично этот материал соотносился с битвой на Липице 1216 г. А ростовские сообщения о ней, насыщаемые дополнительным материалом легендарного и домысливаемого происхождения, «разбавлялись» сведениями Н1, не попавшими в ростовскую версию.

Источниковедческие выводы

Изучение сведений о Липицкой битве в 1216 г. и о предшествующих событиях подтверждает наличие ростовского «звена» в развитии летописания от трех «основных» летописей к летописям новгородско-софийской группы. Исследование текстов о Липице подтвердило правоту Я. С. Лурье: основным и достоверным источником в изучении битвы на Липице в 1216 г. является Н1. К уникальным сообщениям ПоБЛ надо подходить осторожно, особенно касаясь деталей битвы. В них сильна доля литературного сочинительства. Нельзя доверять хронологической сетке события, описанного в ПоБЛ, сведениям о соотношении сил, точным данным о потерях сторон в битве, самой картины битвы, представленной в ПоБЛ, нельзя пользоваться словами боярина, призывавшего Георгия и Ярослава к битве, как восприятием современником политико-административных реалий Древней Руси 1216 г. (скорее всего, надо говорить об их восприятии новгородским книжником XV в., но не владими́ро-суздальским боярином) и др. Следующими по степени важности источниками после Н1 в изучении битвы на Липице в 1216 г. являются ТВ и ЕРМ, ЛЬВ.

Нарушение достоверной картины события в С1, Н4, НК заставило составителей МЛС, ВОСК устранить очевидные искусственные вставки. Многие результаты этого устранения трактовались А. Н. Насоновым как проявления в МЛС Летописца Георгия Всеволодовича. На самом деле, в них надо видеть более легкие, прозрачные для понимания тексты, созданные в результате преодоления трудностей предшествующих текстов. Это заключение выводит ряд известий из текстового массива, который А. Н. Насонов обозначил как Летописец Георгия Всеволодовича. При сравнении текстов о Липице в С1, Н4, НК с текстами в МЛС и ВОСК неизбежен вывод, что данное событие «подгонялось» под политический заказ именно в летописях, связанных происхождением с Новгородом. А вот великодержавная Москва тогда же способствовала установлению достоверной картины события на Липице. Этот частный случай противоречит общей концепции, предложенной Я. С. Лурье. Со-

гласно ей Москва в XV–XVI вв. вытравляла из летописания следы достоверной истории⁶¹.

Для усиления неправоты Ярослава и Георгия в 1216 г. и оправдания их противников новгородские книжники использовали материалы ростовского летописания в том виде, как они читаются в ТВ, ЕРМ. Оттуда же пришла идея совместить в ПоБЛ обороты и детали описания битвы на Калке в Н1. В связи с такой процедурой новгородские книжники изменяли текст сообщения о битве на Калке. Изменение происходило в двух направлениях: к С1 и к Н4, НК. В Н4, НК переработка привела к созданию особой редакции ПоБЛ.

Общерусскому значению и масштабу Липицкой битвы не противоречат более скромные, нежели в источниках, размеры войск и потерь. Виновником усобицы 1216 г. надо признать Ярослава Всеволодовича, впрочем, как это и показано в С1–Н4. Возможно, это было сознательной переработкой текста: ведь в XV в. Новгород терял независимость под натиском потомков Ярослава. Его – антигероя – противопоставляли идеалу князя в лице Мстислава Удатного. Возможно, чтобы не создавать препятствий для дискредитации Ярослава Всеволодовича, новгородские книжники максимально сократили известие об избиении рязанских князей в Исадах, помещенное в С1, НК, Н4 в ту же статью, что и повествование о битве на Липице. Негативистская тенденция в освещении Георгия Всеволодовича есть лишь в ТВ. Из-за выпячивания ростовских интересов владимирский князь изображен трусливым. Вероятно, текст в ТВ стал исходным при создании ПоБЛ на стадии соединения материалов новгородского владычного летописания⁶², ростовской и, возможно, смоленской летописной традиции. В этом процессе эпический образ князя с негативными чертами оказался вытеснен демоническим образом Ярослава и приобрел второстепенный характер.

Исследование формирования ПоБЛ позволяет представить применительно к истории Руси схему развития летописных фрагментов в сведения, которые считаются достоверными. В основе фрагментов – сведения Н1. Они компилировались в Ростове с сообщениями ростовского происхождения – этот этап отразился в ЕРМ, ЛЬВ, ТВ. Если эти сведения интересовали авторов летописей новгородско-софийской группы, то они подвергали их дальнейшему редактированию. В этом виде они попадали к великокняжеским книжникам, устранявшим очевидные фактические просчеты. Если сведения ростовского летописания не попадали на страницы С1, Н4, НК, то они напря-

---

⁶¹ Дурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 113.

⁶² Гимон Т. В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / РГГУ. М., 2001. С. 17.

мую брались великокняжескими сводчиками из ростовского источника. При этом великокняжеские сводчики, чья работа проявилась в МЛС, ВОСК, проводили проверку сведений через тексты «основных» или близких к ним летописей.

Исследование исторического феномена битвы на Липице невозможно без изучения её предыстории и последствий. Источниковедение этих исторических фактов⁶³ демонстрирует эффективность схемы формирования ПоБЛ. Только зачастую в этой схеме выпускается софийско-новгородское звено, а в качестве исходного источника выступает не одна Н1. К ней добавляются Л, И, Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС).

Источниковедение позволяет выделить исторические факты и провести реконструкцию.

Битва на Липице: история события

В начале 1210 г. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо пребывал в политической изоляции: вражда с Черниговом, потеря Переяславля-Русского, утверждение смоленских князей в Новгороде, беспокойная Рязань. В трудном положении был и черниговский князь Всеволод Чермный. Ему надо было удерживать Киев перед натиском смоленских Ростиславичей; отсутствовал мир с Владимиром, где была в заложницах его дочь. Всеволод Чермный в 1210 г. предложил Всеволоду Юрьевичу мир⁶⁴. Закрепили мир свадьбой Георгия (Юрия) Всеволодовича и Агафьи Всеволодовны⁶⁵. Этот брак позволил урегулировать «рязанский вопрос». В 1212 г. Георгий Всеволодович, став владимирским князем, освободил рязанских князей⁶⁶.

Мир 1210 г. вернул владимирскому князю Переяславль-Русский⁶⁷. Брак Георгия ознаменовал поворот в политике его отца: от конфронтации с Ольговичами к сближению с ними. После смертей обоих Всеволодов в 1212 г. власть перешла к их детям: во Владимирском княжестве – к Георгию, в Черниговском княжестве – к Михаилу.

Брак Георгия характеризует арсенал политических средств Всеволода Юрьевича. В 1189 г. он выдал за смоленского князя Ростислава Рюриковича Верхуславу⁶⁸. В 1195 г. Константин Всеволодович женился на дочери смоленского князя Мстислава Романовича. В 1213 г. Ярослав

---

⁶³ Кузнецов А. А. Политическая история Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // RUTHENICA. Т. VIII. Киев, 2009. С. 66–96.

⁶⁴ МЛС. С. 108.

⁶⁵ Л. Стб. 435.

⁶⁶ Л. Стб. 437.

⁶⁷ Об этом подробнее: Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович... С. 92–97.

⁶⁸ Л. Стб. 407.

женится на дочери Мстислава Удатного⁶⁹. Черниговская линия браков, начатая в 1187 г. дочерью Всеславой⁷⁰, была продолжена браком Георгия, а в 1215 г. Владимир женился на дочери Глеба Святославича⁷¹. Брачная политика Всеволода Юрьевича после его смерти стала одной из предпосылок раскола его сыновей.

Одной из предпосылок битвы на Липице стал династический кризис во Владимирском княжестве в 1211–1214 гг. Согласно распространенной версии, первоначально Всеволод завещал Константину Владимир, а Георгию – Ростов⁷², но затем, изменив решение из-за своеволия старшего сына, владимирский стол и власть передал Георгию. Источниковедение не подтверждает эту версию.

Л – самая близкая по времени к описываемым событиям – о завещании ничего не знает⁷³. Противоречивую информацию о завещании Всеволода дают летописи XV–XVI вв. В них сообщается о представительном собрании, одоббившем решение о передаче владимирского стола Георгию⁷⁴. Татищев усилил эти сведения антипатией к Георгию и ввёл «факт» неприятия им Константина как причину изменения престолонаследия⁷⁵.

Изучение всех текстов о завещании Всеволода Большое Гнездо и его утверждении в 1211 г. вынуждает отказать им в достоверности картине⁷⁶. Картина, восстанавливаемая по достоверным применительно к 1207–1211 гг. Л и ЛПС, выглядит такой. Еще за несколько лет до смерти Всеволод Большое Гнездо отдал Константину Ростов, Ростовскую землю с 5-ю городами. Данное распоряжение было окончательным для Константина и его потомства. Всеволод Юрьевич пошел на отделение в пользу старшего сына значительной части княжества. Видимо, так Всеволод хотел избежать распри среди своих детей.

После смерти Всеволода Юрьевича его дети княжили в определённых отцом городах. С этим Георгий, получив Владимир, считался. Потеря старшинства среди братьев вызвала гнев Константина. Началась борьба между ним и Георгием; другие братья были лишь союзниками

---

⁶⁹ Летописец Переяславля Суздальского // ПСРЛ. Т. 41. М., 1995 (ЛПС). С. 131; Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985. М., 1986. С. 74–75.

⁷⁰ Л. Стб. 405.

⁷¹ Л. Стб. 438.

⁷² МЛС. С. 108.

⁷³ Л. Стб. 436–437. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 135–137.

⁷⁴ ЕРМ. С. 63; МЛС. С. 108; ВОСК. С. 117; ТВ. Стб. 310.

⁷⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.–Л., 1964. С. 186–187, 260; Т. 4. М.; Л., 1964. С. 342–343, 460–461.

⁷⁶ *Кузнецов А. А.* Политическая история Северо-Восточной Руси... С. 67–85.

кого-то из них. Уже в 1212 г. Георгий и Ярослав ходили к Ростову и «умиришася» с Константином⁷⁷. Константин пребывал в изоляции, пока на его сторону не перешел Святослав. Георгий предложил Константину обменять Владимира на Ростов. Но Константин требовал Владимира себе, а Ростов – сыну, Георгию был предложен Суздаль. В ответ Георгий вместе с Ярославом совершили поход к Ростову. На последовавших переговорах был достигнут мир⁷⁸.

В 1213 г. столкновение спровоцировал Владимир Всеволодович, убежав к Константину. Князь Владимир занял Волок, перекрыв пути, связывавшие Новгород с Владимиром. Затем Константин ударил по Соли Великой и Нерехте, принадлежавшей Ярославу. Но Георгий и Ярослав вынудили Константина пойти на второе перемирие. В результате Владимир по воле Георгия ушел княжить в Переяславль-Южный⁷⁹. Соглашение Георгия и Константина подкреплялось желанием сохранить влияние на юге Руси.

Во Владимирском княжестве сложилось двоевластие: два политических центра – Ростов и Владимир – были в разных руках. Оно проявилось еще в появлении в 1214 г. двух епископий в Северо-Восточной Руси⁸⁰. Первым епископом владимирским стал Симон. Разделение церковно-административной единицы показывает, что Георгий и Константин действовали как самостоятельные князья. Это положение могло сохраняться: оба брата правили бы в своих княжествах. Более того, Константин и Георгий в 1215 г. помогали брату Ярославу в борьбе за Новгород.

Именно из Новгорода исходил один импульс, приведший к Липице. С начала XIII в. за Новгород боролись владимирские и смоленские князья. В 1210–1211 гг. правитель Владимира примирился с черниговскими Ольговичами. Вне этого союза оказались смоленские князья. Мстислав Удатный в 1214 г. из Новгорода ушел в Галицко-Волынское княжество. Ярослав Всеволодович, приглашенный в Новгород после ухода своего тестя, стал усиливать княжескую власть. Противостояние Ярослава и новгородцев закончилось его отъездом в 1215 г. в Торжок и блокадой Новгорода.

Зимой 1215/1216 гг. Мстислав Удатный вышел из Киева к Смоленску. Там же собрались другие Ростиславичи. В феврале 1216 г. они появились в Новгороде. Мстислав Удатный потребовал, чтобы Ярослав отпустил пленных новгородцев и оставил Торжок⁸¹. Ярослав отказался.

---

⁷⁷ Л. Стб. 437.

⁷⁸ ЛПС. С. 130.

⁷⁹ Л. Стб. 437–438.

⁸⁰ Л. Стб. 438.

⁸¹ Н1. С. 54–55, 254.

Мстислав и другие смоленские князья в марте стали воевать против Ярослава. Поход на Залесскую землю имел главной целью не разгром Ярослава, но был вызван стремлением Ростиславичей установить господство над Русью⁸². Они к этому времени контролировали Киев, другой опорой политической оси Древнерусского государства был Новгород. Поэтому сражение на Липице в апреле 1216 г. стало и разрешением борьбы за верховенство во Владимирском княжестве, и этапом борьбы смоленских князей за Новгород и за общерусское доминирование.

Смоленские князья вытеснили Ярослава с дружинами братьев из Новгородской и Смоленской земель, перенеся боевые действия в Северо-Восточную Русь. Ростиславичи, продвигаясь во Владимирскую землю, взяли Зубцов и «рече же Мстиславъ и Володимиръ Плесковскыи»: «пойдемъ къ Переяславлю; есть у нас третии другъ»⁸³. Под ним понимался Константин.

Ростиславичи пытались отрезать Ярослава в Твери от братьев⁸⁴ и в Ростов к Константину Всеволодовичу послали боярина Яволода. В результате Константин заявил о готовности договориться с родичами жены⁸⁵. Боевые действия до апреля 1216 г. велись смоленскими князьями лишь против Ярослава. Его обращение к Георгию за помощью подтолкнуло второго на борьбу с внешней силой в княжестве. Так обозначились противники, сошедшиеся на Липице 21 апреля 1216 г.

В сражении на Липице участвовали лишь дружины Георгия и Ярослава Всеволодовичей, а против них воевали смоляне, новгородцы и псковичи. Смоленские князья и новгородцы предложили Георгию не поддерживать Ярослава, а от Ярослава потребовали отпустить пленных, оставить новгородские земли и заключить мир. Братья ответили унижающим отказом, побудившим новгородцев, подобно предкам на Кулачье, биться босыми, пешими и «без портов». Новгородцев поддержал Мстислав Удатный, и полк Ярослава дрогнул. Побежал и полк Георгия, не выдержав удара отряда Константина. Победители подошли к Владимиру. Георгий обещал покинуть город, и на следующий день отправился в Городец. Константин утвердился на владимирском столе. Затем Мстислав Удатный забрал у Ярослава жену, свою дочь⁸⁶.

Этой скупой картине битвы большинство исследователей предпочитают «Повесть о битве на Липице», читаемую в летописях софийско-новгородской группы. Она же изобилует недостоверными деталями,

---

⁸² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 74, 78.

⁸³ Н1. С. 55, 255

⁸⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 100.

⁸⁵ Н1. С. 55, 255.

⁸⁶ Н1. С. 56, 256–257.

заимствованными из сообщений о битвах 1170-х гг. Главная её цель – опорочить Ярослава Всеволодовича, чьи потомки с начала XV в. усиленно давили на Новгород.

После битвы на Липице власть в Залесской земле перешла к Константину. Он был ориентирован на Смоленск. То есть с 1216 г. трещина прошла по владимирско-черниговскому союзу. Составной частью союза были рязанские князья, освобожденные Георгием в 1212 г. Они, вернувшись домой, заняли свои уделы и регулировали отношения по принципам старшинства. Очевидно, они не жаловали Глеба, который их Всеволоду Юрьевичу. Глеб спешил воспользоваться тем, что после Липицы на его действия не последует должной реакции из Владимира. В 1217 г. Глеб и Константин Владимировичи вызвали рязанских князей на переговоры в Исады. «Глеб прежде прихода их изнаряди свои слуги и братни и поганых Половец множество в оружие и стрья в полстници близь шатра... и якоже начаша пити и веселитися, и ту ябье проклятыи Глеб с братом, иземше меча своя, начаста сечи преже князи»⁸⁷.

В Л соседствующие сведения – краткое о Липице и пространное об Исадах – наводят на мысль о том, что у детей Всеволода Большое Гнездо нашлось достаточно мудрости, братских уважения, чтобы не скатиться до преступления Глеба.

Георгий Всеволодович после Липицы около года пробыл в Городец. Затем он был возвращен и посажен Константином в Суздале⁸⁸. Незадолго до смерти Константин определил сыновей в Ростов и Ярославль, условился с Георгием о передаче ему владимирского стола. 2 февраля 1218 г. Константин умер, и Георгий вновь занял владимирский стол.

---

⁸⁷ Л. Стб. 440–441.

⁸⁸ Л. Стб. 440.

**К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО
ПРОТОГРАФА ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
И ЕГО СВЯЗИ С НОВГОРОДСКИМ ЛЕТОПИСАНИЕМ**

Издание псковских летописей, осуществленное А. Н. Насоновым, сопроводившим текст обстоятельным исследованием истории псковского летописания, стало важнейшей вехой в изучении предмета. А. Н. Насонов выделял Син. как особую летопись – Псковскую 2-ю (далее – П2). При этом обнаружение в то время нового, ещё не привлекавшегося к изданию псковских летописей списка XVII в. – Тихановского (далее – Тих.) – позволило исследователю разделить все имеющиеся тексты на три варианта – три самостоятельные летописи: Псковскую 1 летопись (далее – П1), П2 и Псковскую 3 летопись (далее – П3).

К такому делению А. Н. Насонов пришёл, сравнив Тих. и Архивский 1-й (далее – Арх.1), с одной стороны, со Строевским (далее – Стр.) и Архивским 2-м (далее – Арх.2) – с другой¹. Первые из них, по мнению А. Н. Насонова, непосредственно восходят к псковскому летописному своду 1547 г. При этом именно Тих., несмотря на некоторые изменения, внесенные переписчиком XVII в., лучше воспроизводит, судя в том числе по палеографическим данным, и древнейший реконструированный А. Н. Насоновым свод псковского летописания – свод 1464 г.

Арх.2 и Стр. отражают, по мнению А. Н. Насонова, более поздний свод 1567 г., создание которого исследователь связывал с деятельностью игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, придавшего своду яркую антимосковскую направленность. Составитель свода 1567 г. использовал не только свод 1547 г., но и другой несохранившийся псковский летописный текст. Все списки, происходящие от свода 1567 г., были названы А. Н. Насоновым П3. Те же, что восходили к своду 1547 г., созданному на основе свода 1464 г., т. е.: Тих., Арх.1, Архивский 3-й (далее – Арх.3), список Оболенского (далее – Обол.), Погдинский 1-й (далее – Пог.1), исследователь назвал П1, которую помимо

---

¹ *Насонов А. Н. О списках псковских летописей. // Псковские летописи. Выпуск I. М.; Л., 1941.*

текстологических расхождений с ПЗ он считал более умеренной, по сравнению с ПЗ, в критике власти московских князей².

Син. А. Н. Насонов, как и издатели ПСРЛ до него, выделял в особую П2. По мнению исследователя, П2 восходит к своду 1486 г., созданному специально для освещения «брани о смердах» 1483–1486 гг. Сравнив П2, с одной стороны, и П1 и ПЗ, с другой, А. Н. Насонов пришел к выводу, что в их основе лежал некий большой псковский летописный свод середины XV в., к которому восходят все сохранившиеся псковские летописные тексты, т. е. П0.³

В пользу датировки П0 серединой XV в. исследователь привел следующие аргументы. По его мнению, одним из его источников стали гипотетические «Краткие извлечения» из НСС (далее – КИ-НСС)⁴. Влияние Летописи Авраамки (далее – ЛА), Рогожского Летописца (далее – РЛ), Тверского сборника (далее – Тв.) и летописца епископа Павла (далее – ЛеП) возводимых А. Н. Насоновым вслед за А. А. Шахматовым к КИ-НСС⁵, а также летописей (Н4 и С1), непосредственно восходящих к НСС, на П1 и ПЗ продемонстрировано исследователем убедительно. Нельзя сказать то же в отношении П2. А. Н. Насонов привел в качестве примеров влияния ЛА-РЛ-ЛеП-С1-Н4 на П2 известия последней за 5574, 6624, 6643, 6694, 6811, 6897, 6899 гг.⁶ Таблиц сравнения этих известий П2 с известиями летописей НСС и КИ-НСС исследователь не привел, ограничившись замечаниями о близости текста П2 к той или иной летописи. Таким образом, А. Н. Насонов, соглашаясь с А. А. Шахматовым в датировке НСС 1448 г. и, одновременно, возводя Тих. к псковскому своду 1464 г. утверждал, что П0, соответственно, должен был быть составлен в 1448–1464 гг.⁷ То есть, подчеркнем, А. Н. Насонов, датируя П0, исходил исключительно из идеи о том, что одним из источников П0 были летописи НСС и КИ-НСС. Подробного сопоставления известий П1, П2, ПЗ на всем их протяжении им произведено не было.

Это стало восприниматься со временем как уязвимое звено его концепции. Первым критиком стал Г. Ю. Грабмюллер, предложивший свое виденье истории псковского летописания. По мнению исследователя, нельзя возводить все псковские летописи к своду середины XV в., как это делали А. А. Шахматов и А. Н. Насонов. Г. Ю. Грабмюллер, на

---

² Насонов А. Н. О списках ... С. XXXVIII–XLVI.

³ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. V. Вып. I. М., 2003. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV вв. // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 7. С. 114.

⁶ Там же. С. 25–29.

⁷ Там же. С. 33.

наш взгляд, убедительно показал, что известия НСС, использованные в П1 и П3, отсутствуют в П2⁸. Это подрывало идею А. А. Шахматова – А. Н. Насонова о датировке П0 второй половиной XV в. Однако Г. Ю. Грабмюллер не провел полной работы по сопоставлению П2, как летописи, свободной от влияния новгородско-софийского летописания, с П1 и П3, как летописями, такое влияние испытавшими. Между тем это могло бы помочь установить состав П0 и время его создания. Но Г. Ю. Грабмюллер сделал несколько важных текстологических замечаний. Так, он впервые отметил, что П2 расходится с П1 и П3, начиная с известий 1410 г. Это расхождение Г. Ю. Грабмюллер объяснял появлением в это время двух независимых друг от друга центров псковского летописания: «при Троицком соборе» и «посадничего». Это противопоставление вызвало впоследствии критику со стороны И. О. Колосовой⁹. Вместо текстологического сравнения списков Г. Ю. Грабмюллер провел анализ летописных известий всех трёх летописей, целью которого было обнаружить в них следы редакторской обработки текста. В результате исследователь предложил гипотезу о существовании следующих псковских летописных сводов: 1368, 1410, 1426, 1436, 1449, 1467 гг.

Построения Г. Ю. Грабмюллера подверг критике Я. С. Лурье, посчитавший недоказанным, хотя и достаточно вероятным, существование ранних псковских сводов. Вместе с тем Я. С. Лурье не только согласился с ключевым, как представляется, выводом Г. Ю. Грабмюллера об отсутствии влияния летописей НСС на П2, но и предложил дополнительный аргумент в пользу создания П0 в 1410-х годах, хотя существование этого свода и не считал доказанным текстологически. Этим аргументом стало то, что 1418 г. – граница, за которой обрываются псковские по происхождению известия в НСС¹⁰.

Этот аргумент Я. С. Лурье, который сам он не считал достаточным, послужил основанием для концепции А. В. Валерова. Последний, признавая вслед за Г. Ю. Грабмюллером П2 летописью, свободной от влияния НСС¹¹, поставил задачу выяснить взаимоотношения псковских летописей, с одной стороны, и Н4 и С1 – с другой. При этом А. В. Валеров не привлек к сравнению Новгородскую Карамзинскую летопись (далее – НК), состоящую из двух подборок (далее – НК1 и НК2). Здесь

---

⁸ *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. С. 86–96.

⁹ См.: *Колосова И. О.* Псковские посадники XIV–XV вв. С. 8–10.

¹⁰ *Лурье Я. С.* Рецензия на книгу: *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975 // *Russia Mediaevalis*. Т. III. 1977. С. 83–92.

¹¹ *Валеров А. В.* Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв. СПб., 2004. С. 19–27.

важно отметить, что со времен А. А. Шахматова представления о НСС изменились. Его гипотеза о НСС, как об общем протографе Н4 и С1, принималась А. Н. Насоновым и Я. С. Лурье¹², но затем подверглась критике со стороны Г. М. Прохорова¹³, который создал свою схему, в которой важнейшую роль играла именно НК1. Позднее появились гипотезы о НСС А. Г. Боброва¹⁴ и М. А. Шибяева¹⁵. В настоящее время вопрос о НСС относится к числу спорных, мы в него не будем углубляться, а будем использовать термин НСС как условное обозначение новгородского свода первой половины XV в., возникшего на базе Н1 и породившего другие новгородско-софийские летописи (НК, Н4, С1) без учета их отношения друг с другом и времени его создания.

Т. В. Гимон посвятил статью анализу одного летописного известия о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г.¹⁶ Пространная редакция этого известия читается в П2 (в П1, П3 отсутствует), а краткая читается в ряде летописей НСС – в Н4, в НК2, в Тверском сборнике. В П1 и П3 ни одна из редакций этого известия не присутствует. Т. В. Гимон предположил, что известие 1065 г. попало в НК2 из псковского источника вместе с другими псковскими по происхождению известиями, в НК1. Затем эти известия были использованы составителями С1, Н4 и других летописей НСС. При этом, Т. В. Гимон не согласился с мнением Г. Ю. Грабмюллера – Я. С. Лурье – А. В. Валерова о том, что П2 свободна от влияния летописей НСС. Исследователь фактически вернулся к воззрениям А. А. Шахматова – А. Н. Насонова, согласно которым П0 испытал влияние летописей НСС. По его мнению, статьи П2 за 1065, 1066, 1135, 1169, 1186 «возводимы к новгородско-софийским летописям»¹⁷. Но Т. В. Гимон не аргументировал это утверждение.

Итак, проблема истории древнейшего псковского летописания во многом сводится к тому, были ли в действительности известия П2 за 1065, 1066, 1116, 1135, 1169, 1186, 1303, 1391 гг.¹⁸ заимствованы из летописей КИ-НСС и НСС или они могли быть взяты из другого источника.

---

¹² См.: подробнее: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

¹³ См.: подробнее: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГБП, Ф. IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.

¹⁴ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

¹⁵ См., например: *Шибяев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 368–394.

¹⁶ *Гимон Т. В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 13–33.

¹⁷ *Гимон Т. В.* Сообщение ... С. 20

¹⁸ Там же. С. 25–29.

Обратимся к первому из них, сообщающему о походе Всеслава Полоцкого на Псков. Это известие отсутствует в П1, П3, С1, Н1 зато читается в Н4, НК2.

П2	Н4	НК2
В лето 6573. Князь полотский Всеслав, събрав силы своя многыя, приде ко Пскову, и много тружався съ многыми замыслени и пороками шибавъ, отъиде ничто же оуспев ¹⁹	В лето 6573... Князь Всеслав Полоцкий быль оу Пьскова ратью и перси билъ пороки ²⁰	В лето 6573. Князь Всеслав Полотский был у Пскова ратью и перси билль пороки ²¹

Т. В. Гимон предположил, что известие, хоть и было псковским по происхождению, но в П2 попало уже из новгородско-софийских летописей, так как а priori принял идею, что П2 испытала влияние НСС через П0. Другой аргумент Т. В. Гимона в пользу первичности данного чтения в Н4-НК2 по отношению к П2Л лингвистический. По мнению исследователя, использование в Н4 и НК2 устных форм «был» и «бил» вместо традиционного книжного аориста «быша» и «биша» свидетельствует о том, что известие Н4-НК2 заимствовано непосредственно из устного источника и, соответственно, первично по отношению к П2, где используется уже книжная форма²². Более вероятным, однако, представляется другое объяснение: книжный текст был первичен и он читается в П2, а в Н4 и НК1 читается текст более поздний, именно поэтому в него на каком-то этапе при переписывании попали устные формы. Если мы будем судить о первичности летописных известий на основании выбора разговорной глагольной формы, то придется признать сообщение П2 за 1186 г., где читается «приходил»²³, первичным по отношению не только к С1, Н4, НК1, Н1мл, содержащих чтение «приходи»²⁴, но и по отношению даже к Н1ст., где находим «приде»²⁵, что, очевидно, невозможно. Нельзя исключить редакторскую правку летописца, изменившего при заимствовании форму аориста на разговорную. Таким образом, более пространная редакция П2 представляется всё же первичной по отношению к Н4-НК2. Действительно, трудно вслед за Т. В. Гимонем предста-

¹⁹ ПЛ. Вып. II. С. 18.

²⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 122.

²¹ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 98.

²² Гимон Т. В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого... С. 27–31.

²³ ПЛ. Вып. II. С. 21.

²⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 228.; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 248.; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Пг., 1915. С. 173.; ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 78.

²⁵ Новгородская первая ... С. 38.

вить, что рассказ о событиях 1065 г. был заимствован составителем НСС из псковского, с чем исследователь согласен, устного источника, а затем уже составителем псковского свода середины XV в. был заимствован из НСС.

К сообщению об осаде Всеволодом Полоцким Пскова непосредственно примыкает сообщение о разграблении им же Новгорода в 1066 г. А. Н. Насонов полагал, что известие П2 – «сокращение известия имеющегося в летописи Авраамки, Рогожском летописце и в несколько иной редакции в Соф. 1-й и Новг. 4-й летописях»²⁶.

П2	С1 (текст совпадает с Н4)	Н4	НК1	Н1мл	ЛА	РЛ
В лето 6574. Князь Все-славъ Полот-ский, пришед ратью, взя Новгород и пожже. А по том на 3-е лето победиша новгородци Все-слава на Кзьене ²⁷ (на Гзене – ПЗ)	В лето 6575. Заратися Всеслав, сын Брячиславль, полотеский и зая Новгород до Неревско-го конца и пожже... и совокупишася обои на Немизе ²⁸	= С1	В лето 6575. Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полотский и зая Новгород до Неревско-го конца и пожже ... и совокупишася обои на Немизе ²⁹	В лето 6575. Заратися Все-слав, сын Брячиславль, Полотский, зая Новгород ... и поидоша к Немизе ³⁰	В лето 6574. Пришед Всеслав, взяше Новгород, и пожже... В лето 6577. Победи Глеб с Новгородци Всеслава на Гзени ³¹	В лето 6574. Пришед Всеслав и взят Новгород и пожже... В лето 6577 победи Глеб с новгородци Всеслава на Гзени ³²

²⁶ Насонов А. Н. Из истории... С. 25.

²⁷ ПЛ. Вып. II. С. 19.

²⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 186-187.

²⁹ ПСРЛ. Т. 42. С. 67.

³⁰ Новгородская первая ... С. 186.

³¹ ПСРЛ. Т. 16. С. 42.

³² ПСРЛ. Т. 15. С. 18.

Стоит отчасти согласиться с А. Н. Насоновым. Прослеживается несомненная близость известия П2Л с ЛА и РЛ в датировке и в названии места сражения Всеслава с Ярославичами, которое, в отличие от всех прочих летописей, содержащих это известие, в П2Л-ЛА-РЛ называется Кзень (Гзень), а не Немиза, как в новгородских летописях. Более того, очевидно практически полное текстуальное соответствие в сообщениях П2Л-ЛА-РЛ, представленных в иной, по сравнению с Н1-Н4-С1-НК1, редакции. Сообщение П2Л сокращено по сравнению с ЛА-РЛ. В П2Л отсутствует разбивка на 2 погодные статьи, но используется оборот «и по том на 3-е лето». Стоит признать, что известие П2 вторично по отношению к ЛА-РЛ.

А. А. Шахматов³³, а вслед за ним А. Н. Насонов и Я. С. Лурье полагали, что ЛА, РЛ, ЛеП и Тв. восходят к гипотетическому своду, названному А. А. Шахматовым «Краткими извлечениями из новгородско-софийского свода» – КИ-НСС. По их мнению, составитель КИ-НСС сокращал известия НСС, попавшие затем в ЛА, РЛ, ЛеП и Тв. Однако сейчас эта гипотеза уже не представляется достаточно хорошо обоснованной. А. Г. Бобров предположил, что ряд известий общего протографа ЛА, РЛ, ЛеП и Тв., названного ранее Б. М. Клоссом «Кратким новгородским летописцем» (далее – КНЛ), первичны, а не вторичны по отношению к новгородско-софийским летописям³⁴. Е. Л. Конявская на основе сравнения восходящих к тому же протографу Новгородской Большаковской летописи, обнаруженной сравнительно недавно, и летописи по списку Никольского, с ЛА и РЛ, пришла к выводу, что в основе этих четырёх летописей (ЛА, РЛ, ЛеП и Тв.) лежал КНЛ, восходящий к несохранившемуся новгородскому летописному памятнику. Составитель общего протографа ЛА и РЛ в начале XV в. дополнил известия КНЛ не новгородскими по происхождению сообщениями, восходящими к центрально-русскому источнику. Позднее ЛА, РЛ, ЛеП и Тв. испытали влияние НСС, чем и объясняется наличие в них ряда известий, вторичных по отношению к НСС³⁵.

Таким образом, был выдвинут серьезный аргумент против гипотезы А. А. Шахматова о КИ-НСС как источнике ЛА-РЛ-ЛеП-Тв. и, вообще, о существовании такого текста как КИ-НСС. В свете вышесказанного, думается, вторичность известий П2 по отношению к ЛА-РЛ-ЛеП-Тв. не может считаться свидетельством влияния НСС на П2, если соответствующие чтения ЛА-РЛ-ЛеП-Тв. не обнаруживают в свою оче-

---

³³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 746–815.

³⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи... С. 235.

³⁵ Конявская Е. Л. Краткий Новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2010. № 1. С. 40–52.

редь вторичности от НСС. Именно так, как представляется, обстоит дело с известием о разграблении Новгорода Всеславом. Чтение ЛА-РЛ независимо от НСС, но первично по отношению к П2, что в данном случае объясняется тем, что протограф ЛА-РЛ, составленный в начале XV в. на основе КНЛ и центрально-русского источника, лежал в основе П0.

Известие под 1116 г. повествует о походе князя Мстислава на Медвежью Голову. А. Н. Насонов, полагал, что «известие о том же событии восходит к общему источнику с известием Псковской летописи; то же читаем в Новг. 1-й летописи»³⁶.

П2	С1	Н4	Н1
В лето 6624. Иде Мстислав с новгородци и с псковичи, и взяша Медежью голову ³⁷	В лето 6624. Иде Мстислав с новгородци на чюдь и взя Медежью Голову ³⁸	Иде Мстислав с новгородци на чюдь и взя град Медежью Головою на память святых мучеников 40 ³⁹	В лето 6624. Иде Мстислав на Чюдь с новгородци, и взя Медежью голову на 40 святых ⁴⁰

ЛеП-РЛ-ЛА-Тв. этого известия не содержат. Все четыре представленных чтения несомненно близки. П2 добавляет только «и с псковичи», что, разумеется, нельзя считать свидетельством первичности псковского чтения. Скорее всего, это лишь результат работы псковского редактора. Вместе с тем у нас нет никаких оснований полагать, что известие П2 в данном случае вторично именно по отношению к С1-Н4. Более вероятно влияние Н1мл., которое, в отличие от С1-Н4, прослеживается и в других известиях П2.

Известие за 1135 г., повествующее о битве новгородцев с суздальцами, изложено в П2 в редакции далёкой, как от Н1, так и от летописей НСС:

³⁶ Насонов А. Н. Из истории ... С. 26.

³⁷ ПЛ. Вып. II. С. 19.

³⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 220.

³⁹ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. ... С. 142.

⁴⁰ Новгородская первая ... С. 204.

П2 (текст П1 и П3 в дан- ном извест- тии совпа- дает с Н2)	Н1ст.	Н1мл.	С1	Н4	НК1	ЛА	Лавр.
В лето 6643. Князь Всеволод Мстисла- вич ходи с новго- родци к Соузда- лю, и из- шедше союз- дальци побе- диша новго- родцов; и възвра- тишася посрам- лены ⁴¹	В лето 6642... иде Все- волод на Суждаль- ратью, и вся Нов- город- ская об- ласть... и биша- ся на Ждани горе... ⁴² и створ- ше мир, придоша опять ⁴³	В лето 6642. ... иде Все- волод на Суз- даль- ратью и вся новго- род- ская во- лость ... и би- шася на Ждан го- ре... и створ- ше мир и при- идоша опять ⁴⁴	В лето 6642. Иде Все- волод на Суз- даль- ратью и вся Нов- город- ская об- ласть и би- шася на Ждан го- ре... И створ- риша мир и при- идоша опять ⁴⁵	В лето 6642 ... иде Все- волод на Суждаль- ратью и вся Нов- город- ская об- ласть... и биша- ся на Здань горе... и створ- риша мир, при- идоша опять ⁴⁶	В лето 6642. ... иде Все- волод на Суждаль- ратью и вся Нов- городсея об- ласть... и биша- ся на Ждан горе ... и створ- ша мир и при- идоша в домы своя. ⁴⁷	В лето 6643. Той же зимы бишася новго- родци с рос- товци на Ждан горе и по- биша новго- родцев рос- тов- ци. ⁴⁸	В лето 6643... Той же зимы бишася новго- родци с рос- товци [на Ждан горе] и побе- диша рос- товци новго- родцев и по- биша множе- ство ихъ и вороти- шася рос- товци с победою вели- кой ⁴⁹

Нетрудно заметить, что известия Н1ст., Н1мл., Н4, С1, НК1 край-не близки текстуально, но отличаются от П2. По содержанию известия текст П2 гораздо ближе к центрально-русской редакции, отраженной в

⁴¹ ПЛ. Вып. II. С. 19.

⁴² В Н1ст., Н1мл., Н4, С1, НК1 здесь идет текст, которого нет в П2Л, повествующий об убитых новгородцах и о том, что суздальцев погибло больше.

⁴³ Новгородская первая летопись ... С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 208.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М. 2000. С. 222.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 145.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 42. С. 74.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 16. С. 44.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. С. 209.

Лавр. и, вероятно, в сокращенном виде в ЛА. Известие П2 роднит с Лавр. и ЛА одинаковая дата, отличная от даты, которую приводят новгородские летописи. Только упоминание суздальцев (в Лавр и ЛА – от «ростовцев») приближает П2 к Н1-НК1-С1-Н4. Текст П2 нельзя возвести напрямую ни к Н1-Н4-С1-НК1, ни к Лавр.-ЛА. П2 совершенно отличается от всех новгородских в этом месте. Новгородский летописец скрывает поражение новгородцев, не пишет о нём прямо, а составитель П2 его подчёркивает, даже злорадно называет «посрамлением». Очевидно, что ни к Н1, ни к НСС, текст П2 не восходит.

Т. В. Гимон считал, что известие за 1169 г. (о знамени Богородицы на стене) в П2 восходит к НСС⁵⁰. Вероятно, это ошибка. А. Н. Насонов указывал только, что краткие сообщения П1 и П3 об этом событии заимствованы из НСС⁵¹. П2 же в действительности содержит пространный и подробный рассказ о знамени иконы Богородицы, тогда как в летописях НСС читаются гораздо более краткие рассказы. Пространное сообщение П2 содержит в описании победы новгородцев над суздальцами некоторые фразы, (например, «И продаяхоу новгородци соуздальцев по две ногате»)⁵², совпадающие с теми, которые присутствуют и в Н1ст.⁵³, Н1мл.⁵⁴, Н4.⁵⁵ Однако в целом рассказ П2, содержащий подробное описание моления новгородского архиепископа и детали, отсутствующие в других известных нам летописных рассказах, нельзя возвести не только к летописям новгородско-софийского круга, но и вообще ни к одному из дошедших летописных текстов.

Известию П2 за 1186 г. повествует о прибытии в Новгород византийского императора Алексея Комнина. А. Н. Насонов также не считал его заимствованным из НСС⁵⁶. Такую мысль высказал Т. В. Гимон⁵⁷.

---

⁵⁰ Гимон Т. В. Сообщение ... С. 20.

⁵¹ Насонов А. Н. Из истории ... С. 26.

⁵² ПЛ. Вып. II. С. 21.

⁵³ Новгородская первая ... С. 33.

⁵⁴ Новгородская первая ... С. 221.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 163–164.

⁵⁶ Насонов А. Н. Из истории ... С. 26.

⁵⁷ Гимон Т. В. Сообщение ... С. 20.

П2 ⁵⁸	Н1ст. ⁵⁹	Н1мл. ⁶⁰	С1 ⁶¹	Н4 ⁶²	НК1 ⁶³
В лето 6694. Приходи царь греческий Алексий в Новгород	В лето 6694... приде цесарь гръцьский Алекса Мануловиц в Новгород	В лето 6694... приходи цесарь греческий Олекса Манулович в Новгород	В лето 6694... приходи царь греческий Алекса Манулович в Новгород	В лето 6694. Приходи царь греческий Алекса Манулович	В лето 6694. Приходи царь греческий Алекса Манулович в Новгород

Это известие отсутствует в ЛеП-РЛ-ЛА-Тв. Как видно, текст П2 одинаково близок к С1, Н4, НК1, Н1ст. и Н1мл. Вряд ли можно считать использование «царь» в П2, С1, Н4, НК1 вместо «цесарь» в Н1ст., Н1мл. свидетельством того, что известие П2 было заимствовано из новгородско-софийских летописей, а не напрямую из Н1. Как и в случае с уже рассмотренным выше известием за 1116 г. о походе князя Мстислава на Чудь, у нас нет оснований полагать, что текст П2 в данном случае вторичен именно по отношению к НСС.

А. Н. Насонов также утверждал, что содержащееся под 1303 г. известие о зиме и о хлебе, имеется также в ЛА.⁶⁴ Это, несомненно, так.

П2	ЛА	Н1мл.
В лето 6811. Бысть зима тепла без снега, и на лето бысть хлеб дорог вельми ⁶⁵	В лето 6811. Бысть зима тепла, без снега и хлеб бысть дорог вельми ⁶⁶	В лето 6811. На зиму, бысть зима вся тепла, не бысть снега чрес всю зиму, и не добыша люди хлеба ⁶⁷

Показательно, что летописи НСС этого известия не знают, но при этом П2 и ЛА содержат практически идентичные чтения, сокращенные при этом по сравнению с Н1. Представляется, что данный случай объ-

⁵⁸ ПЛ. Вып. II. С. 21.

⁵⁹ Новгородская первая летопись. С. 38.

⁶⁰ Там же. С. 228.

⁶¹ ПСРЛ. Т6. Вып. 1... С. 248.

⁶² ПСРЛ. Т4. Ч. 1. ... С. 173.

⁶³ ПСРЛ. Т. 42. ... С. 78.

⁶⁴ Насонов А. Н. Из истории ... С. 27.

⁶⁵ ПЛ. Вып. II. С. 22.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 16. С. 57.

⁶⁷ Новгородская первая ... С. 331.

ясним в рамках предложенной выше гипотезы (см. известие за 1074 г.) о КНЛ, как об одном из источников, как ПО, так и ЛА-РЛ-ЛеП-Тв. КНЛ сократил известие Н1, по-видимому, до чтения близкого к П2-ЛА, которое они и воспроизвели.

Последнее известие П2, которое, как полагал А. Н. Насонов, было заимствовано из НСС,⁶⁸ повествует о море в Новгороде в 1391 г.

П2	Н4	НК2	Н1
В лето 6899... То-го же лета бысть мор велик в Новгороде ⁶⁹	В лето 6898. ... Бысть мор в Новгороде железой ⁷⁰	В лето 6898. ...и молитвою преста мор. Был бо баше мор той железой ⁷¹	В лето 6898. ... Той же осени бысть мор силен вельми в Новгороде; все случится приити на ны по грехом нашим, велие множество крестиян умре по всим улицам; сице же знамение на людех: при смерти явится железа; пребыв три дня умрет ⁷²

Это известие отсутствует в ЛА-РЛ-Тв., С1, НК1. Представляется, что известие П2 и известие Н4-НК2 восходят к Н1 независимо друг от друга. Псковская редакция повторяет начало известия Н1, но опускает дальнейшие подробности. Н4-НК2 содержит, скорее, пересказ известия Н1, упоминая при этом о важнейшей детали – «железе» – как симптоме болезни.

Итак, все известия П2, которые, по мнению А. Н. Насонова и Т. В. Гимона, восходят к НСС, нельзя однозначно возвести к этой группе летописей. В двух случаях (известия за 1116 и 1186 гг.) такое объяснение представляется возможным, но при этом равновозможным представляется и другое объяснение: эти известия П2 восходили к Н1 или несохранившемуся КНЛ. Учитывая то, что вторичность некоторых других известий П2 (например, из рассмотренных выше к таким относятся сообщения за 1303 и 1391 гг.) по отношению к Н1-КНЛ несомненна, в случае с известиями за 1116 и 1186 г. такое объяснение также представляется более вероятным. Также прослеживаются, несомненно, заимствование П2 отдельных известий из летописи, близкой к ЛА, что укладывается в гипотезу А. Г. Боброва – Е. Л. Конявской о КНЛ, как об источнике ЛА-ЛеП-РЛ-Тв.

⁶⁸ Насонов А. Н. Из истории ... С. 27.

⁶⁹ ПЛ. Вып. II. С. 29

⁷⁰ ПСРЛ. Т.4, Ч. 1. Вып. 2. С. 368.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 42. С. 160.

⁷² Новгородская первая... С. 383–384.

То, что П2 оказывается свободной от влияния НСС, опровергает основной аргумент А. А. Шахматова – А. Н. Насонова в пользу датировки П0 серединой XV в. Нужно, правда, сказать, что в свете работ Г. М. Прохорова, А. Г. Боброва и М. А. Шибяева, существенно удревнивших гипотетический НСС, такая датировка не выглядела уже убедительной и сама по себе. Для того чтобы предложить новую датировку П0 необходимо прибегнуть к сплошному сравнению П2, как летописи, свободной от влияния НСС, и П1–П3 – как летописей, такое влияние испытавших.

Начало П2 сильно отличается от П1–П3. В П2 отсутствует изложение событий от сотворения мира, имеющееся в П1–П3, но более подробно даётся история от «начала Руския земли». П1–П3 дают историю начала Руси в более сокращенном виде, в иной, чем П2 редакции, восходящей, скорее, к летописям новгородско-софийского круга или ЛА, чем к Н1, как это делает П2.

Начиная с известия под 1066 г. (т. е. похода Всеслава Брючиславича на Новгород) тексты П2 и П1–П3 очень близки на всем протяжении до известий за 1410 г. Имеются, тем не менее, некоторые отличия.

1) П1–П3, содержат 11 известий⁷³, заимствованных из НСС, и отсутствующих в П2. Так, под 6675 г. («Заложы Содко святого Бориса и Глеба»)⁷⁴, 6684 г. («Идяше река Волхово в верх назад пять дней»)⁷⁵, 6700 г. («Заложы преподобный отец наш игумен Варлаам в Великом Новегороде церковь всемилостивого Спаса на реке на Хутыне»)⁷⁶, 6710 г. («Явися знамение на небеси: яко небо кроваво»)⁷⁷, 6713 («Сие пакы знамене велико явися на небеси: три солнца»)⁷⁸, 6722 г. («В неделю сыропустную бысть гром на небе»)⁷⁹, 6725 г. («Воеваша Литва по Шелони...и приидоша все здравии»)⁸⁰, 6730 г. («Ходиша новгородци к Кеси с Литвой ... а города не взявши»)⁸¹, 6731 г. («Ходи Ярослав князь

---

⁷³ В случае если погодная статья содержит несколько сообщений, не связанных между собой по смыслу, то такие сообщения выделялись как отдельные известия. Так, например, в П2 под 6920 г. сообщается: «В лето 6920. Приеха въ Псков князь великий Костянтин Дмитриевич ноября в 11, и псковичи прияша его честно. Того же лета и мир взяша с новгородцами по старине» (ПЛ. Вып. II. С. 36). Поскольку трудно проследить прямую связь между сообщениями о приезде в Псков князя Константина и о заключении мира с новгородцами, эти сообщения выделяются как два отдельных известия за 6920 г.

⁷⁴ ПЛ. Вып. I. С. 10.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ ПЛ. Вып. II. С. 77–78.

⁸¹ Там же. С. 78.

с силою мною к Колываню... а злата взять много»)⁸², 6885 г. («Прибеже князь Ондрей Ольгердович в Псков и посадиша его на княжение»)⁸³. 6905 («целовал крест посадник Юрьевич, Микита тысящик Федорович за весь Великий Новгород»)⁸⁴.

2) П1–П3 содержат также семь отсутствующих в П2 известий. К такому относятся известия: за 6721 об изгнании псковичами Владимира Торопецкого и взятии Пскова литовцами⁸⁵, за 6816 г. о мощении Торга посадником Борисом⁸⁶, за 6865 г. о приезде в Псков князя Василия Боудволна⁸⁷, за 6903 г. о приезде в Новгород митрополита Киприана и посещении Пскова полоцким владыкой Феодосием⁸⁸, за 6910 г. известие об установке нового креста на Троицкий собор⁸⁹, известия за 6911 г.: о поимке псковских купцов, о захвате полоцкой земли⁹⁰.

3) П2 содержит восемь оригинальных известий, отсутствующих в П1–П3. Это сообщения: о походе Всеслава Брячиславича на Псков в 1065 г.,⁹¹ за 6677 повесть «О знамени... от иконы святыя богородица» (в П1–П3 в совершенно другой редакции, восходящей к НСС)⁹², за 6849 г. об отъезде князя Андрея Ольгердовича⁹³, за 6865 г. о втором соборе псковского духовенства⁹⁴, за 6891 г. о бегстве князя Витовта из темницы⁹⁵, за 6897 г. о смерти великого князя Дмитрия Ивановича⁹⁶, за 6908 г. о поражении Витовта в битве с татарами⁹⁷, за 6909 г. о падении креста с Троицкого собора⁹⁸.

Итак, в известиях за 1066–1410 гг. П2 имеет 8 известий, которые не читаются в П1–П3. При этом П1–П3 содержат 18 известий, отсутствующих в П2. Из этих 18 известий 11 – заимствования из НСС. При этом за 1066–1410 гг. П2 и П1–П3 содержат 107 общих известий, зачастую дословно схожих. То есть количество общих известий П2 и П1–П3 за 1066–1410 гг. достигает 93%.

---

⁸² ПЛ. Вып. II. С. 78.

⁸³ ПЛ. Вып. I. С. 24.

⁸⁴ Там же. С. 25–26.

⁸⁵ ПЛ. Вып. II. С. 77.

⁸⁶ ПЛ. Вып. I. С. 14.

⁸⁷ ПЛ. Вып. II. С. 103.

⁸⁸ ПЛ. Вып. I. С. 25.

⁸⁹ Там же. С. 26.

⁹⁰ Там же. С. 29.

⁹¹ ПЛ. Вып. II. С. 18.

⁹² Там же. С. 19–21.

⁹³ Там же. С. 25.

⁹⁴ Там же. С. 27.

⁹⁵ Там же. С. 29.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 31.

⁹⁸ Там же.

Рубеж, за которым эти количественные показатели резко меняются, это 1410 г., а точнее общее известие П1–П2–П3 под 1410 г., заканчивающееся сообщением о смерти в Пскове князя Даниила Александровича: «Тоя же весны в Пскове отложи коунами торговати и нача торговати пензями. Тогда же соли Русе на полтину пол пяты зобницы, а ржи 6 зобниц. Тоя же весны, в великое говение, на страстной неделе в великий четверг преставися в Пскове князь Данило Александрович»⁹⁹.

Начиная с этого момента тексты П2 и П1–П3 расходятся сильно, но не полностью. Ниже помещена таблица сплошного сравнения текстов П2 и П1–П3 за 40 лет, начиная с середины погодной статьи 6918 (1410) г. и до начала 1450-х, то есть времени создания П0 по А. Н. Насонову. Эта таблица иллюстрирует степень отдаления друг от друга П2 и П1–П3. В правом столбце таблицы указаны погодные статьи П2, содержащие сравниваемые известия. Второй справа столбец содержит краткое содержание этих известий или цитату. В двух левых столбцах таблицы указывается наличие или отсутствие соответствующего известия в П1 и П3 и погодная статья, в которую оно помещено в П1 и П3. Помета «К» (Краткое) означает, что в данном случае чтение П1 или П3 краткое по сравнению с П2, «ИР» – что более кратким является сообщение П2. Помета «ИР» говорит о том, что известия П2Л и П1Л–П3Л, хоть и повествуют об одних и тех же событиях, вряд ли могут считаться родственными. Отсутствие аббревиатуры означает, что в данном случае мы имеем дело с близкими редакциями одного текста, восходящими, вероятно, к общему источнику, но первичность той или иной редакции установить сложно.

Год	П2Л	П1Л	П3Л
6918	Мир с «князем местером и всеми Немцами»	6917 К	6917 ПР
	Посольство к Витовту	Нет	6917 ИР
6919	Изгнание князя Александра	6920 ИР	6920 ИР
	Посольство псковичей к великому князю	Нет	6920
	«Сожгоша 12 жонке вещей»	Нет	Нет
6920	Приезд князя Константина	Нет	Нет
	Мир с новгородцами	Нет	Нет
6921	Построение Церкви св. Василия на Горке	6921 ПР	6921
	Приезд архиепископа Иоанна	6921 К	6921 К
	Отъезд и возвращение кн. Константина	Нет	Нет
6922	Строительство новой крепости Коложе	6922 К	6922
	Отъезд князя Константина из Пскова	Нет	Нет
	Конфликт с юрьевцами	Нет	Нет
6923	Продолжение конфликта, заключение мира	Нет	Нет

⁹⁹ ПЛ. Вып. I. С. 32; ПЛ. Вып. II. С. 35, 117.

	Перестройка св. Софии	6923 К, 6924 К	6923 К, 6924 К
	Приезд кн. Андрея	Нет	Нет
6925	Постройка стены и башни в Пскове	Нет	Нет
	Изгнание кн. Андрея из Пскова	Нет	Нет
	Третий собор псковского духовенства	Нет	Нет
	Смерть кн. Григория	6925 К	6925 К
	Ссора с новгородцами и посольство к ним	Нет	Нет
	Посольство к великому князю	Нет	Нет
	Приезд князя Федора	6925 ИР	6925 ИР
6926	Мир с новгородцами	6926 К	6926 К
6927	Приезд архиепископа Семииона	6927 К	6927 К
	Смерть посадников Романа и Лариона	Нет	Нет
	Построение Церковь св. Николы в Песках	Нет	Нет
	Постройка башни в Пскове	6928	6928
6928	Сооружение новой кровли св. Троицы, поиски мастера	6929 К	Нет
	Знамение в Чирсках	6928 К	Нет
	Мор в Пскове	6929 К	Нет
	Поиски места церкви св. Власия	Нет	Нет
	Болезнь и отъезд кн. Федора	6929 К	Нет
6929	«Зима бысть снежна вельми...»	6929	6929
	Постройка церкви Благовещенья и женского монастыря	6929 К	Нет
	Постройка церкви св. Варвары	6929 К	Нет
	Посольство от Витовта и к нему	Нет	Нет
	Посольство к великому князю	Нет	Нет
6930	Сообщение о трехлетнем голоде	6930 К	Нет
	Сообщение о прекращении голода	Нет	Нет
	Приезд князя Александра	6930	Нет
	Война Витовта с прусами	Нет	Нет
6931	Посольство к великому князю	Нет	Нет
	Мир между Витовтом и немцами	Нет	Нет
	Отъезд из Пскова князя Александра	6931 ИР	Нет
6932	Посольство к великому князю	Нет	Нет
	Окончание строительства крепостной стены Пскова («персей»)	6932	Нет
	«Псковичи отложиша пензями торговати»	6932	Нет
	Приезд в Псков князя Федора	6932	Нет
	Посольство псковичей к Витовту	Нет	Нет
6933	Стоимость ржи в Пскове	Нет	Нет
	Мор в Новгороде	6933	6933
	Посольство псковичей к великому князю	Нет	Нет
	Смерть великого князя Василия Дмитриевича	6933	6933
	Совместное посольство псковичей и новгородцев к Витовту	Нет	Нет

	Мор в Пскове	6933 К	6933 К
6934	Знамение на озере Камень	6933 ПР	6933 ПР
	Нападение Витовта Псковскую землю. Осада Опочки и Воронача	6934 ПР	6934 ПР
6935	«Бысть знамение в солнце»	6935	6935
	Посольство псковичей к великому князю	6934 К	6934 К
	Посольство псковичей к Витовту	6935 К	6935 К
	Смерть посадника Микулы Павловича	Нет	6935
	Стоимость ржи и мяса в Пскове	Нет	6936 К
	Второе посольство к Витовту	6935	6935
6936	Посольство к великому князю	Нет	Нет
	Приезд в Псков князя Дмитрия	Нет	Нет
	Смерть посадника Федора Шибалкинича	Нет	Нет
	Нападение Витовта на Порхов	6936	6936
6937	Посольство к великому князю	6937 К	6937 К
	Приезд князя Александра	6937 К	6937 К
	Стоимость ржи	Нет	Нет
6939	Строительство Выбора	6939 ИР	6939 ИР
	Смерть Витовта, вокняжение Свидригайло	Нет	Нет
	«Псковичем с новгородцем не бяша не мира, ни рати»	Нет	Нет
	Строительство Гдова	6939	6939
	Посольство псковичей в Новгород	Нет	Нет
	Смерть митрополита Фотия	6939	6939
6940	Псковское посольство к Свидригайло	Нет	Нет
	Гроза и пожар в Снеготорском монастыре	Нет	Нет
	Псковское посольство в Новгород	6940	6940
6941	Поставление Герасима митрополитом в Царьграде	6941	6941
	Противостояние Свидригайло и Жидимонта	6941 ИР	6941 ИР
	Знамение в луне 6 января	6941	6941
	Пожар от грома и молний 14 июня	6941 К	6941К
	Знамение в солнце 17 июня	6941 ИР	6941ИР
	Знамение в луне 29 июня в Петров день	6941 К	6941 К
	Пожар в Колывани	6941 ПР	6941 ПР
	Пожар на Кромю	6941	6941
	Юрий Дмитриевич в Москве, Василий в Твери	6941 ПР	6941 ПР
	Построение церкви Бориса и Глеба и разбор старой стены	6941	
	Смерть Юрия Дмитриевича	Нет	Нет
6942	Псковское посольство в Новгород	6942	6942
	Отъезд из Пскова князя Александра	6942 ПР	6942 ПР
	Приезд в Псков князя Владимира Даниловича	6942 ПР	6942 ПР
	Приезд митрополита Герасима из Царьграда	6942	6942
	Война между князьями Василием и Юрием	ПР 6942	ПР 6942

	Цены на хлеб в Ливонии и Пскове	6942	6942
	Постройка церкви Спаса на Торгу	6942	6942
	Смерть Юрия Даниловича	6942	6942
	Приезд в Новгород Василия Юрьевича	6942 К	6942 К
	Посольство в Новгород	6942 ПР	6942 ПР
6943	Приезд в Псков архиепископа Ефимия	6943 ИР	6943 ИР
	Гибель урожая ржи	6943 ПР	6943 ПР
	Заключение и казнь митрополита Герасима князем Свидригайло	6943 К	6943 ИР
	Война между Жидимонтом и Свидригайло	6944 К	6943 ПР
6944	Приезд князя Ивана Бабы	6944 ИР	6944
	Посольство к великому князю и смена князей в Пскове Владимир – Борис – Владимир	6944 ИР	6944 К
	Поход новгородцев на Великие Луки и Ржев	Нет	6944 ИР
	Приезд в Псков князя Ивана Андреевича	6945	6945
6945	Ослепление князя Василия Юрьевича	6945	6945
	Осеннее наводнение	6945	6945
6946	Приезд в Псков митрополита Сидора	6946	6946
	Постройка церквей св. Афанасия в Довмонтовом городе и Спаса у Старого Костра	6946	6946
6947	Приезд князя Александра Ивановича, изгнание Владимира Даниловича	6947 ИР	6947
6948	Убийство Жидимонта	6948	6948
	Пожар в Полотске	6948	6948
	Знамение в Вороначе	6948 ПР	6948 ПР
6949	Пожар в Опочке	6949 ПР	6949 ПР
	Грамоты и благословение митрополита Сидора	6949 ИР	6949 ИР
	Послы от великого князя и война с Новгородом	6949	6949 ИР
	Приезд в Москву митрополита Сидора и его арест	6949	6949
6950	Побег митрополита Сидора из Москвы в Тверь, а затем в Литву	6950	6950
	Мор в Пскове	6950 К	6950 К
	Постройка церкви Похвалы святой Богородице	6950 ПР	6950 ПР
	Постройка церкви святого Саввы	6950	6950
6951	Конец мора в Пскове	6951	6951
	Приезд в Псков князя Александра Чарторьского	6951	6951
6952	Посольство в Ригу и мир на 10 лет	6952	6952
	Постройка двух церквей	6952 ИР	6952
	Казнь семерых чухонцев	6952 ИР	6952
	Пленение Максима Ларионовича с дружиной	6952 ИР	6952
6953	Выкуп за Максима Ларионовича	6953	6953

6954	Постройка церкви Иоанна Богослова	6954 ИР	6954 ИР
6955	Посольство в Новгород и мир	Нет	Нет
	Отъезд князя Александра Васильевича в Новгород	6955 ИР	6955 ИР
6956	Сражение новгородцев с ливонцами	6956	6956
	Мир с ливонцами	6956 ИР	6957 ИР
6957	Приезд архиепископа Ефимия	6957 ПР	6958 ПР
6958	Пожар в Пскове	6958 ПР	6960 ПР
6960	Постройка новой стены Крома	6960 ИР	6960 ИР

Из 140 читаемых в П2 известий за это время 51, то есть 36%, либо вообще отсутствуют в П1–П3, либо передаются в последних в редакции, которая вряд ли может считаться родственной, той, которая читается в П2 (в таблице маркированы аббревиатурой «ИР» – Иная редакция). Так, состав посольства, отправленного псковичами к Витовту в 6918 г., в П2 и П3 передаётся совершенно различно, различна и формулировка. Представляется, что два сравниваемых известия здесь не родственны по происхождению, а представляют собой два независимых описания одного и того же события.

П2	П1	П3
А в Литву къ князю Витовту послаша псковичи Якима посадника и Терентия Фоминича и Сидора Дедькова, и взяша мирь с князем Витовтом, а опрочь Новагорода	Нет	В то же время, по велице дни, послаша послове к великому князю Витовтоу Федоса Фефилова сына, да Селивестра Левонтъевича, и взяша мирь с Витовтом вечный по старине, по псковской воле, по князя великого докончания Василья Дмитриевича

Итак, вместе оригинальные чтения П2 вместе с вообще отсутствующими в П1–П3 известиями составляют уже 50% от всех известий П2 за рассматриваемый период. То есть в известиях, следующих хронологически за 1410 г., П2 и П1–П3 совпадают только наполовину.

В приведённой таблице есть 23, то есть 16% известий, которые в П2 даны в более пространным изложении. Рассмотрим пример такого известия. Краткие, близкие между собой известия П1–П3 в другом случае и более пространное сообщение П2, вероятно, отражают общий источник.

П2	П1	П3
В лето 6921... Того же лета в Пскове был владыка Иван 2 недели, и своих детей пскович благословив, отъеха месяца августа в 6.	В лето 6921... Того же лета владыка Иван был в Пскове	В лето 6921... А того лета владыка Иван был в Пскове

Известие П2 тут, несомненно, полнее. Это, разумеется, не может прямо свидетельствовать о том, что оно первично по отношению к известию П1–П3, но, вероятно, сообщение П2 полнее отражает П0. Редактор текста, лежащего в основе П1–П3, видимо, сокращал их общий с П2 протограф, но пока мы не можем сказать, насколько последовательно.

Имеются также известия, которые, наоборот, в П2 сокращены по сравнению с П1–П3. Таковых в таблице 28, то есть 20%. Так, под 6933–6934 гг. читаем:

П2	П1	П3
<p>В лето 6934. За старым Коложем, на Камене озере, бысть знамение: от иконы святыа богородицы идаше кровь, месяца септевриа в 16 день; сие оубо знамение прояви нахождение поганого князя Витовта и многое пролитие христианских крови</p>	<p>В лето 6933... Того же лето бысть знамение на Камене озере, на осень, оу Василеве дворе, воистину чудо преславно, яко отсуха древа, от иконы святыа богородицы образа изыде кровь ис правого ока, и на место капала идее же стояла и на путь как от Пскова ея неси, и оучиниша в воску сосудец мал, и наиде от иконы святыа богородицы слез с яичную щерпу и принесоша в Псков, месяца сентября в 16 день, на память святыа мученецы Еуфимьи</p>	<p>В лето 6934. Тоя же осени бысть знамение от иконы святыа богородица на Камене озере, оу Василья оу двора сла кровь ис правого ока, и на место капала, глее стояла, и на поути шла кровь как везли от иконы в уброус, как в Псков провадили икону пречистыа, месяца сентября в 16, на память святыа великомученмцы Еоуфимьи</p>

Несомненно, что тексты П2, П1 и П3 в данном месте восходят к одному источнику. Вторичность известия П2 по отношению к П1–П3 в данном случае определяется не только краткостью сообщения. Важно, что известие П2 заканчивается фразой, отсутствующей в П1–П3, которая связывает знамение иконы Богородицы и нашествие Витовта. Рассказ об этом вторжении и осаде Опочки и Воронача, озаглавленный «Витовтовщина», помещён в П2 непосредственно после известия о знамении. В то же время в П1–П3 сообщения о знамении и вторжении Витовта разделены другими известиями и помещены в различные погодные статьи, а не в одну, как в П2. По всей видимости, составитель протографа П2, заимствуя оба этих известия из своего источника, опустил читаемые между ними сообщения и добавил фразу о связи между обоими событиями.

Итак, П2 и П1–П3 содержат в части до 1410 г. очень близкий, совпадающий на 93% текст. В части после 1410 г. в П2 и П1–П3 совпадает уже не 36% известий. При этом часть общих известий полнее передано в П2, а часть в П1–П3. Это может иметь несколько объяснений. Если мы согласимся вслед за А. А. Шахматовым и А. Н. Насоновым, что все псковские летописи восходят к общему своду середины XV в., то нам придётся представить себе следующее. П2 и П1–П3, восходили к П0, доходящему до середины XV в., и перенесли из него без внесения существенной правки известия 1066–1410 гг. Сообщения же за более поздний период были ими переработаны. Независимо друг от друга составители свода 1464 г. (П1 по Тих.) и свода 1486 г. (П2) именно с известий 1410 г. начинают выбирать из текста П0 (своего общего источника) часть известий, опуская другие. В таком случае отношение П2 к П1–П3 можно представить себе как сделанные неизвестно с какой целью две выборки из общего протографа. При этом составитель свода 1486 г. осознанно опускал ещё и те известия общего протографа на всем его протяжении, которые восходят к летописям новгородско-софийского круга. Думается, что представить себе такую согласованность в работе двух летописцев не представляется возможным. А. Н. Насонов, предлагая такую схему, еще не знал, что П2 свободна от влияния НСС.

Более вероятным представляется другое объяснение. В основе П2 и П1–П3 лежит свод 1410 г., что объясняет близость текстов всех псковских летописей до известий за этот год. При этом 64% совпадающих параллельных чтений в П2 и П1–П3 можно объяснить двумя разными способами. Две различные псковские летописи, основанные на П0 – своде 1410 г., могли использовать общий источник, по-разному редактируя его. Однако учитывая то, что известия, которые в П2 и П1–П3 совпадают, носят преимущественно псковский характер, они вряд ли могут быть возведены к каким-то непсковским, то есть внешним летописным сводам. Значит, нам придется допустить существование ещё и третьей псковской летописной традиции, послужившей дополнительным источником, как П2, так и П1–П3. Самым вероятным объяснением, на наш взгляд, является следующее. Возникнувшие на основе свода 1410 г. две различные псковские летописи не существовали изолированно, а влияли друг на друга. В таком случае вполне объяснима первичность одних известий в П2, а других, напротив, в П1–П3.

Итак, в пользу того, что в начале XV в. в Пскове был создан летописный свод, легший в основу дальнейшего псковского летописания, есть два аргумента. Первый, выдвинутый Я. С. Лурье, это то, что в НСС, «доходившем, во всяком случае, до 1418 г., обнаруживается целая цепь известий, совпадающих с псковскими летописями; кроме того, там читается в значительных извлечениях повесть о житии Довмонта. Все это – псковские материалы, представленные в псковских летописях

полнее, чем в Софийской I – Новгородской IV; очевидно, именно в протографе двух последних летописей соответствующие тексты были заимствованы из псковского летописания»¹⁰⁰. Этот аргумент подкрепляется другим, сделанным на основе сравнения псковских летописей между собой. Если в части известий за 1066–1410 гг. П2 и П1–П3 содержат 93% общих чтений, то начиная с 1410 г. не более 64 %. Таким образом, существование свода 1410 г. как П0 представляется самым вероятным объяснением, как расхождению текстов П2 и П1–П3, так и наличию целого ряда псковских известий в НСС.

Чтобы попытаться охарактеризовать эти две псковские летописные традиции, возникшие на основе свода 1410 г., нужно отметить следующее. Даже в случае несомненной близости известий П2, с одной стороны, и П1–П3, с другой, последние две летописи обычно гораздо ближе между собой, чем любая из них по сравнению с П2. Рассмотрим в качестве примера сообщение за 1441 г. о пожаре в Опочке:

П2	П1	П3
В лето 6949. Городке Опочка выгорел весь ¹⁰¹	В лето 6949. Пригород псковский Опочка погоре вся ¹⁰²	В лето 6949. Пригород псковский Опочка погоре вся ¹⁰³

Учитывая такую близость многих известий П1 и П3 между собой, было бы соблазнительно объявить П1–П3 одной из ветвей псковского летописания, возникшей на базе П0 1410 г., а П2 – другой. Однако есть ряд известий П3, которые, наоборот, ближе к П2, а не к П1. Рассмотрим сообщение за 1436 год о приезде в Псков князя Ивана Бабы:

П2	П1	П3
Приеха во Псков из Риге от местера князь литовский Иван Баба в своем безвремении ¹⁰⁴	Князь Иван Баба прибеже из Немец во Псков месяца ноября в 1 день ¹⁰⁵	На осень приехавше князь литовский Иоан, а прозвище емоу Баба, из Немец, от местера князя в Псков в своем безвремении ¹⁰⁶

Известия П1 и П3, хотя и содержат разночтения, все же кажутся несомненно родственными, в то время как известие П1 представляется

¹⁰⁰ Лурье Я. С. Рецензия на книгу: Grabmüller H.-J. Die Pskover ... С. 87–88.

¹⁰¹ ПЛ. Вып. II. С. 46.

¹⁰² ПЛ. Вып. I. С. 45.

¹⁰³ ПЛ. Вып. II. С. 134.

¹⁰⁴ ПЛ. Вып. II. С. 45.

¹⁰⁵ ПЛ. Вып. I. С. 43.

¹⁰⁶ ПЛ. Вып. II. С. 132.

независимым пересказом того же события. В таблице сравнения известий П2, П1 и П3 за 1410–1451 гг. если известие П1 содержит чтение, совершенно отличное от П2 и П3, оно помечалось аббревиатурой «ИР», а известие П3 нет. Всего таких случаев 7, то есть 5% от общего числа рассмотренных известий. Это можно объяснить, если вспомнить предположение А. Н. Насонова о том, что составитель свода 1567 г., легшего в основу П3, редактировал свод 1547 г. (восходящий в свою очередь к более ранним сводам 1464 и 1481 гг.), т. е. П1 по некому недошедшему до нас источнику, восходившему в ПО¹⁰⁷. С учетом вышесказанного, думается, что таким источником могла бы быть летопись, близкая к П2. Что же это была за летописная традиция, от которой до нас дошел единственный список и некоторые чтения в поздних летописях XVI в.? Здесь, думается, можно отчасти согласиться с Г. Ю. Грабмюллером в том, что одна из ветвей псковского летописания после свода 1410 г. и собственно продолжающая предшествующую традицию – это светское, «троицкое» по терминологии Г. Ю. Грабмюллера, летописание, которым заведовали, вероятно, городские магистраты. То есть, примиряя позиции А. Н. Насонова и Г. Ю. Грабмюллера, раннюю историю псковского летописания можно описать так.

Около 1410 г. в Пскове был создан летописный свод, источниками которого стали местные записи, ведшиеся при Троицком соборе, Н1, Краткий новгородский летописец и некий центрально-русский летописец, близкий к Лавр. Этот свод был использован составителем НСС, и, кроме того, положил начало двум псковским летописным традициям. Во-первых, на базе этого свода при Троицком соборе продолжилось ведение записей. Эта летопись была светской по содержанию и отражала прежде всего важнейшие события в жизни Псковской земли. Традиция эта естественно была прервана в 1510 г. Сохранился всего один список – Синодальный (собственно П2), представляющий собой редакцию этой летописи 1486 г., заканчивающуюся подробным пересказом событий «брани о смердах». Кроме того, вероятно, эта или близкая редакция этой светской псковской летописи была привлечена составителем свода 1567 г. Во-вторых, свод 1410 г. положил начало другой псковской летописной традиции, связанной, вероятно, с монастырским летописанием и, соответственно, не затронутой событиями 1510 г. В 1464 г. создается свод, составитель которого привлёк НСС. В дальнейшем уже в XVI в. создаются другие своды: 1547 и 1567 гг. Составитель последнего использовал в том числе и доступный ему список «посадничей» летописи XV в., что объясняет некоторую близость П2 и П3.

---

¹⁰⁷ Насонов А. Н. О списках ... С. LXIII.

М. М. Бенцианов

**ВЫХОДЦЫ ИЗ РОДОВ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА
НА НОВГОРОДСКИХ ПОМЕСТЬЯХ В КОНЦЕ XV –
СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА**

На рубеже XV–XVI вв. поместья в Новгородской земле получили несколько сотен представителей родов нетитулованного московского (старомосковского) боярства. Вопреки сложившимся позднее местническим стереотипам и нежеланию признавать «захудалых» родственников («А новгородцами... ни правы, ни виноваты быть не хотим и ими не считаемся») состав новгородских помещиков этого времени включал в себя большое число выходцев из аристократических фамилий. Многие из них появились здесь в результате целенаправленных действий правительства. Анализ писцовых книг показывает, что на поздних этапах поместных раздач значительно увеличилось число представителей «дворовых» фамилий, что было связано с формированием в Новгороде полноценной служилой корпорации, ударной силы в противостоянии с Великим княжеством Литовским¹. Впоследствии некоторые из них вошли в состав узкой прослойки элиты новгородского дворянства, претендуя в этом качестве на места в структуре Государева двора.

Московское боярство неоднократно становилось предметом исследований. Меньше внимания уделялось новгородскому отрезку истории «боярских» семей и фамилий. Как отдельная группа выходцы из боярских родов фигурировали у С. Б. Веселовского при изучении генеалогического состава лиц, испомещенных в Новгороде, который, в целом, не слишком высоко оценивали их социальный статус². Г. В. Абрамович использовал более расплывчатую формулировку – «представители старых московских боярских и дворянских родов», хотя

---

¹ Бенцианов М. М. Родовая общность в среде московского боярства в конце XV – первой половине XVI в. // Грани русского Средневековья: Сб. ст. к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 31–44.

² «Подавляющее большинство их принадлежало к представителям слабых фамилий (отраслей) родов, сильно размножившихся, измельчавших и во многих случаях несомненно невоинных» (Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 291).

позднее акцентировал внимание именно на «старых» боярских фамилиях. Весьма фрагментарно «новгородцы» были представлены в обобщающем труде А. А. Зимина о формировании боярской аристократии³.

Общим недостатком перечисленных работ является констатация факта появления выходцев из боярских родов среди новгородских помещиков без попыток определить их место в структуре новой корпорации и проследить их дальнейшую судьбу.

Выделение среди детей боярских представителей родов нетитулованной аристократии для конца XV в. в значительной степени имеет условный характер. Московское боярство никогда не представляло собой единую, устойчивую группу. Состав прослойки «вернейших паче всех» бояр постоянно пополнялся выходцами из других территорий, некоторые из которых сумели завоевать себе место возле великокняжеского престола. Многие потомки бояр первых князей безвозвратно выпали из боярской среды, так что судить о положении их предков приходится по неполным и обрывочным данным различных источников⁴.

Не имели прочного характера в боярской среде традиции родовой общности. В реалиях начала – первой половины XV в. объединение различных семей и фамилий по родовому принципу не имело прочного характера. Родословные росписи имели позднее происхождение и в указанное время отличались неразвитостью структуры. Охват членов перечисляемых родов в них был далеко не исчерпывающим. Представители боярских родов с легкостью отмежевывались от неудачливых однородцев, так что, зачастую, близкие родственники находились на разных ступенях социальной лестницы.

При отсутствии закрепленных прав на привилегированное положение источником статуса выступала великокняжеская власть, что предопределяло зависимость места той или иной семьи или фамилии от близости к персоне правителя и приводило к деградации целого ряда лиц и их потомков, не сумевших проявить себя на служебном поприще.

Только к концу XV в. можно констатировать осознание первых признаков родовой общности внутри нетитулованных «боярских» фамилий. Разряд похода 1495 г. и свадьбы князя В. Д. Холмского 1500 г. перечисляют среди детей боярских несколько групп однородцев, принадлежавших к родам нетитулованного боярства. В отличие от «княже-

---

³ *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. Дис.... докт. ист. наук. Л., 1975. С. 127–128; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 16–20.

ской» части «боярские» группы имели здесь более размытый и неразвитый характер⁵.

Новгородские писцовые книги конца века содержат всего несколько примеров осознания отдаленных степеней родства. «Митей Григорьевым Русалкиным племянником» был троюродный брат М. Я. Русалки Д. Г. Племянник Филимонов⁶.

Существовали случаи испомещения некоторых детей боярских родственными группами за пределами семейного круга. Соседство поместий и близость их размеров свидетельствуют об одновременности появления в Новгороде пятерых Бутурлиных (двоюродные братья), а также, вероятно, их однородца М. И. Смолки Слизнева⁷. Новгородскими помещиками в первые годы XVI в. стали сразу несколько Соловцовых. Вместе с ними поместье получил их родственник И. К. Истленев. Немногочисленность подобных примеров свидетельствует о значительном расхождении между отдельными фамилиями, не воспринимавших себя частями одного рода⁸.

Серьезным стимулом для осознания родства стало становление поместной системы. В ее рамках большое значение имел вопрос перераспределения выморочных участков. Очень часто эти земли уже в конце XV века переходили к их близким и отдаленным родственникам. Г. А. Победимова отметила, что после смерти М. Я. Русалки большая часть его крупного поместья в Деревской пятине перешла в руки семьи его троюродных племянников Чеглоковых-Филимоновых. Среди Заболоцких часть поместья К. Г. Заболоцкого, оставившего свои земли, была передана его троюродному племяннику Терентию Заболоцкому. Он же «унаследовал» земли дяди, А. Н. Горбатого. Возможна родственная связь А. Б. Бекляша Игнатьева и М. Бестужева-Плещеева, получившего позднее его поместье. После И. и В.С. Колычевых земли в Деревской пятине получил Г.А. Колычев⁹.

Формирование чиновно-иерархической структуры Государева двора, увеличение роли местничества приводили к возрастанию значе-

---

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК). Т. 1. Ч. 1–2. М., 1977. С. 44–47; Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 567–584; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6. С. 37.

⁶ НПК. СПб., 1859. Т. 1. Ст. 179.

⁷ НПК. СПб., Т. 3. 1868. Ст. 173–174, 215–221, 253–260, 260, 316–317; НПК. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 130, 178; НПК. СПб., 1905. Т. 5. Ст. 16, 63.

⁸ Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. / Изд. А. М. Гневушев. Киев, 1908. С. 52.

⁹ Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 66; ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 120, 35; НПК. Т. 1. Ст. 118; ПКНЗ. М., 2004. Т. 5. С. 163.

ния родственных связей. Лидеры фамилий способствовали карьерному росту своих родственников, получая от них необходимую поддержку. К середине XVI в. сформировались пофамильные объединения потомков боярских родов, поддерживающих друг друга в продвижении по служебной лестнице. Этот процесс затронул и Новгородскую землю.

Писцовые книги конца 1530–1550-х гг. показывают стремление местных помещиков подчеркнуть свою связь с более преуспевшими родственниками. Сыновья А. Т. Пыжова (род Хвостовых) именовали себя «Пыжовыми-Отяевыми». Калитеевские «вспомнили» об общем происхождении с Кучецкими, Вельяминовы-Глазовы с Сабуровыми, а Ананьевы-Александровы, Хорхорины и Голенищевы с Кутузовыми, добавляя соответствующие окончания к написанию своих фамилий¹⁰.

Далеко не всегда подобные связи соответствовали интересам великокняжеской власти. В 1537 г. новгородцы Колычевы поддержали мятеж Андрея Старицкого. Казни в итоге были подвергнуты трое представителей этой фамилии: двоюродные братья Г. и В. И. Пупковы и А. В. Колычевы. Этими лицами, скорее всего, не исчерпывается список Колычевых, участников «мятежа». Среди них, видимо, были Ф. И. Колычев (будущий митрополит Филипп) и ряд других лиц. При старицком дворе в это время служили их родственники – И. Б. Хлызнев, И. И. Умной, П. А. Лошаков Колычевы, что, вероятно, стало одной из причин их «измены»¹¹.

Выходцы из новгородской корпорации, покидавшие свои поместья, присоединялись к родственникам в других уездах. Сыновья Т. И. Заболоцкого в Дворовой тетради были записаны по Переславлю в группе с другими Заболоцкими. Среди Аксаковых по Кашину фигурировали новгородцы С. Д. Аксаков и пятеро сыновей И. И. Аксакова¹².

Принимая во внимание условность родового группирования представителей семей и фамилий, связанных по происхождению с московским боярством, особенно для рубежа XV–XVI вв., стоит учитывать существующую в исторической литературе традицию, восходящую к родословным книгам. Подобное объединение, кроме того, представляет возможности для широкого историко-генеалогического анализа. Новгородские писцовые книги конца XV в. – середины XVI в. позволяют сделать своеобразный срез социального положения для различных групп служилых людей. Общность происхождения и, соответственно, близкий

---

¹⁰ НПК. СПб., 1910. Т. 6. Ст. 325, 340, 344, 347–348; ТКДТ. С. 101, 152; ПКНЗ. Т. 4. С. 349, 380; ПКНЗ. Т. 5. С. 51, 53, 57.

¹¹ Веселовский С. Б. Исследования... С. 144–145; Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1963 г. М., 1964. С. 60–61, 67.

¹² ТКДТ. С. 134, 139.

статус их предков, дают возможность проследить изменения в судьбе различных ветвей «боярских» родов, определить и очертить питательную среду, из которой впоследствии была сформирована нетитулованная часть московской аристократии, а также элита собственно новгородской корпорации.

При рассмотрении новгородских помещиков, выходцев из боярских родов за основу был принят принцип близости их виднейших представителей к персоне великого князя, количество их членов в Боярской Думе в конце XV в., а также в более раннее время. Тот же принцип взят за основу при обзоре отдельных боярских фамилий. После родственников и потомков великокняжеских бояр идет описание новгородских помещиков, представлявших боярские роды удельных князей московского дома, а также второстепенных родов, рано выпавших из придворного окружения.

Род Андрея Кобылы

Наиболее видное положение занимали на рубеже веков в боярской среде потомки Андрея Кобылы. Как и другие крупнейшие боярские роды, рано связавшие свою судьбу с московскими князьями, Кобылины к концу XV в. распались на несколько фамилий. Только некоторым ветвям удалось сохранить место в боярской среде. Большинство их родственников опустились в ряды малопримечательных служилых людей¹³.

Младшая и наиболее успешная ветвь Кобылиных, породнившаяся с великокняжеской семьей – **Захарьины-Кошкины** была представлена в Боярской думе. Боярами были братья Яков и Юрий Захарьевичи. Оба они выполняли функции новгородских наместников. Во второй половине 1480-х гг. братья находились в Новгороде одновременно. Я. З. Кошкин был новгородским наместником также в начале 1490-х гг. пожалование им поместий, очевидно, было связано с выполняемой административной деятельностью. Эти крупные наделы (у Я. З. Кошкина – «боярский» оклад более 100 обож) были позднее потеряны ими¹⁴.

Владения их племянника **Ивана Васильевича Ляцкого** (от Лядского погоста Шелонской пятины) были получены его отцом как приданое за дочерью новгородского боярина В. Никифорова. В отличие от менее знатных «москвичей», И. В. Ляцкий сохранил их за собой (веро-

---

¹³ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 140–161. Недостоверным, скорее всего, является происхождение Воробьиных и Мотовиловых от Федора Шевляги, брата А. Кобылы. Представители этих фамилий были связаны с Ярославским княжеством, боярство которого имело изолированный характер.

¹⁴ *Зимин А. А.* Формирование... С. 183–185.

ятно, на правах вотчины), хотя и не был связан с новгородской службой. Они были конфискованы после его бегства в Литву в 1534 г.¹⁵

Как и у Захарьиных должностной характер имело наделение поместьем их близкого родственника **Михаила Константиновича Беззубцева**. В первые годы XVI в. он выполнял обязанности новгородского дворецкого, и в дальнейшем не задержался в Новгородской земле¹⁶.

Колычевы были потомками Александра Елко, второго сына Андрея Кобылы, и, в отличие от многих близких родственников, сумели пробиться в ряды московской аристократии. Старшая ветвь Колычевых служила в верейском уделе. Впечатляющую карьеру сделали Андрей и Иван Лобан Андреевичи. Оба они были задействованы в новгородской службе. В 1492–1493 гг. холмский наместник А. А. Колычев участвовал в пограничной войне с Литвой. В 1501 г. он был оставлен в Новгороде во время «немецкого» похода новгородской рати. Скорее всего, именно он получил в кормление волость Кушевера в Бежецкой пятине (более 64 сох). Его брат Иван Лобан, окольник Ивана III, в 1495 г. участвовал в походе на «свейские немцы», а затем с 1499 г. и вплоть до своей смерти в 1502 г. был новгородским наместником¹⁷.

Братья оставили следы своей деятельности в Новгородской земле. И. Лобану принадлежало крупное поместье в Деревской пятине, которое, скорее всего, рассматривалось как «служебное» и в дальнейшем не перешло к его сыновьям. Из них только Степан Стенстур был новгородским помещиком. Его поместье было не слишком большим по размерам – 34 обжи. В отличие от братьев, успешно продвигавшихся по лестнице чинов (Иван Рудный достиг звания окольника, позднее гандикапом через старицкий двор окольничим стал Иван Умный), он не проявил себя. Его сын Борис фигурировал среди новгородских «дворовых» в Тысячной книге. Самым известным лицом из этой линии Колычевых был Федор Степанов – будущий митрополит Филипп¹⁸.

У А. А. Колычева неизвестны владения в Новгородской земле. Землевладельцами здесь стали его сыновья Михаил и Иван Черный. М. А. Колычев, как и его двоюродный брат С. Стенстур, был испомещен в Деревской пятине. Его поместье составляло 67 обож, и, видимо, было создано в конце 1480-х – начале 1490-х гг. Он неоднократно был задействован в воеводских службах. Уже в 1501 г. он был воеводой на литовской границе, под предводительством дяди И. А. Лобана. В 1502 г.

---

¹⁵ ПКНЗ. Т. 5. С. 128–129.

¹⁶ НПК. Т. 3. Ст. 278.

¹⁷ *Зимин А. А.* Формирование... С. 176; ПКНЗ. Т.1. С. 224.

¹⁸ НПК. Т. 2. Ст. 431–437; ТКДТ. С. 87.

участвовал в походе на «ливонские немцы», а затем отметился среди воевод в походах 1508–1509 гг. из Великих Лук¹⁹.

Не менее примечательной фигурой был его брат Иван Черный, зять новгородской боярыни Матрены Кривой. От нее он унаследовал крупные земельные владения (не менее 150 беж). Ему же, конюшему, в 1505 г. были сделаны пожалования из земель Федоровской церкви²⁰. Эти владения были приписаны к землям Матрены Кривой, образовав единую вотчину, сохранявшуюся за потомками И. Черного еще в 1580-е гг. Сам он неоднократно упоминался в разрядах. Еще в 1501 г. он был одним из воевод в Ивангороде. В 1508 г. вместе с братом Михаилом «стоял» на Великих Луках. В 1513–1514 гг. находился в походах к Бреславию и Полоцку, а также принимал участие в злополучной Оршанской битве. В 1515 и в 1516 гг. вновь отметился на Великих Луках (наместник). И. Черный был воеводой в сражении у Опочки, а затем участвовал в полоцком походе. В 1520-е гг. он дважды ездил в Крым. Не исключено, что к этому времени он оставил новгородскую службу. Его сын Никита Нямятый в 1527 г. был одним из поручителей по князе М. Л. Глинском, а внуки были отмечены по Москве, где Колычевым принадлежали родовые земли²¹.

Не затерялись в Новгороде также Иван Пупок и Владимир Семеновы, племянники И. Лобана и А. А. Колычевых²². В Деревской пятине им принадлежало крупное «кратное» поместье размером в 80 беж. В Водской пятине на рубеже столетий обосновалась другая пара братьев – Андрей и Федор Ломака. Не исключено, что здесь же поместье получил их брат Иван Хромой²³. И. Пупок в 1513 г. были среди воевод «с Лук», выдвинутых на Полоцк. Затем он вновь фигурировал в великолуцком разряде в полку с двоюродным братом И. А. Черным, откуда отправился в поход на Оршу, из которого уже не вернулся обратно. Вместе с ним в плену оказались его братья Владимир и Андрей, разде-

---

¹⁹ НПК. Т. 1. Ст. 321–335; РК. С. 59, 67, 71, 72, 75, 98.

²⁰ *Каиштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 232. В большинстве работ фигурантом этого акта считался его дядя И. А. Лобан, умерший за три года до этого события.

²¹ РК. С. 75, 98–99, 136, 140, 148, 151, 161, 166; *Зимин А. А.* Колычевы... С. 59. В 1515/16 г. он приобрел себе вотчину в Коломенском уезде (АРГ. № 124–125. С. 123–124); *Антонов А. В.* Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатий. М., 2004. Вып. 10. С. 9; ТКДТ. С. 65, 125.

²² В писцовой книге упоминается Василий Семенов Колычев, отсутствующий в родословных. Это, очевидно, тот же Владимир Семенов Колычев (ПКНЗ. Т. 4. С. 371, 375).

²³ НПК. Т. 1. Ст. 274–285; НПК. Т. 3. Ст. 701–702. Ивашка Семенов Колачев в первые годы XVI в. получил поместье из фонда дворцовых земель. В конце 30-х гг. упоминалось поместье Михаила Колычева, его вероятного сына (Отрывки писцовой книги. С. 5; РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 65).

лившие его судьбу²⁴. Позднее подключился к «стратилатским» назначениям Ф. С. Ломака Колычев. В 1524 г. он участвовал в походе новгородской рати на Казань, в 1532 г. стоял с полками на Сенкином броде, в 1534 г. участвовал в литовском походе, а в 1536 г. был назначен первым воеводой в Велиже. В 1538 г. Ф. С. Колычев был одним из новгородских «голов» в полках²⁵.

Несмотря на разрядные назначения, Семеновы-Колычевы поддерживали мятеж Андрея Старицкого. После этого события никто из представителей этой ветви не был отобран в число новгородских тысячников. Сын казненного В. И. Пупкова Данила в Дворовой тетради был записан по Москве вместе с Немятыми-Колычевыми, перебравшимися сюда в предшествующие десятилетия²⁶.

В начале 1550-х гг. несколько **Лошаковых-Колычевых** владели поместьями в Шелонской пятине. Новгородским помещиком, очевидно, был еще Иван Васильевич Лошаков. Вероятно именно он фигурировал в разрядах с ошибочным отчеством «Григорьевич»²⁷. В 1514/15 г. он был одним из воевод «с Ржевы», а в 1519 г. участвовал в походе вместе с другими новгородскими воеводами в «Литовскую землю». В 1521 г. в Торопце находился Иван Лошаков. Он же в 1522 г. был с новгородцами у Коломны, а затем участвовал в казанском походе 1524 г. Его сын Данила в 1538 г. был головой в полках из новгородских дворян, а племянник Матвей Третьяков в 1550 г. попал в число тысячников²⁸.

В целом, можно констатировать серьезное количественное и качественное уменьшение Колычевых на новгородской службе к середине XVI в. Их отток на более привлекательную «московскую» службу начался, видимо, еще во втором десятилетии. Этому способствовало, как сохранение ими подмосковных вотчин, так и высокое положение, занимаемое в придворной среде близкими родственниками.

Основатель **Кокоревых** – Андрей Кокорь был родным братом Игнатия Образца, прославившегося в 1488/89 г. в эпизоде с его мнимым «поиманием» Андрея Углицкого, которому он служил. Позднее он нашел место при великокняжеском дворе, и упоминался в разрядах в ка-

---

²⁴ РК. С. 134, 136, 140; Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории, Вып. 7. 2002. С. 155, 162, 170. И. Пупок числился в Вильне среди «лутчих людей».

²⁵ РК. С. 170, 262, 276, 296.

²⁶ ТКДТ. С. 65, 125.

²⁷ В летописном тексте о походе 1519 г. – «Васильевич».

²⁸ Зимин А. А. Колычевы... С. 58–59; РК. С. 146, 165, 167, 181, 185, 190, 218. В 1527 г. И. В. Лошаков и его сын Никита были среди поручителей по князю М. Л. Глинскому. ТКДТ. С. 90.

честве воеводы. Двоюродный брат А. Б. Кокоря И. И. Шишка в 1495 г. находился в свите Ивана III во время поездки в Новгород²⁹.

Судя по размерам владений, сам А. Б. Кокорь также входил в число дворовых. Ему принадлежало внушительное «кратное» поместье в 50 обож. Примерно равными были размеры поместий его сыновей Ивана Колоса и Михаила – 31 и 30 обож, которые также соответствовали нормам обеспечения дворовых детей боярских. Внук А. Кокоря Алексей Курицын-Кокорев в 1550 г. был взят в число тысячников, а его родственники находились среди дворовых Деревской пятины³⁰.

Федор Неплюй, близкий родич Колычевых (троюродный брат), состоял в родстве с Косицкими («дяди его» князя Косицкие), которые «вскормили его в Вереи» во время морового поветрия³¹. Все **Неплюевы**, несмотря на наличие подмосковных вотчин, были задействованы в новгородских испомещениях. Никите и Андрею Федоровым принадлежали поместья в Деревской пятине, а Гаврилу и Ивану – в Шелонской. В Деревской пятине поместья Неплюевых когда-то, вероятно, составляли единое целое. Об этом свидетельствует родство их прежних владельцев и «кратный» суммарный размер в 45 обож. По 24 обжи принадлежало Неплюевым в Шелонской пятине. Это поместье, видимо, носило уже вторичный характер. Платежная книга 1543 г. упоминает о волостельстве Г. А. Неплюева. Сам он в Тысячной книге и в выписках из десяти 1556 г. фигурировал в качестве дворового с типичным «кратным» окладом в 30 обож³².

Лодыгины принадлежали к старшей ветви потомков Андрея Кобылы. В отличие от именитых родственников, они к концу XV в. практически никак не зарекомендовали себя, хотя, вероятно, находились в числе «дворовых»³³. В родословной при перечислении сыновей Андрея Семенова Лодыгина была сделана помета: «поместья за ними были въ Новгороде». В писцовых книгах встречаются имена трех из них – Александра (Олешки), Василия и Петра. Поместья всех братьев включали конфискованные после 1499 г. церковные земли. Каждому из них

---

²⁹ Зимин А. А. Формирование... С. 175.

³⁰ НПК. Т. 1. Ст. 766–771, 777–781; ТКДТ. С. 90.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1958. Т. 2. № 410. С. 432.

³² НПК. Т. 1. Ст. 310–313, 372–374; НПК. Т. 5. Ст. 18, 26, 29; ПКНЗ. Т. 4. С. 470; ТКДТ. С. 88; Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. Десятня по Новгороду 7064 (1556) года, материалы к реконструкции (http://krotov.info/yakov/rus/17_ru_moi/desyatni/1556ngrd.html). Ф. Г. Неплюев в 1517 г. попал в литовский плен в сражении под Опочкой.

³³ Позднее Лодыгины в Дворовой тетради были записаны по Переславллю-Залесскому (ТКДТ. С. 139).

досталось более 40 обож, что свидетельствует об их службе по «дворовому» списку³⁴.

Коновницыны, ветвь Лодыгиных, обосновались в Шелонской пятине, где братьям Александру Слезе и Василию Грезе принадлежало крупное компактное поместье, (по «новому» 84,5 обож), сформированное на рубеже веков. Еще одним совладельцем этого поместья был их брат Тимофей, неизвестный родословным книгам. В дальнейшем и собственно Лодыгины, и Коновницыны, раздробившие поместья в семейных разделах, не преуспели в служебном отношении³⁵.

Вплоть до появления на новгородских поместьях **Боборыкины** известны только по родословным росписям. Коломенское село Боборыкинское с начала XVI в. перешло в великокняжеское ведение. Все представители этой фамилии служили по Новгороду. В Бежецкой пятине крупное компактное поместье (74 обжи по «новому») было пожаловано Федору Боборыке и его сыновьям. Размеры этого поместья были обусловлены, видимо, его ранним формированием, а не высоким статусом Боборыкиных. Федор Федоров Боборыкин, став позднее помещиком Водской пятины, довольствовался поместьем всего в 15 обож³⁶.

Род Ратши

Род героя Невской битвы Гаврилы Алексича, выводящий себя от легендарного Ратши, принадлежал к числу наиболее знатных и разветвленных боярских родов Владимиро-Суздальской Руси. На московскую службу Ратшичи (ветви Ивана Морхини и Акинфа Великого) перешли в первой половине XIV в., где заняли видное положение, успешно удерживаемое ими на протяжении нескольких веков.

Среди потомков Акинфа Великого несколько фамилий имели в конце XV в. своих представителей в Боярской Думе.

Боярин Андрей Федорович **Челяднин** в 1498–1500 гг. исполнял обязанности новгородского наместника, что, видимо, обусловило появление у него владений в Водской и Шелонской пятинах. Это поместье имело должностной характер. Часть своих земель он мог приобрести и в предшествующие годы. В 1496 г. он был отправлен вместе с князем В. И. Патрикеевым в поход на «Гамскую землю», выполняя функции

---

³⁴ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (далее – Родословная). М., 1787. Ч. 2. С. 94; НПК. Т. 5. Ст. 8, 10, 12, 95–96, 109–111, 115.

³⁵ НПК. Т. 5. Ст. 95–96, 109–111, 115.

³⁶ Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. Т. 1. М., 2014. С. 127; ПКНЗ. Т. 1. С. 234; НПК. Т. 3. Ст. 594–506.

новгородского воеводы. Уже в первые годы XVI в. владения Андрея Федоровича пошли в новые раздачи³⁷.

К старшей ветви Акинфовичей принадлежали **Бутурлины**. Эта фамилия к концу XV в. слабо проявила себя на служебном поприще, что, возможно, было связано с наличием у них крупных родовых вотчин в Переславском уезде³⁸. Анализ владений братьев Андрея Баклана, Дмитрия Кривого и Константина Коптя Григорьевых Бутурлиных в Водской пятине показывает, что на троих они получили 160 обеж: Копоть – 60, а Баклан и Д. Кривой еще 100 (51 и 49). Кратные, «воеводские» оклады по 60 обеж достались в Шелонской пятине их старшему брату Ивану Закале и двоюродному брату Ивану Полуехтову Бутурлину³⁹. Скорее всего, переселение Бутурлиных было произведено одновременно, где-то во второй половине 1490-х гг.⁴⁰

Сложнее определить происхождение Марьи Андреевой жены Бутурлиной. В родословной упоминается Андрей Иванович Бутурлин, державший в кормлении Нерехту где-то в 1470–1480-е гг. Крупные размеры этого поместья (53 обжи) соответствовали статусу Бутурлиных. Это поместье перешло к Шуваловым, ее сыновьям от первого брака⁴¹.

На новом месте службы Бутурлины активно проявили себя. В 1501 г. И. Г. Закала был одним из воевод в Ивангороде. В 1506 г. он наместничал на Двине. Позднее воеводой стал Д. Г. Кривой, принявший участие в походе на «Литовского» 1519 г. и в казанском походе 1524 г. Он же стоял с полками «на берегу» в 1532 г. Известны были разрядам сыновья И. П. Бутурлина Данила и Андрей. В 1536 г. братья находились с войсками возле Великих Лук и Торопца. Тимофей Закалин Бутурлин в 1534 г. был наместником Вельи. В 1539 г. он был головой в полках. Трое новгородцев Бутурлиных были записаны в Тысячной книге⁴².

---

³⁷ *Зимин А. А.* Формирование... С. 172; Временник общества истории и древностей российских (далее – ВОИДР). М., 1851. Кн. 11. С. 119–131, 136, 153–158, 212–216; НПК. Т. 4. Ст. 7–8.

³⁸ В начале XVI в. братья Никитины Бутурлины получили ряд разрядных назначений, а их потомки вошли в состав Боярской Думы (*Зимин А. А.* Формирование... С. 170–171).

³⁹ НПК. Т. 3. Ст. 173–174, 215–222, 253–265; НПК. Т. 4. Ст. 130–132, 178; НПК. Т. 5. Ст. 16, 22, 63; *Бенцианов М. М.* Формирование поместной системы в Новгородской земле в конце XV в. // ДРВМ. № 1 (59). 2015. С. 44.

⁴⁰ Г. М. Тучин – единственный прежний владелец земель И. Г. Закалы и И. П. Меньшого Бутурлиных еще в 1493 г. подписывал договор с Ливонским Орденом. Копоть Бутурлин владел землями «новосведенного» Я. Федотова, а его брат Баклан – Д. Нерадова.

⁴¹ НПК. Т. 1. Ст. 697–703; ПКНЗ. Т. 4. С. 419.

⁴² РК. С. 91–92, 146, 169–170, 190, 198, 277; Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. (далее – Радз.) // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава. 2002. Т. 6. № 46. С. 115; ТКДТ. С. 83, 91.

Бутурлины, таким образом, вошли в состав элиты новгородской корпорации, хотя их успехи здесь и были скромнее, чем у родственников, оставшихся в центральных уездах.

Слизневы не принадлежали к числу выдающихся фамилий потомства Акинфа Великого, но место в составе Государева двора занимали довольно прочно. Копоть и Ташлык Ивановы и их двоюродный брат Иван Булгак в 1495 г. находились в свите Ивана III. Слизневы также были крупными вотчинниками Переславского и Бежецкого уездов⁴³.

Михаил Иванов Смолка Слизнев владел поместьем в Шелонской пятине. Всего ему принадлежало не менее 52 обож, и по этому показателю он соответствовал младшим Бутурлиным, земли которых примыкали к его владениям. В 1502 г. он погиб в сражении с ливонцами, не оставив потомства⁴⁴.

Родословные книги путаются в происхождении **Замыцких**. Им принадлежали крупные вотчины в Переславском уезде⁴⁵. В составе Государева двора Замыцкие занимали прочные позиции. Василий Чешиха в годы Феодальной войны был московским наместником Ивана Можайского. В 1471 г. он был волостелем на Двине. Его племянник Тимофей в 1483 г. производил земельный разъезд владений Ивана III и Бориса Волоцкого. В 1495 г. он ездил с посольством к волошскому воеводе. Различные придворные поручения, в том числе, доверительного характера выполняли и его сыновья Константин и Василий Шумиха⁴⁶.

В Новгородской земле поместья достались сыновьям Т. П. Замыцкого. В Деревской пятине обосновались Иван и Федор, а в Шелонской – Андрей и Михаил. Рядом с землями последних располагалось поместье его брата Степана, которому принадлежало 53 обжи. То же количество земли досталось его племянникам: 33 и 20 обож. Первоначально, видимо, эти поместья принадлежали Т. и С. П. Замыцким. Во второй половине 1480-х гг. братья, возможно, находились на «годовой» службе в Новгороде. В 1486/87 г. Т. П. Замыцкий описывал земли Вяжицкого монастыря⁴⁷. Позднее, он, передав земли своим сыновьям, не задержался на новгородской службе. Собственные поместья в Деревской пятине были затем отделены И. и Ф. Т. Замыцким.

---

⁴³ РК. С. 45–46; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 371. С. 270–271; Т. 3. № 187. С. 200. Бутурлины и Слизневы были расписаны рядом в Дворовой тетради.

⁴⁴ НПК. Т. 5. Ст. 16, 27; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 241.

⁴⁵ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 190–191.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 120; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 15. С. 31; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 77. С. 290; Сб. РИО. Т. 35. С. 175, 221. По сообщениям родословной В. Шумиха достиг звания окольного.

⁴⁷ НПК. Т. 1. Ст. 691–695; НПК. Т. 2. Ст. 623–628; НПК. Т. 5. Ст. 13, 18; Акты новгородского Вяжицкого монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013. С. 161.

Замыцкие не затерялись на новгородской службе, хотя и не получали здесь разрядных назначений. В 1505 г. с посольством в Швецию был отправлен С. П. Замыцкий. В 1510 г. он ездил «приводити свеян к целованию». В 1509 г. С. П. и И. Т. Замыцкие среди новгородских «бояр» подписывали русско-ливонский договор. В 1539 г. сын Степана Замыцкого Шарап был послом в «Немецкую землю». Двое Замыцких в 1550 г. были отмечены среди новгородских тысячников⁴⁸.

Многочисленные **Пушкины**, потомки Ивана Морхини, к концу века распались на несколько слабо связанных друг с другом семей и фамилий, имевших различный статус. Их переселение на новгородские поместья совершалось отдельными группами, что отразилось на размерах их землевладения.

Товарковы были наиболее успешными из Пушкиных. Федор Товарок в 1433 г. был боярином Василия Темного. Его потомки неоднократно встречались в разрядах, достигая думских званий. Отец Григория Борисова Шушлепы служил боярином у Юрия Дмитровского. Сам он в первые годы XVI в. получил поместье в Водской пятине размером в 60 обож, которое соответствовало воеводскому окладу. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, но в 1514 г. он попал в плен во время Оршанской битвы и уже не вернулся на родину⁴⁹.

В 90-е гг. XV в. в нескольких мелких поручениях были задействованы **Мусины-Пушкины**. В 1493 г. грамота в Новгород была отправлена с «Мусиным сыном», в следующем 1494 г. Иван Мусин упоминался на приеме у литовских послов. Поместье в Деревской пятине досталось, видимо, уже самому Михаилу Мусе. Его старшие сыновья к моменту писцового описания имели собственные поместья, а младшие жили вместе с матерью⁵⁰.

Отец помещика Шелонской пятины Степана Тимофеева Пушкина был наместником трети московской. Это поместье, вероятно, могло принадлежать к числу наиболее ранних⁵¹.

---

⁴⁸ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, конец XIV – начало XVI вв. Л.: Наука, 1975. С. 246; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 244; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 616; ТЖДТ. С. 88, 90.

⁴⁹ Зимин А. А. Формирование... С. 162; НПК. Т. 3. Ст. 15–17, 914–918, 943; ПСРЛ. Т. 17. С. 187; Помимо новгородского поместья ему принадлежала «купля» в Волоколамском уезде.

⁵⁰ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 88, 123; НПК. Т. 1. Ст. 836–842; НПК. Т. 2. Ст. 47–62. Тимофей Пушкин (Мусин-Пушкин) в 1514 г. попал в плен в сражении у Орши.

⁵¹ Антонов А. В. Новая полная грамота XV века // РД. Вып. 6. С. 9–13; НПК. Т. 4. Ст. 184–186, 221; НПК. Т. 5. Ст. 7, 83.

Среднее по размерам поместье досталось Игнатию Васильеву Пушкину. Всю эту ветвь родословцы считали вымершей, хотя его потомки продолжали владеть поместьями в Водской пятине⁵².

В последние десятилетия XV в. существовало сразу два Пушкиных с одинаковым набором имени и отчества – Василий Никитин (дядя и племянник), что затрудняет их идентификацию. Вероятно «старший» в 90-е гг. был судьей в Московском уезде. Появление Василия и Андрея Никитиных в Новгородской земле произошло, скорее всего, уже в 90-е гг. В конце 1530-х гг. земли В. Н. Пушкина перешли к его родственнику Г. И. Пушкину⁵³.

Значительное количество других Пушкиных отсутствует в родословных, так что их родство с другими представителями фамилии можно представить только гипотетически. Некоторые из них владели крупными поместьями. Василию Константинову принадлежало, например, не менее 54 обож. Кратными «дворовыми» поместьями размером по 40 обож из бывших владычных земель распоряжались Иван и Василий Ивановы Пушкины. И. И. Пушкин был одним из «новгородских бояр» при подписании договора с немецкими городами 1514 г. Их братом был, вероятно, Захарий, пленник Оршанской битвы 1514 г. Все три имени: Иван, Василий и Захарий – встречались в родословной Пушкиных, но были отнесены к сыновьям В. В. Александра. Вполне вероятно, отчество братьев было перепутано⁵⁴.

В 1502–1503 гг. поместье было пожаловано трем братьям Андреевым Пушкиным⁵⁵.

Итоги пребывания Пушкиных на новгородской службе были не слишком утешительны. Из всех представителей этой многочисленной фамилии только трое были отмечены в новгородской части Тысячной книги среди «дворовых»: Дмитрий Шафериков, внук С. Т. Пушкина, а также дети «новгородского боярина» Федор и Андрей Ивановы⁵⁶.

---

⁵² НПК. Т. 3. Ст. 122–127, 171–173; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 23об., 177об. – 179об.

⁵³ В Государевом родословце Никита Никитин Пушкин показан бездетным, в Патриаршем списке родословной книги – у него 2 сына: Василий и Андрей. ВОИДР. Кн. 10. С. 99, 420, 447; Кн. 12. С. 37, 87; НПК. Т. 3. Ст. 381–385, 420–421; АСЭИ. Т. 1. № 404. С. 414, № 405. С. 417; РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 111.

⁵⁴ ПКНЗ. Т. 4. С. 425; СГГид. М., 1894. Ч. 5. № 65. С. 60; Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных. С. 156; Родословная. М., 1787. Ч. 1. С. 310. По родословной служили новгородской кафедре.

⁵⁵ Отрывки писцовой книги. С. 67–78.

⁵⁶ ТКДТ. С. 88, 92.

Ховрины

Как и другие представители высшей знати, казначей и шурин князя И. Ю. Патрикеева Дмитрий Владимирович Ховрин был пожалован поместьями в Новгородской земле. Общий размер этих поместий соответствовал «боярскому» окладу, превышая 100 беж. Не участвуя напрямую в «новгородской службе», он вскоре лишился их. Это событие произошло не позднее начала XVI в.⁵⁷

Тушины

Старинный боярский род Морозовых заметно возвысился во второй половине XV в. Менее заметны были их младшие родственники Тушины, среди которых выделялась фигура дворецкого Михаила Яковлевича Русалки. Как и другие высшие должностные лица, он получил поместье в Новгородской земле. Часть владений этого вельможи составили земли «новосведенного» М. Ф. Карповского, которые, видимо, были «придачей», осуществленной в 1490-е гг.⁵⁸ Без них его поместье имело «кратный» размер в 90 беж. Сам М. Я. Русалка не был прямо связан с новгородской службой. После смерти его крупное поместье перешло в руки Чеглоковых-Филимоновых.

На родство **Дмитрия Григорьева Племянника** с М. Я. Русалкой указывает сделанная при описании приписка: «Русалкин племянник». Этот его «племянник» (троюродный брат) довольствовался скромным поместьем в 25 беж⁵⁹.

Чеглоковы-Филимоновы первых поколений известны только по родословным росписям. Помещиками Шелонской пятины были три сына Ивана Чеглока – Иван, Афанасий и Михаил. Можно предположить, что их поместья были образованы в конце 80-х – начале 90-х гг. XV в. Впоследствии их потомки служили по Пскову и Торопцу⁶⁰.

В Деревской пятине обосновались сыновья Федора Иванова Чеглокова, которые получили земли, принадлежавшие М. Я. Русалке. Внушительное по размерам поместье было разделено в итоге на 7 частей, после чего некоторые из Чеглоковых довольствовались скромными на-

---

⁵⁷ НПК. Т. 6. Ст. 310–316; НПК. Т. 2. 439–440. Небольшое поместье в Деревской пятине должно было, видимо, обеспечивать потребности городского двора (НПК). Часть его земель принадлежала позднее сыновьям В. Тонкого Жиборова, одного из «людей» князя И. Ю. Патрикеева.

⁵⁸ Веселовский С. Б. Исследования... С. 197, 208–210; НПК. Т. 1. Ст. 467–469.

⁵⁹ НПК. Т. 1. Ст. 179–181.

⁶⁰ НПК. Т. 4. Ст. 179, 187; НПК. Т. 5. Ст. 56, 59, 62, 65–67, 263; ТКДТ. С. 101.

делами, опустившись до уровня рядовых детей боярских. Истоме и Сошне принадлежало всего по 15 обож, а Андрею Федорову – 15,5.⁶¹

Бяконтовичи

Потомки черниговского боярина Федора Бяконта появились на московской службе в начале XIV в. Рано раздробившиеся на несколько ветвей Бяконтовичи утратили родовое единство. Наиболее видные позиции среди них занимали Плещеевы, имевшие нескольких представителей в Боярской Думе и в верхних эшелонах Государева двора, хотя и их служебные достижения существенно различались. Собственно «боярской» была ветвь Михаила Борисовича Плещеева, «старого боярина» Василия Темного. Уже его братья и их потомки были не слишком примечательны, не говоря уже о других Плещеевых и их отдаленных родственниках⁶².

Среди новгородцев **Плещеевых** трудно выделить сколько-нибудь заметных лиц. Большинство из них довольствовалось скромными наделами, характерными для дворовых детей боярских невысокого ранга.

Наиболее крупным по размерам было поместье Михаила Андреева Торха в волости Велиле – 86 обож, которое он делил с четырьмя сыновьями, образованное в 1490-е гг. После 1506 г. Торх Плещеев перешел на службу к царевичу Петру (Худай-Кулу), а его поместье перешло к новым владельцам⁶³.

Уже после 1499 г. поместья были пожалованы племянникам М. Торха – Григорию Мешку, Алексею Третьяку и Михаилу Собаке. Старшим Безстужевым на двоих досталось поместье размером в 51 обжу, их брат М. Собака распорядился близким по размерам поместьем (в пересчете на одного владельца) в 24 обжи. Афанасий Мешков Плещеев позднее служил по Вязьме, так что, вероятно, уже его отец оставил свое поместье⁶⁴.

Семен Яковлев **Бельский** и Андрей Петров Плещеев были помещены на бывших владычных землях. С. Я. Бельский «служилъ Владыке Новгородскому». Не исключено, что они первоначально служили

---

⁶¹ Победимова Г. А. Писцовые материалы. С. 66; ПКНЗ. Т. 4. С. 381–382.

⁶² Зимин А. А. Формирование... С. 195–201.

⁶³ НПК. Т. 2. Ст. 736–745; Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 87. В Петре Федоровиче некоторые историки видели боярина П. Ф. Челяднина (Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 145).

⁶⁴ Их отец Безстуж, вопреки, мнению сложившемуся в историографии, носил имя Алексей, а не Григорий (Антонов А. В. Памятники истории. С. 87). ПКНЗ. Т. 4. С. 343; ТКДТ. С. 77, 188.

архиепископской кафедре, откуда перебрались на службу к Ивану III. Их смежные поместья были невелики по размерам. С. Я. Бельскому принадлежало 23,5 обжи, а Андрею Петрову Плещееву – всего 15.⁶⁵

Брат С. Я. Бельского Федор и Тимофей Семенов Слепой получили примерно равные поместья (35 и 36 обож) в Деревской пятине. Чуть меньше (27 обож) было поместье Василия Васильева Булгака Плещеева (отсутствует в родословной), размещенного по соседству с Ф. Я. Бельским⁶⁶.

Неполнота данных по Шелонской пятине не позволяет определить время появления здесь других Плещеевых. В Псковской земле помещиками стали потомки И. Ресницы Игнатъева Плещеева, который в конце XV в. вероятно также был испомещен здесь. Псковские Плещеевы служили по «дворовому» списку⁶⁷.

Все **Константиновы (Жеребцовы)** получили поместья в Деревской пятине. Поместья Григория и Василия Клыка Ивановых были расположены по соседству друг с другом. Общий их размер составлял «кратное» число – 60 обож. Можно предположить единовременность их испомещения где-то в 90-е гг. XV в. Чуть больше – 42 обжи – составляли размер поместья Михаила Жеребца, ставшего основателем новой фамилии, к которой приписались потомки его братьев. Невежа Михайлов Жеребцов в конце 1540-х гг. держал в кормлении Кобылье. Его другой сын Константин Шаблыка был отмечен в Тысячной книге. Потомки Г. И. Константинова в середине XVI в. служили по Кашину. После смерти Ивана III и образования дмитровского удела он, вероятно, перебрался на удельную службу⁶⁸.

По родословным данным сыновья Игнатия Константинова «были на поместьях на Коломне». **Семену Игнатъеву Константинову** досталось поместье в волости Велила. Размер этого поместья – 38 обож был в целом типичен для Бяконтовичей. Позднее здесь же придачу из земель Торха Плещеева получили Иван Вороной Игнатъев и его сын Матвей Нехош. Большое число **Игнатъевых** обосновалось на поместьях в Торопецком уезде⁶⁹.

Александр Ананьин Петров был потомком Ананьи Петрова, коняшого великой княгини Марии Ярославны. Большое число его родст-

---

⁶⁵ НПК. Т. 5. Ст. 68; Родословная. Ч. 2. С. 303; А. П. Плещеев погиб в 1501 г. в сражении с ливонцами.

⁶⁶ НПК. Т. 1. Ст. 587–591, 596–600; НПК. Т. 2. Ст. 396–401. Ф. Я. Бельский, как и его родственник И. Т. Слепого Плещеев, погиб в битве под Оршей в 1514 г.

⁶⁷ Родословная. Ч. 2. С. 288–289; ТКДТ. С. 99.

⁶⁸ НПК. Т. 1. Ст. 402–407, 436–443, 546–553; АСЗ. Т. 1. № 203. С. 236; ТКДТ. С. 87, 136; *Бенцианов М. М.* Служилые люди князя Юрия Дмитровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (далее – ДРВМ) № 2 (40). 2010. С. 52.

⁶⁹ Родословная. Ч. 2. С. 278; ПКНЗ. Т. 4. С. 334–335, 512, 622, 660; ТКДТ. С. 101.

венников было пропущено в родословной. Они, очевидно, утратили статус дворовых детей боярских. Судя по размерам поместья А. А. Петров, похоже, также котировался не слишком высоко⁷⁰.

В целом положение Плещеевых и их родственников на новгородской службе не слишком изменилось за несколько прошедших десятилетий. Никто из них не сумел занять здесь сколько-нибудь заметное место, а некоторые покинули свои поместья.

Протасьевичи-Вельяминовы

Древний род тысяцких Протасьевичей-Вельяминовых к концу XV в. значительно сдал позиции, хотя и был представлен в боярской среде. Наибольшие успехи были связаны со службой двух его ветвей: Воронцовых и Вельяминовых. Большинство других Протасьевичей не были заметны на служебном поприще. Некоторые ветви Вельяминовых не получили отражения в родословных книгах⁷¹.

Иван Васильев Сухой Вельяминов принадлежал к семье, давшей в конце XV – начале XVI в. нескольких значительных лиц. Его старший брат Иван Шадра был окольничим, а младший – Иван Обляз сделал карьеру на удельной службе. В отличие от них И. Сухой никак не проявил себя, что, возможно, было связано с ранним появлением на новгородских поместьях. Ему принадлежало крупное поместье размером более 70 обож в смежных погостах Водской и Шелонской пятин, которое могло быть сформировано в 1480-е гг. После его бездетной смерти оно перешло к новым владельцам⁷².

Предки **Аксаковых** еще в первой четверти XV в. были представлены среди великокняжеского боярства. Иван Федоров Аксак был послухом в сделке своих племянников Ивана Шадры и Ивана Сухого. Все его сыновья переселились в первые годы XVI в. на новгородские поместья, где им достались внушительные надель. По новому письму Ивану Иванову Аксакову принадлежало 50,5 обож, другим братьям – 93 обжи. Несмотря на это Аксаковы не вошли в состав элиты местной корпора-

---

⁷⁰ АСЗ. Т. 1. № 7. С. 14–15, 325; НПК. Т. 1. Ст. 574–579.

⁷¹ Веселовский С. Б. Исследования... С. 211–229; Зимин А. А. Формирование... С. 157; Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. С. 124–139; Кучкин В. А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV в. // Кулешов А. С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 286–287.

⁷² Зимин А. А. Формирование... С. 160–161; НПК. Т. 3. Ст. 118–119, 155–156, 166–171, 224; НПК. Т. 4. Ст. 123–124, НПК. Т. 5. Ст. 21, 29.

ции. Из них только С. Д. Аксаков был упомянут среди новгородских тысячников⁷³.

Аксаковы сохранили подмосковные вотчины. Их родственники Вельяминовы, служившие в дмитровском уделе, были на хорошем счету в кашинской корпорации. Это облегчало для Аксаковых возможность ухода с новгородской службы. Семен Александров Аксаков был записан в Тысячной книге по Кашину. В конце 1530-х гг. он еще был новгородским помещиком. Грамота 1556 г. говорит о потере им новгородских земель как о недавнем факте. По Кашину служили также пять сыновей И. И. Аксакова⁷⁴.

Соловцовы отсутствуют в официальной родословной Протасьевичей. В конце века представители этой фамилии были задействованы в придворной службе⁷⁵. На новгородские поместья Соловцовы и их родственник **Иван Константинов Истленьев**, перебрались в первые годы XVI в. Они обосновались на смежных поместьях в Водской пятине. Сабуру Соловцову принадлежало более 40 обож. Он, таким образом, входил в группу «добрых» детей боярских. Двое Соловцовых в это же время получили земли в Деревской пятине. Здесь их владения были меньше. Федору Фомину Соловцову принадлежало «кратное» поместье в 25 обож. Небольшим было и поместье Леонтия Афанасьева Соловцова, перебравшийся позднее в Псковскую землю⁷⁶.

Ф. Л. и А. И. Соловцовы в конце 1540-х гг. держали в кормлении Кобылье. В Тысячной книге по Водской пятине и по Пскову были отмечены четверо Соловцовых⁷⁷.

Башмаковы, хотя и были упомянуты в родословной, но не расписывались в ней поименно. Данила Башмак в 1446/47 г. был отправлен к сторонникам Василия Темного в Мстиславль с вестью о его освобождении. Его сын Иван Шадра (в честь именитого родственника?), получил

---

⁷³ АСЭИ. Т. 1. № 546. С. 424; НПК. Т. 3. Ст. 299–306; ВОИДР. Кн. 11. С. 91–96. И. И. Аксаков, возможно, уже в последние годы XV в. стал помещиком. ТКДТ. С. 84. Ф. Д. Аксаков в 1555 г. был ладожским наместником.

⁷⁴ Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского. С. 53; «Семена Аксакова пожаловали есмь поместьем в московских городех; а Семеновым бы естя людям дали срок, как им мочно вывезтись из того поместья»; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 151 об., 161 об.; Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. С. 111; ТКДТ. С. 134.

⁷⁵ Предком Соловцовых был Федор Соловец Истленьев. Григорий Соловцов в 1495 г. был среди детей боярских в свите великой княжны Елены, а его сын Федор участвовал в приеме литовского посольства (Сб. РИО, Т. 35. С. 134, 164).

⁷⁶ Отрывки писцовой книги. С. 52–67; ПКНЗ. Т. 4. С. 391, 401; Писцовая книга Водской пятины 1539 г. Новгород, 1917. С. 290–292; Ф. Ф. и А. Г. Соловцовы попали в плен в сражении у Орши в 1514 г.

⁷⁷ АСЗ. Т. 1. № 263. С. 236; № 264. С. 236; ТКДТ. С. 85, 99.

небольшой участок в Деревской пятине. Основная часть его владений находилась в Бежецкой пятине⁷⁸.

К этому же роду принадлежал, возможно, **Никита Вельяминов**. Ему принадлежало кратное поместье в 25, составленное из земель «новосведенного» М. И. Секирина⁷⁹.

Сорокоумовы-Глебовы

Сорокоумовы-Глебовы, потомки легендарного касожского князя Редеди, были старым родом великокняжеских бояр, которые перейдя на московскую службу, сохранили свое видное положение. Во второй половине XV в. Григорий Криворот и его брат Иван Ощера входили в состав боярской думы Василия Темного и Ивана III. Постельничими были Иван Море и его племянник И. Д. Бобров. Менее известны были их младшие родственники, хотя большинство из них в конце века также входило в состав Государева двора⁸⁰.

Несмотря на родство с рядом видных лиц при дворе (его отец – родной брат Ивана Ощеры) **Федор Семенов Головин Глебов** не проявил себя на служебном поприще. При описании Водской пятинны ему было передано не менее 42 обож из фонда церковных земель. Судя по размерам поместья, он входил в число «дворовых»⁸¹.

Василий Ильин Обьед Глебов во второй половине 80-х гг. XV в. был волостелем в Вышгороде. Всего ему вместе с четырьмя сыновьями досталось 90 обож в «чернокунском» Холмском погосте. «Кратный» размер этого поместья свидетельствует о появлении этой семьи в Новгороде в 90-е гг. XV в., тем более, что значительную часть поместья составили выморочные владения. Потомки В. И. Обьеда укоренились на новгородских, а позднее торопецких, поместьях⁸².

Меньшим по размеру было поместье его племянника **Ивана Григорьева Крпотки Ильина-Глебова**. Всего ему принадлежало 20 обож. Невысокий «оклад» объяснялся, вероятно, его молодостью. В дальнейшем он получил придачу, так что его поместье достигло 25

---

⁷⁸ *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического Исследования... Орел, 2013. С. 104–112; НПК. Т. 1. Ст. 146; НПК. Т. 6. Ст. 326–327.

⁷⁹ НПК. Т. 3. Ст. 806–808. Вероятно одно лицо с Никитой Никитиным Вельяминовым, послухом в полной грамоте Козлянинова.

⁸⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 287–292, 324–330.

⁸¹ ВОИДР. Кн. 11. С. 5–10.

⁸² АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 532. С. 409; НПК. Т. 2. Ст. 826; 836, 841; Ф. В. Обьедов в 1514 г. попал в литовский плен.

обеж. Не ранее первого десятилетия был испомещен Лапоть Григорьев Ильин⁸³.

Помимо указанных лиц поместьями в Бежецкой пятине владело несколько представителей Сорокоумовых-Глебовых. **Крюковы-Сорокоумовы** числились среди «дворовых». Представители этой фамилии, видимо, должны были войти в новгородский «выбор» в конце 1530-х гг.⁸⁴

Род Прокши

Потомки новгородца Прокши принадлежали к числу боярских родов, которые в конце XV в. претендовали на попадание в Боярскую Думу. Близким к великому князю, «боярином» был Ю. И. Шестак Кутузов. Чина окольничего достиг Б. В. Кутузов. Заметны при Государевом дворе были и некоторые другие Кутузовы. Высокие служебные перспективы имели значение для ограниченного числа представителей этого рода. Большинство Кутузовых и их однородцев не выделялось из массы служилых людей⁸⁵.

Хронологически первыми из **Кутузовых** оказались в Новгородской земле, видимо, Константин и Михаил Клеопа Васильевичи, служившие в боярах у архиепископа Геннадия. Их потомки не были связаны по службе с новгородской корпорацией⁸⁶.

Братья Василия Зверя были задействованы в придворных службах и дипломатических поручениях. Самому В. С. Зверю было пожаловано крупное «кратное» поместье в 60 обеж. Его сыновья получили позднее ряд «придач». Кто-то из Зверевых-Кутузовых был отмечен среди «дворовых» в десятне 1556 г.⁸⁷

Из других Кутузовых помещиком Водской пятины стал **Федор Андреев Глебов**. Размеры поместья (31 обжа) говорят о его принадлежности к «дворовым» невысокого ранга⁸⁸.

Родственниками Кутузовых были дмитровские вотчинники **Антон** и **Иван Александровы Мисины (Мисиновы)**. В Новгороде им достались крупные поместья в Шелонской пятине. И. А. Мисинов владел не

---

⁸³ НПК. Т. 1. Ст. 867–869; ПКНЗ. Т. 4. С. 432, 447, 460, 619–622. К нему позднее по созвучию фамилии приписались Лаптевы.

⁸⁴ НПК. Т. 6. Ст. 306–309; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 43, 53–55. Ф. В. Крюков в 1555 г. получил ясельничее в кормление. *Бенцианов М. М.* Новгородские источники Тысячной книги 1550 г. Опыт ретроспективного анализа // ДРВМ. 2013. Вып. 4 (54). С. 35–36.

⁸⁵ *Зимин А. А.* Формирование... С. 258–261; *Чернов С. З.* Волок Ламский. С. 218–223.

⁸⁶ Родословная. Ч. 2. С. 2; НПК. Т. 1. Ст. 738–740.

⁸⁷ Сб. РИО. Т. 35. С. 163, 178, 278; НПК. Т. 2. Ст. 647–654; ПКНЗ. Т. 4. С. 463, 483–484; *Кротов Я.* Указ. соч.

⁸⁸ НПК. Т. 3. Ст. 127–131.

менее 64 обжами, а его брат – 55. Размеры их поместий, очевидно, увеличились за счет придач в 1490-е гг. И. А. Мисинов упоминается среди новгородских воевод. В 1513 г. он участвовал в походе на Бреславль. В 1515 г. был выдвинут с полками к Полоцку, в 1517 г. стоял с полками у Великих Лук. В 1519 г. разряды упоминают его у Ржевы, а в 1521 г. – в Торопце. Его бездетная смерть закрыла новгородскую страницу в истории этой фамилии, тем более что, Антон Мисинов оставил свое поместье⁸⁹.

Целая группа **Онаниных (Александровых)** была испомещена в Деревской пятине после завершения описания конца 1490-х гг. Среди них были братья Михаил и Григорий Яковлевы **Хорхорины**, а также сыновья Данилы и Василия Голенища Александровых. Им достались «кратные» поместья величиной по 25 обеж. Замятня Кутузов (Александров) в Тысячной книге находился среди дворовых Деревской пятины. По «дворовому» списку в Торопце служили Голенищевы-Кутузовы⁹⁰.

Их близкий родственник Василий Данилов Александров в конце века был помещиком Бежецкой пятины. Ему принадлежало среднее поместье размером в 36 обеж (по «новому»)⁹¹.

Род Дмитрия Зерно (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Глазовы)

Род костромских вотчинников, потомков Дмитрия Зерно (Зернова), принадлежал к числу наиболее древних боярских родов Северо-Восточной Руси, известных с начала XIV в. К концу XV в. потомки Дмитрия Зерно разделились на несколько фамилий, наиболее известной из которых были Сабуровы. Все они оставались в орбите Государева двора⁹². Несмотря на «шатость» М. Ф. Сабурова в годы Феодальной войны, он сохранил свои позиции в боярской среде. По правдоподобным сообщениям родословных книг он был боярином и дворецким Ивана III. Несколько Сабуровых известны в конце XV в. среди лиц, получивших различные поручения, характерные для членов Государева

---

⁸⁹ НПК. Т. 5. Ст. 11, 12, 39; РК. С. 124, 146, 149, 170, 181; АРГ. № 264. С. 258–259. В писцовой книге 1550/51 г. уточняется судьба одного из владений А. А. Мисина: «деревня... а осталасе у писцов за делом была пуста 20 лет. А запустела после Онтонья Мисина».

⁹⁰ ПКНЗ. Т. 4. С. 380, 509–510, 512; Семен Данилов Кутузов получил 7 обеж из поместья Никифора Васильева Кутузова. ТКДТ. С. 102. М. Я. Хорхорин в 1514 г. попал в литовский плен в битве у Орши.

⁹¹ ПКНЗ. Т. 1. С. 236.

⁹² Веселовский С. Б. Исследования... С. 162–195.

двора. Их положение укрепились после брака Василия III на Соломонии Сабуровой⁹³.

Появление **Семена Иванова Вислоуха Сабурова** в Новгородской земле произошло за несколько лет до этого события. В первые годы XVI в. он вместе с сыновьями получил поместье в Водской пятине. Полноценные поместья достались и его сыновьям. Без придачи поместье Бориса Семенова Сабурова составляло «кратное» число в 40 обож. Федор Семенов Папа Сабуров в 1543 г. был наместником Себежа. По Водской пятине и Пскову в Тысячной книге были отмечены сразу несколько Вислоуховых-Сабуровых⁹⁴.

Известные впоследствии **Годуновых** в конце XV в. практически не были представлены в источниках. Появление Годуновых в Новгороде произошло достаточно поздно. Василию Григорьеву Годунову достались конфискованные в конце века монастырские земли. Размер его поместья составил 50 обож. Его брату Петру принадлежало «кратное» поместье в 40 обож. В последующие годы Годуновы были новгородскими воеводами. В 1509 г. П. Г. Годунов возглавлял отряд «с Лук» к Торопцу. В 1515 г. в качестве воеводы у тех же Великих Лук известен был В. Г. Годунов. В 1518 г. он участвовал в походе к Витебску. К этому времени его брат Петр находился в литовском плену («на Луках пойман»). Его дети Афанасий и Василий «были на поместье въ Новгороде»⁹⁵.

Из 9 сыновей **Федора Вельяминова-Глазова** только трое – Андрей, Юрий и Дмитрий получили поместья в Новгородской земле. К этому времени Глазовы были рядовыми членами Государева двора⁹⁶. Им достались поместья в Холмском погосте Деревской пятине, по «старому» 103 обжи. Позднее их потомки Вельяминовы-Сабуровы служили среди «дворовых» по Торопцу⁹⁷.

Заболоцкие

История появления и службы Всеволожей-Заболоцких, потомков смоленских князей, при московском дворе изучена достаточно подробно. Несмотря на то, что Заболоцкие долго находились «в тени» более влиятельных Всеволожей, среди них были примечательные лично-

---

⁹³ *Зимин А. А.* Формирование... С. 191–194.

⁹⁴ Отрывки писцовой книги. С. 93; РГАДА Ф. 137. № 5. Л. 100–102об.; Сб. РИО. Т. 59. С. 242; ТКДТ. С. 84, 99.

⁹⁵ НПК. Т. 3. Ст. 553–557, 695–698, 933–935; РК; *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных. С. 156; Родословная. Ч. 1. С. 246. А. П. Годунов в 1555 г. бил челом об осадном дворе в Новгороде.

⁹⁶ Т. В. Глазов присутствовал среди детей боярских на свадьбе князя В. Д. Холмского, а его брат Григорий Стерляг входил в 1495 г. в свиту великой княжны Елены.

⁹⁷ НПК. Т. 2. Ст. 844–853; ТКДТ. С. 101.

сти. Заметной фигурой был Григорий Васильевич Заболоцкий, новгородский наместник конца правления Василия Темного. Со второй половины XV в. Заболоцкие встречаются в источниках, связанных с деятельностью Государева двора. Двое из них – Петр Лобан и Константин Григорьевичи «доросли» до звания окольных⁹⁸.

Оба брата владели новгородскими поместьями, хотя, видимо, получили их в разное время. Основная часть поместья К. Г. Заболоцкого была составлена из земель Б. В. Есипова, пошедших в раздачу в начале 80-х гг. XV в. С учетом придачи его поместье достигло «кратных» 40 беж. Крупнее было поместье П. Лобана – 56 беж, которое, скорее всего, было пожаловано ему в конце 1480-х гг. Будучи одним из доверенных лиц великого князя, он рано оставил его. Это поместье перешло в разряд оброчных земель уже к моменту проведения писцового описания. Его примеру позднее последовал и К. Г. Заболоцкий⁹⁹.

Из старшей ветви, потомков Василия Губастого, помещиками Деревской пятины стали Андрей и Иван Горбатый Никитины. Судя по компактности и размерам их поместий – 42 и 43 обжи, они обосновались здесь в конце 80-х – начале 90-х гг. XV в. Поместье А. Н. Заболоцкого в дальнейшем перешло к Терентию, сыну Ивана Горбатого¹⁰⁰.

Терентий Заболоцкий в 1525 г. был судьей в Обонежской пятине. В 1538–1539 гг. он был головой при воеводах в полках на Коломне. Сохранилось упоминание о его местническом споре с В. Сназиным. Четверо его сыновей в Дворовой тетради были записаны по Переславию и Дмитрову, другие оставались в Новгороде¹⁰¹. Брат Терентия Петр в 1534 г. возглавлял отряд новгородцев на Красном. Он служил по Пскову, где в середине XVI в. был записан его сын Павел Паук¹⁰².

Племянник А. и И. Н. Горбатого Заболоцких Василий Андреев Немого получил поместье в 25 беж в первые десятилетия XVI в.¹⁰³

Из **Кислеевских** помещиками стали Племянник и Павел Волк Семеновы. Им принадлежало совместное поместье (возможно полученное от отца) в Шелонской пятине размером не менее 60,5 беж. Кроме того,

---

⁹⁸ Веселовский С. Б. Исследования... С. 331–358; Зимин А. А. Формирование... С. 223–229; Кузьмин А. В. На пути в Москву. Т. 1. С. 64–86.

⁹⁹ НПК. Т. 1. Ст. 153–158, 516–523. К. Г. Заболоцкий сажал в своем поместье починки после «письма», то есть, потерял его, видимо, уже только в XVI в.

¹⁰⁰ НПК. Т. 1. Ст. 118–120, 470–474; ПКНЗ. Т. 4. С. 353. Ему же перешла часть земель К. Г. Заболоцкого.

¹⁰¹ ПКНЗ. СПб., 1999. Т. 2. С. 4; РК. С. 277, 288; ТКДТ. С. 66, 139; ПКНЗ. Т. 5. С. 248–250. М. Т. Заболоцкий, будучи совладельцем новгородского поместья, фигурировал в Дворовой тетради. В 1550/51 г. ему было 9 лет. Часть вотчин Т. И. Заболоцкого была передана в Троице-Сергиев монастырь (Веселовский С. Б. Исследования... С. 357).

¹⁰² Радз. № 46. С. 115; ТКДТ. С. 99.

¹⁰³ ПКНЗ. Т. 4. С. 392.

П. Волку было пожаловано собственное поместье в 26 обож. Вопреки мнению С. Б. Веселовского размеры поместий Кислеевских свидетельствуют об их высоком статусе¹⁰⁴.

На рубеже веков поместье в Водской пятине досталось Ивану Федорову Черленому с сыном. Размер их поместья составил «кратное» число в 50 обож. Именно он, «новгородский боярин» подписывал в 1522 г. договор с Ливонским Орденом. Его внук в Тысячной книге фигурировал среди «дворовых»¹⁰⁵.

Несмотря на уход наиболее значительных представителей, Заболотские в новгородской корпорации заняли видные, хотя и не главенствующие, позиции, удерживаемые ими на протяжении всего рассматриваемого периода.

Квашнины

История Квашниных изучена достаточно подробно. Основателем этого рода был «киевский вельможа» Родион Нестерович (или его отец Нестор), выехавший на службу в Москву в начале XIV в. Его сын Иван Квашня был одним из приближенных Дмитрия Донского. Квашнины следующих поколений служили в боярах у удельных князей¹⁰⁶. В конце XV в. Квашнины служили в составе Государева двора. С. Я. Родионов Квашнин состоял в свите великой княжны Елены в 1495 г., а его дядья Степан Самара, Прокофий Розлада и Иван Пищаль присутствовали на свадьбе князя В. Д. Холмского¹⁰⁷.

В Новгородскую землю Квашнины переселялись большими группами. Для многих из них были характерны идентичные размеры поместий.

Наиболее полно была представлена ветвь **Рубцовых-Квашниных**. Помещиками здесь в конце XV в. были шестеро сыновей Василия Рубца, а также внук Иван Никифоров. Не исключено, что родовые земли были потеряны ими при переселении в Новгород¹⁰⁸. В Деревской пятине Михаил и Александр были размещены в погостах, где располагались земли их однофамильцев из местных вотчинников. М. В. Квашнину

---

¹⁰⁴ НПК. Т. 5. Ст. 10, 21, 24, 119–121. *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 352–353. В 1502 г. он погиб в сражении с ливонцами.

¹⁰⁵ НПК. Т. 3. Ст. 67–72, 99; СГГД. Ч. 5. С. 94; ТҚДТ. С. 84.

¹⁰⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 263–284; *Чернов С. З.* Волок Ламский. С. 48.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 35. С. 164; *Сахаров И. П.* Сказания... С. 37.

¹⁰⁸ Сын Александра Квашнина Андрей приобрел себе часть родовой вотчины в 1532 г. *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 271 («А за ним подмосковные деревни не было»).

досталось село Квашнино, принадлежавшее прежде Т. Квашнину¹⁰⁹. Оба брата где-то в 1490-е гг. получили идентичные поместья по 55 обож. Несколько ранее, вероятно, обосновались в Шелонской пятине их старшие братья. У некоторых из них размеры поместий были близки к обозначенной цифре. По «новому» 55 обож принадлежало Никифору Васильеву. 52,5 обож составляли поместье Ивана Квашни. Чуть меньше по «старому» было поместье Федора Васильева – 44,5 обжи, хотя по «новому» письму (55,5 обож) оно также вписывается в этот ряд.¹¹⁰ Особняком стоит поместье Ильи Квашнина. Большую его часть составили «приданные» земли, полученные от Арины Федоровой Хромого, благодаря которым он стал одним из крупнейших землевладельцев. Меньшая часть его поместья (чуть более 20 обож) была образована из «боярщин» Марфы Исаковой и, вероятно, была первоначально передана ему¹¹¹.

Из этой семьи несколько человек получили «стратилатские» назначения. В 1501 г. одним из воевод в Ивангороде был Ф. В. Квашнин. Наиболее успешным из Квашниных был его племянник Мешок (Василий Иванов). В 1534 г. он был воеводой на Великих Луках, в 1536 г. нес службу в Ржеве Пустой. После строительства крепости Велиж ему предписывалось остаться здесь с отрядом детей боярских. В 1538 г. головами в полках из числа новгородцев были тот же Мешок, а также его двоюродные братья Андрей и Яков Ильины. Вероятно именно А. И. Квашнин ранее в 1534 г. был наместником в Опочке. Позднее В. И. Мешок был записан в Тысячной книге среди дворовых Шелонской пятинны высокой 1-й статьи¹¹².

Александр Квашнин был боярином у архиепископа Макария. В конце 1530-х гг. его сын Андрей получил поместье в Тверском уезде, так что, вероятно, покинул новгородскую службу еще раньше своего отца. Позднее он сделал придворную карьеру, дослужившись до звания окольничего. Часть поместья А.В. Квашнина перешла к его сыновьям Семену и Ивану¹¹³.

---

¹⁰⁹ О восприятии Квашниных в Новгороде см.: *Бенцианов М.М.* Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // *Studia historica europae orientalis. Исследования по истории Восточной Европы.* Минск, 2016. С. 138-139.

¹¹⁰ НПК. Т. 2. Ст. 187–198, 224–233; НПК. Т. 4. Ст. 21–24, 32–35; НПК. Т. 5. Ст. 1–2, 35, 46, 51, 54, 58–59, 64, 66, 234–235.

¹¹¹ НПК. Т. 4. Ст. 190-191; НПК. Т. 5. Ст. 66; *Мятлев Н.* Родство Квашниных с новгородцами // *Известия русского генеалогического общества.* СПб., 1909. Вып. 3. С. 36-60.

¹¹² РК. С. 75, 248, 262, 273; Радз. № 46. С. 115; ТКДТ. С. 83.

¹¹³ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века (далее – ПМТУ). М., 2005. С. 94; ПКНЗ. Т. 5. С. 5, 6, 8, 10, 12, 14. По сведениям родословных книг «Ондрей да Иван служат в Новгороде у владыки» (ВОИДР. С. 92). Это известие, вероятно, является ошибочным.

Поярок (Петр Ильин) Квашнин, сын новгородского помещика (вотчинника), в 1542 г. участвовал в приеме литовских послов. В начале 1540-х гг. он был писцом в Костромском уезде, а в 1547 г. упоминался среди стряпчих, оставив новгородскую службу. Его сын Иван в Дворовой тетради числился по Клину¹¹⁴.

Четверо **Самариных** находились на новгородских поместьях. Наиболее крупное поместье досталось Ивану Степанову, насчитывавшее 58 беж, и сопоставимое с размерами поместий Квашниных. Значительно меньше по размерам были поместья его братьев Алексея, Андрея и Ивана Лысого. Смежные поместья Андрея и Алексея были описаны вместе по «старому» письму и, вероятно, прежде составляли единое владение. Их размер достигал 64 беж. В этом случае они находятся в соответствии с поместьем И. С. Лысого – 29,5 беж (данные по «новому»). Поместье сыновей И. Лысого в конце 1530-х гг. XVI в. составляло 55 беж, то есть приблизилось к размерам поместий, характерных для Квашниных¹¹⁵.

Розладины были одной из малозначительных ветвей Квашниных. Поместья Константина и Дмитрия Родионовых находились на нижней грани уровня дворовых детей боярских. 30 беж принадлежали Прокофию Прокофьеву Розладину. Близким по размерам было поместье их брата Иваки. Смежные поместья Розладиных в Шелонской пятины и близость их размеров были обусловлены, вероятно, их одновременным испомещением, произошедшим где-то в 90-е гг. XV в.¹¹⁶ Вплоть до середины XVI века Розладины были незаметны на служебном поприще. В злополучной оршанской битве 1514 г. в литовский плен попали П. П. Розладин и, вероятно, также его сын Василий¹¹⁷. Тысячник Василий Васильев Розладин, его внук, был дворовым по Деревской пятине. Именно с ним («муж zelo храбрый и разумный») связано возвышение этой фамилии.

Тушины также не слишком высоко котировались среди представителей своего рода. Размеры их владений были характерны для «дворовых» низшего и среднего ранга. Не исключено, что Василий Михай-

---

¹¹⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 148–149; Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 52.

¹¹⁵ НПК. Т. 5. Ст. 16, 55, 140–144; НПК. Т. 4. Ст. 435–439.

¹¹⁶ НПК. Т. 5. Ст. 14, 16–19, 140, 255; ПКНЗ. Т. 1. С. 138. Розладины сохранили за собой подмосковные вотчины. Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря. Л., 1983. №2. С. 8. И. П. Розладину принадлежали земли «новосведенного» И. Д. Парфина.

¹¹⁷ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных. С. 156. Еще один Василий Прокофьев Розладин в 1537 г. возглавлял отряд, выступивший против Андрея Старицкого. Это – младший брат Прокофия Прокофьева. (Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 87).

лов Шитой Тушин получил свое поместье еще в начале 80-х гг. Это поместье отличалось скромными размерами и едва ли превышало 20 обож. Каждому из его братьев досталось чуть более 30 обож. Федор Тушин, получив новгородские поместья, был, видимо, устранен из раздела родовой вотчины. Впоследствии ему пришлось приобретать эти земли у других Тушиных¹¹⁸. В 1501 г. Ф. М. Тушин был среди воевод в Ивангороде (вместе с Ф. В. Квашниным). Он попал в плен в битве под Оршей в 1514 г. Его сын Андакан также отметился на служебном поприще. В 1535 г. он возглавлял отряд новгородцев и псковичей в Себеже, а в 1550-е гг. привлекался к воеводским службам. Его брат Василий в 1530 г. ездил с посольством в Колывань. Иван Васильев Тушин в Тысячной книге был записан среди «дворовых»¹¹⁹.

Овцины-Володимеровы

Овцины-Володимеровы были потомками боярина Владимира Даниловича Снабди Красного. Этот род в XV в. был не слишком заметен, а его дальнейшие служебные достижения были связаны с новгородскими представителями¹²⁰.

Все сыновья Ивана Васильева Овцына были связаны с Новгородом. Наиболее крупные владения принадлежали им в Водской пятине. Совместное поместье Семена и Федора насчитывало 82 обжи. Не исключено, что именно это поместье первоначально было пожаловано всем Овцыным (или их отцу), часть из которых затем перебралась в Шелонскую пятину. Поместье Василия Овцы здесь составило «кратные» 30 обож (по «новому»). Чуть больше – 39 обож принадлежало его брату Андрею, поместье которого позднее увеличилось за счет конфискованных церковных земель. В первые годы XVI в. какие-то земли в Шелонской пятине были пожалованы Семену Овцыну. Поместья получили и остальные братья – Остафий и Иван Колмак. Последний владел им еще в 1550/51 г. Каждому из них досталось по 30 обож¹²¹.

Из этой семьи В. Овца регулярно получал разрядные назначения. Первое его упоминание относится к 1513 г., когда он был одним из воевод, направленных из Великих Лук к Полоцку. «На Луках» он нахо-

---

¹¹⁸ НПК. Т. 4. Ст. 93–95; НПК. Т. 5. Ст. 5, 14, 20. Владения возле села Веходня сохранились в линии новгородского помещика В. Шитого и И. М. Тушиных (*Веселовский С. Б. Исследования...* С. 279–280).

¹¹⁹ РК. С. 75; *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных. С. 155–156; ПСРЛ. М., 2009. Т. 29. С. 25; *Чумиков А. А.* Акты Ревельского городского архива 1450–1610 гг. // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 4. С. 16; ТКДТ. С. 91.

¹²⁰ *Веселовский С. Б. Исследования...* С. 458–459. В Дворовой тетради Овцины были записаны по Коломне.

¹²¹ ВОИДР. Кн. 11. С. 44, 84, 87–90, 268–273, 446–447; НПК. Т. 5. Ст. 51, 54, 60, 230–231; НПК. Т. 4. Ст. 368–369; ПКНЗ. Т. 6. С. 8–9.

дился с полками в 1514, 1515 и 1517 гг. В 1519 г. он участвовал в походе в «Литовскую землю». В 1521 г. он был одним из воевод у Торопца. Его сын Иван в 1550 г. был включен в число тысячников Шелонской пятины¹²².

Хвостовы

Потомки тысяцкого середины XIV в. Алексея Петровича Хвоста «потерялись» после Феодальной войны. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась на старших ветвях.

Наиболее успешной ветвью Хвостовых были **Отяевы**. Федор Дудка, служивший Михаилу Верейскому и Ивану Можайскому, на великокняжеской службе был наместником трети московской. Его сын Иван Ерш был постельничим Ивана III¹²³.

В Деревской пятине довольно крупное поместье (49 беж) принадлежало Семену Федорову Отяеву и его сыновьям. Скорее всего, он получил его во второй половине 80-х гг. В 1543 г. Семен Семенов Отяев был одним из наместников в Себеже. Его родственник Федор Зубатый был среди псковских «дворовых» в Тысячной книге¹²⁴.

Семен Иванов **Белкин**, сын постельничего, попал в литовский плен, «на Луках же пойман». Его сын Петр: «быль на поместье въ Новгороде». Позднее он, вероятно, оставил поместье и, судя по частной родословной был наместником трети московской. Другие его сыновья в середине XVI в. служили по Боровску¹²⁵.

Поместье Александра Федорова **Шафрова** располагалось в Водской и Шелонской пятинах и могло быть образовано во второй половине 80-х гг. XV в. Всего к началу XVI в. ему принадлежало не менее 46,5 беж, часть из которых могли быть «придачами» более позднего времени. Его сын Михаил в 1517 г. был приставом у имперского посольства, а племянник Никита Андреев в 1543 г. был воеводой на Себеже¹²⁶.

В конце 1530-х гг. помещиками в Бежецкой пятине были сыновья Александра Тимофеева **Пыжова**. Он, скорее всего, обосновался здесь после 1505 г., когда прежние владельцы – братья Нелединские вернулись в Бежецкий уезд на службу к Семену Калужскому. Это поместье

¹²² РК. С. 140, 148, 149, 153, 155, 161, 167, 169, 181; ТКДТ. С. 91.

¹²³ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 244–246. По родословным данным Иван Белка Отяев ездил с посольством в Рязань.

¹²⁴ НПК. Т. 1. Ст. 443–451; Сб. РИО. Т. 59. С. 235; ТКДТ. С. 99.

¹²⁵ *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных. С. 156; Родословная. Ч. 2. С. 262; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. М., 2015. Т. 2. С. 178; ТКДТ. С. 173.

¹²⁶ НПК. Т. 3. Ст. 175–177; НПК. Т. 4. Ст. 64; НПК. Т. 5. Ст. 5, 27, 29; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Ст. 194; Сб. РИО. Т. 59. С. 243, 245.

насчитывало порядка 60 беж, что подтверждает его высокий статус. В середине века Пыжовы-Отяевы были отмечены по дворовому списку¹²⁷.

Среди собственно **Хвостовых** все сыновья Елизара Алексеева к началу XVI в. оказались на новгородских поместьях. Алексею и Ивану Шипению принадлежало совместное неразделенное поместье в 60 беж. Соседними участками земли владели Иван Долгой и Иван Ушак. Вероятно все братья Хвостовы были переселены сюда где-то во второй половине 1490-х гг. В Тысячной книге и в отрывках псковской десятины 1556 г. Хвостовы были записаны как городовые дети боярские¹²⁸.

В Водской пятине вскользь упоминаются поместья еще одной семьи Хвостовых, которая, вероятно, происходила из рода кашинских вотчинников¹²⁹.

Волынские

Некоторые потомки знаменитого воеводы Дмитрия Донского, несмотря на участие в Феодалной войне на стороне сыновей Юрия Звенигородского, в конце XV в. претендовали на попадание в Боярскую Думу. Более скромное положение занимали остальные представители этого рода, опустившись до уровня рядовых детей боярских¹³⁰.

Иван Михайлович Волынский на протяжении последнего десятилетия XV в. исполнял обязанности новгородского дворецкого. Ему были отданы в поместья крупные массивы земель в Водской и Шелонской пятинах – не менее 105 беж, которые пошли в раздачу в первые годы XVI в., не доставшись его сыновьям¹³¹.

Савелий и Василий Игнатьев Волынские не оставили следов своей деятельности. Оба брата довольствовались средними по размерам поместьями. Несколько большими были поместья их дяди Владимира Семенова и его сына Семена¹³².

Четверо **Полуктовых-Волынских** были испомещены в Деревской пятине. Поместье каждого из них отличалось весьма скромными

---

¹²⁷ НПК. Т. 6. Ст. 340–350.

¹²⁸ НПК. Т. 3. Ст. 501–507, 601; ВОИДР. Кн. 11. С. 448–459; ТКДТ. С. 100; *Кротов Я.* Указ. соч. Бухара Хвостов был взят «в двор». («Под именем его написано в двор»). *Бенцианов М. М.* Новгородские источники... С. 38.

¹²⁹ НПК. Т. 3. Ст. 690; АСЭИ. Т. 3. № 138. С. 164.

¹³⁰ Акинф Волынский возглавлял в 1536 г. двор Дмитрия Шемяки, после «поимания» которого перешел к Василию Косому. *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. Т. 1. С. 135.

¹³¹ В 1495 г. упоминается дворецкий Новгорода В. М. Волынский. Это, скорее всего, тот же И. М. Волынский. ВОИДР. Кн. 11. С. 11–15, 60–61; НПК. Т. 4. Ст. 9; НПК. Т. 5. Ст. 33.

¹³² НПК. Т. 1. Ст. 255–257. Ст. 285–291; ВОИДР. Кн. 11. С. 76–78. С. В. Волынский промелькнул в 1507 г. на докладе полной грамоты.

размерами, не дотягивая до «дворового» уровня. Федору Иванову Во-лынскому принадлежало всего 20 беж. Андрей Никитин Во-лынский попал в литовский плен в 1514 г. в сражении у Орши. Один из его сы-новей Федор Попадья в Дворовой тетради был записан по Ржеве рядом с родственниками Вороными-Во-лынскими, которые, видимо, взяли его под опеку. Уже в начале XVI в. поместье было пожаловано Якову Ва-сильеву Во-лынскому¹³³.

Такое же скромное поместье принадлежало в Бежецкой пятине Микуле Селиванову Во-лынскому и его сыну¹³⁴.

Во-лынские в конце XV в. котировались весьма невысоко, и не су-мели поправить свое положения, перейдя на новгородскую службу.

Монастыревы

Монастыревы владели крупными родовыми вотчинами на терри-тории Белозерского уезда. Еще до перехода Белозерья под власть Мо-сквы представители этого рода вошли в состав великокняжеского бояр-ства. Д. А. Монастырев был воеводой Дмитрия Донского в сражении на Воже. На протяжении нескольких поколений они занимали ключевые посты в управлении Белозерья. Боярином и белозерским наместником Михаила Верейского был Г. И. Монастырев. Боярином был также А. Д. Монастырев.

Другие Монастыревы в последней четверти XV в. также были за-действованы на службе в верейско-белозерском уделе, в качестве долж-ностных лиц разного уровня. Менее успешно сложилась судьба Мона-стыревых после ликвидации верейского удела. На «государевой служ-бе» успехи для них пришли только в XVI в. и были связаны с про-никновением в дьяческую среду¹³⁵.

Василий **Безнос Монастырев** служил нескольким удельным князьям – Михаилу Верейскому, Андрею Вологодскому и великой кня-гине Марии Ярославовне и «не стало его в боярех». Его сын Тимофей получил поместье в Бежецкой пятине. Позднее земли Т. В. Безносова перешли к другому выходцу из Белозерья М. А. Ергольскому. В сере-дине XVI в. А. В. Безносов (Безсонов) служил по Бежецкому Верху. Ве-роятно после смерти Ивана III его предки перешли на службу к Семену Калужскому¹³⁶.

Иван Ципля во второй половине 1470-х гг. был волостелем Ми-хаила Верейского. Впоследствии он стал дьяком при верейском дворе,

---

¹³³ НПК. Т. 1. Ст. 120–124, 285–291; НПК. Т. 2. Ст. 351–356; Антонов А. В., Крам М. М. Списки русских пленных. С. 154; ТКДТ. С. 179; ПКНЗ. Т. 4. С. 383.

¹³⁴ ПКНЗ. Т. 1. С. 230.

¹³⁵ Веселовский С. Б. Исследования... С. 376–377, 391.

¹³⁶ ПКНЗ; ТКДТ. С. 81.

открыв, перед своими потомками и родственниками возможности карьерного роста в приказной среде¹³⁷.

В самом конце 1490-х гг. его сыновья Семен и Елизар получили поместья в Водской пятине. Большая часть их поместий была сформирована из конфискованных церковных земель. Оба брата получили примерно равные надель. С. И. Циплятеву досталось по «новому» письму 41 обжа, а Елизару – 40,5 обеж¹³⁸.

Е. И. Циплятев уже в 1506 г. засветился на придворной службе. В этом году он был приставом в Москве на приеме литовского посольства, а затем исполнял обязанности великокняжеского дьяка. К этому времени Е. И. Циплятев, очевидно, оставил поместье, чему способствовало сохранение им родовых вотчин¹³⁹. С. И. Циплятев остался на новгородской службе. Его сын Григорий в 1550 г. был среди дворовых детей боярских, взятых в число тысячников. Циплятевы числились также среди дворовых в алфавите десяти 1556 г.¹⁴⁰

В писцовой книге Бежецкой пятины 1538/39 г. упоминается **Иван Романов Ян (Ен) Мусоргский**: «держал ту слободку по Васильеву писму Наумову» из младшей ветви Монастыревых. Судя по пожалованию ему слободки, это поместье было сформировано достаточно поздно. Позднее Мусоргские служили по дворовому списку¹⁴¹.

Фоминские

Родословная роспись Фоминских содержит существенные лакуны. Выпущенными в ней оказались многие лица и целые линии, связь которых с возможными родственниками устанавливается гипотетически. Некоторые представители **Ржевских**, потомков князей Фоминских, в конце XV в. служили в составе Государева двора¹⁴². В Водской пятине известны были Борис Федоров («Пристанищев брат») и Иван Григорьев Ржевские, получивших поместья в первые годы XVI в. В Деревской пятине поместьем владел Василий Степанов Ржевский. Позднее здесь же

---

¹³⁷ АСЭИ. Т. 2. № 230. С. 252; *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие. С. 243–248.

¹³⁸ НПК. Т. 3. Ст. 45–48, 73–75, 90–91; С. И. Циплятев упоминался на суде в Белозерском уезде в 1493 г. и, очевидно, еще не был связан с Новгородской землей.

¹³⁹ Сб. РИО. Т. 35. С. 480; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М.; Л., 1951. С. 172, 174.

¹⁴⁰ ТКДТ. С. 85; *Кротов Я.* Указ. соч.; Н. Неудачин Циплятев позднее стал дворецким у архиепископа Пимена. Архиепископской кафедре служил, видимо, также Г. С. Циплятев. (*Кистерев С. Н.* Частный случай родового выкупа в середине XVI века // РД. Вып. 3. С. 78).

¹⁴¹ НПК. Т. 6. Ст. 464–466; ТКДТ. С. 92. В 1517 г. Ян Мусоргский во время осады Опочки попал в литовский плен.

¹⁴² Помимо М. М. Ржевского – сына боярского в свите великой княжны Елены, кормленщиком в Покровской волости в начале 1490-х гг. был неизвестный родословцам Т. Ржевский (АСЭИ. Т. 3. № 183. С. 197).

известно поместье Ивана Дмитриева Ржевского¹⁴³. Все Ржевские получили небольшие поместья в 25–30 обож, что говорит об их не слишком высоком статусе.

Интересная помета сохранилась при описании поместья **Осипа Скрябина-Травина**: «у Шаблыки взято, а отдано Осифу Скрябину Травина и Скрябин сын постригся». По созвучию фамилии его принимали за одного из «послужильцев» И. И. Салтыка Травина. А. А. Зимин видел в нем брата Щавея Скрябина, казненного в 1497 г. после заговора Владимира Гусева. В родословных росписях он отсутствует. Всего О. Скрябину досталась 21 обжа, уровень рядового сына боярского¹⁴⁴.

Осинины

Осинины выводили свое происхождение от князей Галицких, согнанных Дмитрием Донским со своих «княжений» и потерявших княжеский титул. Борис и Федор Галицкие были боярами Дмитрия Шемьяки, а последний в 1447 г. наместничал в Москве. По итогам Феодальной войны Галицкие утратили позиции в среде московского боярства¹⁴⁵.

В Бежецкой пятине Ивану и Борису Третьяку Осининым досталось внушительное поместье размером в 114 обож. Новгородским помещиком, видимо, был также их брат Григорий, который в 1501 г. он был в «товарищах» у воеводы князя И. Темки Ростовского. Все сыновья С. Б. Осинины Галицкого, таким образом, были связаны с Новгородом¹⁴⁶.

Осинины заняли в составе новгородской корпорации заметные места. Преуспел по службе Иван Борисов Ляпун. В 1527 г. он был отправлен с посольством к «цесарю». В 1538–1539 гг. отметился среди «голов» в полках на Коломне из числа знатных новгородцев. Закончил свою карьеру Ляпун Осинин на «владычной» службе, будучи боярином у архиепископа Пимена. Выписки из десятины 1556 г., показывают, что Осинины находились среди дворовых детей боярских¹⁴⁷.

Порховские

Ранние страницы истории Порховских, потомков смоленских князей, детально рассмотрены С. Б. Веселовским и А. В. Кузьминым. Уже в первой трети XV в. эта фамилия, представители которой встречались на

---

¹⁴³ НПК. Т. 3. Ст. 112–113, 30–32, 34–35; НПК. Т. 2. Ст. 255–263; ПКНЗ. Т. 5. С. 112, 115.

¹⁴⁴ НПК. Т. 3. Ст. 812; *Зимин А. А.* Формирование... С. 232.

¹⁴⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 418–420.

¹⁴⁶ ПКНЗ. Т. 1. С. 228; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. С. 575.

¹⁴⁷ РК. С. 200, 273, 276; *Бенцианов М. М.* Дети боярские. С. 269–271; Родословная книга. Ч. 2. С. 36, 232; *Кротов Я.* Указ. соч.

московской и на литовской службе, распалась на несколько ветвей, некоторые из них, видимо, котировались весьма высоко¹⁴⁸.

В начале XVI в. поместье в Водской пятине было пожаловано Семену Юрьеву Порховскому и трем его сыновьям. Это поместье, составленное из разрозненных частей, насчитывало не менее 146,5 обож. В дальнейшем, в 1508/09 г. он фигурировал в разрядах в качестве одного из новгородских воевод. Сохранилось глухое упоминание о местническом споре 1514 г. между Темиром и Мятлем Порховскими и И. С. Пупком Колычевым «в Оршинское дело на Друцких полях». Вероятно это – сыновья С. Ю. Порховского¹⁴⁹. В последующие десятилетия Порховские, утратив владения в Водской пятине, заметно сдали свои позиции и опустились до уровня рядовых помещиков.

Станицевы

Род боярина Филиппа начала XIV в. распался на несколько фамилий, некоторые из которых находились в боярской среде еще в середине XV в. Боярином на службе у Василия Серпуховского был Зиновий Алексеевич Станицев. Его сыновья в конце века занимали прочные позиции в Государевом дворе. Брат З. А. Станицева Лазарь стал основателем Лазаревых. Младшей ветвью этого рода были Кучецкие¹⁵⁰.

В конце XV в. **Лазаревы** отметились в нескольких ответственных поручениях. Дмитрий Лазарев в 1474 г. ездил в Большую Орду. Он же получил от великого князя жалованную грамоту на владения в Юрьевском уезде¹⁵¹. Его племянники Андрей и Григорий Даниловы получили небольшие смежные поместья в Шелонской пятине, которые позднее были увеличены за счет новых пожалований. Позднее поместья были пожалованы также Петру и Ивану Даниловым Лазаревым. Поместье И. Д. Лазарева было типично для «дворовых» невысокого уровня. Владения Лазаревых были разделены между наследниками, а сами они опустились до уровня рядовых детей боярских¹⁵².

Кучецкие владели крупными вотчинами в Юрьевском уезде. Наиболее примечательны в конце XV в. были Афанасий и Федор Михай-

---

¹⁴⁸ Веселовский С. Б. Исследования... С. 372–373; Кузьмин А. В. На пути в Москву. Т. 1. С. 151–172.

¹⁴⁹ НПК. Т. 3. Ст. 423–428, 579–580, 605–611, 645–647, 681–686; Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 55, 67, 81, 106. Кузьмин А. В. На пути в Москву. Т. 1. С. 166.

¹⁵⁰ Веселовский С. Б. Исследования... С. 424–425; Чернов С. З. Три семьи радо-нежских бояр // Российское государство в XIV–XVII вв. М., 2012. С. 657–666.

¹⁵¹ Веселовский С. Б. Исследования... С. 426; АСЗ. Т. 1. № 137. С. 107, № 140. С. 109. Позднее его внук А. М. Лазарев получил в кормление волости в Старицком уезде.

¹⁵² НПК. Т. 5. Ст. 65, 68; ПКНЗ. Т. 6. С. 56; НПК. Т. 4. Ст. 292.

ловы, дети боярские «с постелею» в новгородском походе «миром» 1495 г. Позднее Ф. М. Кучецкий стал постельничим великого князя¹⁵³.

Новгородскими помещиками стали потомки Ивана Шило. Их появление в Новгороде происходило в разное время. В судебном разбирательстве 1499 г. в Юрьевском уезде объяснялось отсутствие среди участников процесса Ивана Кривого: «брата своего сказали в Новгороде в Великом на поместьи». Очевидно, что он перебрался туда незадолго до суда. Через несколько лет поместье в Водской пятине получил Константин Кучецкий. В судебном разбирательстве не фигурирует Михаил – старший из братьев Ивановых Кучецких, который, скорее всего, к этому времени давно был помещиком. Его поместье в Деревской пятине, в котором он жил с тремя своими младшими детьми, насчитывало 62 обжи. Отдельные поместья (30 и 29 обиж) с одним прежним владельцем принадлежали его старшим сыновьям Ивану и Михаилу¹⁵⁴.

В Водской пятине К. И. Кучецкий получил поместье вместе с судальцем И. С. Шишоловым. Всего ему досталось 12,5 обиж, уровень, свойственный для рядовых детей боярских¹⁵⁵. В служебном отношении Кучецкие как-то быстро растеряли свои позиции и опустились до уровня рядовых детей боярских.

Первые упоминания о **Калитеевских** отражают новгородский отрезок их истории. Помещиками Бежецкой пятины были Дмитрий и Михаил Афанасьевы. На двоих им принадлежало 36,5 обиж, которые, видимо, были унаследованы от отца. Они были здесь не единственными представителями своей фамилии. В первые годы XVI в. поместье было передано Федору Калитеевскому (после князя Д. А. Пенко). После присоединения Пскова часть Калитеевских перебралась сюда на службу. В этой корпорации все они числились городовыми детьми боярскими, и в этом качестве были представлены среди тысячников. Вполне вероятно, что этот статус распространялся на других членов фамилии¹⁵⁶.

Беклемишевы и Княжнины

Беклемишевы и Княжнины были ветвями боярского рода, известного со второй половины XIV в. Наиболее заметной фигурой среди Беклемишевых последней четверти XV в. был Никита Васильевич, который был задействован в «татарских» делах. При Государевом дворе служили и его сыновья, в том числе, хорошо известный Иван Берсень.

---

¹⁵³ РК. С. 47. А. М. Кучецкий известен также как гонец в 1492 г.

¹⁵⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 157. С. 138; ВОИДР. Кн. 11. С. 123–131; АСЭИ. Т. 1. № 615. С. 527–529; НПК. Т. 1. Ст. 337–340, 353–358, 582–587.

¹⁵⁵ ВОИДР. Кн. 11. С. 123; РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 415об. – 419.

¹⁵⁶ ПКНЗ. Т. 1. С. 221; НПК. Т. 6. Ст. 325; ТКДТ. С. 100. Иван Калитеевский в 1519 г. был гонцом из Пскова.

С. В. Беклемишев, наместник Малого Ярославца, в 1472 г. был воеводой в Алексине и возглавлял набег на Любутск¹⁵⁷.

В Новгородской земле поместья получили сразу несколько Беклемишевых. Среднее по размерам компактное поместье в 40 беж принадлежало в Водской пятине Никите Михайлову (Михину) Беклемишеву. Он вместе со своими родственниками в 1495 г. находился в свите Ивана III и, видимо, в это время еще не был тесно связан с новгородской службой¹⁵⁸.

Помещиками Шелонской пятины были Федор Александров и Василий Владимиров Сабля Головин Беклемишевы. Оба они распоряжались небольшими поместьями. В. Сабля фигурировал также среди помещиков соседней Деревской пятины. Пожалование земель на смежных территориях разных пятин говорит о его раннем появлении в Новгороде, что подтверждается и размерами поместья (порядка 50 беж)¹⁵⁹.

Другими помещиками Деревской пятины были братья Петр и Афанасий Григорьевы Беклемишевы. Им принадлежало совместное поместье, доставшееся, видимо, еще от отца. Его размер составлял всего 47 беж и был недостаточен чтобы обеспечить службу двух взрослых дворовых детей боярских¹⁶⁰.

По «дворовому» списку в конце XV в. служили **Княжныны (Афанасьевы)**. Василий Захаров Афанасьев появился в Водской пятине в первые годы XVI в. Размеры его поместья соответствовали нормам дворовых детей боярских¹⁶¹.

Меликовы

Одним из воевод Дмитрия Донского на Куликовом поле был Семен Мелик, занимавший видное положение при великокняжеском дворе. Менее заметны были его потомки. Семен Меликов был кормленщиком в Богаевской волости при Василии III¹⁶².

Все сыновья Федора Меликова: Сайка, Мурза и Александр известны как новгородские помещики. Сайке в Шелонской пятине при-

---

¹⁵⁷ Веселовский С. Б. Исследования... С. 167, 455, 474. Позднее был наместником в Старой Руссе.

¹⁵⁸ НПК. Т. 3. Ст. 507–511; РК. С. 46.

¹⁵⁹ НПК. Т. 4. Ст. 61–63; НПК. Т. 5. Ст. 5, 46, 49, 51, 230; НПК. Т. 2. Ст. 594–597. В выписке из писцовой книги В. В. Сабля ошибочно назван Кольчевым.

¹⁶⁰ НПК. Т. 2. Ст. 510–516.

¹⁶¹ Т. М. Афанасьев присутствовал в 1500 г. на свадьбе великой княжны Феодосии с князем В. Д. Холмским. Большое число Княжнинных было отмечено позднее в Дворовой тетради. НПК. Т. 3. Ст. 105–110.

¹⁶² С. Мелик был женат на дочери Д. А. Монастырева. АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 302. С. 246. По родословным данным М. И. Меликов, дядя Сайки, Александра и Мурзы был сокольничим. Меликовы служили по Москве и Дмитрову

надлежало 36 обож, что косвенно говорит о принадлежности к «дворовым». В Деревской пятине уже после проведения переписи поместья получили его братья. Общая сумма их поместий составляла 70 обож¹⁶³.

Другая ветвь Меликовых была помещиками Бежецкой пятины. В писцовой книге конца 1530-х гг. были описаны три поместья – Истома и Шарапа Васильевых, а также шестерых сыновей Ивана Васильева Меликовых. Обращает внимание кратность этих поместий: 25, 25 и 20 обож, созданных в рамках сложившейся окладной системы, ниже уровня типичного для дворовых детей боярских. В Тысячной книге Ф. А. Меликов был отмечен по торопецкому «дворовому» списку¹⁶⁴.

Софроновские

Софроновские были ветвью Мининых, известных с первой трети XIV в. В первой трети XVI в. ловчим Василия III был их родственник Д. Г. Проесть¹⁶⁵. Не исключено, что поместья Софроновские получили в обмен на земли в Коломенском уезде. Село Софроновское позднее числилось как поместное, а представители этой фамилии не были известны за пределами Новгорода. Поместье в Бежецкой пятине принадлежало Андрею Михайлову Софроновскому и его сыновьям. Это поместье, видимо, было образовано в последние годы XV в. Новгородским помещиком был также его брат Федор, получивший поместье князя В. И. Волоха Пужбольского. Представители этой фамилии в середине XVI в. находились среди дворовых¹⁶⁶.

Нащокины

Нащокины были выходцами из тверского боярства, перешедшими на службу к московским князьям, в начале XV в. В 1445 г. в сражении на Суходреве в литовский плен попал Филипп Нащокин, дворецкий Михаила Верейского. Не занимая выдающегося положения, этот род к концу XV в., был на хорошем счету¹⁶⁷. В Водской пятине поместье в 1490-е гг. досталось Федору Филиппову и его сыновьям. Его имя «с меньшими детми» было приписано к тексту писцовой книги. Размер от-

---

¹⁶³ НПК. Т. 5. Ст. 51, 228–230; ПKNЗ. Т. 4. С. 390, 459, 482. Мурзе Меликову достались земли князя В. Д. Холмского. Это пожалование могло состояться после 1501 г.

¹⁶⁴ НПК. Т. 6. Ст. 165–171; ТКДТ.

¹⁶⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 237–240. В Дворовой тетради Минины были записаны по Коломне.

¹⁶⁶ ПKNЗ. Т. 1. С. 235; НПК. Т. 6. Ст. 72–79; ТКДТ. С. 94.

¹⁶⁷ *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. Т. 1. С. 305–312. Сын Филиппа Алферий в 1480 г. был наместником трети московской. В 1495 г. он входил в состав свиты великой княжны Елены, а в 1500 г. был в наряде на свадьбе князя В. Д. Холмского. В 1506 г. А. Ф. Нащокин был воеводой в казанском походе. АСЭИ. Т. 3. № 417. С. 425; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; *Сахаров И. П.* Сказания... С. 37; РК. Ч. 1. С. 88.

дельного поместья Федора Федорова составлял «кратное» число – 40 обож, а позднее, видимо, увеличился за счет участков, конфискованных у монастырей¹⁶⁸.

В Шелонской пятине Нащокиным принадлежали очень крупные поместья. Ивану Андрееву и его брату Даниле Ветреному с сыном Степаном по «новому» письму принадлежало по 85 обож. Еще 65 обож составляли поместье Булгака Андреева. Поместья братьев были, вероятно, созданы в 90-е гг. XV в.¹⁶⁹

Шестеро Нащокиных в Тысячной книге числились среди дворовых детей боярских. Среди них были представители обеих новгородских ветвей фамилии¹⁷⁰.

Сназины

Помещики Шелонской пятины Иван и Григорий Даниловы Микулины происходили из тверского боярского рода. Тверские вотчины Сназины сохраняли еще в середине XVI в. Согласно тверской дозорной книге вотчинник Федор Григорьев Сназин «служит царю и великому князю из Новагорода из Великого»¹⁷¹. Его вотчина существенно уступала новгородскому поместью.

Каждый из братьев Микулиных Сназиных владел довольно крупным поместьем. И. Д. Микулину принадлежало 59 обож. По «новому» письму Г. Д. Микулину принадлежало 40,5 обож¹⁷². На двоих братья получили (или должны были получить) порядка 100 обож.

Ф. Г. Сназин в 1540 г. был одним из новгородских голов в полках и участвовал в местническом споре с Т. Заболоцким. В Тысячной книге среди дворовых он был записан с двоюродным племянником Василием Ивановым Сназиным¹⁷³.

---

¹⁶⁸ НПК. Т. 3. Ст. 157–162, 714–718, 848–850; ВОИДР. Кн. 11. С. 432. Еще в 1493 г. Федор Федоров Нащокин покупал для отца холопов в трети московской. РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 50–50 об.

¹⁶⁹ НПК. Т. 4. Ст. 99–102; НПК. Т. 5. Ст. 8, 10–12, 14, 15, 18, 20, 94. В духовной грамоте П. М. Плещеева упоминаются земли в Верейском уезде, приобретенные у Данилы Малого Андреева Нащокина. АСЭИ. Т. 2. № 408. С. 427; АРГ. № 59. С. 63. В 1494 г. И. А. Нащокин был послухом в Московском уезде и, вероятно, еще не был связан с новгородской службой. Данила Нащокин (Ветренный или его брат) участвовал в 1502 г. в сражении с ливонцами (ПСРЛ. Т. 8. С. 242).

¹⁷⁰ ТКДТ. С. 85, 91–92; И. С. Ветреного Нащокин в 1542 г. был отправлен в Пронск «с вестью» от воевод. (ПСРЛ. Т. 12. С. 438).

¹⁷¹ ПМТУ. С. 145.

¹⁷² НПК. Т. 4. Ст. 107–112, Т. 5. Ст. 21, 56, 59. За Ф. Г. Сназиным по числилось позднее 41,5 обжи (НПК. Т. 4. Ст. 268–270. В итоговом описании ошибка – 42 обжи): «переходит за ним и з придачею в пустых обжах пол-2 обжи» (Бенцианов М. М. Формирование поместной системы. С. 48).

¹⁷³ РК. С. 288. Иван Иванов Сназин погиб в 1527 г. в походе на Свяягу. ТКДТ. С. 90, 91. Возможно был наместником на Вороначе в 1534 г. (Радз. № 46. С. 115).

Общий обзор появления представителей боярских родов в Новгородской земле показывает, что до определенного времени процесс их испомещения имел стихийный характер, что приводило к существенному разнообразию размеров поместий. Становление окладной системы в 1490-е гг., наделение помещиков «правильными» окладами, привязанными к десятичному делению, совпало с привлечением к новгородской службе на рубеже веков большого числа выходцев из «дворовых» фамилий. Одновременно из числа местных помещиков выбыл ряд лиц, связанных прямо или косвенно с выполнением различных административных поручений (Я. и Ю. З. Кошкины, М. К. Беззубцев, А. Ф. Челядин, И. А. Лобан Колычев, Д. В. Ховрин, М. Я. Русалка, И. М. Волынский) поместья которых не были унаследованы их потомками. «Оставили» новгородские земли близкие к великому князю братья П. Лобан и К. Г. Заболоцкие и, видимо, Т. П. Замыцкий.

Новгородская корпорация за счет этого приобрела более функциональный, но менее представительный вид. В состав сформированной элиты, выделявшейся среди других помещиков, по размерам поместий и получавшей разрядные назначения вошли Колычевы и Лошаковы-Колычевы, Бутурлины, И. А. Мисинев, Годуновы, Заболоцкие (ветви Черленых и Горбатовых), Квашнины, Овцыны-Володимеровы, Порховские, возможно, также Замыцкие некоторые из Пушкиных, Вислоуховы-Сабуровы, Тушины, Отяевы и Сназины.

Некоторые из них сумели поправить свое положение за счет новгородской службы, обеспечив в будущем для потомков необходимые местнические прецеденты (Квашнины, Овцыны-Володимеровы).

Процесс ухода представителей московской аристократии с новгородских поместий значительно усилился после смерти Ивана III. Причинами его были, видимо, удаленность Новгорода от придворной жизни и связанного с ней карьерного роста, а также особенности обязательной службы, обременительной для некоторых представителей знати, распорядившихся крупными наследственными вотчинами в центре страны. По отрывочным данным писцовых книг выясняется, что среди них были И. А. Черный Колычев, сыновья В. И. Пупкова, М. А. Торх и Г. А. Мешок Плещеевы, Г. И. Константинов (Жеребцов), С. А. Аксаков, А. А. Мисинев, П. С. Белкин, Т. И. Безносков, Е. И. Цыплятев, И. А. Рудного-Картмазов¹⁷⁴. В изменившихся условиях конца 1530-х – 1550 гг., при недостатке земли для несения службы использовалась несколько иная тактика: часть сыновей отправлялась в центральные уезды, остальные получали отцовские поместья в Новгороде. Такая линия пове-

---

¹⁷⁴ Бенцианов М. М. Новгородские источники... С. 41–42, 45–47.

дения была характерна для Т. И. Заболоцкого, И. И. Аксакова, А. В. и И. В. Квашниных.

Некоторые именитые боярские фамилии пресеклись, другие, раздробив пожалованные им когда-то крупные массивы в семейных разделах, опустились до уровня рядовых детей боярских.

В результате, складывалась парадоксальная ситуация: личный состав новгородской корпорации после широкомасштабных поместных раздач рубежа XV–XVI столетий практически не пополнялся новыми лицами, в то время как наиболее значимые ее представители переходили на службу в «московские города». В значительной степени эта ситуация была спровоцирована пассивной ролью центрального правительства, не предпринимавшего должных мер для сохранения созданного им в начале круга лиц, которые должны были находиться во главе новгородской корпорации. Проблема осложнялась тем, что после окончания «стародубской» войны Новгород на долгие годы оказался в стороне от театров военных действий. В конце 1530-х гг., было намечено осуществить более широкое привлечение новгородцев к поручениям общегосударственного масштаба. Новгородские головы присутствовали в полках на Коломне. В это же время были составлены списки «выбора», получившие отражение в новгородской части Тысячной книги. Эти мероприятия были реализованы, однако, только в 1550-е гг. По наблюдениям многих исследователей, проводимая в это время тысячная реформа привела к выдвижению большого числа новгородцев не слишком знатного происхождения. С началом Ливонской войны существенно выросла роль местной корпорации в целом. Процесс формирования новгородской элиты получил в эти годы дополнительный стимул, хотя объективные проблемы, по закреплению ее статуса, не были решены и вновь появились на повестке дня в последующие десятилетия XVI столетия.

Е. А. Ляховицкий, М. А. Шibaев

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ БУМАГИ
БОЛЬШОГО ФОРМАТА В СОФИЙСКОМ КОМПЛЕКТЕ
ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ¹**

Период архиепископства митрополита Макария (1526–1542 гг.) – особый период в истории и культуре Новгорода XVI в. С именем новгородского святителя связан один из самых грандиозных проектов в истории отечественной книжности по созданию трёх комплектов Великих Миней Четых (далее – ВМЧ). Софийский комплект ВМЧ был создан самым первым и сохранился неполностью: сентябрь – ОР РНБ, Софийское собр., № 1317 (далее – Соф. 1317); октябрь – ОР РНБ, Софийское собр. 1318 (далее – Соф. 1318), ноябрь – ОР РНБ, Софийское собр., № 1319 (далее – Соф. 1319); февраль – ОР РНБ, Софийское собр., № 1320 (далее – Соф. 1320); март – ОР ГИМ, Уваровское собр., № 201 (далее – Увар. 201); май – ОР РНБ, Софийское собр., № 1321 (далее – Соф. 1321); июнь – ОР РНБ, Софийское собр., № 1322 (далее – Соф. 1322); июль – ОР РНБ, Софийское собр., № 1323 (далее – Соф. 1323); август – РГАДА, собр. Оболенского, № 161 (далее – Обол. 161). Отсутствуют тома за январь, февраль и апрель. Время его создания традиционно датируется с 1529 по 1541 гг.² Верхняя граница зафиксирована датой вклада всего комплекта в Софийский собор, нижняя – на основании выходных записей в минеях уже Успенского комплекта о том, что Макарий 12 лет собирал материал «многим именем и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почастей»³. В настоящий момент данное представление, укоренившееся в историографии, может быть пересмотрено. Наши наблюдения над вкладными записями Софийского

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных № МК-4732.2016.6.

² См.: Дробленкова Н. Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 127; Макарий (Веретенников), архим. Жизнь и труды святителя Макария митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 88.

³ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в Описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. С. 174–175.

и Успенского комплектов свидетельствуют о том, что указание на 12 лет создания миней относится не к Софийскому, а к Успенскому комплекту ВМЧ⁴. Таким образом, достаточно уверенно мы можем говорить только о верхней границе работы, определяемой собственно датой вклада.

Если перспективы определения точных хронологических рамок работы над Софийским комплектом представляются достаточно туманными, то для решения более важной задачи – реконструкции последовательности этапов работы, существуют серьёзные основания в кодикологических особенностях кодексов Софийского комплекта. При этом реконструкция создания Софийского комплекта проливает свет на эволюцию первоначального замысла Макария. При кодикологическом исследовании томов Софийского комплекта обнаруживается, что в каждом из них содержится самый ранний пласт, своего рода реликт, который с большим основанием можно назвать «первоосновой» ВМЧ. Фрагменты «первоосновы» находятся во всех сохранившихся томах Софийского комплекта и представляют собой агиографические тексты четьего характера. Характер «первоосновы» свидетельствует о том, что первоначально Макарий предполагал создание только годового комплекта Миней-Четьих, без включения дополнительных материалов наподобие уже существовавшего на тот момент Волоколамского комплекта. Действительно, такая задача представлялась очень актуальной, поскольку даже в таком значительном книжном центре, как Новгород, не существовало в первые десятилетия XVI в. ни одного полноценного комплекта четьих миней, покрывающих все месяцы без лакун. Такая ситуация была типична и для крупных монастырских центров книгописания. В отличие от служебных миней, рукописи Миней-Четьих в монастырских собраниях вплоть до начала XVI в. были большой редкостью. Так, в Кирилло-Белозерском монастыре примерно почти одновременно с Софийским комплектом попытались создать свой комплект Миней-Четьих, названный «ветшаным», поскольку из-за ограниченности средств для реализации этого проекта пришлось расформировать старые сборники и из них в хронологическом порядке составить новые⁵. У Макария, несомненно, было гораздо больше возможностей для реализации своего замысла. Первоначально «первооснова» насчитывала не менее 2 тыс. листов (с учётом пропавших трёх томов и утрат в ходе ре-

---

⁴ Ляховицкий Е. А., Шibaев М. А. Заметки о хронологии и порядке работы над Софийским комплектом Великих Миней Четых // Источниковедение в современных исторических исследованиях: к юбилею Николая Георгиевича Роголина. Т. 24. СПб., 2015. С. 8–13.

⁵ Шibaев М. А. «Ветшаные» миней и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 480–496.

дактирования)⁶. Переписка «первоосновы» была поручена всего трём писцам. Наблюдения над текстами «первоосновы» показывает, что писцы использовали несколько источников минейного характера, сводя их в единый текст. С одной стороны, некоторые из статей переписаны как отдельные части (о чем говорят иногда обширные пробелы в конце статей), и даже порой изначально не имели в заглавии календарной привязки (она надписывалась позднее редактором). С другой стороны, в силу того, что первоначально не было установки переписывать каждую дневную статью отдельно, довольно часто дневные блоки шли один за другим без пробелов, когда они предположительно переписывались из одного источника. Именно для «первоосновы» была специально подобрана бумага большого «александрийского» формата, задавшая в дальнейшем формат всему комплекту ВМЧ.

Почти весь объём «первоосновы» переписан на бумаге с маркировочным знаком «Готическая литера А в щите». Данный знак имеет весьма широкую датировку по альбомам и электронным ресурсам: РО⁷, № 26659 и 26660 (1533 г.); Брике⁸, № 7910 (1544 г., 1540–1545 гг.) Эта же бумага была использована при написании Евангелия апостолов (РНБ, Софийское собр., № 11). Рукопись была написана при Макарии в 1534 г. и вложена в вологодскую Никольскую церковь иноком Никодимом и сыном его Игнатием со «сродниками». Также для «первоосновы» в очень небольшом количестве была использована бумага с маркировочным знаком «Кувшин 4» только в майском томе ВМЧ (РНБ, Софийское собр., № 1321). В справочниках параллели маркировочного знака «Кувшин 4» имеют ещё более широкую датировку: Брике, № 12490–12495 (1484–1549 гг.), РО, № 31191–31208, 31212–31215 (1488–1526 гг.). Нами установлено, что данная бумага была использована при написании Пролога 1532 г. (РНБ, Софийское собр., № 1327). Пролог, судя по выходной записи, был создан в Новгороде ключарем Никитою, бывшим священником Софийского собора, по велению самого архиепископа Макария. Таким образом, у нас есть основания относить начало работ над Софийским комплектом ВМЧ к первой половине 30-х гг. XVI в. При этом качество письма и бумаги, использованной при создании «первоосновы», наихудшее по сравнению со всеми частями ВМЧ. В связи с этим можно предположить, что минейный комплект «перво-

---

⁶ См. принятую нами номенклатуру видов бумаги Софийского комплекта ВМЧ и данные о суммарном объёме бумаги: *Ляховицкий Е. А.* Проблема интерпретации данных бумаги русских рукописей раннего Нового времени // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 5 (5). СПб., 2014. С. 49–60.

⁷ Здесь и далее даётся ссылка на электронный ресурс: www.piccard-online.de.

⁸ Здесь и далее в тексте даётся ссылка на альбом филиграней Брике: *Briquet Ch. M.* Les filigranes. Dictionnaire Historique des Marques du papier dès leur apparation vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907.

основы», по первоначальному замыслу Макария представлял собой своего рода черновик-заготовку для последующего тиражирования уже в более парадном виде. Однако спустя очень небольшой промежуток времени замысел святителя изменился, и к «первооснове» стали присоединять другие календарные тексты, что потребовало приступить к её редактированию. К этому были подключены и два писца из трёх, участвовавшие в создании «первоосновы»⁹.

В современном виде структура каждого тома Софийского комплекта ВМЧ представляется в следующем виде. Каждая дневная статья начинается с Пролога, затем следует текст «первоосновы» (если он есть), далее дополнения к «первооснове» – агиографические материалы и неагиографические тексты, подчас очень крупные, такие, как Златоуст, Диоптра, Дионисий Ареопагит и др. Заключают дневную статью чтения из Стишного пролога. Зачастую, такие вставки требовали удаления и последующего восполнения статей «первоосновы» в случае слитного написания ее статей за несколько дней. Как правило, эту редакторскую работу исполняли те же писцы, которые занимались перепиской Пролога.

Для того, чтобы детализировать данную общую картину, полезно предпринять попытку восстановления последовательности использования различных видов бумаг. Первостепенное значение для этого имеют относительно крупные статьи, для которых один писец использовал последовательно, или чересполосно, бумагу нескольких видов.

Среди бумаг, встречающихся в подобных статьях выделяются два вида бумаги «александрийского» формата – «Кувшин 2» и «Литера Р1». «Кувшин 2» имеет следующие параллели в справочниках: Брике, № 12862 (1521 г.), 12866 (1535 г.); Лихачев¹⁰, № 1611 (1535–1540 гг.). Водяные знаки для бумаги большого формата, подобные «Литере Р1», фиксируются в интервале 1503–1528 гг. (см. Брике, № 8538 (1503, 1508 гг.); № 8539 (1509, 1516 гг.); № 8541 (1516–1526, 1528 гг.)).

Мы всегда видим данные бумаги в начале крупных статей, перед другими видами бумаг. Так, на бумаге «Кувшин 2» начинается Дионисий Ареопагит в октябрьском томе, Симеон Новый Богослов в февральском томе, Синайский Патерик в июньском томе, Псалтырь толковая, вошедшая в состав августовского тома¹¹. На бумаге «Литера Р1» была

---

⁹ О писцах Софийского комплекта ВМЧ см.: *Ляховицкий Е. А., Шибанов М. А.* Писцы Макариевских Миней Четых // История и Культура. СПб., 2015. Вып. 13 (13). С. 301–323.

¹⁰ Здесь и далее в тексте даётся ссылка на работу Н.П. Лихачева: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. I–III. СПб., 1899.

¹¹ Соф. 1318: Л. 174–105 (Л. 74–77, 106–107 без водяных знаков); Соф. 1320: Л. 90–136; Соф. 1322: Л. 250–303; Обол. 161: Л. 193–231.

начата группа статей в сентябрьском томе¹². На бумагах «Литера P1» и «Кувшин 2» переписана большая часть Лествицы в мартовском томе, начало 1-й и 2-й книг Царств в августовском томе¹³. На одновременное бытование этих бумаг указывают примеры их чересполосного использования в Маргарите в сентябрьском томе, Книги аввы Дорорея в июньском томе, Словах Афанасия Александрийского на Арианы и о празднике Пасхи в мартовском томе¹⁴.

Там где бумаги «Литера P1» и «Кувшин 2» сочетаются с другими видами бумаг, их непосредственно сменяют два вида – бумага «александрийского» формата «Литера С» и обычного формата – «Рука 3». В имеющихся справочниках водяные знаки, подобные знаку «Литера С» зафиксированы со следующими хронологическими показаниями: Брике, № 8112 (1508, 1511, 1522, 1535 гг.); № 8113 (1508 г.). «Рука 3» находит следующие параллели в справочниках: РО, № 155634 (1526 г.); № 155259 (1534 г.); Лихачев, № 1725 (1547 г.); № 1603 (1535 г.); № 1604 (1535 г.).

«Литера С» сменяет «Кувшин 2» в статьях Дионисий Ареопagit, Симеон новый Богослов, «Литеру P1» и «Кувшин 2» в Лествице¹⁵. «Рука 3» сменяет «Кувшин 2» в Псалтыри Толковой, «Литеру P1» в группе статей в Соф. 1317. В Синайском Патерике «Рука 3» сменяет «Кувшин 2» не непосредственно, а через относительно небольшой массив бумаг «Тиара 1» и «Рука б», встречающихся только в данной статье¹⁶.

Вообще, в статьях Пролога бумаги «Рука 3» и «Литера С» представлены весьма широко: на «Литере С», помимо августовского тома, выполнены и статьи для июньского (кроме 1-го, 3-го, 4-го, 7-го дней) и июльского (кроме 1-го, 27-го – 30-го дней) томов. На «Руке 3» исполнены проложные статьи сентябрьского и октябрьского тома (кроме последних чисел с 28-го дня), статьи майского тома за 6-й – 11-й дни, статьи за 27-й – 30-й дни в июльском томе, статья за 6-й день в мартовском томе¹⁷. Бумаги «Кувшин 2» и «Литера P1» представлены в статьях Пролога существенно меньше: на первой написаны статьи за 22-й – 26-й дни в октябрьском томе, статьи за 16-й – 18-й, 20-й – 22-й, 24-й – 27-й,

---

¹² Соф. 1317: Л. 15–29 (Л. 14 – без водяных знаков).

¹³ Увар. 201: Л. 500–547 (л. 548 – без водяных знаков); Обол. 161.: Л. 166–171 (на Л. 172–175 – нет водяных знаков).

¹⁴ Соф. 1317: Л. 184–256; Соф. 1322: Л. 34–77; Увар. 201: Л. 86–147.

¹⁵ Соф. 1318: Л. 108–221; Соф. 1320: Л. 137–151 (лл. 152–153 – без водяных знаков); Увар. 201: Л. 549–567 (л. 568 – без водяных знаков).

¹⁶ Обол. 161: Л. 232–279; Соф. 1317: Л. 30–36; Соф. 1322: Л. 304–333.

¹⁷ Соф. 1321: Л. 228, 246, 248, 287, 374; Соф. 1323: Л. 304, 310, 312, 315; Увар. 201: Л. 40 об.

30-й – 31-й дни в мартовском томе¹⁸. На второй – за 1-й, 2-й, 4-й, 5-й дни в мартовском томе, за 13-й – 26-й дни в майском томе, за 3-й, 4-й, 7-й дни в июньском томе¹⁹.

В статьях Стишного пролога «Кувшин 2» и «Литера Р1» не представлены. Бумага «Литера С», напротив, встречается в статьях Стишного пролога достаточно часто: на ней выполнены статьи в сентябрьском и октябрьском томах (в сочетании с еще одной бумагой «александрийского» формата – «Цветок»), значительная часть статей в майском томе. На бумаге «Рука 3» в основном исполнены статьи Стишного пролога в ноябрьском томе.

Таким образом, есть основания полагать, что на определенном этапе запас бумаги «Литера С» и «Рука 3» сменял запас бумаги «Кувшин 2» и «Литера Р1». То обстоятельство, что целый ряд крупных статей был целиком переписан или начат на последних, говорит о том, что именно включение крупных текстов, зачастую не агиографического характера, как упомянутые выше Дионисий Ареопагит, Лествица, в ткань минейной «первоосновы» составляло второй этап развития концепции ВМЧ, более ранний по отношению к включению мелких проложных статей.

Для общего понимания истории работ над Великими Минеями Четвыми важно, что бумага «Кувшин 2», которая оказывается в составе второго по времени привлечения к работе над Софийским комплектом «пласта» бумаги, использовалась и для работ над Успенским комплектом²⁰, причем в последнем, судя по данным Л. М. Костюхиной, данная бумага представлена сравнительно крупным объемом²¹. Это обстоятельство является серьезным свидетельством в пользу того, что значительная часть работ над комплектами могла проходить одновременно. Данное предположение может быть подтверждено в ходе дальнейшего сравнительного исследования Софийского и Успенского комплектов.

---

¹⁸ Соф. 1319: Л. 643–644, 647–648, 672–673, 681–682, 717–718; Увар. 201: Л. 249–250, 253, 259, 333–335, 338, 345–346, 360–361, 380–381, 474–475, 494, 571.

¹⁹ Увар. 201: Л. 12, 27, 35–37; Соф. 1321: Л. 396, 404, 408–409, 435, 452, 470, 488; Соф. 1322: Л. 28, 30, 80.

²⁰ Шульгина Э. В. Бумага и бумажные водяные знаки // Великие минеи четы митрополита Макария. Успенский список. 1–8 мая. Weiher – Freiburg I. Br. 2007. S. LXXXVI. См. там же публикацию знака: S. XCVI, № 18.

²¹ См.: Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII веков. Русский полуустав. М., 1999. С. 58–62; Костюхина Л. М. Роль филиграней в палеографическом исследовании Великих Миней Четвых // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 78–86.

А. М. Введенский

**НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ И УСТЮЖСКИЙ
ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД: КАКИМ СПИСКОМ НОВГОРОДСКОЙ
ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ СОСТАВИТЕЛЬ
УСТЮЖСКОЙ ЛЕТОПИСИ?**

Устюжский летописный свод (далее – Уст) был составлен в начале XVI в. на севере России и имел общерусский характер¹. Уст (иначе – Архангелогородский летописец) сохранился в двух редакциях, первая из которых представлена единственным списком Мацевича XVII в. (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Оп. 23, № 134)², а вторая редакция – тремя списками, самый ранний из которых датируется в промежутке между 1666 и 1702 гг. (СПБИН РАН, Колл. 115, № 148 (806))³. Второй список второй редакции находится в отделе рукописей ГИМ (ГИМ, Син. № 965) и датируется рубежом XVII–XVIII вв.⁴ Третий список находится в сборнике XVIII в. Погодинского собрания РНБ (РНБ, Погод № 1422). Он датируется 1770–1787 гг. и представляет из себя копию со списка СПБИН РАН⁵.

Список Мацевича в целом более точно передает чтения общего со списками второй редакции протографа, составление которого относят к первой четверти XVI в.⁶ Сравнение первой и второй редакции, проведенное К. Н. Сербиной, показало, что общий протограф обеих редакций заканчивался сообщением о событиях 1516/1517 гг. Приблизительно этим временем и следует датировать создание Устюжского ле-

---

¹ Лурье Я. С. Летопись Устюжская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 67.

² Сербина К. Н. 1) Предисловие // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 3–4; 2) Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 12–13.

³ Сербина К. Н. 1) Предисловие. С. 4–5; 2) Устюжское летописание. С. 13.

⁴ Сербина К. Н. 1) Предисловие. С. 5–6; 2) Устюжское летописание. С. 14. В историографии сложилась традиция, по которой список Мацевича называют Устюжской летописью, а списки второй редакции – Архангелогородским летописцем. Мы в своей работе будем использовать термин «Устюжская летопись».

⁵ Сербина К. Н. 1) Предисловие. С. 6; 2) Устюжское летописание. С. 14.

⁶ Сербина К. Н. Устюжское летописание. С. 45.

тописного свода – протографа обеих редакций⁷. Составление оригинала второй редакции относится к концу XVI века.

Как отмечает К. Н. Сербина, «летописный текст в обеих группах [редакциях – *А. В.*] начинается одним и тем же годом – 852-м, словами «Начало земли Руския», и кончается 1516 г. – известиями о двух наводнениях в Устюге и знамении в Устюжском Архангельском монастыре»⁸. Исследовательница разбивает текст Уст на три части:

- 1) с 852/6360 г. до 1114/6622 г.;
- 2) с 1124/6632 г. до 1473/6981 г.;
- 3) с 1474/6982 г. до 1516/7024 г.⁹

В данной работе нас будет интересовать первый, начальный участок летописи, содержащий летописный текст с середины IX в. до 1114/6622 г.

Первая часть Уст отличается от других своими источниками, основным из которых является текст Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1мл).

Источники Уст до 1114/6622 г.

В науке существуют различные точки зрения на летописные источники Уст на данном временном промежутке. Первой попыткой охарактеризовать эти источники сделал А. А. Шахматов в 1897 г. В своей статье, посвященной летописанию XI в., он писал: «...ряд заимствований из очень древней редакции Начального свода – редакции, предшествовавшей той, которая с одной стороны отразилась на втором Новгородском летописном своде [т. е. Начальном своде – *А. В.*], а с другой – легла в основание ПВЛ»¹⁰. Здесь же исследователь отметил, что Начальный свод «не был известен составителю оригинала Архангелогородского летописца по Софийскому временнику (по спискам второй редакции [т. е. младшего извода – *А. В.*] Новгородской первой летописи), (...) что источником знакомства был не Софийский временник, а один из позднейших сводов, соединивших ПВЛ с некоторыми заимствованиями из Софийского временника (каковы своды Софийской 1-й, Новгородской 4-й, Тверской и т. п. летописей)»¹¹. Исследователь также отметил,

⁷ Сербина К. Н. Устюжское летописание. С. 45.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Шахматов А. А. 1) О начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 52; 2) О начальном Киевском своде // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 69.

¹¹ Там же. С. 66.

что Уст является «сокращением какого-то летописного свода, отразившего в древнейшей своей части влияние двух источников – ПВЛ и Начального свода»¹².

Таким образом, в первой своей работе, затрагивающей вопрос об источниках Уст, А. А. Шахматов предположил, что в основе данной летописи лежал текст Начального свода (составление которого А. А. Шахматов в работе 1897 г. относил ко времени «после 1074 года»)¹³ в редакции летописи XV или XVI в., соединившей тексты Начального свода и ПВЛ. Причём эта летопись, по мнению Шахматова, отразила в *некоторых случаях* текст Начального свода лучше, чем Н1мл.

В своих работах 1904 и 1908 гг. исследователь называет еще один источник Уст – Сокращенный московский свод 1494 г., который в настоящее время датируется 1493 г. (далее – СС1493).¹⁴ В основе СС1493, по мнению А. А. Шахматова, лежал Ростовский владычный свод, основным источником которого был общерусский свод 1423 г. (гипотетический общий источник летописей Новгородско-Софийской группы (далее – НС))¹⁵.

В работе 1915 г. исследователь к источникам Уст относил лишь СС1493 и НПЛмл.¹⁶ Как можно видеть, мнение А. А. Шахматова по поводу источников Уст с течением времени менялось.

В дальнейшей историографии встречались попытки реанимировать раннюю идею А. А. Шахматова об отражении в Уст летописного текста, который предшествовал Начальному своду 1090-х годов. Главными апологетами этой точки зрения были М. Н. Тихомиров¹⁷ и

---

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 13; 2) Разыскание о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 237–238.

¹⁵ Там же. С. 239. Термином «летописи Новгородско-Софийской группы» в научных публикациях обозначаются четыре летописи XV в., которые совместили новгородское и центральнорусское летописание. Это первая подборка Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК1); вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи; Новгородская четвертая летопись (далее – Н4) и Софийская первая летопись (далее – С1Л). Основными источниками этих летописей на участке до 1110-х гг. были Н1мл, содержащая чтения Начального свода, и общерусская летопись, имеющая в своей основе текст ПВЛ.

¹⁶ Шахматов А. А. Летописи (русские) // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1915. Т. 25. Стб. 156.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 49, 51.

В. К. Зиборов¹⁸. Эта концепция, однако, в работах других исследователей серьезной поддержки не получила.

Нам также представляется, что данная гипотеза не находит подтверждения в тексте Уст. Мы склонны придерживаться мнения Я. С. Лурье, который отмечал, что, несмотря на своеобразность начальной части Уст, «едва ли можно видеть здесь следы древнейшего летописания, не отразившегося в Повести временных лет и Начальном своде, – скорее, это следы литературного творчества XV–XVI веков»¹⁹.

Свое развитие идея А. А. Шахматова о СС1493 как об источнике Уст получила в работе Я. С. Лурье. В статье 1972 г., посвященной общему источнику Уст и Сокращенных сводов (СС1493 и СС1495), Я. С. Лурье обосновал наличие общего протографа для этих летописей и Ермолинской²⁰. Таким общим источником исследователь признал Кирилло-Белозёрский свод 1472 года (далее – КБ1472). Данная гипотеза несколько изменила концепцию А. А. Шахматова о взаимоотношении Уст и СС1493²¹. Что касается другого источника Уст, то Я. С. Лурье считал, что им «была не Новгородская I младшего извода и не Новгородская IV летопись, а некий памятник, включивший известия, отразившиеся в обеих этих летописях»²². Это наблюдение Я. С. Лурье постулировал для свидетельств Уст за XIII–XV вв., реагируя на утверждение К. Н. Сербиной об отсутствии совпадений текста Уст и Н4.²³ Наши наблюдения над текстом Уст за IX – начало XII вв. не позволяют согласиться с данным утверждением.

Подробный анализ статей за IX–XI вв. показывает, что составитель протографа Уст пользовался обеими этими летописями, весьма интересным образом совмещая их чтения. Н1мл и Н4 были основными источниками Уст. Никаких оснований считать, что совмещение этих двух источников произошло не под пером составителя Уст, на наш взгляд, нет. Проиллюстрируем это положение на нескольких примерах.

---

¹⁸ Зиборов В. К. О начальной части Устюжской летописи // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 290–298.

¹⁹ Лурье Я. С. Летопись Устюжская. С. 67.

²⁰ Лурье Я. С. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в. и Устюжского летописца // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 120–129.

²¹ Нам удалось показать (см.: Введенский А. М. Об одном источнике Устюжской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 26), что составитель Уст использовал данный летописный источник начиная с летописных статей за IX в. Мы не будем здесь обсуждать использование КБ1472 устюжским летописцем.

²² Там же. С. 124.

²³ Сербина К. Н. Устюжский летописный свод // Исторические записки. М., 1946. Т. 20. С. 258.

Характеристика работы составителя Устюжской летописи со своими источниками

Статья 862 г., в которой рассказывается о призвании варягов славянскими и финно-угорскими племенами, явно составлена из чтений Н1мл и Н4.²⁴

Н1мл	Н4	Уст
<p>Идоша <u>за моря к варягам</u></p> <p>И ркоша «земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету,</p> <p>да <u>пойдете к намъ княжить и владеть нами</u>». <u>Изъбрашася 3 брата с роды своими,</u></p> <p><u>и пояша со собою дружину многу</u> и предивну, и придоша к Новугороду²⁵</p>	<p>И при сего Михаила царстве послаша <u>за море къ Варягомъ</u> к Русе, сице бо зваху Варягы с Русью, яко и сеи друзи зовутся Свеи, Урмане, Англяне, инии Гте, тако и сии.</p> <p>Реша Чюдь, Словени, Кривици Варягомъ: «вся земля наша добра и велика есть, изобильна всемъ, а нарядника в ней нетъ.</p> <p><u>И поидите къ намъ княжить и володять нами</u>». <u>Изъбрашася от Немець три брата с роды своими,</u></p> <p><u>и пояша съ собою дружину многу</u>²⁶</p>	<p><u>Придоша за море к варягом</u></p> <p><u>словяне, и кривичи, и меряне, и чють</u>²⁷ и реша варягом: «<u>Земля наша добра, и велика, и обильна, а нарядника в ней нет.</u></p> <p><u>Подите к нам княжити и владети нами</u>».</p> <p><u>И избрася три брата с роды своими: первы Рюрик, вторы Синеус, трети Трувор,</u> <u>и пояше с сабою дружину многу, и поидоша вкупе</u>²⁸ к Новугороду²⁹</p>

²⁴ Для удобства восприятия общий текст Н1мл и Н4, отразившийся в Уст, отмечен подчеркиванием во всех столбцах; жирным шрифтом выделен источник чтения Уст (Н1мл или Н4); курсивом отмечен текст Уст, не имеющий аналогов в других летописных памятниках.

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 106.

²⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. С. 11.

²⁷ Весьма показательным является перечисление племён, которое мы видим в тексте Уст. Композиционно текст читается в том же месте, где он находится в Н4, однако последовательность в перечислении явно нарушена, да и мерян в тексте Н4 нет. В такой последовательности список племён вместе с мерей обнаруживается в Н1мл на несколько «абзацев» раньше, в начале рассказа о призвании варягов – «И вьсташа Словене и Кривици, и Меря и Чюдь». Такой же список племён вслед за Н1мл приводится и в Уст под 859 г.

²⁸ Во второй редакции вместо *поидоша вкупе* читается *изыдоша*.

²⁹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 17.

Из приведённой сравнительной таблицы видно, что даже в небольшой по размеру летописной статье составитель Уст варьирует свидетельства своих источников. В начале он придерживается композиции Н1мл, начиная свой рассказ с утверждения о посольстве к варягам, пропуская другие данные, которые он мог взять из текста Н4. Затем он использует список племён, которые отправили посольство к варягам, следуя композиционному построению статьи Н4, но, как мы указали в примечании, последовательность племенных названий взята из Н1мл. Начальные слова послов повторяют, скорее, текст Н1мл, однако определение земли *добра* читается лишь в Н4, так же как и свидетельство о *наряднике*, которого нет в тексте Н1мл (там имеется *наряд*). Окончание статьи – *и поидоша к Новугороду* – взято вновь из текста Н1мл, так как в Н4 такого чтения нет.

Другой пример совмещения чтений основных источников располагается в Уст под 945 г. в сюжете о мести Ольги древлянам. Приведём небольшой отрывок.

Н1мл	Н4	Уст
<p><u>И княгыне Ольга повеле засыпати их живых. И абие засыпаша их.</u> Якоже пославши <u>Олга</u> къ <u>Древляномъ</u>, и сиче глагола <u>имъ</u>: «<u>аще мя право просите, то пришлите</u> мужи <u>нарочиты</u>, да <u>в велице чести поиду</u> за вашъ князь. Понеже бо не пустять мене людье кыевъстеи»³⁰</p>	<p><u>И повеле засыпати живыхъ и посыпавша а.</u> <u>И послаша Олга къ Древляномъ, рече имъ</u>: «да аще вы мя просите право, <u>то пошлите/пришлите</u> семь мужи <u>нарочиты</u>, да <u>въ велице чести поиду</u> за вашего князя, ци да не пустять мене людие Киевъстеи»³¹</p>	<p><u>И повеле их засыпать живых. И засыпаша их землю.</u> <u>Послаша Ольга древляном и рече им</u>: «<u>Аще вправду мя просите за вашего князя, то пришлите по меня нарочитых бояр и въ велице чести поиду к вам</u>»³²</p>

Как можно видеть, составитель Уст для двух первых предложений использовал текст Н1мл, так как только оттуда он мог дважды почерпнуть местоимение *их* и глагол в форме аориста – *засыпаша*. Однако в следующем предложении источник поменялся. Об этом свидетельствует аористная форма глагола *послати* и глагол *рече*, вводящий прямую

³⁰ Новгородская первая летопись... С. 111–112.

³¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 38.

³² ПСРЛ. Т. 37. С. 20.

речь. Во всех списках Н1мл глагол *послати* читается в форме причастия, а вместо *рече* стоит *глагола*.

Ярким примером совмещения чтений Н1мл и Н4 является фрагмент о топографии Киева, который также находится в статье 945 г.

Н1мл	Н4	Уст
<p>Град же б^яше Киевъ, идеже е^{сть} ныне Гродятинъ и Микифоровъ дворъ, а князь б^яше дворъ во граде, идеже е^{сть} ныне дворъ Воротиславль и Чудинъ; а пер^{вее} сице б^е вне града дворъ други, б^е бо ту теремъ камень³³</p>	<p>Градъ же б^е Киевъ, идеже и ныне е^{сть} дворъ Городятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь б^яше в городе,</p> <p>идеже ныне е^{сть} дворъ деместиковъ, за святу^ю Богородицею, надъ горою, дворъ теремны, б^е бо ту теремъ камень³⁴</p>	<p>Град же <i>тогда</i> б^е Киев, идеже ныне двор Горятин и Никифоров, а двор б^яше княж во граде.</p> <p>Идеже ныне двор е^{сть} Вротиславль <i>един</i> вне града.</p> <p>И б^е вне града двор други, идеже е^{сть} двор деместиков за святою Богородицею над горой, двор теремны, б^е бо ту терем каменен³⁵</p>

Составитель Уст совместил в своем тексте двор Воротислава из Н1мл с деместиковым двором Н4, причём сделал это весьма своеобразно, «доделывая» по ходу топографические «реалии» Киева. Прочитав в Н1мл, что вне града существовал *дворъ други*, где был *теремъ камень*, он сопоставил эту информацию с текстом Н4, по свидетельству которого каменный терем находился на месте двора деместика, и у него логично получилось, что *дворъ деместиковъ* стоял за городскими стенами.

Такие примеры можно умножить, однако основная задача нашей статьи состоит не в этом. В подавляющем большинстве случаев совсем непросто определить, каким именно источником пользовался составитель Уст на том или ином участке своего текста. Происходит это из-за того, что тексты Н1мл и Н4 часто очень близки друг к другу. Однако существуют несколько фрагментов в Уст, которые читаются только в Н1мл, а в тексте Н4 отсутствуют. Такие уникальные фрагменты Уст, восходящие к тексту Н1мл, помогут нам охарактеризовать список

³³ Новгородская первая летопись... С. 110.

³⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 37.

³⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 19.

Н1мл, который использовался при составлении устюжского летописного свода.

Списки Н1мл

Однако для начала следует рассмотреть вопрос о сохранившихся списках Н1мл и истории сложения текста этого памятника в конце XIV – XV в.

До нас дошло 9 списков Н1мл, из которых два ранних – XV века: Комиссионный (далее – Км) и Академический (далее – Акад), и семь более поздних, главный из которых Троицкий (далее – Тр)³⁶.

Основная часть Км создана в 1440–1441-х гг. Летописный текст в нем доведён до 1439 года³⁷. Акад содержал летописный текст до 1444 года и был написан в 40-х годах XV века³⁸.

Шесть поздних списков (за исключением Тр) восходят к Акад. Это Толстовский, Уваровский, Берлинский, Воронцовский, Румянцевский первый и Румянцевский второй. Главными из них являются Толстовский (далее – То) и Берлинский (далее – Берл), которые являются поздними копиями Акад.

Км и Акад независимо друг от друга восходят к общему протографу – Новгородской владычной летописи (далее – НВЛ), доведенной до 1440-х гг.³⁹ НВЛ же представляла из себя постоянно пополняющийся летописный свод, который создавался на протяжении нескольких столетий (XII–XIV вв.) при Софийском соборе. До нас НВЛ дошла лишь в составе новгородских летописей⁴⁰.

Как показало исследование А. А. Гиппиуса, в 1397 году был создан новый экземпляр НВЛ, который был призван заменить трехсотлетнего «ветерана», и «дальнейшее пополнение владычной летописи погодных записями осуществлялось уже на страницах новой рукописи»⁴¹.

С этой точкой зрения согласился Т. В. Гимон, убедительно показав, что между сводом 1397 года и протографом Км/Акад существовал еще один свод, который исследователь обозначает как «Свод Х». «Свод Х», по мнению исследователя, является общим источником для прото-

³⁶ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 67–68.

³⁷ Бобров А. Г. Новгородские летописи... С. 68–74.

³⁸ Бобров А. Г. Новгородские летописи... С. 74–75.

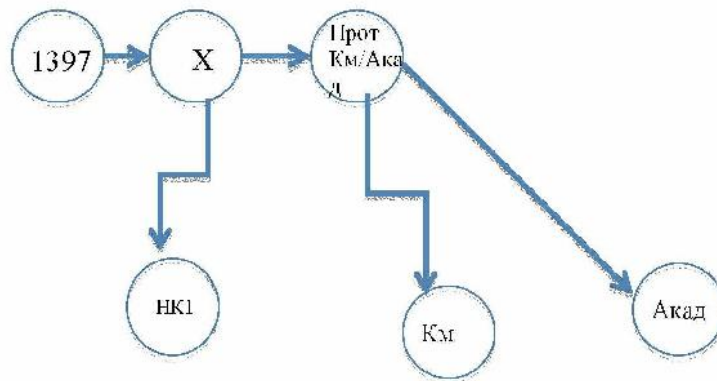
³⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 260; Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. Дис. ... д-ра истор. наук. М., 2014. С. 51–54.

⁴⁰ Гимон Т. В. Новгородское летописание... С. 22.

⁴¹ Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: К вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 29.

графа Км/Акад и «летописей Новгородско-Софийской группы»⁴². Следовательно, этот «Свод Х» нужно датировать периодом между 1397 и 1411 гг., так как именно в 1411 году был создан Свод 1411 года – протограф НК1 – самой ранней летописи из числа «Новгородско-Софийской группы»⁴³.

Вышеизложенное можно представить на стемме следующим образом:

Исходя пока из этой очень упрощенной схемы новгородского летописания первой половины XV века, попробуем определить, пользовался ли составитель Уст в своей работе Км, Акад или списками с этих летописей.

Комиссионный список как источник Уст

Нас будут интересовать только те изменения, которые могут дать ответ на возможное использование или неиспользование Км или списка, сделанного с него, для составления Уст⁴⁴:

Км	Акад (Бер,То)	ПВЛ	Уст
(920) Въ время же то царствующе во граде Роману	(920) Бысть же Роман тогда царь	----- ----- -----	(900) Бысть же тогда царь Роман

⁴² Гимон Т. В. Новгородское летописание... С. 56.

⁴³ Бобров А. Г. Новгородские летописи... С. 165.

⁴⁴ Те общие чтения, которые в тексте Уст могут восходить одновременно к Н4 и/или к КБ1472, по понятным причинам не приводятся.

Составитель Км внёс серьёзное изменение в чтение своего протографа. Первичное чтение – «Бысть же Роман тогда царь» обнаруживается во всех остальных списках Н1мл. За этим чтением следует и Уст.

Ещё один важный пример для определения списка, которым пользовался составитель Уст, содержится под 964 г. В описании Святослава Игоревича в Км отсутствует важный глагол *класти* в форме имперфекта.

Км	Акад (Бер, То)	ПВЛ	Уст
Ни шатра имяше, нь подклад постилаше, а сЪдло в головахъ	Ни шатра имяше, нь подклад постилаше, а седло в головахъ кладяше	Ни шатра имяше, но подькладъ пославъ, и седло в головахъ	Ни постеля мяхки, но воилоце спаше, а седло вы головы кладяше

Составитель Уст не мог пользоваться Км или списком с него, так как сложно представить, что он этот глагол додумал самостоятельно, да ещё в той же форме, в которой он находился в НВЛ.

Так как объём заимствованных чтений (которые точно взяты составителем Уст из Н1мл) не очень велик, мы можем привести только несколько незначительных добавлений или изменений, внесённых составителем Км в свой протограф, которые не отразились в Уст. Приведём здесь лишь один пример, так как подобные свидетельства могут вызвать серьёзные возражения, сводящиеся к тому, что составитель Уст мог сам поменять чтение на более подходящее, тем самым восстановив первоначальное чтение.

Км	Акад (Бер, То, Тр)	ПВЛ	Уст
(864) Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местехъ и странахъ	(864) Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ странахъ	Живяху кождо с родомъ своимъ на своих местехъ	(852) Иже живяху кождо с родом своим на своих странах

Уникальное чтение Км (*кождо* вместо *кождо*) не отразилось в тексте Уст, что также может косвенно свидетельствовать о неиспользовании Км при составлении Уст.

Приведенные разночтения показывают, на наш взгляд, что составитель Уст не пользовался Км или списком с него.

Академический список как источник Уст

Перейдем к Акад списку Н1мл и рассмотрим возможность его использования при написании Уст.

Под 852 г. при перечислении братьев, основавших Киев, в Уст находим – *а второму имя Щок*. Такое чтение встречается только в Км и Тр списках. В То и Берл (что свидетельствует о том, что оно находилось и в Акад) вместо *второму* читается *другому*, наряду со всеми списками ПВЛ и всеми летописями Новгородско-Софийской группы.

Под тем же 852 г. в рассказе о хазарской дани в Уст, вслед за Км и Тр, хазарские старейшины, обсуждая киевскую дань, говорят: «Не добра дань, княже»⁴⁵. В То и Берл, а следовательно, и в Акад: «Не добра дань сия есть нам, княже»⁴⁶. Вряд ли составитель Уст независимо от Км и Тр опустил *сия есть нам*, если бы использовал Акад.

Под 971 г. в повествовании о Святославе обнаруживается любопытная чехарда с местоимением *вы*. Знаменитая фраза Святослава, обращенная к грекам: «хочю на вы ити и взять градъ вашъ, яко и сеи»⁴⁷ в Уст представлена так: «хочю на вас поити и взять градъ вашъ, яко и сеи»⁴⁸. Такое изменение не вызывало бы вопросов, однако помимо Уст с местоимением *вас* это высказывание обнаруживается лишь в Км и Тр списках Н1мл. Во всех других списках Н1мл, ПВЛ, а также в «летописях Новгородско-Софийской группы» читается всем известная первоначальная формула с *вы*.

В ответ на представленную выше реплику Святослав получил ответ от греков: «Мы не сильны противу стати вам и возьмите дань на нас и на дружину свою»⁴⁹. В данном случае мы имеем дело с первичным чтением⁵⁰. Во всех списках ПВЛ, а также в Км и Тр, читается *вам*, как и в Уст, а вот в Ак, То и Берл, а помимо них в НК1 и Н4 – *вас*.

Вышеприведенные примеры (можно было бы привести и некоторые другие) показывают, что составитель Уст, скорее всего, не использовал Ак или списки с него при составлении своей летописи.

---

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 17.

⁴⁶ Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 107.

⁴⁷ Новгородская первая летопись... С. 121.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 21.

⁵⁰ Благодарю А. А. Гиппиуса за консультацию по этому вопросу.

Троицкий список как источник Уст

После того, как мы попробовали доказать, что составитель Уст не мог пользоваться Ак или Км списком для написания своего труда, следует рассмотреть вопрос о Тр списке Н1мл (1560-е гг.), который доведен лишь до 1015 года.

А. А. Шахматов считал, что Тр имел несколько источников. Первый и основной – свод 1433 года (т. е. НВЛ), к которому восходил и текст Км, а второй – «извод Повести временных лет». Третьим источником был сам Км.

Как показало исследование Б. М. Клосса, тот источник, который А. А. Шахматов называл изводом ПВЛ, оказался списком Новгородской пятой летописи⁵¹.

Что касается влияния Км на Тр, то этот вопрос весьма сложен. Ведь общие чтения Км и Тр, противоречащие данным Акад, могут объясняться общим для Км и Тр протографом, который занимал промежуточное положение между общим протографом Км/Акад/Тр и самими списками Км и Тр.

В пользу этого предположения говорят не только первичные общие чтения Км и Тр⁵², отличающиеся от Акад (наличие таких чтений можно объяснить общим для всех списков (Км, Акад, Тр) протографом – НВЛ), но и вторичные чтения, которые могут трактоваться двояко – влиянием Км на Тр (как и предлагал А. А. Шахматов) или общим для этих двух списков протографом⁵³.

Приведем явно вторичные по отношению к Акад, а следовательно и к НВЛ, общие чтения Км и Тр (некоторые из них мы приводили выше), попутно отметив такие чтения Уст, которые отражают вторичные чтения Км/Тр и могли появиться лишь из Н1мл.

Км/Тр	Акад/Бер/Го	ПВЛ	НК1	Уст
Второму же имя Щек ⁵⁴	Другому имя Щек	Другому имя Щек	Другому Щекъ	Второму имя Щек
Таце святей Богородицы	Тако же святей Богородицы	Таже (тако же в Ип)	Таже и святую ризу	

⁵¹ Клосс Б. М. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 254.

⁵² А. Г. Бобров высказывал предположение о существовании общего протографа Км и Тр. (см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи... С. 77).

⁵³ Конечно, можно допустить и третий вариант – влияние протографа Тр.

⁵⁴ Новгородская первая летопись... С. 104.

ризу ⁵⁵	ризу	святеи Бого- родицы ризу		
плати намъ дань ⁵⁶	платите намъ дань	платите намъ дань	платите намъ дань	
и поиди за князь нашъ ⁵⁷	и да поиди убо за князь нашъ	да поиди за князь нашъ	и да поиди за князь наш	
Не едемъ на конехъ, ни на возехъ ⁵⁸	Ни едемъ на конехъ, ни пе- ши , ни на во- зехъ	Не едемъ на конихъ, ни на возехъ, (ни пеши идем – из Ип)	Пеши не идемъ , ни на конихъ,	
И повеле о (Км- на) них зашеши (Км-огнем) от двери ⁵⁹	И повеле за- жещи от две- рии	И повеле зажечи я от дверии	И повеле зажеши я от дверии	
Си бо омыя купелью свя- тою ⁶⁰	Сиа бо омыся купелию свя- тою	Си бо омыся купелью святою	Си бо омыся купелью святою	
Хощу на вас ити ⁶¹	Хочю на вы ити	Хочю на вы ити	Хочю на вы ити	Хочю на вас поити

Вторичных чтений нам удалось выявить не очень много, но, на наш взгляд, их вполне достаточно, чтобы предполагать наличие общего для Км и Тр протографа.

Гипотеза А. А. Шахматова об общем протографе Км/Тр – Своде 1433 года (т. е. НВЛ) и в то же время о влиянии Км на Тр представляется нам избыточной. Следует говорить лишь об общем протографе Км/Тр (далее – Пр Км/Тр), который в свою очередь восходил к недошедшему до нас протографу Км/Тр/Акад (Пр Км/Тр/Акад) – списку НВЛ. Таким образом, стемма взаимоотношений списков НПЛмл будет выглядеть следующим образом:

⁵⁵ Новгородская первая летопись... С. 105.

⁵⁶ Новгородская первая летопись... С. 105.

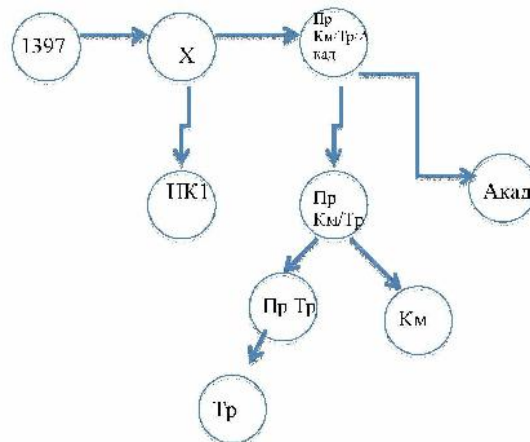
⁵⁷ Новгородская первая летопись... С. 111.

⁵⁸ Новгородская первая летопись... С. 111.

⁵⁹ Новгородская первая летопись... С. 111.

⁶⁰ Новгородская первая летопись... С. 120. Данное разночтение указал А. А. Шахматов (см.: *Шахматов А. А. Обзорение русских летописей и летописных сводов // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2011. Т. 2. С. 292).*

⁶¹ Новгородская первая летопись... С. 121.

Отмеченные выше общие вторичные чтения $Км=Тр=Уст$, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что составитель *Уст* использовал летопись, близкую к общему протографу *Км* и *Тр*.

Конечно, таких различий немного, и они не могут гарантировать, что составитель *Уст* не внес данные изменения независимо от *Км/Тр*.

Однако, как я указывал выше, найти общие чтения *Н1мл* и *Уст* довольно-таки сложно, а обнаружить вторичные ещё более проблематично. Поэтому даже небольшое количество вторичных чтений склоняет чашу весов в пользу того, что составитель *Уст* использовал список *Н1мл*, близкий к *Км/Тр*.

В связи с тем, что *Тр* список, дошедший до нас, датируется более поздним временем, нежели составление протографа *Уст*, следует предполагать, что устюжский летописец использовал либо общий свод (*Пр Км/Тр*), либо какой-то промежуточный (*Пр Тр*), находящийся между ним и самим *Тр* списком.

При этом следует предположить, что между *Пр Км/Тр* и *Пр Тр* имелось несколько промежуточных звеньев.

Следует отметить, что чтения *Тр* не всегда совпадают с *Уст*. Связано это, во-первых, с накоплением ошибок *Тр*, а во-вторых, с влиянием на него Новгородской пятой летописи, под влиянием которой в текст *Тр* были внесены некоторые изменения.

Однако ни одного характерного лишь для самого *Тр* списка чтения в *Уст* нам найти не удалось.

Все эти наблюдения не позволяют с точностью определить источник *Уст*. С равным основанием это мог быть и сам *Пр Км/Тр* и любой другой промежуточный список между *Пр Км/Тр* и непосредственным *Пр Тр*, правда, до того момента, когда один из промежуточных звеньев *Тр* подвергся правке по Новгородской пятой летописи (*Пр Тр* + *Н5*).

Нельзя исключать, что список Н1мл, который использовался при составлении Уст восходит к Пр Км/Тр, однако представляет недошедшую до нас группу списков или один список, никак не связанный с Пр Тр.

Главным нашим выводом остается следующий – список Н1мл, который использовал устюжский летописец при составлении своей летописи, в конечном итоге восходит к общему протографу Км и Тр (Пр Км/Тр).

НОВГОРОДЦЫ ПУШКИНЫ В ГОДЫ СМУТЫ¹

Семейная и частная жизнь, история московского служилого люда XVI–XVII вв. исследуется достаточно давно; впрочем, перспективы разработки этой проблематики достаточно широки, во-первых, с привлечением сравнительно хорошо сохранившихся документальных собраний. Архив Новгородской приказной избы начала XVII в. представляет здесь широкие возможности: специфика его складывания обусловила сохранность тех типов документов, которые не отложились в архивах других городов Московского государства. Хронологический период, который охватывают документы архива, примерно совпадает со временем существования новгородско-шведского политического альянса 1611–1617 гг. Известные документы Новгородской приказной избы, отложившиеся в разных архивохранилищах, позволяют судить о том, что её архив – пусть частично утраченный, но никоим образом не разрозненный – результат правильной деятельности нескольких учреждений, функционировавших в Новгороде в 1611 – начале 1617 гг.

Новгородское общество начала XVII в. – удачный объект исследования семейной и частной жизни: сохранившиеся источники обеспечивают достаточно подробные биографические данные о служилых людях². В случае новгородских Пушкиных эти данные, впрочем, достаточно однообразны: находясь в средних слоях новгородского городского дворянства, представители этой фамилии практически не играли видной роли в политических событиях; мало данных и о матримониальной жизни новгородских Пушкиных; по всей вероятности, двора в городе у них не было; бурные события 1610–1613 гг. они провели в своих поместьях.

С. Б. Веселовский, посвятивший известную монографию истории рода Пушкиных, отмечал испомещение большой группы его представителей (до трети всех наличных тогда членов рода) в новгородских пятинах уже в конце XV в.³ Через два-три поколения число представителей

---

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 16-01-12013в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

² Подробнее: *Селин А. А.* Новгородское общество эпохи Смуты. СПб., 2008.

³ *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 92–93.

рода на новгородских службах сильно возросло; источники XVI в. почти ничего не сообщают о сколько-нибудь заметных службах Пушкиных-новгородцев. Родословные росписи вскользь упоминают о новгородских Пушкиных, за исключением потомков Мусы Пушкина (тех, кто с конца XVII в. будет, благодаря окольниковству и боярству Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, именоваться Мусиными-Пушкиными, но в конце XVI – начале XVII в. именовались просто Мусиными), которые специально подали в 1684 г. свою особую родословную роспись⁴. Остальные Пушкины ни в Бархатной книге, ни в известных нам родословных росписях не фигурируют⁵. В Бархатной книге этому дается объяснение: потомки Василия Васильевича Пушкина, испомещенные в Новгороде, Василий, Иван и Захарий служили новгородскому архиепископу Геннадию, и вследствие этого охудали родом; в родословных росписях, поданных Мусиными, Бобрищевыми и Пушкиными в Родословную палату, было сказано, что «Александрова роду Григорьева сына Пушкина ныне никою нет»⁶.

В середине XVI в. из новгородских Пушкиных только помещики Бологовского погоста Фёдор и Андрей Ивановы дети Пушкина были записаны в Тысячной книге среди дворовых детей боярских второй статьи (по Бологовскому погосту Деревской пятины), как и Митька Фёдоров Шафериков-Пушкин (по Жедринскому погосту Шелонской пятины)⁷. Наиболее заметны оказались потомки Мусы Пушкина; впрочем, ни в XVI в., ни в годы Смуты разрядных служб они не достигли; несколько Мусиных оказались в губных старостах (Первой Михайлов сын, Василий Иванов сын и Пятой Ратаев сын). Отец последнего, Ратай Мусин, в 1593/94, 1599/1600, 1601/02 и 1602/03 г. служил новгородским судьей⁸.

Другие Пушкины (а именно о них пойдет речь в настоящей статье) служили в Водской и Шелонской пятинах. В сентябре 1605 г. эти пятины верстались новыми окладами в Ивангороде; данные этого верста-

---

⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 94.

⁵ Ср., напр.: Родословная книга по списку кн. М. А. Оболенского // РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 83. Л. 167 об.–170. Пользуюсь случаем выразить свою признательность М. М. Бенцианову за консультацию.

⁶ Бархатная книга. Ч. 1. М., 1787. С. 310.

⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 88, 92.

⁸ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 93 об., 201а об., 316, 336, 343–343 об.

ния по Шелонской пятине не сохранились; в Водской пятине известно в это время семеро представителей этой фамилии⁹.

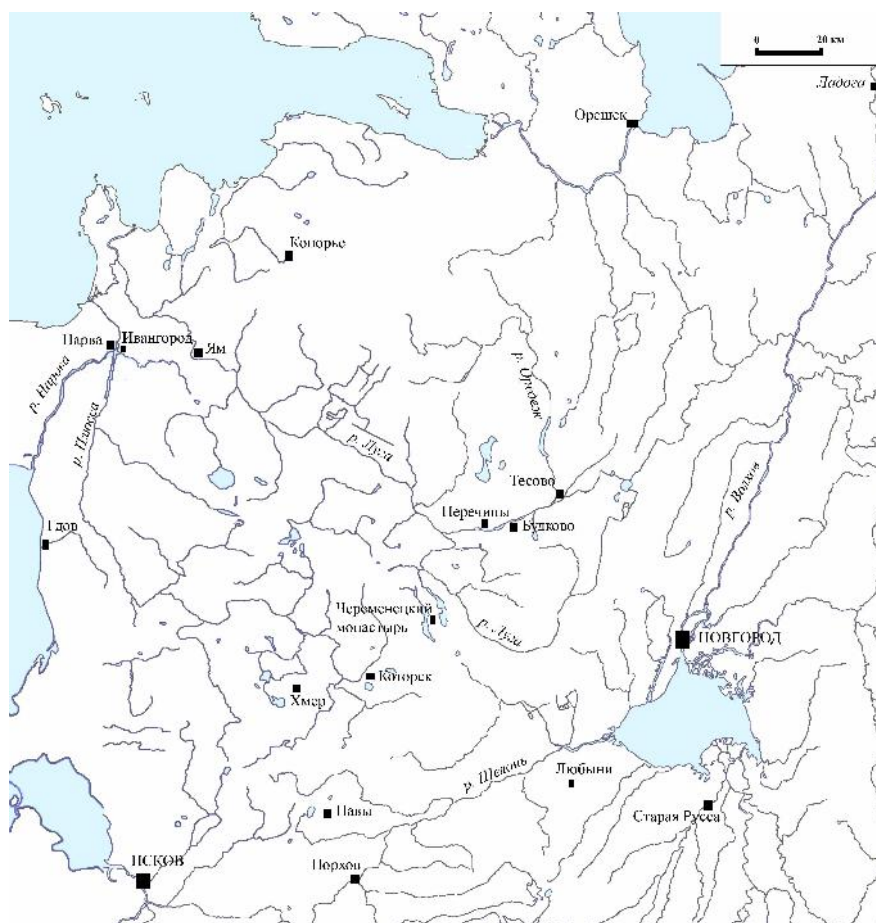

Рис. 1. Местности, связанные с новгородскими Пушкиными в годы Смуты

Родовым их гнездом на северо-западе было село Перечицы (ныне в Лужском районе Ленинградской области), а на юге Новгородской земли они жили в районе Пав (в нынешнем Порховском районе) (см. карту). Больших карьер новгородские Пушкины не сделали. Как и другие новгородские дети боярские, многие новгородские Пушкины во второй половине XVI в. оказались на поместьях в Ливонии. Среди них

⁹ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. В. Мятлев // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 113–209.

известны перновские и куконовские¹⁰ помещики. В Пусторжевском уезде (на родине поэта), как показал В. А. Аракчеев, Пушкины появились также как переселенные из Ливонии «помещики Немецких городов»¹¹. Этот исследователь специально изучил вопрос об утраченном указе царя Ивана IV об испомещении помещиков «немецких городов» в новгородских пятинах, Псковском, Великолуцком и Пусторжевском уездах. По мнению Аракчеева, указ был издан в промежуток от 23 января до 4 марта 1583 г. Писцовые книги этих областей, созданные в 1582–1583 гг., имели целью одновременно составление полевого описания и отдела новым помещикам пустых земель. Всего их появилось не менее 400, из которых 43 – в Водской пятине, 43 – в Шелонской пятине, 62 – в Тверской половине Бежецкой пятины¹².

Кроме материалов текущего поместного и разрядного делопроизводства Новгородской приказной избы, данные о помещиках-Пушкиных содержатся, разумеется, в десятинях и писцовых/дозорных книгах. Неожиданно много сведений о семейной истории Пушкиных XVI в. содержится в кабальных грамотах. Эти данные, как часто отмечалось в историографии, позволяют довольно точно установить семейные связи родовых дворян и детей боярских. Неожиданных наблюдений не происходит: Пушкины роднились с соседями – Нееловыми в Водской пятине, Шаблыкиными – в Шелонской.

Иван Васильевич Пушкин, помещик Будковского погоста, служил в губных старостах Полужской половины Водской пятины в 1602–1607 гг.¹³ и Корельской половины – в 1611–1613 гг.¹⁴ 19 января 1598 г.

---

¹⁰ От: Куkenойс (Koknese), куkenойские.

¹¹ Аракчеев В. А. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.

¹² Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42. Основная масса бывших ливонских помещиков осела в Пусторжевском и Великолуцком уездах.

¹³ Список новгородских губных старост, казачьих и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347–367; Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 372; Книги платёжные 1606/07 г. Полусской половины Водской пятины // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 525–527; Грамота новгородских воевод губным старостам Полужской половины Водской пятины Ивану Пушкину и Михаилу Неелову по челобитной кн. Якова Богданова сына Белосельского. 1604, июля после 21 // Архив СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Л. 203–206; Отдел губным старостой Полужской половины Водской пятины Иваном Пушкиным отцовского

И. В. Пушкин предъявил в Новгороде кабальную грамоту, согласно которой становится ясным, что он был правнуком Василия Никитина сына Пушкина, видимо дмитровца¹⁵. В 1604 г. он был среди других детей боярских назначен к посольской службе в Ивангород. В это время он числился как дворовый сын боярский с 250 четвертями оклада¹⁶. По «самозванческому верстанию в Ивангороде 27 сентября 1605 г. его оклад был повышен до 400 четвертей¹⁷. Как и другие дети боярские, занимавшие административные должности в пятине, в 1611–1613 гг. он собирал корма для склада в Тесовском остроге¹⁸. Став помещиком в 1588 г.¹⁹, он скончался к 1615 г., оставив трех сыновей, Семёна, Нелюба и Силу²⁰ (схема 1). В 1612 г. он владел только двором на погосте в Будкове²¹. После Смуты эти Пушкины исчезают из источников.

поместья в Будковском, Коломенском и Петровском погостах Водской пятины Воину и Герасиму Андреевым детям Пушкина. 1607. 28.02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 39–42.

¹⁴ Грамота орешковскому воеводе кн. Ивану Васильевичу Кропоткину о порядке сбора кормов с погостов, приписанных к Орешку. 1612. 11.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 110; Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613 февраля // RA, NOA. Serie 2:129; Дело по челобитной губного старосты Водской пятины Корельской половины Ивана Пушкина о даче ему пустоши, что была деревня Наволок на Волхове в Михайловском погосте на Ладожском пороге в нынешнем 121 году, засеять ее на 122 год, а со 123 по 128 год давать оброк в государеву казну. 1613, марта // RA, NOA. Serie 2:353. Л. 18–22.

¹⁵ Кабала, поданная Иваном Васильевым сыном Пушкиным. 1598. 19.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 411. Стб. 151.

¹⁶ Список детей боярских Водской пятины, назначенных на службу на посольском съезде в Ивангороде. Ок. 26 декабря 1604 // Баранов К. В. Новые документы из истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 156–159.

¹⁷ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 475.

¹⁸ Книги сбора и раздачи кормов Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12–1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1:71. С. 57–128; Челобитная (отписка) боярам и воеводам Ивана Назимова о том, что крестьяне Софийской вотчины в Кречневском погосте кормов ему не дали, сказав, что они его уже успели заплатить // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 188.

¹⁹ Отдел губными старостами Водской пятины Полужской половины Семеном Ожогиным и Василием Пыжовым Ивану Васильеву сыну Пушкину поместья кн. Андрея Юрьева сына Лобанова-Ростовского в Никольском Будковском погосте, что осталось за раздачей у кн. Степана Елецкого. 1588. 14.04 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16942. Л. 267–268.

²⁰ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 21.

²¹ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Фёдора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612 июля // RA, NOA. Serie 1:16. С. 75.

Другой клан Пушкиных, также относившийся к Водской пятине, – это потомки Булгака (Якова) Игнатъева сына Пушкина (схема 2). Этот сын боярский известен как помещик Сабельского погоста еще в 1578/79 г., совладелец братьев Курбата и Никиты²². К 1582 г. он вышел из службы и жил в поместье своего сына Ивана, вместе с невесткой Анной²³. Я склонен предполагать, что И. Я. Пушкин был младшим сыном Булгака (Якова). Он стал помещиком Будковского погоста к 1578/79 г.²⁴

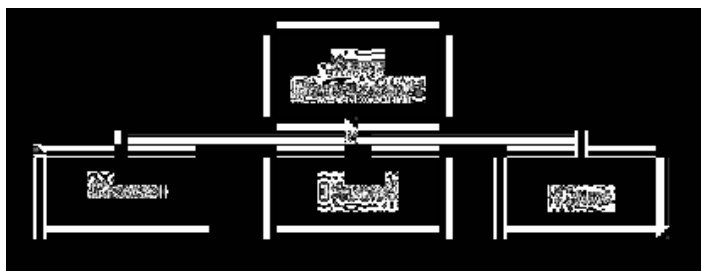

Рис. 2. Схема 1. Генеалогические связи И. В. Пушкина и сыновей

Видимо ранее он воевал в Ливонии: в писцовых книгах 1582 г. он назван «куконовским» помещиком, следует предположить, что И. Я. Пушкин участвовал в «государеве походе» в Ливонию в 1577 г. Эти же писцовые книги называют его оклад в 400 четвертей, упоминают утраченное И. Я. Пушкиным поместье (5 обеж) в Каргальском погосте (оккупированном к тому времени шведами), а также «литовский» плен самого И. Я. Пушкина²⁵. Из плена однако И. Я. Пушкин вернулся. В 1589/90 г. его родной брат Юрий передал ему холопа. 15 января 1598 г. И. Я. Пушкин лично предъявил в Новгороде кабальную запись²⁶. Последнее известное мне упоминание о И. Я. Пушкине – на «самозванческом верстании» в Ивангороде 27 сентября 1605 г.; там он – городской сын боярский Водской пятины с новым окладом в 400 четвертей²⁷.

²² Обыскная книга Полужской половины Водской пятины обыска и дозора Мисюря Волкова и подьячего Григория Федорова. Без окончания. 1578/79 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16932. Л. 77 об.–78, 94.

²³ Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 180 об.–181.

²⁴ Обыскная книга Полужской половины Водской пятины обыска и дозора Мисюря Волкова и подьячего Григория Федорова. 1578/79... Л. 102–102 об.

²⁵ Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582... Л. 139–141 об., 180 об.–181, 289–290.

²⁶ Кабала, поданная Иваном Булгаковым сыном Пушкиным. 1598. 15.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 279. Стб. 100.

²⁷ Десятина Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 477.

Другой (полагаю – старший) сын Якова (Булгака) Пушкина, Андрей получил поместье в Будковском погосте в 1570-х гг. В 1571 г. он был назван среди многочисленных поручителей (в 40 рублях) по боярину кн. И. Ф. Мстиславскому²⁸. В 1578/79, 1582 и 1601/02 г. он – среди помещиков Будковского погоста, один из совладельцев с. Перечицы²⁹. А. Я. Пушкин скончался к началу 1607 г.: 28 февраля этого года поместье А. Пушкина перешло к его вдове Варваре, их сыновьям Герасиму и Воину и двум дочерям³⁰. В июле 1612 г. все они жили в с. Перечицы³¹. По словам их соседа Андрея Трусова, к декабрю 1613 г. все они были «в изменах»³². 25 февраля 1614 г. их поместье было передано Артемию Камаеву³³.

Как и другие помещики Будковского погоста, братья Пушкины выехали в конце 1613 г. во Псков. О Воине Пушкине известий более нет, а Герасим Андреев сын Пушкин упомянут на разных службах и после возвращения Новгорода под московскую власть. 22 апреля 1623 г. он был послан из Новгорода в Гдов с указанием найти там человека, бежавшего от подданного шведской короны, бывшего новгородского

---

²⁸ Запись поручная по тех боярах, кои ручались по князе Иване Федоровиче Мстиславском в том, что: в случае несостояния поручителей уплатить в государеву казну двадцать тысяч рублей за побег его, князя Мстиславского, означенные в сей записи другие поручители обязывались вместо их заплатить сумму по расчету, что на кого в сей записи положено. 1571 // СГГД. Ч. 1. 1813. № 198. С. 566–581; опубл. также в: Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. 2004. Вып. 10. С. 8–79.

²⁹ Обыскная книга Полужской половины Водской пятины обыска и дозора Мисюря Волкова и подьячего Григория Федорова. 1578/79... Л. 98–98 об.; Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582... Л. 178–178 об.; Платежная книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Полужской половины губного старосты Селиверста Зиновьева. 1601/02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964. Л. 193 об.

³⁰ Отдел губным старостой Полужской половины Водской пятины Иваном Пушкиным отцовского поместья в Будковском, Коломенском и Петровском погостах Водской пятины Воину и Герасиму Андреевым детям Пушкина. 1607. 28.02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 39–42.

³¹ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612 июля... С. 86.

³² Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05–1614. 21.01 // RA. NOA. Serie 2: 237.

³³ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 23.

переводчика Бажена Иванова (Бенджамена Барона)³⁴. 24 августа 1656 г. получил указание принять даточных людей от вдов и недорослей Бежецкой пятины³⁵. Есть сведения и о сыне Герасима Пушкина Андрее, пытавшемся 15 января 1613 г. взыскать 10 четей снопового хлеба, 11 четей овса и 3 рублей с полтиной сенокосных денег с Дементия Петрова сына Тушина³⁶.

Видимо, средний сын Б. И. Пушкина, Юрий Яковлев (Булгаков) Пушкин, известен с 1564/65 г., когда он служил послухом приданой записи Авдотьи, дочери Юрия Иванова Нелединского, шедшей замуж за Игнатия Петрова Оболянинова³⁷. В 1580/81 г. он свидетельствовал духовную грамоту Ивана Григорьева Ададунова³⁸. Согласно писцовой книге 1582 г., он был помещиком Будковского погоста, совладельцем брата Андрея. Его оклад был в два раза ниже, чем у их третьего брата Ивана, и составлял 200 четвертей³⁹. В 1582/83 г. Юрий Пушкин записал за себя холопа. Тот бежал и поселился у Федора Невзорова, сына Арцыбашева, которому также дал на себя запись. В декабре 1595 г. Арцыбашев вернул холопа Пушкину⁴⁰.

По всей вероятности, Ю. Я. Пушкин принял участие в боевых действиях конца Ливонской войны, так как в 1584/85 и 1585/86 гг. был сре-

---

³⁴ Память новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского и дьяка М. И. Милославского гдовскому воеводе И. Д. Нащокину о помощи в розыске перебежчика, бежавшего от переводчика Бенджамина Барона (Бажена Иванова). 1623, не ранее апреля 23 // Архив СПбИИ. Кол. 109. Д. 817; Отписка новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского и дьяков М. И. Милославского и Д. Семенова во Псков воеводам кн. А. В. Хилкову, И. Ф. Наумову и дьяку П. Евдокимову о посылке во Псков для поимки человека Бенджамена Барона сына боярского Герасима Пушкина с людьми. 1623. 22.04 // Архив СПбИИ. Кол. 109. Д. 261. О Бажене Иванове (Бенджамене Бароне) подробнее: *Pereswetoff-Morath A. I. Straddling cultural and political borders in Swedish Ingria: the case of Benjamin Barohn [Bažen Ivanov]* // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара. СПб., 2013. С. 64–68.

³⁵ Память Герасиму Андреевичу Пушкину с товарищами о приеме со вдов и недорослей Бежецкой пятины даточных с лошадьми и телегами. 1656. 24.08 // Архив СПбИИ. Кол. 195. Оп. 1. Д. 73/3.

³⁶ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 50.

³⁷ Кабалы, поданные Игнатием Петровым сыном Оболяниновым. 1598. 19.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 421–434. Стб. 154–160.

³⁸ Духовная Ивана Григорьева сына Ододурова. 1580/81 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 1. Стб. 1–2.

³⁹ Подлинная писцовая книга Воцкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582... Л. 178–180 об.

⁴⁰ Кабалы, поданные Юрием Яковлевым сыном Пушкиным. 1598. 15.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 298–299. Стб. 106–107.

ди тех бывших ливонских помещиков, среди которых были разделены дворцовые волости Василия Онаньина в Будковском погосте и Прибужская в Прибужском погосте⁴¹. В июне 1593 г., будучи на службе в Москве, Ю. И. Пушкин был душеприказчиком духовной Семена Иванова Картмазова, своего соседа по поместью в Водской пятине⁴². 20 декабря 1595 г. Ю. И. Пушкин свидетельствовал приданую запись Катерины, дочери еще одного помещика Водской пятины, Афанасия Васильева Неелова, вышедшей замуж за Якова Ададунова⁴³. В конце июня – начале июля 1602 г., среди других помещиков Бутковского погоста (все они были «грамотчиками», получившими поместья после выхода московских войск из Ливонии), Ю. И. Пушкин отказался дать посошных людей к мостовому делу на Ивангородской дороге⁴⁴. В 1603/04 г. он был четвертчиком и получал 10 рублей в Галицкой четверти. Известно, что четвертное жалованье за него получил его племянник Андрей Афанасьев Неелов; следовательно, упомянутый выше Афанасий Неелов был женат на неизвестной по имени сестре Ю. Я. Пушкина⁴⁵. На верстании 27 сентября 1605 г. в Ивангороде он получил максимальный в то время поместный оклад в 600 четвертей⁴⁶. Он владел поместьями в Водской и Шелонской пятинах, по дачным книгам 1603/04 г. – 206 четвертями; в 1605/06 г. получил поместье своего дальнего родственника Злобы Пушкина (50 четвертей), а в 1606/07 г. – поместье своего погибшего сына Фотея (Фаддея)⁴⁷.

О судьбе Ю. Я. Пушкина в следующие годы узнаем из челобитной его сына Насона. В 1607/08 г. Ю. Я. Пушкин был послан из Москвы (где, видимо, находился среди других новгородцев) на службу в Ивангород. После начала смуты в Ивангороде (присяги города «царю Дмит-

---

⁴¹ Отдел Семеном Картмазовым и Федором Муравьевым поместья Григорию Кренину и Григорию Боркову отдельно от Афанасия, Темира, Михаила, Постника и Григория Нееловых и Юрия Пушкина в волостях Бельской и Василия Онаньина в Никольскому Будковском погосте. 1584. 6.08 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16936. Л. 11а–12 об.; Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05 – 1614. 21.01 // RA. NOA. Serie 2: 237.

⁴² Кабалы, поданные Иваном и Леонтием Семеновыми детьми Картмазовыми. 1598. 15.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 372–384. Ст. 134–141.

⁴³ Кабала, поданная Яковом Федоровым сыном Ододуровым. 1598. 18.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 406. Стб. 148–149.

⁴⁴ Отписка мостовых досмотрщиков об ослушниках и память по этой отписке. 1602. 4.07 // РИБ. Т. 22. СПб., 1908. Стб. 568–572.

⁴⁵ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 27.

⁴⁶ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 470.

⁴⁷ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...

рию») Юрий Пушкин ушёл в Новгород. Перед походом князя М. В. Скопина-Шуйского к Москве он «за старостью» был отставлен от службы, а в его место на службу был взят его сын Насон, сам же Юрий уехал к себе в поместье, где и был захвачен ворами, пришедшими из Ивангорода. «...и в Иванегороде его пытали разными пытками, и с пытки вкинули его в тюрьму, и в тюрьме де его на Иванегороде с пытки не стало, а после де него осталась жена его вдова Ульяна да сын»⁴⁸. Речь идет о событиях, где какую-то роль играл дьяк М. И. Милославский⁴⁹.

Такова была одна из самых серьёзных коллизий, случившихся с новгородскими Пушкиными в Смуту. Уже 31 марта 1610 г. Насон Юрьев сын Пушкин получил грамоту царя Василия Шуйского на отцовское поместье. В это время он, вероятно, еще не достиг 15 лет, так как ему было велено службу служить и мать кормить с этого поместья «до верстанья». 15 мая 1610 г. Н. Ю. Пушкин бил челом «боярам и воеводам» (видимо, кн. А. П. Куракину и кн. И. Н. Большому Одоевскому) об отделе ему отцовского поместья⁵⁰. Юноша Насон Пушкин остался служить в Новгороде, и в 1610, и в 1611 г., а в апреле 1612 г. он участвовал в походе войск Эверта Горна и Г. Н. Муравьева под Копорье против сторонников «псковского вора». Навстречу им из Копорья была вылазка, и во время вылазки «воровские люди» ранили под Н. Ю. Пушкиным мерина.

29 апреля он бил челом новгородским властям о даче денег на покупку новой лошади взамен павшей в бою. В челобитной он упоминал и о разорении своего поместья в Будковском (?) погосте: «от воров выжжено, крестьянишок нет, а досталных крестьянишок ограбили немецкие люди, как шли под Старую Руссу». Бояре приговорили дать ему 2 рубля на лошадь⁵¹. Согласно дозорной книге 1612 г. он владел частью с. Перечицы Будковского погоста, где летом 1612 г. ему ставили новый помещичий двор⁵². Кроме того, у него было поместье в Павском и Любынском погостах Шелонской пятины (видимо, именно через них «немецкие» люди шли на Старую Руссу⁵³.

---

⁴⁸ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...

⁴⁹ Подробнее: *Селин А. А.* Новгородские судьбы Смутного времени. В. Новгород, 2009. С. 40–42.

⁵⁰ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...

⁵¹ Челобитная боярам и воеводам Водской пятины Насона Пушкина о даче денег на павшую в бою лошадь. 1612. 29.04 // RA. NOA. Serie 2:71. Л. 77.

⁵² Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612 июля... С. 86.

⁵³ Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 60, 397; Дозорные книги Зарусской половины

К январю 1614 г. Насон Пушкин с другими помещиками Будковского погоста отъехал в Псков, а его поместье было разделено между кн. И. В. Кропоткиным и А. Г. Трусовым⁵⁴. Позже его соседи кн. Гаврило Нарымов и Артемий Камаев претендовали на семенную рожь, оставленную Н. Ю. Пушкиным в своем поместье⁵⁵.

Другой сын Ю. И. Пушкина, Фатей (Фаддей) не пережил отца: в апреле 1596 г. он был верстан на 300 четвертей как новик Водской пятины⁵⁶. На ивангородском верстании 27 сентября 1605 г. он был записан в дворовых детях боярских с новым окладом в 450 четвертей⁵⁷. При неизвестных пока обстоятельствах Фатей Пушкин погиб к 1606/07 г. После его гибели некоторое время (до 1606/07 г.) его поместьем владела его жена Катерина⁵⁸. После её и Ю. И. Пушкина смерти, 30 ноября 1612 г., этот поместный двор на погосте в Павах в Шелонской пятине был отдан их дальнему родственнику Ивану Иванову сыну Пушкину⁵⁹.

Важное место среди рода новгородских Пушкиных занимал Злоба Иванов, сын Пушкин. В 1577 г. он, сын боярский Шелонской пятины, был написан в походе «с государем» на Ливонию. Он же считался тогда не новгородцем, но перновским помещиком⁶⁰, а в поход на Колывань был назван даже головой перновских помещиков в полку боярина Ивана Шереметева⁶¹. После поражения в Ливонии он, видимо, вернулся в Новгород, где в 1585/86 гг. упомянут среди помещиков Шелонской пятины (Любынский погост)⁶². Злоба Пушкин занимал видное место в

Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 140.

⁵⁴ Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 42; Дело по челобитной о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82; Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...; Отдел губным старостой Михаилом Нееловым поместья Насона Юрьева сына Пушкина в Бутковском погосте Водской пятины Андрею Григорьеву сыну Трусову. 1614. 3.02 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 722–727.

⁵⁵ Память Г. С. Оболянинову о даче семян кн. Гаврилу Нарымову и Артемию Камаеву из отписного поместья Насона Пушкина. 1614, августа // RA, NOA. Serie 2: 148. Л. 14.

⁵⁶ Лихачев Н. П. Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 113–209.

⁵⁷ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 474.

⁵⁸ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...

⁵⁹ Отдел поместья Ивану Иванову сыну Пушкину в Павском погосте Шелонской пятины губным старостой Полуужской половины Водской пятины М. Нееловым. 1612. 30.11 // RA, NOA. Serie 1: 118.

⁶⁰ Боярский список 1577 г. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191–202.

⁶¹ Разрядная книга 1550–1636 г. Т. 1. М., 1975. С. 245.

⁶² Платежные книги Зарусской половины Шелонской пятины выборных губных старост Бориса Назимова и Федора Головина. 1585/86 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16942. Л. 92 об.

новгородском войске в ходе русско-шведской войны 1590-х гг. Он именуется головой в Ивангороде с февраля 1590 г., также в 1591 г. и с 1 сентября 1591 по февраль 1592 г.⁶³ В апреле 1596 г. З. И. Пушкин служил окладчиком Шелонской пятины на новичном верстании⁶⁴. В 1603/04 г. известен его четвертной оклад в 40 рублей из Галицкой четверти. В этом году деньги за него взял Михаил Милославский⁶⁵. Надо полагать, что Злоба Пушкин скончался к 1605/06 г., когда его поместье в Шелонской пятине (в Любынском и Павском погостах) начали делить его родственники, в частности – Ю. И. Пушкин⁶⁶.

Активным участником Смуты был новгородец Шелонской пятины Владимир Андреев, сын Пушкин (схема 3). Он известен с 1578/79 г., когда записал за себя холопа⁶⁷. В 1585/86 г. он, помещик Хмерского погоста (владевший д. Терешино), уклонился от платежей губным старостам⁶⁸. В 1591/92 г. В. А. Пушкин получил в приданое людей за своей женой Пелагеей от тестя, Григория Булатова сына Шаблыкина⁶⁹. В 1595 г. В. А. Пушкин находился на межевой службе в Корельском уезде⁷⁰. В марте 1613 г. сын боярский Шелонской пятины Владимир Пушкин был назначен на службу в Новгород⁷¹, а в апреле, как губной староста Шелонской пятины, он получил грамоту об обыске по челобитной вдовы Алексея Колычева Анусьи в Которском погосте⁷². В сентябре 1616 г. трое его детей (видимо, Андрей, Богдан и Федор) были взяты в плен шведами в Которске. На Пасху 1616 г. их ещё с 7 детьми боярскими (Миногой Лазаревым с братом, А. Б. Базаниным, Никитой Мустофиним, Семеном Нелединским, Остафием Исаевым и Андреем Конд-

---

⁶³ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 428–429, 456, 466–467.

⁶⁴ Лихачев Н. П. Десять новиков... С. 113–209.

⁶⁵ Четвертчики Смутного времени... С. 7.

⁶⁶ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина...; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611 сентября... С. 140.

⁶⁷ Записная книга старых крепостей 1598 г. Без начала // *Копанев А. И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР, М.; Л., 1966. С. 164–165.

⁶⁸ Платежная книга Залесской половины Шелонской пятины губных старост Семена Горяинова и Бориса Мякинина. 1585/86 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16942. Л. 130а–130а об.

⁶⁹ Записная книга старых крепостей 1598 г. Без начала... С. 165.

⁷⁰ Дозорные книги Хмерского погоста Шелонской пятины дозора подьячего Суботы Никифорова. 1595, июля // РГАДА. Ф. 1209. Д. 973. Л. 226 об.–227.

⁷¹ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA. NOA. Serie 2: 170-B. Л. 10.

⁷² Грамота губному старосте Шелонской пятины Володимеру Пушкину от бояр и воевод об обыске по челобитной вдовы Алексея Колычева Анусьи о ее ржи, обмолоченной Григорием Обольяниновым. 1613, апреля // RA. NOA. Serie 2:38. Л. 3.

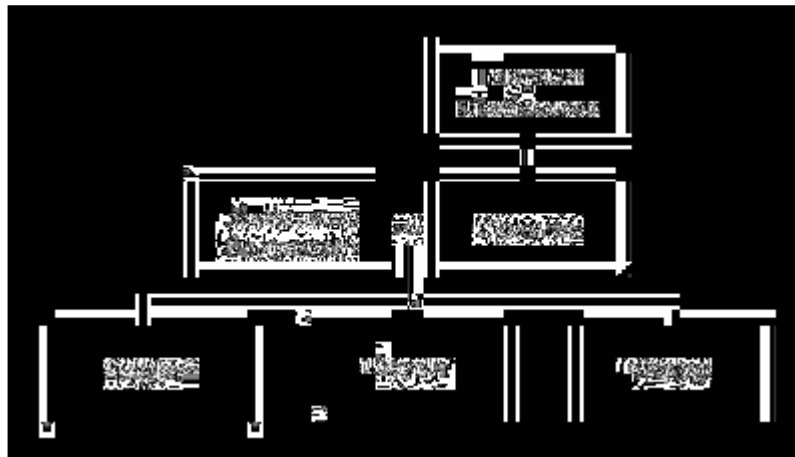

Рис. 4. Схема 3. Генеалогические связи В. А. Пушкина.

ратьевым)⁷³ воевода И. Н. Салтыков отпустил кормиться, «где хотят». Первоначально они пошли в д. Скреблово, затем к «Богослову», т. е. к Черемнецкому монастырю, там сошлись с «шишами», посланными с псковской стороны грабить и разорять Новгородский уезд. Оттуда дети боярские отошли к Которску, где и были захвачены шведским патрулём⁷⁴. Более сведений о В. А. Пушкине не имеется.

Дети В. А. Пушкина – Андрей, Богдан и Федор – в годы Смуты были мальчиками и ещё не успели в службу. Андрей Владимиров сын Пушкин 30 июня 1617 г. был с другими дворянами псковичами и новгородцами послан из Москвы во Псков, охраняя царское денежное жалованье⁷⁵. Богдан Пушкин около 1623/24 г. получил поместье в Павском погосте Шелонской пятины⁷⁶. Федор Пушкин известен как помещик Логовецкого погоста Шелонской пятины в 1628–1629 гг.⁷⁷, позднее, в

⁷³ Видимо все они были служилой молодёжью, принадлежавшей к самым низам новгородского города. Генеалогическое место среди новгородских помещиков может быть установлено только, очень приблизительно, для братьев Пушкиных, Семена Нелединского, Андрея Базанина и, весьма спорно, для Никиты Мустофина; кто были остальные новгородцы, изгнанные из Пскова И. Н. Салтыковым, определить невозможно.

⁷⁴ Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30.09 // RA. NOA. Serie 2: 39. Л. 4.

⁷⁵ Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 509–682.

⁷⁶ Дозорная книга поместных, вотчинных и пустопорожных земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. Современный список. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 141 об.

⁷⁷ Там же. Л. 169 об.

1646/47 г. также Лядского погоста⁷⁸. Согласно списку А. П. Барсукова, он служил воеводой в Чугуеве в 1651/52–23 мая 1653 г.⁷⁹

Известны еще двое Пушкиных в Шелонской пятине, Иван Иванов сын и Лаврентий Иванов сын. Родственные связи между ними установить не удастся, были ли они братьями или просто детьми тезок – неясно. Иван Иванов сын Пушкин известен как помещик Павского погоста, которому 30 ноября 1612 г. было отделено поместье (на погосте в Павах)⁸⁰. Лаврентий Иванов сын Пушкин с 7 июня по 5 июля 1613 г. собирал вместе с Семеном Назимовым корма в Порхов с Залесской половины Шелонской пятины⁸¹. Он пережил Смуту. По верстанию 4 июля 1621 г. – дворовый сын боярский с окладом в 450 четвертей и с четвертным окладом в 10 рублей⁸². Не позднее 1623/24 г. он получил поместье своего дяди Дмитрия Пушкина в Березском и Хмерском погостах⁸³. Кроме того, какой-то Третьяк Пушкин – помещик Чертицкого погоста (д. Пенково и др.) в марте 1615 г.⁸⁴ После Смуты о нём ничего неизвестно.

В Новгороде в годы Смуты ненадолго появился и другой Пушкин, «неногородский». Федор Семенович Пушкин приехал в Новгород вместе с кн. С. Г. Звенигородским ранее 6 мая 1611 г. В расходных документах новгородского винного погреба о нем упомянуто также 14 и 30 мая, а также в начале июля, за несколько дней до штурма Новгорода шведскими войсками, когда получил из новгородского винного погреба 2 ведра вина, вместе с Борисом Поливановым и кн. Даниилой Замыцким⁸⁵. По всей вероятности, это – Федор Семенович Пушкин, брат пря-

---

⁷⁸ Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Степана Глебова. 1646/47 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 310. Л. 477 об.

⁷⁹ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 264.

⁸⁰ Отдел поместья Ивану Иванову с. Пушкину в Павском погосте Шелонской пятины губным старостой Полужской половины Водской пятины М. Нееловым. 1612. 30.11 // RA. NOA. Serie 1:118.

⁸¹ Приходо-расходные книги сбора и раздачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48. С. 24.

⁸² Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. И. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 14 об.

⁸³ Дозорная книга поместных, вотчинных и пустопорожних земель Шелонской пятины Залесской половины... Л. 125 об., 553.

⁸⁴ Дозорная книга Старорусского уезда дозора Григория Никитича Муравьева да подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA. NOA. Serie 1:7. С. 75.

⁸⁵ Сборник памятей на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA. NOA. Serie 2:124. Л. 141, 148, 155; Челобитная новгородских дворян о выдаче вина из государева погреба. 1611, июль // RA. NOA. Serie 2:119. Л. 2.

мого предка поэта, Тимофея Пушкина⁸⁶. Накануне штурма 16 июля 1611 г. все они уехали из Новгорода.

Новгородские Пушкины эпохи Смуты совершенно незначительны по службе. Ни один из них не получил военного назначения – их нет ни в сотенных, ни в острожных головах. Они были среди тех рядовых помещиков западных (Водской и Шелонской) пятин, которые вместе со всем городом присягали сначала Василию Шуйскому, потом Владиславу, в 1611 г. приняли новую администрацию в лице шведского генерала Деллагарди и боярина кн. И. Н. Большого Одоевского. Зимой 1613/14 г., оказавшись в зоне противостояния с Псковом, часть Пушкиных, как и большинство помещиков Полужья, перешли на сторону противника. Не менее двух Пушкиных (Иван Васильевич и Владимир Андреевич) служили в губных старостах. Рядовые дети боярские, они почти незаметны на фоне ярких карьер фамилий Милославских и Муравьевых⁸⁷. Нет их и среди «байоров», тех, кто ушёл после 1617 г. в Шведское королевство. После Смуты немногочисленные Пушкины оставались на городских службах, только один из них, Сила Иванов сын Пушкин, выросший в разоренном Смутой поместье в Будковском погосте оказался в Москве.

---

⁸⁶ Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина... С. 57, 206–207.

⁸⁷ При том, что они пересекались. Выше было сказано о взаимоотношениях в Смуту Ю. И. Пушкина и М. И. Милославского. А И. В. Пушкин и Г. Н. Муравьев, видимо юношами, в 1580/81 г. свидетельствовали духовную грамоту И. Г. Ададунова (Духовная Ивана Григорьева сына Ододурова. 1580/81 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 1. Стб. 1–2).

Т. В. Шмелева

НОВГОРОД XVIII ВЕКА КАК ЦЕНТР РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Когда заходит речь о XVIII веке, можно столкнуться с «укоренившимся мнением о том, что Новгород этого времени не представлял ничего интересного и являлся только местом ссылки передовых людей»². Но как убедительно показано в цитируемой книге Л. А. Секретарь, жизнь в губернском городе была интересной, многообразной, отражающей дух своего времени.

В настоящей работе внимание обращается на одну сторону интеллектуальной жизни Новгорода – на то, что он был одним из центров риторического образования, и предполагается выяснить, что стоит за его такой квалификацией. Однако изложение фактов, подтверждающих такой статус Новгорода, стоит предварить замечаниями о том, какое культурно-историческое значение имела риторика для рассматриваемого периода.

Риторика как учение о публичной речи, или ораторском искусстве, уходящая корнями в античную культуру и широко практикуемая в Европе в Новое время, когда она стала важным элементом образования (тривиума), начала осваиваться русской культурой в XVII веке. Об этом говорит появление первой русской рукописной риторики, известной как «риторика Макария». Одним из ее списков владел митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий, правивший новгородской паствой с 1619 года «7 лет, один месяц и 22 дни» до своей смерти³. Некоторое время в науке была представлена точка зрения, согласно которой Макарий и был автором этой риторики. Однако тщательное сопоставление его почерка, который можно изучить по документам, хранящимся в

---

¹ Ранее опубликована филологическая версия этой статьи: Шмелева Т. В. Риторика в Новгороде XVIII века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 3. URL: <http://www.novsu.ru/file/1180102>

² Секретарь Л. А. Дома, события, люди (Новгород. XVIII – начало XX в.). Великий Новгород, СПб., 1999. С. 9.

³ Кафедра новгородских святителей. Жития, сведения и биографические очерки: в 3 т. / под ред. архиепископа Новгородского и Старорусского Льва; сост. Г. С. Соболева. В. Новгород, 2011. Т. 2. С. 767.

библиотеках, с почерком этой рукописи заставили отказаться от такой атрибуции⁴.

Сегодня может считаться общепризнанной квалификация первой русской риторики как перевода с латинского текста. Автор оригинала установлен – это немецкий ученый Филипп Меланхтон⁵. Установлено также, что переводчик был большим знатоком латыни и греческого языка, с одной стороны, и русской культуры – с другой. Он создал русский текст, располагая риторикой Меланхтона издания 1577 года и снабжая ее примерами из русской истории. Однако личность этого переводчика не известна⁶. Что же касается места, где данный перевод был сделан, то такая возможность не исключается для Москвы, Новгорода, Троицкого и Соловецкого монастырей⁷.

Изучение 34 сохранившихся до наших дней списков этого перевода позволило сделать вывод о распространении текста переводной риторики на значительной территории нашей страны. Интересно отметить, что при исследовании ее списков возникают фигуры новгородцев; кроме митрополита Макария – это писец Иакинфъ, «житель великаго Новаграда»; Иван Козырев, тоже «житель великаго Новаграда»; «новгородский мещанин Федор Васильевич Фирсов»⁸.

Чрезвычайно важно замечание В. И. Аннушкина о том, что обучение риторике в XVII веке было «теоретическим»: тексты риторик переписывались, заучивались, но применять ее в речевой практике не предполагалось⁹. И это существенная характеристика всего образования XVII века, построенного на усвоении текстов, но не их анализе и тем более конструировании собственных. Кроме того, следует подчеркнуть, что хотя эта риторика и именуется русской, ее язык был – церковнославянским, ведь именно он тогда служил средством не только религиозного общения, но и культуры в целом. Удивительно вообще, что эта риторика появилась и имела распространение, ведь для того времени был более характерен протест против грамматики, риторики и философии, многочисленные свидетельства чего приводит Б. А. Успенский¹⁰.

В XVIII веке ситуация решительно изменяется. «Новый быт, расширяющееся техническое образование, смена идеологических вех – все

---

⁴ Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М., 1999. С. 220.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 320, 322, 326.

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994. С. 7–25.

это требовало новых форм выражения»¹¹. Эта «новизна форм выражения» касалась не только обновления письма (гражданица), нового литературного языка – собственно русского, но и новых принципов речевой практики. Именно поэтому в ходе Петровских реформ возникает социальный запрос на риторику и риторическое образование.

Возвращаясь к статусу Новгорода как центра риторического образования в XVIII веке, следует сказать, что эта квалификация принадлежит историку русской риторики В. П. Вомперскому¹². Он представляет такие центры, называя Киев, Москву, Новгород и старообрядческую пустынь на Выгу. Конечно, перечислять их в одном ряду сложно, у каждого из них своя история, хронология, судьба; все они изучаются в отечественной истории и филологии¹³. Стоит только подчеркнуть, что эти центры противопоставляла ориентация на византийские или европейские традиции, а значит, на греческий или латинский язык. Это противопоставление «разводило» «латинский» Киев и «греческую» Москву со следующими за ней Новгородом и (весьма специфически) Выгом. Сопоставляя эти центры или рассматривая один из них, следует обозначить основания, которые позволяют отнести город к таким центрам – это прежде всего среда для риторического образования, затем бытование риторик, использование их в обучении, создание текстов новых риторик. Рассмотрим каждое из этих оснований применительно к Новгороду.

Среду бытования риторики в Новгороде составляло образованное священство, преподаватели и учащиеся учебных заведений, которые именно в этот период выросли – количеством, и числом обучаемых. Первыми следует назвать «эллино-славянские схолы», или Великоновгородскую грекославянскую школу, открытую в 1706 году по благословению митрополита Иова¹⁴. В этом учебном заведении трудились «словеснейшие учителя»¹⁵ братья Софроний и Иоанникий Лихуды, а впоследствии их ученики¹⁶. Кроме того, в 1720–1730 гг. действовали пар-

---

¹¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 57.

¹² Вомперский В. П. Риторика в России в XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 10.

¹³ См. указ соч. В. П. Вомперского, а также, напр., Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 155. URL: http://odrl.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=AjGS_mNF2ro=&tabid=2282

¹⁴ Кафедра новгородских святителей... С. 1087–1134. В главе, посвященной митрополиту Иову, подробно описываются его труды по созданию и поддержанию училищ, воспроизводятся его письма об их успехах (С. 1095–1099).

¹⁵ Так их называет митрополит Иов в письме архимандриту Сильвестру в 1706 году. Кафедра новгородских святителей... С. 1097.

¹⁶ Школа и ее основатели изучаются в работах историков: Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899; Вознесенская И. А. Архиерейская школа

тикулярные школы епархии – Розважская, Старорусская, Валдайская. Каргопольская¹⁷. Было несколько попыток организовать работу латинских школ, но каждый раз просуществовать более двух лет им не удавалось¹⁸. Наконец, в 1740 году организуется Новгородская духовная семинария, ставшая серьезным образовательным центром, где изучались церковнославянский, греческий, латинский и древнееврейский языки¹⁹. При ее организации «Штатом о содержании архиерейского дома» предусматривалось изучение риторики, этот класс удалось открыть в 1742 году²⁰. Таким образом, в Новгороде была сформирована полноценная среда для изучения риторики.

Если говорить о текстах риторик и их бытовании, то следует начать с риторики Софрония Лихуда. Ее тщательное текстологическое исследование, а также публикация одного из ее списков с воспроизведением титульного листа рукописи осуществлены В. И. Аннушкиным²¹. Опираясь на эти данные, а также иные публикации, можно представить информацию, наиболее значимую для рассматриваемой проблемы.

В Новгород Софроний и Иоанний Лихуды, образованные греки с европейским университетским образованием, были приглашены митрополитом Иовом²² в 1706 году, чтобы учить новгородских юношей

Фёдора Максимова // София. 2001. № 3. С. 32–33; Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 2015–235; Вознесенская И. А. Новгородская архиерейская школа // Лихудовские чтения–2004. Великий Новгород, 2009. С. 55–59; Гуманитарное образование в Великом Новгороде (история и современность). Великий Новгород, 1999. С. 45–46; Секретарь Л. А. Дома, события... С. 15–19; Салоников Н. В. Новгородская школа братьев в Лихудов в 1717–1723 гг. (по данным ГАНУ) // Лихудовские чтения – 2004. Великий Новгород, 2009. С. 47–54.

¹⁷ Салоников Н. В. Новгородская школа... С. 50.

¹⁸ Вознесенская И. А. Новгородская архиерейская школа .... С. 57.

¹⁹ Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская духовная семинария и традиции Киево-Могилянской академии (к вопросу о характере междивизиационных контактов) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998; Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010; Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История в лицах. Великий Новгород, 2014.

²⁰ Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История ... С. 10.

²¹ Аннушкин В. И. Текстология и содержание сочинения Софрония Лихуда «О риторической силе» (1698 г.) // Лихудовские чтения–2004. Великий Новгород, 2009; Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

²² Митрополит Иов возглавлял новгородскую кафедру в 1697–1716 гг. Он остался в истории постройкой храмов, спасением новгородцев от мора, благотворительной и просветительской деятельностью. В 1706 г. Лихуды «по интригам» находились в заточении в костромском Ипатьевском монастыре. «Иов выпросил их у Петра Великого и учредил при доме своем два училища – греко-латинское и словенское». Кафедра новгородских святителей... С. 1087–1095.

«грекославянолатинской грамматике»²³ и другим наукам. Риторика была написана Софронием до приезда в Новгород, а может быть, даже до приезда в Москву, который состоялся в 1685 году. Греческий оригинал изучен специалистами²⁴, установлено, что списки его были в библиотеке семинарии. Однако чаще, говоря о риторике Софрония Лихуда, имеют в виду ее славянский текст – это перевод Козмы Афоноверского, сделанный в 1698 году «за многое тщание и иждивение ученика его, крашенинного ряда купца, Ионна Иаоннова сына, нарецаемого *Краткого*», как написано в открывающем риторическом обращении к читателю (именно он воспроизведен В. И. Аннушкиным).

Кстати, Козма Афоноверский, образованный грек, трудившийся в московском Чудовом монастыре, который тогда был центром греческой образованности, в 1710 году написал собственную риторическую «Книгу всекрасного златословия», поражающую специалистов широким знанием российской истории и культуры. Но сведениями о её использовании в Новгороде не располагаем.

Риторика Софрония Лихуда, или, как она именуется на титульном листе, воспроизведенном на форзаце уже упоминавшейся хрестоматии, «О силе риторических, или о Риторике», включает четыре книги, каждая из которых разделена на главы. Первая книга после глав о риторике – «*О естестве риторики*», «*О достоинствах риторики*», «*О пользе риторики*», «*О веществе риторики*»... – сообщает об основных «*частях риторических*»: *обретении, изложении, расположении, красноглаголании, памяти и произношении*. Если отвлечься от архаичности терминологии, то в этих частях узнаются известные из античных риторик и терминологически знакомые нам от Ломоносова – изобретение, украшение, расположение, произношение.

По мнению исследователя, «главным в лихудовском сочинении была новизна определений и стилистическая выразительность»²⁵. В качестве содержательной особенности риторики Софрония Лихуда отмечено описание торжественной (эпидейктической) речи. Как можно судить по приведенным в хрестоматии фрагментам, четвёртая книга риторики содержит перечисление объектов похвалы (похвала художества или ремесла, похвала лиц, похвала града) – и при этом предлагает возможную композицию речи. Говоря современным языком, Софроний Лихуд для каждого типа речи предлагает план с ключевыми словами и их последовательностью. Это и дает основания предполагать, что его риторика не только заучивалась, но применялась к речевой практике – с

---

²³ Выражение митрополита Иова из его письма. Кафедра новгородских святителей... С. 1097.

²⁴ Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. М., 1992.

²⁵ Аннушкин В. И. Текстология... С. 34.

её помощью учащиеся, и новгородские в том числе, сочиняли собственные речи и произносили их публично.

Риторику Софрония Лихуда современные исследователи, изучившие ее русский перевод в 33 сохранившихся списках, считают «самым популярным сочинением по риторике в петровское время»²⁶.

Противоположная по своему происхождению и языку риторика Феофана (Прокоповича) тоже была известна в Новгороде. Феофан возглавлял Новгородскую и Великолуцкую митрополию с 1721 по 1725 год; при нём были упразднены партикулярные школы, открытые Иовом, лучших учеников Лихудовой школы он взял в Петербург, где основал школу на Карповке²⁷.

Риторика Феофана Прокоповича «*De arte rhetorica libri...*», написанная на латыни по материалам курса лекций, прочитанных автором слушателям Киево-Могилянской академии в 1706–1707 гг.²⁸, была в библиотеке Новгородской духовной семинарии. Об этом можно говорить уже хотя бы потому, что в библиотеку входило книжное собрание Феофана Прокоповича²⁹. Историки русской риторики говорят о руководстве Феофана как о выдающемся явлении в истории отечественного красноречия³⁰. Оно состояло из 10 «книжек» и включало сведения о том, каким должен быть оратор и как он должен «возбуждать страсти» слушателя. Завершается риторика характеристикой разных видов речей – судебной, похвальной и т. п.³¹

Семинаристам была доступна и риторика архиепископа Амвросия (Юшкевича), возглавлявшего епархию в 1740–1745 гг.³² основателя семинарии, а до того преподававшего в Вологодской семинарии, для которой и была написана эта риторика. Однако о ней можно извлечь только самые общие сведения, например, что она была написана на латыни и датируется 1739 годом³³.

Все рассмотренные риторики были рукописными, поэтому речь идёт об их списках, в некоторых случаях известны имена переписчиков.

---

²⁶ Аннушкин В. И. Текстология... С. 30.

²⁷ Кафедра новгородских святителей... С. 1155–1165. Риторика Феофана фигурирует в списке книг и рукописей, которые «заслуживают особого внимания по редкости» в «Кратком очерке Новгородской духовной семинарии» Г. И. Светлова, опубликованном в 1917 г. и воспроизведенном в книге: *Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. Наставники...* С. 204. Там указывается, что речь идёт о списке, который сделан Стефаном Савицким в 1707 г.

²⁸ Аннушкин В. И. История... С. 128; Понырко Н. С. Указ. соч. С. 159.

²⁹ *Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История...* С. 13.

³⁰ *Вомперский В. П. Риторика...* С. 36.

³¹ Там же. С. 78–79.

³² Кафедра новгородских святителей... С. 1173–1178.

³³ Аннушкин В. И. История... С. 13.

Кроме этого, Н. В. Салониковым выявлен целый ряд латинских риторик, относящихся к старопечатным книгам. Это «труд известного богослова реформатской церкви и педагога Иоганна Штурма «De imitatione oratoria libri tres» (1574), риторика «доминиканского профессора теологии в Кёльне» Людовика Гранатенсия «Rhetoricae Ecclesiasticae...» (1611), книга профессора элоквенции и истории Матвея Дрессера «Rhetoricae inventionis» (1584?), произведение Эдмунда Рихтера «De arte figurarum et causis eloquentiae» (1605), «комментарии к риторикам Аристотеля и Филиппа Меланхтона», авторами которых являются Христофер Шрадер – «De rhetoricorum Aristotelis sentential...» (1674) и Иоганн Мартин – «Institutionis Rhetoricae ex Plilippo Melanchtone» (1638). Эти книги попали в библиотеку Новгородской духовной семинарии в составе книжных собраний Феофана (Прокоповича) и Амвросия (Юшкевича), а также иными невыясненными путями³⁴.

Таким образом, можно считать бесспорным, что в Новгороде в интересующий нас период имелся ряд рукописных риторик и старопечатных европейских, что позволяет сделать вывод об их бытовании в городе. Характерна надпись на одном из списков риторики Софрония Лихуда, обнаруженном в библиотеке Выговской пустыни: «Сия книга Риторика есть новгородского Знаменского собора священника Алексея Иродионова домашняя»³⁵. Это убеждает в том, что риторику не только преподавали в училище, но и в домашних библиотеках священников были рукописные учебники. Кроме того, известна греческая риторика Иоанникия³⁶. Более многочисленны, как видно из приведённых данных, латинские риторики. В целом репертуар риторических сочинений в Новгороде XVIII века впечатляющий. При этом нельзя не отдавать отчёт в том, что судить о реальном количестве риторических сочинений, бытовавших в городе, мы можем лишь предположительно, поскольку заведомо не все списки риторик и экземпляры старопечатных книг сохранились или выявлены.

Вопрос о том, как они использовались в обучении, можно решать на основе документальных свидетельств. Из письма префекта семинарии Иосифа (Ямницкого) известно, что в 1744 году риторику в семинарии изучали 80 человек³⁷. Последовательных «погодных» данных такого рода у нас нет, число учащихся колебалось. В этой связи интересно отметить такой факт: «...в 1765 году состоялось высочайшее повеление об отправлении 10 человек семинаристов, прошедших школу

---

³⁴ Салоников Н. В. Круг чтения новгородских семинаристов в первой четверти XIX века // Лихудовские чтения–2004. В. Новгород, 2009. С. 162–163.

³⁵ Понырко Н. В. Указ. соч. С. 157.

³⁶ Там же.

³⁷ Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История... С. 15.

риторики, в Англию для прохождения курса наук в тамошних университетах с целью подготовки профессоров для предполагавшегося к открытию в Москве богословского факультета»³⁸. Значит, подготовка новгородских семинаристов представлялась достаточной для продолжения образования в европейских университетах.

Со ссылкой на статью В. А. Смирнова, опубликованную в 1894 году в «Новгородских епархиальных ведомостях», Л. А. Секретарь сообщает, что в «школах риторики и пиитики учащиеся занимались чтением русской поэзии и латинских авторов: Цицерона, Вергилия, Горация, Курция, стилистическим разбором текстов и написанием собственных виршей и поздравительных речей»³⁹.

Авторы учебников были известными ораторами. Хорошо известно, что современники считали Феофана (Прокоповича) великим ритором и в области духовного красноречия отдавали ему пальму первенства⁴⁰. Конечно, семинаристы изучали его речи, например, феофановское «Слово на погребение Петра» цитировалось в риториках как высокий образец ораторского искусства⁴¹. Были в семинарии и «предики» Амвросия (Юшкевича), посвящённые императрице Елизавете Петровне, он из Москвы переслал их в семинарскую библиотеку, что известно из его переписки⁴².

О том, что семинаристы читали выявленные экземпляры риторики, говорят обнаруженные Н. В. Салониковым записи библиотекарей на книгах типа «выдана из казны Ивану Воробьеву для пользы», или более кратко – «Малиновскому казенная», «Евграфу Орнатскому»⁴³. Эти записи относятся к первой четверти XIX века, но, поскольку есть достоверные сведения о том, что книги были в библиотеке уже в XVIII в., кажется, есть основания предположить, что их и читали в это время. Во всяком случае отсутствие записей библиотекарей на книгах может быть связано с уровнем культуры библиотечного дела, который был характерен для двух изучаемых столетий. Показательно, что «Книги расписок учащихся духовной семинарии в получении книг из библиотеки», которые Н. В. Салоников считает «важным источником», обнаруживаются только для XIX века – первая такая книга датируется 1819 г.⁴⁴.

Что касается изучения риторики, то о нём можно судить по некоторым документам. Так, в архиве имеются ведомости, где в столбце

---

³⁸ Смирнов Г. И. Краткий... С. 157.

³⁹ Там же. С. 12.

⁴⁰ Граудина Л. К., Мисьякевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989. С. 19.

⁴¹ Там же.

⁴² Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История... С. 14.

⁴³ Салоников Н. В. Круг чтения... С. 163.

⁴⁴ Там же. С. 162.

«Кто что изучил» обозначено: «...славянския риторики от 20 фигуры до расположения больших слов»⁴⁵. Ведомость показывает, как оценивались успехи в изучении «славянской риторики»: только один ученик – Евстафий Феодоров – заслужил оценку «*понятен*», два других оценены – «*посреднему*» и «*непонятны*», а последний «*прилежен*» (правда, Евстафию, как сообщается в ведомости, уже 23 года, тогда как другим 16, 19, 21)⁴⁶. Хранятся и протоколы допроса учеников при разбирательстве нерадивости учителя Иова в 1717 году, где можно прочесть такие обличающие слова: «...грамматику и риторикку учением и толкованием *дидаскала кир Иоанникия Лихудиева прошедшим и толковал неповсенедельно*»⁴⁷.

Таким образом, мы располагаем достаточным количеством фактов, чтобы с уверенностью говорить о том, что в Новгороде риторика изучалась. При этом изучение риторики было основано на знакомстве с широким кругом риторических трудов, состояло оно не только в штудировании (переписывании) учебников, но и в изучении образцов красноречия – текстов ораторов, а также в собственных опытах составления и произнесения речей.

Рассматривая последнее из оснований, формирующих центры риторического образования, обратим внимание на сведения о риториках, написанных в Новгороде. Стоит напомнить, что практиковалось написание учебников преподавателями семинарии; так, в РНБ хранится учебник риторики, написанный иеромонахом Иосифом (Ямницким)⁴⁸. Наиболее подробной информацией мы располагаем о риторике, написанной Георгием Данииловским (иногда пишется *Даниловский*)⁴⁹. Она известна всего в трёх списках, один из них фрагментарно воспроизведён в упоминаемой уже не раз хрестоматии⁵⁰.

О её авторе сообщается, что «его жизнь протекала в Петербурге и Новгороде»⁵¹; при этом он «в 1720-х годах – учитель и проповедник в

---

⁴⁵ Салоников Н. В. Новгородская школа... С. 53.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 48.

⁴⁸ Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История... С. 11. Со ссылкой на: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Лихудовский музей: день за днем. В. Новгород, 2008. С. 24.

⁴⁹ Вомперский В. П. Первая петербургская риторика начала XVIII в. // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию академика В. И. Борковского / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1985. С. 231–237. Материал этой статьи составил главу 13 книги: Вомперский В. П. Риторика... С. 96–102. Там же он называет эту риторикку при характеристике Северо-Западного центра развития риторики (С. 10).

⁵⁰ Аннушкин В. И. История... С. 150–152.

⁵¹ Вомперский В. П. Первая... С. 231; Вомперский В. П. Риторика... С. 96; Аннушкин В. И. История... С. 150. Эта информация дается последним со ссылкой на труд

доме новгородского епископа»⁵². То, что эта риторика написана по-русски для преподавания в Александро-Невской лавре, даёт основания предположить, что она создавалась в Новгороде, куда автор приехал после окончания московской Славяно-греко-латинской академии.

Созданная на тридцать лет позже, чем сочинение Софрония Лихуда, эта риторика соответствует своей эпохе – когда живая речь активно вторгается в речевую практику, даже церковную. Её структура повторяет сложившийся ещё в античные времена порядок: изобретение, расположение, изглаголение, память, произношение. Но язык риторики отличается простотой и значительным объемом русской терминологии, которая дается параллельно греческой или латинской, как, например, при толковании тропов: «синонима – тождеименитство, градация – поступление, эпитетон – приложение, компар – уравнение, ирония – глумность или насмевание...»⁵³.

О том, что риторика Данииловского продолжает линию продвижения в сторону светскости, говорит та её часть, в которой описываются «роды речей»: род показательный, род разсудительный, род судебный. Интересно перечисление разновидностей этих «родов», в которых проглядывают уже ставшие привычными для нас речевые жанры (по Бахтину и современным представителям жанроведения). Так, к роду показательному Данииловский относит «*словеса похвальныя, поносительная, благодарственная, историческая, преветственная, плачевная, надгробная, поздравительная, вручительная, празнственная, торжественная и сим подобная*». А к «роду разсудительному» – речи «*советовательная, отсоветовательная, увещательная, отводительная, наказовательная, обличительная, просительная, молительная, ходатайственная, утешительная, завецательная, наставительная и сим подобная*»⁵⁴. Даже этот список показывает, насколько детально представлена в риторике живая речь со множеством ее коммуникативных задач.

Итак, в Новгороде имелись все основания для того, чтобы считать его центром риторического образования. Как же его можно охарактеризовать, опираясь на изложенные сведения?

Представляется, что для такой характеристики различия риторических центров, которые указаны В. П. Вомперским, не стоит преувеличивать. Конечно, ориентация Киева на Европу, а Москвы – на Византию относится к фактам бесспорным. Но в Новгороде эти ориентации даже в первой половине XVIII века выглядели по-разному. Если митро-

---

А. Родосского «Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание» (СПб., 1894. С. 230).

⁵² Понырко Н. В. Указ. соч. С. 157. Со ссылкой на тот же труд А. Родосского.

⁵³ Вомперский В. П. Риторика... С. 97.

⁵⁴ Там же. С. 99.

полит Иов «не любил школ киевских и людей, из них вышедших, а потому завел у себя в Новгороде школу для обучения всякого чина людей, в особенности для образования достойных пастырей в противовес киевскому научному направлению»⁵⁵; то Амвросий (Юшкевич) организовал семинарию по образцу Киево-Могилянской академии, которую он окончил и из которой «вызвал» преподавателей – Иннокентия (Мигалевича), Антония (Пашкевича), Василия Кудрамантовского, Иосифа (Ямницкого), Иоасафа (Миткевича), последние пользовались особым уважением учеников и возглавляли семинарию⁵⁶.

Для понимания взаимодействия традиций важно учитывать перемещения авторов, знатоков и учителей риторике, раторов, а именно с такими людьми «передвигаются» и риторические традиции. Братья Лихуды приезжают в Новгород из Москвы со своим византийским опытом; отсюда же приезжает Георгий Данииловский, с опытом Славяно-греко-латинской академии, где преподавали Лихуды; Феофан Прокопович привозит традиции Киево-Могилянской академии, а Амвросий Юшкевич с аналогичным опытом успевает адаптировать его к преподаванию в Вологодской семинарии. Это позволяет думать, что Новгород как центр риторического образования характеризуется синтезом разных риторических традиций – греческой и латинской, как она культивировалась в Киеве, Польше, Германии. При этом вырабатывались основы собственно русской риторики.

Однако вырабатывались они с большим трудом. В преподавании весь рассматриваемый век господствовали латинские учебники. Показательно, что когда М. В. Ломоносов подготовил в 1744 году «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», оно не было утверждено Академией наук на том основании, что было написано не на латинском, а на русском языке⁵⁷. Вторая версия книги – «Краткое руководство к красноречию...» всё-таки вышла в 1748 году, получила высокую оценку, из Академической книжной лавки сообщали, что её «беспреданно спрашивают»⁵⁸. Однако в реальном преподавании использовалась более всего «бургиева риторика» – «Elementa oratoria...» Иоганна Фридриха Бурга, изданная в типографии Московского университета в 1776 году⁵⁹. В указе Св. Синода 1798 года предписывалось в

---

⁵⁵ Кафедра новгородских... С. 1095.

⁵⁶ Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История... С. 8–9.

⁵⁷ Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. М., 1986. С. 384.

⁵⁸ Там же. С. 386.

⁵⁹ Это издание предпринято Н. Н. Бантыш-Каменским, который в 1779 году издал и русский перевод этого труда немецкого учёного, который неоднократно переиздавался в конце XVIII в. Эти сведения – из статьи: Алексеев Н. Ю. Риторика и поэтика Российской

духовных семинариях наблюдать, «чтобы вместо прежней риторики Бургиевой была изъясняема новоизданная»⁶⁰. Но вопрос о переходе с латыни на русский язык в семинарском преподавании до конца следующего века даже не поднимался.

Хотя после ломоносовской «Риторики» вышло в 1778 году «Краткое руководство к оратории российской... Амвросия Серебрянникова, «обращенное к юношеству»⁶¹, предполагать, что рукописные риторики немедленно исчезли из употребления, было бы слишком прямолинейно. Так, известно, что латинские учебники риторики переписывались в разных городах весь XVIII век⁶², а читались, как показал Н. В. Салоников в цитированной выше статье, – и в начале XIX в. Расцвет собственно русской риторики начинается только в 1820-е годы, в новых учебных заведениях – университетах, военных училищах, лицее, а этот период выходит за рамки данной работы.

Возвращаясь к основному тезису работы о Новгороде как центре риторического образования, стоит обсудить вопрос о том, насколько уникальным был этот центр. Новгородская духовная семинария открылась в то время, когда формировалось российское духовное образование, и оказалась в ряду такого рода учебных заведений в губернских городах. Данные об этом легко обнаружить в открытых интернет-ресурсах, поскольку духовные семинарии в многих областных городах сегодня возобновили работу и располагают собственными сайтами, на которых размещены исторические справки. Просмотр таких сайтов показывает, что в Смоленске духовная семинария открылась в 1728 году, в Вологде – в 1730; в Пскове – в 1732; в Твери – в 1739. Открывались семинарии – и после Новгородской (Тобольск – 1743 г.; Кострома и Ярославль – 1747 г.) до конца века, так, в Туле это событие произошло в 1799 году. Следовательно, Новгородская духовная семинария – одно из звеньев этой духовно-образовательной цепи.

Если говорить о влиянии других семинарий на работу Новгородской, то здесь речь должна идти в первую очередь о столичных учебных заведениях. Московская славяно-греко-латинская академия, основанная в 1685 года как «эллино-славянские школы» Лихудов, преобразованные в Славяно-греко-латинскую академию, которая в 1814 году переведена в Троицкую лавру, объединена с работавшей там с 1727 года семинарией, и получила статус духовной академии, в каковом действует до сих

академии: история неудачи. URL: lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=9SPJ-gy-8cyg=&tabid=10207

⁶⁰ Смирнов Г. И. Краткий очерк... С. 195.

⁶¹ Алексеев Н. Ю. Указ соч.

⁶² Аннушкин В. И. Опыт периодизации истории русской риторики // Риторика. 1995. № 2. С. 133.

пор. Будучи «кузницей кадров» для всей России, московская академия служила прообразом новгородской школы Лихудов, впоследствии получила оттуда преподавателей для семинарии, отправляла своих выпускников для продолжения духовного образования. Более тесные отношения были у новгородской семинарии с учебными заведениями Петербурга: учащиеся семинарии отбирались для обучения в Академическом университете и Славяно-греко-латинской семинарии, образованной в Александро-Невской лавре в 1725 году.

Были в этом взаимодействии и негативные для семинарии последствия: *«Александро-Невская семинария, пользуясь близостью и особым вниманием епархиального владыки, росла и улучшалась в значительной мере за счет Новгородской семинарии, которая находилась на положении падчерицы еще и раньше 1788 года. Лучшие учителя и ученики переводились из Новгородской в Невскую семинарию ... К началу 1788/1789 учебного году высшие классы Новгородской семинарии были закрыты»*⁶³. Новгородская семинария, таким образом, превратилась в четырехклассное училище, более того, в Петербург была переведена её библиотека⁶⁴. Через 12 лет статус семинарии был восстановлен, но это уже было начало следующего века и нового этапа развития учебного заведения.

Таким образом, в течение XVIII века понятие «центр риторического образования» выглядело для Новгорода по-разному, но каждый из этих этапов представляет интерес как для исторической, так и для филологической науки, которая придает большое значение проблемам формирования отечественной словесности и её роли в гуманитарном образовании.

---

⁶³ Смирнов Г. И. Краткий очерк... С. 193.

⁶⁴ Там же.

И. А. Мельников

**ДЕЯТЕЛИ РОССИЙСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА XVIII ВЕКА
СРЕДИ ВЫПУСКНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ СЕМИНАРИИ¹**

*Светлой памяти исследователя русской
традиционной культуры, замечательного
педагога и моего учителя М. И. Васильева.*

Новгородская духовная семинария, которая в узком смысле подразумевала образование и воспитание церковнослужителей, на деле являлась единственным в то время новгородским учебным заведением, в религиозной форме приобщавшим учеников к достижениям гуманитарного знания. Несмотря на важную роль семинарии в становлении российского просвещения, современному исследователю известны судьбы лишь тех немногих выпускников первых лет ее существования, которые заняли устойчивое положение в иерархической структуре Греко-русской Церкви, став ее видными деятелями. Судьба же прочих выпускников, начавших свое обучение еще в школе при Архиерейском доме, известна лишь фрагментарно. Особенно сложно установить характер их интеллектуальной деятельности и мировоззренческих позиций, которые теоретически могли не вписываться в рамки официально-церковного православия синодального периода.

В этой связи интерес представляют два выпускника Новгородской семинарии, жизнь и деятельность которых до сих пор не была подробно освещена в специальной литературе. Речь идет о старообрядческих наставниках Алексее Самойлове и Григории Яковлеве. Их личность и уникальная судьба, прослеживающаяся в документах эпохи, ценны для исследователя по трем причинам. Во-первых, мы можем получить представление о характере конфессиональной жизни Новгорода первой

---

¹ «Исследование осуществлено на средства федерального бюджета на проведение научно-исследовательской работы (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок) № 2667, выполняемой в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности на 2016 год».

половины – середины XVIII в. Во-вторых, мы можем проследить традицию раннего старообрядческого богословия, соединявшего в себе черты русской религиозной мысли и достижения западноевропейской схоластики, без слепого подражания последней. В-третьих, подобные исследования дополняют данные по истории образовательных учреждений в Новгороде XVIII в.

Сведения о выпускниках Новгородской семинарии Алексее Самойлове, который был наставником в Новгороде, и Григории Яковлеве, духовно окормлявшем староверов в Астрахани, содержатся в «Историческом словаре староверческой церкви»² и «Каталоге или Библиотеке староверческой церкви»³, принадлежащих перу Павла Онуфриева (Любопытного) – петербургского старообрядческого писателя поморского согласия⁴. Данные, фигурирующие в этих сочинениях, написанных в первой половине XIX в., повторяются и в более позднем (1850-е гг.) «Алфавите духовном» Василия Золотова – поморского автора, окончившего свои дни в Гатчине⁵. Очевидно, что память об этих деятелях, включенных в число «*особ отличных древлеправославного христианства*», была достаточно устойчивой у староверов северо-западных провинций Российской империи (включая Прибалтику) на протяжении XIX в.

Стоит отметить, что сведения, приводящиеся в старообрядческих источниках, крайне скудны, а также далеко не всегда передают достоверную информацию. Собственно, данные об Алексее Самойлове и Григории Яковлеве имеются лишь в сочинениях Павла Любопытного, в то время как произведение Василия Золотова является в данном случае поздней компиляцией из этих сочинений. Этот факт существенно затрудняет возможность идентификации данных лиц по архивным источникам. Мы полагаем, что подобная попытка, предпринятая нами, существенно дополняет и корректирует сведения, известные нам по произведениям старообрядческих книжников первой половины – середины XIX в.

Согласно «Историческому словарю» Павла Любопытного, оба наставника были студентами Новгородской духовной семинарии⁶. Однако

---

² РГБ. Ф. 173.3 № 79. Л. 4 об–6 об.; 24–25.

³ Там же. Л. 116–119; 136 об–137 об.

⁴ О нем см. *Пругавин А. С.* Отщепенцы. Староверы и новоязыки. Очерки из области современных религиозно-бытовых движений русского народа: в 2 ч. СПб., 1884. Ч. 1. С. 81–83; *Каменова Е. А.* Петербургские старообрядцы в XVIII – первой половине XIX века. СПб., 2013. С. 121–123.

⁵ *Золотов В.* Алфавит духовный, в нем же сущее содержание, бытское воспоминание // «Алфавит духовный» Василия Золотова: исследование и текст. Вильнюс, 2014. С. 141, 142, 199, 200.

⁶ РГБ. Ф. 173.3 № 79. Л. 4 об., 24.

уже в описании жизни Григория Самойлова мы сталкиваемся с явным анахронизмом – указанием на то, что он был «сотоварищем» (по обучению) ростовскому митрополиту Димитрию (Туптало)⁷. Очевидно, что это не может соответствовать действительности, т. к. Димитрий Ростовский никогда не был учеником Новгородской семинарии и умер задолго до ее основания. В данном случае, вероятно, подразумевается другой видный иерарх синодальной церкви – воронежский епископ Тихон (в миру – Тимофей Савельев), в самом деле обучавшийся в Новгороде. Наша догадка подтверждается тем, что в жизнеописании Григория Яковлева последний характеризуется уже как «*сотоварищ Тихону, епископу Воронежскому*»⁸. Скорее всего, имя этого иерарха, причисленного Синодом к лику святых лишь во второй половине XIX в., в более раннее время не было столь знакомо староверческому книжнику, что и могло вызвать путаницу.

Другим явным внутренним противоречием источника является указание о годах жизни староверческих наставников. Согласно Павлу Любопытному, Алексей Самойлов умер в 1771 г. 80 лет от роду, т. е. родился в 1691 г. Григорий Яковлев скончался в 1757 г. в возрасте 67 лет, т. е. год его рождения следует отнести к 1690 г.⁹ Однако при такой датировке остается непонятным, как они могли быть учениками семинарии, учрежденной лишь в 1740 г. и являться современниками и однокашниками Тимофея Савельева – будущего Тихона Задонского. Даже если допустить, что под семинарией ошибочно подразумевается Новгородское духовное училище при Архиерейском доме, второй вопрос остается неразрешимым. Кроме того, в известных нам списках учеников Новгородской славяно-греческой школы лица с такими именами не фиксируются.

Исходя из сказанного выше, мы полагаем, что Павел Любопытный не обладал достоверными данными о времени рождения Алексея Самойлова и Григория Яковлева, учитывая, что «Словарь» и «Библиотека» составлялись им в 1820-х гг., т. е. спустя несколько десятилетий после кончины последних. Более точные сведения об этих значимых деятелях староверия мы можем почерпнуть из архивных источников. Действительно, в списке первых учеников Новгородской духовной семинарии, переведенных в нее из школы при Архиерейском доме в 1740 г., имеются дети церковнослужителей Алексей Самойлов и Григорий Яковлев¹⁰.

---

⁷ РГБ. Ф. 173.3 № 79. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 6 об., 25.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596.

Согласно этому документу, Алексей Самойлов родился в 1722 г. и был сыном дьячка Самуила Леонтьева. В то же время в «Историческом словаре» Алексей Самойлов назван сыном попа, что может являться неточностью, вызванной обобщенным представлением о семинаристах – детях священнослужителей. С другой стороны, уточнение Павла Любопытного «*новгородского попа сын*» подтверждается документом – Самуил Леонтьев служил в церкви Симеона Столпника, относившейся к Иаковлевскому собору в Неревском конце¹¹. Также из архивного источника становится известным, что Алексей в 1738 г. был определен в школу при Архиерейском доме, откуда в числе лучших учеников переведен в семинарию. К этому моменту его отец уже умер. В 1740 г. он был обучен инфиме и обучался грамматике. Учителями отмечалось, что в познании нелегкой семинарской науки он «поятен». Из более позднего документа известно, что Алексей Самойлов доучился до класса поэтики¹². На этом документальные свидетельства жизни будущего наставника новгородских староверов обрываются.

Неизвестно, каким образом сын дьячка господствовавшей церкви принял решение стать последователем беспоповского федосеевского согласия, наиболее радикально отсекавшего всякую связь с «никониянами». Однако подобный духовный переворот не кажется столь исключительным, если учесть время, в которое рос и воспитывался будущий студент семинарии. Новгород первой трети XVIII в. был наполнен «потаенными раскольниками», по свидетельству И. Посошкова «*в Великом Новеграде едва и сотая часть обряцется ли древняго благочестия* (т. е. новообрядчества, согласно терминологии автора – *И. М.*) *держащихся. А презвитеров аще и много во граде, обаче не пекутся о том, еже бы от такового погибели их отвратити [...] но есть еще и такие презвитеры, что и потекают им, и того ради церкви все уже запустели. И так было до нынешняго 723 года в церквах пусто, что и в недельный день человек двух-трех настоящих прихожан не обретался*»¹³. В 1721–1722 гг. штрафные деньги за уклонение от исповеди и причастия были собраны более чем с полутора тысяч новгородцев, а городские священники обвинялись в утайке «церковных противников»¹⁴. Обращение в «древлему благочестию» лиц из среды духовного сословия также имело свои прецеденты – пожалуй, самый известный пример явил собой основатель федосеевского согласия Феодосий Ва-

---

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596.

¹² ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 561. Л. 6.

¹³ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 106.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 260. Л. 16–106.

силев, который был дьячком и сыном крестецкого попа¹⁵. Наконец, новгородские посадские жители и крестьяне поддерживали тесные связи со знаменитыми Олонецкими скитами и старообрядческими общежительскими на р. Выг и р. Лекса, во множестве уходя туда на отхожие промыслы либо скрываясь от религиозных гонений¹⁶. При изучении нашего вопроса эту связь не стоит недооценивать – именно на Выгу было создано фундаментальное апологетическое сочинение в защиту старой веры «Поморские ответы», которое, безусловно, было хорошо известно новгородским старообрядцам. Просветительская и литературная деятельность киновиархов Выговского общежития Андрея и Симеона Денисовых, ученейших книжников своего времени, могла оказать значительное воздействие на пытливый ум Алексея Самойлова.

«Старообрядческий» период жизни бывшего семинариста известен со слов Павла Любопытного: в качестве федосеевского наставника он жил в Новгороде тайно, «будучи преследован от мира», «нося крест смирения и упражняясь в подвигах благочестия»¹⁷. Помимо попечения о пастве, особенно подчеркивается кротость и «чистота сердца» новгородского наставника, скончавшегося в 1771 г.¹⁸ Остается непонятной фраза, говорящая, что Алексей Самойлов прожил «в Нове граде непрерывно 15 лет»¹⁹. Возможно, под этим сроком подразумевается его деятельность в качестве предводителя новгородских староверов.

За годы служения Алексей Самойлов стал известен среди своих единоверцев и за пределами Новгорода благодаря сочинениям, затрагивавшим острые вопросы полемики староверов-беспоповцев с официальной церковью и другими старообрядческими согласиями. Ему приписывается семь сочинений, которые доказывают беспоповские тезисы о возможности существования церкви без священников в «последние времена» и недействительности таинств господствовавшей церкви. С другой стороны, в произведениях Алексея Самойлова негативно оценивалось учение некоторых крайне радикальных старообрядческих толков (прежде всего филипповцев), проповедовавших самоумерщвление «без побудительной причины». В целях опровержения этих идей им был написан объемный трактат «Возбранных заблуждающих к истине».

Однако наиболее интересна для нас «пространная книга» новгородского наставника «Меч духовный», в которой содержатся доводы

---

¹⁵ Житие Феодосия Васильева // ЧОИДР, 1869. С. 73–92; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 438–440.

¹⁶ Филиппов И. История Выговской пустыни. М., 2005. С. 76, 83; РГИА. Ф. 796. Оп. 9. Д. 262.

¹⁷ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 5об.

¹⁸ Там же. Л. 6 об.

¹⁹ Там же. Л. 6.

против официальной церкви и старообрядцев-поповцев²⁰. Несмотря на то, что она напрямую продолжает традиции древнерусской книжности, в аргументации заметно влияние схоластических методов, косвенно доказывающее «семинарскую» образованность автора. В качестве авторитетных источников Алексей Самойлов использует труды «древних и настоящего века авторов», в построении доводов прослеживается учение Аристотеля о четырех причинах: материальной, формальной, производящей («действительной») и конечной («кончатальной»)²¹. При этом, в соответствии со средневековым канонем, сочинение остается принципиально анонимным, что можно также объяснить нежеланием автора афишировать свое имя в связи с опасностью преследований. Тем не менее, в обширном предисловии к читателю сочинитель, хотя и с необходимым самоуничижением, говорит о себе: «*вмале бо коснухся умопросветительных учений*»²², намекая на причастность к некоему богословскому образованию.

«Меч духовный» – безусловно ценный источник, характеризующий интеллектуальную жизнь Новгорода XVIII столетия и нуждающийся во всестороннем анализе. Он интересен как порождение собственно русской религиозно-философской мысли, облеченной в форму западной схоластической учености.

Помимо упоминавшихся сочинений Алексея Самойлова, в «Историческом словаре» говорится также о некоторых других, уничтоженных вследствие «невежества» и «тиранизма» тогдашних времен²³.

Жизненный путь другого выпускника семинарии, Григория Яковлева, представляет не меньший интерес. В документах фигурирует лишь один «сотоварищ» Тихона Задонского с подобным именем. Это Григорий – сын дьячка Шиженского погоста Тихвинского заказа Иакова Васильева, служившего в ц. Преображения Господня²⁴. Примечательно, что Павел Любопытный, называя его сыном попа, не уточняет происхождение более подробно, зато применяет эпитет «*новгородской семинарии отличный студент*»²⁵. Это уточнение подтверждается документами – в табелях об успеваемости семинаристов за разные годы напротив имени Григория Яковлева стоят пометы «добр» и «поятен» в учении²⁶. Помимо уточнения происхождения старообрядческого настав-

---

²⁰ РГБ. Ф. 173.3. № 79.. Л. 20 об. О религиозно-философских концепциях книги Алексея Самойлова «Меч духовный» см.: *Шахов М. О.* Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2001. С. 120–122.

²¹ РГБ. Ф. 173.3. № 107. Л. 574–635.

²² Там же. Л. 7.

²³ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 23.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 561. Л. 14 об.

²⁵ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 24.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 561. Л. 14 об.

ника, также необходимо существенно исправить данные о годе его рождения согласно документам и отнести эту дату к 1724 г.²⁷

Известно, что после окончания семинарского учения в 1754 г. Григорий Яковлев, в числе прочих 11 бывших студентов, среди которых был и Тимофей Савельев, проявил склонность к аскезе и подал прошение о пострижении в монашество²⁸. Дальнейшая судьба семинариста известна лишь со слов Павла Любопытного. Сын дьячка, «убеждаясь благочестием, попрал никониазм» и стал наставником федосеевцев в Астрахани²⁹. Благодаря своей примерной жизни, а также знанию церковного устава, он пользовался авторитетом далеко за пределами своей общины, в том числе в Москве, Риге, Архангельске и «прочих странах благочестия»³⁰. В качестве достоинства астраханского наставника отмечалось его особенное искусство «в пении по знаменам староверческой церкви и никоно<во>й ноте»³¹. Данное уточнение может служить косвенным доказательством семинарского прошлого Григория Яковлева: известно, что в период ректорства Стефана Калиновского (1745–1753 гг.) в Новгородской семинарии было введено обучение партесному пению³².

Наставник астраханских федосеевцев оставил после себя как минимум четыре произведения и несколько писем к местным пастырям староверия. Сочинения были посвящены опровержению антистарообрядческих писаний Димитрия Ростовского и Феофилакта Тверского, а также содержали богословские рассуждения о форме «трисоставного» креста Господня и нравоучения, избранные из различных источников³³.

Достаточно спорной является датировка кончины Григория Яковлева. Согласно все тому же Павлу Любопытному, она произошла в 1757 г.³⁴ С другой стороны, в этом же источнике указывается, что он был пастырем и учителем астраханских федосеевцев в течение 25 лет, что никак не согласуется с документами семинарии, согласно которым еще в 1754 г. Григорий был в Новгороде. Кроме того, на момент его предполагаемого приезда в Астрахань (1732 г.) Новгородской семинарии, которую закончил Григорий, даже не существовало (!). Вполне возможно, что Павел Любопытный перепутал астраханского наставника с другим деятелем, имевшим отношение к старообрядчеству – Григо-

---

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 596; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 561. Л. 14 об.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 366.

²⁹ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 24 об–25.

³¹ Там же. Л. 24 об.

³² Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. История в лицах. В. Новгород, 2014. С. 16.

³³ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 40–41 об.

³⁴ РГБ. Ф. 173.3. № 79. Л. 25.

рием Яковлевым, новгородцем по происхождению и бывшим насельником Выговской пустыни, который в дальнейшем перешел в господствовавшее исповедание, получил известность своими обличениями «раскола» и умер в 1756 г.³⁵

Как бы то ни было, но к настоящему моменту подтверждение данных «Исторического словаря» об интересующих нас выпускниках Новгородской духовной семинарии мы имеем лишь в приведенных выше документах. Мы полагаем, что несмотря на хронологические противоречия, можно с определенной долей вероятности идентифицировать семинаристов Алексея Самойлова и Григория Яковлева как деятелей российского староверия, чьи деяния были описаны Павлом Любопытным.

Само по себе исследование новгородского старообрядчества с «биографических» позиций возвращает истории талантливые лица людей, одаренных альтернативной точкой зрения, и позволяет увидеть борьбу мнений, происходившую в XVIII столетии, без которой немислимо духовное и культурное развитие как таковое. Именно личностное начало, ярко проявившееся в староверии, позволяет применить к российским нонконформистам этого периода слова С. Московичи о европейских религиозных движениях Нового времени: *«Обращение к разногласию не должно интерпретироваться как форма анархии или мятежа, как велико ни было искушение. А лишь как требование следовать своей совести и собственному разуму»*³⁶.

---

³⁵ Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Яковлев Григорий // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 314–315.

³⁶ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 240.

Д. Б. Терешкина

**ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
В ФОНДАХ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ**

Интерес к «истории повседневности» в последнее время переживает очередное возрождение¹. Термин «повседневность» до сих пор не имеет однозначного определения; однако ключевые константы понятия (‘привычное, будничное в жизни человека и целых поколений’) нуждаются в особо пристальном внимании, будучи редуцированными в сохраняющихся источниках и в изложении «лика истории» того или иного периода. Картину эпохи обычно составляют *события*, которые, в силу их исключительности на фоне повседневности, в эту «рутину жизни» не включаются. Повседневность же остается в анналах истории в виде

---

¹ Становясь предметом интереса ученых со второй половины XIX в., повседневность активно изучается в 20-е годы XX в.; во второй половине XX в. создается направление «история повседневности», являющееся одним из приоритетных и в наступившем столетии. Укажем лишь часть из отечественных работ, вышедших за последнее время: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2008; Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / Ин-т славяноведения РАН. Отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетей, 2011; *Елисеева О.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008; *Яров С. В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013; *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005; *Глаголева Е. В.* Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014; Повседневная жизнь Коломенского двора второй половины XVII в. М.: МГОМЗ, 2011; *Черная Л. А.* Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013; Новгородская губерния. Повседневная жизнь. 1918–1927: Сборник документов. СПб.: Нестор-История, 2013; Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX века. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2009; *Экштут С.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2011; *Вострышев М. И.* Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860–1920-е гг. М.: Молодая гвардия, 2004; *Охлябинин С.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006; *Шокарев С.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012; *Кожурин К. Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014 и др.

предметов быта, костюма, обычаев и традиций, в том числе кулинарных, семейных, обрядовых и т. д. – т. е. всего того, что представляется как «вспомогательный материал» «настоящей» истории, а на самом деле этой историей являющегося.

При этом необходимо учитывать, что история повседневности отнюдь не является суммой означенных будничных составляющих жизни человека или общности; суть культуры повседневности (становящейся историей) составляет осмысление своего бытия в привычном мире, а задача истории повседневности как исследовательского направления состоит не только в описании обычных реалий, но и в анализе их культурного кода, *семиотики повседневности*. В таком случае культура повседневности становится воплощением духовного опыта в каждодневном бытии человека или людской общности. Каждый частный человек в этом опыте становится важнейшим фактором истории и главным объектом исследования.

Микроистория – история частной жизни – становится полноправной составляющей макроистории – истории эпохальных событий и ее великих деятелей. «Действительно, трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени стала одной из ведущих тенденций современной историографии»². Отстаивая значимость микроисторических исследований, ученые утверждают, что «макроисторический подход предрасположен <...> к оперированию общими категориями <...>; микроистория, напротив, эмпирична, она исследует непредсказуемо-индивидуальные, «нормально исключительные» поступки исторических агентов, не сводимые к абстрактным категориям и вытекающие из их свободной самостоятельности»³. Микроистория, разрабатывая отдельный участок ушедшей в прошлое реальности, воссоздает общую картину истории, и эта картина в большой мере является гораздо более объективной, чем макроисторические абстрактные построения, зачастую подчиненные какой-либо идеологии и неизбежно нивелирующие частные особенности и индивидуальные различия исследуемых объектов.

В определении источников «истории повседневности» главенствующая роль отводится, прежде всего, тем из них, что представляют некую обобщенную картину жизни какой-либо группы, общности, целого народа и т. д. – именно это оценивается как весомый фактор определения жизненного уклада исследуемого сегмента истории челове-

---

² Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://gigabaza.ru/doc/72901-pall.html> Дата обращения – 09.05.2016.

³ Зенкин С. Микроистория и филология / Казус: индивидуальное и уникальное в истории 2006 / Под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 368.

ства (нации, народности, жителей определенной территории и т. п.) и его ментальности. В этом смысле повседневность сводится к многочисленным материальным составляющим общей традиции и, в свою очередь, становится безликим течением общей «реки истории», в которой словно бы теряется главный субъект этой истории – отдельный человек, который в гуманитарном знании не менее (а возможно, более) важен, чем какая бы то ни было общность людей. Представляется возможным рассмотрение истории повседневности как частной истории, вписанной в общий исторический контекст, без которого, несомненно, частная история немыслима.

В осуществлении этой задачи важнейшим становится определение нового места источников личного происхождения. Эго-документам в последнее время уделяется пристальное внимание, поскольку исследовательский интерес историков все больше представляет собой движение «от изучения событий к изучению состояний»⁴. «Реабилитация» эго-документов, долгое время воспринимавшихся как второстепенные, необязательные, факультативные, лишь корректирующие общую картину истории эпохи, сопрягается с процессом определения специфических особенностей каждого из видов источников личного происхождения, включая как основные жанры (дневники, письма, мемуары, записки, биографии), так и множество пограничных типов документов, жанровые константы которых еще предстоит определить.

В «иерархии» эго-документов записные книжки, на наш взгляд, занимают совершенно особое место⁵. Они представляют собой тот вид исторического источника, который в классическом виде предстает как документ «улик», изучение которого предполагает предположительное знание⁶. Это знание распространяется на изучение всех эго-документов (и не только их), но в отношении записных книжек, где случайность записей становится нормой, а характер письменных свидетельств превращается зачастую в палимпсест, метод «уликового знания» становится практически главенствующим. Примечательно, что в интерпретации записных книжек как исторического источника даже отсутствие «улик» становится «уликой»: факт неиспользования записной книжки по ее прямому назначению, прекрасная сохранность таких записных

---

⁴ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «АсПУр», 2014. С. 6.

⁵ Стоит отметить, что записные книжки в большинстве исследований не фигурируют в списке основных типов эго-документов (см.: Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «АсПУр», 2014. С. 14).

⁶ О методах «уликового», предположительного знания, вслед за К. Гинзбургом, пишет С. Зенкин: Зенкин С. Микроистория и филология. С. 365 и далее.

книжек при очевидных признаках их активного бытования становятся комплексным показателем, богатым на разнохарактерные интерпретации – от палеографических до фамильных, социальных и в целом культурологических. Предположительность трактовок записей в записных книжках зачастую приближается к ста процентам – даже в тех случаях, когда из других источников нам известно о фигуре автора записей или лицах и событиях, в них упоминаемых. Междисциплинарный характер «предположительного знания» в изучении записных книжек становится неперенным условием, поскольку в анализе эго-документов меньшую степень предположительности может обеспечить только комплексный подход.

В деле публикации археографического обзора записных книжек таится еще одна опасность: отход от того самого комплексного их изучения, которое необходимо как гарантия хотя бы малой доли истинности знания о них (пусть даже и описательного, на первоначальном этапе). Предлагая описание записной книжки как предмета (и тем более записей в них как материального носителя нематериальной информации), мы представляем лишь плохую копию того, что ценно в своем истинном виде, – как предмет переплетного или типографского дела (в некоторых случаях – искусства), как отражение специфических особенностей почерков, манеры ведения записей, подчеркиваний, расположения текстов, их соотношенность друг с другом на листе, в кодексе в целом, манеры сокращения записей, приписки к существующим записям и их поздние исправления и т. д. и т. п. – всего, что плохо поддается вербализации и совершенно теряется в унифицированном научном описании⁷. С одной стороны, отстраненный «научный» взгляд позволяет объективно оценить каждую записную книжку как исторический источник; с другой – именно этот взгляд ставит уникальное свидетельство в ряд однотипных «эго-документов», в котором неизбежно будет работать обобщающий подход и «ранжирование» документов не по их исключительности, а по их «полезности» для воссоздания картины той или иной эпохи, той или иной области общественной жизни. В случае с записными книжками типизация будет трудной задачей – настолько разные документы придется оценивать по их соответствию «канонам

---

⁷ Говоря о схожем с записными книжками жанре писательских черновиков, С. Зенкин справедливо полагает, что сам перевод в цифровой вид по сути уничтожает их как жанр: «В современной филологии делаются попытки, пользуясь новейшими электронными методами обработки информации, распространить филологический анализ на такие по определению автографические объекты, как писательские черновики; за ними признают статус как бы «одноразового» текста, сохраняющего абстрактный характер, несмотря на однократность своего существования. Сам акт компьютерной «оцифровки» черновиков уже сообщает им аллографическое бытие» (Зенкин С. Микроистория и филология. С. 375).

жанра» (потому записные книжки так мало изучены). Однако именно вследствие этого записные книжки рискуют быть отнесенными к наименее показательным даже в предположительном «уликовом знании» – настолько несистемными и фрагментарными зачастую являются записи в записных книжках, что каждый исследуемый объект приходится рассматривать отдельно, «приближенным объективом», что почти исключает возможность необходимых в науке выявлений закономерностей и обобщающих выводов.

Находясь между Сциллой требований науки и Харибдой исследовательского интереса, лежащего в области исключительно гуманитарного знания, в котором частный человек важен не менее, чем сообщества и глобальные процессы в них, мы склоняемся к мысли о возможности публикации описания записных книжек из собрания Новгородского музея-заповедника хотя бы в той мере, которая могла бы предполагать первоначальное знакомство с эго-документами, еще не введенными в научный оборот. Наш обзор предлагает по возможности подробное описание документа и (при необходимости) комментарии к нему. В группы документов объединены 1) записные книжки, изданные типографским способом, без владельческих записей и 2) с записями; 3) рукописные записные книжки различного характера (расположенные в хронологическом порядке, насколько возможно было определить время ведения записей); 4) записные книжки смешанного характера (к ним относятся семь тетрадей записок игумении Аносина Борисо-Глебского монастыря Евгении).

Записные книжки без владельческих записей:

КП 29868 – 6 / 2540 – 2. Записная книжка с карандашом. 9,3 × 6 см, карандаш с бордовым корпусом 6,5 × 0,2 см, в дерматиновом держателе, приклеенном к верхней части двух последних листов, кончик грифеля обломан. 10 л. в клетку, на металлической скрепке. На обложке – четыре вида Рамони⁸ (черно-белые рисунки видов Рамони, надпись «Рамонь» (такая же надпись на карандаше, тисненная серебром) и цветочный рисунок в стиле модерн). Из магазина А.Е. Вороновой в Новгороде. Согласно музейной картотеке, принадлежала Е. Ф. Петровой; подарена хозяином лавки. Не заполнена.

---

⁸ Рамонь – поселок в Воронежской области, примечателен дворцом Ольденбургских, выстроенным в 1887 г. в имении, подаренном Александром II своей родственнице княгине Евгении Романовской, герцогине Лейхтенбергской (по мужу – принцессе Ольденбургской). Виды этого впечатляющего замка, выстроенного в староанглийском стиле, и отражены на обложке записной книжки.

КП 42873 – 272. Записная книжка – ежедневник на фр. языке (типографская печать). 7,5 × 11 см. 128 л. Нач. 1900-х гг. В кожаном красном переплете, с золотым обрезом. Переплет потерт, бумага пожелтела. На обложке золотым тиснением: «A vous ma Pensee». Форзац украшен золотым тисненым растительным орнаментом. На титуле: «A vous ma Pensee / un Bouquet / pour / Les jours de L' An / G'est l'amitie qui vous les offre / 4me Edition / LEYDE / BLANKENBERG & Co». Возле каждого дня недели календарной части записной книжки читается афоризм или цитата (из изречений мадам де Сталь, Вовенгарта, Ж. Санд, Фенелона и др.). Не заполнена. Судя по всему, хранилась как сборник афоризмов и сувенир.

Записные книжки с записями:

КП 25975 / 2178. Последняя тетрадь записной книжки в кожаном переплете с тиснением. Сохранилось 3,5 листа (последний приклеен к нижней крышке переплета). XVIII–XIX вв. 105 × 155 мм. Переплет порван, покоробился; листы повреждены жучком. Записи, сделанные чернилами разного цвета скорописью XVIII в., представляют собой заметки хозяйственного характера о покупках и отпуске муки; одна запись – о выносе плащаницы и пушечной пальбе на Пасху в Петербурге (л. 23). Судя по почерку, характеру переплета и сохранившимся записей, книжка, возможно, принадлежала владельцу из околочерковых кругов.

КП 25975 / 2181/ 12048. Записная книжка Ф. Я. Мейснера⁹. 1788 г. (нижняя дата). 109 л. 10 × 17 см. Нижняя крышка и корешок картонного переплета утрачены. Разносортная бумага голубого цвета, сшитая тетрадями в общий блок; повреждена жучком. Коричневые чернила разных оттенков.

На обклейке верхней крышки переплета черными чернилами запись скорописью начала XX в.: «Эта записная книжка принадлежала к библиотеке Фридриха Яковлевича Мейснера, помещика Боровицкого уезда, жившего с 1815 до 1884 г. в ус. Маслово и Объчищи Минецкого погоста. Ранее, по всей вероятности, она была у его тестя Александра Ивановича Путилова, жившего в погосте Минцы, записанного в этой книжке недорослемь, а умершаго в 1861 году 81 года. Весьма возможно, это книжка написано Пустошкинымь, соседомь Путиловыхъ, богатымь помещикомь, дом котораго былъ близъ церкви с. Минцы.

---

⁹ Фридрих (Федор) Яковлевич Мейснер (род. в 1806 г.) – Боровичский уездный предводитель дворянства с 1872 г.

Книжка жертвуется в библиотеку или музей Новгородского¹⁰ общества любителей древностей. 1918 г. Марта 9/24 февраля. И. Мейснер».

Лл. 1–4 об. – записи хозяйственного характера конца XVIII в. (о высадке цветов, об употреблении молочного напитка в лечебных целях и необходимости прогулок, о «маятных часах с кукушкой», о стекольной лавке в Петербурге, о посеве пшеницы, выписка из манифеста от 17 марта 1775 г.; л. 3 об.–4 об. – список всех губерний и местничеств России по алфавиту, л. 6 об.–7 – уничижительные названия народов («выписано из французской истории о турках») и др.); л. 8–10 – пожарный план крестьянских селений и экспликация к нему, л. 10 об.–11 об. – рецепт «О переделании простой хлѣбной вотки на подобие французской вотки», л. 12–14 об. – описание идолов, свергнутых Владимиром при крещении Руси, лл. 16–17 – чистые, л. 17 об. – хозяйственные записи, лл. 18–63 – «Именной список Боровицкаго уѣзда господар[ей] дворянамъ с показанием, сколько кому летъ <...>» от августа 1787 г. в таблице из 6 столбцов с указанием имен и отчеств дворян и их родственников, количества душ во владении; фамилии расположены по алфавиту. Перечислены: Агалины, Аугустовы, Андреевы, Андреяновы, Аничковы, Антоновы, Аплечевы, Апрелевы, Аракчевы, Арбузовы, Арсеньевы, Арцыбашевы, Ахмановы, Аристовы, Балки, барановы, Бахтины, Бачмановы, Башмаковы, Березины, Бологовские, Борисовы, Борноволокны, Бровцыны, Брюховы, Будаковы, Булатовы, Бутеневы, Бухарины, Быковы, Бекетовы, Василевские, Велцовы, Веревкины, Веригины, Висленевы, Водовские, Воиновы, Волковы, Веселаго, Володимеровы, Вындомские, Великополские, Глебовы, Глядковы, Головачевы, Головины, Гордеевы, Горемыкины, Горихвостовы, Горяиновы, Гречениновы, Давыдовы, Дашковы, Дехтяревы, Дедевы, Долговосабловы, Доможировы, Досадины, Дубасовы, Дубенские, Деревецкие, Демидовы, Егановы, Елагины, Елмановы, Епанчины, Жегаловы, Жегловы, Жеребцовы, Жуковы, Завалишины, Загряцкие, Зеленины, Зиновьевы, Зотовы, Зубковы, Ивановы, Изъединовы, Калитеевские, Карачунские, Карновские, Карсаковы, Касаговские, Качаловы, Квашнины-Самарины, Кирьяновы, Клеопины, Клокачевы, Кобелевы, Кобылины, Казины, Козляниновы, Коковцовы, Колобовы, Коломяниновы, Кончины, Копыловы, Кострицкие, Костерины, Котовы, Кропивины, Колебакины, Куликовы, Куракины, Кусаковы, Кутузовы, Кучецкие, Кушелевы, Кемецкие, Лавровы, Ларечниковы, Литвиновы, Лаптевы, Ласунские, Лодыгины, Лямины, Левашевы, Линева, Лонские, Лупандины, Маврины, Мозовские, Максимовы, Маланьины, Малевановы, Малечкины, Мамаевы, Мамышевы, Мантуровы, Мартьяновы, Масленицкие, Мелницкие, Мещерские, Ми-

---

¹⁰ Надписано над строкой.

люковы, Михайловы, Мордвиновы, Морозовы, Муравьевы, Мусины-Пушкины, Мышецкие, Мяхкие, Мякинины, Наговы, Назаровы, Назимовы, Нартовы, Невзоровы, Нееловы, Непейцыны, Никитины, Ново-кщеновы, Нармонские, Неклюдовы, Никифоровы, Обернибесовы, Обольяниновы, Обрасцовы, Овцыны, Павловы, Палибины, Палицыны, пановы, Пантелеевы, Парские, Палтусовы, Певцовы, Пестриковы, Писаревы, Поддубские, Подушкины, Поликострицкие, Полозовы, Поскочины, Пустошкины, Путиловы, Путятины, Пушешниковы, Пыхачевы, Редьковские, Резановы, Родичевы, Ростопчины, Румянцевы, Свѣчины, Секерины, Селивачевы, Семенские, Семиковы, Семичовы, Скобелцыны, Скрыпицыны, Скрыпьяевы, Скулские, Снаксаревы, Соловьевы, Соломеины, Солоповы, Стоговы, Страховы, Стромиловы, Суворовы, Сукины, Сысоевы, Талызины, Татариновы, Тевяшевы, Теглевы, Темиряевы, Титовы, Токаревские, Толбухины, Тормасовы, Тяполковы, Тыртовы, Ушаковы, Философовы, Федоровы, Хамантовы, Ханьковы, Харламовы, Хвостовы, Хитровы, Хомутовы, Чаплины, Чертовы, Чириковы, Чоглоковы, Шамшевы, Шатиловы, Шенины, Шишмаревы, Шишковы, Шуваловы, Шиловские¹¹, Щербинины, Языковы, Якимовы; л. 63 об. – общий подсчет людей в городах Крестцы и Боровичи (купцов, мещан, ямщиков); в уезде (крестьян, выморочных, ямщиков, дворян, владельцев, «действительно живущих», «в службе находящихся», «которых в уезде самих нет, а состоят их только одне крестьяня» (таких насчитывалось 54); л. 64–64 об. – выписки из указов 1785–1786 гг. (особое внимание указам и делам по опекунству, со списком опекунов), рапорт исправника Г. Мякинина о продвижении по Новгородской губернии особы императорского дома из Петербурга в Москву в мае 1787 г. (указаны маршрут, время и место ночлегов, количество карет, колясок и лошадей); л. 93–100 об. – ведомость Боровичей от 1786 г. (опись земель, квартир, улиц, церквей, домов, магазинов, монастырей, фабрик, количество ремесленников, опись доходов и жалованья); л. 102–103 – эпистолярные формулы приветствия, представления, прощания и т. д. (фрагмент «Письмовника»), л. 104–106 – подсчет жителей по погостам, л. 106 об.–109 об. – записки разного рода (о разборе дел, прошений и др.); лл. 65–65 об., 78 об.–88 об., 103 об.–104 – чистые.

Считаем нужным привести здесь сообщение И. В. Аничкова об этой записной книжке, сделанное на заседании Новгородского общества любителей древностей 8 (21) апреля 1918 г. В стенограмме заседания читаем:

---

¹¹ Приписано другой рукой черными чернилами.

«Иваном Васильевичем Аничковым предложено сообщение “О записной книжке помещика XVIII в.”, при чем продемонстрирована и самая книжка, пожертвованная И. Ф. Мейснером в библиотеку Общества.

Записная книжка Боровичского помещика хранилась в имении отца жертвователя И. Ф. Мейснера – Федора Яковлевича, в усадьбе Хлынино, Рязанской губернии и досталась ему, по-видимому, из рода Путиловых, т. к. Ф. Я. был женат на местной помещице из этого рода, от которой и перешло к нему и детям его имение Маслово Минеско-Старско-Горской волости Боровичского уезда. Оттуда по выезде Ф. Я. в другое свое имение в Рязанской губернии были перевезены фамильные бумаги, составлявшие его семейный архив <...> после смерти Ф. Я. перешел с имением Хлыниным старшему сыну его И. Ф., до последнего времени проживавшему в этом имении и занимавшемуся там сельским хозяйством, а ранее, в 80-х гг., по выходе в отставку из артиллерийских офицеров, бывшему мировым судьей по выборам и земским гласным Боровичского уезда и проживавшему в усадьбе Маслово, доставшейся после кончины Ф. Я. его сыну А. Ф. Мейснеру, небезызвестному поэту¹².

Жертвователь И. Ф. полагает по некоторым данным, что записная книжка принадлежала кому-либо из предводителей из рода Пустошкиных, соседей его деда и прадеда по матери, в с. Минцах, а, может быть, и приехавших с их семьей в некотором родстве.

Содержание записной книжки относится к 80-м годам XVIII столетия и содержит в себе разнообразный материал. Помимо сентенций, рецептов по домашнему и садовому хозяйству, беглых справочных заметок по русской истории и славянской мифологии, ценные сведения о количестве населения городов Новгородской губернии, статистические данные о населении / л. 11 губернии и, главным образом, Боровичей, состав его населения, число служащих с обозначением получаемого ими содержания и, что особенно ценно, – список, весьма мелко написанный, помещиков Боровичского уезда с наименованием их усадеб и указанием числа душ и количества владимой им земли; кроме того, в памятную книжку внесен церемониал маршрута при проезде через губернию одного высокопоставленного лица, надо думать, цесаревича Павла Петровича; наконец, в памятную книжку внесены законоположения об опеках, со списками указов и манифестов по введению опекунских установлений, что свидетельствует о принадлежности книжки ко времени введения в империи, при Екатерине II, дворянских учреждений.

---

¹² Александр Федорович Мейснер (1865–1922) – литератор «второго ряда» русской словесности, автор сборников стихотворений, рассказов, повестей, удостоившихся публикации в петербургских издательствах конца XIX – начала XX в.

Обращая внимание интересующихся канувшим в вечность помещичьим бытом, докладчик считает, что ознакомление с этим небольшим памятником старинного уклада жизни дворянина, его мыслей и умственных запросов, которыми он жил, будет лучшим способом ознакомления с русским интеллигентным обществом XVIII века и внесет небольшой вклад в эту область новгородской старины.

Потому, по мнению докладчика, следует благодарить жертвователя И. Ф. Мейснера, сообщившего ему, что это – единственный документ, уцелевший случайно из его семейного архива и библиотеки в имении Хлынино, Рязанской губернии, разгромленном крестьянами во время последней революции, т. к. был перевезен им лично для докладчика в Петроград, где И. Ф. живет по зимам, в подарок, который докладчик и просил передать в библиотеку нашего Общества и почел долгом поделиться с настоящим собранием содержанием книжки.

Постановлено: благодарить И. Ф. Мейснера за его пожертвование Обществу»¹³.

30055/19 КР 159. Записная книжка XVIII–XX вв. 10,5 × 17 см. 111 л. + чистые (52 включены в пагинацию, 51 не включены). Переплет – картон, обтянутый тканью, порван, подклеен, углы растрепались.

Л. 1–2 – записи карандашом хозяйственного характера (о покупке «табака и гильс» и др.; упоминаются: Иван Иванович, «в 5 ротъ Измайловскаго полка Иванъ Антоновъ Якушевъ»); л. 3 – рисунок лица человека карандашом, обведен красной шариковой ручкой; л. 4 – рисунки частей человеческого лица (выполненные вполне профессионально); л. 4 об.–5 – рисунок карандашом женской головы в покрывале (л. 5 – профессиональный рисунок, л. 4 об. – повторение его неумелой рукой, с подписью: «рисоваль Ф. С. Копыловъ»); л. 5 об. – рисунок неопытной рукой рядового пехоты (?) с винтовкой; л. 6 – рисунок Страшного Суда в стиле иллюстраций старопечатных книг; подпись: «Помни Судъ и Воскресенье, / Смерть и адъ и в Рай вселенье, / Крестъ от ада искупление»¹⁴; л. 7 – оттиск монеты в 10 коп. от 1871 г. (аверс и реверс); л. 8 об. – плохо читаемая запись карандашом с датами 1867 и 1868 гг.;

---

¹³ Журнал 57-го (юбилейного) заседания Новгородского Общества любителей древностей 8/21 апреля 1918 года (в Николаевской женской гимназии, Николаевская ул.) (ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. КП 25975 / 1973–1975. Л. 10 об.–11). Заседание было отмечено празднованием 10-летия Новгородского Общества любителей древностей и, кроме прочего, избранием Ивана Васильевича Аничкова почетным членом НОЛД.

¹⁴ Слова из стихотворения затворника Георгия Задонского (11789–1836) (письмо к Марии Петровне Колычевой от 26 января 1834 г.) («Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его» были изданы в Москве в 1839 г., выдержали несколько переизданий).

л. 9–11 об. – фрагмент стихотворения К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин» (до слов «Свист ветра умолкнул, утихла и вьюга»), написан черными чернилами каллиграфическим почерком; л. 12 об.–13 об. – плохо читающиеся записи карандашом, л. 13 об. – черными чернилами: «От поносу. Иноземцовы капли на 15 к.»; л. 14–31 об. «Стихотворение, или отборныя сочинения русскихъ писателей» (фрагмент стихотворения Г. Р. Державина «Побѣда красоты»; «Песнь русскому царю» (полный текст стихотворения В. А. Жуковского «Молитва русских» («Боже, Царя храни!»); под текстом латиницей: «Shucofsijj»); «Строфы из торжественной песни россиян» («Колена, Россы, преклоните!..»); «Карающий голос» («Посреди роковых заблуждений...»); «Мужичок» А. Кольцова; «Пѣсня бѣдняка» В. А. Жуковского; «И туда» В. Бенедиктова (названо здесь «Англичан у Камчатки (1855 годъ)»); фрагмент оды М. В. Ломоносова («О вы, которых ожидает...»), названный «Русским юношам»; стихотворение Н. Языкова «Сампсон» (без указания посвящения А. С. Хомякову); стихотворение А. С. Пушкина «Отцы пустыньники и жены непорочны...» (здесь названо «Молитва»); акrostих, дающий чтение «Яков Иванович Журавлев»; тринадцать назидательных строф, подписанных «Петерб. Гамлетъ»; стихотворение, названное «Къ проп...мъ» («О чем тужите вы, исчадья сатаны?...»), с указанием даты 15 июля 1875 г.); л. 32–42 – выписки из Правительственного Вестника от 1875–1876 гг. (из уставов, касающихся вопросов воинской службы); л. 42 об.–68 – чистые; л. 43 – рисунок «Успение Богородицы» в стиле гравюры старопечатной книги; л. 44–49 об. – «Молитва из книги Успения Пресвятыя Богородицы»; л. 49 об.–50 – Молитва Богородице с рисунком Животворящего Креста; л. 51 скорописью: «О квартирном доволствии войскъ Приказъ воен. Министра 1872 года № 223»; л. 52 – «Молитвенная песнь души, стремящейся от лености земной к вечной небесной»; далее 34 чистых листа не пропагинированы; л. 55 – запись на верхнем поле черными чернилами: «Леша (?) Вильконский (?) 8/Х – 1911 [г.]»; л. 55–76 – тексты о новгородских святых с указанием источника: «Выписано изъ Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1859-й год» («Слово о Знамени Богородицы», «О поставлении церкви Пресвятой Богородицы», «О чудесном сохранении церкви от безбожных латинян», «Чудо Богородицы о запалении града», «О поновлении образа Знамени Богородицы»), на л. 76 запись внизу: «Мая 28 дня 1858 года»; л. 77 – слово об освобождении Устюжны Образом Богородицы Одигитрия; с л. 83 чистых 17 л.; л. 84–93 – тексты молитв и псалмов Давида с приписками о полезности и действенности молитв, а также о необходимости ношения с собой текста молитв для защиты от всяких напастей; л. 94–104 – апокрифический текст «Сон Богородицы»; далее 6 листов чистых; л. 105 – запись карандашом: «въ Руссѣ Аннѣ Андреевнѣ Шукаловой, Ивану Александров[ичу] Земскову отъ Дмитрия Алексѣева

Твер[ской] губ. поклонь»; л. 105 об. – ссылка на Положение от 25 июня 1876 г. о пособии нижним чинам; л. 106–106 об. – плохо читаемые карандашные записи; л. 107–107 об. – «Военно-рабочие роты путей сообщения» (16 номеров, записанные в столбик)¹⁵; л. 108 – коричневыми чернилами: «Полковникъ Макаровъ 23 апр. 1872 назначенъ командиромъ 1-го Лейб-Драгунскаго Московскаго Его Величества полка»¹⁶; карандашом: «2 пѣх. рез. бат.», «Гаврило Ивановъ съ былъ у меня 7 августа и вместе с ним Алексей съ Аюблина сынъ Слѣпова Ивана Макарова отправились въ саперы в С. Петербургъ»¹⁷; л. 108 об.–110 об. – записи разного характера, в т. ч. коричневыми чернилами на л. 110: «Александръ Аркадиевичъ графъ Суворовъ Рымникскій князь Италійскій, инспекторъ всей пѣхоты Россійской»¹⁸; л. 111 (приклеен к нижней крышке переплета): «Фимень Семеновъ надо акростих (?)»¹⁹.

КП 25994 / 62. Книжка записная и расходная А. П. Кожевникова, 2-й роты Лейб-гвардии Измайловскаго полка²⁰. 1829 г. 11 × 19 см. Два листа бумаги, сложенные вдвое, без переплета; ранее, видимо, были сшиты. Черные чернила, скоропись. Л. 2: «Принял роту от Ш. К. Плаутина 20-го ноября 1829-го года». Содержит: л. 2–2 об – опись принятого

---

¹⁵ В 60 – нач. 70-х гг. XIX в. военно-рабочие формирования по обеспечению эффективной работы путей сообщения претерпевали существенные изменения, однако основа их была неизменной: унтер-офицеры и нижние чины, на положение о жаловании которым и указывает ссылка на л. 105 об настоящей записной книжки.

¹⁶ С таким названием этот полк, ведущий свою историю с 1700 г., известен с 25 марта 1864 г.; полковник Павел Павлович Макаров был командиром полка до 1874 г. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org>. Дата обращения – 20.03.2016. На страницу интернет-ресурса «Википедия» сообщена информация о точной дате назначения П. П. Макарова командиром полка, отсутствовавшая ранее. К сожалению, никаких других данных о П. П. Макарове нет.

¹⁷ Судя по всему, в распоряжение Лейб-гвардии саперного батальона, дислоцировавшегося в Санкт-Петербурге.

¹⁸ А. А. Суворов, внук генералиссимуса А. В. Суворова, стал генерал-инспектором всей пехоты в 1866 г. (Суворов Александр Аркадьевич // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. СПб., 1901. Т. XXXI А. С. 896). Избран почетным гражданином, в том числе, г. Боровичей ([Электронный ресурс] URL: <http://ryazhskmuseum.org.ru/node/129>. Дата обращения – 10.05.2016.

¹⁹ Последняя запись позволяет предположить, что читающийся в книжке на л. 27–27 об акростих, возможно, сочинен владельцем книжки, как и, быть может, некоторые другие неатрибутированные стихотворные тексты.

²⁰ Кожевников Александр Павлович – выпускник 3 апреля 1827 г. Николаевского кавалерийскаго училища, после окончания котораго переведен из унтер-офицеров в лейб-гвардии Измайловскій полк (Русская императорская армия: Электронный ресурс. URL: <http://www.regiment.ru/reg/VI/C/19/3.htm>. Дата обращения – 10.05.2016). О роде Кожевниковых, внесенных в VI часть родословной книги Московской и Псковской губерний см.: Кожевниковы // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. СПб., 1895. Т. XV А. С. 577.

имущества роты. Л. 3, 4 – чистые. На л. 4 об – записи типа «проба пера» (несколько раз читается фамилия «Кожевников»²¹).

КП 25975 / 12053. Записная книжка рецептов. XVIII–XIX (?) вв. 10,5 × 17 см. 49 л. Без переплета. Листы сильно загрязнены, засижены насекомыми. Скоропись; коричневые чернила разных оттенков. Несколько тетрадей являются позднейшей вставкой (бумага другого сорта, почерк II полов. XIX в. (?), черные чернила), подклеенной обойной бумагой. Содержит: рецепты разного рода (о помощи при головной боли, насморке, обмороках, глухоте, куриной слепоте, каменной боли, мокроте в груди, глистах, переломах, трудных родах, укусах зверей и змей и т. д.), полезные советы в делах хозяйственных (о сохранении продуктов, о способах, чтобы лампадное масло быстро не выгорало, о выращивании зеленых кур и голубей, о приготовлении качественного лака разных цветов и др.); некоторые из записей являются плодом народных суеверий. Из примечательных: как узнать, нет ли яда в пище или питье, «О способе волосы делать кудрявыми» (л. 27), «О произведении на старом лице молодости» (л. 23) и др. В поздних вставках – в основном описания свойств разных трав, плодов и ягод.

КП 39686. Записная книжка. 1820-е гг. 89 л. 21,3 × 16,3 см. Переплет из толстого картона, корешок и углы обтянуты светло-коричневой кожей; поврежден жучком. Скоропись чернилами разных оттенков. На обложке верхней крышки переплета и л. 1–1 об. – денежные расчеты, записи типа «проба пера», среди них читается: «Фадъевъ» (?), «г. Дорогобужъ», «Книжка для записи разныхъ замечаний», «...апреля 1821 (1824?)».

Содержит: большая часть книжки записана убористым мелким, плохо читаемым почерком, текст на фр. языке²²; л. 2–4 об. – «Военная песнь греков»²³; из записей на рус. яз.: л. 79–81 – список расходов за

---

²¹ Атрибуция записей А. П. Кожевникову осуществлена составителями вспомогательной картотеки Отдела письменных источников НГОМЗ; в самой записной книжке инициалы Кожевникова не указаны.

²² Текст, судя по всему, содержит сведения по истории; так, на л. 78 об. упоминается король Германии Иосиф II (1741–1790), выдающийся государственный деятель, король-реформатор, яркий представитель просвещенного абсолютизма.

²³ Текст, приписываемый Ф. Глинке, отличается некоторыми разночтениями от известного (не однажды опубликованного) списка вольнолюбивого гимна, хранящегося в Пушкинском Доме (Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века. Л., 1970. С. 394–396; Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1988 (Большая серия Библиотеки поэта). С. 298–301, 606–607). Датирование записной книжки первой половиной 1820-х гг., текст «Военной песни греков», в котором читается около 16 разночтений с опубликованным вариантом, отсутствие указания авторства гимна позволяет предположить мысль о высокой

осенние месяцы 1821 г. (портному, сапожнику, слесарю, за готовое платье и т. д.), л. 85 об., 87 об. – денежные расчеты.

КП 25988 / 11340 Записная книжка военного (?). XVIII–XIX вв. Без переплета. 9,8 × 15,4 см. Бумага с филигранью (просматривается небольшой частью) «Герб Ярославля» (схожа с филигранью бумаги Ярославской фабрики Затрапезного, 1734–1748 гг.)²⁴. Скоропись чернилами разного цвета. 77 л., 19 из них заполнены целиком или частично (пропагинированы), остальные чистые. Листы надорваны, начальный и концевой запылнены, засижены насекомыми.

На верхнем поле л. 1 серыми чернилами выцветшая запись, из которой верно читается слово «капралу».

Записи: л. 2–2 об. – о передвижении лиц, близких пишущему (жены, матери, сослуживцев (подчиненных (?)) (упоминаются г. Тобольск, Медвежий редут²⁵, Туринск, Курган; бригадир Павлушка, бригадир Крофт; разные даты, 1753 год, сведения о квартире в Проломе у вдовы посадской, о рождении дочери Анны 11 сентября 1756 г.; список вещей, которые нужно купить в Москве, Тобольске и других населенных пунктах, с указанием тех, в которых это сделать выгоднее (среди необходимых покупок – карты (судя по всему, местности, для служебных нужд), иголки, шилья, иконки, цепочек 100 штук, запонки, ленты, платки, свечи, холст, ядра кедровые, стерлядка и т. д.); сведения о передвижении владельца книжки из Санкт-Петербурга в Тверь и далее в Ярославль в июне 1757 г.; л. 3 – «Суздальскаго Пехотнаго полку прапорщикъ Иванъ Хомутовъ знает порутчика Зуева, в Сибири который находитца, а онъ определенъ к монастырю в Костромской уездъ»; л. 4 – записи о командировании военных лиц в разные населенные пункты по делам службы (от 1756 г.) (упоминаются секунд-майор пехотного батальона Никифоров, прапорщик Тобольского полка Федор Смирнягин, поручик Енисейского полка Василий Третьяков, поручик пехотного батальона Феофан Треидин (?), капитан Енисейского полка Андрей Шарыгин, вахмистр Сотников); л. 4 – путевая запись о поездке из Тобольска в Курган и далее в Красноярскую деревню (февраль–март 1755 г.); л. 5 – «Реестр прогонам» (Тобольск–Тюмень–Туринск–Верхотурье–Соликамский–Первый Вотский Ям (?)); л. 6 об – 7 об. – записи о смерти Тюменского

значимости настоящего списка в воссоздании истории текста, прежде всего в уточнении времени его написания (в указанных публикациях дается расширенная дата «1820-е годы») и факта распространения в рукописных копиях, не совсем идентичных.

²⁴ Клетиков С. А. Филигранны на бумаге русского производства. XVIII – нач. XX вв. М.: Наука, 1978. См.: № 1069 (1733 г.). С. 189.

²⁵ Медвежий редут был основан в 1752 г. как одно из укреплений Новоишимской линии. Тогда же появилась станица Медвежья, названная по озеру Медвежьему, рядом с которым селились сибирские казаки.

управителя в 1752 г., о перемещениях между Тобольском, Курганом, Медвежьим редутом, Москвой и Санкт-Петербургом в 1752, 1755–56 гг., о плате за квартиру; л. 8 – записи о рождении детей и датах именин Марфы (1748 г.), Феодора (1750), Татьяны (1754) (цифра «4» исправлена из «3» (родилась 8 января, умерла в этом же году 26 августа; судя по всему, запись сделана позже, по памяти), л. 9–9 об. – список покупок и трат, сделанных в С.-Петербурге (сапоги, «чулки гарусные», погребец, колпак, «сапоги денщику» и др.), в Москве (стекла, доскань (табакерка или перечница), вино, «галстук с пряжкой, штоф зеленый, стаканчик длинный, колокольчик» и др.), в Тобольске (4 хвоста (?), чай, рыба, расходы на «штаны», «шитье сапогов» и др.); л. 10–10 об. – описание лицемерия царственной особы в Петербурге; л. 11 – запись о смерти 8 апреля 1757 г. капитана бывшего Ширванского пехотного полка Герасима Попова; л. 11 об. – записи о продаже вещей и покупке кобылы; л. 12 (другим почерком) – о рождении сына Николая в Тобольске 6 января 1788 г., сына Федора 7 сентября 1789 г., л. 12 об. – о смерти жены Елизаветы Григорьевны 15 апреля 1792 г., о рождении сына Константина 17 сентября 1793 г. (ниже более поздняя запись: «Умер в Кургане [1]807-го генваря 4-го»), о рождении сына Ивана 17 октября 1794 г., дочери Александры 22 октября 1795 г., сына Алексея 19 января 1797 г., сына Георгия и дочери Елизаветы в Кургане 5 апреля 1799 г. (ниже запись, сделанная позже: «Умерли в Кургане 37-ми недель»), о смерти сестры Екатерины в 1806 г. и сестры Татьяны в 1807 г. в Балашковом монастыре); л. 14 другим почерком: «Батюшка нашъ Феодоръ Конста[нти]новичъ скончался 1809 году февраля 19 числа и погребень при церкви Троицкой в Курганѣ»; л. 15 – упоминание об именинах сестры Веры [Д]митриевны; л. 16–17 об. – копия описания ковчега с частями Животворящего Древа и мощей святых, привезенного в Тобольск с Афона; л. 18 – 19 – записи о покупках и о воинских обязанностях караульной службы.

Судя по всему, записная книжка, ставшая со временем «памятной», хранилась в одной семье и пополнялась потомками ее первого владельца.

КП 34831. Записная книжка с выписками из законодательных документов о вотчинах, с хозяйственными записками. I полов. – серед. XIX в. 10 × 15,8 см. 81 л. В красном кожаном переплете с тиснением, с золотым обрезаем. На верхней крышке переплета – металлический овальный средник; металлические застежки, одна утрачена. Скоропись нескольких почерков.

Л. 1, 2 об–4 об, 46 об–61, 63 об– 86 об, 87 об–89 об – чистые. Записи: л. 2 – «Оглавление» (самого оглавления нет); л. 5–14 об – опись вотчин (Дугинской, Покровской, Молодотувской, Везовенской)²⁶ по состоянию на 1806 г. и работ в них (упоминаются работы 1807, 1811 гг.); л. 14 об–17 – «Копия с рапорта вотчинного правления», датированного 5-м декабря 1806 г. (упоминается о желании графини Софьи Владимировны завести в вотчинах винокурный завод); л. 17 об–19 – копия с приказа Молодотувской вотчины (упоминается надзиратель вотчин майор Наумов, говорится о гневе автора записок на адресата приказа, надежде, что когда тот окажет усердие, автор будет рад «сохранить вотчину, послужившего наградой за победы, одержанные родителем моим надъ врагами Отечества, данъ въ селе Дугине декабря 7-го дня 1806 года» (л. 19), л. 19 об–21 – копия с рапорта вотчинного правления от 10 декабря 1806 г.; л. 21 об–22 об. – выпись окладов по вотчинам на конец 1806 г. (в таблице), далее вырваны листы, обрез аккуратно подклеен тканью; л. 32–37 (другой почерк?) – выпись окладов на 1 июля 1823 года (указано «сего» года); л. 38 – приказы на оклады вотчин (от 1818 и 1820 гг.) и сроки доставлении оброков по вотчинам; л. 38–46 – хозяйственные записи другим почерком от 1854, 1855, 1857, 1858 гг. (о перестройке Георгиевской церкви «иждивением графини Алекс. Сер. Паниной²⁷ и дочери ее несовершеннолетней гр. Мар. Алек. Паниной²⁸», о перестройке подвала, оранжереи, дорожки, канавы, об обращении запущенного каменного строения на конном дворе в «жилые покои для семейства» (л. 40), о покупке в 1855 г. деревни Соливаново за 5000 руб., о покупке на аукционе в 1856 г. смежной с Дугинской землей, о получении заемных писем от «Тр. Виктора Ник.» на 14 000 руб. (запись зачеркнута, рядом значится «выплачено»), о возвращении автора записок с кем-то из родных в 1857 г. из-за границы, о покупке дров, труб и др., на л. 43 об.: «25 июня 1858-го года нарвали земляники 17 штукъ, в которыхъ весу 42 золот[ника]», «Въ Дугинѣ в кабинете, что передъ оранжерейкой, бюро стоит съ бронзовымъ замкомъ, онъ отпира-

---

²⁶ Усадьба Дугино в Смоленской губернии принадлежала вице-канцлеру Павла I Н. П. Панину (1771–1837), в первые месяцы правления Александра фактически руководившему политикой нового правительства, проведенному в Дугино всю вторую половину жизни, после размолвки с императором и отдаления от всех государственных дел. В Дугино Никита Петрович занимался исключительно хозяйством, вводя множество новшеств и активно занимаясь строительством, ландшафтным дизайном, устройством больницы и церквей. Есть основания атрибутировать ранние записи (основным почерком) в записной книжке из собрания НГОМЗ непосредственно Н. П. Панину, однако прямых свидетельств этому нет.

²⁷ Александра Сергеевна Панина, урожденная Толстая (1800–1873) – жена (с 1823 г.) старшего сына Н. П. Панина, Александра Никитича.

²⁸ Мария Александровна Панина, в замужестве Мещерская (1830–1903).

ется, вертя съ левой стороны пуговку на 3-ей, 2-ой – 11, 3–4, 4–0», л. 44 «Положение <нрзб.> крестьян Алекс. Степ. Хомякова», «Оброку в год с тягла 18 <...>», л. 44 об – расчеты на работы («Сказание Дан. Петр. Пегушина о его економии на 18 десятинь пять работниковъ стоять. Одними деньгами – 150 руб. сер. 5 работниц на лето – 65, [итого] – 215. Харчи каждого человека въ годъ – 30 ру[б.]»), л. 45–46 – природные приметы (о прогнозах на грибы, посевы и др.); л. 61 – запись от 1858 на фр. яз.; л. 62 об–63 – денежные расчеты; л. 87 – запись карандашом на фр. яз.

Судя по всему, записная книжка хранилась в Дугино на протяжении многих десятилетий, пополняясь представителями последующих поколений семейства Паниных. В качестве замечания, могущего стать информацией к размышлению, можем указать на географическое и хронологическое сближение данного документа с записной книжкой начала 1820-х гг. НГОМЗ КП 39686 (в последней указан г. Дорогобуж Смоленской губернии, который расположен в полутора км от Дугино и связан с ним системой дорог). Об источнике поступления обоих документов в НГОМЗ сведений нет.

КП 25997 / 9525 (92). Книжка записная с руководствами по применению лекарств при различных заболеваниях. К. XIX в. 8,7 × 11,2 см. 6 л. Обложка – зеленая бумага. Небольшие помятости, общие загрязнения. Каллиграфический почерк, черные чернила. Содержит: л. 2–4 – «Наставление касательно сохранения здоровья» (предписывается, прежде всего, умеренность во всем); л. 4–6 об. – предписания по применению лекарств.

КП 25981 / 4816 (80) Записная книжка М. И. Никольского²⁹ с выписями из летописи о местонахождении кладов на территории Новгородской губернии, с приложением 19 карточек с выписками-прорисьями на одной стороне и планами-картами на другой. 37 л. 11 × 17,7 см. Переплет из синего картона, тетрадь из 12 л. приплетена в начале и конце в виде охранных листов (не пропагинированы). Основной текст в записной книжке – скоропись XVIII в. (?) на шероховатой бумаге очень

---

²⁹ Михаил Иванович Никольский (1858–1933), из семьи священника, исполнял должность архивариуса Новгородской духовной консистории с 1898 г. (согласно записи в настоящей записной книжке), много сделал для совершенствования архивного дела во вверенном ему учреждении (Снытко О. В. М. И. Никольский – архивариус Новгородской духовной консистории // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 13–20).

низкого качества, неравномерного литья; филигранные едва различимы, во фрагментах; предположительно, I полов. – серед. XVIII в.³⁰

Содержит: л. 2–15 – скорописью XVIII в. (?) черными чернилами записи о кладях (в основном серебряными деньгами), хранящимися в жальниках и других местах под деревьями в пивной серебряной кружке, в сапожном голенище, «в котле кошеварном», в пивном котле, в кубышке, в кувшине, в сундуке, в коробе и др. Записи М. И. Никольского к. XIX – нач. XX в.: л. 15 об. скорописью черными чернилами: «Собственность исполняющего обязанности архивариуса Новгородской духовной консистории Михаила Ивановича Никольскаго Июня 1-го дня 1898 года». Подпись с росчерком: «М. Никольский». Далее ниже: «Горе тому да будет отъ Господа Бога, кто сии записи похититъ и укроетъ, сделавъ ихъ только предметомъ своего любопытства. Все равно не посвященный в эту тайну (подчеркнуто – *Д. Т.*) любопытный человекъ в этих записяхъ, а равно и въ прила / л. 16 гаемыхъ при семъ записяхъ съ чертежами, кои написаны на непонятномъ нарочно языке, ничего ведь не пойметъ.

Между темъ, въ этих записяхъ заключена тайна местонахождения кладовъ, состоящихъ изъ церковныхъ сосудовъ, драгоценныхъ церковныхъ вещей, похищенныхъ во время литовскаго разорения изъ обращенныхъ потомъ въ пепель церквей и монастырей Новгородской епархии.

Составитель этих записей г. Никольский собиралъ къ сему должный материалъ въ течение / л. 16 об. десяти летъ.

Эти записи составляютъ громадный вкладъ для Императорской Археологической комиссии; но предварительно Новгородское епархиальное начальство должно принять всевозможные предохранительные меры к тому, чтобы комиссия отнеслась к содержимому сихъ записей с должною серьезностию, а не вывела бы торопливаго заключения о нихъ, как будто бы о мыльном пузыре.

Изыскания необходимы. (Дважды подчеркнуто – *Д. Т.*).

Руководителемъ к открытию кладовъ пусть будетъ икона Казанской (знак сноски на л. 1) / л. 1 Божией Матери, лежащая въ земли вот уже с лишкомъ 200 лѣтъ, украшенная бриллиантами, согласно настоящихъ записей.

Повторяю: Я призываю, именемъ Бога, проклятие вечное на главу того, кто сии записи, похитивъ и скрывъ, уничтожить или сделаетъ предметомъ осмеяния!!.. Июня 1-го дня 1898. М. Никольский».

Л. 2–15 – полистная запись М. Никольского в середине листов, между строкъ основного текста: «л. 2 Настоящие / л. 2 об. записи / л. 3

---

³⁰ Клетиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства. XVIII – нач. XX в. Первый тип филигранны – предположительное сходство с № 705 (1735 г.). С. 149; второй тип, возможно, схож с № 686 (1766–1767 гг.). С. 147.

составляют / л. 4 неотъемлемую / л. 5 собственность / л. 6 исполняющего / л. 7 обязанности / л. 8 архивариуса / л. 9 Михаила / л. 10 Иванова / л. 11 Никольского / л. 11 об. Июня 1-го дня 1898 г. М. Никольский / л. 12 Настоящая / л. 13 записи / л. 14 составляют / л. 15 неотъемлемую».

Блок карточек (приложение к записной книжке): 15 шт. Лицевая сторона: копия цитаты из записной книжки о том или ином кладе, надписи М. Никольского: «Цитата ... (порядковый номер – *Д. Т.*). Всѣхъ 31»; место нахождения клада (например: «Новгородской губернии, Крестецкого уезда, в селе Оксочи»; «С подлинной летописи копировал и план к ней составил архивариус Духовной Консistorии в губернском городе Новгороде (при озере Ильмене) новгородский археолог титулярный советник Михаил Иванович Никольский 1906 года 25 декабря. Новгород». Обратная сторона карточки: подробный план местности с точным указанием места залегания клада; рисунок креста с надписью «Сим Победа!», перевод текста о кладе, цитаты из Священного Писания, пояснения некоторых реалий (например, «жальник» и др.). 10 карточек заполнены с обеих сторон, 5 – только с лицевой. Одна карточка выполнена на бересте, 14 – на бумаге разного цвета и сорта, голубая бумага – с фрагментом филиграни «Pro Patria»³¹.

Записные книжки на типографской основе с владельческими записями:

КП 17306. Книжка записная «Круглый год» на 1904 г. Бумага, дерматин, типографская печать, рукопись. 163 л. 90 × 155 мм. Год издания – 1903. Рукописные записи XX в. разных почерков. На верхней крышке обложки тиснение золотисто-желтой краской в левом верхнем углу: «1904 Записная книжка». На титуле: «Записная книжки и календарь для всѣхъ на 1904 годъ. Издание Нѣманской фабрики переплетных изделий». Листы выпадают, вырваны с. 113–114, 157–158, 299–308, 311–316.

Типографский текст Записной книжки содержит: карту Европейской части России, числовую таблицу на 1904 г., записной календарь на 1904 год (графы для ежедневных записей), список неприсутственных дней, православный календарь, календарь римско-католических, еврейских, передвижных праздников, указатель времени ярмарок всех городов Российской империи, русские чины и титулы, дивиденды русских акционерных обществ, список городов Российской империи с количест-

---

³¹ *Клетиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства. XVIII – нач. XX в. М.: Наука, 1978. Возможное сходство с № 1175 (1831 г.). С. 206.

вом жителей, почтовые правила, меры и весы, графы для адресов и записей приходов и расходов и др.

Записи: л. I об. Черными чернилами скорописью сверху вниз в несколько строк: «Сей Календрь (!) Якова Екимова Гурова села Пемжи Новгородско[й] губернии[и] Старорусского уезда Коростынской (!) волости»; л. II об. 2 штампа красной краски: прямоугольный «13 рота 23 Восточно-Сибирского стрелкового полка ____дня 190__г.» и круглый этого же подразделения (такие же штампы на с. 141 и 156). На титуле штамп черной краской: «5 янв. 1904», на трех типографских графах для вписывания имени владельца книжки черными чернилами красивым почерком: «Александра Пантелеймоновича Хижнякова». На датах 21 и 25 февраля – детские переводные картинки из серии «Круглый год»; л. I об. – черными чернилами «Сия книшка Якова Екимова Гурова села» далее на л. 2 по нижнему полю «Пемжи 1904 года» / л. 2 об. / «для памяти» / л. 3 «календарь»; л. I об. на верхнем поле едва различимые записи карандашом женским почерком (?): «Юрий», «Пятина Атона», «<нрзб.> Анны». Л. 9 (на дате 4 февраля) запись черными чернилами почерком Я. Гурова: «Расстояния врѣмя отъ города Хаборовска до Пѣтербурха» февраля 5 <нрзб.>»; рядом в столбике «6 ч. 59 м»; с. 42 запись фиолетовыми чернилами: «7–81 Веткин СМУР Дымский нач. Радно узла Максимов»; с. 107 под датой 22 июня химическим карандашом: «М. П. Максимова»; с. 137 запись синими чернилами: «Новгородск. обл Новгородский р-н Сергиевский с/с д. Завал Андриюшин Павел Павлович»; с. 184–185 рукой Якова Гурова записана Азбука Морзе от А до Я (названа в записи «азбукой Мозѣ») (запись, судя по чернилам, сделана в то же время, что и владельческие записи Якова Гурова, т. е. ок. 1904 г.³²); с. 191 карандашом на верхнем поле, над святцами на март: «Евдокия [и]мянины тыща (?)»; с. 192 по нижнему полю, под святцами на апрель рукой Якова Гурова: «мч. Яковъ Гуровъ»; с. 310 в графах «приход-расход» рукой Якова Гурова черными чернилами: «Чалай жи-ребѣнокъ куплень 1912го. Четырихъ летъ дано 145»; с. 318 в графах «итоги» расходов и приходов рукой Я. Гурова: «Касса Якова» в графе за январь число «18». В графах «Адресы»: с. 323 женским почерком (№ 1) черными чернилами запись после 1924 г.: «Г. Ленинград Международный проспект Блиновой Марии»; с. 324 зеленым карандашом другим почерком: «Клавдин Адрес. Фомилия витковская д. № 34-й улица Демянка»; ниже чернилами и почерком № 1: «Адрес Кати. Ленинградская обл. Г. Гатчино ул. Урицкого дом 22. кв. 2 (позднее фиолетовыми

---

³² Это, возможно, позволяет уточнить датировку распространения названия Азбуки Морзе (отнести его ко времени русско-японской войны, а не Первой мировой). (См.: <http://pobukvam.org/alphabetsInfo?alphabet=ru-morse>. Дата обращения – 10.05.2016).

чернилами исправлено на “4”). Романову Мартину». Лист последний чистый перед нижней крышкой обложки, запись карандашом: «1957го Пальма будит телится. В Телком (?)» последнее слово подчеркнуто красным карандашом.

Можно предположить, что изначально записная книжка принадлежала А. П. Хижнякову (его полное имя записано на титуле), которому она, видимо, была выдана в начале 1904 г. как должностному лицу для ежедневных записей (об этом говорят штампы полка); им книжка не использовалась (записей почерком записи, сделанной на титуле, нет). Возможно, книжка была отдана (в этом же 1904 г.) ее владельцем сослуживцу рангом ниже – Якову Екимову Гурову, который, судя по всему, дорожил ею, в том числе как справочным изданием (записи на некоторые даты тщательно затерты), и увез с собой домой, в Коростынскую волость Старорусского уезда. Скорее всего, это произошло около 1906 г., т. к. к тому времени полк был переведен из Никольска-Уссурийского (где был с 1902 г., претерпев к началу русско-японской войны ряд преобразований) в Хабаровск³³: о времени пути из Хабаровска до Петербурга говорит одна из немногочисленных записей книжки (недатированная). Затем книжка находилась в семье владельца, но использовалась редко (видимо, хранилась вместе с документами) вплоть до середины XX в. (последняя датированная запись). Судя по характеру записей, семья проживала в сельской местности.

КП 17130. Записная книжка «Коммерсантъ» на 1912 г. 9,5 × 15,5 см. Типографская печать. Содержит: календарь, святцы, список присутственных дней, именин особ царского дома, памятные даты, меры и весы и т. д.

Записи: на титуле карандашом: «<...> Петр Васильевичъ Лаврентьевъ»; с. 9 карандашом: «Началь угол Шушиновъ / ноща стац Вас. Алекс. Медвѣдевъ»; с. 44 карандашом: «Начальнику 5го участка»; с. 45 черными чернилами – список расходов на покупки (?): «б ¼ витчины 1/60 10 р.= / 1 5/8 копч. толс. 1/50 2=43 / 1 1/8 Краковск. 1/30 1 – 45 / 1 п Перцовая 1/ 50 1=50 / 2 – / 17=38»; с. 79 карандашом записи расходов, в т. ч. на извозчика в Новгороде; с. 81 – список расходов на проезд на извозчике по Новгороду, на поезде вагоном 1 класса от Новгорода до Веребья³⁴ и обратно от 1 ноября карандашом, зачеркнут; с. 121 – запись

---

³³ Историческая справка по 23 Сибирскому Стрелковому полку: Электронный ресурс. URL: <http://antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/ist23SibStP.htm>. Дата обращения – 11.05.2016.

³⁴ Село в Маловишерском районе Новгородской области; бывшая железнодорожная станция Веребье Николаевской железной дороги. Вблизи села, на участке Веребин-

черными чернилами: «10/II со ст Лохвицы мука ржан / № 26678 1000 к тар 10 п 249 м / послано Боровенка 100 м 409 п / Торбин. 149 м 596 п»; с. 122 – карандашом запись расходов на проезд: «1 ноября бил. 2 кл. от Новг. до Болог. 9 – 70 / Извощик в Новгор. 3 – / Бил. 2 кл. от Бологое до Новг. 9 – 70», далее упоминаются Веребье, Малая Вишера, Бологое, Окуловка.

Записные книжки смешанного характера:

КП 34844 (21–27). Памятные записки игуменьи Евгении³⁵, настоятельницы Борисо-Глебского Аносина общежительного девичья монастыря³⁶. «Памятные записки игуменьи Евгении Озеровой» опубликованы в журнале «Русский архив» за 1898 г., они составляют одну тетрадь всего корпуса записей³⁷. В собрании ОПИ НГОМЗ 7 тетрадью записок, писанных несколькими почерками, с примечаниями типа «примечание игумении Евгении», что говорит о ведении записок (или их переписывании) кем-то из помощниц Евгении Озеровой. Записи представляют собой разнородные сведения из жизни игумении Евгении, ее встреч с разными лицами, подборки изречений св. отцов, духовные заветы и грамоты (тетр. 3, лл. 139 и далее – «Советы о. иеромонаха Илии игуменьи Евгении» (о духовном наставлении новоприбывших в монастырь, о спасении в страхе смерти и унынии и др.), тексты приветствий духовных лиц (напр., «Приветствие, сказанное преосв. Алексием викарием Московским, игумении Евгении»), истории (биографии) некоторых насельниц монастыря (например, тетрадь № 3, л. 83 об – «Записки болящей девицы Александры и бывших ей видениях»), некрологи духовных лиц (напр., тетр. 3, л. 117–123 об – некролог настоятеля Николо-Угрешского монастыря архимандрита Пимена), выписки из уставов и прочих церковных документов (напр., тетр. 3, лл. 135 об–138 об – таблица сопоставления характеристик общежительного и

ского подъема, по проекту Д. И. Журавского в 1851 г. через реку Веребья был построен Веребинский мост, не имевший на то время аналогов по длине и высоте.

³⁵ Озерова Евдокия Семеновна (в иночестве Евгения; 1815–1890), инокиня и настоятельница Аносина Борисоглебского монастыря, впоследствии Страстного монастыря, дочь московского сенатора.

³⁶ Страницы из неопубликованного дневника игумении Евгении (Озеровой) // «Женская Оптина». Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. М.: «Паломник», 1997. С. 256–305. – Подготовка к публикации Е. В. Исаковой.

³⁷ «Русский архив», 1898. Кн. 1. № 3. С. 321–357; Кн. 2. № 5. С. 124–146; № 7. С. 388–405; Кн. 3. № 9. С. 73–108 (1815–1877. Жизнь до пострижения. Поведение духовенства во время холеры в Москве в 1847 г. Уход в Борисоглебский монастырь. Управление им. Поездки Евгении по различным монастырям Московской губ.).

штатного монастырей; в конце тетр. № 3 – блок карандашных черновых записей о священническом облачении и о молитве в разных грехах (тщеславии, лени и т. д.), литературные тексты (канты разным лицам; тетр. 3, л. 108 об. – стихи «На поражение кедра бурей и цветов морозом» (о бренности всего земного и необходимости молитвы), тетр. 4, л. 78 об–79 об – стихотворение «Три судьбы», героинями которого являются Прасковья Михайловна Бакунина (автор текста)³⁸, Екатерина Михайловна Бакунина и Евдокия Озерова (игумения Евгения); тетр. 4, л. 96–98 об – «Канта, исполнявшаяся во время царского обеда в Грановитой палате 16 мая 1883 г.» (слова А. Майкова, музыка П. Чайковского) («С мала ключика студена протекла река...»)³⁹.

Вкладками в тетради являются: фотография Аносина монастыря (в тетр. № 3), закладки (части почтовых листов с анаграммой «ИЕ» (игумения Евгения (?)), с рельефным цветочным рисунком; один фрагмент – с началом письма матери от 30 марта 1888 г.; подобная закладка – в тетр. № 5, с началом письма от 26 января 1888 г.). В тетр. № 4 вложено письмо от 24 октября 1882 г. из Петербурга матушке Евгении от А. Шопова о судьбе болгарской девочки Маши, об образовании которой хлопотала игумения (об этом эпизоде сообщается в записках игумении, тетр. 4, лл. 72 об–73 об.).

В настоящем обзоре представлено 15 записных книжек разного характера из собрания НГОМЗ⁴⁰. Несомненно, состав этой подборки случаен, обусловлен исключительно обстоятельствами поступления того или иного документа в Новгородский музей. Однако даже такой пестрый состав того типа эго-документов, которые, согласно музейной описи, именуется общо «записные книжки», представляет любопытную картину бытования записных книжек в дореволюционную эпоху.

---

³⁸ Прасковья Михайловна Бакунина (1812–1882) – писательница, поэтесса, сотрудничала в сороковые годы в журналах «Москвитянин», «Маяк», «Раута», «Домашняя беседа», «Семейные вечера», «Литературный вечер», автор множества стихотворений, в основном на религиозные темы. См.: Бакунины / Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза, И. Эфрона. СПб., 1891. Т. II А. С. 774–775.

³⁹ Кантата П. И. Чайковского «Москва», написанная по заказу от Коронационной комиссии в 1883 г. в рекордно короткие сроки, вместе с маршем для церемонии. П. И. Чайковский достаточно высоко оценил поэтический текст А. Майкова. 15 мая кантата была исполнена в Грановитой палате московского Кремля под управлением Э. Ф. Направника. 21 июня Коронационная комиссия известила Чайковского, что за кантату и марш ему, по распоряжению царя, подносится подарок в 1500 рублей. URL: <http://www.belcanto.ru/or-tchaikovsky-moscow.html>. Дата обращения – 11.05.2016; Музыкальная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 6. С. 183.

⁴⁰ Выражаю глубокую признательность сотруднику ОПИ НГОМЗ Галине Кузьминичне Маркиной, оказавшей неоценимую помощь в работе с документами и щедрой на профессиональные консультации.

Следует отметить, что записные книжки представляли ценность и для их владельцев, и для последующих лиц, у кого книжка хранилась или к кому она перешла по наследству. Попадая в руки других лиц, книжки могли подвергаться изменениям: дополнению записями (в том числе владельческими), включениями новых листов, удалению старых (чаще всего – с записями) и т. д.

Записные книжки дореволюционного периода из собрания НГОМЗ – в основном эксклюзивные экземпляры, подготовленные специально для их владельцев, в индивидуальном переплете. Лишь несколько из них – записные книжки, изданные в нач. XX в. типографским способом. Социальный состав владельцев записных книжек очень пестрый. Чаще всего это люди не самых низших слоев российского общества. Из 15 записных книжек в ОПИ НГОМЗ четыре принадлежали владельцам, связанным с военным делом, остальные – имевшим отношения к органам власти, общественным организациям. Содержание записных книжек составляют события из личной или государственной жизни, копии документов или их фрагментов (указов, распоряжений и т. д.), литературные произведения, расчеты, покупки, записи адресов и имен нужных лиц, рецепты. То, что в читателеведении как в отдельной исторической дисциплине изучается по «следам» читательского внимания и реакции на текст, в комплексном исследовании записных книжек дополняется рассмотрением бытовых письменных практик, включенных в исторический контекст посредством упоминания его событий, преломления их в частной жизни, реалий быта, литературного и в целом культурного контекста, государственной службы владельца книжки, праздников, памятных дат, свидетельств истории рода и т. д. и т. п. Если в записной книжке обнаруживаются записи «вневременные» (гимны, молитвы, исторические сказания, рецепты, копии документов, литературные произведения – авторские и анонимные и др.), записная книжка утрачивает «чистоту» жанра, постепенно превращаясь в «памятную книжку», информация которой постепенно вытесняет сиюминутную (зачастую – с удалением записей или листов с ними) и становится не личной записной книжкой ее владельца, а собранием текстов, могущих быть полезными окружающим; в этом случае памятная книжка становится достоянием последующих поколений семьи или даже интересующихся историей (как в случае с записной книжкой Ф. Я. Мейснера). Записи в них позволяют уточнить многие исторические факты, литературную традицию некоторых известных текстов.

Стоит оговорить специфические признаки записных книжек в отличие, например, от схожего с ними жанра дневников, которые, следует отметить, изучены гораздо более подробно. Содержание дневника представляет собой записи, привязанные к дате; записные книжки не отличаются подобной систематичностью, записи в них, как правило,

имеют спорадический, зачастую фрагментарный, вырванный из контекста характер, являются краткой фиксацией информации, важной (и зачастую понятной) только владельцу книжки и актуальной лишь на определенное время. С одной стороны, несистемность (в том числе нерегулярность) письменных фиксаций в записной книжке не позволяет воссоздать полную картину события, ситуации, рефлексии совершающегося его участниками – как это зачастую можно наблюдать в записях дневникового типа, отличающихся автокоммуникативной направленностью; с другой стороны, именно благодаря «техническому», вспомогательному характеру записей в записных книжках появляется возможность быть свидетелями самых «незначительных», повседневных дел представителей прошедших веков, от количества собранных в летний день ягод земляники до покупки чалого жеребенка или необходимости передать привет какому-то знакомому по приезду домой. В этом записные книжки уподобляются берестяным грамотам, в том числе в практике их использования (чаще уничтожаются после использования, сохраняются во фрагментах и т. д.). «Истории-повествованию историк повседневности противопоставляет свой метод вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося»⁴¹. Именно в этом видится ценность изучения истории повседневности, в которой записные книжки, как документ (в истинном, этимологическом значении этого слова как ‘доказательство, основание’), занимают свое достойное место.

---

⁴¹ Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления.

И. В. Хохлов

ИСПОЛНЕНИЕ КВАРТИРНОЙ ПОВИННОСТИ ГОРОДАМИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Вопросы расквартирования войск на протяжении всего XIX в. были одной из главных забот Военного министерства. Даже накануне Первой мировой войны квартирное довольствие войск по-прежнему признавалось «одним из сложнейших вопросов хозяйства нашей армии»¹. В дореформенное время значительная часть войск размещалась постоем у мирных обывателей. Военная реформа 1874 г. привела к существенным изменениям и в системе расквартирования войск. В конце XIX – начале XX в. войска могли размещаться либо в казённых казармах Военного ведомства, либо в наёмных помещениях и по отводу. Из-за нехватки казённых казарм города были вынуждены отводить под размещение войск принадлежавшие им здания либо нанимать частные. И хотя на эти цели выделялись средства из казны, порой расходы частично ложились и на бюджеты городов. Не обошла стороной эта проблема и города Новгородской губернии, на территории которой размещалось большое количество войск.

Высочайше утверждённое 8 июня 1874 г.² «Положение о преобразовании воинской квартирной повинности» устанавливало следующие правила размещения войск:

1. Отвод войскам квартир обывателями «натурою» был обязателен лишь в следующих случаях: в военное время, в объявленных на военном положении местностях и в других чрезвычайных обстоятельствах; во время передвижений войск при кратковременных (не более трёх суток) остановках; в течение первых трёх дней по прибытии войск на новые квартиры, если казармы или наёмные помещения не были готовы к их размещению; если все меры по квартирному обеспечению войск окажутся безуспешными, местное общественное городское или сельское управление, получив причитающиеся на квартирное довольствие войск суммы, обязано было нанять или предоставить в общественных

---

¹ Довольствие войск // Военная энциклопедия. Т. IX. СПб., 1912. С. 155.

² Даты приводятся по старому стилю.

здания помещения для штабов и управлений, а также нанять или отвести «натурою» квартиры для нижних чинов.

2. От постоя освобождались здания дворцовые, казённого и удельного ведомств, церковные и монастырские (кроме отдаваемых в наём), архиерейские дома, помещения, занятые церквями, правительственными, общественными, учебными, учёными, богоугодными и благотворительными учреждениями и заведениями, еврейскими и караимскими синагогами и молитвенными школами, мечетями, а также помещения священно- и церковнослужителей православного и других христианских исповеданий; дома в городах, имевшие не более одного покоя, и нежилые помещения, занятые аптеками, фабриками, заводами, торговыми заведениями, почтовыми и железнодорожными станциями.

3. На наём помещений с отоплением и освещением для нижних чинов, штабов, управлений и лошадей, а также на топливо для варки пищи и хлебопечения для нижних чинов из казны ассигновались определённые суммы по средним окладам, определённым для различных местностей.

4. В губерниях вопросами, связанными с квартирным обеспечением войск, ведали Особые о земских повинностях присутствия, с участием представителя Военного ведомства, городского головы губернского города и представителя губернской земской управы. Для содействия им в уездах также учреждались особые комиссии.

5. Земским и городским учреждениям разрешалось строить казарменные помещения для войск. Проекты таких казарм должны были рассматриваться Строительным отделением губернского правления при участии представителей от войск, обсуждаться Особыми о земских повинностях присутствиями и затем представляться на утверждение военному министру.

6. Построенные на земские или городские средства казармы, признанные годными, могли заниматься войсками, но при этом ремонт, содержание, освещение и отопление их оставались обязанностями земства или города, получавшего все полагавшиеся на квартирное довольствие размещённых в казармах войск средства³.

10 декабря 1874 г. Особые о земских повинностях присутствия были упразднены и заменены губернскими распорядительными комитетами, в ведение которых перешли и вопросы квартирного довольствия войск. В состав распорядительного комитета входили председательствующий в нём губернатор, губернский предводитель дворянства, управ-

---

³ Положение о преобразовании воинской квартирной повинности. 8 июня 1874 г. // Городовое положение с дополнениями и разъяснениями по указаниям и распоряжениям правительства, последовавшим после обнародования Положения до 1 октября 1874 года. Сост. Д. Чудовский. СПб., 1874. С. 336–346.

ляющий казённой палатой, городской голова губернского города, председатель губернской земской управы (если она была). При необходимости в состав комитета министром финансов назначался член от правительства. При решении вопросов, имеющих отношение к Военному ведомству, в работе комитета принимал участие представитель от войск. Для содействия губернским комитетам в вопросах квартирного довольствия войск, найма, постройки, ремонта, отопления и освещения зданий и содержания некоторых дорог и подвод были учреждены уездные распорядительные комитеты под председательством исправника, состоявшие из члена уездной земской управы (где она была) и, когда это признавалось необходимым, особого чиновника по назначению губернатора. При хозяйственных распоряжениях к работе уездного комитета привлекались в городах городские головы, а в уездах – волостные старшины⁴.

Назначение мест расквартирования войск зависело от воли императора. Губернский распорядительный комитет, получив требование о расквартировании войск, был обязан предпринять все меры к размещению их в казарменных зданиях, если такие имелись в ведении комитета либо были устроены городом, земством или частными предпринимателями. При отсутствии таких зданий комитет распоряжался наймом других зданий или помещений для казарменного размещения войск. При безуспешности всех мер, предпринятых губернским распорядительным комитетом, обязанность по размещению войск возлагалась в городах на городские общественные управления, при этом комитет передавал городу и квартирные оклады. Таким образом, в конечном итоге обязанность расквартирования войск возлагалась на городские власти. Они же должны были обеспечивать отопление, освещение и ремонт казарменных помещений на выделяемые казной средства.

На территории Новгородской губернии в рассматриваемый период крупные воинские гарнизоны располагались в трёх городах: Новгороде, Старой Руссе и Боровичах. Для размещения войск, наряду с казёнными казармами Военного ведомства, использовались принадлежавшие городам или наёмные здания.

Военная инфраструктура Новгорода включала в себя два казарменных комплекса, принадлежавших Военному ведомству. Один из них, построенный по повелению императора Александра I в 1816–1819 гг. для размещения лейб-гвардии Конно-егерского полка, занимал

---

⁴ Высочайше утверждённое мнение Государственного совета, опубликованное 1 января 1875 г. О прекращении отдельного существования государственного земского сбора и присоединении его с 1875 г. к общим государственным доходам. 10 декабря 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIX. Отделение 2. СПб., 1876. С. 416.

ограниченный улицами Тихвинской, Мининской, Большой Санкт-Петербургской и городским валом квартал. Комплекс включал деревянные казармы, конюшни на 500 лошадей и манеж⁵. В конце XIX – начале XX в. их занимала одна из батарей 22-й артиллерийской бригады. Второй казарменный комплекс (так называемые «Выборгские» казармы) располагался по соседству со Звериным монастырём, по обоим берегам р. Гзень. Казарменные помещения находились в корпусах бывшей парусной фабрики, реконструированных в 1830-е гг.⁶ В начале XX в. казармы были заняты тремя батальонами 85-го пехотного Выборгского полка и несколькими батареями 22-й артиллерийской бригады. Неподалёку от казарм располагался каменный экзерциргауз (манеж). На противоположном (левом) берегу р. Гзень находились деревянные постройки различного назначения.

Таким образом, в губернском центре не наблюдалось острой нехватки казарменных помещений, поэтому городским властям приходилось решать вопрос о размещении в наёмных или городских зданиях лишь небольших воинских команд и учреждений. Так, в 1884 г. по найму губернского распорядительного комитета в частном доме была размещена канцелярия 85-го пехотного Выборгского полка с двадцатью нижними чинами и хозяйственными заведениями. По отводу помещений в городских зданиях в Новгороде были размещены управление 2-й местной бригады, управление губернского жандармского начальника, двадцать нижних чинов Новгородского продовольственного магазина и канцелярия начальника Новгородского отделения Санкт-Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог. Общие расходы городских властей на квартирное довольствие войск в Новгороде за 1884 г. составили 4017 руб. 24 коп.⁷

Сложнее обстояли дела с размещением войск в Старой Руссе. Принадлежавшие Военному ведомству «Красные» казармы не могли вместить все квартирующие в городе войска, поэтому городским властям приходилось отводить для их размещения принадлежавшие городу здания. Так, под казармы был переоборудован так называемый «дом Дерглецкого» на Красном берегу.

Состояние «Дерглецких» казарм, а также других зданий, отведённых городом для размещения войск, описано в актах созданной в 1913 г. Специальной комиссии. Циркуляр с предписанием о создании

---

⁵ Кучевский И. М. Лейб-гвардии Драгунский полк (лейб-гвардии Конно-егерский). 1814–1914. Т. 1 (1814–1855). СПб., 1914. С. 22–23.

⁶ Трифонова А. Н., Карасева И. В. Новгород первой половины – середины XIX в. глазами очевидцев // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород, 2005. С. 12.

⁷ Обзор Новгородской губернии за 1884 г. Приложение ко всеподданнейшему отчёту начальника Новгородской губернии. Б. м., б. г. С. 25–26.

таких комиссий был разослан в губернии Министерством внутренних дел 7 ноября 1913 г. В циркуляре говорилось, что по сообщению военного министра в предыдущие три года в зданиях, отведённых или нанятых городскими общественными управлениями для размещения войск, неоднократно происходили пожары или обрушения, в некоторых случаях сопровождавшиеся смертью или увечьями нижних чинов и уничтожением воинского имущества. Циркуляром Главного штаба от 20 декабря 1912 г. № 260 было объявлено распоряжение о том, чтобы в состав комиссий для осмотра казарменных зданий и помещений непременно входил один член из военных инженеров или техников по строительной части, состоящих на службе по военному ведомству. В связи с этим министр внутренних дел просил губернаторов распорядиться о безотлагательном осмотре комиссиями с участием военных инженеров или техников всех помещений, отведённых войскам на основании устава о земских повинностях, «за исключением лишь специально выстроенных городами по одобренным командующими войсками проектам каменных казарм». По итогам осмотра должно быть составлено заключение, включающее следующие сведения: 1) состояние помещения и соответствие его требованиям расквартирования войск и размещения воинского имущества; 2) неисправности, которые подлежат исправлению; 3) время, к которому они должны быть устранены; 4) если в ближайшее время они не могут быть устранены, возможно ли оставлять воинские части в помещении. По каждому помещению должны быть указаны: кубическое содержание жилых помещений, число людей, в них квартирующих, арендная плата за помещение⁸.

В акте осмотра «Дерглецких» казарм, произведённого комиссией 28 ноября 1913 г., указывалось, что двухэтажное каменное здание было передано 86-му пехотному Вильманstrandскому полку под казарму на 327 человек. Однако в 1913 г. в здании размещались полковая учебная команда (164 человека) и команда разведчиков (66 человек). При этом часть помещений была отведена под классные комнаты, поэтому кубическое содержание воздуха в помещениях, использовавшихся для размещения людей, не соответствовало утверждённым нормам. В ходе осмотра были выявлены следующие недостатки: «1) полы частью требуют перестилки; 2) в некоторых оконных рамах нижние части (подушки) и часть стоячих брусьев попорчены гнильностью. Часть летних створных оконных переплётов требует исправления и замены прибора; 3) дверные полотна требуют более тщательной пригонки ввиду образовавшихся щелей; 4) в здании имеются для сообщения с 2 этажом три

---

⁸ Циркуляр Министерства внутренних дел по Главному управлению по делам местного хозяйства губернаторам, начальникам областей и градоначальникам. 7 ноября 1913 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–3.

деревянные лестницы, требующие исправления вследствие избытка ступеней; 5) отхожее место находится отдельно от здания в деревянном холодном строении, рассчитано на 6 очков; 6) во дворе имеется бревенчатое строение, каковое можно приспособить под цейхгауз, ввиду заявления, что такового нет»⁹. При этом комиссия пришла к выводу о том, что помещением пользоваться вполне возможно, так как в целом оно находится в хорошем состоянии: «...стены и потолки обелены, печи в помещении и очаги на кухне в полной исправности. Все помещения вполне светлые»¹⁰, а замеченные недостатки могли быть устранены в строительный период 1914 г.

Помимо «дома Дерглицкого», войска занимали принадлежавшие городу деревянные «Духовские» казармы, располагавшиеся по соседству с одноимённой церковью. В них размещалось управление Старорусского уездного воинского начальника, казармы для конвойной команды, сверхштатных нижних чинов и писарских учеников, хлебопекарня с кухней, цейхгауз для имущества ратников ополчения. Часть построек использовалась для хозяйственных нужд. Одноэтажное деревянное здание на кирпичном цоколе, занимаемое управлением уездного воинского начальника, по результатам осмотра 28 ноября 1913 г. было признано полностью соответствующим своему назначению: «Здание это капитально отремонтировано в 1909 году согласно желания, выраженного воинским начальником, вполне соответствует своему назначению, как по назначению, так и размещению нижних чинов»¹¹. Состояние других строений также в целом было признано удовлетворительным. Из недостатков были отмечены следующие: «цейхгауз в настоящее время по своим размерам не соответствует своему назначению ввиду увеличения штата вновь формируемых трёх дружин вместо двух с половиною рот», в погребе «пол деревянный необходимо вследствие ветхости заменить новым бетонным»¹².

Осмотр, проведённый спустя год, 22 ноября 1914 г., показал, что за прошедший год работы в «доме Дерглицкого» не производились, так как «весь летний рабочий период, а равно и в настоящее время казармы заняты войсками»¹³. В большинстве строений «Духовских» казарм были проведены малярные работы. Для расширения цейхгауза было отведено и приспособлено помещение с бетонным полом и кирпичным сводом в

---

⁹ Акт осмотра Комиссией по осмотру зданий, отведённых Старорусской городской управой войскам, городского дома Дерглицкого. 28 ноября 1913 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 23–23 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 24–24 об.

¹² Там же. Л. 25 об.

¹³ Акт осмотра Комиссией по осмотру зданий, отведённых Старорусской городской управой войскам. 22 ноября 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 132 об.

«Дерглицких» казармах. Вновь отведённое помещение вполне соответствовало своему назначению как по размерам, так и в отношении пожарной безопасности, однако в нём не были сделаны полки и пирамиды для ружей¹⁴.

В целом исполнение Старорусской городской управой квартирной повинности в рассматриваемый период можно признать удовлетворительным. Сложности с размещением войск начали возникать только после начала Первой мировой войны. При осмотре «дома Дерглицкого» 20 декабря 1914 г. было отмечено, что «здание оказалось переполненным до крайности, так что на 1 человека в настоящее время приходится менее 1 кв. саж. воздуха. Отхожее место находится отдельно от здания в деревянном холодном помещении, причём на 1 очко приходится около 75 человек, вследствие чего необходимо поставить дополнительное, хотя бы временное, отхожее место»¹⁵.

Хуже всего дела с размещением войск обстояли в Боровичах, куда в 1892 г. из казарм в с. Медведь был переведён 1-й сапёрный батальон¹⁶. В городе не было каменных казарм, способных вместить весь батальон и его имущество, и сапёры заняли находившиеся в далеко не идеальном состоянии деревянные казармы. Четыре ротные казармы, рассчитанные на размещение 170 человек каждая, представляли собой одноэтажные бревенчатые постройки. Служивший в батальоне с 1912 г. подпоручик С. А. Мацылев так описал их: «Казармы были старые, деревянные, довольно тесные, кровати в два яруса одна над другой, с узкими проходами, в которых помещались сундуки и другое нехитрое солдатское имущество»¹⁷. Даже спустя несколько лет после перевода сапёров в Боровичи в городе отсутствовало подходящее помещение для интендантского и инженерного обоза батальона, из-за чего он хранился на значительном удалении – в Усть-Ижорском лагере. В связи с неудобством такого размещения командованием был поднят вопрос об отводе, постройке или найме городом сарая соответствующих размеров и оборудовании особого отапливаемого помещения в инженерном цейхгаузе батальона для хранения телеграфного имущества (аппаратов, гальванометров и т. п.)¹⁸. Городские власти с некоторыми оговорками пошли навстречу пожеланиям военных, и в следующем году все необходимые помещения были оборудованы.

---

¹⁴ Акт осмотра Комиссией по осмотру зданий, отведённых Старорусской городской управой войскам. 22 ноября 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 132–132 об.

¹⁵ Акт осмотра Комиссией по осмотру зданий, отведённых Старорусской городской управой войскам, городского дома Дерглицкого. 20 декабря 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 133.

¹⁶ Памятная книжка Новгородской губернии на 1913 г. Новгород, 1913. С. 35.

¹⁷ Мацылев С. Из воспоминаний // Возрождение. 1954. № 35. С. 138.

¹⁸ Журналы Боровичской городской думы за 1897 год. Боровичи, 1897. С. 74–75.

В последующие годы командованию батальона и городским властям ещё не раз приходилось совместными усилиями, порой преодолевая разногласия, устранять неудобства расположения сапёров, однако удовлетворить все требования военных до начала Первой мировой войны город так и не смог. Содержание казарм тяжким бременем ложилось на городской бюджет. За семь лет с 1907 г. по 1913 г. городские власти получили на содержание казарм от казны 64 241 руб. 85 коп., реальные же затраты на эти нужды составили 73 514 руб. 99 коп. Кроме того, 15 тысяч рублей было потрачено городом за несколько лет на ремонт казарм¹⁹. Желая избавиться от таких затрат, городская дума в 1910 г. обратилась к Военному ведомству с просьбой приобрести у города казармы батальона. Решение это было принято после обсуждения вопроса о выделении средств на ремонт деревянных казарм, находившихся «в крайне плачевном состоянии»²⁰. Для полного приведения казарм в порядок требовалась непосильная для города в то время сумма – 20 тысяч рублей. Однако тогда Главное инженерное управление эту просьбу отклонило.

Оказавшись в безвыходной ситуации, городская дума приняла решение о продолжении переговоров с Военным ведомством о приобретении им казарм в собственность или о выдаче городу беспроцентной долгосрочной ссуды, в чём также получила отказ. Между тем командир батальона заявил, что дальнейшее использование неотреставрированных казарм не представляется возможным, и потребовал предоставить другие здания. Новые помещения для батальона должны были соответствовать следующим требованиям: 1) солдаты одной и той же роты должны были размещаться в одном квартале и с соблюдением всех гигиенических требований; 2) новые здания должны были находиться в близости от старых, так как там оставались склады боевых и продовольственных запасов, помещения учебной команды, швальня и др.²¹ Однако подходящих зданий в городе не нашлось. В ходе дальнейших переговоров между командиром сапёрного батальона и представителями городских властей выяснилось, что необходимая для ремонта сумма намного меньше предполагавшейся – 3 тысячи рублей. В то же время по действовавшим тогда законам в случае невозможности размещения войск в отдельных зданиях город обязан был расквартировать солдат и офицеров по обывательским квартирам, что было бы крайне нежелательно как для горожан, так и для военных. В итоге город согла-

---

¹⁹ Журналы Боровичской городской думы за 1913 год. Боровичи, 1913. С. 7–8.

²⁰ Журналы Боровичской городской думы за 1910 год. Боровичи, 1910. С. 178.

²¹ Там же. С. 228.

сился на ремонт, заняв необходимую сумму в Боровичском городском общественном банке²².

Помимо жилых помещений, казарменный городок 1-го сапёрного батальона включал и другие здания, обслуживавшие различные нужды военнослужащих. В 1911 г. остро встал вопрос о бане для батальона. Существовавшая на тот момент батальонная баня находилась в ветхом состоянии, и дальнейшее её использование было невозможным. Городской управе и думе и на этот раз пришлось искать выход. На заседании думы было решено построить новую каменную баню для батальона. Однако из-за отсутствия на тот момент средств сапёрам предложили в качестве временной замены на выбор два варианта: баню на заводе огнеупорного кирпича А. Н. Мухина и Е. Н. Белостоцкой или баню при богадельне, принадлежавшей попечительству богадельни и Благотворительному обществу. На первый вариант батальон не согласился, так как эта баня располагалась на значительном расстоянии от города (свыше версты), а также могла вместить одновременно незначительное число людей. Второе помещение, на пользование которым Городская управа получила согласие от попечительства богадельни и хозяйственного совета Благотворительного общества, в свою очередь также требовало ремонта, на который городу пришлось выделить 200 руб.²³

В последующие годы городские власти не прекращали попыток продать казармы Военному ведомству. В 1912 г. Главное инженерное управление вновь ответило отказом, объясняя это ветхостью и дороговизной казарм и возможным переводом 1-го сапёрного батальона в другое место квартирования²⁴. Однако уже в следующем году командир батальона сам обратился к городской управе с просьбой о продаже казарм и земельного участка под ними Военному ведомству, на что городская дума дала согласие, определив их стоимость в 40 тысяч руб.²⁵ Однако переговоры затянулись, так как военные посчитали такую сумму завышенной, и до начала Первой мировой войны вопрос решён не был.

Осмотр казарм, произведённый 16 января 1914 г., показал, что «при входе в каждую казарму (общее число их 4) в коридоре чувствуется сильный запах от отхожего места (о 6 очках), расположенного в примыкающей пристройке, ввиду отсутствия вентиляционных приспособлений. Во всех зданиях нижние венцы и местами в стенах попорчены гнильстью. Помещения внутри светлые, хорошо отремонтированы, но тесные. Все здания, как жилые, так и нежилые, снаружи не

---

²² Журналы Боровичской городской думы за 1910 год. Боровичи, 1910. С. 231–233.

²³ Журналы Боровичской городской думы за 1911 год. Боровичи, 1912. С. 496–497.

²⁴ Журналы Боровичской городской думы за 1912 год. Боровичи, 1912. С. 397.

²⁵ Журналы Боровичской городской думы за 1913 год. Боровичи, 1913. С. 8.

обшиты, а по брёвнам окрашены палевой клеевой краской. <...> Вследствие тесноты помещений кровати расположены в два яруса, при высоте помещения 10,85 фута²⁶. Здание, имея 33 саж.²⁷ длины, не имеет ни одной брандмауэрной стены, а выходов из жилых помещений только два. Все мастерские, как то: плотничная, кузнечная и пр., а также умывальные и классы – очень тесны и ввиду наличности горючего материала в мастерских в пожарном отношении опасны; таким образом, означенные ротные помещения совершенно не отвечают своему назначению по кубическому содержанию воздуха. Стены в ротных помещениях местами в сильные морозы промерзают. Часть нижних венцов попорчены гниlostью»²⁸. В батальонной столовой «люди обедают в две очереди. Несмотря на то, что в столовой имеются 4 круглых печи, помещение холодное, сырое и стены промерзают»²⁹.

Одноэтажное бревенчатое здание на кирпичном цоколе, в котором размещались оружейная мастерская, цейхгауз, помещение нестроевой роты и конюшня, также находилось в неудовлетворительном состоянии: «Полы во всех помещениях дощатые. Цейхгауз полевого инженерного парка и конюшня находятся между жилыми помещениями, разделёнными бревенчатыми стенами, а потому хранение имущества признаётся опасным в пожарном отношении. В помещении нестроевых и цейхгауза потолочные балки провисли. Помещение нестроевых сырое. Цейхгауз и умывальня тесные. Отхожее место тёплое на три очка»³⁰. В дощатом строении для хранения интендантского обоза «в стенах много щелей, потолка нет. Обоз размещён очень тесно»³¹. Дощатый сарай для инженерного обоза «очень ветхий. Стены покосились, и снаружи установлены деревянные подкосы»³². Бревенчатое здание для хранения сухарного запаса также было очень ветхим и признано непригодным для использования. В том же строении размещалась прачечная, что было признано опасным в пожарном отношении. Нижние венцы и частично стены патронного склада были «попорчены гниlostью»³³. В половине дощатого здания для хранения инженерного обоза второго комплекта пол был из досок, в другой – земляной. Помещение было очень тесным. В стенах здания комиссия обнаружила многочисленные щели, через

---

²⁶ 3,3 м.

²⁷ 70,4 м.

²⁸ Акт Комиссии по осмотру зданий, отведённых Боровичским городским общественным управлением для 1-го сапёрного батальона. 16 января 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 81.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 81 об.

³¹ Там же. Л. 82.

³² Там же.

³³ Там же.

которые внутрь попадал дождь и снег. Единственным зданием, которое в целом было признано удовлетворяющим требованиям, был каменный двухэтажный лазарет с мезонином. Однако и в нём необходимо было заменить узкую деревянную лестницу на несгораемую³⁴.

По итогам осмотра комиссия пришла к заключению о необходимости следующих мер: «1) в четырёх ротных помещениях построить брандмауэрные стены; 2) заменить подгнившие венцы; 3) выстроить дополнительные помещения для нормального размещения нижних чинов и всего имущества; 4) здание кузницы построить на новом месте с соблюдением законного разрыва; 5) устроить правильную вентиляцию в отхожих местах и казармах; 6) дощатую крышу над патронным складом заменить железной»³⁵.

По заявлению городского головы, все эти меры могли быть произведены в течение трёх лет, а необходимые ремонтные работы – в течение строительного периода 1914 г.³⁶ 29 октября 1914 г. Боровичский уездный исправник уведомил Новгородский губернский распорядительный комитет об окончании ремонта казарм³⁷. Были произведены следующие работы: в ротных помещениях 1-й, 2-й, 3-й и телеграфной рот, в помещении малярной мастерской и в умывальной комнате нестроевой роты побелены и покрашены клеевой краской потолки с частичным исправлением штукатурки; полы местами исправлены, местами – заменены новыми; половые балки частично заменены новыми. Печи исправлены «малым ремонтом». Остальные неисправности не были устранены «ввиду военного времени, благодаря которому помещения были заняты по надобностям мобилизации» и из-за того, что вопрос об оставлении в Боровичах 1-го сапёрного батальона не был окончательно решён, и городское управление не считало возможным до выяснения этого вопроса производить столь большие затраты³⁸. При этом ещё 31 июля 1914 г. циркуляром Главного управления по делам местного хозяйства было разрешено ввиду чрезвычайных обстоятельств военного

---

³⁴ Акт Комиссии по осмотру зданий, отведённых Боровичским городским общественным управлением для 1-го сапёрного батальона. 16 января 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 81.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 82 об.

³⁷ Отношение Боровичского уездного исправника Новгородскому губернскому распорядительному комитету. 29 октября 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 210.

³⁸ Акт осмотра воинских помещений со сведениями о выполнении городским общественным управлением предложений губернского распорядительного комитета об устранении недостатков в означенных помещениях по городу Боровичам Новгородской губернии. 31 декабря 1914 г. ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 158 об–159.

времени исключать из городских смет расходы, не являющиеся особо настоятельными³⁹.

Рассмотрев материалы осмотра казарм, произведённого в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел от 7 ноября 1913 г., Министерство внутренних дел пришло к неутешительному заключению, что отведённые городскими общественными управлениями для размещения войск помещения «страдают столь многими и иногда совершенно недопустимыми недостатками, угрожающими безопасности и здоровью расквартированных в них воинских чинов», что совершенно необходимо учредить наблюдение за своевременным и в надлежащем объёме выполнением работ по приведению их в полный порядок. Поэтому по окончании строительного периода, не позднее 31 декабря 1914 г. необходимо было произвести повторный осмотр помещений, в которых надлежало провести ремонт или которые подлежали замене другими. По итогам осмотра Новгородский губернский распорядительный комитет должен был составить заключение с указанием причин неисполнения предписанных работ и не позднее 1 февраля 1915 г. представить его в Главное управление по делам местного хозяйства⁴⁰.

13 мая 1915 г. Боровичская городская управа сообщала в Новгородский губернский распорядительный комитет о том, что вопрос о расквартировании 1-го сапёрного батальона по окончании войны по-прежнему не выяснен. При этом «необходимый ремонт казарм, бывших в пользовании названного батальона, в минувшем году произведён; а на ремонт, указанный в акте Строительной комиссии от 16 января 1914 г., средств в настоящее время у города не имеется, и такой ремонт произвести в настоящее время не представляется возможным ввиду сокращения доходов и увеличения расходов на военные нужды»⁴¹.

Помимо найма и содержания казарменных помещений, городские власти обязаны были обеспечивать их освещение и отопление. Освещались казармы в большинстве случаев сальными свечами (полагались две свечи на 10 человек в сутки). Для отопления жилых помещений устраивались русские или голландские печи. В качестве топлива для обогрева помещений и приготовления пищи использовались чаще всего дрова, хотя допускалась и замена их другими видами топлива – антрацитом, каменным углём, хворостом, камышом и т. д. Были установлены

---

³⁹ Циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства об исключении из городских смет ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени расходов, не являющихся особо настоятельными и о принятии некоторых других, обуславливаемых войною мер. 31 июля 1914 г. ГАНУ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 149–150.

⁴⁰ Протокол заседания Новгородского губернского распорядительного комитета. 6 февраля 1915 г. ГАНУ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 125–125 об.

⁴¹ Отношение Боровичской городской управы Новгородскому губернскому распорядительному комитету. 13 мая 1915 г. ГАНУ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 59. Л. 156–156 об.

нормы снабжения топливом в зависимости от отапливаемых площадей, типа печей, вида топлива (если это были дрова – учитывалась и нагревательная способность разных пород дерева), географического расположения казарм⁴². Дрова в воинские части доставлялись один раз в четыре месяца.

В 1913 г. между городскими властями Боровичей и командиром 1-го сапёрного батальона возник конфликт из-за того, что, по мнению военных, дрова, поставленные им в сентябрьской трети 1912 г., были крайне неудовлетворительного качества. В качестве компенсации батальон потребовал от города поставить в январской трети 1913 г. дополнительно 79 саж. берёзовых дров. Городская дума, рассмотрев этот вопрос, отказала батальону в этом, но, в свою очередь, из-за этого не получила от губернского распорядительного комитета причитающиеся за содержание в 1913 г. казарм деньги. Конфликт затянулся на год, и к началу 1914 г. так и не был разрешён⁴³.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что ситуация с выполнением квартирной повинности городами Новгородской губернии в рассматриваемый период варьировала от относительно благополучной (в Новгороде и Старой Руссе) до неудовлетворительной (в Боровичах). Во многом такое положение дел было обусловлено особенностями расквартирования войск и, как следствие, строительной активностью Военного ведомства в предшествующие десятилетия. В Новгороде и Старой Руссе, где постоянные крупные воинские гарнизоны появились в первой четверти XIX в., к концу столетия существовали достаточно вместительные казармы, принадлежавшие Военному ведомству. С учётом этого городским властям Новгорода приходилось нанимать или отводить помещения лишь для небольших воинских команд. В Старой Руссе, где принадлежавшие Военному ведомству казармы не могли вместить все размещённые в городе войска, для нужд войск городом были отведены «Дерглецкие» и «Духовские» казармы. Боровичи же столкнулись с необходимостью размещения достаточно большого количества войск лишь в конце XIX в., когда строительная деятельность Военного ведомства в Новгородской губернии утратила размах, присущий эпохе военных поселений. Необходимость содержать существовавшие в городе ветхие деревянные казармы и поддерживать их в надлежащем состоянии ложилась тяжким бременем на городской бюджет.

---

⁴² Отопление, освещение, вода. Сборник законоположений и разъяснений правительственных учреждений по довольствию войск дровами, материалами освещения и водою. Сост. столоначальник Главного штаба по квартирному довольствию войск Н. М. Маскевич. СПб., 1897. С. 8–11.

⁴³ Журналы Боровичской городской думы за 1913 год. Боровичи, 1913. С. 381–383, 428–431, 562–563.

При этом суммы, выделяемые на эти цели государственной казной, к концу XIX – началу XX в. были недостаточными, и городским властям приходилось изыскивать недостающие средства в бюджете города.

Я. А. Васильев

**«ВЕСТНИКИ» НОВГОРОДСКОГО ЗЕМСТВА
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕДИТНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ¹**

Издания, осуществлявшиеся земскими органами Новгородской губернии, для исследователей являются еще и важными источниками по истории деятельности самого земства. Это в полной мере относится и к «Вестникам Новгородского земства», издание которых осуществлялось на протяжении 1899–1906 и 1913–1917 гг.² «Вестник» трижды менял название: «Вестник Новгородского земства» (1899–1906, далее – ВНЗ), «Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства» (1913–1917, далее – СХВ) и «Вестник Новгородского губернского земства» (1917 г., далее – ВНГЗ). Соответственно, изменялась и направленность издания, от информационно-публицистического и политического в ВНЗ до аграрного в «Сельскохозяйственном вестнике» и снова в сторону политического в ВНГЗ. В любом случае, как неоднократно отмечали авторы, изучавшие историю новгородского земства, практически ни одно исследование от студенческих работ до диссертаций и монографий не может обойтись без использования материалов, опубликованных на страницах «Вестников...».

Однако «Вестники...» также содержат сведения и по самым разным сферам жизни Новгородской губернии конца XIX – начала XX в., в том числе освещается и хозяйственная деятельность земства и губернии в целом. Исследователи активно используют эти материалы, таковы, например, работы И. М. Бобович, О. В. Бражинская, Е. Г. Марьковой,

---

¹ Исследование выполнено на средства федерального бюджета на проведение научно-исследовательской работы (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок) № 2667 «Новгородская земля в контексте социокультурного развития: история, археология, культура», выполняемой в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности.

² См., например: *Ромашова В. И.* «Вестник Новгородского земства» – печатный земский орган Новгородской губернии // *Ромашова В. И.* «Вестник Новгородского земства»: научно-информационный справочник. В. Новгород, 2011. С. 3–10.

В. И. Ромашовой, Л. А. Секретарь, А. А. Голубева, Т. А. Данько, В. П. Румянцевой и других³.

Однако работы, посвященные анализу «Вестников» как источника для исследования отдельных отраслей экономики Новгородской губернии, пока немногочисленны и относятся только к «Вестнику Новгородского земства», не затрагивая СХВНЗ и ВНГЗ⁴. В этом отношении нецеликом подспорьем для исследователей, безусловно, станут данные научно-информационного справочника по материалам «Вестника Новгородского земства», составленного В. И. Ромашовой⁵. Изучая на протяжении ряда лет содержание всех выпусков ВНЗ, она составила ценнейший путеводитель по этому источнику. В нем отмечены, практически, все блоки материалов, опубликованных в ВНЗ. Справочник, кроме тематического, содержит и другие указатели: географический, именной. Тем не менее, хотя значение этого труда трудно переоценить, но по ряду объективных причин работу над «Справочником» нельзя считать законченной, его отдельные разделы требуют дополнения и уточнения.⁶

Это, в частности, относится и к разделам «Справочника» по истории кредита Новгородской губернии – «**Банки**», «**Кооперация**» и «**Сберкассы**». Раздел «**Банки**» (53 публикации) содержит подразделы «Дворянский» (2 публикации), «Земский» (3 публ.), «Крестьянский по-земельный» (34 публ.), однако в нем практически нет сведений о дея-

---

³ Например, см.: Деятельность земства в области экономики и финансов // Земство и возрождение его культурно-хозяйственных традиций (Материалы конференции, посвященные 130-летию Новгородского земства. 24–25 октября 1995 г.). Новгород, 1996. Раздел II. С. 48–114. (Бобович И. М. Земская агротехническая помощь деревне в начале XX века. Обзор источников; Бражинская О. В. Агротехнические мероприятия Псковского земства; Марькова Е. Г. Деятельность Новгородского земства по продовольственному вопросу; Ромашова В. И. Деятельность земства по организации, усовершенствованию и развитию кустарного производства; Секретарь Л. А. Школа огнестойкого строительства в Новгороде; Голубев А. А. Роль Олонецкого губернского земства в строительстве Мурманской железной дороги; Румянцева В. П. Роль Новгородского земства в организации учреждений мелкого кредита; Данько Т. А. Обзор деятельности оценочно-статистического отделения Новгородского губернского земства).

⁴ Яцкая Н. В. «Вестник Новгородского земства» как источник по истории новгородского транспорта (по материалам указателя В. И. Ромашовой) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы конференции... Вып. IX. В. Новгород, 2010. С. 178–179; Галлактинова М. В. «Вестник новгородского земства» как источник по истории промышленности Новгородской губернии (по материалам указателя В. И. Ромашовой) // Там же. Вып. X. В. Новгород, 2011. С. 137–139.

⁵ Ромашова В. И. «Вестник Новгородского земства»: научно-информационный справочник. В. Новгород, 2011.

⁶ Васильев Я. А., Кореишкова Т. А. От редакции [Вера Ивановна Ромашова] // Ромашова В. И. «Вестник Новгородского земства»: научно-информационный справочник. В. Новгород, 2011. С. 723–726.

тельности в губернии других банков: городских общественных (2 публ.)⁷ и Новгородского отделения Госбанка⁸.

В данном разделе содержатся сведения не только о деятельности банков, туда также попали материалы об учреждениях мелкого кредита, хотя им посвящены и отдельные разделы «Кредитные товарищества и общества» (24 публ.), «Сельскохозяйственные товарищества» (2 публ.), «Ссудо-сберегательные кассы, товарищества» (19 публ.), «Мелкий кредит» (31 публ.),

Некоторые сведения о кредите и кредитных операциях оказались распределены по разным разделам «Справочника», например «Агрономия»⁹, «Крестьянские подсобные промыслы»¹⁰, «Лесоводство»¹¹, «Медицина»¹², «Народное образование»¹³, «Особые совещания по сельскому хозяйству»¹⁴, «Мелиорация»¹⁵, «Рыболовство»¹⁶.

В целом прямых и косвенных указаний на данные темы в «Справочнике» В. И. Ромашовой – около 130, в то время как фронтальный просмотр выпусков ВНЗ дал более 450 сюжетов. Некоторые из них одновременно относятся к разным разделам, например, и к «Банкам» и «Персоналиям» (в этом случае число сюжетов следует увеличить до 550).

Таким образом, приходится отметить некоторую ограниченность «Справочника» при использовании «Вестника Новгородского земства» как источника по истории кредитных учреждений Новгородской губернии. Материалы по этой теме, опубликованные в ВНЗ, целесообразнее

---

⁷ *Королев Н.* Из [новгородской] городской думы. [Новгородский городской банк]. – 1902. XVI. 10–12; *Обыватель.* 35-летие городского общественного банка [в г. Череповце]. – 1900. IV. 20–21; Съезд представителей городских банков. – 1899. XI. 29.

⁸ Очередное [Новгородское] губернское земское собрание. (Из залы заседаний, бывших 30 ноября, 1, 2 и 3 декабря) [1900 г. Кредит Гос. банка земству]. – 1900. XXIV. 2.

⁹ В. С. Помощь сельскому хозяйству. Кредит. – 1905. VIII. 20–22.

¹⁰ В. С. О кредите [кустарям]. – 1904. XI. 17–23.

¹¹ *Лебедев Н.* Доклад о распространении на Новгородскую губернию мелиоративного кредита под лесоустройство в частных лесах ... – 1902. XII. 40–45.

¹² Министерство земледелия испрашивает кредит [на переустройство Старорусских и Сергиевских минеральных вод]. – 1900. VIII. 7.

¹³ Об организации долгосрочного кредита для народных учителей. – 1900. II. 13; [Разъяснение Министерства народного просвещения о субсидировании земских школ за счет кредитов]. – 1901. XIII. 6; В. С. [Организация сберегательных касс среди учеников]. – 1901. XXI. 26 и др.

¹⁴ В. С. О народном кредите. – 1903. XVI. 12–13.

¹⁵ *Дидрикуль Э.* О мелиоративном кредите в Новгородской губернии. – 1902. XV. 25–31.

¹⁶ *Кучин И.* Беглый очерк района Первого Ильменского кредитного товарищества. – 1904. XXI. 63–67; *Лебедев Н.* Доклад о распространении на Новгородскую губернию мелиоративного кредита под лесоустройство в частных лесах и об открытии при Новгородском сельскохозяйственном обществе «Самопомощь» посреднического бюро для устройства лесов, составления на них планов хозяйства и оценок. – 1902. XII. 40–45.

разделить, примерно, на 17 более структурированных блоков и 6 подразделов в блоке «Банки» (ниже в блоках будет указано число относящихся к ним публикаций – в номерах «Вестника», а в скобках – число сюжетов, которые относятся одновременно и к другим темам). Блоки приводятся в алфавитном порядке.

«Банки», подразделы:

1. «Общие сведения» – 15 (7), содержит материалы, относящиеся в целом к сфере кредита, к отдельным мероприятиям этой сферы, в том числе и на губернском уровне.

2. «Городские общественные банки» – 40 (5), содержит, в основном, сведения об отчетности этих банков и их участию в жизни губернского и уездных центров.

3. «Государственный банк» – 21 (11), большинство сведений относится к выдаче Госбанком ссуд на различные цели, в основном в сфере сельского хозяйства.

4. «Государственный дворянский земельный банк» – 2, банк не имел отделений в Новгородской губернии, чем объясняется малое число публикаций.

5. «Земские банки» – 4, главным образом, сведения о проектах земских банков и сходных с ними кредитных учреждений.

6. «Крестьянский поземельный банк» – 67 (4), первый блок по числу публикаций о кредитных учреждениях в «Вестнике» и второй вообще, что подтверждает важность работы его в Новгородской губернии и значение в деле развития местного сельского хозяйства, перераспределения земельного фонда и т. п. Содержит много сведений о состоянии крестьянского хозяйства, ссудах Новгородского отделения на его улучшение.

«Кассы» – 6 (1), содержит сведения о проектах различных касс, например, вспомоществования и взаимопомощи, а также об их деятельности. К сфере сельского хозяйства и земства они напрямую не относились, что объясняет небольшое число публикаций.

«Пенсионные кассы» – 18 (3), о пенсионных кассах земских служащих и учителей.

«Кредит» – 58 (19), третий по числу публикаций блок содержит сведения о кредите и ссудах, которые предоставляли местные кредитные учреждения на различные цели, а также сведения общего характера из сферы отечественного кредита.

«Мелкий кредит» – 44 (11), содержит сведения о состоянии и проблемах мелкого кредита в России и Новгородской губернии, о деятельности учреждений мелкого кредита, о мелком сельском кредите.

«Мелиоративный кредит» – 9 (2), данные о кредитах на мелиоративные цели (осушение болот и др.), улучшение качества земель, в том числе и в Новгородской губернии.

«**Кредитные товарищества и общества**» – 37 (7), сведения о деятельности, главным образом, кредитных товариществ Новгородской губернии.

«**Ломбарды**» – 33 (7), содержит сведения о работе городских общественных ломбардов Новгородской губернии (много – о Тихвинском), о значении их для местного населения.

«**Общества**» – 13 (5), данные о различных обществах (главным образом вспомоществования, благотворительных, потребительских).

«**Общества взаимного кредита**» – 2 (2), один из самых маленьких блоков материалов «Вестника», хотя новгородское земство в 1870-е гг. приложило значительные усилия для организации в губернии четырех обществ взаимного кредита. Однако два из них закрылись, а остальные в данный период организационно не зависели от земства и вели операции, по большей части вне сферы сельскохозяйственного кредита.

«**Общества взаимопомощи и вспомоществования**» – 11 (1), в подавляющем большинстве освещает деятельность обществ взаимопомощи и вспомоществования учителей Новгородской губернии.

«**Сберкассы**» – 11 (1), главным образом содержит сведения о деятельности негосударственных сберегательных касс (в том числе и школьных) России.

«**Ссудосберегательные кассы и товарищества**» – 33 (6), включает данные о деятельности этих кредитных учреждений в Новгородской и других губерниях, актуальные вопросы мелкого городского и сельского кредита.

«**Персоналии**» – 20 (3), блок содержит сведения, касающиеся сотрудников кредитных учреждений, земских работников и др.

«**Ростовщичество**» – 10 (4), содержатся данные о сельских ростовщиках (кулаках), о вреде их деятельности для крестьянского и, особенно, рыболовецкого хозяйства губернии.

«**Ссуды**» – 92 (16), самый большой блок, содержащий сведения о ссудах и кредитах на разнообразные цели (улучшение землепользования, продовольственное снабжение, школьное дело, городские надобности и проч.) из кредитных и иных организаций и учреждений. Одновременно освещается положение дел, на решение которых испрашивались ссуды и кредиты.

«**Разное**» – 24 (9), разные сведения, касающиеся вопросов сферы финансов и кредита.

Приведем некоторые наиболее характерные группы сюжетов публикаций ВНЗ.

О деятельности кредитных учреждений (в том числе и критической направленности):

– О распределении чистой прибыли Тихвинского городского общественного Чаплиных банка (3150 р. 86 к.) после 30-летнего перерыва, вызванного расхищениями около 50 тыс. руб. в период краха Скопинского городского общественного банка (ГОб), 25 тыс. руб. удалось вернуть от бывшего директора Фалева, остальное банк покрыл из своих основного и запасного капиталов;

– О внезапной ревизии Новгородского ГОб 29 января, недочетах и нарушениях в работе, принцип ревизии, выборы комиссии для ревизии отчета банка за 1901 г.;

– О согласии думы с решением губернатора (губернского по городским и земским делам присутствия) и разъяснением Сената о недопущении совмещения земских гласных с должностями в правлении или учетном комитете городских общественных банков;

– О скандале с распорядителем Тихвинского городского ломбарда М. Д. Ядрова на замечание о неаккуратном посещении им службы (1904 г.);

– О растрате земских сумм М. Я. Фроловым.

Об участии местных кредитных учреждений в делах благотворительности и местного управления:

– О капитале для приданого бедным девицам, выходящим замуж (из капитала купчихи Таировой и из прибыли Новгородского ГОб);

– Сообщение губернатора О. Л. Медема (1896–1907) о разрешении министром финансов отсрочки продажи заложенного В. С. Передольским дома в городском банке ещё на 2 года (1906);

– О кредите на покупку медикаментов для уездных земств в сумме 30 тыс. руб., по примеру прежних лет;

– Об учреждении из средств капитала общественного призрения, принадлежащего Новгородскому губернскому земству в образуемый больничный фонд (260 тыс. руб.) на постройку, расширение и улучшение больничных помещений.

Общие вопросы экономической жизни и деятельности кредитных учреждений:

– Земство и кооперация. Агрономическо-кооперативное совещание при Демянской земской управе;

– *Тютрюмов А.* Некоторые данные о положении земельного и народного кредита в Новгородской губернии;

– Комиссия по исследованию вопроса об экономическом положении сельского населения средне-земледельческих губерний России;

– Некоторые сведения о Кренко-Колбецком ссудосберегательном товариществе после смерти его создателя и фактического руководителя В. Д. Кренке;

– О значении учреждений мелкого кредита для деревни;

– О ходатайстве по уменьшению формальностей при выдаче ссуд Крестьянским поземельным банком.

О борьбе с кулачеством и ростовщичеством:

– О намерении подмосковных ржевских кустарей-столяров организовать свое кредитное товарищество для противодействия экономическому гнету торговцев-скупщиков;

– О борьбе с кулачеством, ростовщичеством и значении для этого кредитных товариществ;

– О необходимости мелкого сельского кредита и, в частности, кредитных товариществ для крестьян-ловцов (рыбаков), о деятельности складов-ломбардов, об обмане Новгородского городского ломбарда заведомо некачественными сетями (муляж) в 1892 г.

Разное:

– Первый Всероссийский съезд представителей Общества взаимного вспомоществования лицам учительского звания (о тяжелом материальном положении учителей).

– отрицательное мнение гласного Воронежского уездного земства Н. Ф. Бунакова о школьных сберкассах (в нравственном отношении).

Таким образом, «Вестник Новгородского земства» содержит обширный материал по истории кредитных учреждений Новгородской губернии, который с успехом может быть использован исследователями. В связи с этим работа В. И. Ромашовой над систематизацией сведений из «Вестника Новгородского земства» по различным направлениям общественной и хозяйственной жизни губернии не может считаться законченной и должна быть продолжена.

Кроме того, в сфере внимания В. И. Ромашовой не попали «Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства», издававшийся в 1913–1917 гг. Новгородской губернской земской управой по 6 выпусков в год (редакторы – с 1913 г. М. В. Муравьев, с 1914 г. – М. А. Прокофьев) и «Вестник Новгородского губернского земства» (1917). К сожалению, «Сельскохозяйственный вестник...» не был таким информативным и остропублицистическим изданием, как его предшественник, что обуславливалось не только аграрной направленностью нового «Вестника», но и общественно-политическими реалиями того периода и военным временем.

Хотя «Сельскохозяйственный вестник» издавался не намного меньше, чем ВНЗ (4 года против 6), однако тематика и состав публикаций изменились кардинально. СХВНЗ оправдывал свое название, т. к. подавляющее большинство его материалов было посвящено именно вопросам функционирования и улучшения крестьянского хозяйства и сельского хозяйства вообще. До 1916 г. из его редакционного портфеля исчезли остропублицистические и политические публикации, которым так отличался ВНЗ и за что, собственно и был закрыт в годы первой

русской революции. Подобные материалы снова стали появляться только с началом серьезного ухудшения положения в тылу и, особенно в прифронтовой полосе, в которую входила и Новгородская губерния. К концу 1916 г. положение с продовольствием становится просто катастрофическим, и скрывать это было уже невозможно. Таким образом, СХВНЗ содержит гораздо меньше публикаций по общественно-экономической тематике.

Тем не менее, и в «Сельскохозяйственном вестнике» публиковались материалы по кредиту и деятельности кредитных учреждений Новгородской губернии, хотя и реже, чем в предыдущем ВНЗ (почти в 4 раза меньше). Так, фронтальный просмотр выпусков СХВ за 1913–1917 гг. установил примерно 155 сюжетов по данной теме, 103 из них посвящены одновременно двум и более вопросам.

Если пользоваться ранее предложенной классификацией, то они распределяются следующим образом (см. таблицу): «Ссуды и займы» – 33 (14), «Кредитные учреждения» – 5 (5), «Крестьянский поземельный банк» – 6, «Государственный банк» – 3 (3, одно из них – объявление), «Городские общественные банки» – 1 (объявление), «Кредит» – 8 (6), «Мелкий кредит» – 4 (3), «Мелиоративный кредит» – 3 (3), «Кредитные товарищества и общества» – 24 (15), «Ломбарды» – 3 (3), «Ссудосберегательные товарищества и кассы» – 6 (6), «Общества» – 7 (7), «Ростовщичество» – 3 (4), «Сельскохозяйственные товарищества и общества» – 7 (7), «Кассы мелкого кредита» – 14 (7), «Кооперация» (главным образом, о кооперативных учреждениях, в том числе и кредитных) – 16 (16), «Общества взаимного кредита» – 1 (объявление).

Каковы же наиболее важные изменения, произошедшие в составе публикуемых материалов по кредиту в Новгородской губернии? Анализ этих изменений позволит в определенной степени рассмотреть и некоторые процессы, получившие развитие в кредитно-банковской сфере предвоенный и военный период.

Почти исчезли публикации о **банках** с 149 (25,9%) до 10 (6,5%). Исключение составляет только Крестьянский поземельный банк со значительным уменьшением: с 67 (11,6%) до 6 (3,9%). С 21 (3,6%) до 3 (1,9%) сократились публикации о Государственном банке, с 40 (6,9%) до 1 (0,6%) о городских общественных банках. Деятельность остальных банков в СХВНЗ не освещались.

С 111 (19,3%) до 15 (9,7%) сократились публикации по вопросам **кредита**. При этом сократились и материалы по таким важным вопросам для крестьянского хозяйства, как мелкий кредит: с 44 (7,6%) до 4 (2,6%) и незначительно возросли о мелиоративном кредите: с 9 (1,6%) до 3 (1,9%).

Увеличилось число публикаций об **учреждениях мелкого кредита**, впрочем, почти исключительно о крестьянских или расположенных в сельской местности: **кредитные товарищества** – с 37 (6,4%) до 24 (15,5%), однако уменьшилось о **ссудосберегательных товариществах** – с 33 (5,7%) до 6 (3,9%). Это объясняется тем, что устав кредитных товариществ был более приспособлен к задачам мелкого сельского кредита, учитывал опыт ссудосберегательных товариществ, действовавших в России, в целом, и в Новгородской губернии, в частности, с 70-х годов XIX века, пришедших в упадок и к началу XX века, в массе, закрывшихся. По сравнению с ними кредитные товарищества были более многочисленны и успешны, причем количество кредитных и в стране и в губернии постоянно увеличивалось, а ссудосберегательных – уменьшалось: 68 против 23 в 1914 г. и 137 против 23 в 1917 г. соответственно¹⁷. Причиной этой тенденции стали: издание закона о мелком кредите 1915 г., снявшего многие ограничения для развития этих кредитных учреждений и предоставившего им новые возможности, и всплеск развития кооперативного движения, обусловленного новым экономическим подъемом 1909–1913 гг., а также включением кооперативов в снабжении армии в годы I мировой войны. Характерно, что основная масса кредитных товариществ и была образована именно в этот период: 1910–1912 гг. – 21,4 %; 1913–1915 гг. – 26,8 %; 1916–1918 гг. – 27,8 %¹⁸.

Увеличились публикации о **кассах** с 36 (6,3%) до 15 (9,7%), но только за счет сюжетов о **кассах мелкого кредита** (губернской и шести уездных, так же как и кредитные товарищества, получивших развитие в предвоенный и военный период) – с 1 (0,2%) до 14 (9,0%). Сведения о других кассах (пенсионных и сберегательных) исчезают, хотя крестьяне зачастую составляли подавляющее большинство в отдельных сберкассах. Так, например, в Вельской почтово-телеграфной кассе вкладчики-крестьяне насчитывали в 1913–1918 гг. – 358 чел., в то время как всех остальных сословий только – 58, а в Лыкошинской государственной почтово-телеграфной ссудо-сберегательной кассе № 2 (ст. Валдайка), в 1914–1921 гг. из 112 вкладчиков 95 были крестьянами, причем 51 из них – женщина¹⁹.

---

¹⁷ *Васильев Я. А.* Общества взаимного кредита и учреждения мелкого кредита Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 160; *Мазилкина М. В.* Земство и кредитные кооперативы Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПб ИИ РАН, 2008. Приложение 12 «Распределение кредитных кооперативов по уездам Новгородской губернии на 1916–1917 гг.».

¹⁸ *Мазилкина М. В.* Указ. соч. Приложение «Распределение кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по году основания. 1871–1918 гг.»; Статистический справочник Новгородской губернии. Новгород, 1921. С. 356.

¹⁹ *Васильев Я. А.* Общества взаимного кредита и... С. 172.

Количество публикаций о разнообразных **обществах** увеличилось с 28 (4,9%) до 15 (9,7%), но, в основном, за счет **потребительских** – с 13 (2,3%) до 7 (4,5%) и **сельскохозяйственных** – с 2 (0,3%) до 7 (4,5%). Сообщения об обществах вспомоществования и обществах взаимного кредита (ОВК) исчезают (одно сообщение об ОВК не в счет, т. к. является объявлением о производстве отдельных кредитных операций). Так как общества вспомоществования, взаимопомощи и ОВК, как правило, были расположены в городах, то формально находились вне сферы интересов «Сельскохозяйственного вестника», хотя ранее все же освещались в ВНЗ. В то же время потребительные и сельскохозяйственные общества, активно вторгавшиеся в жизнь крестьянского населения, занимают и более заметное место среди публикаций СХВНЗ.

Из других, заслуживающих внимания сюжетов из истории сельского кредита в Новгородской губернии, стоит отметить некоторое увеличение удельного веса публикаций о **ростовщичестве** – с 10 (1,7%) до 3 (1,9%) и обвальное уменьшение тематически связанного с ним блока о **ломбардах** – с 33 (5,7%) до 3 (1,9%). Объясняется это тем, что в ВНЗ обсуждались, в основном, городские общественные ломбарды и гораздо менее – сельские, имевшие до первой русской революции единичное распространение. В СХВНЗ содержатся сообщения только о сельских ломбардах и учреждениях, схожих с ними по производимым операциям, например, сетных складах, где хранились рыболовные сети. Количество публикаций о ростовщиках подчеркивает важность проблемы борьбы с этим неистребимым племенем односельчан-мироедов и кулаков, державшим в своих путях практически все сельское бедняцкое население, особенно рыбаков-поозеров.

Появляется в СХВНЗ и новая тема, ранее не освещавшаяся в ВНЗ – **кооперация** – 16 (10,3%). Строго говоря, публикации об этой сфере хозяйственной жизни имели место и ВНЗ (артели, кредитные и ссудосберегательные товарищества и т. п.), однако этот термин тогда еще не получил широкого распространения и к этим учреждениям, как правило, не применялся.

Таким образом «Сельскохозяйственный вестник Новгородского земства», действительно, во многом оправдывает свое название, т. к. содержит публикации, в основном на аграрные темы. Он являлся фактически специализированным изданием для достаточно ограниченной аудитории грамотных и активных крестьян (в массе – одиночников), интересовавшихся материалами по улучшению своего хозяйства. В связи с этим спектр его публикаций по сравнению с ВНЗ неразнообразен и изменения в сторону обсуждения острых общественных вопросов (война, политическая жизнь, взаимоотношения с властями, экономические и продовольственные трудности) проявляются только в последний год его издания. Этим и объясняется общее падение на его страницах числа

публикаций по вопросам кредита, примерно, с 550 в ВНЗ до 140 в СХВНЗ.

Наиболее характерные сюжеты о кредите и кредитных учреждениях из СХВНЗ:

- о выдаче ссуд учреждениям мелкого кредита;
- выдача ссуд под залог зерна (хлебные ломбарды) и сетей;
- о слабом развитии кооперации в губернии из-за недостаточно внимательного отношения земства;
- о ссудах на осушение болот;
- о закабалении деревни купцами;
- задачах деятельности кредитных товариществ в условиях войны;
- о деятельности губернской и уездных касс мелкого кредита;

Попытка вернуться к основным задачам ВНЗ была предпринята в 1917 г., когда начал выходить обновленный «Вестник Новгородского губернского земства». Фактически уже последние номера СХВНЗ были посвящены наиболее острым проблемам социально-экономической и хозяйственной жизни губернии и России в целом. Однако это обусловило и ограниченность тематики нового земского издания, т. к. страну захлестнула волна бурных событий сначала Февральской, а затем и Октябрьской революций. Можно констатировать, что большая часть публикаций ВНЗ группируется вокруг вопросов текущей политики (Временное правительство, Учредительное Собрание), перестройки работы земства и его взаимодействия с местными Советами, событий на фронте и кризиса в тылу, катастрофического положения с продовольствием. В связи с этим другие вопросы, которые ранее обсуждались на страницах ВНЗ и СХВНЗ, не нашли в новом «Вестнике» широкого освещения. Это было обусловлено и ограниченным объемом самих выпусков ВНЗ и непродолжительностью его издания – 1917 г.

Вопросы кредита и деятельности кредитных учреждений также не получили в нем должного освещения – всего 24 сюжета. Основными обсуждаемыми темами традиционно стали **«Ссуды и займы»** – 6 (25,0%), **«Кредитные и ссудосберегательные товарищества»** – 4 (16,7%), **«Кассы мелкого кредита»** – 3 (12,5%), **«Мелкий кредит»** – 2 (8,3%), остальные обсуждались не более одного-двух раз (см. таблицу).

После прихода к власти Советов и ликвидации земских органов издание «Вестника Новгородского губернского земства» было прекращено.

Географически по городам и уездам губернии сюжеты по вопросам кредита и кредитных учреждений распределялись в «Вестниках» следующим образом.

«Вестник Новгородского губернского земства» (в порядке убывания): Новгородская губ. – 64, Тихвин – 48, Новгород – 33, Белозерск – 29, Демянск – 11, Новгородский уезд – 9, Старая Русса – 8, Кириллов – 7, Крестцы – 5, Череповец – 4, Устюжна – 4, Боровичи – 3, Валдай – 2. Сведения о кредитных учреждениях в целом по России – 23. Значительное число публикаций из Тихвина объясняется активностью местного корреспондента, хорошо знавшего жизнь города и уезда, бывшего в курсе деятельности земства, который скрывался под инициалами «Л. Г.». Ими подписано не менее 20 публикаций по вопросам кредита, однако, вероятно, их было больше, т. к. не все сообщения из Тихвина подписаны. Это же можно сказать и в отношении публикаций из Белозерска в СХВНЗ – более 25 из них принадлежат перу Н. Чмутова.

В СХВНЗ подобных материалов значительно меньше, в отношении губернского центра их практически нет: Белозерский уезд – 9, губерния – 8, Новгородский – 4, Боровичский – 4, Крестецкий – 4, Тихвинский – 4, Валдайский – 2, Демянский – 2, Череповецкий – 2, Старорусский – 2.

В ВНГЗ в отношении кредита по одному разу упоминаются только Новгород и Череповец.

Примерно таким же образом в ВНЗ распределились публикации, касающиеся одновременно вопросов кредита и земской деятельности (например, обсуждение отчетов каких-либо кредитных учреждений, изыскание ссуд на хозяйственные или общественные цели и т. п.): губернное земство – 56, Белозерское уездное – 26, Новгородское – 20, Устюжнское – 14, Демянское – 13, Крестецкое – 8, Тихвинское – 7, Кирилловское – 6, Череповецкое – 6, Старорусское – 6, Боровичское – 4, Валдайское – 4.

В «Сельскохозяйственном вестнике» такие материалы становятся редкостью: Белозерское уездное – 8, губернное – 7, Крестецкое – 3, Демянское – 2, Новгородское – 1, Боровичское – 1, Череповецкое – 1, Устюжнское – 1, Старорусское – 1. Валдайское, Кирилловское и Тихвинское уездные земства в поле зрения авторов СХВНЗ по вопросам кредита не попали.

В ВНГЗ подобные публикации почти исчезают: губернное – 4, Боровичское – 2, Старорусское – 2, Новгородское уездное – 1, Белозерское – 1, Крестецкое – 1.

Авторов и корреспондентов «Вестников» интересовала ситуация с состоянием кредита и кредитных учреждений не только в Новгородской губернии. На их страницах нашлось место и для сообщений из других городов и губерний России, которые зачастую так же были связаны с деятельностью местных земских органов. География этих публикаций выглядит следующим образом:

Москва – 7, Бессарабская губ. – 6, Саратовская губ. – 5, Полтавский уезд – 4, Ярославль – 4, Нижегородская губ. – 3, Харьковское земство – 3, Харьковский уезд и губерния – 3, Саратовский уезд – 2, Полтава – 2, Рязанская губ. – 2, Чернигов – 2, Курск – 2, Средняя Россия – 2, Поволжье – 2, Симферопольский уезд – 2, Орловское земство – 2, Вятское губернское земство – 2, Сибирские губернии – 2, Северные губернии – 1, Владимирское – 1, Н. Новгород – 1, Пензенская губ. – 1, Костромское земство – 1, Московский уезд – 1, Курск губернское земство – 1, Ярославское земство – 1, Кострома – 1, Вятская губерния – 1, Харьков – 1, Тверское земство – 1, Самарское земство – 1, Самарская губ. – 1, Симбирское земство – 1, Островское земство (Псковской губ.) – 1, Одесское земство – 1, Хвалынское земство – 1, Воронежское уездное земство – 1, Пермская губ. – 1, Ржевское земство – 1, Костромское земство – 1, Тамбов – 1, Вологодский уезд – 1.

Большое внимание авторов «Вестников» привлекала деятельность по решению вопросов кредита земских и городских органов, а также и губернской администрации: 37 публикаций посвящены работе в этом направлении Новгородской городской думы, 19 – Тихвинской городской думы и 15 – новгородского губернатора, остальные упоминаются значительно меньше.

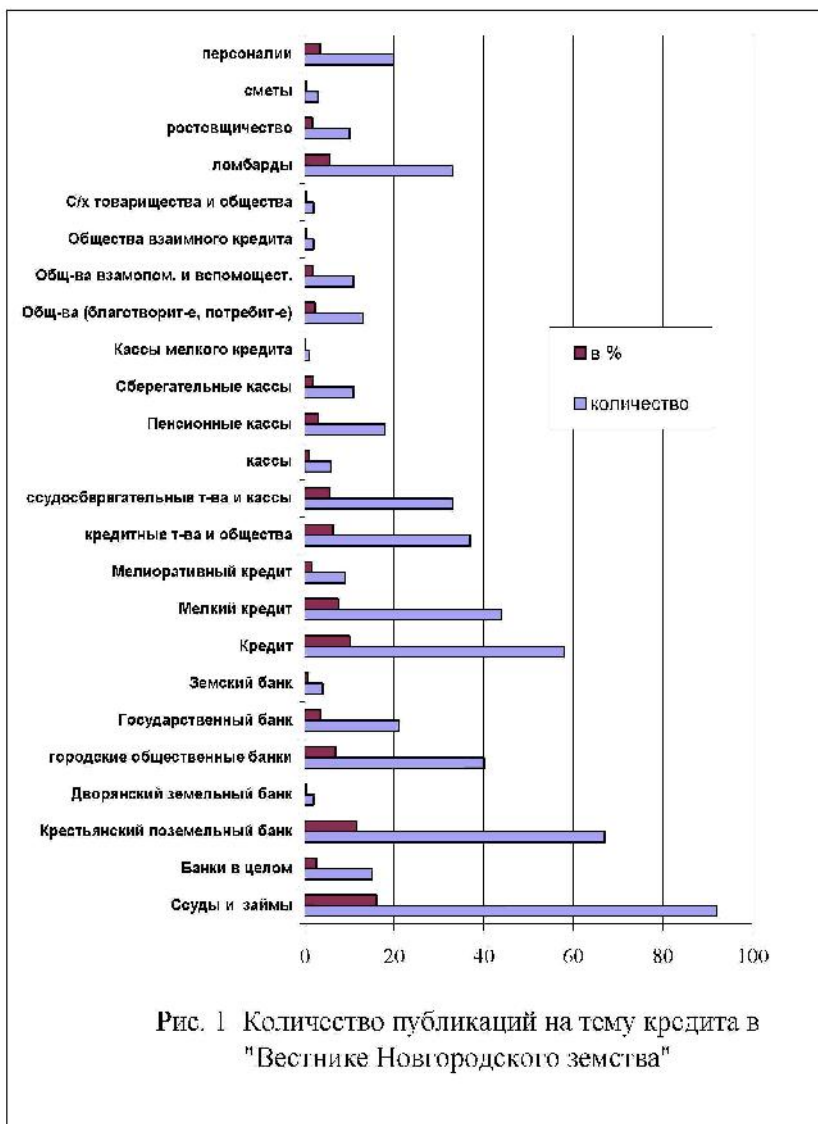
Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что «Вестники» Новгородского земства являются весьма ценным источником по истории кредитных учреждений Новгородской губернии. Наиболее емким в этом отношении из данных изданий является «Вестник Новгородского земства», в котором сосредоточена основная масса публикаций по вопросам дореволюционного местного кредита. «Сельскохозяйственный вестник Новгородского земства» и «Вестник Новгородского губернского земства» не могут претендовать на подобную полноту, но, тем не менее, они также содержат определенное количество сюжетов по данной теме.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Публикации на темы кредита в «Вестниках»
Новгородского земства

Темы публикаций	«Вестники» Новгородского земства					
	ВНЗ		СХВНЗ		ВНГЗ	
	всего	%	всего	%	всего	%
Ссуды и займы	92	16,0	33	21,3	6	25,0
Банки в целом	15	2,6	–	–	–	–
Крестьянский поземельный банк	67	11,6	6	3,9	–	–
Дворянский земельный банк	2	0,3	–	–	–	–
Городские общественные банки	40	6,9	1	0,6	–	–
Государственный банк	21	3,6	3	1,9	1	4,2
Земский банк	4	0,7	–	–	–	–
Всего	149	25,9	10	6,5	1	4,2
Кредит	58	10,1	8	5,2	2	8,3
Мелкий кредит	44	7,6	4	2,6	2	8,3
Мелиоративный кредит	9	1,6	3	1,9	–	–
Всего	111	19,3	15	9,7	4	16,7
Кредитные т-ва и общества	37	6,4	24	15,5	1	4,2
Ссудосберегат-е т-ва и кассы	33	5,7	6	3,9	3	12,5
всего	70	12,2	30	19,4	4	16,7
Кассы	6	1,0	1	0,6	3	12,5
Пенсионные кассы	18	3,1	–	–	–	–
Сберегательные кассы	11	1,9	–	–	–	–
Кассы мелкого кредита	1	0,2	14	9,0	3	12,5
Всего	36	6,3	15	9,7	6	25,0
Общества (благотворительные, потребительские)	13	2,3	7	4,5	–	–
Об-ва взаимопомощи и вспомоществования	11	1,9	–	–	–	–
Общества взаимного кредита	2	0,3	1	0,6	–	–
Сельскохозяйственные товарищества и общества	2	0,3	7	4,5	–	–
Всего	28	4,9	15	9,7	–	–
Ломбарды	33	5,7	3	1,9	–	–
Кредитные учреждения (в целом)	–	–	5	3,2	1	4,2
Ростовщичество	10	1,7	3	1,9	–	–
Кооперация	–	–	16	10,3	1	4,2
Сметы	3	0,5	–	–	–	–
Персоналии	20	3,5	–	–	–	–
Разное	24	4,2	10	6,5	1	4,2
ИТОГО	576	100	155	100	24	100

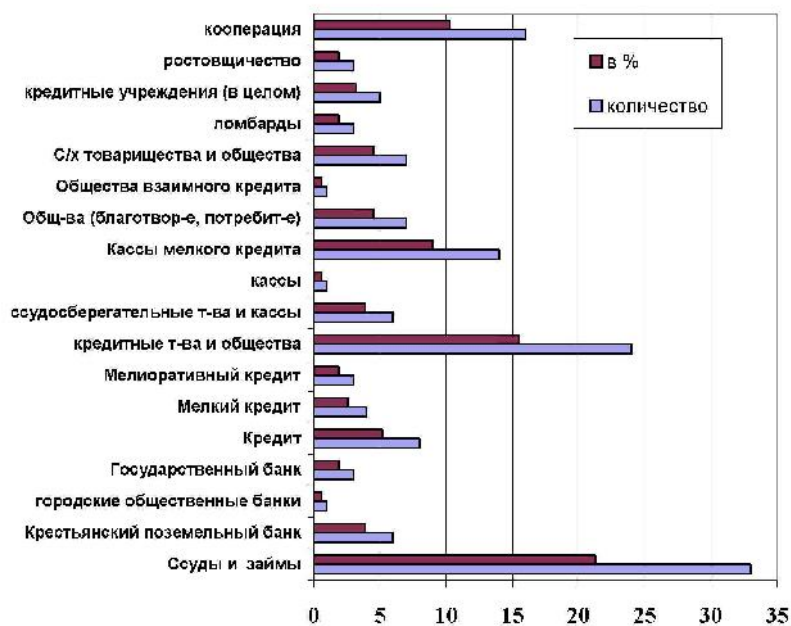

Рис. 2 Количество публикаций по вопросам кредита в "Сельскохозяйственном вестнике Новгородского земства"

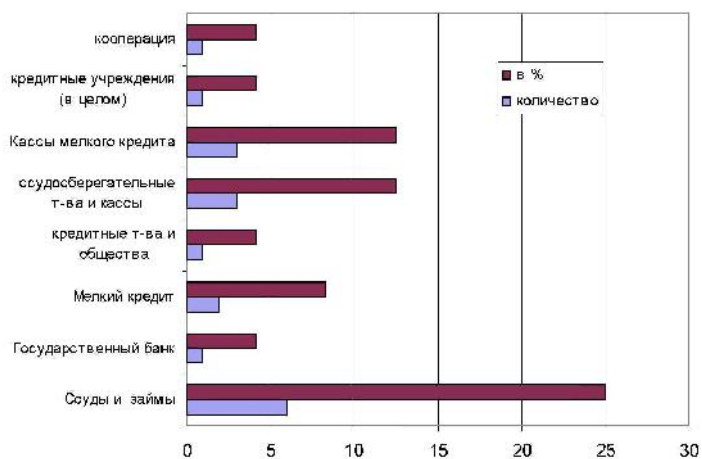

Рис. 3 Количество публикаций по вопросам кредита в "Вестнике Новгородского губернского земства"

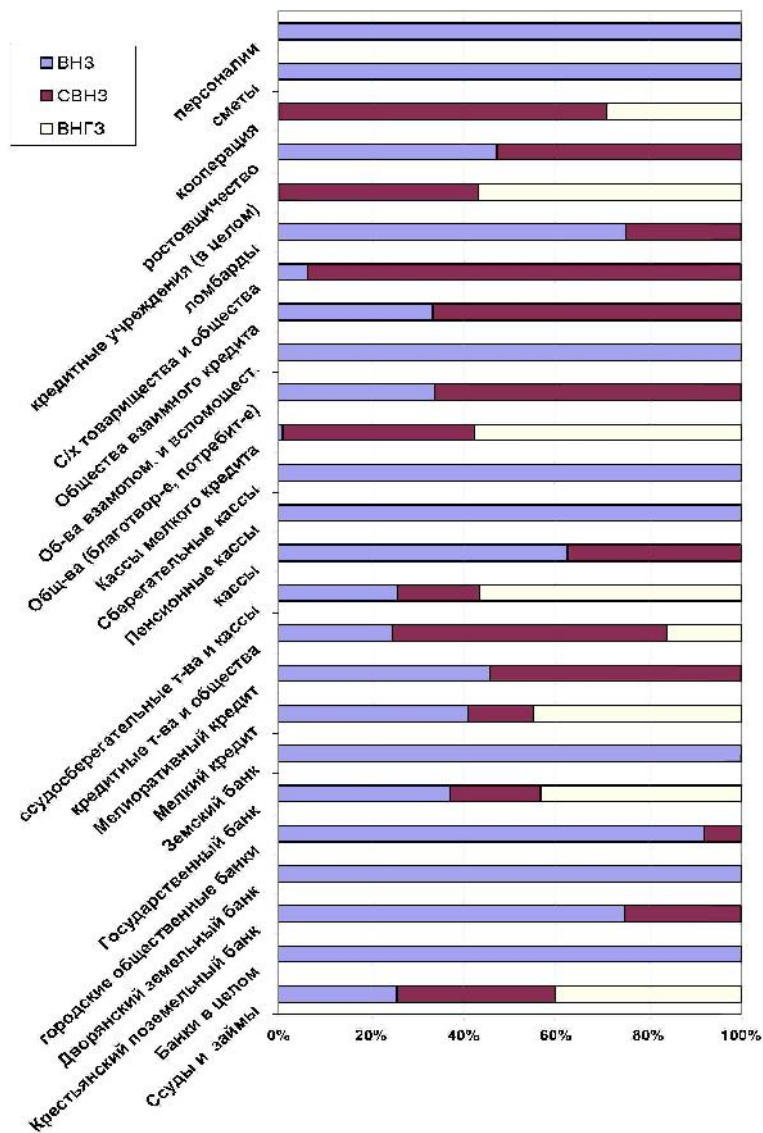

Рис. 4 Количество публикаций по вопросам кредита в "Вестниках" Поволжского земства

**МАТВЕЙ ШУЛЬГИН – ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1907–1912 гг.)**

Изучение вопроса о роли и месте депутатов Государственной думы Российской Империи от Новгородской губернии значительно осложняется тем, что в Государственном архиве Новгородской области в 3 фондах находится лишь 17 дел. Все остальные документы оказались уничтожены пожаром 1941 года, когда в результате немецкой бомбардировки сгорел костел, где находилось одно из архивохранилищ.

Конечно, исследователь может по сохранившимся документам составить общее впечатление об избирательной процедуре в губернии. Частично сохранились определения, разъяснения Правительствующего Сената, циркуляры, инструкции МВД, Министерства юстиции. Но весь остальной конкретный материал по уезду (журналы, протоколы заседаний избирательных комиссий, переписка об образовании комиссий, внесении жителей уезда в избирательные списки, проведении выборов и их результатах и др.), относится к Холмскому уезду, который, как известно, был тогда в составе не Новгородской, а Псковской Губернии.

Документы, относящиеся к непосредственной работе Государственной Думы Российской империи, находятся в РГИА – Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. По сохранившимся личным делам депутатов, материалам комиссий, стенографическим отчетам, можно с достаточно большой степенью объективности показать работу народных избранников от Новгородской губернии в законодательном органе нашей страны в десятилетие накануне Октябрьской революции 1917 года.

При этом, даже в фундаментальном современном издании «Государственная дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия», которое вышло в 2008 году¹, во многих биографиях депутатов присутствуют вопросительные знаки. Судьба этих людей, оказавшихся в высшем законодательном органе страны, изучена не просто посредственно, а неудовлетворительно. Исключение составляет небольшая анонимная брошюра «Новгородские депутаты [Третьей Гос. думы]: Обзор деятельности», выпущенная в 1912 году². Но это, скорее, исключение из

---

¹ Государственная Дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

² Новгородские депутаты [Третьей Гос. думы]: Обзор деятельности. СПб., 1912.

правил. Тем более, что это издание весьма сильно политически ангажировано, а упомянутым в нем депутатам даются уничижительные, зачастую несправедливые оценки.

Первая русская революция 1905–1907 годов радикально изменила обстановку в нашей стране. Конституционные преобразования в России осуществлялись в условиях глубокого общенационального кризиса. Парламентские традиции в России формировались в сложных условиях конфликта между властью и значительной частью общества. Как народники, видевшие в русском крестьянине «стихийного революционера», движение которого к свободе они хотели возглавить, либералы начала XX века считали, что если они придут к власти, то все проблемы, стоящие перед государством и обществом, легко будут разрешены.

Выборы в третью Государственную думу прошли по новому избирательному закону. Сокращалось количество представителей от рабочей и крестьянской курии. III Государственная дума оказалась первой, проработавшей в Российской Империи весь полный срок своих полномочий – 5 лет, с 1 ноября 1907 года до 30 августа 1912 года. Она также оказалась первым законодательным органом страны, функционирующим в условиях относительной стабильности. Первая русская революция 1905–1907 гг. закончилась, не принеся окончательной победы ни одной из политических сил, учувствовавших в ней.

Период Третьей думы ознаменовался в России крупными достижениями практически во всех сферах национальной жизни. Страна переживала нарастающий год от года подъем экономики и культуры; быстро росла численность населения, осваивались новые районы земледелия, создавались новые промышленные центры, окреп курс рубля, был обеспечен бездефицитный бюджет, развивались науки, культура, литература и искусство. Период так называемого «Серебряного века» пришёлся именно на этот период нашей истории. Укреплялось государственное регулирование экономики, вводились первые пятилетние планы развития сельского хозяйства, индустрии, путей сообщения. По благосостоянию населения наша страна входила в шестерку наиболее обеспеченных стран мира.

Но имелись и серьезные проблемы. К ним относился не только сильный разрыв между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения. По-прежнему оставались в силе чрезвычайные правила, введенные в действие в качестве временной меры еще Александром III в самом начале своего правления. В 1908 г. в ссылку без суда отправили около 10 тысяч человек; правда, через три года уже в пять раз меньше. Но отказаться от чрезвычайных («временных») мер, введенных еще в 1881 году, власти так и не смогли. Россия продолжала оставаться страной резких контрастов, несовместимых противоположностей.

«Россия, – говорил П. А. Столыпин с думской трибуны, следовательно, перед всей страной, – не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной Думой и Государственным Советом, недовольна и правыми и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собой! Недовольство это пройдет, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание. Когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями»³.

Одним из избранных в Третью думу от Новгородской губернии был Матвей Яковлевич Шульгин – октябрист, почётный гражданин и городской голова г. Боровичи, купец I гильдии, гласный городской Думы.

В отличие от кадетов октябристы не могли похвастаться прекрасными ораторами, известными на всю страну (что, в значительной степени, было предметом постоянной озабоченности их руководящих органов, особенно в предвыборные периоды). Но рядовые члены этой политической партии стремились, в конечном счете, к одной цели – утверждению в России подлинного гражданского общества, правового государства, формированию рыночных отношений.

Конечно, и кадеты, и октябристы были крайне заинтересованы не только в сохранении, но и в дальнейшем развитии и совершенствовании буржуазной системы в России. Именно на это были направлены их программы. Вместе с тем следует отметить, что программы кадетов и октябристов представляли собой два различных варианта реформистского решения коренных вопросов российской действительности в рамках эволюционного пути развития нашей страны.

В небольшой анонимной брошюре «Новгородские депутаты [Третьей Государственной думы]: Обзор деятельности» Матвей Шульгин был «удостоен» всего одним небольшим абзацем: «Наконец, последний депутат боровичский городской голова Шульгин пять лет молчал, выступая докладчиком лишь по нескольким мелким, лишённым всякого значения, проектам.

Единственный, впрочем, раз Шульгин выступил и очень возмутился тем, что в русских тюрьмах слишком хорошо кормят арестантов. Он голосовал против воскресного отдыха, голосовал против школы с родным языком преподавания для инородцев. Голосовал он и против запроса об усиленной охране»⁴.

---

³ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013. С. 11.

⁴ Новгородские депутаты [Третьей Гос. думы]: Обзор деятельности. С. 15.

О пассивности Шульгина как депутата Думы неоднократно писала и местная боровичская пресса, в частности, газета «Мстинская волна»: «Парламентская деятельность нашего согражданина М. Я. Шульгина мало известна населению нашего города, потому что она не заключает в себе ничего особенного...

М. Я. Шульгин, не отличаясь большими ораторскими способностями, редко выступает на общих собраниях Думы в качестве оратора». Далее журналист, кратко охарактеризовав все известные ему виды депутатской деятельности бывшего боровичского градоначальника, остановил свое внимание лишь на сюжете, связанном с вопросом о повышении цен на табачные изделия: «Наше внимание обращают на себя его соображения по вопросу о повышении акциза на махорку. Господин Шульгин находит, что проектированное министром финансов повышение акциза на этот предмет потребления не отвечает ни интересам казны, ни интересам потребителей и высказывается за дополнительный акциз на махорку, с тем, чтобы он полностью поступал в Государственное казначейство, а не в руки розничных торговцев. Новый махорочный налог увеличит доход казны на 3 670 063 рубля более чем проектирует министр финансов»⁵.

Но имелся в этом газетном материале и достаточно откровенный пассаж об уровне гражданской позиции самих рядовых боровичан: «Население нашего города вообще весьма мало интересуется парламентами, депутатами и т. д.»⁶.

Можно было предположить, что этот депутат, избравшись в 1907 году в Государственную Думу и отправившись в Санкт-Петербург сразу же забыл о своих избирателях и своей малой родине. Но это было не так.

Матвей Шульгин родился в 1859 году. К началу XX века успел немало потрудиться на благо своего родного города. Окончил уездное училище. Купец 1-й гильдии. С 1894 г. городской голова города Боровичи. 14 октября 1907 года его избрали в III Думу от 1-го и 2-го съездов городских избирателей Новгородской губернии. Там он стал членом правоцентристской фракции «Союза 11 октября». В своем личном деле Депутата Думы Шульгин обозначен членом следующих комиссий: по Наказу, финансовой, по местному самоуправлению, по городским делам, о торговле и промышленности, о мерах борьбы с пьянством, о мерах по борьбе с пожарами⁷.

---

⁵ Мстинская волна, 15 марта 1909 г.

⁶ Там же.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278. Оп. 9. Д. 909.

Из его анкеты депутата следует: «Избран по 1-му разряду Городских избирателей, имеет около 4000 десятин собственной земли, потомственный почетный гражданин, образование – окончил курс в уездном училище, род занятий – торговля, постоянное место проживания – Боровичи, ценз – недвижимое имущество, размер ценза – 21 930 руб. по оценке.

Выбран в члены Государственной Думы при баллотировке кандидатов от выборщиков от съездов городских избирателей во время первоначальных выборов абсолютным большинством голосов и получил 54 избирательных голосов и 39 неизбирательных.

В Думе занимает кресло № 41»⁸.

Кроме думской деятельности, согласно сохранившимся документам, Шульгин не забывал и о данных ранее обязательствах. Так из его письма, адресованного «Его Превосходительству Председателю Государственной Думы», следует: «Имею честь заявить, что я, как председатель Попечительского Совета Боровической женской гимназии, должен присутствовать в его заседаниях, а потому предполагаю выехать из Санкт-Петербурга на два дня»⁹.

Таким образом, этот человек считал обязательным для себя регулярно присутствовать в родном городе, где он мог что-то реально сделать для своих земляков.

Просматривая протоколы заседания комиссий, хочется отметить, что Матвей Шульгин являлся весьма дисциплинированным депутатом. При этом немало членов весьма Думы неисправно посещали ее заседания. Случалось, что кворума не было даже и в самих комиссиях. Из-за этого руководство Думы было вынуждено принять ряд репрессивных мер, направленных на обеспечение кворума на заседаниях.

Всякий член Думы, для того чтобы получить разрешение на краткосрочный отпуск, обязан был подать письменное заявление председателю Думы. М. Я. Шульгин всегда оформлял подобные документы, в которых объяснялась причина отсутствия депутата на заседаниях. Отличившийся же на несколько дней без уважительных причин подвергался весьма крупному денежному взысканию – удержанию 10 рублей за каждый пропущенный день.

В большинстве случаев М. Я. Шульгин выступал в Думе только по тем вопросам, в которых реально разбирался. Одним из них был вопрос о развитии в России курортного дела.

В начале века мало кто из подданных российского императора мог позволить себе роскошь съездить на курорт. Количество отдыхающих, а вернее, пациентов, отправившихся на лечение, обычно насчитывало

---

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 909. Л. 3–5.

⁹ Там же. Л. 6.

несколько тысяч человек за сезон. Уездный город Новгородской губернии Старая Русса занимала крайне выгодное географическое положение. Дорога сюда из столиц империи, а также центральных губернии было проще и дешевле, чем куда-либо.

На первый взгляд, ситуация в старорусском курорте казалась вполне благоприятной. Однако 20 ноября 1908 г. в Государственной Думе был поднят вопрос о русских курортах вообще: «Число больных в водах Старорусских, Липецких и Сергиевских сравнительно очень незначительно. Старорусские воды по числу посещающих больных достигли только 3,000 человек в сезон, Липецкая и Сергиевская воды имеют еще меньшее количество больных, около 1000 человек каждый из этих курортов. Также точно и сумма годового бюджета этих трех курортов едва превышает 100.000 рублей в год»¹⁰.

Приняв активное участие в этом споре, Матвей Шульгин выступил против «аренды» курортов, их излишней коммерциализации, а Старорусские воды предложил передать городу Старая Русса как наиболее рачительному хозяину¹¹.

Одной из серьезных проблем нашей страны в начале прошлого века являлись заразные заболевания. В XIX – начале XX века в России по подсчетам врачей прошло шесть эпидемий холеры. Главными причинами, обуславливавшими распространение этой заразной болезни, назывались некультурность и бедность весьма значительной части населения, неудовлетворительные условия проживания и питания, сильное развитие алкоголизма.

В конце августа 1908 года холера появилась и в Петербурге. Эпидемия никак не хотела отступать, даже после наступления холодов. Деньги, отведенные на борьбу с ней, частично были расхищены, а частично использованы не по назначению. Матвей Шульгин с думской трибуны поставил вопрос достаточно жестко: «В настоящее время зима и морозы, а холера не уменьшается, а прибывает, и следует искать её источники...»

Усматривая из вышеизложенного бездействие власти, мы полагаем обратиться к Министру Внутренних Дел с запросом: известно ли Министру Внутренних Дел о таком бездействии власти, и если ему это известно, то какие меры Министр Внутренних Дел намерен предпринять к устранению угрожающего бедствия?»¹²

Что касается самого Шульгина то он, еще до своего избрания в Государственную думу, способствовал строительству в Боровичах специального лечебного барака для заразных больных.

---

¹⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908. Ч. I. СПб., 1908. С. 60.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Там же. С. 1702.

Но чаще всего приходилось Матвею Шульгину выступать по вопросам образования. Он поддерживает ходатайство об «освобождении специальных средств Санкт-Петербургской 7-й гимназии от взноса ежегодного пособия государственному казначейству на содержание гимназии», мотивируя это тем, что «финансовая комиссия, рассмотрев настоящий законопроект и принимая во внимание, что отклонение возбужденного Министером Народного Просвещения ходатайства может повлечь за собою закрытие гимназии, так как в настоящее время при большом недостатке учебных заведений необходимо стремиться не к уменьшению, а к увеличению числа последних, не встретила препятствий к освобождению Санкт-Петербургской 7-й гимназии от перечисления с 1908 г. в доход казны из специальных средств по 3.849 р.»¹³

Шульгин активно спорил с депутатом Митрофаном Воронковым по поводу ремесленных школ. Последний заявлял, что «тип низшей ремесленной школы, выработанный Министерством Народного Просвещения, является крайне неудачным и не достигающим намеченной цели»¹⁴.

Матвей Шульгин, в свою очередь, заявил: «Я со своей стороны протестую против слов депутата Воронкова. Он неправильно сказал. Так у нас в Боровичах существует уже несколько лет школа; сначала не поняли, что она полезна, а теперь отбоя нет от учеников, даже мест нет. Школа удовлетворяет своему назначению вполне»¹⁵.

Развитие в России системы низшего и среднего профессионального образования должно было способствовать появлению достаточного количества молодых специалистов, которые могли бы успешно работать как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Косность и консерватизм многих чиновников крайне мешало этому важному начинанию. Как всегда, остро стоял вопрос финансирования. Пожалуй, именно Матвей Шульгин в финансовой комиссии чаще всего выступал за выделение средств для профессиональных школ.

Шульгин был не просто близок к своим избирателям. Он сам много работал, конечно при этом зарабатывая деньги. Этот человек отлично осознавал, в том числе и на собственной практике, порочность многочисленных бюрократических требований и различных денежных поборов с мелких ремесленников и предпринимателей. 1 марта 1908 года выступая с думской трибуны он с возмущением говорил по поводу взимания сбора за повторную поверку мер и весов: «В 1904 г. был издан временный закон о дополнительном сборе и повторительной поверке мер и весов. Срок действия этого закона истек 18 февраля сего года.

---

¹³ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908. Ч. I. СПб., 1908. С. 3102.

¹⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908. Ч. II. СПб., 1908. С. 509.

¹⁵ Там же. С. 513.

В данное время этот сбор очень неудобен для торговцев; давая казне 400.000 р., он обходится населению намного дороже, причем, форма и проверка обременительны»¹⁶.

Государственной думе было предоставлено право законодательной инициативы – она имела право возбуждать предложения об отмене или изменении действовавших и издании новых законов (за исключением Основных законов). Матвей Шульгин регулярно пользовался этим правом народного избранника и инициировал принятие различных законов, которые, по его мнению, были должны позитивно отразиться на жизни в России.

5 ноября 1911 г. за подписью 65 членов Думы, в том числе и Шульгина, был внесен закон «О понижении установленного размера обложения городских недвижимых имуществ». Из него следовало, что «При обсуждении Государственной Думой законопроекта о реформе налога с недвижимостей в городах, посадах и местечках Министерством Финансов заявлялось, как в объяснительной записке, так и в Государственной Думе, что целью законопроекта не является повышение государственных доходов, а главным образом ее составляет улучшение нашей податной системы»¹⁷.

Матвей Шульгин вместе со своими коллегами внесением этого законопроекта попытался исправить их же ошибку: «Имея в виду, что подобное повышение обложения не представлялось желательным ни для Правительства, ни для Государственной Думы, ни для Государственного Совета, и что поэтому установленная ставка явилась исключительно как результат неточных сведений податных инспекторов, мы, нижеподписавшиеся, имеем честь предложить Государственной Думе понизить обложение на 1912–1913 гг. с 6% на 4%»¹⁸.

Налоги на недвижимость нужно было не повышать, а снижать, особенно тогда, когда фискальными службами при исчислении возможных доходов допускалась прямая фальсификация.

Матвей Шульгин в Государственной думе входил в состав комиссии о мерах по борьбе с пожарами. В дореволюционной России пожары являлись весьма распространенным явлением. Очень многие из русских городов и деревень за свою историю десятки раз выгорали полностью и затем строились заново. Государственная казна выделяла минимальную помощь на содержание пожарных команд и мало беспокоилась о развитии пожарного дела. Зачастую пожарные жили при своих частях в пло-

---

¹⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908. Ч. II. СПб., 1908. С. 154–155.

¹⁷ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912. Т. I. СПб., 1911. С. 672.

¹⁸ Там же. С. 673.

хо приспособленных для этого общих казармах, впроголодь, получая за свою опасную работу очень маленькое содержание. Именно поэтому 19 ноября 1911 года Шульгин подписал законодательное предположение «Об учреждении всероссийской пенсионной кассы для чинов пожарных команд»¹⁹.

В начале XX века сельское хозяйство России развивалось по экстенсивному пути. Объяснить это можно не только наличием в центральных губерниях страны значительного помещичьего землевладения, не только косностью сельской общины. Кстати, последнее и хотел изменить Петр Столыпин. Немалую роль в деревенских проблемах играла и крайне низкая агрокультура. Катастрофически не хватало специалистов. Именно поэтому 20 ноября 1909 г. М. Я. Шульгин выступил одним из инициаторов законодательного предположения «Об учреждении при физико-математических факультетах Императорских университетов: Харьковского, Казанского, св. Владимира (в Киеве) и Новороссийского (в Одессе) агрономических отделений»²⁰.

М. Я. Шульгин на протяжении 12 лет являлся городским головой Боровичей. Занимая этот пост, он понял «изнутри» всю сложность квалифицированного руководства городским хозяйством. 7 декабря 1911 г. им был подписан законодательное предположение «О выделении городов в особые земские единицы». Из него следовало, что «Еще до учреждения Государственной Думы, в течение ряда лет, многими городскими думами возбуждались перед правительством ходатайства о выделении городов в особые земские единицы, возбуждаются такие ходатайства и в настоящее время, причем представителей городов в Государственной Думе уполномочивают поддерживать эти ходатайства.

При этом многие города, уплачивая земствам крупные суммы, ничем не пользуются от земства: ни больницами, ни учебными заведениями, ни другими какими-либо учреждениями. Естественно, что такая несправедливость вызывает постоянные жалобы горожан-плательщиков и городского управления, тем более, что земства с каждым годом все увеличивают налоги с городских недвижимых имуществ»²¹.

Власти многих городов Российской империи пытались изменить ситуацию в свою пользу. Но бюрократическая машина работала исключительно медленно.

Именно подобное положение дел и заставило М. Я. Шульгина и его коллег вынести на обсуждение в законодательном органе страны следующее законодательное предположение:

---

¹⁹ Приложения... Сессия пятая. 1911–1912. Т. 1. СПб., 1911. С. 1236–1237.

²⁰ Приложения... Сессия третья. 1909–1910. Т. 1. СПб., 1910. С. 424.

²¹ Приложения... Сессия пятая. 1911–1912. Т. 1. С. 2511.

1) Предоставить право городам выделиться из состава уездных земств, с образованием из себя особой земской единицы, входящей в состав губернского земства.

2) Условия выделения городов в особые земские единицы определяются сообразно количеству населения города и экономическому положению города и земства²².

К сожалению, за оставшиеся мирные годы перед началом Первой мировой войны городские самоуправления не смогли использовать в полной мере все открывшиеся перед ними возможности.

В 1912 году состоялись выборы в Четвертую Думу. Последнюю в истории царской России. Матвея Шульгина в ее составе уже не было. Чем это можно объяснить? Быть может, он разочаровался в своей работе в столице, а быть может, решил, что будет гораздо полезнее своим избирателям и землякам на месте? Мы этого уже никогда не узнаем, тем более, что через два года начнется Первая мировая война, потом революция. Он не отправится в эмиграцию, останется в Боровичах, где и скончается в нищете в 1933 году.

---

²² Приложения... Сессия пятая. 1911–1912. Т. 1. С. 2511–2512.

Н. С. Савельев

**ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ VI ВСЕМИРНОГО
ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ
В МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ**

Идея проведения Всемирных фестивалей молодежи возникла в ноябре 1945 года на Всемирной конференции молодежи в Лондоне, где вернувшиеся с войны молодые люди обсуждали планы на будущее. Участниками конференции было принято решение «отстаивать мир и бороться за счастливую жизнь для всей молодежи». Там же была основана самая крупная на тот момент международная молодежная организация – Всемирная федерация демократической молодежи и было принято решение раз в два года проводить всемирные встречи молодежи под лозунгом дружбы и мира.

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве в течение двух недель с 28 июля по 13 августа 1957 года и принял 34 тысячи юношей и девушек из 131 страны мира. Из Новгородской области, в качестве делегатов и туристов, на Московском фестивале побывало в период его проведения 350 человек, в том числе из Новгорода 35 человек, из Боровичей – 25. По 10–15 человек на Всемирный фестиваль было делегировано из различных районов области. Размещались новгородцы в Москве на туристской базе в Новых Черемушках¹.

Основные новгородские газеты – «Новгородская правда» и «Новгородский комсомолец» – уделили теме VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов достаточно много внимания, как в предшествующий дням проведения фестиваля месяц, так и в период проведения праздничных мероприятий. Всего по теме встречи молодежи в Москве было напечатано 34 статьи и заметки на страницах «Новгородского комсомольца» и 62 материала на страницах «Новгородской правды».

В целом все эти статьи условно можно разделить на несколько тематических групп: материалы, посвященные подготовке к празднику на территории Новгородской области; заметки о новгородцах, получивших

---

¹ *Болвин П.* На решающих участках // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

возможность посетить Москву в дни проведения фестиваля; статьи и заметки, авторами которых являются жители Новгорода и Новгородской области, побывавшие в Москве в период с 28 июля по 13 августа 1957 года; перепечатка материалов ТАСС, рассказывающих о подготовке к проведению Фестиваля, и отчеты о происходившем в дни его проведения. Последние были посвящены вопросам подготовки международных делегаций к приезду в Москву, проблемам логистики и т. д., а в дни проведения фестиваля освещали происходившие ежедневно встречи молодежи, заседания различного рода комитетов, творческие, культурно-массовые мероприятия.

Материалы, посвященные подготовке к празднику на территории Новгородской области, публиковались, в первую очередь, на страницах газеты «Новгородский комсомолец». В этих статьях описывались различные подарки и сувениры, которые готовились представителями различных организаций Новгорода и области для передачи в Советский подготовительный комитет VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Среди участвовавших в фестивале организаций большинство составляли коллективы заводских рабочих: «мастерицы артели “Крестецкая строчка” выстрочили салфетки, дорожки и другие полотняные изделия». Также образцы художественных изделий готовили комсомольцы завода «Восстание» Чудовского района, молодежь завода «Пролетарий» Мстинского района и др., подарки готовили и школьники, ребята из Дома пионеров². Также читателям рассказывалось, какие подарки и сувениры участникам фестиваля подготовили жители других областей и республик Советского Союза³.

Накануне открытия фестиваля «Новгородский комсомолец» посвятил всю первую полосу заметкам о подготовке к празднику в городах и селах Новгородской области. Особо отмечался позитивный импульс, который Всемирный фестиваль дал развитию молодежных коллективов области: «При сельских клубах, избах-читальнях и красных уголках организовано около 240 новых кружков художественной самодеятельности, а число их участников возросло на 2500 человек Создано 86 новых физкультурных коллективов, оборудовано 90 спортивных площадок, 20 тиров и 14 футбольных полей»⁴.

При этом нужно отметить, что все мероприятия по подготовке к Всемирному фестивалю на территории Новгородской области реализовывались в соответствии с общим планом. Так, решением ЦК ВЛКСМ,

---

² Новгородцы зарубежным гостям // Новгородский комсомолец. 1957 г. 4 июля; Егоров Н. Сувениры для гостей // Новгородский комсомолец. 1957 г. 27 июля.

³ По страницам газет // Новгородский комсомолец. 1957 г. 4 июля.

⁴ Встреча праздник молодости // Новгородский комсомолец. 1957 г. 27 июля.

ВЦСПС и Министерством культуры СССР предписывалось проведение с сентября 1956 по май 1957 года Всесоюзного фестиваля советской молодежи. В Новгородской области также был проведен фестиваль, в котором приняло участие около десяти тысяч человек. Наряду с этим были организованы районные и городские фестивали, давшие, в частности, возможность местным поэтам и композиторам показать свое творчество: «Молодым композитором В. Никитиным в содружестве с поэтом П. Сукновым созданы новые песни: “Фестивальный тепловоз”, “Юность планеты” и “Новгородская фестивальная”»⁵.

К этому блоку статей относятся публикации, посвященные фестивальной эстафете, так как через Новгородскую область пролегал один из её маршрутов.

Международная эстафета, посвященная VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проводилась в качестве массового мероприятия в целях широкой популяризации «праздника юности». Эстафета в Москву доставлялась различными путями и средствами передвижения. Всего было запланировано пять маршрутов. Территорию Новгородской области захватывал четвертый маршрут: Выборг–Ленинград–Чудово–Новгород–Валдай–Калинин–Москва.

Этой эстафете «мира и дружбы» в новгородской прессе было посвящено три статьи – одна в «Новгородском комсомольце» и две в «Новгородской правде». При этом первые две были написаны заранее, за неделю до дат, запланированных для прохождения пути эстафеты по территории области. Представляет интерес тот факт, что эти первые статьи вышли в печать в обеих газетах в один и тот же день, написанные одним и тем же автором – председателем областного комитета по физической культуре и спорту И. Перевозчиковым. Они имели одинаковое название и содержали во многом идентичный текст, различие было в строении предложений, изложенные факты и подача материала оставалась единой. В «Новгородской правде» эта заметка была напечатана в разделе «К Всемирному фестивалю молодежи», а в «Новгородском комсомольце» была помещена в раздел «Физическая культура и спорт». В заметках рассказывалось как о самой эстафете, так и о том событии, в честь которого она задумывалась: «Эстафета проводится как массовое спортивное мероприятие в целях широкой популяризации знаменательного праздника юности»⁶. Читателям объяснялось, каким путем эстафета попадет на территорию области, каким маршрутом, кем и в какое время она будет доставлена дальше: «В Выборге 16 июля ленинградские спортсмены примут эстафету от финских спортсменов и 20 июля

---

⁵ Встреча праздник молодости // Новгородский комсомолец. 1957 г. 27 июля.

⁶ Перевозчиков И. Международная эстафета едет в Москву // Новгородская правда. 1957 г. 13 июля.

доставят ее в Чудово. Группа чудовских велосипедистов 21 июля передаст эстафету в Новгород. Здесь она будет торжественно принята в кремле в 19 часов того же дня. 22 июля в 13 часов группа новгородских мотоциклистов примет старт и в этот же день доставит эстафету в Валдай. 23 июля валдайские велосипедисты передадут эстафету в Вышний Волочек...»⁷. В статье особо упоминалось, что вместе с эстафетой в Москву будут доставлены рапорты из 23 стран мира и всех областей и республик СССР о проделанной молодежью работе в период подготовки к фестивалю, о местных фестивалях, спартакиадах и других делах по укреплению мира и дружбы.

Такой странный факт повтора мог быть связан в первую очередь с тем, что газета «Новгородский комсомолец» к выходу этого номера существовала менее двух недель и вполне возможно не обладала достаточным штатом для охвата всех интересующих её читателей аспектов жизни области. В связи с этим и мог быть привлечен в качестве автора публикации И. Перевозчиков, подготовивший, как председатель комитета, свой материал ранее и специально для областной «Новгородской правды».

В статье, опубликованной 13 июля, говорилось, что в Валдай из Новгорода эстафету доставит «группа новгородских мотоциклистов». Хотя из статьи в «Новгородской правде» по итогам её проведения следует, что в Новгород эстафету доставили спортсмены-велосипедисты общества «Локомотив» городов Ленинграда и Чудова в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов. Также и из Новгорода эстафета продолжила свой путь в составе велосипедистов уже новгородского общества «Локомотив», которые и доставили её в Валдай.

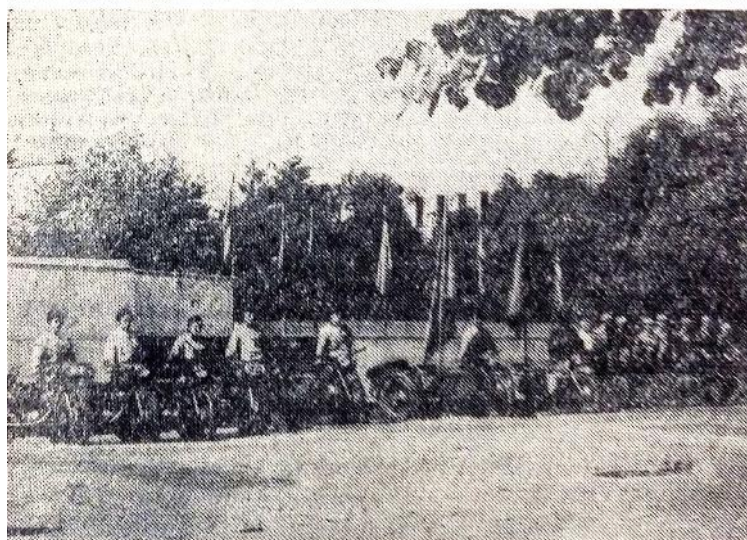
Таким образом, мотоциклетным было лишь сопровождение эстафеты, саму её везли велосипедисты: «7 часов вечера... На Ленинградской улице показывается колонна велосипедистов в красных майках. Это спортсмены гг. Ленинграда и Чудова в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов г. Новгорода несут международную эстафету» – и далее: «Вчера в 10 часов утра в Новгородском Кремле был дан старт велосипедистам новгородского общества “Локомотив”, которые должны доставить международную эстафету в Валдай»⁸.

Статьи, посвященные новгородцам-участникам фестиваля, также можно выделить в отдельный блок. В них рассказывалось о том, за какие производственные заслуги конкретный молодой житель области был удостоен поездки в Москву. Так, в заметке К. Листова «В Москву

---

⁷ *Перевозчиков И.* Международная эстафета едет в Москву // Новгородский комсомолец. 1957 г. 13 июля.

⁸ *Иванов Б., Николаев К.* Эстафета мира и дружбы на пути в Москву // Новгородская правда. 1957 г. 23 июля.

НА ВЕРХНЕМ СНИМКЕ: прибытие международной эстафеты в Новгород. НА НИЖНЕМ: команда велосипедистов общества «Локомотив» и мотоциклисты общества «ДОСААФ» г. Новгорода перед выездом на старт с международной эстафетой, направляющейся в Валдай. Фото И. Филиппова и Ю. Лягт.

Рис. 1. Фото из статьи *Иванов Б., Николаев К.* Эстафета мира и дружбы на пути в Москву (Новгородская правда. 23 июля 1957 г.)

поедут лучшие» шла речь о комсомольце-стахановце Якове Михайлове, слесаре торфопредприятия «Тесово-1»: «Рационализатор. Выполняет норму на 180–195%»⁹.

Кроме профессиональных журналистов, немало поработали рабкоры и селькоры. Юрий Гусев, электрослесарь Новгородского железнодорожного узла, в своей статье в «Новгородской правде» подробно описал, как его собственный и соседние коллективы готовились к Московскому фестивалю, какие осязаемые показатели сверх нормы дали отдельные участники.

Но праздник молодежи мира встречался не только трудовыми успехами. В честь фестиваля молодежь депо организовывала соревнования по городкам, волейболу, шахматам, настольному теннису. Помимо областного фестиваля, проводились фестивали и более низкого уровня – узловые, между отдельными коллективами. Юрий Гусев искренне попытался показать общий настрой делегатов Новгородской области, их стремление к миру, желание общаться со своими сверстниками из других стран в качестве участников Всемирного фестиваля: «С большой радостью я направляюсь на фестиваль в Москву. Иностранных языков я не знаю, но надеюсь, что общий язык с юношами и девушками, прибывшими из-за рубежа, мы найдем. Я расскажу им о нашем комсомольском коллективе, о крепкой дружбе между молодыми железнодорожниками, о нашем горячем стремлении неустанно укреплять дело мира во всем мире»¹⁰.

Учитывая, что путевка на фестиваль являлась очень серьезным поощрением за конкретные трудовые достижения, можно предположить, что такие статьи должны были способствовать еще большему трудовому энтузиазму, как у молодых рабочих, так и у их старших товарищей.

В этом же номере «Новгородской правды» телятница колхоза имени Ленина Любытинского района Валентина Большакова рассказывает о своей работе и своих достижениях, позволивших ей получить путевку на фестиваль. Одной из задач своей трудовой деятельности она видела в поставленной партией и правительством задаче «догнать и перегнать США по производству молока, мяса и масла на душу населения»¹¹.

Следует отметить, что регулярные «напоминания» в прессе о необходимости «догнать и перегнать США», в статьях, посвященных празднику молодежи (в том числе и в материалах ТАСС), встречались

---

⁹ Листов К. В Москву поедут лучшие // Новгородский комсомолец. 1957 г. 4 июля.

¹⁰ Гусев Ю. Найдем общий язык // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

¹¹ Большакова В. Большая радость // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

достаточно регулярно. Поскольку было необходимо демонстрировать свои преимущества перед иностранцами и в экономической сфере.

Успехи комсомольцев и молодежи Новгорода в работе представляли на страницах газет не только сами посланцы на Всемирный фестиваль, но и партийно-советские функционеры. Так, секретарь горкома ВЛКСМ Е. Андреев, рассказывая о новгородцах на фестивале, достаточно подробно, с конкретными примерами, перечислял всех героев труда, а не только тех, кто был направлен на фестиваль. Даже те юноши и девушки, которые остались дома, были должны испытывать чувство сопричастности к празднику, который проходил в Москве.

Представляя успехи города и области в восстановлении народного хозяйства после войны и строительстве новых объектов, Е. Андреев особо подчеркивал, что «участникам делегации от Новгорода на VI Всемирный фестиваль не придется краснеть за дела молодежи нашего древнего города»¹².

Заявления о Новгороде как «древнем городе», и в то же время современном, социалистическом, динамично развивающемся городе, регулярно появлялись практически во всех публикациях. Ведь в это время далеко не все последствия войны и гитлеровской оккупации были ликвидированы. Многие из памятников оказались безвозвратно потеряны. Но город, уже восстановленный до размеров 1941 года, должен был развиваться как региональный промышленный центр. Это было возможно сделать, в том числе, с помощью молодежи и для молодежи, которая придет в это «новый» Новгород жить и работать. Поэтому так нередки в газетных «фестивальных» статьях и заметках призывы равняться на передовиков. Трудовые успехи не являлись простой самоцелью или предметом гордости перед иностранцами. Хорошо и ответственно трудиться новгородцы были должны, в первую очередь, для самих себя: «Дружно и слаженно идет работа у молодежи завода. Комсомольцы знают, что, чем больше они дадут кирпича стройкам, тем больше новой жилой площади получат новгородцы»¹³.

Пребывание новгородцев непосредственно на самом фестивале молодежи и студентов широко освещалось в августовских выпусках «Новгородского комсомольца». Эти публикации дают интересное представление о жизни столицы в дни праздника глазами гостей.

Статья П. Валецкой рассказывает о встречах и впечатлениях первой группы юношей и девушек Новгородской области на Всемирном фестивале молодежи. Материал представляет из себя калейдоскоп небольших заметок новгородцев об их пребывании на фестивале, о новых знакомствах. Каких-то конкретных рассказов о завязавшейся дружбе

---

¹² Андреев Е. Посланцы Новгорода // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

¹³ Иванов Б. У молодежи второго кирпичного // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

здесь нет, но есть несомненное ощущение радости и гордости: «Мы ждали его больше года, с того памятного дня, когда узнали, что VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов будет в Москве», – говорит Тоня Сергеева, доярка колхоза имени Ленина Опеченского района. – И вот он пришел, этот чудесный праздник юности, на котором мне посчастливилось побывать»¹⁴.

Небольшая заметка рисовщицы завода «Пролетарий» Т. Котовой рассказывает о первых встречах новгородцев с представителями молодежи других стран: «Мы встречались с делегатами Судана, Цейлона, Австрии и Чехословакии, Египта и Китая, Индии и Кореи. Юноши и девушки этих стран, как и советские люди, хотят мира и дружбы со всеми народами. Китайский юноша в память о нашей встрече оставил автограф со словами: “На веки вместе”»¹⁵.

Заметка следующего автора – это небольшой, но эмоциональный рассказ о четырех днях пребывания делегации Новгородской области на Всемирном фестивале. Здесь хорошо ощущается, как новгородцев удивляет Москва с её высотками, как волнует первая в жизни встреча с иностранцами: «...От общезнания хорошо видно такое знакомое по фотографиям здание Московского университета. – Совсем рядом, давайте добежим туда, – предлагает кто-то из девушек. – Вовсе не рядом, такое здание и за 10 километров кажется «рядом»! Но едем!». Видим, как волнуется Тамара Клафтон: «...Сейчас будут проверены её познания в английском... Но познания не подводят. В результате коротенькой беседы очень довольны и новгородцы, и молодые сирийцы. И совсем уже уверенно чувствует себя и Тамара, и вся наша делегация, когда к нам подходят два цейлонца. Они приехали в Москву, чтобы принять участие в соревнованиях по борьбе»¹⁶.

Представление таких рассказов в молодежной газете, настраивало новгородцев на более позитивное восприятие иностранцев, учитывая, что за год до этого Новгород стал открытым, для посещения иностранными туристами, городом. Подобный же опыт, даже полученный опосредованно – в пересказе своих коллег и друзей или со страниц газет, с точки зрения адекватного восприятия иностранных туристов уже у себя в городе, был, несомненно, полезен. По своей сути он стал первым опытом проявления на практике народной дипломатии.

Также газета «Новгородская правда» в период проведения фестиваля выпустила ряд заметок новгородцев, побывавших в Москве на

---

¹⁴ *Валецкая П.* Новгородцы на фестивале // Новгородский комсомолец. 1957 г. 6 августа.

¹⁵ *Котова Т.* Незабываемые дни // Новгородский комсомолец. 1957 г. 6 августа.

¹⁶ *Петров В.* В Москве. Из дневника новгородского туриста // Новгородский комсомолец. 1957 г. 13 августа.

Всемирном фестивале под общим названием «Заметки новгородских туристов, побывавших на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве»¹⁷. Они представляют из себя короткие рассказы участников общего праздника о своих впечатлениях от Москвы, от встреч с иностранными юношами и девушками, об их общении, каких-то интересных моментах их знакомства. Учитывая то, что менее чем через год было открыто Новгородское отделение ВАО «Интурист» и эти молодые люди столкнулись с крупными потоками иностранных туристов, уже в Новгороде, то такое их первоначальное непринужденное знакомство со своими сверстниками с точки зрения опыта общения с иностранцами, в том числе в плане неформальном, в рамках народной дипломатии было очень познавательно.

Закрытие фестиваля, как по тону статей, так и по внутреннему ощущению, которое должно было сложиться у читателей газет, пропитано радостной грустью. Радостной от того, что такое значимое с международной точки зрения мероприятие принимала столица Советского Союза, грустное же потому, что так просто пообщаться со сверстниками из-за рубежа мог далеко не каждый молодой человек в те годы. И во многом видевшие все это юноши и девушки думали про себя, как сложатся завязавшиеся в эти пятнадцать дней дружеские связи. «На праздниках и митингах, встречах и дискуссиях, молодежь заявляла о своем стремлении к миру и дружбе. Это была грандиозная, ни с чем не сравнимая манифестация представителей молодого поколения, требующих запрещения атомного оружия, заявляющих, что им нужен мир и только мир»¹⁸.

Надо отметить, что во всех статьях, какой бы направленности они не были, обязательно присутствует отдельный блок информации, посвященной проблемам мира и дружеского сосуществования всех народов. Применительно к тематике мероприятия, дружбу призывалось укреплять через развитие творческих сил молодых людей: «Очень важно, чтобы комсомольские организации, райкомы и горкомы ВЛКСМ сделали все для того, чтобы каждый, побывавший на фестивале в качестве делегата или туриста, смог полнее рассказать своим товарищам по работе, самому широкому кругу юношей и девушек о встречах в Москве, о замечательном творчестве молодежи нашей страны и всего мира»¹⁹.

---

¹⁷ Незабываемые встречи // Новгородская правда. 1957 г. 4 августа; В Москве фестивальной // Новгородская правда. 1957 г. 6 августа; Незабываемые встречи // Новгородская правда. 1957 г. 7 августа; Незабываемые встречи // Новгородская правда. 1957 г. 9 августа; Незабываемые встречи // Новгородская правда. 1957 г. 13 августа.

¹⁸ До свидания, до новых дружеских встреч! Торжественное закрытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов // Новгородский комсомолец. 1957 г. 13 августа.

¹⁹ Праздник юности // Новгородская правда. 1957 г. 28 июля.

Конечно, следует признать: во многом этот фестиваль явился инструментом пропагандистской работы со стороны Советского Союза. Для СССР такое представительное международное мероприятие явилось хорошей возможностью продемонстрировать мировой аудитории жизнь и устремления советского человека с самой выгодной стороны.

В то же время фестиваль молодежи и студентов оказался подлинным символом «оттепели». Простые жители Новгородчины не только сами смогли принять участие в мероприятиях в Москве, они почувствовали свою сопричастность в великом деле недопущения новой войны, реальной борьбе за мир. Фестиваль 1957 года стал первым мероприятием такого масштаба, в котором принимало участие огромное количество граждан СССР, в первую очередь молодежи. Они получили возможность свободного общения с жителями других стран без какого-либо политически мотивированного подтекста. И, безусловно, именно он позволил воспринимать посещавших впоследствии Новгородскую область иностранных туристов не как скрытых врагов, а как простых людей, с которыми можно и нужно договариваться, которым не стыдно показывать свои достижения, которые готовы понять твою историю.

К 80-ЛЕТИЮ НОВГОРОДСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА

Я. А. Васильев

«НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК» В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ. ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ 1936–2015 гг.¹

Новгородский исторический сборник (НИС) является одним из самых известных продолжающихся изданий по истории Новгорода и Новгородской земли и выходит уже на протяжении 80-ти лет (хотя и с определенными перерывами и не каждый год). За это время состоялось 25 выпусков в которых 215 авторами было представлено около 431 работ по различным вопросам новгородской истории и культуры, из них 389 научных статей (рис. 1).

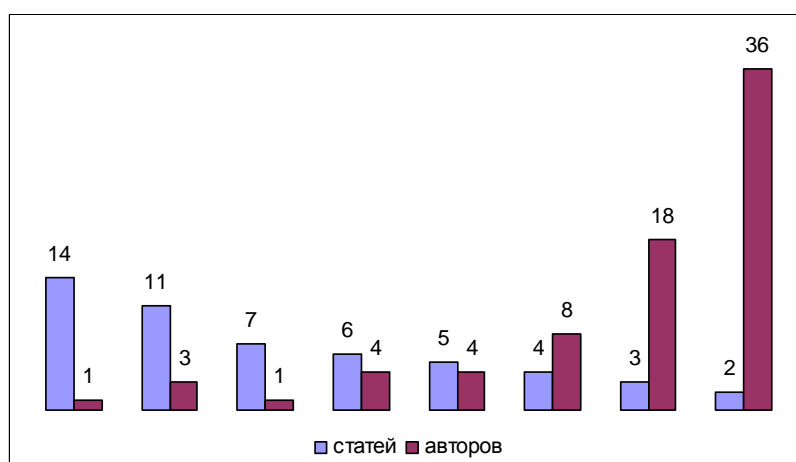

Рис. 1. Публикаторская активность авторов Новгородского исторического сборника за 1936–2015 гг. (авторы с одной публикацией не учитывались)

¹ Исследование выполнено на средства федерального бюджета на проведение научно-исследовательской работы (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок) № 2667 «Новгородская земля в контексте социокультурного развития: история, археология, культура», выполняемой в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности

Более всего на страницах Новгородского исторического сборника разместили статей и публикаций А. А. Строков – 14, по 11 – 3 (В. А. Богусевич, Э. А. Гордиенко и Н. Г. Порфиридов), 7 – 1, по 6 – 4, по 5 – 4, по 4 – 8, по 3 – 18, по 2 – 36, по 1 – 141 исследователь.

Рис. 2. Нетематические публикации

Помимо 389 статей на страницах сборника (рис. 2) было размещено 8 материалов отчетного характера (кроме результатов археологических исследований); 6 редакционных статей; 2 некролога (И. П. Шаскольский, Б. В. Ананьич); 3 рецензии; 7 обзоров литературы по истории Новгородчины (в том числе – два указателя статей и публикаций, опубликованных в НИС в № 1–10 и № 11–21); 5 списков трудов или оценки их работ, особенно в отношении новгородики (Б. К. Мантейфель, И. П. Шаскольский, И. Э. Клейненберг, Н. А. Казакова, Н. Г. Порфиридов, В. В. Суслов); 3 работы, посвященные жизни и творчеству ученых (Н. Г. Порфиридов, Туре Арне, Н. В. Покровский); 3 публикации содержащие воспоминания и свидетельства очевидцев, прежде всего, о

Новгородском музее и Новгородском музее древностей (С. М. Смирнов, Н. Г. Порфиридов и др.). 4 материала содержат описание и оценку фондов и собраний документов (*М. Н. Тихомиров* Рукописи Новгородского музея; *Г. К. Маркина* Обзор фонда А. В. Арциховского в Новгородском государственном музее-заповеднике; *Л. П. Яковлева*. Из истории церкви Спаса на Нередице и ее окрестностей: Фотографии из архива М. К. Каргера в собрании Новгородского музея-заповедника. Описи имущества Софийского собора 1833 г. Публикация *Э. А. Гордиенко и Г. К. Маркиной*; *Э. А. Гордиенко, С. В. Моисеев, М. Л. Василевский*. Описи Спасо-Нередицкого монастыря XVIII–XIX вв.). Семь материалов посвящены публикации и изучению документов разных периодов истории Новгорода и Новгородской земли и т. д. (см. рис. 2).

18 статей и публикаций принадлежат перу иностранных авторов. П. Хант, А. И. Пересветов-Мурат и И. Нордландер размещали свои материалы в НИС неоднократно.

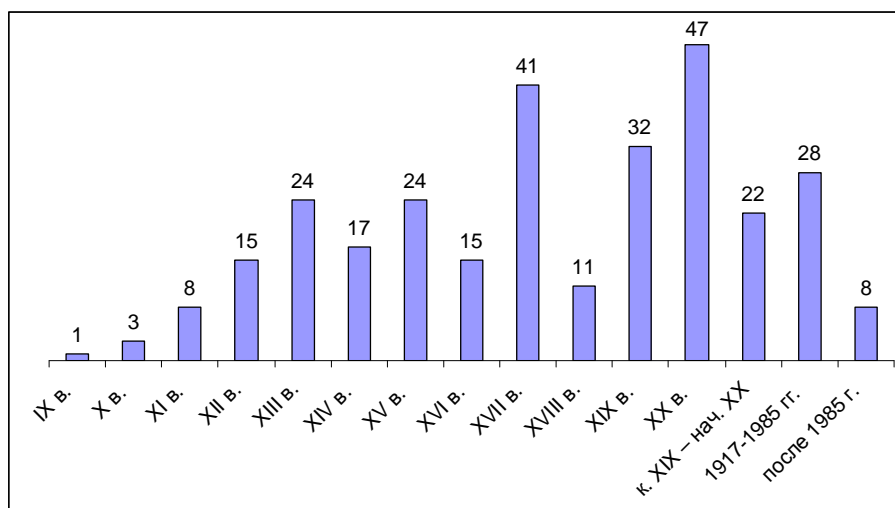

Рис. 3. Распределение публикаций по периодам (векам)

Чаще всего на страницах НИС размещались материалы по истории Новгорода и Новгородской земли XII–XX вв., прежде всего, по вопросам, связанным с событиями XVII и XX вв. – более 40 сюжетов (рис. 3). В тоже время по проблематике XVIII века было опубликовано всего 11 работ.

В тематическом отношении авторы Новгородского исторического сборника больше всего затрагивали вопросы, касающиеся исследования новгородской архитектуры и зодчества (см. рис. 4). Тем не менее, необходимо отметить, что при изучении материалов НИС практически не-

возможно вычленить «чистые» темы, т. к. вопросы, связанные, например, с архитектурой и строительством, поднимались и в материалах по археологии, топографии, культуре и искусству Новгорода и Новгородской земли. Сказанное относится к большинству представленных на рис. 4 разделов и опубликованные сюжеты редко посвящены только одной конкретной теме. Авторы неизбежно вынуждены были затрагивать и другие стороны изучаемой проблемы. Это необходимо учитывать при изучении материалов Новгородского исторического сборника и его многолетней истории.

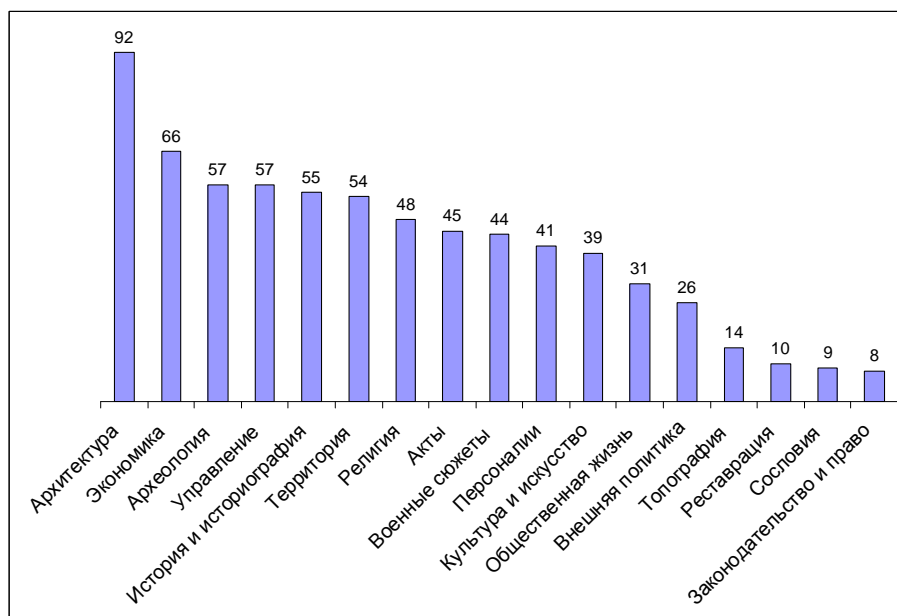

Рис. 4. Основная тематика публикаций

Выпуски НИС довольно сильно различаются по размеру, начав с достаточно скромных 60 страниц (1-й, 5-й, 6-й выпуски), однако уже 2-й, 3–4-й, 7-й и 8-й выпуски превышали 100 страниц, а с 9-го выпуска он преодолел рубеж в 200 страниц и с тех пор постоянно «набирал в весе». Так последние выпуски, начиная с 19-го достигли уже 400–500 страниц, сейчас средний объем сборников составляет 20–25 печатных листов. Это происходит не только за счет укрупнения самих статей и публикаций, хотя многие из них превышают 1 п. л., или размещения значительного иллюстративного материала. Главная причина – расширение тематики сборника и круга его авторов, многие из которых еще достаточно молоды и только начинают свой путь в науке.

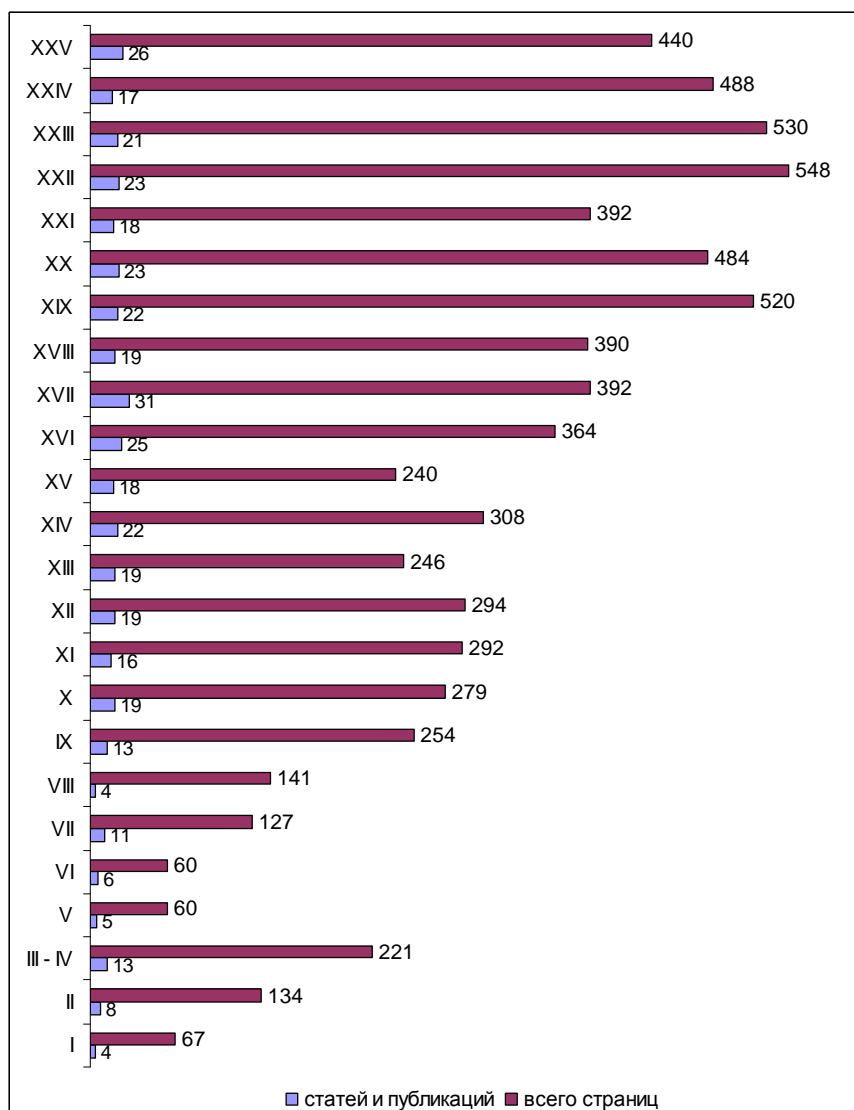

Рис. 5. Количество публикаций в отдельных выпусках и их общий объем в страницах

В заключение хочется отметить, что данная работа ничуть не претендует на законченность и всесторонность. Напротив, ограниченный объем издания обусловил рассмотрение только наиболее общих, характерных сторон истории материалов НИС и этот вопрос, конечно же, должен быть исследован и в дальнейшем.

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин

УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СТОЛБОВСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕДИЕЙ 9 МАРТА 1617 ГОДА

Данная работа Германа Андреевича Замятина тематически и хронологически связана с его докторской диссертацией, отдельные очерки которой были опубликованы в предыдущих выпусках Новгородского исторического сборника¹, а также с его работой о борьбе Пскова со шведами в Смутное время. Фактически этот труд о Столбовском мире является завершающим очерком многолетней работы ученого о русско-шведских отношениях в Смутное время. Рукопись была подготовлена к печати в 1951 г., хотя основные сюжеты работы были разработаны автором еще в 1920–40-е годы. К примеру, в 1925 г. в Воронеже была опубликована небольшая статья с двумя приложениями о решении вопроса о мире со шведами на Земском соборе осенью 1616 г.² Данный сюжет в сокращенном виде вошел в публикуемую здесь работу.

Кроме того, следует обратить внимание на замечания оппонентов при защите докторской диссертации Г. А. Замятина в июне 1943 г. в Москве. Один из оппонентов, М. Н. Тихомиров, отметил в отзыве на

---

¹ *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 г. / вступит. статья, публикация А. Н. Одинокова и Я. Н. Рабиновича // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редколл.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург. ин-т истории РАН, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Новгород. музей-заповедник – СПб., 2013. № 13 (23). С. 350–365, 422–475; *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году / вступит. статья, публикация Я. Н. Рабиновича // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 392–463; *Замятин Г. А.* Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 году / вступит. статья, публикация Я. Н. Рабиновича // Новгородский исторический сборник: Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 392–458.

² *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. о русско-шведских отношениях // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. 1. С. 299–310.

диссертацию: «Недостатком работы Г. А. Замятина является ее недоконченность. Труд диссертации почему-то обрывается на 1615 г. и не доведен до Столбовского мира. В силу этого осталась неразвернутой картина международного противоречия в Европе, также оказавшая влияние на отказ Густава Адольфа от продолжения захватов в России». Другой оппонент, Н. Л. Рубинштейн, также указал, что Замятин в диссертации «опускает ... конец интервенции, связанный с заключением Столбовского мира»³.

В фонде Замятина в НИОР РГБ сохранился проект ответного слова Германа Андреевича. В ответ на упреки оппонентов в «незаконченности», недостаточном освещении обороны Пскова от шведских войск Густава Адольфа, внутренней жизни в Новгороде во время шведской оккупации и отсутствия в диссертации сведений о заключении Столбовского мира, Замятин отметил в черновике: «Указать, что оборона Пскова была предметом доклада на межвузовской областной научной конференции в Молотове в мае 1941 г. «Новгород при шведах» – вырос в монографию. *Столбовский мир – также* (курсив мой. – Я. Р.)»⁴. Отметим, что через 9 лет после защиты диссертации труд Замятина об обороне Пскова в 1615 г. был опубликован в журнале «Исторические записки», а большая монография о борьбе за Псков в Смутное время вышла в свет через 55 лет после кончины автора, в 2008 г.⁵ Очерк «Новгород во время оккупации его шведами» обнаружить в архиве пока не удалось. В данном очерке, судя по высказываниям Замятина, особое внимание уделено партизанской борьбе. При этом историк в качестве основных источников использовал донесения Делагарди королю и канцлеру Оксеншерне.

Таким образом, уже к 1943 г. (к моменту защиты диссертации) очерк о Столбовском мире был уже написан. Выписки из дел, хранящихся в Московском архиве (МГА МИД, ГАФКЭ, ныне РГАДА)⁶, были сделаны автором еще до революции, что существенно облегчило работу над очерком (по различным причинам в 1920–30-е годы Замятин не мог работать в столичном архиве).

---

³ Документы, связанные с защитой диссертации Г. А. Замятиным // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 20 об. (отзыв М. Н. Тихомирова), Л. 17 об. (отзыв Н. Л. Рубинштейна).

⁴ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 29.

⁵ Замятин Г. А. «Псковское сиденье»: героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. 1952. Т. 40. С. 156–213; Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 243–402.

⁶ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1615. Д. 9; 1616. Д. 10; 1617. Д. 1, 2.

В 1950 г., когда вышла статья о Столбовском мире во втором томе Дипломатического словаря, Замятин вновь вернулся к данной работе. При этом он использовал новейшие исследования шведского историка И. Андерссона, отечественных исследователей И. И. Грабаря и И. П. Шаскольского, а также только что вышедшую «Хрестоматию по истории Средних веков» под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина⁷. Следует отметить, что окончательный вариант работы о Столбовском мире историк писал, будучи тяжело больным. После того, как он получил от И. П. Шаскольского его работу о русско-шведской границе после Ливонской войны, Замятин в ответном письме от 6 апреля 1951 г. указывает: «Искренняя благодарность Вам за присылку оттиска Вашей последней работы. Простите, что из-за болезни и переезда на новую квартиру я не мог своевременно ответить Вам. С основным положением Вашей работы я полностью соглашаюсь и жалею, что Вы не привели данные начала XVII в. в подтверждение своего тезиса. Кое-что я *использовал в работе, которую писал, находясь в постели почти месяц*» (курсив мой. – Я. Р.)⁸.

Публикуемая работа небольшая. Основной текст – около полутора печатных листов, Кроме того, три приложения занимают еще немногим более половины печатного листа. Всего два печатных листа. Данную работу трудно по объему назвать монографией (хотя автор указывал в ответном слове оппонентам, что «Новгород при шведах» вырос в монографию, «Столбовский мир – также»). Возможно, что публикуемая ниже работа – это лишь часть труда, основной объем которого составлял в то время (1943 г.) очерк о событиях под Псковом в 1616 г., связанных с походом шведского военачальника Карла Гюлленельма (у Замятина – Карла Юлленийельма). Этот очерк позднее вошел в качестве заключительной части в большую монографию о борьбе Пскова со шведами, поэтому в статье о Столбовском мире он был значительно сокращен.

Содержание публикуемой ныне работы выглядит следующим образом. Вначале автор подводит итоги переговоров в Дедерино, говорит об отказе царя Михаила выполнить условия, выдвинутые посредниками. Далее кратко сообщается о походе к Пскову Карла Юлленийельма

---

⁷ Андерссон И. История Швеции / пер. с шведского Н. А. Каринцева; под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М., 1951. С. 177; Грабарь В. В. Первая русская книга по международному праву («Рассуждение» П. П. Шафирова) // Вестник Московского ун-та. 1950 г. № 7. С. 105; Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны совсем отрезана от Балтийского моря? // Истор. Зап. Вып. 35. С. 299–303; Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3. С. 138–139.

⁸ Письмо Г. А. Замятина И. П. Шаскольскому от 6 апреля 1951 г. // Личный архив Г. М. Коваленко. Благодарю Геннадия Михайловича за ознакомление с данным документом.

и о неудаче данного похода: «Новая попытка шведов овладеть Псковом и таким путем якобы принудить русских к миру закончилась позором» (Л. 4).

Интересно сравнить одну фразу из монографии о борьбе Пскова со шведами с текстом данной работы. В монографии о Пскове читаем: «О какой-либо посылке войска из Москвы подо Псков в 1616 г. ничего не известно»⁹. Обнаружив новые сведения в Дворцовых разрядах, Замятин в статье о Столбовском мире изменил свое мнение: «1 сентября 1616 г. царь приказывает «быть подо Псковом и помогать Пскову от немецких людей» Ивану Федоровичу Хованскому и Никите Петровичу Борятинскому; местом сбора рати был выбран Торопец» (Л. 4).

Далее автор указывает, как вопрос о мире со шведами решался на Земском соборе в сентябре 1616 г. (этот сюжет более подробно был разобран в его статье 1925 г.). Члены Собора решились на уступку Швеции части русской территории «за невозможностью собрать крупную сумму денег с разоренного населения в короткий срок». Подчеркивая важную роль Земского собора 1616 г. в решении вопроса о мире, Замятин все же считает, что «правительство принимает решения самостоятельно. Возможно, что оно действовало так еще до открытия Земского собора» (Л. 6).

Далее говорится о переговорах английского посредника Джона Меррика в Ладоге со шведами и о функциях русских помощников (они должны были следить за Мерриком). Замятин приводит подробное содержание грамот Михаила Романова от 3 января 1617 г. для пересылки их в уступленные шведам города: Ивангород, Орешек, Корелу, Ям, Копорье. Автор пишет: «Как были приняты грамоты жителями городов, уступленных Швеции, сведений об этом у меня нет» (Л. 9).

Говоря о капитуляции шведского гарнизона в Устье (под Псковом) в декабре 1616 г., Замятин подчеркивает, что это усилило позиции русских послов, «повышало шансы русских в борьбе за мир» (Л. 10).

Историк подробно разбирает события в Новгороде, под Смоленском и в Северских городах, ослаблявшие позиции русских послов на переговорах в Столбово, и делает вывод о том, что «необходимость оказать помощь новгородцам и борьба русских с поляками и черкасами, разумеется, не могли не оказать влияния на ход переговоров о мире со шведами» (Л. 14–15).

Далее Замятин рассматривает ход заседания Боярской думы 10 февраля 1617 г. и решение Думы по вопросу о заключении мира, приводит подробное содержание Приговора Думы по этому вопросу (приговор – прилож. № 3). Вывод историка однозначен: «Мы можем с уве-

---

⁹ Замятин Г. А. Борьба за Псков... С. 384.

ренностью говорить о том, что сознание невозможности при временном истощении Московского государства вследствие длительных войн и внешних и внутренних – вести борьбу одновременно на два фронта (против поляков и против шведов) и необходимость высвободить вооруженные силы, стоявшие против шведов, для борьбы с Польшей, заставили Московское правительство в 1617 г. пойти на уступку Швеции ряда городов и уездов и подписать Столбовский мир» (Л. 18–19).

Замятин изучает вопрос о том, какую территорию Московское правительство уступило шведам по мирному договору и сравнивает эти территориальные потери с решениями предыдущих договоров. Корелу с уездом уступил шведам еще Василий Шуйский; Ивангородской, Ямской и Копорский уезды впервые шведы получили еще по Плюсскому перемирию. Новостью в Столбовском договоре была уступка Швеции г. Орешка с уездом. Конечно же, резюмирует Замятин, Столбовский мир для России был тяжелым миром. Однако русские заключили со шведами в 1617 году вечный мир, тогда как с поляками было заключено в 1618 г. лишь перемирие на 14,5 лет. Причина этого ясна: «В начале XVII в. противоречия между Россией и Швецией были не столь непримиримы, как противоречия между Россией и Польшей» (Л. 22).

Далее Замятин сравнивает территориальные потери России по условиям Столбовского договора с инструкциями Густава Адольфа шведским уполномоченным, которые были даны еще в 1614 и 1615 г. Шведский король изначально хотел после побед при Бронницах и у Гдова иметь на востоке границы по р. Волхову и по Чудскому озеру, контролировать и Новгород, и Псков. Даже после неудачи под Псковом король хотел удержать в своей власти Новгород, Гдов, а на севере – Колу (и получить с русских в придачу контрибуцию), хотя шведские послы накануне переговоров в Дедерино писали королю, что это невозможно (Л. 25).

Результаты переговоров в Дедерино, – делает вывод Замятин, – свидетельствуют о дипломатическом поражении Швеции: Новгород они должны были оставить, а размер контрибуции «далеко не соответствовал объявленной А. Уксеншерной цифре» (Л. 26).

Это дипломатическое поражение Швеции связано с провалом похода шведов под Псков в 1615 году. Новым дипломатическим поражением Швеции стало заключение в Ладоге Джоном Мерирком со шведскими послами прелиминарного договора 20 ноября 1616 г. Это связано с новыми военными неудачами шведов в 1616 г. под Псковом. Сумму контрибуции в 20 тыс. рублей Замятин назвал «смехотворной», по сравнению с той суммой, которую хотели получить шведы (Л. 24).

Военные неудачи шведов под Псковом в 1615 и 1616 гг. – показатель не только мощи русского народа, это вместе с тем показатель истощения сил самой Швеции. Это истощение Швеции «заставило швед-

ское правительство пойти в свою очередь на уступки русским и подписать Столбовский мирный договор» (Л. 27). Планы правящих кругов Швеции установить границы по р. Волхову и овладеть Чудским озером рухнули.

Замятин по-иному, чем дореволюционные и советские историки, оценивает известную речь Густава Адольфа 26 августа 1617 г. при открытии риксдага в Стокгольме. Король «представляет в речи все в розовом свете», освещает дело односторонне. Эту речь нельзя принимать историком «за чистую монету» (Л. 27). Это попытка оправдаться перед риксдагом, который еще в 1614 г. настаивал на мире с Россией, притом на условиях, сходных с условиями Столбовского мира.

В заключение Замятин разбирает вопрос о причинах активного участия Англии в переговорах о мире между Россией и Швецией. Говоря, что данный вопрос требует специального изучения, историк отмечает, что «усиление Швеции на Балтийском море было не в интересах Англии. Швеция могла мешать в первую очередь торговым связям Англии с Россией» (Л. 28).

После текста статьи в рукописи у Замятина идут три приложения (Л. 34–48). В первом приводятся известия о ликвидации шведского шанца в устье реки Великой в декабре 1616 г., во втором – тайная грамота из Новгорода Д. И. Мезецкому с товарищами об ускорении заключения мира со шведами 21–31 января 1617 года, а в третьем – приговор Боярской думы о заключении мира со Швецией 10 февраля 1617 года.

Публикуемая рукопись представляет собой машинописный текст с многочисленными авторскими правками и рукописными вставками на отдельных листах различного формата – всего 48 листов. Рукопись была обнаружена автором данной статьи в фонде Замятина в НИОР РГБ¹⁰.

Этот труд Г. А. Замятина до сих пор не утратил своего научного значения. Публикация его в Новгородском историческом сборнике в юбилейный год 400-летия заключения Столбовского мира – дань памяти этому выдающемуся исследователю Смутного времени.

Я. Н. Рабинович

---

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 3. Д. 3. Выражаю благодарность Галине Владимировне Срывковой, которая оказала большую помощь в работе над рукописью.

* * *

В связи со статьей о Столбовском мирном договоре, появившейся во втором томе «Дипломатического словаря» (М., 1950. С. 766–767), мне хотелось бы осветить детали условия, при которых пришлось Московскому правительству решиться на этот тяжелый мир в первые месяцы 1617 г.

Мирные переговоры между русскими и шведами в Дедерино в начале 1616 года не привели к желаемым результатам: стороны только согласились на перемирие сроком до 1 июня 1616 года¹. Ни одна из трёх статей, выработанных посредниками (Д. Мерриком и голландскими послами) в качестве основы для будущих переговоров, не была принята Московским правительством. Царь, ознакомившись в феврале 1616 года с этими статьями через капитана Николая ван Бредероде, обратился к голландским послам с особой грамотой, в которой просил отговорить шведских уполномоченных «от несправедливых несбыточных их требований»². Голландские посредники, очевидно, не уверенные в том, что переговоры между Россией и Швецией могут привести к миру, поспешили в марте 1616 г. уехать через Стокгольм к себе на родину. Когда в июне 1616 г. Джон Меррик и Д. И. Мезецкий с товарищами съехались в Тихвин для продолжения переговоров о мире со шведами, они не могли добиться встречи со шведскими уполномоченными. Я. Делагарди и Генрих Горн только 16 августа уведомили Меррика о своём приезде в Ладугу. В соответствии с указаниями короля они прямо заявили, что если в течение восьми дней им не объявят, на какой из трёх, выработанных в Дедерино, статей Московское правительство согласно вести переговоры, они «разорвут». В докладе Земскому собору в Москве 12 сентября 1616 г. ссылались на отношения по этому вопросу шведских уполномоченных к Меррику и к царским послам, полученное с Несмеяном Чаплиным 31 августа 1616 г.³ Так создался тупик.

Летом 1616 г. правящие круги Швеции организуют новый поход под Псков якобы с целью принудить русских к миру. В конце августа шведская армия численностью до пяти тысяч человек под командованием К. Юлленгельма появляется близ русской крепости. Об этом по-

---

¹ Даты приводятся в статье по старому стилю, только в заглавии дата дана по новому стилю.

² Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24. С. 368.

³ См.: *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. о русско-шведских отношениях // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. 1. С. 300, 306.

ходе знало и Московское правительство. В докладе Земскому собору 12 сентября сообщали: «А подо Псков пришел ратной моршалок Яганов королев непрямой жены сын, а с ним многие ратные свейские и иных земель люди, и подо Псковом стал и Псков всякими мерами теснит»⁴. Поход происходил под руководством фельдмаршала Карла Карлссона Юлленйельма (Gyllenhielm, Carl Carlsson), внебрачного сына Карла IX, более десяти лет находившегося в плену у поляков. Сам Густав II Адольф после неудачи под Псковом в 1615 году, очевидно, уже не рискнул принять руководство новым походом на себя. Дела у шведов под Псковом, однако, шли далеко не блестяще. Предпринятая К. Юлленйельмом около 1 сентября согласно королевской инструкции попытка захватить крепость провалилась: псковичи отбросили шведов. Мы имеем интересное свидетельство об этом, идущее со стороны русских. 18 сентября 1616 г. пришел в Тихвин к московским послам «из Ладуги русской малой Максимко Федоров, а служил де он во дворе у Монши Мартынова (Måns Mårtensson – секретарь шведов) лет с пять». Послы передали распросные речи М. Федорова в своей отписке в Москву. В отписке читаем: «...да сентября де, государь, в 13 день приехал в Ладугу ротмистр немецкой Ондрей Монкап, а с ним де, государь, немецких людей пятьдесят человек, а был де тот ротмистр у Монши Мартынова дважды и сказывал де он Монше, что посылал де их из Ругодива маршалок Карло подо Псков войною, а сам де, государь, государь маршалок подо Псков не ходил, стоял все в Ругодиве. И недели тому з две вышли на них изо Пскова твои государевы люди, и немецких де людей многих побили, а иных ранили, а достальные де, государь, немецкие люди ото Пскова отошли прочь, а тот де ротмистр Ондрей с тово бою утек ранен по левой руке и тою де, государь, он руку Монше показывал»⁵.

Думается, приведённое известие следует принять как рассказ участника боя (Монкапа), переданного слушателем из русских, за пять лет службы у Мортенссона, вероятно, усвоившим достаточно хорошо шведский язык. Из рассказа А. Монкапа ясно, что бой у Пскова имел место около 1 сентября.

После того К. Юлленйельм занялся постройкой шанца на берегу р. Великой на стороне Печер. В половине сентября «городок» был готов. За недостатком материалов и средств шанец построили только на одном берегу реки, а не на обоих, как предписывал король. В шанце поместился отряд в 700 человек. Были там и конюшни для лошадей. С продовольствием дело обстояло из рук вон плохо: солдаты голодали. К. Юлленйельм совершенно растерялся. Настроение фельдмаршала от-

---

⁴ *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. С. 306.

⁵ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1616 г. Д. 10.

разилось в его письме Я. Делагарди, отправленном уже из Гдова 25 сентября 1616 г. Одна фраза написана по-латыни: «Nulla salus bello, pasete te poseimus omnes» (накакой пользы от войны, мы все требуем у тебя мира). В этой фразе сквозит сознание фельдмаршалом ненужности войны с русскими, он стоит за мир. В конце письма сделана приписка на французском языке: «Je vous supplie, Monsieur, qu'il vous plaise de me respondre bientost et donner avis de ce que je doibs entreprendre ou faire, car certainement je ne scau aucun moien pour entretenir les gens de guerre» («Умоляю, Мсье, благоволите безотлагательно мне ответить и уведомить, что я должен предпринять или исполнить, ибо поистине я не знаю, из каких средств содержать военных»)⁶. В острожек у Печер К. Юлленейлм уже больше не возвращался.

В первой половине декабря 1616 г. шведский отряд, оставленный в шанце, капитулировал и сдал имевшийся там наряд большому отряду псковичей (см. прилож. № 1). Так новая попытка шведов овладеть Псковом и таким путём якобы принудить русских к миру закончилась позором.

Московское правительство, разумеется, не сидело сложа руки. 1 сентября 1616 г. царь приказывает «быть подо Псковом и помогать Пскову от немецких людей» Ивану Федоровичу Хованскому и Никите Петровичу Борятинскому; местом сбора рати был выбран Торопец⁷. Посылать армию ко Пскову, впрочем, не пришлось.

В то же время Московское правительство обращается с вопросом о мире со шведами к Земскому собору. День открытия Земского собора остается невыясненным. В докладе собору, зачитанном думным дьяком Петром Третьяковым на заседании 12 сентября, были изложены сначала история захвата шведами Новгорода и новгородских и псковских пригородов, затем ход мирных переговоров в Дедерино, ещё дальше упоминалось об отказе шведских послов ехать на съезд, пока русские не объявят, на основании какой статьи, из выработанных в Дедерино, они поведут дальнейшие переговоры о мире. Заканчивался доклад вопросом: «...и ныне как о том на соборе приговорят, на чем с свеискими послы велети делати: поступатца ль им за денги ноугородцких которых городов да к тому денег придавати ещо, или денги за те за все города давать дватцать сот тысячь рублей»? Такая сумма была объявлена шведскими послами с условием уплаты в четыре года. «И будет денег давати, и где денги взять?». Ответ правительство просило дать вскоре, чтобы не допустить разрыва со шведами. Так поставлен был перед чле-

---

⁶ Письмо в библиотеке Тартуского ун-та. Такого письмо от 26 сентября ни у Кордта, ни у Лоссиуса нет. Есть письмо у Лоссиуса от 29 сентября 1616 г. – Я. Р.

⁷ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. В 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 249.

нами Земского собора вопрос: «На чем с свеискими послы велети делати, на города-ль или на денги?»⁸.

Проследить ход рассуждений на соборе не составляет труда. Члены собора прежде всего констатировали, что «Московского государства всякие люди от разоренья полских и литовских и немецких людей и русских воров оскудели», денег «никакими обычаи собрати» в непродолжительном времени «не с кого и за города давати свеиским **С. 6 (Л. 6)** послом денег нечего». Депутаты обратили внимание и на разорение и опустошение Новгорода и его пригородов. Если выкупить «те пустые города», то спрашивается, «чем их справити и отколь тем ратным людям, которые будут в них, государево жалованье денежное и хлебное» давать? А если, выкупив у шведов эти города, «никакими ратными людьми и хлебными запасы не наполнити» их, тогда другой недруг (поляки – *Г. 3.*) те города поемлет и вывоюет досталь».

Приняв все это во внимание, на соборе (видимо, в тот же день) приговорили: «С свеискими послы мир делати на города, да к тому еще хоти денег придати»⁹. Члены Собора решились на уступку Швеции части русской территории за невозможностью собрать крупную сумму денег с разоренного населения в короткий срок.

Следует подчеркнуть, что Московское правительство еще в августе 1616 г. (значит, до приговора Земского собора) готово было уступить шведам Ивангород, Ям и Копорье с уездами. 23 августа из Москвы отправили с Гаврилой Кувшиновым по этому вопросу указ послам. 5 сентября царь с боярами вновь обсуждал вопрос о мире со шведами: решено было уступить шведам еще Орешек и погосты Орешковского уезда, что за р. Невой. Мы видим, что правительство принимает решения самостоятельно. Возможно, что оно действовало так ещё до открытия Земского собора. После соборного приговора спешно отправляется Д. И. Мезецкому с товарищами с Даниилом Губиным новая грамота, предписывающая уступку части территории шведам. Переговоры со шведскими уполномоченными о мире велись в Ладоге Джоном Мерриком, прибывшим туда 3 мая 1616 г.¹⁰ Последнему помогали, и вместе с

---

⁸ См.: *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. С. 307.

⁹ Там же. С. 307–308.

¹⁰ В тексте *Замятина*, по-видимому, опечатка, записано 3/V (т. е. 3 мая). Скорее всего, следует читать «3/X», т. е. 3 октября. *Замятин* хорошо знал, что русские послы вместе с Мерриком в начале мая 1616 г. только выехали из Москвы, они прибыли в Тихвин 12 июня. Шведские послы только 12 августа написали Меррику о своем прибытии в Ладогу. 3 сентября прибыл в Ладогу из Тихвина помощник Меррика Томас Смит, а 3–4 октября – сам Меррик. Известно, что 3 октября Меррика встречал на р. Сясь недалеко от Ладоги Лоренц Вагнер с почётным эскортом (галера, 4 ладьи и рота солдат), а первая встреча Меррика со шведскими послами состоялась в Ладоге 5 октября. – *Я. Р.*

тем за ним, наверное, следили русские Соловой Борисов сын Протасьев и подъячий Василий Волков, жившие в Ладого и поддерживавшие тесные связи с Д. И. Мезецким и его товарищами, жившими в Тихвине.

10 ноября в Ладого приехал К. К. Юлленйельм в сопровождении 15 человек «повидатца с Яковом Пунтусовым и поговорити о ратных делах». Можно догадываться, что Юлленйельм представил положение дел шведов на фронте далеко не в розовом цвете. Это не могло не оказать влияния на комиссаров, ведших переговоры о мире. Спустя десять дней после того 20 ноября 1616 г. (по старому стилю) Меррик, действовавший «во имя от его царского величества», и шведские уполномоченные пришли, наконец, к соглашению. Изготовленный последними текст соглашения не раз исправлялся Мерриком. Современный русский перевод соглашения имеет дату: «писано в Ладого декабря в 3 день от Рождества Христова 1616 году»; в мирном договоре, однако, записано, что соглашение состоялось 20 ноября¹¹. По премилиарному договору король уступал России Новгород Великий, Старую Руссу, Порхов, Гдов, Ладого с уездами и Сумерскую волость. К Швеции отходили Ивангород, Копорье, Ям, Орешек с уездами. Кроме того, русские выплачивали шведам «готовыми деньгами» 20 тыс. рублей. Царь обязывался подтвердить уступку Швеции Корелы с уездом (Корелы поступился еще Василий Шуйский) и отказывался от титула «лифляндский». Другие вопросы (например, подтверждение Тязвинского и Выборгского договоров, вопрос о торговле и т. п.) должны были решаться на съездах.

12 декабря 1616 г. специально выделенные с обеих сторон лица (со стороны русских Соловой Борисов сын Протасьев, Владимир Шепелев, Неустрой Кушников, подъячий Василий Волков) договорились в Ладого о месте съезда послов (сельцо Столбово между Тихвином и Ладогой) и обменялись опасными грамотами.

Извещая о соглашении 20 ноября 1616 г. новгородцев, Меррик писал: «А ныне, господа, декабря в 15 день королевского величества послы поедут со мною на съезд». Болезнь Меррика задержала открытие съезда. Только 31 декабря 1616 г. Д. И. Мезецкий с товарищами съехались вновь в «Семенове поместье Репьева в селце Столбове» в избе, где жил Меррик.

---

¹¹ См.: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. С приложением актов. СПб., 1857. Прилож. № 3 (Перевод со статей начальных (прелиминарных пунктов) заключаемого между российским и шведским государством договора через шведских послов Деллагарди со товарищи и английского посла Ивана Мерика, яко посредника с российской стороны, подписанные в Ладого и размененные между ними. 1616 декабря 5). С. 153.

15 декабря от послов пришла в Москву отписка о прелиминарном договоре между русскими и шведами. Правительство не замедлило поставить в известность об этом членов Земского собора.

Судя по протоколу заседания собора (после 15 декабря), депутаты были весьма обрадованы такими вестями. Большое удовлетворение доставляло им то, что «такое великое дело совершается, государства ево искони вечные города ево царского величества отчина Ноугородское государство с пригороды под ево царского величества державою в соединенье с Московским государством учиняется и в них многое православное хрестьянства от злаго пленения и мучительства свободяются». По заявлению депутатов «у них у всех и в разуме не было, что свеискому королю на такие малые денги такого великого Ноугородского государства с пригороды поступитись»¹².

Бесспорно, что возвращение России Новгорода Великого было наибольшим успехом русских. Но если бы члены собора знали, что шведские уполномоченные еще в конце 1615 года докладывали королю о полной невозможности для шведов удерживать дальше в своих руках Новгород, Старую Руссу и Порхов «и продовольствовать в них войска и гарнизоны»! Те же причины (разорение и опустошение городов), какие толкали членов собора на уступку части русской территории шведам, принуждали шведских послов к передаче ряда захваченных шведами русских городов Московскому правительству. Правда, королю приводимые послами основания представлялись не настолько убедительными, чтобы следовало очистить Новгород¹³. По прелиминарному договору три помянутые города все же возвращались России. Очевидно, силы Швеции выдыхались...

3 января 1617 г. из Москвы пошли с Афанасием Болховским грамоты Д. И. Мезецкому с товарищами для пересылки их в уступленные шведам города: Ивангород, Орешек, Корелу, Ям, Копорье. Грамоты были «писаны на лист, печать у них (была) оттворчетая большая царственная на красном воску под кустодиями». По содержанию грамоты были одинаковы. В начале грамоты кратко напоминали, как город попал в «межусобное время» в руки шведов. Царь подчеркивал, что он «промышлял накрепко ратью и посольским съездом», чтобы освободить город от шведов, но... (далее идет обычная в то время ссылка на божью волю. – Г. З.) «да коли чему бог велел быти, того нельзя было переменить». Наконец сообщали, что ныне послы «для покою хрестьянского» согласились на уступку города шведам, а духовным лицам «и дворянам,

---

¹² См.: *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. С. 310.

¹³ Наказ короля Густава Адольфа шведским комиссарам. 14.11.1615 г.: Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Новгород, 1911. Вып. 5, № 27. С. 84.

и детям боярским, и всяким служилым, и посадским, и уездным людям... приговорили волю, хто куды похочет». На этом основании царь увещевал жителей ехать в русские земли, обещая служилым людям дать поместья, вотчины и денежное жалованье, а торговым и уездным людям предоставить льготы и беспошлинную торговлю¹⁴. Как были приняты грамоты жителями городов, уступленных Швеции, сведений об этом у меня нет.

В то время, когда уже шли в Столбово переговоры между русскими и шведами о мире, в Москве узнали о ликвидации псковичами шведского шанца в устье р. Великой: с одной стороны сообщили об этом Д. И. Мезецкий с товарищами в отписке, доставленной в Москву 18 января 1617 г., с другой – написали о том же сидевшие «в немецком полону» в Новгороде «старорусские посадские людишки цренники саловары Ондрюшка Кузьмин сын Стеблев да Юшка Офанасьев сын Боровиков». Несомненно, это обстоятельство повышало шансы русских в борьбе за мир. Но рядом с этим разворачивались и другие события в Новгороде, под Смоленском и в Северских городах, ослаблявшие позиции русских. Рассмотрим их.

Джон Меррик с одной стороны, Я. Делагарди – с другой, известили о прелиминарном договоре и новгородцев. Грамота Я. Делагарди была получена в Новгороде 27 ноября 1616 г. В положении новгородцев после заключения договора перемен к лучшему не произошло. Шведы продолжали производить поборы, даже увеличили их. 22 декабря 1616 г. вышли из Новгорода в Тихвин к московским послам «посадской человек Петрушка Данилов сын Плавков да Солецкого погоста с Волхова дьячок Ондрюшка Никифоров». В распросе они между прочим показали: «как де Яков Пунтусов был в Нове городе и в те поры (примерно до половины августа 1616 г. – Г. З.) збирали салдатцких денег с митрополита и с монастырей по 350 рублей, а с посадцких людей по триста рублей на 10 ден. А как съехал Яков из Нова города, и после де его толмач Ирик (Erik Andersson) да посадцкой человек Томило Пристальцов наложили на посадцких людей салдатцких денег по 350 рублей на 10 ден, а збирали с них по 700 рублей на 10 ден», помимо шуб платья и других вещей. Как только Меррик известил через Юрия Родионова о состоявшемся между сторонами соглашении 20 ноября 1616 г., Т. Пристальцов «с тех мест на посадцких людей налоги наложил больши прежнего»¹⁵. Политическое лицо посадского Т. Пристальцова вырисовывается отчетливо. В 1613 г. Пристальцов – член Новгородского посольства в Выборг к герцогу Карлу Филиппу. Вернувшись в первых числах января 1614 года из поездки в Новгород, Пристальцов,

---

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1616 г. Д. 10.

¹⁵ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1616 г. Д. 10.

наученный шведами, повел агитацию, чтобы послы в Выборге присягнули королю, но последние отказались от этого. В 1616 году Т. Пристальцов (возможно, по настоянию шведских властей) становится пятиконецким старостой в Новгороде. После заключения Столбовского мира Пристальцов, продав насильно старостам свой двор и лавки в Новгороде за небывало высокую цену – 60 рублей, переселяется в шведские владения¹⁶. Таким образом, увеличение поборов в пользу шведов с новгородцев – дело рук прямого изменника.

Приведенные выше показания о поборах шведов в Новгороде подтверждаются и другими источниками (см. ниже).

Тяжелые налоги заставляли новгородцев изыскивать средства. Архимандрит Киприан и игумен Павел наказывали с отпущенной из Новгорода и приехавшей 14 декабря 1616 г. к московским послам княгиней Агафьей (женой умершего Ивана Ивановича Одоевского), чтобы послы «заплатили или велели князю Ивану Ульяновичу (Меррику – Г. З.) перевести на себя с новгородских людей в подати тысячу или полторы тысячи рублей». 27 декабря 1616 г. гости и пятиконецкие старосты Новгорода подали с разрешения «немецких приказных» «грамотку» Меррику; они просили английского посла дать им взаймы «тысячи с три и сколко» можно, чем бы им «до совершения доброго дела ратных людей воздержати». Тогда же обращаются к Меррику с просьбой дать денег и митрополит Исидор, и другие духовные лица. «А платим мы, – пишут они, – салдацких денег на десять ден опричь посаду по триста по пятидесят рублей, а денги будет дати генваря в 4 день» 1617 г.¹⁷

Просьбы новгородцев, однако, были тщетны: денег они ни от кого не получили, страдания их ничуть не уменьшились, а дело с заключением мира у послов не двигалось вперед. Безысходное положение, надо думать, и побудило митрополита Исидора с духовенством, дворян, дьяков и посадских людей Новгорода отправить тайно московским послам довольно резкую грамоту. Авторы грамоты горько сетуют на то, что дело с заключением мира у послов затягивается. Они указывают, что из-за непомерных поборов шведов и из-за мучений на правезах новгород-

---

¹⁶ Приговор митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613, июля 27 // Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 2, № 4. С. 5–8; *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди: Отношение подписавшихся с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к графу Якову Делагарди и шв. фельдмаршалу барону Карлу Гюлленельму. 1617. 23 мая: // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев. 1896. № 3. Отд. неоф. Документ № 12. С. 49.

¹⁷ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1616 г. Д. 10.

ские всякие люди: и попы, и торговые, и ремесленные люди, даже «отрадные людцы» (названы имена) – переходят на сторону шведов. На примере подьячего Григория Собакина, верно служившего сначала шведам, а затем начавшего радеть царю, и других, они показывают, какими жестокими мерами шведы принуждают русских к переселению в свои земли. Ходатайства митрополита перед шведскими властями в Новгороде не помогают. «А все, господа, – жалуются в грамоте, – делают не так, как говорят, но как им надобно, а мы им ни в чем не сильны». Со слезами авторы грамоты умоляют послов: «совершите в сих десяти днех и свободу нам учините и гонца своего **С. 13** пришлите, чем нам обрадоваться: либо еще, господа, людишка достальные отстоятца!». В дальнейшем у авторов вырываются горькие слова: «...и будет, господа, у вас на сих десяти днех по февраль доброе дело не совершитца, и нас не свободите, и нам однозначно быть убитыми в немецких во всяких податех». Они сознаются, что больше не в силах морально воздействовать на русских: «...елико нашей мочи было, крепили и уговаривали и держали всякими мерами, да во всем мы изолгались, что у вас доброе дело греха ради нашего продлилося, и нам уже и не верят, и впредь мочи нашей нет».

Грамота, по всем данным, была составлена между 21–31 января 1617 года. Кем она было доставлена Д. И. Мецецкому с товарищами, неизвестно. Послы направили грамоту в Москву. Кажется, она дошла по адресу 10 февраля. Правильно ли грамота отражает положение дел в Новгороде? В моих руках имеется источник, рисующий дела новгородцев после заключения прелиминарного договора уже не столь трагически – это тайная отписка сидевших в Новгороде в плену у шведов посадских из Старой Руссы – А. Стеблева и Ю. Боровикова. «Во 125 (1616) году на четвертой день Рожества Христова» (значит, 28 декабря) прислал к ним в Новгород государевых устрецких волостей «приказной Казарин Ондреевич Чоглоков» старорусского подьячего Ивана Васильева «проведать про немец» (шведов). А. Стеблев и Ю. Боровиков взяли подьячего «к себе на подворье и держали втаю два дни у ноугородца у посадцкого человека у Игнашка Конанова сына у шапочника в Славенском концы». С Иваном Васильевым и послана была ими отписка, вероятно, 31 декабря. В отписке читаем: «а в Нове городе немцы ноугородцем и всяким людем мир объявили и с правежей всяких людей спустили и никаких доходов правити не велели. А немцы свои всякие запасы провадят в свою землю, и подводы под немец и под запасы явлены и с монастырей и с митрополита и з города со всяких людей разложены».

Кому же верить? Московское правительство придавало больше значения грамоте митрополита, ссылок на отписку старорушан в делах не встречается. Думается, что старорушане-пленники были не так хорошо осведомлены по части поборов, взимаемых шведами с новгород-

цев, как новгородские власти, получавшие приказы непосредственно от шведских правящих лиц. Вывод отсюда один: следует поверить новгородской грамоте и признать исключительно тяжелое положение новгородцев.

Важные события происходили в то же время под Смоленском, на границе с Польшей. Начавшиеся было в 1615 году мирные переговоры между русскими и поляками были прерваны 1 июля 1616 г.¹⁸ Военные действия возобновились. По вестям воевод Михаила Бутурлина и Исака Погожего послан был с войском из Ржева в Дорогобуж Никита Борятинский. В ноябре войско достигло места назначения, но оказалось, что А. Гонсевский с ратью стал в Твердилицах (между Дорогобужем и Смоленском) и отнял все дороги от Смоленска. 6 января 1617 г. приказано было идти на соединение с Борятинским Ю. А. Сулешеву и С. Прозоровскому с 6000 войска¹⁹. Так военные действия против поляков развертывались шире и шире.

Тогда же на Северские города напали «черкасы литовские люди многие», они выжгли большой острог в Путивле, а потом захватили Оскол. Необходимость оказать помощь новгородцам и борьба русских с поляками и черкасами, разумеется, не могли не оказать влияния на ход переговоров о мире со шведами.

Нетрудно представить, какое беспокойство вызвала у московского правительства новгородская грамота. Уже 10 февраля 1617 г. состоялось заседание Боярской Думы по вопросу о заключении мира со шведами. Приговор Боярской Думы позволяет выяснить обстоятельства, заставившие московское правительство принять окончательное решение по такому важному вопросу (Прилож. № 3). О чем же говорили на заседании Боярской Думы 10 февраля 1617 года?

Вначале бояре констатировали, что шведские уполномоченные, зная, что в Московском государстве были «смута и рознь и межусобие и в безгосударное время всякое нестроенье и оттого в ... Российском государстве запустенье и ратных людей оскуденье, взмерились во всем перед прежним, как прежа сего бывало, возгордились и ищут государю своему чести и королевству его прибыли и перед прежним во всяких статьях повышенья», почувствовав, что «Российские государства бесильны», многие статьи договора изменяют и дело «длят и записи пи-

---

¹⁸ В действительности переговоры были прерваны в феврале 1616 г. 28 января состоялся последний съезд, а 3 февраля московские послы узнали, что польские комиссары уехали в Варшаву. В марте 1616 г. московские послы объясняли в Москве причины срыва переговоров. 1 июля 1616 г. царь указал воеводам М. Тинбаеву и Н. Лихареву «идти воевать литовскую землю». – Я. Р.

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. Изд. 4-е. М., 1885. С. 117. У С. М. Соловьева записано: «Юрию Яншеевичу Сулешову да стольнику князю Семену Прозоровскому». – Я. Р.

шут по своему обычаю», государевых послов заставляют списывать статьи со своей записи, вообще «Российские государства с свеиским королевством в ровенстве чинят, а проведывают того, что зделатца меж его государя с полским и литовским королем».

Если внимательно прочитать переписку московских бояр с Э. Горном в начале 1615 г., можно без труда заметить тенденцию у бояр вернуться к отношениям России и Швеции, какие были в XVI в., когда шведские короли заключали мирные договоры с наместниками Новгорода Великого. Изменившиеся условия в XVII в. вызывают у бояр недовольство: шведы «Российские государства с свеиским королевством в ровенстве чинят».

Замечание, что шведы «проведывают» об отношениях царя с польским королем, заставляет остановиться на войне Московского государства с Польшей.

Приговор Боярской Думы рисует военное положение России в довольно мрачном свете. «Олександро Госевский пришел под Смоленск со многими людьми и, прошедши Смоленск и его государевых людей, которые стоят под Смоленском, поставил острожки к Дорогобужу по сю сторону государевых людей острошков в Твердилицах и в иных во многих местах, и дорогобужской и вяземской уезд воюют и его государевых людей под Смоленском в острожках теснят». Бояре не забывают и о нападении на Северские города черкас: они «ныне стоят на Осколе».

«А промыслу над полскими и литовскими людьми мало», – признают бояре. Почему? «Потому что ратные люди не все против полских и литовских людей, многие стоят против свеиских людей». Иными словами, борьба с поляками безуспешна, потому что русским приходится вести борьбу на два фронта, дробить силы, а не концентрировать в одном месте. Надеяться на скорое прекращение войны с Польшей нет оснований. «Из Украинных городов воеводы пишут, что выходцы и языки и лазутчики сказывают, что на весне на государеву землю хочет быти сам полской король с королевичем со многими ратными людьми».

В прежние времена бывало так: когда шла война со Швецией, в то время Россия имела с Польшей «перемирье», «и рати все государевы бывали против свеиских людей», стояли «бояре и воеводы с полки в Великом Нове городе, во Пскове и во всех ноугородких пригородах, а послы государевы и свеиские съезжались на рубеже».

Ныне ситуация совсем иная, неблагоприятная для русских. «А ныне по грехом всего государства Новгород со всеми пригороды зашли за свеиского короля, и где преже сего стаивали государевы рати, и в тех во всех городах свеиского короля люди». Шведы захватили русские земли еще до воцарения Михаила Федоровича. «А достались Новгород с пригороды за свеиского короля до него, государя, в безгосударное время». Нынешний царь в этом не виноват.

Наоборот. «Ныне при нем, государе, по ссылке с ним, государем, свеиской Новгорода, Старые Русы, Порхова, Гдова, Ладоги ему, государю, поступаетца, толко с ним мир учинити».

Какую же линию взять при таких условиях? Совсем разорвать со шведами, возобновить войну (как с Польшей)? Нет! Эта возможность исключается. Бояре с глубокой грустью констатируют временное истощение сил Московского государства. «А толко с ним (шведским королем – Г. З.) миру не учинити и войною за изнеможением и оскуднем ратных людей не мочно у свеиского короля не токмо Нова города или пригорода новгородцкого, одное деревни взять, и против его за свою землю стояти обезсилели. Бояре не забывают и о тайной грамоте из Новгорода московским послам. Главная мысль грамоты передана в приговоре Боярской Думы в таких словах: «и государю-б вступитца не за них (новгородцев), за святую соборную церковь Софеи Премудрости божьей, чтоб того в разоренье и в запустенье не видети, велети с свеискими послы делати скорее, чтоб до конца Нова города и святых божьих церквей не разорили». Как же решать вопрос о мире со шведами: в отрицательном или положительном смысле? Бояре взвешивают выводы за и против.

В приговоре читаем: «...и толко ныне с свеискими послы розорвати, делать с ними потому не велети, и свеиской король в те ж поры, как полской и литовской король с полскими и литовскими людьми стоят на Московское государство, учнет с свое стороны на Московское государство стояти, а люди ратные в Нове городе и во всех ноугородцких пригородах, где преж сего государевы рати бывали, свеиского короля готовы, и Нов город и церковь Софеи Премудрости божьей будет тотчас в последнем разоренье, и государству от того чаяти всякого недобра, потому что люди надобны на обе стороны, а государство запустело, а служивые люди оскудели. А жалованья дати нечево и собрать не с кого: во всем Росииском государстве во всех городех всякие люди ото многово разоренья до конца оскудели». Бояре повторяют сказанное о разорении страны на заседании Земского собора 12 сентября 1616 г.

Наоборот, «толко с свеиским королем мир учинитца, и против свеиского ратные люди будут не надобны, а будут те все рати, которым было быти и против свеиского, на литовского короля и на полских и на литовских людей, и государева земля в то время от свеиского пустети не учнет, ратей государевых и свеиского в той стороне не будет». При данной постановке вопроса о мире положительное решение напрашивается само собой.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что сознание невозможности при временном истощении Московского государства вследствие длительных войн и внешних и внутренних – вести борьбу одновременно на два фронта (против поляков и против шведов) и необходи-

мость высвободить вооруженные силы, стоявшие против шведов, для борьбы с Польшей, заставили Московское правительство в 1617 г. пойти на уступку Швеции ряда городов и уездов и подписать Столбовский мир.

Стоит поставить вопрос: а героическая оборона Пскова от шведов в 1615 и 1616 г. разве не говорит о том, что силы русского народа еще не иссякли? Да. Но правительство Михаила Романова не решалось обратиться к народным массам. Оно наоборот, стремилось усмирить эти массы (зачеркнуто: подавляло, вело борьбу с этими массами)²⁰. С другой стороны, благодаря усилиям Б. М. Лыкова, часть казаков, действовавших на Севере, принесла повинную царю.

Успехи правительства в этом направлении даже привлекли внимание шведов в Новгороде. Василий Кривской, отправленный Д. И. Мезецким с товарищами с грамотой послов в Новгород к шведским комиссарам, по возвращении из поездки 15 сентября рассказывал, как после передачи грамоты Мортенссон приказал отвести Кривского «к себе на подворье». «И на подворье у себя за ужином велел его Монша спрашивать толмачю: чем де государь ваш осилел казаков многих людей? Где де он столько людей взял? А почнете де у государя вашего бои с литовским да и с нашим королем. А он деи в те поры своих смиряет»²¹.

Есть основание думать, что правительство Михаила Романова, пришедшее к власти при поддержке широких народных масс, через несколько лет превратилось в защитника интересов господствующего класса – феодалов. Осенью 1615 г. оно мобилизует армию во главе с Федором Шереметевым для помощи Пскову, осаждаемому шведами, из феодалов.

Вглядимся пристальнее, какие местности Московское правительство уступило по мирному договору. К Швеции отходила Корела с уездом. Но Корела с уездом была уступлена Карлу IX еще Василием Шуйским в 1609 году. Швеция получила Ивангородской, Ямской, Копорский уезды. Как выяснено недавно И. П. Шаскольским, «южная граница территории, отошедшей к шведам, от реки Наровы до Ореховского уезда, прошла в 1618 г. по той же линии, что и за 35 лет до этого в 1583 г.» (по Плюсскому перемирию). Стало быть, тут правительство царя Михаила чего либо нового не допускало. Новостью в Столбовском догово-

---

²⁰ Зачеркнуто: «подавляло, вело борьбу с этими массами». Зачеркнуто: «Не надо забывать, что правительство Михаила Романова сумело справиться с Иваном Заруцким и Мариной Мнишек, засевшими в Астрахани. У меня в голове сидит мысль, что это правительство, придя к власти при поддержке широких масс, уже через несколько лет превратилось в правительство класса феодалов... Этот вопрос требует разысканий».

Зачеркнуто: «Оно стало даже преследовать феодалов за разговоры о казаках (Новомберский. Слово и дело государево)».

²¹ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1615. Д. 9.

ре была уступка Швеции Орешка с уездом, через который протекала река Нева, связывавшая русские области с Балтийским морем. Известно, что при переговорах о мире в 1585 и 1586 гг. русские решительно отвергли предложение шведов – уступить им Ореховский уезд. В 1616–1617 гг. Московское правительство вынуждено было согласиться на такое же требование шведов. В результате, если Россия «после Плюсского перемирия сохранила за собой значительный участок побережья Финского залива с устьем Невы», то в 1617 г. с уступкой Ореховского уезда Швеции Россия лишалась р. Невы на всем ее протяжении и оказалась отрезанной от Балтийского моря²². Несомненно, Столбовский мир для России был тяжелым миром. Недаром П. П. Шафиров в известном своем «Рассуждении», выясняя законные причины «к начатию войны» Петром I против Швеции, выставлял прежде всего «древние» причины: Петру надо было отобрать «отторгнутые свои наследные провинции от короны шведской»: Карелию и Ингрию или Ижерскую землю», захваченные шведами в начале XVII в.²³

Стоит подчеркнуть, что русские заключили со шведами в 1617 году вечный мир, тогда как с поляками было заключено в 1618 г. лишь перемирие на 14,5 лет. Надо думать, что в начале XVII в. противоречия между Россией и Швецией были не столь непримиримы, как противоречия между Россией и Польшей. А. Оксеншерн писал королевским послан 15 ноября 1615 г.: «Я думаю, что наши взаимные обиды (обиды русских и шведов – Г. З.) не так велики, как с другой стороны» (т. е. между русскими и поляками – Г. З.).²⁴ В этих словах есть доля правды.

Уместно поставить вопрос: насколько отвечал Столбовский мирный договор видам шведского правительства во главе с королем? Ответ получим, если сравним текст договора с инструкциями короля шведским уполномоченным, данными в 1614 и 1615 гг.

Принцип, каким руководились в это время правящие круги Швеции, формулирован А. Оксеншерной: «Для государства (Швеции – Г. З.) полезнее протягивать свои руки как можно дальше и выступать против врага на вражеской земле»²⁵. В полном соответствии с этим принципом и была составлена инструкция уполномоченным для переговоров с русскими о мире Э. Горну, Е. Андерссону и Монсу Мортенссону, данная в Нарве в октябре 1614 г. после побед, одержанных шведами при Брон-

---

²² Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны совсем отрезана от Балтийского моря? // Истор. зап. Вып. 35. С. 299–303.

²³ Цит. по: Грабарь В. В. Первая русская книга по международному праву («Рассуждение» П. П. Шафирова) // Вестник Московского ун-та. 1950 г. № 7. С. 105.

²⁴ Сб. НОЛД. Вып. 5. С. 88.

²⁵ Сб. НОЛД. Вып. 5. С. 89.

ницах и у Гдова, в момент, считавшийся руководящими силами Швеции наиболее подходящим для начала мирных переговоров с Россией. Г. В. Форстен называет эту инструкцию «замечательной».

В качестве первого условия мира король требовал от русских уступки на вечные времена Новгорода со всей областью. Комиссары должны были представить дело так, будто бы шведы захватили Новгород Великий в то время (в 1611 г.), когда на Руси не было никакого определенного правителя, «кроме сына польского короля» – явного врага Швеции. Стремление короля превратить Новгород в свое владение навеки, подтверждается и другим бесспорным фактом: в течение полтора года Я. Деллагарди, а особенно Э. Горн принуждали (но тщетно) новгородцев к присяге на имя короля и к унии со Швецией, наподобие унии Литвы с Польшей 1569 г. (См. об этом статью В. А. Фигаровского. Статья не дает полной картины и не свободна от ошибок)²⁶.

Согласно инструкции 1614 г. комиссары должны были потребовать от русских также уплаты контрибуции – 50 бочонков золота полновесной государственной монетой. Комиссары могли согласиться на рассрочку уплаты этой суммы (на пять или на шесть лет), но в таком случае потребовать от русских в качестве залога «город Псков со всем к нему принадлежащим». Если русские отвергнут это требование, комиссары должны настаивать на уступке Швеции на вечные времена Новгородской земли вместе с Гдовом. Должны быть подтверждены мирные договоры в Тязвине 1595 г. и в Выборге 1609 г. В случае, если русские откажутся отдать шведам «всю Новгородскую землю», а предложат уступить «лишь несколько пограничных укреплений», комиссары должны заявить, что других полномочий у них нет, они могут заключить с русскими перемирие на три или четыре месяца²⁷.

Позволительно твердо заявить, что правящие лица Швеции после побед при Бронницах и у Гдова «протягивали свои руки» не только к Новгороду Великому, но и к Пскову, во всяком случае – к Гдову. Псков представлялся королю форпостом всех шведских владений в Лифляндии и Финляндии²⁸. Шведы хотели иметь на востоке границы по р. Волхову и по Чудскому озеру. О стремлении шведов превратить Псков в свое владение недвусмысленно говорят их походы к Пскову в 1615 и в 1616 гг.

---

²⁶ Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 58–85.

²⁷ Сб. НОЛД. Вып. 5. № 14, С. 40–42; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). Т. 2: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894. С. 134.

²⁸ Форстен Г. В. Указ. соч. Т. 2. С. 121.

Познакомимся теперь с содержанием беседы о мирных условиях канцлера А. Оксеншерны с голландским послом А. Иоахими в королевском лагере под Псковом 22 октября 1615 г. (новый стиль). Прощаясь с послом, канцлер заявил, что король удовольствуется уплатой ему 70 сот тысяч (7 миллионов) рейхсталлеров. За это он готов очистить все города и местности, занятые им в России, исключая приморские города и Кексгольм (Корелу). На вопрос Иоахими, какие именно места под именем «приморских», король желал бы удержать за собой, канцлер отвечал, что на этот счет даны подробные инструкции комиссарам. По заявлению А. Оксеншерны, «мысль короля заключается в удалении русских от Балтийского моря и Финского залива, потому что торговля, которую русские ведут в этих странах, неоднократно подавала повод к недоразумениям между двумя нациями... Если король этого добьется и получит 7 миллионов рейхсталлеров, он откажется от всех городов, замков и принадлежащих к ним земель, включая Ивангород, но с условием, что эта крепость будет скрыта и не будет восстановлена»²⁹.

Из беседы можно сделать заключение, что правящие лица Швеции, стремясь отеснить Россию от Балтийского моря, хотели утвердить свое господство на этом море и жаждали получить от русских огромную контрибуцию. Таковы были притязания шведов к России в октябре 1615 г.

Рассмотрим еще инструкцию короля комиссарам, данную в Нарве 14 ноября 1615 г. уже после снятия осады Пскова. Об уступке русскими Пскова Швеции в инструкции нет ни слова. Зато король, несмотря на заявление комиссаров, что шведам невозможно удерживать дальше в своих руках Новгород, Старую Руссу, Порхов, предписывает, чтобы комиссары «старались, насколько возможно», удержать за Швецией Новгород. Король не прочь иметь опору на севере, получить во владение и Колу. Ивангород ни в коем случае нельзя отдавать русским³⁰.

Таков был окончательный ответ короля на вопросы комиссаров об условиях мира из Романова (комиссары прибыли в Романово 16 октября 1615 г.). Из трех разобранных источников ясно видно, что правящие круги Швеции больше всего желали удержать за собой Новгород Великий, Гдов и получить с русских контрибуцию.

А что вышло на деле? Три статьи, выработанные посредниками в Дедерино³¹, следует рассматривать как дипломатическое поражение Швеции: ведь какую статью из трех ни взять, все равно Швеция должна была уступить России Новгород Великий. Равным образом, и размер контрибуции, возлагаемой на русских посредниками, далеко не соот-

---

²⁹ Донесения нидерландских посланников... // Сб. РИО. Т. 24. С. 57–59.

³⁰ Сб. НОЛД. Вып. 5. С. 83–86.

³¹ Сб. РИО. Т. 24. С. 283–288.

ветствовал объявленной А. Оксеншерной цифре. Нельзя не поставить это дипломатическое поражение Швеции в связь с провалом похода шведов под Псков в 1615 году.

Прелиминарный договор 20 ноября 1616 г. явился новым дипломатическим поражением Швеции. Как говорилось выше, по этому договору к Швеции отходили Ивангород, Копорье, Ям, Орешек с уездами. Мы уже знаем, что инструкция короля в октябре 1614 г. предписывала комиссарам в случае, если русские откажутся отдать шведам « всю новгородскую землю », а предложат уступить лишь « несколько пограничных укреплений », заявить, что у них нет других полномочий, иными словами, прервать переговоры (см. выше).

Я. Делагарди, Генрих Горн и А. Теннессон, несомненно, знали пункты этой инструкции, но не имели возможности выполнить их. Это было результатом нового поражения шведов под Псковом в 1616 г. (см. выше). Военные неудачи шведов неизбежно влекли за собой их дипломатические поражения. А сумма в 20 тыс. рублей, которую шведы по договору 20 ноября должны были получить от русских в виде контрибуции, представляется смехотворной по сравнению с цифрой в 7 миллионов рейхсталеров, объявленной в откровенной беседе с А. Иоахими шведским канцлером.

Недовольство короля прелиминарным договором 20 ноября 1616 г. проявилось в одном мелком деле. 17 января 1617 г. король получил от комиссаров из Ладоги донесение о состоявшемся соглашении, датированное 18 декабря 1616 г. Оказывается, комиссары не уведомили короля о договоре почти месяц! Это симптоматично!³² Спустя неделю (23 января) король особой грамотой пожаловал из 20 тысяч рублей, уплачиваемых русскими, Я. Делагарди 1500 р., Генрику Горну и А. Теннессону по 1000 р. каждому, Монсу Мортенссону 500 р.³³ в общем четыре тысячи рублей. Интересно, что сумма, пожалованная Я. Делагарди, была вдвое меньше суммы, испрашиваемой главой комиссаров; известно, что Я. Делагарди письмом к А. Оксеншерне из Ла-

---

³² Примечание публикатора. Следует выяснить, где находился король Густав Адольф в это время (декабрь 1616 – январь 1617 г.), и могли ли гонцы из Столбово приехать к королю раньше? Маршрут Столбово – Ладога – Орешек – Невское устье – Выборг (или Нарва) для гонцов составлял 3–4 дня, но если король находился в Швеции, то намного больше. Известно, что 29 декабря 1616 г. король писал письмо Я. Делагарди из Йончёпинга, а 26 февраля 1617 г. – из Эребру. См.: *Lossius J. Die Urkunder der Grafen de La Gardie in der Universitats bibliothek zu Dorpat. Heransgegeben von Johannes Lossius. Dorpat, 1882. S. 86.* Поэтому можно считать, что в январе – феврале 1617 г. король находился в Швеции. – *Я. Р.*

³³ *Samling af urkunder rörande Finlands historia. D. V. Helsingfors, 1878. № 469.*

доги 20 декабря 1616 г. просил канцлера исходатайствовать ему одному из 20 тысяч рублей три или даже четыре тысячи рублей³⁴.

Неудовлетворение полностью просьбы Я. Делагарди – признак немилости короля к наиболее «снисходительному» к миру с русскими шведскому военачальнику. Причиной немилости был, надо думать, прелиминарный договор 20 ноября 1616 г.

Военные неудачи шведов под Псковом в 1615 и 1616 гг. – показатель не только мощи русского народа, это вместе с тем показатель истощения сил самой Швеции. Она также нуждалась в мире с русскими. На это обстоятельство прямо указывал А. Оксеншерна в листе комиссарам из Нарвы 15 ноября 1615 г.³⁵ Истощение Швеции заставило шведское правительство пойти в свою очередь на уступки русским и подписать Столбовский мирный договор.

По мирному договору Швеция не получила ни Новгорода с областью, ни Пскова; Гдов оставался в руках шведов лишь на время, пока не будет закончено межеванье. Планы правящих кругов Швеции установить границы по р. Волхову и овладеть Чудским озером рухнули. Мало того. Шведам не удалось приобрести ни одного пункта у Ледовитого океана. Кола, как была, так и осталась за Москвой. Руки Швеции оказались коротки. Об уступленных Швеции русских городах и уездах сказано выше.

26 августа 1617 г. при открытии риксдага в Стокгольме король произнес речь о мире с Россией. Изложенные выше факты позволяют по-иному интерпретировать эту речь, не так, как это было принято у историков дореволюционного времени. Король говорил о «великой и блестящей победе» над русскими и о «превосходном мире», последовавшем за победой; он указывал на значение территориальных приобретений в первую очередь для дела обороны Швеции, а затем для экономического развития страны. Прежде Россия граничила со Швецией на большей части территории, прилегающей к Балтийскому морю. Это соседство было не только губительно для Швеции в военное время, оно вызывало досаду и в мирное время. Ныне «могущественный сосед» оттеснен назад. По мирному договору Ингерманландия и Кексгольмский лен переданы Швеции. Шведы получили надежную границу в Финляндии и Эстляндии. Финляндия отделена от России Ладожским озером, столь же широким, как пролив между Швецией и Аландом или между Эстляндией и Нюландом (поясняет король); ни один поляк не переправится через него. Король надеется, что и «русским будет трудно перескочить через этот ручеек», а если это и произойдет, то крепости Кексольм и Нетеборг (Корела и Орешек), хорошо укрепленные и строениями и са-

---

³⁴ Rikskansleren A. Oxenstiernas skrifter och Brefväxling. II, V. S. 121.

³⁵ Сб. НОЛД. Вып. 5. С. 88.

мой природой, преградят путь в Финляндию. Равным образом по мирному договору Эстляндия приобрела естественные границы с Россией. Теперь Эстляндию защищают не только крепости Нарва (Ругодив) и Ивангород, но и озеро Пейпус (Чудское) и вытекающая из него р. Нарва. В случае войны с Россией по Неве, Ладожскому озеру и Волхову шведам легко перебросить войско к Новгороду, по р. Свири не трудно достичь Онеги; по р. Нарве и по Пейпус-озеру можно добраться до Пскова. Наоборот, Россия совершенно отрезана от Балтийского моря. Русские без воли шведов не могут проникнуть туда ни на одном боте, и, значит, не в силах напасть ни на Швецию, ни на Финляндию. В дальнейшем король обратил внимание членов риксдага на открывшуюся для шведов возможность развивать Нарвскую торговлю; раньше этому мешали русские. Благодаря торговле доходы Швеции несомненно увеличатся.

Король представляет в речи все в розовом свете. Он не обронил ни слова о неудачных походах шведов к Пскову в 1615 и 1616 гг.; ни словом не обмолвился и о дипломатических поражениях Швеции. Речь короля освещает дело односторонне. Принимать ее за чистую монету историку нельзя³⁶.

В Хрестоматии по истории средних веков под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина речь короля воспроизведена из труда Г. В. Форстена, с сохранением ошибок, допущенных историком³⁷. У Форстена и в Хрестоматии утверждается, что р. Нарова впадает в Пейпус-озеро, на деле Нарова вытекает из Чудского озера, а впадает в Балтийское море (она течет с юга на север). Составители Хрестоматии напрасно выдают изложение речи короля Г. В. Форстеном за «документ». Форстен дал не перевод речи короля, а только изложил ее содержание.

Бесспорно, немалым успехом Швеции в 1617 г. было отеснение России от Балтийского моря. В их руках находился теперь «контроль над выходом русских торговых путей в Балтийское море с вытекающими из этого стратегическими и торгово-политическими преимуществами и перспективами». Этого результата шведы добивались еще «со времен Эрика XIV» (1560–1568). План Карла IX захватить также русский торговый путь вокруг Скандинавского полуострова, заняв Колу

---

³⁶ Я пользуюсь изданием «Ur konung Gustaf II Adolfs skrifter». Stockholm, 1898. S. 16–21; *Соловьев С. М.* История России. Т. 9 (изд. 4). М., 1885. С. 112. Речь короля полнее и правильнее изложена Г. В. Форстеном. См.: *Форстен Г. В.* Указ соч. Т. 2. С. 148–150.

³⁷ Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3. С. 138–139.

и др. местности на Кольском полуострове, оказался неосуществленным³⁸.

Хорошо известно, что установленная в 1618 г. граница между Россией и Швецией была исправлена лишь Петром I: по Ништадтскому миру 1721 г. Россия снова получила выход к Балтийскому морю, без чего она не могла развиваться нормально. В остальном речь короля – это ни более, ни менее, как приукрашивание, «переоценка военных успехов Швеции». Это попытка оправдаться перед риксдагом, который еще в 1614 г. настаивал на мире с Россией, притом на условиях, сходных с условиями Столбовского мира.

Вопрос: чем объяснить активное участие Англии в переговорах о мире между Россией и Швецией в начале XVII в.? Этот вопрос требует специального изучения. Пока отметим одно: во время переговоров Меррик поддерживал Россию, т. е. страдающую сторону. Справедливость жалобы Я. Делагарди в письме к А. Оксеншерне из Глебова 10 января 1616 г. на то, что Меррик пристрастен к русским³⁹ можно подтвердить рядом актов этого английского посредника.

Не забудем и того, что при заключении прелиминарного договора 20 ноября 1616 г. в Ладогe Меррик выступает как «Великой Британии благоустановленной посол и посредник, во имя от его царского величества»⁴⁰.

Ясно, что усиление Швеции на Балтийском море было не в интересах Англии. Швеция могла мешать в первую очередь торговым связям Англии с Россией. О бескорыстии в действиях Меррика по отношению к России, конечно, не может быть и речи.

---

³⁸ *Андерссон И.* История Швеции / пер. с шведского Н. А. Каринцева; под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М., 1951. С. 177.

³⁹ Rikskansleren A. Oxenstiernas skrifter och Brefväxling. II, V. S. 85.

⁴⁰ *Лыжин Н. П.* Столбовский договор... Прилож. № 3. С. 116.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. 1 (Л. 34) Приложение № 1

Известия о ликвидации шведского шанца в устье реки Великой в декабре 1616 г.

1. 7 января 1617 г. псковские воеводы Иван Плещеев, Сергей Собакин и дьяки Василий Корин и Четой Оботуров прислали Д. И. Мезецкому с товарищами с новгородским сыном боярским Докучаем Харламовым отписку с изложением военных операций под Псковом. Послы подвергли Д. Харламова расспросам. Выяснилось, что Д. Харламова отпустили из Пскова 27 декабря 1616 г., ехал он «на Дубровку да на Порхов да на Новгород». Полученные вести послы передали в отписке царю; она была доставлена в Москву 18 января 1617 г.

Послы сообщали о постройке Юлленхельмом острожка в десяти верстах от Пскова по течению р. Великой и о том, что фельдмаршал после того «ото Пскова отшел, а в городке оставил неметцких людей конных и пеших семьсот человек». Приводим дальнейшее дословно:

«И твои де, государь, люди пришед изо Пскова, неметцких людей в городке осадили накрепко, а было де твоих государевых людей под городком тысячи с три, а голова у них пусторжевец Григорей Бобров, и ис того де городка передалось неметцких людей на твое государево имя в розных числах сто дватцать человек, а иных де, государь, многих неметцких людей побили, а иные с голоду в осаде померли, а достальные де, государь, неметцкие люди, истерпя великого голоду, присылали к твоим осударевым людем многижды бити челом, чтоб их из городка выпустили, а то де, государь, они твоим осударевым людем сказывали, что свеиские послы с нами, холопи твоими, о мирном постановеньи договор учинили, и твои де государевы люди им в том веры не няли, над ними промышляли. А как де, государь, учинилась твоим государевым людем весть, С. 2 (Л. 35) что тем неметцким людем идут на выручку из Юрьева из Ливонского неметцких людей пять сот человек салдат, и твои де государевы люди, договорясь с ними, выпустили их из городка до Рожества Христова за две недели с полтретья ста человек, а целовал де, государь, неметцким людем крест от твоих государевых людей голова Григорей Бобров на том, что, государь, их выпустити всех, а не побити, и проводить их до рубежа, а от них де, государь, целовал по своей вере евангилье ротмистр их Берн на том, что им идти до рубежа, не грабити и не побивати».

По сообщению послов при взятии шведского острожка в устье р. Великой псковичи захватили «немецкого медного наряду четыре пи-

щали полуторных да шестнадцать пищалей полковых да четыре пинарды да десять бочек болших береманных зелья», наконец, «поимали их неметцкие суды с паарусы, на чом они пришли».

2. В тайной отписке посадских людей из Старой Руссы, сидевших в плену у шведов в Новгороде, посланной со старорусским подьячим Иваном Васильевым 31 декабря 1616 г. (см. стр. 355) об операциях под Псковом говорится: «А вестей, государь, у нас: в Нове городе немец немного, пеших и конных сот с пять толко бы и было, а оставлены для сторож и караулов, а иные немцы в Ладоги на послованьи, а Яков (Делагарди) в Ладоги болен. А иные немцы посланы были подо Псков, и ис тех немец взяли в Ладогу для послованья, а досталных подо Псковым в острожке псковские люди осадили и побили, а иные деи немцы отъехали во Псков на твое осударево имя. И как немец подо Псковым в острожке осадили, и на выручку было послано наемных людей три прапора, и как тех людей подо Псковым в острожке побили, и тех наемных людей ис Порхова воротили в Новгород, и в Нове городе те наемные люди стояли девять ден, и по немецкому приказу велели **С. 3 (Л. 36)** им дати городом хлебов на сто на дватцать рублев и отпустили их в свою землю. А немцы говорят: нам де наемные люди теперь не надобны, потому что де и у нас с московским государем мир ставитца». (РГАДА. Сношения со Швецией. 1617 г. № 1).

Приложение № 2

Тайная грамота из Новгорода Д. И. Мезецкому с товарищами об ускорении заключения мира со шведами 21–31 января 1617 года

«От благовернаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси самодержца великим послом князю Данилу Ивановичю, Алексею Ивановичю, Николаю Никитичю, Добрыни Семеновичю, государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси самодержца богомолец смиренный Исидор митрополит с архимаритом и со игумены и со всем освященным собором, и з дворяны, и дияки, и со всеми посадцкими достальными людишками бога молим и челом бьем. Писали, господа, вы к нам, чтоб нам всяких людей уговаривати и быти-б всем людем по божьей милости на милостивое царское призрение надежным, и доброе дело у вас совершится вскоре. И мы, господа, о том велми возрадо(вали)ся и воздали всесилному и в Троицы славимому богу (хва)лу, чтоб всемилостивый Христос бог наш по своей великой и неизреченной милости то начатое дело совершил вскоре; и многих, господа, мы всяких людей уговорили

было и на свои души по вашему писму взяли и ожидали со дни на день вашему доброму делу свершения и себе свободы вскоре. Да грех ради наших дело у вас продлилося и стало не так, как нам вы приказывали и писали; и все люди истощали и на правежи на смерть побиты и друг другу спомочи не могут, все **С. 4 (Л. 37)** издалися, которые и нарочитые людцы были; а от прежних всяких податей и от салдацких денег ништо не убыло, и пришли люди во отчаяние, дати стало нечево, а на правежи муки не перетерпеть. И пошли на их немецкую половину всяких чинов люди, и попы, и торговые (ре)месленные люди, прибалося уж болши ста человек, которые были и отрядные людцы Ивантии Сергиев, Офона лесовик, Степанк(о) Соболев и прочие таковые, неистерпя мучения на правежи, бьют челом немцам, а иных силою емлют, и татарских жон везут, которые к государю отъехали, и посадцково тяглого человека изневолили Ивана Воскобойникова вязмитина, был в тягле з денги, и Ирик на нем велел правити з гроша сто сорок рублей по Томилкину научению; и неистерпя дал челобитную им, а после того нам бил челом и челобитную за своею рукою подал, чтоб нам ево не выдати: «утесня деи надо мной так зделали, а не моим хотением». А генваря, господа, в 17 день толмач Ирик Андреев подъячево Григорья Собакина, ввечеру взяв, и держал ево у себя за пристава и тот вечер перед боярином Карлом Карлусовичем ево ставил; и спрашивали ево: «для деи чево ты не готовисся ехать и жены своей и детей не от пущаешь в Копорью? А нам де о том прямо ведом учинился, что ты ехати к нам не хочешь». И он прошал до Монши сроку, и они ему отказали. И на другой ставке перед боярином Ирик ево ставил, бив у себя в хоромах перед Баженом толмачем, иссець ево хотел. И накрепко ево боярин допрашивал: «едешь ли или нет?». И Григорей отказал: «не еду-де, потому что по милости божией меж государей доброе дело мирное постановление учинилося, и о том де писано от третьево князь Ивана Ульяновича к митрополиту и ко всему священному собору и ко всяким людем и в договоре крепком у послов то есть: которые руские люди не похотят, и их всяких людей силою не вывозити, и жен и детей и животов «не грабити и **С. 5 (Л. 38)** насилства никакова не чинити; и я деи ныне государю королю и бояром о том бью челом, чтоб деи мне, Грише, пожаловал дал поволность ко государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Руси самодержцу и к своей природе; а государь король, будучи подо Псковом, говорил, что никово сильно не держати; и на чем ныне доброе дело совершилося». И боярин Карло ему отказал: «нам деи тебя не отдавать от себя». И в ночи к девятому на десять числу утесня его всякими мерами и взяв ево Ирик ис Каменного города к нему на двор и живота его досмотря з боярским дворецким да з Баженом толмачем да с Томилкою Присталцовым, и ево велели з женою з детми пометати в сани и отпустить в Копорью тотчас. «Или крест целуй, и живот твой там тебе отда-

дут как ты съедешь к нам». И он деи сказал: «век деи свой невольное крестное целованье не живет». И в 19 число изутра изневолили его крест себе целовать толмач Ирик да Бажен втайне без русских людей. И привел его к крестному целованью того дни после стола ко мне, митрополиту на собор приехал Карло об нем говорити, что он крест целовал бутто волею; а Григорей нам бил челом; чтоб нам за нево стать; да мочи, господа, нашей нет. И мы королевским воеводам о том били челом и говорили и грамоту третьево великово посла князь Ивана Ульяновича показывали, что ноябрь с 21-го числа, покаместа меж государей доброе дело совершится и государя нашего царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца воеводы к принятию града будут, насилства и грабежу вам не чинити и людей в Свею не свозити и отдать в царского величества сторону которые города по договору со всем, что ныне в них есть, с 21-го числа ноября. Да мы ж им били челом и говорили боярину Карлу и Анц Бою («боярин Карл и Анц Бой» – шведские наместники в Новгороде в 1616 и 1617 гг. – Г. З.), чтоб они всяких людей никово русково человека до тех мест не сводили в Свею, пока государя нашего воеводы и третей великий посол **С. 6 (Л. 39)** князь Иван Ульянович будут здесь в Нове городе; и тогда будет праведно, кто похочет волею и кто не похочет, и они сами скажут о себе; а теперь от бед и боязни всяк бьет челом, а не истинною. И воеводы и приказные люди немецкие нашего челобития не слушают, а отказывают нам: мы – деи насилства не чинили ничево; а бес чево деи быть не уметь, и нам де где што взять? Не от нас, деи то делаетца: все от ваших: ваши деи тянут. И ничево деи мы не вывозим теперь». А все, господа, делают не так, как говорят, но как им надобно; а мы им ни в чем не сильны. И все то, господа дурно чинится от продления доброму делу за наш грех; им, господа, все впредь идет, а нам к концу и на нас кручину жестоко полагают и устраивают нас всякими мерами, что мы им о том докучаем, и о правде говорим встречно. Смилуйтеся, господа, бога ради! Покажите милость, поболезнуйте по царскому милостивому призрению к нам нищим, хотя уже не для нас бедных плененых досталных людишек, но для соборные и апостольские церкви Софеи премудрости божии и великих Чудотворцов и Чудотворных мошей святых! Со слезы вам, своим господам, челом бьем. Совершите в сих десяти днех и свободу нам учините и гонца своего пришлите, чем нам обрадоватися; либо еще, господа, людишка достальные остоятца. Видим мы, господа, и сами, что нам уже всем конец здесь, а и к государю все к убыли: наряд вывезен весь, колокола также, иные таем, а иные заводом покупаючи дешевою ценою. Ничево, господа, не осталось: ни церковных кузней, ни окладов, ни сосудов; толко Софеиские колокола да на Торговой стороне, и то не все. И нам, господа, быть всем и досталным от мала до велика в тягле и в подводах на смерть убитым. Да и под те люди, которые едут на их сторону,

правят на нас семидесят **С. 7 (Л. 40)** подвод. И будет, господа, у вас на сих десяти днех по февраль доброе дело не свершитца, и нас не свободите и нам одноконечно быть убитым в немецких во всяких податех; а мы, господа, чисты своими душами, в нашем сердечном радении бог зрит, еже к государю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Руси самодержцу и к вам, господам, к своей природе православным христианом; елико нашей мочи было, крепили и уговаривали и держали всякими мерами; да во всем мы изолгалися, что у вас доброе дело греха ради нашего продлилося, и нам уже и не верят, и впредь мочи нашей нет. А ныне, господа, пришла конечная беда: глад и всякая скудость от тесноты. Да еще, господа, пронеслося, бутто у вас еще отсрочка и (от)тово и досталь людишка в отчаяние пришли и побрели на их сторону. А весь, господа, город в окладе лежит с московской гривны, а правят с новгородки на всяку десять ден по семидесят рублей кроме подвод. И вам, господа, пишем сие писаненце со слезы последнее все истину, а не ложь никако.

И пожаловати-б вам тово ж человека к нам отпустить тотчас с прямою вестию. А челобитчиком, господа, нашим сказали вы так прямо: «деи у нас совершитца доброе дело тотчас; потерпите де дней з десять». И уже, господа, третьяа десять дней идет, и нам всем пришел от великих бед конец; уже, господа, до тово дошло, что и на Торговой стороны по церквам обрали всяку казну и оклады и свечи и тем оплатили нынешнюю десять дней для того, чтоб и досталь люди к ним все не пошли. А в том, господа, вас бог судит, что вы денег не прислали и не перевели ничево и помочи нам бедным никакие не учинили; и от тово многие люди пошли на их сторону. Словом, господа, жалуете, тешите, а делом не ... (бы)вало ничто; все ставитца ложь. А от королевских бояр и воевод милости нет, к концу ведут все; а которые людцы нарочиты были, и тех продают всякими мерами, устраивая вывозом. Истинно, господа, **С. 8 (Л. 41)** будет у вас на сих днех не свершитца доброе дело, и досталные людишка пойдут к ним все. А хотя, господа, в нашем сем писме помнитца и грубо, и вам бы на нас не подивить: пишем от великие горести и слез. А о Григорье-б вам пожаловати говорити третьему и об иных, чтоб он грамоту прислал в Великий Новгород руским писмом с обеих сторон за вашими посолскими руками, чтоб Григорья и иных не свозили, и насилства б никоторово им от немецких людей не было; а ныне Григорью Собакину от них утеснение великое, и живот ево Ирик послал на Копорье инваря в 20 числе; а ныне жену ево посылают тотчас и самово за женою.

И вам, господа, пожаловати грамоту об нем послати спешно и об иных; а то знатно, что они за нево стоят гораздо, чтоб он на Руси не был для себя им впредь. А которые грамоты от Якова приходят к немецким воеводам немецким писмом, и нам про то прямо не сказывают. А пожа-

ловати-б господя, вам сею наш(ею) грамотою свииским послом не говорить и не объявляти, а говорили-б те статьи иными мерами, как вас бог вразумит; а как сведают они, что мы писали к вам, и нас, и тех людей, о ком мы писали, и досталь погубят всех; то вы, господя, и сами разумеете. А милость святые неизреченные Софеи Премудрости божи и великих чудотворцев новгородских молитва и нашего смирения благословение да есть будет со всеми вами всегда и во веки.

Архимарит Киприан руку приложил⁴¹.

Антониева монастыря игумен Павел руку приложил.

Семен Лутохин руку приложил⁴².

Григорей Муравьев руку приложил.

Василей Трусов руку приложил⁴³. Богдашко Шорин руку приложил. Пятой Григорьев руку приложил⁴⁴.

На обороте 1-го сстава: Великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии самодержца великим послом князю Данилу Ивановичю, Алексею Ивановичю, **С. 9 (Л. 42)** Миколаю Никитичю, Добрыне Семеновичю.

На пяти сставах.

РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1617 г. Д. 2.

Грамота из Новгорода московским послам была написана в последнюю декаду января 1617 г. В грамоте сообщают, что имущество («живот») Григория Собакина «Ирик (шведский переводчик) послал на Копорье инваря в 20 числе».

Значит, грамота составлена уже после 20 января.

С другой стороны, из отписки послов в Москву от 3 февраля 1617 г. известно, что генваря в 31 день писали к ним из Новгорода митрополит и всяких чинов люди грамоту, а в ней пишут нестерпимые свои нужы и гонения и правежи от немец».

Значит, 31 января грамота уже была в руках московских послов.

Следует принять при датировке во внимание и такую фразу в грамоте: «и будет, господя (московские послы. – Г. З.), у вас на сих десяти днех по февраль доброе дело не свершитца...».

С. 10. (Л. 43)

---

⁴¹ Киприан – архимандрит Спаса Хутыня монастыря в Новгороде.

⁴² Семен Лутохин – дьяк Новгородского государства.

⁴³ Василий Трусов служил при шведах судьей.

⁴⁴ Пятой Григорьев служил при шведах дьяком и ведал Дворцовым приказом в Новгороде, но в последующее время, как и многие другие, изменил ориентацию. За это П. Григорьев, вместе с С. Лутохиным подвергался репрессиям со стороны шведов. До нас дошла тайная записка П. Григорьева царю 1616 г.

Богдашко Шорин – торговый человек из Вязьмы, живший долго в Новгороде. После захвата Новгорода шведами в июле 1611 г. Я. Делагарди дал «вязмичем Б. Шорину с товарищами (16 чел.) грамоту, что «им волно жити и торговать в Нове городе или де (где) ... похотят и в Московские города ехати и им волно». Б. Шорин широко воспользовался этим правом. В начале он тянул в сторону шведов; последние не брали с него поборов, «были добры по старине, что он преж сего езживал торговать в немецкие города». За то новгородцы питали к Б. Шорину сильную неприязнь; по его собственному рассказу, они грозили ему смертью: «толко Нов город будет... за государем и его де хотят убить и тело по частем разрезати». Все же Б. Шорин королю не присягал, только раз, в бытность Я. Делагарди, видимо в 1616 г., в Ладого переводчик «Анца Брякилев, поставя перед Яковом Пунтосовым при аглинском после, говорил, что де он (Б. Шорин) хотел ехати в королевские города совсем на житье давно, да не едет». Анца вновь спросил: «И нынче едеш-ли?». Испуганный Б. Шорин дал утвердительный ответ. По его заявлению, «иным де он болши того инчем не увяз опричь того слова». В последующее время Б. Шорин изменил ориентацию. Когда в декабре 1616 г. поехала из Новгорода жена умершего Ивана Ивановича Одоевского, княгиня Агафья с сыном Никитой, отпущенная по ходатайству Джона Меррика к русским (в Тихвин она прибыла 14 декабря), «на поезде» у нее был Б. Шорин и просил передать послам, «что боитца он ... государевы опалы». По его словам, все «русские торговые люди» в Новгороде ожидают царской милости, хотят потерпеть и жить в Новгороде, пока город не перейдет под власть Москвы, но боятца от мелких людей убивства...»⁴⁵.

С. 11 (Л. 44)

Приложение № 3

Приговор Боярской Думы о заключении мира со Швецией 10 февраля 1617 года

И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии слушав посолских отписок и статейных списков, каковым быти его государевых и свеиских послов договорным записям и ноугородцкого митрополита и всяких людей служилых и жилетцких великово Нова города грамоты, какову прислали к его государевым послом, и ис посол-

---

⁴⁵ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1616 г. № 10.

ских отписок и ис статейных образцовых списков выписки, говорил государь з бояры:

По грехом всево нашево великово Росиисково царствия свеиские послы, узнав то, что в нашем Росииском царствии ещо до нашего государства от многих лет ведетца война и была смута и рознь и междоусобье и в безгосударное время всякое нестроенье и от того в нашем Росииском государстве запустенье и ратных людей оскуденье, взмерились во всем перед прежним, как прежде сего бывало, возгордились, ищут государю своему чести и королевству его прибыли и перед прежним во всяких статьях повышенья, в какове мере преж того свеиские короли перед нашими государствами были, узнав наши росииские государства ныне по грехом безсилны, и многие статьи, о **С. 12 (Л. 45)** чем и приговорят, на мере не стоят, переменяют, и дело длят и записи пишут по своему обычью не по прежнему, чего преж сего не бывало, и государевым послом велят писать с своего списка многие статьи, статья не против статьи писана, и иные статьи государевых послов в списке вышеписаны, у свеиских послов те статьи ижписаны, а свеиских послов в списке те ж статьи вышеписаны, а с образцовою записью, какова дана государевым послом и с тязвинскими послы, каковы даны государевым послом, на пример ни одна статья не сойдетца. А преж сего свеиские послы писывали записи (с) списков, каковы им списки даывали государевы послы, а ныне говорят, чтоб съ их списков писати, и во многих статьях писали, где и не довелось писать, что государь поступился за себя и за наследников, и они написали и инде во многих статьях государя с королем, а росииские государства с свеиским королевством мешали, а не в розни писали обоих государей и обоих государств и тем государя свеиского королей, а росииские государства с свеиским королевством в ровенстве чинят, а проведывають того, что зделаетца меж его государя с полским и литовским королем.

А литовские и полские люди в его государеве земле воюют: Олександро Гасевской пришел под Смоленск со многими людьми и, прошедчи Смоленск и его государевых людей, которые стоят под Смоленском, поставил острожки к Дорогобужу по сю сторону государевых людей острошков в Твердилицах и в иных во многих местех, и Дорогобужской и Вяземской уезд воюют и его государевых людей под Смоленском в острошках теснят, и будучи государевы люди под Смоленском терпят голод и всякую нужу и сидят в осаде. А на Северские города пришли черкасы литовские люди многие и Северскую землю воевали во многих местех и к городом приступали и Путимльской большой острог выжгли, а Оскол взяли и людей высекли и ныне стоят на Осколе. А промыслу над полскими и над **С. 13 (Л. 46)** литовскими людьми мало, потому что ратные люди не все против полских и литовских людей, многие стоят против свеиских людей. А из Украинных городов воеводы

пишут, что выходцы и языки и лазутчики сказывают, что на весне на государеву землю хочет быть сам полской король с королевичем со многими ратными людьми. А наперед сего при прежних государях как свеиским королем з государи война бывала, а с полским королем в те поры были государи в перемирье и рати все государевы бывали против свеиских людей, а ставали государевы бояре и воеводы с полки в Великом Нове городе, во Пскове и во всех ноугородцких пригородех, а послы государевы и свеиские съезжались на рубеже, и тогда свеиские послы дельвали упрямо и ничево не страшились. А ныне по грехом всего государства Нов город со всеми пригороды зашли за свеиского короля, и где преже сего ставали государевы рати, и в тех во всех городех свеиского короля люди, а достались Нов город с пригороды за свеиского короля до него, государя, в безгосударное время. А ныне при нем, государе, по ссылке с ним, государем, свеиской Нова города, Старые Руссы, Порхова, Гдова, Ладоги ему, государю, поступаетца, толко с ним мир учинити. А толко с ним миру не учинити, войною за изнеможеньем и оскуденьем ратных людей не мочно у свеиского короля не токмо Нова города или пригорода новгородцкого одное деревни взять и против его за свою землю стояти обезсилели. А из Великого Нова города митрополит и все люди пишут со слезами и к богу плачь возсылают, что они от свеиских людей в конец погибли, и истинная наша православная крестьянская вера греческого закона от них иссекает, и храмы божьи пустуют; и толко ныне государевы послы с свеискими послы доброго дела миру и покою не учинят, и Нову городу всему и соборной церкви Софеи Премудрости божьей и всем церквам, где славилось имя божье, будет конечное разоренье и безпамятное запустенье, а великих **С. 14 (Л. 47)** новгородцких чудотворцев многоцелебные мощи от немецких людей будут во обругание. И государю-б вступитца не за них, за святую соборную церковь Софеи Премудрости божьей, чтоб того в разоренье и в запустенье не видети, велети с свеискими послы доброе дело делати скорее, чтоб до конца Нова города и святых божиих церковей не разорили. И толко ныне с свеискими послы разорвати, делати с ними потому не велети, а свеиской король в те ж поры, как полской и литовской король с полскими и литовскими людьми стоят на Московское государство, учнет с своее стороны на Московское государство стояти, а люди ратные в Нове городе и во всех ноугородцких пригородех, где преж сего государевы рати бывали, свеиского короля готовы, и Нов город и церковь Софеи Премудрости божьей будет тотчас в последнем разоренье, и государству от того чаяти всякого недобра, потому что люди надобны на обе стороны, а государство запустело, и служивые люди оскудели. А жалованья дати нечево и собрать не с кого: во всем Росииском государстве во всех городех всякие люди ото многово разоренья до конца оскудели. А толко с свеиским королем мир

учинитца, и против свеиского ратные люди будут не надобны, а будут те все рати, которым было быти и против свеиского, на литовского короля и на полских и на литовских людей, и государева земля в то время от свеиского пустети не учнет, ратей государевых и свеиского в той стороне не будет.

И говоря государь о том о всем з бояры, приговорил з бояры государевым послом с свеискими послы делати и по тем записям, а которая будет мочно статья и ис тех, которые в статейных списках противны, отговорити, и то-б добро.

А будет за что упрямятца и похотят розорвати, и того б по самой конечной неволе поступатца, а чтоб не разорвати, **С. 15 (Л. 48)** чтоб с свеиского стороны в те поры, как государь против полского короля учнет стояти, которое злое кроворозлитье не было, и Нову б городу и соборной апостолской церкви разоренья и чюдотворцевым мощем поруганья не было, и рати б государевы все были на одну сторону против полского короля и полских и литовских людей. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по боярскому приговору послана к государевым послам государева грамота такова.

РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1617. Д. 2.

Отписка послов с новгородской грамотой была получена в Москве 10 февраля. Грамота послам была написана 11 февраля. Значит, заседание Боярской Думы происходило 10 февраля 1617 г.

Публикация подготовлена Я. Н. Рабиновичем

**«ЧИНИТЬ ОТПОР БОДРО БЕЗО ВСЯКИЕ РОБОСТИ»:
ЗАПИСНАЯ КНИГА УКАЗОВ НОВГОРОДСКОГО
ГУБЕРНАТОРА А. И. РЕПНИНА 1700–1701 гг.¹**

19 (30) ноября 1700 г. под Нарвой царская армия потерпела тяжелое поражение от шведов и капитулировала. В плену оказалось почти все русское командование, в том числе и возглавлявший войска Новгородского разряда генерал-майор Иван Юрьевич Трубецкой². Петр I в битве не участвовал. Днем ранее, 18 ноября, он передал командование армией герцогу К. Е. де Круа и отправился в Великий Новгород, «чтоб идущия досталныя полки побудить к скорейшему приходу под Нарву»³.

Государь провел в Новгороде несколько дней (с 23 ноября по 6 декабря), а затем выехал в Москву⁴. В эти дни в город вошла дивизия генерала от инфантерии Аникиты (Никиты) Ивановича Репнина, двигавшаяся со Средней Волги и не успевшая к сражению под Нарвой. Петр I указал А. И. Репнину привести в порядок отступавшие от шведской крепости русские полки⁵, а также подготовить к обороне Новгород и Ладугу. Согласно «Истории Свейской войны», А. И. Репнину «с новыми ево полками велено зимовать в Новегороде, и был он там некоторое время губернатором»⁶.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00192а).

² По данным В. С. Великанова, в Нарвском походе участвовали два новоприбранных новгородских солдатских, два новгородских стрелецких, два псковских стрелецких полка и часть новгородских помещиков (рейтар) общей численностью 4145 человек, которые составили «генеральство» И. Ю. Трубецкого (1667–1750) (*Великанов В. С.* К вопросу об организации и численности русской армии в нарвском походе 1700 г. // *Война и мир: Новые исследования и материалы. Материалы 2-й международной научно-практической конференции.* СПб., 2011. Ч. 1. С. 134). Из шведского плена новгородский наместник вернулся на родину только в 1718 г.

³ *История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого)* / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 206.

⁴ *Походный журнал 1700 г.* СПб., 1853. С. 10.

⁵ 12 декабря 1700 г. А. И. Репнин доложил царю, что в Новгород из Нарвы «явилося генеральства генерала Автонома Михайловича [Головина. – Т. Б.] 7204 начальных и солдат, новгородских новоприбранных солдат 559, стрельцов новгородских и белгородских 1480» (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863. Прилож. II. № 54. С. 185). Всего в Новгороде собралось 22 967 человек из разбитых под Нарвой дивизий А. М. Головина, А. А. Вейде и И. Ю. Трубецкого (*История Свейской войны...* С. 209).

⁶ *История Свейской войны...* С. 210. Б. П. Шереметев получил указание с полками московского и новгородского поместного ополчения и украинскими казаками Оби-

В России должность губернатора появилась в ходе реформы 1708 г., когда царским указом территория государства была поделена на восемь губерний. Однако само слово «губернатор» как синоним (или перевод на немецкий язык) «воеводы», вошло в лексикон царя и его приближенных намного раньше. П. Н. Милюков обратил внимание на то, что царь уже в 1694 г. называл губернатором архангелогородского воеводу Ф. М. Апраксина⁷. В 1702 г. после взятия Нотебурга царь назначил шлиссельбургским губернатором А. Д. Меншикова⁸.

Главой новгородской администрации А. И. Репнин оставался лишь несколько месяцев – до марта 1701 г., когда он получил указ следовать с девятнадцатью полками к Пскову, а оттуда к Риге на соединение с саксонской армией⁹. Его деятельность по подготовке Новгородской земли к отражению неприятельского вторжения и сбору ратников для нового похода нашла свое отражение на страницах «Книги записной великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указом при сиденье генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина декабря со 2-го числа прошлого 1700-го году».

«Книга записная» содержит записи со 2 декабря 1700 г. по 30 апреля 1701 г. Она является основной частью «Журнала входящем указом и протчему 1700-го и 1701-го годов», в состав которого также входят выписки верстальные, меновные, казачьи, а также по делам и челобитным, рассматривавшиеся в Новгородской приказной палате. Рукопись хранится в коллекции «Актовых книг, собранных Императорской Археографической комиссией» (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–34). Эту коллекцию сформировали из рукописей, поступивших в Археографическую комиссию из Новгородской казенной палаты, а также других новгородских учреждений в 1836 и 1857 г. Опись

довского сосредоточиться у Пскова, чтобы готовить его к обороне и защищать границу к югу от Чудского озера.

⁷ Милюков П. Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 255–256.

⁸ Там же. С. 258. После штурма шведская крепость Нотебург (ранее – Орешек) была переименована в Шлиссельбург.

⁹ История Свейской войны... С. 211. А. И. Репнин получил указ покинуть Псков 18 апреля 1701 г. (Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. СПб., 1863. С. 97). Под командой генерал-майора были восемнадцать солдатских и один стрелецкий полк (17 551 чел.). 25 июня 1701 г. русские и саксонские войска соединились под Кокенгузеном близ Риги (ПиБ. Т. 1. Примеч. к № 382. С. 862). В августе А. И. Репнин со своими полками вернулся в Псков, а в октябре 1701 г. генерал-майор по указу царя прибыл в Москву (Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева... СПб., 1871 С. 71 (Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. Т. I. Ч. III)). Сменившего его в Новгороде Я. В. Брюса называли новгородским воеводой или губернатором.

собрания была сделана Б. Д. Грековым и опубликована в 28-м выпуске Летописи занятий Императорской Археографической комиссии¹⁰.

Одной из первоочередных задач новгородского губернатора стали сбор оставленных на дороге и в деревнях отступавшими от Нарвы русскими полками боеприпасов и орудий. В декабре 1700 г. в расположенные вдоль дороги населенные пункты для учета припасов А. И. Репнин направил капитана Алексея Вешнякова, поручика Андрея Римского и подьячего приказной палаты Никиту Меркушева. Они получили приказ доставлять обнаруженные ими «бомбы и мартыры и иные полковые припасы» в Новгород на крестьянских подводах¹¹. Думному дворянину И. И. Щепину губернатор велел «не мотчав» привезти из Сомерской волости «денежную казну и хлебные запасы», которые оставили, «несучи ис-под Ругодива, новоприборные салдаты»¹².

Подводы с проводниками требовались и для перевозки ратных людей в Москву. 7 декабря 1700 г. А. И. Репнин разослал монастырским и архиерейским стряпчим указы собрать в расположенных не более чем в шестидесяти верстах от Новгорода деревнях с каждого двора по подводе «с санми и с проводники» и через три дня привести их в город¹³. 14 декабря был издан указ «казнить, смертью повесить» некоего Елисейку Поскочина, который отвечал за сбор подвод в Торжке и брал взятки «с подводы по алтыну и болши»¹⁴. Об этом случае вспоминал и окольничий И. А. Желябужский: «В то ж время в Новгороде повешен Елисей Борисов сын Поскочин за то, что он брал деньги за подводы»¹⁵.

Губернатор занимался организацией сбора ратных людей и укреплением обороноспособности Новгорода, приграничных крепостей и застав. Сведения с застав и крепостей стекались в приказную палату, откуда губернатор координировал действия и распределял людские ресурсы. Уже 2 декабря 1700 г. во все новгородские пятины разослали царский указ Новгородского разрядного полка «столником и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и всяких чинов начальным людям, и гусаром, и копейщиком, и рейтаром, и сотенным» спешно готовиться к государевой службе и прибыть в Новгород к 1 января 1701 г.¹⁶ За опоздание грозили суровым наказанием – смертной казнью и конфи-

---

¹⁰ Летопись занятий Императорской Археографической комиссии (далее – ЛЗАК) за 1915 г. Вып. 28. СПб., 1916. Б. Д. Греков отметил, что описание первых шестидесяти рукописей выполнил студент Санкт-Петербургского университета Н. И. Сидоров (Там же. С. 1).

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 3, 4 об., 5 об., 6.

¹² Там же. Л. 13 об.

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 326.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 3.

скацией вотчин и поместий. Тем не менее приказ «тотчас безсрочно» ехать на воинскую службу в Новгород пришлось повторить 13 и 23 декабря (уже к новому сроку – 28 декабря). В феврале 1701 г. опоздавших дворян Ивана Путилова и Лукьяна Мякина били батогами¹⁷.

Оборону от неприятеля Карельской половины Водской пятины и Нагорной половины Обонежской пятины возложили на стольника князя Г. Н. Путятина. За безопасность Полужской половины Водской пятины и Заонежской половины Обонежской пятины отвечал стольник князь Ф. В. Елецкий. 27 декабря 1700 г. они получили приказ ехать с ратными людьми на границу, «стать в пристойных местех» и посылать разъезды «верст по дватцати и болши», чтобы своевременно обнаружить и отразить нападение неприятельских военных отрядов¹⁸. 5 января 1701 г. Ф. В. Елецкому поручили оберегать и Сомерскую волость («наипаче ж село Осмина»)¹⁹.

В январе–феврале 1701 г. А. И. Репнин приказывал заставным головам стоять «от неприятельских людей в осторожности», «про неприятельских людей проведывать всякими обычайи накрепко» и при необходимости отразить нападение, чтобы «над городом и над уездом порухи не учинить», а также своевременно посылать вести об изменении обстановки на границе в Великий Новгород²⁰.

«Книга записная» содержит сведения о начале государственной службы тихвинского помещика Я. Н. Римского-Корсакова (1679–1734). В биографических словарях и очерках в качестве первой занимаемой им должности указывается должность коменданта Копорья (1706), более ранние сведения отсутствуют²¹. Между тем 24 февраля 1701 г. А. И. Репнин приказал «быть на службе великого государя в Ладозе с околничим и воеводою со князем Юрьем Федоровичем Щербатым в товарищах Якову Никитину сыну Корсакову и выслать ево на службу великого государя в Ладозу безсрочно и ведать ему полк до приходу околничего и воеводы»²².

Шведская армия после победы оставалась под Нарвой до 12 декабря 1700 г., а затем расположилась на квартирах возле Дерпта. В зимние месяцы военные действия ограничивались главным образом приграничными столкновениями. Русские и шведские отряды обменивались рейдами по вражеским территориям. Согласно «Гистории Свейской войны», ратные люди «тоя зимы от Новагорода и Пскова, также от

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁹ Там же. Л. 10 об.

²⁰ Там же. Л. 11, 17–20.

²¹ См., напр.: Г. Б. Римский-Корсаков Яков Никитич // Русский биографический словарь. Том «Рейтерн–Рольцберг». СПб., 1913. С. 223.

²² Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 20–20 об.

Ладоги и ото Гдова над неприятелми чинили партиями поиски, також и с неприятельской стороны были партиями ж наезды в Ладожский и Гдовской уезды и к Печерскому монастырю, однако ж над нашими людьми великих поисков не имели (кроме того, что они сожгли около Ладоги и около Печерского монастыря несколько сел и деревень, а жители из тех сел и деревень ушли). Наши же казаки своими набегами от Печерскаго монастыря в Ливонию немалую також шкоду чинили и многих побивали и в полон брали»²³.

Военные столкновения зимы 1700/01 г. нашли свое отражение и на страницах «Книги записной». Опасения и призывы губернатора к постоянной боеготовности не оказались напрасными. В начале 1701 г. в Новгороде получили тревожные вести от Афанасия Гурьева с Костовской заставы о приходе шведского отряда. 16 января А. И. Репнин отдал приказ Ф. В. Елецкому и Г. Н. Путятину выйти навстречу неприятелю и отразить нападение²⁴.

Через несколько дней, 24 января, губернатор обратился с просьбой к Б. П. Шереметеву отпустить назад отправленных из Новгорода в Псков 310 дворян, которые требовались для защиты границы и Сомерской волости, поскольку «неприятельские люди в сторону многолюдством вступили»²⁵.

Шведам удалось блокировать белгородских и ладожских стрельцов в селе Сара Сомерской волости, и Ф. В. Елецкий получил приказ губернатора «против неприятельских людей чинить поиск с великим радением и <...> свейских людей вон выбить». На помощь стольнику губернатор отправил из Новгорода два солдатских полка и шестьдесят восемь человек конницы. А. Н. Репнин также потребовал объяснений от Г. Н. Путятина, «для чего он пеших ратных людей белгородских и ладожских стрельцов в осаде оставил и без указа великого государя ис села Сары отступил, а отпору не чинил и съехал в город Ладогу собою и ратных людей ропустил»²⁶.

В конце января губному старосте Ивану Савичу Кучецкому поручили переписать в Водской и Шелонской пятинах «при понятых людей в стороне царского величества разоренные от неприятельских людей деревни»²⁷. Для того чтобы замедлить продвижение неприятеля и обезопасить Новгородскую землю от внезапных нападений, А. И. Репнин ука-

---

²³ История Свейской войны... С. 210.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 15–15 об.

²⁶ Там же. Л. 14–14 об.

²⁷ Там же. Л. 16.

зал заставным головам и губным старостам перекрыть засеками все дороги, которые вели из-за рубежа в Великий Новгород и Ладугу²⁸.

Русское военное командование в борьбе со шведами рассчитывало на содействие посадского и крестьянского населения. Ладожский воевода Иван Чириков получил приказ переписать «градских людей всяких чинов жителей» и выяснить, сколько и какого рода оружие имелось у ладожан, чтобы они при необходимости могли оказать помощь ратным людям и дать неприятелю «отпор бодро безо всякие робости»²⁹. В марте 1701 г. ладожские посадские люди стали нести караульную службу. Новгородцев наряжали на караулы к амбарам с хлебными запасами, а также обязали изготовить по копьё, бердышу или рогатине. Крестьянам Водской пятины сообщили указ не покидать своих деревень, оставаться в домах «во опасении» и «у кого какое ружье есть, и имели б при себе в готовности»³⁰. Жителям приграничных сел и деревень губернатор запретил вывозить для продажи «запасы за рубеж», а также укрывать «свейских людей». Хлеб и фураж крестьянам следовало продавать только русской армии «повольную ценою»³¹.

Весной для готовившейся к наступлению армии крестьяне в Новгородском уезде и Новгороде приводили в порядок дороги и мосты, снаряжали подводы, а также строили струги. 30 января 1701 г. Новгородскому приказу велели: «...на реках Волхове и Луге для нынешней свейской службы под всякие полковые припасы и на дачу ратным людям сделать 600 стругов»³². Судостроением на Волхове близ Новгорода и на Луге возле деревни Онежицы руководил стольник И. Ю. Татищев³³. Организацией сбора работных и мастеровых людей на строительство судов занимался новгородский губернатор. В марте–апреле 1701 г. А. И. Репнин рассылал грозные указы в Новгородский уезд, «во Псков, да на Олонец <...> на Луки Великие, в Торопец, в Холм, во Ржеву Володимерову, во Ржеву Пустую, в Старую Русу» и другие города с повелением собрать и выслать в распоряжение И. Ю. Татищева кузнецов, плотников и работных людей «со всеми струговыми припасы»³⁴. По-видимому, к началу военной кампании необходимое число стругов построить не успели. В июне 1701 г. Б. П. Шереметев сообщил царю,

---

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 17 об.

²⁹ Там же. Л. 14–14 об.

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Там же. Л. 19.

³² Цит. по: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 146–147.

³³ История отечественного судостроения IX–XIX вв.: В пяти томах / Под ред. И. Д. Спасского. СПб., 1994. Т. I: Парусное деревянное судостроение. С. 84.

³⁴ Там же. Л. 25 об.–26.

что на Луге в готовности 170 судов, а на Волхове «сделано немного» из-за нехватки работных людей³⁵.

Средств для перевозки людей и грузов водным путем не хватало, поэтому переписывали все имевшиеся струги и плоты на Шелоне, Ильмене, «на реке Волхове, и на Тихвине, и на Свире, и на Онежском и на Ладожском озерах, и в ыных во всех местех, ис которых бы теми стругами мочно было пройти в Волхов и Лугу реки с поспешанием»³⁶. В «Книге записной» сохранились сведения о доставке в апреле 1701 г. «описных» стругов из Старой Ладogi в Новгород.

В связи с подготовкой русской армии к походу в марте 1701 г. появился указ, запрещающий местным жителям под страхом смертной казни ловить рыбу в Ладожском озере близ «немецкой границы»³⁷.

«Книга записная» – ценнейший источник по истории Новгородской земли в начале XVIII в., когда поражение царской армии под Нарвой сделало Великий Новгород (наряду с Псковом) ключевой точкой обороны Российского государства.

* * *

Рукопись in folio написана на голландской бумаге; филигрань «Герб Амстердама» с литерами «AG» типа Клепиков, 1959, № 885 (1702–1722), Дианова № 50 (1700)³⁸. В правых верхних углах листов находится карандашная архивная фолиация – л. 1–49 (л. 35–38 чистые); на л. 1 почерком XVIII в. заглавие: «Журнал входящей указом и протчему 1700-го и 1701-го годов». Над надписью зачеркнуто: «N». Картонные крышки переплета обтянуты коричневой кожей с тиснением; на задней крышке сохранились два кожаных шнура. На корешке – бумажная наклейка с надписью коричневыми чернилами почерком XVIII в.: «Книга записная указам 1700 году № 1535»; справа от нее – темно-коричневыми чернилами «№ 21». Верхнюю часть корешка закрывает вторая наклейка – коричневая крафтовая бумага с архивным шифром «104».

Как уже отмечалось, «Журнал» состоит из двух частей: на л. 2–34 – «Книга записная великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указом при сиденье генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина декабря со 2-го числа прошлого 1700-го году» со скрепой по правому

³⁵ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... Бориса Петровича Шереметева. Ч. I. М., 1778. С. 51.

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 25–26.

³⁷ Там же. Л. 29 об.

³⁸ Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959; Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв.: «Герб города Амстердама». М., 1998.

полю листов и после окончания текста на л. 34: «Дьяк Андрей Озеров»; на л. 39–49 – выписки из дел, вершенных в Новгородской приказной палате, со скрепой по правому полю листов и после окончания текста на л. 48 об.: «Дьяк Андрей Юдин».

Ниже публикуется первая часть рукописи – «Книга записная»³⁹. Публикация подготовлена в соответствии с правилами, принятыми в археографии для издания источников XVIII в.⁴⁰ Буквы, вышедшие из употребления, заменены буквами современного нам алфавита; сокращения под титлом раскрываются, выносные буквы вставляются в строку без оговорок, твердый знак на конце слов не воспроизводится. Мягкий знак после выносных букв ставится по современному нам произношению, если его отсутствие изменяет смысл слова. Угловыми скобками обозначены пропуски слов, букв и цифр, сделанные писцами. Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной нам пунктуации.

---

³⁹ Рукопись целиком издается впервые; ранее были опубликованы записи, связанные с мобилизацией ратных и работных людей в начале Северной войны (*Анисимов Е. В., Базарова Т. А.* «Центр обширной провинции...»: Великий Новгород в эпоху Петра I: Хрестоматия. В. Новгород, 2015. С. 104–109).

⁴⁰ Учтены рекомендации, содержащиеся в «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

* * *

Книга записная великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указом при сиденье генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина декабря со 2-го числа прошлого 1700-го году. //

(л. 3) Декабря 2-го числа по имянному великого государя указу за приписью дьяка Ивана Иванова велено Новгородцкого розряду столником и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и всяких чинов начальным людем, и гусаром, и копейщиком, и рейтаром, и сотенным сказать ево великого государя имянной указ, чтоб они к ево великого государя службе строились, и лошади кормили, и припасы готовили, и во всем были во всякой готовности, и ехали б в Великий Новгород, и приезды свои записывали на съездем дворе у генерала князь Никиты Ивановича Репнина на срок в предбудущем 1701-м году генваря в 1-м числе. И для той скаске послать из Великого Новагорода в Новгородской уезд во все пятины подьячих.

Декабря в 4 день по указу великого государя послан от Великого Новагорода Сомерские волости до села Осмин и Дретна капитан Алексей Вешняков да приказные полаты подьячей Микита Меркушев, а велено им по дороге, где явятца бомбы и мартиры и иные полковые припасы, переписав, привести в Великий Новгород на уездных подводах.

Декабря в 5 день по имянному великого государя указу за приписью дьяка Ивана Иванова велено великого государя жалованья в приказ ближнего боярина и воеводы // (л. 3 об.) князя Ивана Юрьевича Трубецкого жене ево боярине княгине Ирине Григорьевне¹ из дворцовых житниц из наличного хлеба триста четвертей ржи, сто четвертей овса да кружечного двора вина простого триста ведр.

Декабря в 7 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина за приписью дьяка Ивана Иванова велено Софейского дому и монастырским стряпчим великого государя указ сказать, чтоб они с вотчин Софейского дому и монастырских, которые от Великого Новагорода во штидесяти верстах и менши, с крестьянских и з бобыльских с наличных дворов собрать з двора по подводе с санми и с проводники и привести в Великий Новгород декабря к десятому числу.

Декабря в 9 день по указу великого государя велено приказные полаты подьячего Якова Велковского послать в деревню Анежицы для взятья в Великий Новгород иноземцов, которые посланы были за полковыми припасы.

Декабря в 12 день по имянному великого государя указу и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено давать колодником швецкой земли, которые седят на Олонце за караулом // (л. 4) и впредь на Олонец которые будут взяты, давать из ево великого государя казны олонецким земским бурмистром ис таможенных и ис кабацких доходов корму по четыре денги человеку на день и о даче тех денег к тем бурмистром послать память.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать начального человека Матвея Иванова сына Хитрово от Великого Новагорода до Тесовского острогу для обрания по дороге полковых рогаток и привезть в Великий Новгород на уездных подводах.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать на заставы в Старую Русу, в Порхов, на Пшагуⁱⁱ, на Тихвинской посад, на Московскую дорогу на Вины к заставным начальным людям, чтоб они с салдаты ехали в Великий Новгород.

Декабря в 13 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать в Ладугу к воеводе Ивану Чирикову о присылки взятых лошадей и рухляди, которые взяты у шведов. //

(л. 4 об.) Того ж числа по имянному великого государя указу и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено Новгородцкого розряду столников и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, и сотенных, и гусарского, и копейного, и рейтарского строев начальных людей, и гусар, и копейщиков, и рейтар выслать на службу великого государя в Великий Нов<город>¹ со всею службою и з запасы тотчас безсрочно, а приехав, приезды свои записывать в приказной полате. А будет которые в Великий Новгород в скорех числах не приедут и приездов своих не запишут, и за то им быть в смертной казни, а поместья их и вотчины отписаны будут на ево великого государя и отданы в роздачу челобитчиком.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина даны прохожие писма об отпуске из Великого Новагорода тверским и луцким стрелцом и пушкарем.

Декабря в 14 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Алексею Вешнякову, да к порутчику Елисею Рымскому, да к подьячему

---

¹ Слово не дописано.

Никите Меркушеву, чтоб они с мортиры и з бомбы *ехали*² в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан из Великого Новгорода ка³чей голова Данила Бачманов // (л. 5) да с ним казаков сто человек в Сомерскую волость в село Дретно.

Того ж числа по имянному великого государя указу и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина за приписью дьяка Ивана Иванова велено столника Леонтья Кокошкина и роспросные ево подлинныя речи и иноземцов, которые живут на Немецком свейском дворе фактора Филипа Фингагина, и шведов, сколько есть в Великом Новгороде в присылке, и москвичь Оску и Алешку Дмитриевых, которые поиманы в Великом Новгороде и сидят в приказной полате в государеве деле за караулом, послать всех к великому государю к Москве с провожатыми в Преображенской приказ.

Того ж числа по имянному великого государя указу за приписью дьяка Андрея Юдина велено Елисейка Поскочина за ево воровство, что он будучи в Торшку у збору подвод имал с подводчиков воровством своим себе взятки с подводы по алтыну и болши, и в том воровстве в роспросе и с пытки он, Елисейко, винился, казнить смертью, повесить.

Декабря в 17 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено в Новгородской уезд во все пятины послать по наказным паметем приказные полаты подьячих // (л. 5 об.) с служилыми людми для скаски и высылки при себе в Великий Новгород Новгородского розряду столников и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, и сотенных, и гусарского, и копейного, и рейтарского строев начальных людей, и гусар, и копейщиков, и рейтар.

Декабря в 20-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ х капитану Алексею Вешнякову, да к порутчику Андрею Римскому, да к подьячему Никите Меркушеву, чтоб они з бомбами и с мартиры и со всякими полковыми припасы ехали в Великий Новгород тотчас днем и ночью.

Декабря в 21-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Ладогу к воеводе Ивану Чирикову. Велено ему послать ладожских конных казаков со всею службою и з запасы на заставу к Григорью Бестужеву и Ивана Саблина с порохом и свинцом и именам их список тотчас без задержания, и о том к нему писать.

---

² Тем же почерком над строкой.

³ Слог пропущен.

Декабря в 22 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан в Ладугу к воеводе Ивану Чирикову указ. Велено в городе Ладоге по городу, где пристойно, поставить караул и над ними ему непрестанно // (л. б) надсматривать самому, и велеть стоять во всяком воинском оружейном ополчении и от неприятельских людей в апасении, и над городом и над уездом поруки не учинить, и о всяких вестех, что проведает, писать в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ х капитану Алексею Вешнякову да к порутчику Андрею Римскому, да к подьячему Никите Меркушеву с вотчин столника князь Михайлы Михайловича Голицынаⁱⁱⁱ деревни Русыни з деревнями с восмидесят дворов подвод имать не велено, а бомбы и мартиры и иные полковые припасы, взяв подводы с ыных поместей и вотчин, вести в Великий Новгород безо всякого мотчания.

Декабря в 23-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы по наказным паметем в Новгородцкой уезд во все пятины для высылки столников и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, и сотенных, и гусарских, и копейного, и рейтарского строев начальных людей, и гусар, и копейщиков, и рейтар, новгородские пешие казаки, и велено их выслать в Великий Новгород на срок декабря к 28-му числу 1700-го году. //

(л. 6 об.) Декабря в 23-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послано из Великого Новгорода в село Дретно к думному дворянину Ивану Ивановичю Щепкину новгородских новокрещенов и кормовых^{iv} 74 человека.

Декабря в 27-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ Лавуйской заставе к заставному голове Самуйлу Крекшину по отписки ево, чтоб он по прежним и по сему указом на той заставе стоял и от приходу неприятельских людей жил со всякою осторожностью и опасением и о всяких вестях про неприятельских людей, что проведает, писал бы в Великий Новгород почасту. А для оберегателства послано к нему к прежнему в прибавку стрелцов десять человек.

Того ж числа писано во Псков к боярину и военному ковалеру малтискому свидетелствованному Борису Петровичю Шереметеву^v против ево отписки, что-де в вышеписанном числе новгородская конница послана на границу в пристойные места и о том к Москве писано декабря в 26 день. //

(л. 7) Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено столнику князь Григорью княж Никитину сыну Путятину быть в Воцкой пятине в Корелской половине. И в той Воцкой пятине Корелской половине, а Обонежской пятине Нагорной половине с столники и стряпчими, и з дворяны московскими, и жилцами, и сотенные службы, и з гусары, и с копейщики, и с рейтары, и тех же чинов с начальными людми, и с недорослями, которые в службу поспели и живут в тех половинах, а собрав, ехать с теми ратными людми для опасения великого государя русских городов на границу, которая по свейскому рубежу^{vi}, и стать в пристойных местех во опасении, и смотреть, и беречь накрепко, и в розъезды от себя посылать верст по дватцати и болши, чтоб неприятельские люди войною и тайно в сторону царского величества не прокрались и великого государя городам, и селам, и деревням разорения какова не учинили. А буде неприятельские люди придут на границу в сторону царского величества войною или утайкою, и ему над теми неприятельскими людми искать промыслу и чинить отпор как мочно, и о всяких ведомостях писать в Великий Новгород к генералу и губернатору ко князю Никите Ивановичю Репнину. А для збору ратных людей посланы с ним подьячие, и тем помещиком и вотчинником, которым велено быть на границе, сказать великого государя указ, чтоб они приезжали на границу на срок декабря 30-е число 1700-го году. //

(л. 7 об.) Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено столнику князь Федору княж Васильеву сыну Елецкому быть в Воцкой пятине Полуской половине, и в той Воцкой пятине Полуской половине, а Обонежской пятине Заонежской половине с столники и стряпчими, и з дворяны московскими, и жилцами, и сотенные службы, и з гусары, и с копейщики, и с рейтары, и тех же чинов с начальными людми, и с недорослями, которые в службу поспели и живут в тех половинах, а собрав, ехать с теми ратными людми для опасения великого государя русских городов на границу, которая по свейскому рубежу, и стать в пристойных местех во опасении, и смотреть, и беречь накрепко, и в розъезды от себя посылать верст по дватцати и болши, чтоб неприятельские люди войною и тайно в сторону царского величества не прокрались и великого государя городом, и селам, и деревням разорения какова не учинили. А будет неприятельские люди придут на границу в сторону царского величества войною или утайкою, и ему над теми неприятельскими людми искать промыслу и чинить отпор как мочно, и о всяких ведомостях писать в Великий Новгород к генералу и губернатору ко князю Никите Ивановичю Репнину. А для збору ратных людей посланы с ним подьячие, и тем помещиком и вотчинником, которым велено быть на

границе, сказать великого государя указ, чтоб они приезжали на границу на срок декабря 30-е число 1700-го году. //

(л. 8) Декабря в 31-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы по наказом начальные люди Дмитрией Яковлев сын Жеребцов на Бронницкой ям, а велено ему пушку «Свиток»^{vii} привести, собрав, околних погостов крестьянами в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина Фирс Григорьев сын Трусов послан по наказу в Новгородской уезд в Воцкую пятину для сыску готовленных ста дубовых плах длиною по дватцати по два аршина шириною в три четверти аршина или в пол-аршина да ста осей дубовых или ясных длиною по три аршина с четвертью толшиною в пол-аршина.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено для высылки к столником х князь Федору Елецкому да х князь Григорью Путятину указных пятин ратных людей послать подьячих.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы Новгородского розряду в города к воеводам, а в Новгородской уезд во все пятины // (л. 8 об.) к губным старостам наказные памяти о высылки в Великий Новгород по росписи ратных конных и пеших людей.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать указ х князь Федору Елецкому и принять ему у Бориса Конищева копорских казаков, а ему, Борису, ехать в Великий Новгород.

1701-го.

Генваря в 1 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ во Тверь к столнику и воеводе Васил Лодыженскому да к подьячему Андрею Усову, а по тому указу послано во Тверь взятых немецких языков шесть человек псковской присылки.

Генваря в 2 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Ладогу к воеводе Ивану Чирикову, а велено ему ладожских стрелцов всех до одного // (л. 9) человека послать к столнику х князь Григорью Путятину, а к нему, князь Григорью, о приеме тех стрелцов указ послан ж.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина против отписки столника князь Григорья Путятина послан к нему указ, а велено ему с ратными людьми для опасения и осторожности от неприятельских людей стоять на Костовской и на Лавуйской заставах и про неприятельских лю-

дей проведывать с великим радением, а проведав, писать в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по отписки Перечицкой заставе заставного головы Андрея Одогурова послан указ к столнику князь Федору Елецкому, а велено ему для опасения и осторожности от неприятельских людей стоять по свейскому рубежу в пристойных местех и против неприятельских людей чинить отпор, сколько Бог помощи подаст, и о всяких вестях, что явитца про неприятельских людей, писать в Великий Новгород почасту.

Генваря в 3 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ Тихвина монастыря к архимандриту Боголепу // (л. 9 об.) да к келарю Семеону з братьею о высылки в Великой Новгород кузнецов, что есть на Тихвинском посаде, с их кузнечными снастями тотчас.

Того ж числа по указу великого государя и по грамоте и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан в Новгородской уезд в Шелонскую, в Деревскую, в Бежецкую пятины для высылки в Великий Новгород Новгородского розряду гусарского, и копейского, и рейтарского, и салдацкого строев полковников, и подполковников, и мазоров, и нижних чинов начальных людей без мотчания.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы по наказным папаметем в Новгородской уезд во все пятины для высылки отставных дворян в Новгород безсрочно, а буде хто в Великий Новгород не придет и приездов своих не запишут, и тем быть в жестоком наказанье.

Генваря в 4 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по отпискам Бориса Конищева да Перечицкой заставы заставного головы Андрея Одогурова, // (л. 10) что оне писали о неприятельских людех, послан указ к столнику князь Федору Елецкому, а велено ему с ратными людьми, которые у него есть в зборе, и с копорскими конными казаками для опасения и осторожности от неприятельских людей подступить на границу и стоять в пристойных местех, где чаять приходу немецким людям. Да ему ж велено в Воцкой пятине архиерейским, и монастырским, и помещицким, и государевым дворцовым крестьяном и всякого чину жителем сказать, чтоб они жили в домех своих во опасении, и у кого какое ружье есть и имели б при себе в готовности, а из жилищ бы своих никуда не бегали и хлеб, и живности, и конские кормы ратным людям продавали б настоящею ценою, а не дорогою. Да ему ж велено писать в Великий Новгород почасту, сколько у него в приезде ратных конных людей.

Генваря в 5 день по указу по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послано во

Псков к боярину Борису Петровичю Шереметеву ис присыльного ружья, которое прислано по грамоте великого государя в Великий Новгород тысяча фузей, тысяча шпаг с ножнями и с поясьем, тысяча лядунок^{viii} с сумами и с перевязми с порутчиком Еремеем Полугримовым.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по отписки // (л. 10 об.) для приходу неприятельских людей послан к столнику князь Федору Елецкому Новгородского розряду сотенных, и гусар, и копейщиков, и рейтар, и тех чинов начальных людей по росписи <...>⁴ человек. И с теми ратными и с прежними людми велено ему подступить на границу и стоять в пристойных местех, где чаядь приходу немецким людем. И велено тем ратным людем у него, князь Федора Елецкого, явитца генваря 7-е число 1701-го году. Да ему ж велено с ратными людми оберегать и Сомерскую волость, наипаче ж село Осмина^{ix}, чтоб от неприятельских людей какова разорения не учинилось.

Генваря в 7 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику князь Федору Елецкому, а велено ему писать в Великий Новгород Новгородского розряду новгородцкие помещики, которых имены под указом к нему посланы с Федором Зиновьевым генваря в 6-м и в 7-м числех 1701 году, в приезде хто имены записались и каких чинов.

Генваря в 9 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послано во Тверь к столнику и воеводе Василью Лодыженскому да к подьячему Андрею Усову иноземцов шведов ладожской два, олонецкой присылки // (л. 11) пятнатцать, всего семнатцать человек. И велено их принять и держать во Твери за крепким караулом, где пристойно, чтоб не ушли.

Генваря в 10-м числе по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено новгородским земским бурмистром, собрав, привести к приказной полате для государева дела новгородских жителей с посадцких людей двести подвод с санми и с проводники.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы о высылки Новгородского розряду всяких чинов людей новгородских помещиков Шелонской, Деревской, Бежецкой пятин, которые на указной срок по многим высылкам генваря по 8-е число не бывали, также и городов тверских, новоторжских, старицких, зубцовских, ржевских, торопецких, луцких помещиков, которые на указной же срок генваря 6-е число 1701-го году в Великий Новгород огурством^x своим и леностью не бы-

---

⁴ В ркп. пропуск.

вали ж и в приказной полате приездов своих не записали, и живут в домех своих, сыскав, выслать в Великий Новгород, а поместья их и вотчины отписать на великого государя и приказать тех поместей стеречь туточным жителем. //

(л. 11 об.) Генваря в 11 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику князь Григорью Путятину, чтоб он стоял на границе от неприятельских людей во опасении и про неприятельских людей проводить всякими обычаями накрепко, а что проведает, о том ему велено писать в Великий Новгород. А для высылки к нему, князь Григорью, из Великого Новгорода ратных людей высылшики в указные пятины посланы.

Генваря в 14 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы в Новгородской уезд для высылки ратных людей и недорослей, которые в службу поспели, старые подьячие к столнику князь Григорью Путятину на границу. И велено их выслать при себе без мотчания, а поместья их и вотчины, которые к нему, князь Григорью, огурством своим и леностью не бывали и живут в домех своих, отписать на великого государя и, описав, те поместья и вотчины велено беречь околним жителем, а жен и детей ис тех поместей вон выслать.

Генваря в 15 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по отписки столника князь Федора Елецкого // (л. 12) посланы по наказным памятам старые подьячие, а велено им⁵ по росписи у нетчиков, которые у него, князь Федора, не явились, поместья и вотчины отписать на великого государя, а жен и детей выслать вон.

Генваря в 16 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по отписки Костовской заставы заставного головы Афонасья Гурьева, что-де в сторону великого государя есть приход неприятельских людей и разорение, послан указ к столнику князь Федору Елецкому, чтоб он чинил по наказу, каков ему дан, и против неприятельских людей стоял бодро и без удробности⁶.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику князь Григорью Путятину против ево отписок, чтоб он против неприятельских людей происк чинил по-прежнему, потому что у него ратных людей немалое число, а что у него чинитца будет, о том ему велено писать в Великий Новгород. //

---

⁵ В ркп. повтор: им.

⁶ В ркп. исправление; вероятно, описка.

(л. 12 об.) Того ж числа по указу великого государя и грамоте писано во Псков к боярину Борису Петровичю Шереметеву и послано к нему новгородских помещиков московского чину да Бежецкие и Деревские пятин разных чинов, которые в приезде генваря 17-е число записались, 310 человек.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику х князь Федору Елецкому о посылке во Псков ратных людей, которые у него в приезде записались Деревские да Бежецкие пятин.

Генваря в <...>⁷ по имянному великого государя указу и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина писано на Олонец к столнику Семену Борятинскому о присылки в Великий Новгород с нарочными посылшики за караулом шведов семи человек, которых поимали кореляна и прислали на Туломозерскую заставу, а с Туломозерской заставы прислали на Олонец.

Генваря в 17 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича // (л. 13) Репнина посланы указы к столнику х князь Федору Елецкому да х князь Григорью Путятину, а велено им стоять на границе в пристойных местех и про неприятельских людей проведывать всякими обычаи, також и хто имяны, и коих пятин, и в котором числе ратные люди у них записались, о том им велено писать в Великий Новгород.

Генваря в 19 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику х князь Федору Елецкому. По отписки ево велено про неприятельских людей послать в розъезд для подлинной проповеди добрых людей, кому верить мочно, и з думным дворянином Иваном Ивановичем Щепиным о ведомости обослатца писмами. И буде приход неприятельских людей на Сомерскую волость будет, и ему б, князь Федору, по тем подлинным ведомостям подступить с ратными людьми конными и пешими к той Сомерской волости для оберегателства. А на границе велено оставить по вестем ратных людей по ево рассмотрению, да ему ж, князь Федору, велено сказать ратным конным людям, чтоб за ними были люди их с пищальми.

Генваря в 21 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича // (л. 13 об.) Репнина посланы к вышеписанным подьячим наказные памяти, чтоб у тех нетчиков поместей и вотчин не описывать и жен их и детей вон не высылать.

Того ж числа по указу великого государя о посылке по подлинным ведомостям от князь Федора Елецкого ратных людей в Сомерскую во-

---

⁷ Число не вписано.

лость к думному дворянину Ивану Ивановичю Щепину писано. Да к нему ж писано: которые в Сомерской волости преж сего бывали в драгунех и в салдатех и в походы хаживали, и тех людей велено собрать и с ружьем, каково у них есть, всех сомерских жителей собрав, пересмотря, переписать и выбрать к ним сотников из новокрещенов или ис казаков, у которых лошадей нет, и посылать их по рассмотрению на караулы, куды пристойно. Да ему ж велено выслать в Великий Новгород, не мотчав, денежную казну и хлебные запасы, которые у него, Ивана Щепина, оставили, несучи ис-под Ругодива, новоприборные салдаты.

Генваря в 22 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина, по писму из Дретна думного дворянина Ивана Щепина велено князь Федору Елецкому к Сомерской волости с ратными людьми конными подступить с великим поспешанием и против неприятельских людей чинить отпор, а в Тесове ратных людей никого не оставливать, // (л. 14) для того что велено быть в Тесове с полком полковнику Кашпиру Гулицу^{xi}, а х князь Григорью Путятину и в Ыльинской погост, и на Костовскую заставу послать ему ратных людей по прежнему великого государя указу, а о приходе неприятельских людей писать к великому государю к Москве.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина, а по ведомостям и по отпискам князь Григорья Путятина о приходе неприятельских людей в сторону великого государя и об осаде белгородских и ладожских стрелцов в селе Саре^{xii} велено князь Федору Елецкому к нему, князь Григорью, ратных людей послать триста человек, а ему, князь Григорью, против неприятельских людей чинить поиск с великим радением и ис (с)тороны⁸ свейских людей вон выбить. А для помочи послать к нему из Великого Новгорода два полки салдат да конницы шездесят вомс человек, которые по записки явились, и с теми салдацкими полковники чинить по согласию. А что по розъездом ему будет ведомо, о том тем полковником давать ведать непрестанно.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено ладожскому воеводе Ивану Чирикову быть во всякой осторожности // (л. 14 об.) и градских людей всяких чинов жителей пересмотреть, много ль их числом, и что у них какова ружья есть, пересмотря, переписать и велеть им быть во всякой осторожности и неприятельским людем, прося у Бога милости, чинить отпор бодро безо всякие робости. А у князь Григорья Путятина посланному подьячему взять скаску с подкреплением, для чего он пеших ратных людей белгородских и ладожских стрелцов в

---

⁸ Вероятно, пропущено: великого государя.

осаде оставил и без указа великого государя ис села Сары отступил, а отпору не чинил и съехал в город Ладогу собою и ратных людей ропустил. Шел бы он, князь, Григорей, с ратными людми по-прежнему против неприятельских людей чинить отпор и поиск над ними и пехотным полком, которые от неприятельских людей в осаде, дать помочь. А Николаю Фанвердену и Алексею Дедюту^{xiii} велено иттить в Ладогу с великим поспешанием, а князь Федору Елецкому послать х князь Григорью Путятину ратных людей конных двести человек.

Генваря в 24 по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в село Тесово к полковнику Кашпиру Гулицу, а велено ему рейтара Бориса Нелединского отпустить в Новгород.

Того ж числа по указу великого государя писано во Псков к боярину Борису Петровичю Шереметеву о присылки изо Пскова в Великий Новгород посланных дворян 310-ти человек, потому что для охранения на границу Новгородцкого уезду и в Сомерскую волость послать за малолюдством неково, // (л. 15) а неприятельские люди в сторону великого государя многолюдством вступили.

Генваря в 25 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память к староруским земским бурмистром о присылки в Великий Новгород староруских кузнецов за караулом, которые без отпуску из Новагорода бежали.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику и правиянту^{xiv} Ивану Строеву о выдаче столнику Тимофею Кудрявцову^{xv} в приказ за артиллерскую службу из запросного хлеба пять четвертей муки ржаной.

Генваря в 27 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику х князь Федору Елецкому по отписке ево, что он з думным дворянином Иваном Ивановичем Щепиным осведомитца писмами подлинно и, буде не чаядь неприятельских людей в Сомерскую волость приходу, до указу великого государя к Сомерской волости с ратными людьми подступать не велено, а в розъезды, куды пристойно, и в тое Сомерскую волость для проповеди неприятельских людей посылать // (л. 15 об.) всегда. И буде по писму думного дворянина по подлинной ведомости или в ыные места, где ему, князь Федору, по границе беречь велено, и ему б в те места подступить. А в Ъльинской погост на Костовскую заставу посылать ему по своему рассмотрению и по подлинным же ведомостем, а указного числа досталных ратных людей х князь Григорью Путятину посылать не велено.

Того ж числа послан указ к нему ж, князь Федору, велено ему отписать в Великий Новгород, ратные люди конные к столнику князь Григорью Путятину с кем имяны начальные люди посланы.

Того ж числа по двум великого государя грамотам и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы указы Новгородского розряду в города к воеводам, а в уезды к губным старостам для высылки в Великий Новгород дворян и детей боярских, которые служат полковую службу, копейщиков и рейтар, тех чинов детей их, и братьев, и племянников недорослей, и той службы начальных людей детей же, и их всяких свойственников февраля к 15-му числу 1701-го году. И велено им приезды свои записывать в Великом Новгороде в приказной полате на вышеписанной срок.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы указы к столнику х князь Федору // (л. 16) Елецкому и х князь Григорью Путятину и о сыску, и о поимки, и о присылки в Великий Новгород свейских беглецов, которые в забеге переезжают на рускую сторону, и которые руские крестьяне свейских людей ухоранивают и о ведомостях зарубежных о русских войсках доносят, и присягнули жить за свейским королем, и запасы за рубеж возят, также велено им послать о том же от себя на все заставы к заставным головам с сего указы памяти.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память Воцкие пятины Корелские половины к губному Ивану Кучецкому, велено ему в Воцкой и в Шелонской пятинах круг границе свейского рубежа переписать при понятых людех в стороне царского величества разоренные от неприятельских людей деревни.

Генваря в 28 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Тесово к полковнику Кашпиру Гулицу, а велено ему ратных конных людей, которые к нему посланы шездесят три человека по отписки ево, что-де у него явилось генваря 24-го числа пять человек, и по 24-е число которые у него в приезде не явились за их ослушанье и леность, как они явятца после того 24-го числа, написать ему в свой полк в салдацкую службу. //

(л. 16 об.) Генваря в 29 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ на Лавую к полковнику Николаю Фанвердену об отпуске с службы⁹ великого государя с Лавуй князь Данила, и князь Еуфима, и князь

---

⁹ В ркп. описка: сужбы.

Михайла княж Савиных детей Мышецких по их челобитью для их разорения.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено у князь Григорья Путятина ратных людей конных принять полковнику Николаю Фанвердену, а ему, князь Григорью, ехать в Великий Новгород да испот доприездьцов прислать дву человек дворян добрых.

Генваря в 30 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память Костовские заставы к заставным головам Афанасью Гурьеву, к Семену Апрелеву, чтоб они с ратными людьми стояли от неприятельских людей в осторожности и о всяких вестях писали б в Великий Новгород почасту.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина и по помете на указу дьяка Андрея Юдина велено Колесную слободу ведать генералу-^{*}маэору Якову Вилимовичю Брюсу^{*10}, для того что ту Колесную слободу делами присудна к пушечному делу. //

(л. 17) Генваря в 31 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина писано в Сомерскую волость к думному дворянину Ивану Ивановичю Щепину, а велено ему про неприятельских людей проведывать всякими обычаи, и буде будет приход, чинить им отпор. И чтоб писать в Новгород, не замотчав, много ль хлебных запасов отпушено в Новгород, и что в остатке, и за чем остаточной хлеб не отпушен, и великого государя денежная казна двести рублей, которую салдаты, несучи ис под Ругодива, оставили у него, прислать.

Февраля в 1 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено из Великого Новгорода в Ладогу к полковнику Николаю Фанвердину послать ратных людей конных всех чинов 135 человек приказные полаты с подьячим Гаврилой Гречениновым, а стать им в Ладоге, и явитца полковнику февраля 4-е число 1701-го году.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память к новгородским бурмистром. Велено в Великом Новгороде новгородцем посадским людем зделать всякому человеку по копью, или по бердышу, или по рогатины в скорых числах. //

(л. 17 об.) Февраля в 2 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено к заставным головам и к губным старостам послать памяти, которые до-

---

¹⁰ Тем же почерком вместо затертого.

роги из-за рубежа к Великому Новгороду, и к Ладоге и в Новгородской уезд, засечь уездными людьми тотчас, чтоб из-за рубежа в сторону великого государя проезду отнюдь не было.

Февраля в 4 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать в Ладогу к полковнику Николаю Фоввердену из Великого Новгорода ратных людей конных всех чинов, которые на смотре не явились, а записались февраля по 1-е число, и кои вновь записались февраля по 4-е число, 160-т человек. И велено им у него стать кончае февраля 7-е число и приезды их у себя записать, и хто ис тех ратных людей на вышеписанной срок в приезде не явитца, писать в Великий Новгород.

Февраля в 5 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать из Великого Новгорода в Сомерскую волость к думному дворянину Ивану Ивановичю Щепину новгородских новокрещенов и кормовых к прежним к семидесяти четырем человекам на прибавку 31 человек. И явитца им в Сомерской волости февраля 7-е число, и велено ему про неприятельских людей проведывать // (л. 18) и розъезды, куды пристойно, посылать, и что проведает и которые кормовые в Сомерской волости не явитца, писать в Великий Новгород и роспись нетчиком прислать.

Февраля в 8 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать в Новгородской уезд во все пятины площадных подъячих с наказными памятьми и выслать отставных дворян в Великий Новгород по росписям, и которые явитца и сверх тех росписей, февраля к 10-му числу 1701-го году. А которые отставные по высылкам не явитца и в приказной полате приездов своих не запишут, быть в жестоком наказанье беспашады, и поместья их и вотчины отписаны будут на великого государя.

Февраля в 9 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено дворянином Ивану Путилову, Лукьяну Мякинину за поздней приезд бить багоги и послать в Ладогу к полковнику Николаю Фоввердену.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено кормовым Дмитрею Альбекову. Семену Еналееву быть // (л. 18 об.) в Великом Новгороде в городничих¹¹ прежних городничих на Федорово да на Матвейво место Ивановых детей Черкашан, для того что Федор стар и дряхл, а брат его Матвей умре.

---

¹¹ В ркп. повтор: городничих.

Февраля в 10 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать князь Федору Елецкому по ведомостям на Костовскую заставу от себя ратных людей и проведать о неприятельских людех и, уведав подлинно неприятельских людей, на тое или в иные места, которые тебе ведать указано, самому с ратными людьми подступить или посылать от себя ратных людей, смотря по тамошнему и по своему рассмотрению, чтоб их в сторону великого государя отнюдь не пропустить.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено заставным головам Семену Апрелеву, Савелью Зеленину на Костовской заставе по отписки их, буде чады неприятельских людей приход на тое заставу, писать о способстве о ратных людей к князь Федору Елецкому. И на той заставе стоять с осторожностью, и Новгородского уезду деревень до разорения не допустить, и неприятельских людей чрез тое заставу в Новгородской уезд не пропустить.

Февраля в 11 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено князь Федору Елецкому впредь за колодники в провожатые посылать // (л. 19) из рейтар, а не ис салдат.

Февраля в 12 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать память в Тесово Воцкие пятины к архиерейским, и к монастырским, и дворцовым, и помещиковым крестьяном, чтоб ратным людям, которые стоят в Тесове, хлебные всякие припасы и конские кормы для продажи привозить и продавать повольною ценою, а буде продавать не учнут, и за то у них хлебные и конские кормы взяты будут безденежно.

Февраля в 14 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено князь Федору Елецкому по отпискам с Костовской заставы от голов в Ыльинской и Тугоцкой погосты и на тое заставу от себя ратных людей для проведыванья немецких людей послать, и проведав подлинно, подступить самому или послать от себя ратных людей, смотря по тамошнему и по своему рассмотрению, а что у него станет чинитца, о том писать в Великий Новгород. Да к нему ж послан из Великого Новгорода рейтар Марк Колобов, а ему, Марку, в Великом Новгороде за побег учинено наказанье бить вместо кнута батоги. Да ему ж, князь Федору, велено выслать в Великий Новгород Федора Семенова сына Квашнина-Самарина да Конана Иванова сына Елагина, не мотчав. //

(л. 19 об.) Февраля в 15 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать во Псков к Борису Петровичю Шереметеву Новгородского розряду ратных людей конных всех чинов, которые в приезде записались

февраля с 4 по 15 число того ж месяца, 242 человека, да из новгородской артиллерии, послано великого государя казны мартир весом 79 пуд 38 фунт на руспусках^{xvi} да к нему станок мартирной, 200 бомбов, к тем бомбам 200 трубок готовых наряженных, 25 бочек пороху мушкетного, да пушечного 20, да ручного 5 бочек с начальным человеком з Григорьем Никитиным сыном Тетеркиным.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать в Новгородской уезд во все пятины для высылки отставных дворян Василья Чертова, Григорья Безстужева, Савы Селивачева, Кирьяна Косицкого, Григорья Костюрина, Ивана Хвостова, Елисея Линева для отдачи Ивану Юрьеву сыну Татищеву для стругового дела.

Февраля в 20 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено с архиерейских и с монастырских и с помещицких и з дворцовых крестьян взять с пяти дворов по подводе с санми и с проводники и с ужищи^{xvii} и выслать их в Великий Новгород безсрочно. И для того посланы дворяна с указами в Новгородской уезд во все пятины да с ними драгун и розсылщик. //

(л. 20) Февраля в 22 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено князь Федору Елецкому о присылки в Великий Новгород ведомости, сколько у него ратных людей конных и каких чинов и коих пятин и городов февраля по 24-е число 1701-го году записалось.

Февраля в 24 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено Якову Римскому-Корсакову послать от себя в Ыльинской Тигоцкой и в Климентовской погосты и в иные места по границе, где пристойно, ратных людей по своему рассмотрению и про неприятельских людей проводить всякими обычаи накрепко. И буде где чаядь неприятельских людей приход и собрание, и в том месте против неприятельских людей чинить отпор, сколько Всемогущий Бог помощи подаст, чтоб одноконечно неприятельских людей в сторону великого государя не пропускать. И что у него будет чинитца и какие ведомости, о том писать в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено быть на службе великого государя в Ладоге с околичим и воеводою со князем Юрьем Федоровичем Щербатым в товарищах Якову Никитину сыну Корсакову и выслать // (л. 20 об.) ево на службу великого государя в Ладогу безсрочно и ведать ему полк до приходу околичего и воеводы. А ратным людям быть в Ладоге конным московского чину 50 человек, которые служат с новгородцы, новгородцам Воцкой, Обонежской пятин сотен-

ные службы, и гусаром, и копейщиком, и рейтаром, да ладожским конным казаком, рейтаром же 1121-му человеку пешим ладожским стрелцом и пушкарем 106 человекам, стрелецких полков полковником с полками Новгородском Мирону Баишеву, у него в полку 1123 человека белгородских и севских, Степану Стрекалову^{xviii}, у него в полку 1022 человека. А которые у него ратные люди ныне в Ладого конные Шелонской, Деревской, Бежецкой пятин и Новгородского розряду городов сотенные службы, и гусар, и копейщиков, и рейтар выслать в Великий Новгород безсрочно и велеть им явитца в приказной полате генералу и губернатору, ко князю Никите Ивановичю Репнину, и о том писать, и имянную роспись по чином прислать и про неприятельских людей проведывать, и что проведает, и что у него московского чину и Воцкой и Обонежской пятин и ладожских казаков, ратных людей и каких чинов их то имени, о том писать в Великий Новгород и имянную роспись прислать.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено *столнику князь^{*12} Федору Елецкому ратных людей конных Воцкой и Обонежской пятин всех чинов отдать в полк Якову Никитину сыну Корсакову самому // (л. 21) или кого он пришлет. А Шелонской, и Деревской, и Бежецкой пятин и Новгородского розряду городов ратных людей всех чинов и копорских конных казаков выслать в Великий Новгород безсрочно и самому ему ехать в Великий Новгород, не мотчав. А сколько имяны ратных людей и каких чинов отдаст в полк Якову Корсакову и в Великий Новгород вышлет, о том ему подать в Великом Новгороде роспись за рукою. А буде у него которые ратные люди посланы в село Дретно, и тех ратных людей отдать и послать, где кому быть указано.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено в селе Дретне думному дворянину Ивану Ивановичю Щепину новгородцев новокрещенов, которые к нему посланы, послать во Псков к генералу и губернатору ко князю Никите Ивановичю Репнину безсрочно, не мотчав, а которые ратные люди к нему от князь Федора Елецкого присланы, послать к нему, князь Федору, не замотчав.

Февраля в 26 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено послать память к новгородским бурмистром, что у запросных хлебных запасов стоят на карауле посадским людем. //

(л. 21 об.) Февраля в 28 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина велено

---

¹² Тем же почерком вместо затертого.

из Великого Новагорода послать к Москве шведов 18 человек ладожской присылки Бутырского полку с начальным человеком Алексеем Плещеевым и с провожатыми новгородскими стрельцами с восьмью человеки.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина писано во Псков к окольному Василью Борисовичу Бухвостову по отписке ево, чтоб впредь из Пскова в Великий Новгород без указу великого государя и без грамот с Москвы никаких языков не посылать, а посылать бы ему к Москве от себя с провожатыми.

Марта в 1 день послан указ в Обонежскую пятину к Остафею Дирину, а велено ему подводы выслать в Великий Новгород с поспешанием и радением. //

(л. 22) Генваря¹³ в 3 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ на заставу к заставному голове Андрею Федорову, а велено ему проводить про неприятельских людей, и проведав, писать в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Ладугу к Якову Римскому-Корсакову, а велено ему для проводыванья неприятельских немецких людей на Перечицкую заставу и в иные места послать ратных людей, сколько человек пригож, и уведав подлинно про неприятельских людей, буде чаять на тое заставу и в иные места, которые ему велено ведать, послать ратных людей, сколько человек пригож, по своему рассмотрению, чтоб неприятельских людей в сторону великого государя не пропустить и Новгородского уезду крестьян до разорения не допустить. //

(л. 22 об.) Марта в 7 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы с указом на Олонец начальные люди прапорщики Самсон Бежин, Яков Голостенев, да с ним послано ратных людей порховских, тверских, новоторжских, старорусских стрелцов, и пушкарей, и воротников, и розсылщиков и салдат 185 человек, а велено им, ратным людям, из Великого Новагорода итти в город Олонец с поспешанием.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Якову Римскому-Корсакову, а велено ему отписать в Великий Новгород, для чего он без указу великого государя ладожских стрелцов с караулу свел.

---

¹³ Так в ркп.; вероятно, описка, по смыслу: марта.

Да ему ж велено прислать именные списки ратным людям по чином, не мотчав.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Ладугу к земским бурмистром, а велено им на караулы // (л. 23) ставить ладожан посадских людей, а бес караулу у них отнюдь не было, и о том к воеводе Ивану Чирикову указ послан.

Марта в 10 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина и по грамоте из розряду посланы во все пятины о высылки во Псков жилцов новгородских помещиков и вотчинников по росписи, какова под тою грамотою, в дополонку в драгунские и в салдацкие полки на убылые места в начальные люди.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Кондратью Еремову сыну Наумову, а велено ему выслать в Великий Новгород с пяти дворов по подводе на указные сроки апреля в 25 число с великим поспешаними в скорых числах, не наводя никому ни для чего. //

(л. 23 об.) Марта в 11 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Якову Римскому-Корсакову. Велено ему московского чину Шелонской, и Деревской, и Бежецкой пятин сотенные службы начальных людей гусарского, и копейного, и рейтарского строев, и гусар, и копейщиков, и рейтар отпустить и выслать в Великий Новгород безсрочно, а Воцкой пятине помещиком всех чинов, и ладоским казаком, и стрелцом быть с ним в Ладуге.

Марта в 14 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан с указом великого государя на Сустинскую, и Усковолжинскую, и Кириковскую заставы из дворян Иван Васильев сын Аничков на место заставного головы Филипа Бестужева. А велено ему ево, Филипа, переменить, и какие к нему указы присланы у него, и стоять на той заставы и чинить во всем неотложно, и про неприятельских людей проведывать, и писать в Великий Новгород почасту. //

(л. 24) Марта в 15 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан с указом великого государя в Шелонскую пятину в деревню Медвешки капитан Микита Колоколцов. А велено ему в той деревни взять при понятых людех Леонтиевых крестьян Неплюева Гришку да Васку для розыску в государеве деле и, взяв их, отвезть во Псков.

Марта в 16 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Якову

Римскому-Корсакову, а велено ему проведывать про неприятелских людей с великим радением и неоплошно.

Марта в 24 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к нему ж, Якову Римскому-Корсакову, а велено ему подьячих и бумаги взять в Ладоге в съезжей избе у воеводы¹⁴ Ивана Чирикова. //

(л. 24) Марта в <...>¹⁵ по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к столнику и полковнику Миرونу Баишеву, а велено ему денежную казну своего полку у пятидесятников, у Федки Иванова с товарищем, принять своего полку полчаном и стрелцом по росчету роздать по наличным книгам всем налицо.

Марта в 28 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Ивану Бачманову, которой по указу великого государя збирал в Новгороде с пяти дворов по подводе. Велено ему подводчиков, которые у него есть ныне в зборе и чьих подводы и припасы, распустить по домом апреля до 30-го числа. А буде те подводчики с подводы и с припасы в Новгород не будут, тем учинен подводчиком будет смертная казнь.

Марта в 29 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя // (л. 25) Никиты Ивановича Репнина посланы таковы ж указы к дворяном о высылки вышеписанных подводчиков против того ж великого государя указу¹⁶.

Марта в <...>¹⁷ день послан указ в Ладогу к воеводе Ивану Чирикову о переписке стругов на реке Волхове, и на Тихвине, и на Свире, и на Онежском и на Ладожском озерах, и в ыных во всех местех, ис которых бы теми стругами мочно было пройти в Волхов и в Лугу реки с поспешанием.

Марта в <...>¹⁸ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан с указом отставной Козма Нармацкой, а велено от Великого Новагорода по реке Волхову и в пригороде Ладоге, и на Тихвине реки, и на Ладожском озере, и в ыных во всех местех всякие струги переписать с великим поспешением.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан с указом отставной Иван Гордеев, а велено ему на реки // (л. 25 об.) Свири, и на За-

---

¹⁴ В ркп. описка: у иво иводы.

¹⁵ Дата не вписана.

¹⁶ Далее текст написан другим почерком.

¹⁷ Дата не вписана.

¹⁸ Дата не вписана.

онежском озере, и в ыных во всех местех всякие струги переписать с великим поспешением.

Марта в <...>¹⁹ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина посланы указы в города во Ржеву Володимерову, на Луки Великие, в Торопец, во Ржеву Пустую, что марта по 16-е число ко струговому строенью кузнецов, и плотников, и работных людей, и железа, и лесов, и на конопат пенки, и смолы, и веревок, и иных припасов в Великом Новгороде не явилось, и велено им к тому струговому делу работных людей со всеми струговыми припасы в указные места выслать с великом поспешением неоплошно, чтоб струговому делу остановки ни малые не было.

Марта в <...>²⁰ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к Ивану Юрьевичу Татищеву о строенье стругов, чтоб те струги конечно к нынешней первой полой воде зделать со всякими снастями и к сплавке приготовить, не отымаяся ничем. //

(л. 26) Марта в <...>²¹ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина посланы указы Новгородцкого розряду в города к воеводам, а в Новгородской уезд во все пятины к высылшиком, чтоб к вышеписанному струговому строенью з дворового указного числа плотников и работных людей со всеми струговыми припасы в указное место высылали с поспешением необлошно, чтоб те струги поспели к вышеписанному указному числу. А будет которые крестьяня учинятца ослушны, и за то учинена будет им смертная казнь.

Марта в <...>²² день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан с указом отставной Яков Якимов для переписки стругов на Шелони реке и вкруг Илменя озера.

Марта в <...>²³ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послано память к Новгородским земским бурмистром о зборе и о присылке в приказную полату посаженных денег к мостовому строенью^{xix}. //

(л. 26 об.) Марта в <...>²⁴ день по указу великого государя и по грамоте из Новгородского приказу и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина даны указы дворяном Василью Анич-

---

¹⁹ Дата не вписана.

²⁰ Дата не вписана.

²¹ Дата не вписана.

²² Дата не вписана.

²³ Дата не вписана.

²⁴ Дата не вписана.

кову да Макею Пустошкину, чтоб о переписке в Великом Новгороде на Софейской и на Торговой сторонах по болшим проезжим улицам и по иным местам плохих мостов.

Марта в <...>²⁵ день по указу великого государя и по вышеписанной грамоте и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина посланы указы з дворяном о мощенье мостов от села Волдая до Новагорода.

Марта в <...>²⁶ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина, а по указному писму от правянских дел посланы указы в Новгородской уезд к дворяном, которые посланы для высылки подвод з десяти дворов по подводе во Псков. Велено те подводы остановить и сказать великого государя указ тем подвотчиком, чтоб они, телеги и всякие путевые припасы оставя, где кому сподручно, ехали налегке ото Пскова в ближние места верст по пятьдесят и лость²⁷, где им возможно без нужды лошадей // (л. 27) прокормить, чтоб были сыты и к походу были во всякой готовности. И стоять в тех местех до указу великого государя и никуды не разбежатца, и стоять ко Пскову не за водами, чтоб весною в полуию воду пройтить было свободно и за водами неодождно. А как изо Пскова с ним, дворяном, станет писать столник и правянт²⁸ Михайло Шишкин, и им ехать с подводы тотчас безсрочно, не мешкая ни малого времени, и являлись ему, провианту.

Марта в <...>²⁹ день по указу великого государя и по грамоте и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина посланы по наказом дворяня для высылки из Новгородского уезду ис шеснатцати городов з десяти дворов во Псков подвод к указным сроком майя к 1-му, и ко 2-му, и к 3-му, и к 4-му, а одноконечно к 5-му числу нынешняго 1701-го году.

Марта в <...>³⁰ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к Василью Неплюеву. Велено на реке Луге которые есть плоты, беречь уездным Вотцкой, Шелонской пятин дворцовым и помещицким крестьяном, которые // (л. 27 об.) живут в близости той реки, чтоб те плоты не рознесло и к походу были в готовности.

Марта в <...>³¹ день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к

---

²⁵ Дата не вписана.

²⁶ Дата не вписана.

²⁷ Так в ркп.

²⁸ Так в ркп.

²⁹ Дата не вписана.

³⁰ Дата не вписана.

³¹ Дата не вписана.

Якову Римскому-Корсакову. Велено ему о приходе свейских воинских людей и на Лавуи жить с великим поспешением и осторожностью, также и Новгородцкого уезду и иных пограничных мест от приходу неприятельского остерегать и про них, неприятелей, проводывать подлинно³².

Апреля в 3 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина, а по челобитью ладожских стрелцов послан указ в Ладогу к воеводе Ивану Чирикову о пересмотре и переписке у них ружья, сколько ныне налицо, и о присылки в Великий Новгород переписной росписи. //

(л. 28) Апреля в 4 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина по челобитью новгородских кормовых рейтар писано в село Дретно к думному дворянину Ивану Ивановичю Щепину аб отпуске кормовых в Новгород для покупки лошадей, и седел, и всякой служивой збури. А вместо их к нему посланы на отпор неприятельских людей копорские конные казаки 89 человек, и о посылки к нему тех казаков писано и пороху 12 пуд и свинцу с ними того ж числа послано.

Апреля в 7 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память к старорусским бурмистром о высылки к струговому строению кузнецов и плотников и работных людей со всеми струговыми припасы.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы отписки во Псков, да на Олонец, в города указы, на Луки Великие, в Торопец, в Холм, во Ржеву Володимерову, во Ржеву Пустую, в Старую Русу о высылке к струговому строению всяких припасов.

Апреля в 8 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы // (л. 28 об.) указы в 16-ть городов к воеводам и дворяном, также и в Новгородцкой уезд к дворяном и в Старую Русу к бурмистрам с драгуны о высылке з 10-ти дворов по подводе во Псков к указным сроком без мотчания под смертною казнию. Да сверх того велено собрать со Псковского посаду с пяти да со Псковского ж, с Луцкого, с Торопецкого, с Холмского уездов з дватцати дворов по подводе.

Апреля в 11 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан с указом Кандратей Скобелцын по Московской дороге до села Волдая, а велено ему на той дороге пересмотреть и переписать мосты, и сколько у посланных дворян, и в коих местех и урочищах вновь мостов намощено, и

---

³² Далее текст написан первым почерком.

что мощеных мостов по мере сажен. Да ему ж в селе Волдае поставленные припасы пересмотреть и переписать и указать дворянину Тимофею Андрееву сказать, за чем он тех припасов в Великий Новгород ис того села не прислал.

Апреля 14 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина и по помете на выписки дьяка Андрея Озерова посланы к губным старостам в Новгородской уезд во все пятины памяти о зборе с архиерейских, и монастырских, и помещиковых, и вотчинниковых крестьянских и бобыльских, и задворных, и деловых людей дворов по переписным книгам 186-го году по 4 з двора. //

(л. 29) Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послана память к новгородским бурмистром о зборе в Новгороде с посадских жителей с наличного поперечнику по 4 сажени, также и прошлого роскладу о зборе в строение Большого Волховского и Кривого мостов по четыре денги ж с сажени и о присылки тех денег в приказную полату.

Апреля в 18 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Якову Римскому-Корсакову по ево отписки. А велено рыбным ловцам заказ учинить накрепко, чтоб они на Ладожское озеро рыбы ловить отнюдь не ездили. И буде указу учинятца ослушны и рыбы ловить ездить станут, и за то им учинена будет смертная казнь. А для проведыванья про неприятельских людей послать ему из Ладоги конницы, сколько человек пристойно, и для оберегания по границы сел и деревень до разорения от них тамошних жителей не допустить и чинить над ними промысл с великим радением. Да ему ж описные струги, которые переписал в Ладоге воевода, велено пригнать в Великий Новгород кому пригож, а в Ладоги остановить три или четыре струги. А переписную роспись к стругам взять ему у ладожского воеводы Ивана Чирикова.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память к новгородским бурмистром. Велено // (л. 29 об.) в мостовое строение зборные посаженные денги для мостового строения, собрав, прислать в приказную полату без мотчания, а в Ладоге ладожаням посадским и всяких чинов людям сказать, чтоб оне на Ладожском озере близ немецкой границе рыбы отнюдь не ловили, а буде станут ловить, и за то им учинена будет смертная казнь, а для провожания до Великого Новгорода стругов дать бы ладожан посадских людей, сколько пристойно, Якову Корсакову.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы памяти в Новгородской уезд во все пятины к губным старостам, а в города к воево-

дам указы и отписки о высылке на службу великого государя новгородцов дворян и детей боярских всех пятин и новокрещеном и казаком во Псков в полк околничего и воеводы князя Юрья Федоровича Шербатово гусар, и копейщиков, и рейтар всех по спискам в Ладогу в полк околничего и воеводы Петра Матвеевича Опраксина полковые сотенные службы всем же по списком на указной срок мая к 7-му числу нынешняго 1701-го году.

Апреля в 18 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ в Бежецкой Верх к воеводе о высылки Бежецкого Верха уезду крестьян к // (л. 30) струговому строению со всеми струговыми припасы.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы указы во все 16-го городов к воеводам и дворяном, также и в Новгородцкой уезд к дворяном в Старую Русу з драгунам о высылки вышеписанных подвод з десяти дворов во Псков к указным сроком без мотчания под смертною казнью. Да сверх того Псковского посаду с пяти да со Псковского ж, с Луцкого, с Торопецкого, Холмского уездов з дватцати дворов по подводе вышеписанные.

Апреля в 19 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к дворяном московским Андрею Клеопину, Тимофею Сукину по их отпискам не о послушании³³ крестьян, которые великого государя указу чинились ослушны и с мостов бежали, велено бить кнутом на козле нещадно да на них же доправить пени по 5 рубли.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послана память к новгородским бурмистром о мощенье мостов в Новгороде на обеих сторонах чрез рвы и по улицам, // (л. 30 об.) кои мосты плохи, с великим радением.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ в Ладогу к Прокофью Нармацкому. Велено ему с колодники, которые у него поманы, ехать в Великий Новгород.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан с памятью подьячей Федор Зеленин. Велено ему подводчиков крестьян Савы Боровитинова, которые подвод не дали и подьячего били, за непослушание бить кнутом, а Якова Секирина, Мирона Баишева крестьян по сыску бить батоги.

---

³³ Вероятно, описка; по смыслу: о непослушании.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к Якову Римскому-Корсакову. Велено ему к Петру Васильеву сыну Чертову для отпору неприятельских людей послать ратных людей конных, сколько человек пристойно, смотря по тамошнему, чтоб Новгородцкого уезду до разорения не допустить.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Петру Чертову. Велено ему о присылке к себе для отпору ратных людей писать от себя к Якову Корсакову. //

(л. 31) Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послана память к староруским бурмистром о высылке в Новгород староруских стрелцов всех со всею службою и з запасы без мотчания.

Апреля в 21 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ в Ладугу к Якову Корсакову по отписке ладожского воеводы Ивана Чирикова. Велено с ратными конными и пешими людьми подступить к границе против неприятельских людей по ведомостям, где их чаюдь приход, и чинить отпор и поиск, и Новгородцкого и Ладожского уездов жителей до разорения не допустить, и тех неприятелей в сторону великого государя отнюдь не пропустить.

Апреля в 22 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан с памятью подьячей Потап Евстратов о высылке ладожских ямских охотников с лошадми, с телеги и с припасы в Великий Новгород вскоре. Да ему ж велено в городе Ладоге ладожан с посадцких людей собрать с дву дворов по подводе со всякими путевыми припасы, и собрав, ехать в Великий Новгород с великим поспешанием одноконечно // (л. 31 об.) к 27-му числу 1701-го году. А буде вскоре до того числа с подводы, собрав, в Великом Новгороде не станет или ладожания посадцкие люди и ямшики в тех подводах в чем учинятца не послушны, и за то им учинена будет смертная казнь бес пощады.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к ладожскому воеводе Ивану Чирикову о высылке и зборе подвод подьячему Василью Лялину учинить вспоможение, чтоб те подводы высланы в Великий Новгород до походу из Новагорода ратных людей.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ в Ладугу к Якову Римскому-Корсакову о присылке в Новгород описных стругов.

Апреля в 23 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к

Якову Римскому-Корсакову по отписки ладожского воеводы Ивана Чирикова. Велено ему з государевыми ратными людми против неприятельских людей чинить отпор, сколко Бог помощи подаст, и их, неприятельских людей, ис стороны великого государя вон выбить и жителей не допустить // (л. 32) до разорения. Да ему ж велено в сторону великого государя на Гороховскую заставу послать ратных людей, сколко человек пристойно.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ в Новгородской уезд к дворянину Михайлу Тотаринову по отписки ево велено ему, за ослушанье в подводной высылки крестьян сыскивая, чинить по розыску жестокое наказанье, бить кнутом и батоги, а подводны высылать в Новгород с провожатыми и во Псков по указу.

Того ж числа по указу великого государя и по грамоте и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ <...>³⁴ о мощенье мостов по Сабской дороге до Сутоцкого, от Сутоцкого до Менюского монастырей, от Менюского до Медвецкого до Передолского погостов, от Передолского до деревень Онежиц и Заозерья, от Заозерья до Свинцового Берегу и до деревни Ропки, и Толковы, и Ситенки, и Губка, и Красных Гор до села Осмина чрез болота и речки, и всякие топи и бояраки, и топи, где телегами переехать безмосто не мочно, Новгородского уезду сошными людми с переменою по сту человек, которые живут в ближних местех.

Апреля в 25 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина // (л. 32 об.) посланы дворяне по наказу Вазилей Лушник, Кандратей Скобелцын на Мсту реку. И на той реке веле<но>³⁵ им приискать в удобных лесах 150 досок сосновых осмисаженных толщиною в вершек, 220-ть досок семи-саженных, девятсот тугунов дубовых длиною в полтора аршина, собрав круг тех мест верст за тридцать архиерейских, и монастырских, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян, вышписанное число досок и тугунов зделать и вытесать вскоре с поспешением и привести в Новгород, как пристойно. И в коих местех в вышписанную меру указное число описав пригнать в Новгород, а вновь не тесать.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина посланы памяти в Новгородской уезд во все пятины к губным старостам, а в Торжок к воеводе о высылке московского чину столников и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, которые из Великого Новагорода отпущены в дома

---

³⁴ В ркп. оставлено пустое место.

³⁵ Слово не дописано.

для полковых запасов апреля до 30-го числа, скорее безсрочно, чтоб они стали в Новгороде заранее указного сроку.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина посланы памяти к губным старостам о высылке вышеписанных ратных людей в вышеписанные полки к околичим во Псков и в Ладогу, // (л. 33) чтоб оне стали во Пскове и в Ладоге заранее указного сроку безо всякого огурства и лености.

Апреля в 29 день по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина послан указ к Якову Римскому-Корсакову об отдаче ратных людей конных и пеших города Ладоге воеводе Ивану Чирикову, а самому ехать во Псков в полк околичего и воеводы князя Юрья Федоровича Щербатово.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ Ладоге к воеводе Ивану Чирикову о приеме ратных людей конных и пеших у Якова Корсакова. И чинить ему с теми ратными людьми осторожность и оберегателство с великим радением, чтоб Новгородского уезду деревень и города Ладоге до разорения не допустить. И для проведыванья свейских людей от себя посылать ратных людей, сколько человек пригож, и поставить их в удобных местех, и буде чаядь приход, и ему з государевыми людьми чинить отпор, сколько Бог помощи подаст.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ в Ладогу к воеводе Ивану Чирикову о присылки // (л. 33 об.) в Новгород струговой описной росписи.

Апреля в 30 день по указу великого государя и по грамоте от провиантских дел и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан указ к провианту Петру Висленеву о выдаче постелничему Гаврилы Ивановичю Головкину из запросных великого государя хлебных запасов муки ржаной дватцати, сухарей десяти четвертей.

Того ж числа по указу великого государя и по приказу генерала и губернатора князя Никите Ивановича Репнина послан приказные полаты подьячей Никита Меркушев с памятью на мосты. А велено ему крестьян ослушников, которые с мостов бежали и указу великого государя чинились ослушны, и про их ослушанье и збег, розыскав, учинить наказанье, бить кнутом на козле нещадно, да на них доправить пени 50 рублей.

Послан великого государя указ в Ладогу к Якову Римскому-Корсакову о вспоможение посланному из Великого Новгорода дворянину Прокофью // (л. 34) Нармацкому поимки расколников и для розысок из

белгородских из ладожских стрелцов о даче ему ж сколько человек понадобитца.

На л. 2–34 по правому полю и после окончания текста на л. 34 скрепа: Дьяк Андрей Озеров.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–34. Подлинник.

ⁱ Арина (Ирина) Григорьевна Трубецкая (урожд. Нарышкина) в 1711 г. вместе с детьми уехала в Стокгольм, чтобы разделить участь попавшего под Нарвой в шведский плен мужа.

ⁱⁱ Пшага (совр. Мшага) – река в Новгородском уезде, левый приток Шелони.

ⁱⁱⁱ Речь идет о князе Михаиле Михайловиче Голицыне (старшем) (1675–1730), прапорщике лейб-гвардии Семеновского полка.

^{iv} Новокрещены – потомки принявших православную веру и испомещенных в XVI – начале XVII в. казанских и астраханских татар. Кормовые новокрещены получали денежный корм за различные служебные поручения.

^v В 1698 г. во время заграничного путешествия будущий генерал-фельдмаршал (с 1701 г.) Б. П. Шереметев посетил Мальту. Магистр мальтийских рыцарей Раймунд Переллос Рокафул посвятил Б. П. Шереметева в рыцари и возложил на него алмазный мальтийский командорский крест. В феврале 1699 г. Петр I указал в Разряде, Боярской книге и других документах писать титул Б. Б. Шереметева: «боярин и военный кавалер Малтийской свидететствованный». Соответствующие распоряжения были посланы в Посольский, Новгородский, Малороссийский и другие приказы (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 12. СПб., 1872. № 97. С. 401).

^{vi} «Немецкий свейский рубеж» – система русских застав вдоль границы, сформированная к XVII в. и привязанная к основным дорогам (*Шмелев К. В.* Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // *Новый часовой: Русский военно-исторический журнал.* 2004. № 15–16. С. 7).

^{vii} Возможно, имелась в виду пищаль, отлитая мастером Семеном Дубининым в 1580 г. Ее ствол был украшен рельефной спиралью и походил на свиток. В XVII в. пушка находилась в Великом Новгороде; в сметной росписи сохранилось ее описание: «...в каменном городе против Пречистенских больших ворот пушка Свиток, ядро к ней весом по кружалу в 40 гривенок, мерою пушка 6 аршин полвершка» (*Анисимов Е. В., Базарова Т. А.* «Центр обширной провинции...»... С. 29). Это тяжелое орудие использовалось при осаде Нарвы в 1700 г.

^{viii} Лядунка – сумка для патронов, носимая на перевязи через плечо.

^{ix} Земли Сомерской волости граничили с владениями шведской короны; село Осьмино располагалось близ дороги на Нарву.

^x Огурство – непослушание, своеволие, упрямство.

^{xi} Каспар Гулиц командовал сформированным весной 1700 г. новоприборным солдатским полком.

^{xii} Село Сара находилось в Сомерской волости близ села Осьмино. Об осаде стрельцов см. также: Северная война 1700–1721 гг.: К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. М., 2009. № 80. С. 98.

^{xiii} Речь идет о двух солдатских полках, сформированных комиссией А. И. Репнина в Казани, которые возглавляли Николай Григорьевич Фанверден (фон Верден) (ум. 1712)

и стольник Алексей Михайлович Дедют (*Рабинович М. Д.* Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977. С. 38).

^{xiv} Точнее, провиантмейстеру – лицу, ведавшему продовольственным снабжением российского войска.

^{xv} Стольник Тимофей Семенович Кудрявцев (1652–1729) с начала Северной войны состоял при Пушкарском приказе. В начале 1701 г. царь указал стольнику «быть у приему колоколов» (*Бычков А. Ф.* Уважение Петра Великого к памятникам старины 1701 г. // Русская старина. Т. 73. СПб., 1892. С. 265).

^{xvi} Роспуск – четырехколесная повозка, которая использовалась для перевозки осадных мортир.

^{xvii} То есть с веревками.

^{xviii} В 1700 г. стрелецкие полки стольников Мирона Григорьевича Баишева и Степана Матвеевича Стрекалова осаждали Нарву. В 1701 г. полк М. Г. Баишева объединили с полком его сына Федора. Затем полки М. Г. Баишева и С. М. Стрекалова вошли в состав корпуса П. М. Апраксина и воевали в Ингерманландии и Лифляндии (*Рабинович М. Д.* Полки петровской армии 1698–1725... С. 16, 18–19).

^{xix} На мостовое строение собирали по четыре деньги в Новгородском уезде с каждого двора, а с жителей Великого Новгорода – с сажени (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 46).

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Андреев

НОВГОРОД ИЛИ ЗАБЫТАЯ РОССИЯ...

Рецензия на книгу: *Novgorod ou la Russie oubliée: Une république commerçante (XIIe - XVe siècles)*. Ouvrage dirigé par Philippe Frison et Olga Sevastyanova. Paris: La Ver à Soie, 2015. 462 p.

История древнего Новгорода в течение последних веков изучалась и изучается не только в России, но и за рубежом. Несмотря на то, что политический и социально-экономический уклад Великого Новгорода изучен в целом лучше других городов и земель Древней Руси, эта тема по-прежнему привлекает многих исследователей со всего мира. Доказательством тому служат издаваемые монографии и регулярно приводящиеся конференции по изучению новгородской истории и культуры. В марте 2015 г. свет увидел труд, явившийся плодом усилий международного коллектива авторов из России, Франции, США, Великобритании, Германии, Финляндии и Польши под общей редакцией Филиппа Фризонна из Университета Страсбурга (Франция) и Ольги Севастьяновой из Университета Абердина (Шотландия, Великобритания). Эта коллективная монография, получившая название «Новгород или забытая Россия: торговая республика (XII–XV вв.)», готовилась, по всей видимости, в течение долгого времени (среди авторов упомянут ушедший от нас в 2010 г. В. И. Поветкин). К слову, в конце книги помещён список авторов, в котором, однако, не отмечены главы, написанные соответствующими учёными¹.

Монография представляет собой качественное научное издание с отличными иллюстрациями и подробным справочным аппаратом.

В предисловии издания объясняется, что французская историография истории древнего Новгорода ведёт своё начало с конца XVIII в. – с появления многотомной «Истории России» Пьера-Шарля Левека². Именно Левек во многом создал образ Новгорода во француз-

---

¹ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 455.

² *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Т. 1–5. Paris, 1782.

ской исторической науке и литературе, который во многом повлиял на последующих авторов.

Также в предисловии авторы довольно тенденциозно заявили, что в книге освещены сюжеты, «которые в настоящее время забыты в учебниках истории путинской России»³. Видимо, тем самым авторы намекают на табуированность некоторых тем в современном российском историческом дискурсе. Однако этот анонс лишь остается анонсом для привлечения внимания читателя. К сожалению для авторов, в оглавлении нет ни одного сюжета, который не разрабатывался современными российскими исследователями.

В начале книги описывается весь спектр вопросов средневековой истории Новгорода. В первом разделе авторами последовательно рассмотрены сюжеты особенностей географического положения города и его влияния на торговый уклад новгородской экономики. Вместе с этим отдельные главы посвящены отношениям Новгорода с северными странами, прочими европейскими государствами, Литвой. В отдельной главе повествуется о топографии Новгорода.

Второй раздел целиком посвящён политическим и правовым основам жизни средневекового Новгорода. Отдельные главы рассказывают о взаимоотношениях республиканского города с соседями (Владимирским княжеством и Литвой), о вхождении Новгородской земли в состав Московского государства, о «вечевой» теории, которая названа «важнейшей составляющей русской культуры», о правовой базе и правоприменительных практиках. В последней главе раздела авторы повествуют о Пскове и его взаимоотношениях со «старшим братом».

В третьем разделе книги в фокусе внимания находятся вопросы социальной и экономической жизни в средневековом Новгороде (главы соответственно посвящены экономике, иностранным торговым дворам, социальной организации, берестяным грамотам и положению женщин).

В четвёртом разделе речь идёт о религии и культуре. Здесь авторы описали религиозную жизнь горожан, коснулись вопросов о ересь в XIV–XVI вв., музыкальной культуры Новгорода, его архитектуры, изящных искусств, истории памятников. Кроме того, не осталась обойдённой вниманием тема культурных отношений Новгорода и Запада в XII–XVI вв.

В пятом, заключительном разделе авторы сосредоточились на историографии Новгорода. Здесь речь идёт о новгородских летописях, о месте Новгорода на урбанистической карте Европы. Отдельная глава получила название «Новгород, миф русской мысли или метаморфозы образа древнего Новгорода от Екатерины II до Путина». Последняя гла-

---

³ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 9.

ва раздела, написанная академиком В. Л. Яниным, получила название «Обзор новгородской истории», она также является своеобразным заключением книги.

Л. Штайндорф, профессор истории в Кильском университете имени Кристиана Альбрехта, рассматривает историю политической и административной жизни Новгорода в контексте урбанистических практик европейских городов⁴. Предваряет обзор краткая справка о наблюдениях европейских путешественников, побывавших в Новгороде в XV–XVI вв. Немецкий исследователь рассмотрел этапы развития историографии Новгорода и основные концепции перед тем, как перейти к основной части своей главы, в которой он сравнил, основываясь на предшествующих исследованиях, политические порядки в Новгороде с рядом европейских (итальянские города-государства, Дубровник) и русских (Москва, Тверь, Псков) городов.

Наблюдение Штайндорфа, что разделение, принятое в европейских городах, на патрициев и плебеев не было характерно для Новгорода, является одним из важнейших выводов книги⁵. Согласно изложенной в этой главе концепции классификации городов Новгород принадлежит к группе полисов, которые появились на карте Европы в Средние века и были укрепленными административными и религиозными центрами, в то время как ремёсла и торговля развивались в предместьях. К этой группе относятся такие города, как Прага, Краков, Киев, Смоленск.

В конце главы немецкий историк указал на то, что Новгород был местом, где западное христианство встречалось с восточным и что он был одним из величайших городских центров в Европе.

В главе, посвящённой месту Новгорода в общественно-политической мысли от Екатерины II до В. В. Путина, О. Севастьянова приводит взгляды как российских, так и французских мыслителей и учёных касательно республиканских порядков. Помимо П.-Ш. Левека, упоминаются Н.-Г. Леклерк, Ш. Монтескьё, Ж. Шапп д'Отрош⁶.

Необходимо заметить, что достаточно подробный разбор взглядов Екатерины II на новгородскую политическую систему встречается нечасто и является несомненным достоинством обзора. Как известно, Екатерина II написала две пьесы (о Василии Буслаеве и Рюрикe), в которых изложила своё понимание порядков в Новгороде. Помимо императрицы, Севастьянова упомянула о В. Н. Татищеве, М. В. Ломоносове, М. М. Щербатове, Я. Б. Княжнине, А. Н. Радищеве.

---

⁴ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 351–361.

⁵ Ibid. P. 355.

⁶ Ibid. P. 364–370.

В целом место Новгорода в историографии общественной мысли XVIII в. у автора получилось разобрать лучше, чем XIX в. Здесь упоминаний удостоились Н. М. Карамзин, Н. М. Муравьев, поэты, писатели и художники, использовавшие новгородские сюжеты в своём творчестве. Однако взгляды русских историков XIX в. остались не затронутыми. Так, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский упоминаются лишь однажды, а С. М. Соловьёв, И. Д. Беляев, А. И. Никитский, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, Б. Д. Греков – ни разу. Отметим, что в настоящем разделе никак не упомянут первый номер возобновлённого «Новгородского исторического сборника», целиком посвящённого вопросам историографии Новгорода⁷. Задача проследить эволюцию общественной мысли до нынешнего времени осталась невыполненной. Часть, посвящённая началу XXI в., практически полностью свелась к цитированию серии фильмов Ф. В. Разумовского. Севастьянова в конце приходит к выводу, что современная российская власть пытается создать образ демократии как «одну из форм анархии и отсутствия порядка»⁸. При этом новгородская история представляет собой иллюстрацию такой анархии.

Большой заслугой авторского коллектива является привлечение обширной литературы по истории Новгорода как русской, так и иностранной. Авторы ссылаются на энциклопедический словарь «Великий Новгород», вышедший в 2007 г. и ставший результатом творчества большого числа исследователей вопросов истории и культуры Новгорода⁹. Однако вызывает удивление, что авторы не включили в библиографический список некоторые важные работы по истории Новгорода¹⁰.

Размещённый в монографии план Новгорода представляет собой упрощённую версию карты города¹¹. Отметим, что ряд улиц транслитерирован с ошибками, так улица Легоща стала «*Legochtch*», Хревкова – «*Chcherkov*», а Росткина превратилась в «*Rostokino*» и т. д. Предпочтительнее для авторов было бы взять подобные планы из уже упоминавшегося словаря «Великий Новгород», где расположение улиц дано более подробно и наглядно¹².

Примечательной выглядит наглядная хронология, помещённая в конце книги. Она представляет собой таблицу, разделённую на четыре

---

⁷ Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1981.

⁸ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 382.

⁹ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009.

¹⁰ *Birnbaum H.* Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. Ohio, 1981; *Novgorod: Dasmittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands* / Hg. von M. Müller-Wille, V. L. Janin. Verlag, 2001; *Marturano A. C.* L'oro di Novgorod. Meda, 2008; *Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М., 2008.

¹¹ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 93.

¹² Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков... С. 460, 464.

столбца, в которой помещены основные даты: 1) русской истории, 2) политической и экономической жизни Новгорода, 3) религии, культуры и общественной жизни и 4) европейской истории – чтобы читатель мог наглядно представить этапы исторического процесса в разных частях Европы. Изучение подобной таблицы само по себе является весьма увлекательным делом¹³.

Авторы монографии в целом придерживаются концепции, что Новгород был торговой республикой. Однако современные исследования по экономической истории города доказывают, что основой богатства патрициев (боярства) была земельная собственность. Об этом пишет и Штайндорф: «город управлялся олигархией, чьё богатство зависело от землевладения и торговли»¹⁴.

По прочтении книги у читателя должно сложиться впечатление, что появление и развитие «вольностей» Новгорода было обусловлено перманентной борьбой между великим князем и другими князьями. Поэтому политическая борьба представляет собой благо для России и для благополучия её граждан, а не анархией, как её рассматривают консервативные идеологи.

Подробное изложение сюжетов истории древнего Новгорода является сильной стороной издания. Однако некоторые главы откровенно дублируют друг друга (особенно в вопросах отношений Новгорода с европейскими соседями). К примеру, глава, написанная Л. Штайндорфом, повторяет сюжеты, рассмотренные в первом и втором разделах. Данный труд, несомненно, имеет большое значение в деле знакомства франкоязычного читателя со средневековой русской историей, и появление подобных изданий следует только приветствовать. По всей видимости, в зарубежных странах интерес к истории Великого Новгорода будет только расти, поэтому можно прогнозировать появление обобщающих трудов по русской истории на других европейских (возможно, азиатских) языках. Такие монографии весьма полезны, поскольку представляют собой в некоторых моментах отличный взгляд на русскую историю и создают контекст для научной дискуссии.

---

¹³ Novgorod ou la Russie oubliée... P. 412–450.

¹⁴ Ibid. P. 352.

А. А. Роменский

ПОД СЕНЬЮ БОЖЬЕЙ ПРЕМУДРОСТИ

**Рецензия на книгу: Мусин А. Е. Загадки дома
Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.
СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. 240 с.**

Новая книга известного историка и археолога А. Е. Мусина посвящена новгородскому «дому Святой Софии». Серия очерков освещает историю не только архиепископской резиденции Новгорода и его иерархов, но и всей церковной общины в ее взаимоотношениях с Киевской, впоследствии – Московской митрополией, Константинопольским патриархатом и светской властью. Каждый из очерков раскрывает круг дискуссионных в исторической науке проблем за более чем шесть столетий: от времени легендарного Иоакима Корсунянина, ставшего первым епископом города на Волхове, до конца XVI в., когда Новгородская архиепископия, ставшая митрополией, одновременно лишается последних привилегий и оригинальных традиций. В центре внимания автора, разделяющего основные методологические посылы культурной антропологии, – не столько Церковь как иерархическая структура и сообщество «верных», сколько сам человек Средневековья, его христианское мировосприятие и осознание себя. История Церкви на Руси, обычно реконструируемая сквозь призму биографий глав кафедр, контактов и конфликтов светской и церковной власти, переосмысливается как неотъемлемая и важнейшая часть человеческой культуры и повседневного быта, а парадигмы средневекового сознания в виртуозных руках историка нередко становятся ключом для интерпретации «загадок» прошлого Софийского дома и ответов на вопросы к источнику. Впрочем, немало места в исследовании уделено и личностям новгородских владык, их связям с местными и великими князьями, подчеркивается влияние политических установок на позднейшее осмысление событий в сохранившихся летописных нарративах. История «софиян» рассматривается на широком фоне основных тенденций развития средневековой Восточной Европы, в становлении которых Новгород, бывший одним из двух ведущих центров государства Рюриковичей (с. 10–11), принимал важное, иногда и определяющее участие.

Во введении А. Е. Мусин формулирует свое исследовательское credo – отстаивать истину в противостоянии с «идолопоклонством» современной исторической политики, базирующейся на порой искусственно внедряемых стереотипах и откровенном мифотворчестве. Конструируемому государством «единственно верному» нарративу противо-

стоит подход, основанный на антропологическом взгляде на прошлое, «личной причастности гражданина к истории» (с. 8) и акценте на полифонии в сохранившихся свидетельствах.

Первый из очерков посвящен «темным векам» истории Руси – эпохам Владимира Святого и Ярослава Мудрого (А. Е. Мусин, как и другие современные специалисты, отличает русь как этносоциальную общность и корпорацию от Руси как государства, сердцевиной которого была «Руская земля» в среднем Поднепровье, а Новгород – своеобразным вторым важнейшим центром, уравновешивавшим Киев (с. 14–16)¹. Конец X в., как образно и смело замечает автор, стал ключевым моментом русской истории, а купец и воин того времени «предвосхищали современных олигарха и чекиста» (с. 17). Подчеркивая сложность и нераскрытость до настоящего времени проблемы первоначальной *русской* церковной иерархии, А. Е. Мусин вполне оправданно критикует позднейшее предание о Михаиле и Леоне как первых киевских митрополитах, поддерживая гипотезу о Феофилакте Севастийском – первом достоверно известном предстоятеле киевской кафедры, возможно, возглавившем посольство ромеев к русам в 988 г., накануне введения христианства князем Владимиром (с. 30–31). Следует отметить, что Феофилакт из Севастии, о перемещении которого на Русь мы узнаем из «Церковной истории» Никифора Каллиста, собственно, мог и не быть хронологически первым на новой митрополии². Из сведений источника устанавливается лишь факт его пребывания на киевской кафедре в период правления Василия II, то есть до 1025 г. Недавние разыскания А. В. Назаренко позволяют усомниться в традиционно принимаемой датировке основания митрополии 996/997 гг., отнеся ее к более позднему периоду. Возможно, Феофилакт и был тем архиепископом, которого встретил в Киеве в 1018 г. саксонский информатор Титмар Мерзебургского³.

«Тайна сия» до сих пор «велика есть», однако в ситуации с Новгородом исследователям повезло больше – сохранились епископские диптихи, основанные на устном предании Софийского дома (с. 31–32). В основе списка новгородских владык, вероятно, находился текст, читаемый в неделю Торжества Православия. А. Е. Мусин красочно излагает

---

¹ См.: Толочко А. П. Очерки начальной Руси. СПб.; Киев, 2015. С. 151–158.

² *Nicephorus Callistus*. *Historia ecclesiastica* // *Patrologia graeca*. 1865. Т. 146. Col. 1196; *Honigmann E.* *Studies in Slavic Church History: IV. Theophylactos, the First Metropolitan of Russia? // Byzantion*. 1944/45. Vol. 17. P. 148–158; *Grumel V.* *Chronologie patriarchale au Xe siècle* // *Revue des études byzantines*. 1964. № 22. P. 51–54; *Poppe A.* *The Political Background to the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations between 986–89* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. 204–206.

³ *Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre kohlveier Überarbeitung* / Herausgegeben von R. Holtzmann // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum germanicarum*. Berlin, 1935. Т. 9. S. 530.

скудные известия источников о первых предстоятелях новгородской кафедры в конце X–XI вв. и ставит новые вопросы, например, о причинах конфликтов между киевскими митрополитами и новгородскими владыками в контексте дуальной организации начальной Руси или о символическом значении и восприятии современниками смерти епископа Феодора, «уяденного» собственным псом (с. 57)⁴.

Впрочем, главный вопрос, на котором концентрируется исследователь – не персоналии епископов, а структура церковной общины. Автор акцентирует внимание на роли и различиях княжеских, боярских и общинных, «сотенных» церквей (с. 38–47), статусе и значении епископской резиденции – Владычного двора (с. 48–49). А. Е. Мусин фиксирует отсутствие в Руской Правде клириков как объекта права и приходит к дискуссионному выводу о том, что духовенство так и не сформировалось в качестве самостоятельного сословия, примыкая к уже сложившимся социальным институтам (с. 37). Как представляется, разгадку феномена умолчания о духовенстве в РП нашел уже В. О. Ключевский: духовенство было подсудно собственному, церковному суду, юридические нормы в его отношении регулировались византийским Номоканон и церковными уставами, а не светским законодательством⁵.

Второй очерк посвящен отвержению от кафедры епископа Иоанна Попьяна в 1130 г. и возможной интерпретации этого события на фоне церковной истории эпохи⁶. Причину его самовольного ухода с кафедры автор связывает с новыми явлениями в сфере отношений Церкви и светской власти, в частности, с практикой княжеских пожалований земель храмам и монастырям, что ставило под угрозу независимость последних (с. 59–69).

Один из наиболее интересных разделов книги рассматривает «географию власти» – пределы юрисдикции новгородских иерархов, особенности управления ими епархией и парадоксы существования духовенства, неподконтрольного местному епископу (с. 70–82). Автор расследует обстоятельства венчания князя Святослава Ольговича «своими попы» в 1136 г.⁷, уточняет датировку освящения древнейшего сохранившегося антиминса храма Св. вмч. Георгия.

---

⁴ См. также: *Печников М. В.* «А се новгородскыи епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X – 70-е гг. XI в.). Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/5982987/>

⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1987. Т. 1. С. 268–269.

⁶ См. отдельную работу автора: *Мусин А. Е.* 1130 г.: епископ Иоанн Попьян // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 195–210; *Печников М. В.* Иоанн Попьян // Православная энциклопедия. Т. 23. С. 432–435.

⁷ Другая точка зрения: *Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф.* «Не достоинь ея пояти»: почему новгородский епископ Нифонт не хотел венчать Святослава Ольговича? // Древ-

Следующий очерк касается правил и традиций избрания новгородских архиереев. Автор пересматривает устоявшиеся историографические шаблоны о выборности епископа как уступке горожанам со стороны киевских митрополитов и поражении великокняжеской власти в противостоянии с «республиканским» Новгородом. А. Е. Мусин анализирует процедуру поставления на епископскую кафедру прежде всего в соответствии с предписаниями канонического права. Избрание епископа клиром и мирянами города вполне соответствовало традициям Церкви (с. 96), и история новгородской кафедры, таким образом, представляет собой не столько уникальный казус, сколько яркое подтверждение существовавшего порядка вещей. Историк снова проделывает филигранную работу с источниками, благодаря чему удается добавить новые штрихи в казавшуюся незыблемой картину прошлого: так, уточнены обстоятельства и хронология избрания на кафедру епископа Ильи, а также подробности использования его «схимного» и мирского имени (с. 88–92). Обоснованным представляется вывод о том, что избрание на вече епископа Аркадия в 1156 г. стало лишь первым прецедентом, но и впоследствии, с 1186 г., вечевое избрание не противоречило каноническим нормам (с. 93). Освещается процедура жеребьевки и отбора кандидатов, роль митрополита, князя и общины в настоловании архиереев.

Раздел об Александре Невском, его действительных и мнимых заслугах перед Церковью и государством, а также сложении и трансформации его хрестоматийно известного образа – один из наиболее любопытных (с. 105–136). Автор, подобно другим современным исследователям, развенчивает стереотипные представления об этой личности, показывает противоречивость и скудость сведений источников, а также сложность составления реального исторического портрета князя из-под его житийной канвы⁸. Ни дата рождения Александра Ярославича, ни

ня Русь: вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 79–80. О княжеском духовенстве см. также: *Гадло А. В.* «Корсунские попы» на Руси: комментарий к летописной статье 6547 года // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 196–216.

⁸ См. из последних работ: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989. С. 138–166; *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33; *Горский А. А.* Два «неудобных факта» из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 64–75; *Данилевский И. Н.* Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119–132; *Он же.* Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40; *Он же.* Александр Невский и Тевтонский орден // Слово.ру: балтийский акцент. 2011. № 3/4. С. 105–111; *Он же.* Современные российские дискуссии о князе Александре Невском // Труды по русистике. М., 2010. Вып. 2. С. 225–257; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М., 2007; *Isoaho M.* The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval

имя его матери, ни подробности личной жизни достоверно неизвестны. Вопреки сложившемуся реноме защитника православия, святой князь оказывается в доверительных отношениях с Папским престолом (с. 118–119), прагматически ведет дела с Ордой и европейскими лидерами, что и позволяет ему надолго удержаться на острие большой политики XIII в. Его смирение перед лицом вечности и монашеская жизнь привели к церковному почитанию, днем которого парадоксально стал не день кончины, но день погребения. Державные же заслуги князя стали востребованы лишь много позднее, приобретя иной смысл в новых реалиях.

Новый очерк повествует об организации наместничеств архиерея в Новгородской земле и «семисоборной» церковной структуре самого Новгорода (с. 136–151). В тесной связи с историей новгородских соборов и символикой софийских храмов Руси рассматривается и иконография образа Св. Софии-Премудрости в виде ангела в венце и императорских одеждах, знаменующего саму Христову Церковь.

Проблематика отношений Новгорода и его архиерейской кафедры с Московским и Литовским великими княжествами освещается А. Е. Мусиным с необычной для российской историографии точки зрения. Так, пребывание в Новгороде литовских князей, а также совместный новгородско-литовский протекторат над рядом территорий, как доказывает автор, «не представляют собой скандального новшества», а соответствуют традициям отношений города и его правителей, средством сдерживания амбиций Москвы (с. 153–157). Затронут и ключевой вопрос церковной истории Восточной Европы XIV–XV вв. – о судьбе Киевской митрополии и ее месте в политических проектах «сильных мира сего»⁹. Поднимаемый властями Великого княжества Литовского вопрос об отдельной Галицкой, Литовской, или митрополии Малой Руси¹⁰, а также попытки унии Церквей Востока и Запада не остались без последствий для софийян. А. Е. Мусин оправданно трактует избрание на митрополичий стол Ионы в 1448 г. как следствие не столько внутрицерковных, но политических причин – стремления великокняжеской власти

Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006; *Хрусталеv Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 212–316; Т. 2. С. 5–100.

⁹ Более детально эту проблематику см.: *Лурье В. М.* Русское православие между Киевом и Москвой. М., 2009. С. 17–101.

¹⁰ См.: *Паславський І.* Галицька митрополія: історичний нарис. Львів, 2007; *Скочиляс І.* Галицька митрополія XIV – першої половини XV ст.: особливості еклезиального, правового та суспільного статусу // *Княжа доба. Історія і культура.* 2011. Т. 4. С. 246–279; *Цукерман К.* Из ранней истории Литовской митрополии // *Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў.* Наваполацк, 2014. С. 145–152.

подчинить себе Церковь, что привело к разрыву с Константинополем. Идеологическим обоснованием необходимости контроля над Новгородом и новгородской архиепископией, стал выдвинутый московскими книжниками миф об изначальной «измене новгородской» (с. 179–181).

В очерке о новгородской «ереси жидовствующих» автор снова реабилитирует город на Волхове и его архиерейскую кафедру от устоявшихся, традиционных обвинений (с. 186–204). Историк приходит к выводу, что размах и опасность ереси сильно преувеличены. «Жидовствующие» новгородцы не имели прямого отношения ни к латинству, ни к иудейской религии, вопреки представлениям архиепископа Геннадия и активного обличителя еретиков Иосифа Волоцкого.

Заключительный очерк книги повествует о перипетиях истории новгородской кафедры в XVI в. – деятельности новгородского архиепископа, а впоследствии московского митрополита Макария и его преемников (с. 205–226). А. Е. Мусин показывает несоответствие источникам и практике жизни Церкви традиционных, со времен В. О. Ключевского, представлений историографии о «канонизационных» соборах 1547 и 1549 гг.¹¹. Их влияние на составление и редактирование месяцеслова оказалось преувеличенным. Рассматривается и церковная политика Иоанна Грозного, полностью лишившего новгородского архиепископа последних привилегий, в том числе и важного символически права ношения «белого клобука» и учинившего кровавый разгром города¹². Автор задается вопросом семиотики царских казней, их значения в средневековом сознании.

Новая книга А. Е. Мусина тематически продолжает целый ряд его предыдущих разысканий по русскому христианскому Средневековью, переосмысливая историю Новгородской церкви под культурно-антропологическим углом зрения¹³. Автор максимально доверяет источнику,

---

¹¹ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 221–242.

¹² См. также: *Хорошкевич А. Л.* «Измена» Пимена и поход Ивана Грозного на Новгород // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 225–231; *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; *Дворкин А. Л.* Иван Грозный как религиозный тип. Нижний Новгород, 2005; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е гг. XVI в. СПб., 2006; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2002. С. 229–238.

¹³ *Мусин А. Е.* Становление Церкви на Руси в IX–XIV веке. Средневековая русская христианская культура. Историко-археологическое исследование. Lewinston; Queenston; Lampeter, 2001; *Он же.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002; *Он же.* *Milites Christi* Древней Руси: воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005; *Он же.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

пытаясь раскрыть его потенциал в ракурсе средневекового мировоззрения. Этот подход позволил внести несомненную новизну в давно разрабатываемую проблематику и отказаться от многих шаблонных историографических представлений, груз которых часто некритически переходит от исследования к исследованию. Помогает раскрыть загадки прошлого и своеобразный «новгородоцентризм», акцентирующий на оригинальности истории северо-запада Руси, которая часто все еще рассматривается исключительно сквозь призму «столичных» интересов Киева, Владимира и Москвы. Стоит отметить и яркий, образный, богатый сравнениями и метафорами язык книги. Исследование А. Е. Мусина, несомненно, не оставит равнодушным не только специалистов, но и широкий круг читателей, интересующихся историей Церкви.

АННОТАЦИИ

Е. Р. Михайлова. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предьстории Пути из Варяг в Греки

В статье рассматриваются археологические памятники V–XI вв., расположенные на территориях вокруг Финского залива. Можно выделить два периода развития этих территорий. Первый из них датируется концом V – VIII в. (поздняя эпоха переселения народов и эпоха меровингов / вендель), на протяжении этого периода наблюдается интенсивное взаимодействие двух культурных миров: прибрежных территорий, связанных акваторией Финского залива и крупных Ладожского и Псковско-Чудского озер, и «лесного» мира, ориентированного на более южные территории. В точках наиболее интенсивного взаимодействия двух культурных провинций возникают прото-города Ладога и Псков. Основным содержанием второго периода (IX–XI вв., эпоха викингов, раннее древнерусское время) является окончательное сложение системы трансконтинентальных речных путей с выходом в пространство Балтики. Крупнейшим городским центром на Северо-Западе Восточной Европы становится Новгород, прежние важные центры – Ладога и Псков – обретают статус новгородских «пригородов».

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Восточная Балтика, протогорода, Путь из Варяг в Греки

Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным

Статья посвящена проблеме возникновения Старой Руссы (до XVI в. – Руса), которая в эпоху средневековья была вторым по величине, экономическому и политическому значению городом Новгородской республики, центром солеваренного производства. Рассматриваются вопросы локализации и хронологии древнейшего городского ядра, определения основных градообразующих факторов. В статье анализируются результаты археологических исследований на 11 раскопах в древнейшей части города и, кроме того, рассматривается проблема датировки древнейших городских укреплений.

Ключевые слова: средневековая археология, Новгородская земля, Старая Русса (Русса), возникновение древнерусских городов

П. П. Колосницын. Деревянные кредитные бирки-жеребьи в средневековых письменных источниках

Кредитные деревянные бирки (жеребья) – одна из интереснейших категорий археологических находок в древнерусских городах. Наиболее значимые коллекции происходят из Великого Новгорода (более 80 экз.) и Старой Руссы (85 экз.). Чаще всего они представляют собой деревянные палочки, на которые наносились зарубки в соответствии с количеством взятых в долг денег или товаров. После этого бирка расщеплялась вдоль так, чтобы линия раскола проходила по зарубкам и получались две стыкующиеся друг с другом части.

На основании анализа археологических и письменных источников (летописей, берестяных грамот и завещаний) можно утверждать о довольно широком использовании в X–XV вв. на Новгородской земле деревянных бирок, как средства фиксации долгов и обязательств между частными лицами. Также жеребья могли выступать в качестве

«обеспеченных денег» или векселей и закрывать часть потребности в денежных средствах.

Ключевые слова: археология, деревянные бирки (tally sticks), древнерусский город, средневековье, Старая Русса, Великий Новгород.

М. И. Петров. Средневековая новгородская усадьба: возможности сравнительного анализа. (по материалам раскопов Посольский–2006 и Никольский–2007 в Новгороде)

Усадьба средневекового Новгорода является основной единицей городской структуры и требует пристального изучения. Детальное исследование как застройки, так и находок предоставляет возможность получить максимально полную информацию о жителях усадьбы, их имущественном и социальном статусе. В силу комплекса причин изучение усадебного комплекса во всей полноте недостаточно представлено в историографии, что сокращает возможности сравнения и дальнейших выводов. Основной проблемой видится малая разработанность параметров описания и сравнения усадеб, в том числе исследованных фрагментарно. В качестве критерия сравнения количественных характеристик усадьбы автором предлагается плотность находок в культурном слое, рассчитываемая как для общего количества находок, так и для отдельных функциональных групп. В результате исследований выявлена разница в плотности находок на общественных территориях (улицы) и частных владениях (усадьба). Изучение функциональных групп позволило обозначить и выявить пороговые значения круга предметов, которые можно рассматривать как вещевой комплекс «стандартной новгородской усадьбы», а также групп, которые определяют индивидуальные характеристики усадебного комплекса.

Ключевые слова: Великий Новгород, Никольский–2007 раскоп, Посольский–2006 раскоп, Славенский конец, городская археология, археология домашнего хозяйства, повседневная жизнь, средневековая городская усадьба, сравнение усадебных комплексов, количественные методы исследования.

С. Б. Чебаненко. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548.

Новгородская берестяная грамота № 548, говорящая о требовании вернуть или передать владельцу несправедливо удерживаемое имущество, отражает попытку досудебного способа разрешения конфликта. Представитель заинтересованной стороны, ссылаясь на заключенный в присутствии свидетелей договор, требует возврата товара. Вероятно, в споре участвуют лица, занимавшиеся торговлей в складчину или совместно осуществлявшие иную деятельность, связанную с извлечением дохода. Конкретной причиной спора могло быть имущество, оставленное на хранение («поклажа») и не возвращенное истцу. Количество людей, представляющих потерпевшую сторону, шесть человек, позволяет предположить, что в случае упорства ответчика предполагалось обращение к изводу перед 12-ю людьми, посредническому органу, состоящему из самих спорящих и их представителей, выступавших свидетелями сделки. Условия и обстоятельства заключения договора делали обращение участников спора к официальному суду маловероятным.

Ключевые слова: берестяная грамота № 548, конфликт, складчина, «поклажа», «извод», разрешение споров, посредничество, суд.

А. А. Кузнецов. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события.

Статья посвящена изучению текстов о битве на Липице в 1216 г. Анализировались сюжет о переговорах противников перед битвой, известия о составе войска владимирского князя, временная организация события в разных текстах, проявления литературного этикета в текстах о битве на Липице, текстологическая связь «Повести о битве на Липице» и краткого сообщения о преступлении в Исадах в 1217 г. и происхождение уникальных сведений о битве в «Повести о битве на Липице». В результате было доказано, что битву на Липице 1216 г. надо изучать на основе Новгородской первой летописи. В статье представлена реконструкция битвы на Липице и предшествующих ей событий политической истории Древней Руси в начале XIII в.

Ключевые слова: политическая история Древней Руси, битва на Липице, Новгород, Владимирское княжество, Мстислав Удатный, Георгий (Юрий) Всеволодович, Ярослав Всеволодович, Новгородская первая летопись, Лаврентьевская летопись, Повесть о битве на Липице, Я. С. Лурье.

А. А. Вовин. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием.

Статья посвящена времени создания общего протографа всех псковских летописей. Делается вывод о том, что он появился в 1410-е годы, а не в 1450-е, как полагал А. Н. Насонов. Этот псковский свод начала XV века оказал влияние на летописи новгородско-софийского цикла (Новгородскую IV, Софийскую I, Новгородскую Карамзинскую). Позднее на базе этого свода 1410-х появились две независимые ветви псковского летописания. Одна из них имела, возможно, светский характер и представлена сейчас лишь Синодальным списком, называемым обычно Псковской второй летописью. Вторая ветвь псковского летописания, имевшая монастырское происхождение, представлена большим количеством списков.

Ключевые слова: псковское летописание, новгородское летописание, общерусские летописи, Псковская земля.

М. М. Бенцианов. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века

В статье анализируются особенности появления и статуса представителей московских боярских родов, оказавшихся на рубеже XV–XVI столетий на поместьях в Новгородской земле. На большом количестве примеров ставится вопрос о связи обязательной службы с поместьем и формированием фамильных группировок выходцев из родов нетитулованной знати и роли, которую играло в этом процессе центральное правительство. Не меньшее значение имело становление круга семей, составивших элиту новгородского дворянства и претендовавших позднее в этом качестве на попадание в состав Государева двора. Эта прослойка в значительной степени была создана искусственно. Ее размывание, количественное и качественное сокращение, связанное с особенностями удаленной от двора новгородской службы, привели к необходимости появления новой элиты из числа тысячников, проявивших себя в годы Ливонской войны.

Ключевые слова: Новгород, поместья, поместная система, боярство, боярские роды, аристократия, дворянство, просопография, генеалогия

Е. А. Ляховицкий, М. А. Шибяев. К вопросу о функционировании бумаги большого формата в Софийском комплекте Великих Миней Четых.

Статья посвящена проблеме реконструкции хода работы над созданием Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария. Для решения данной проблемы большую роль играют относительно крупные статьи, в рамках которых один писец использует последовательно или чересполосно несколько видов бумаги. В результате анализа таких статей было выяснено, что наиболее ранний слой бумаги в них составляют два вида бумаги «александрийского» формата, один из которых был задействован и в рамках работы над Успенским комплектом. Это обстоятельство является важным свидетельством в пользу предположения о том, что значительный объем работ над двумя комплектами проходил одновременно.

Ключевые слова: Митрополит Макарий, бумага «александрийского» формата, Великие Миней Четых

М. М. Введенский. Новгородская первая летопись и Устюжский летописный свод: Каким списком Новгородской первой летописи пользовался составитель Устюжской летописи?

Статья посвящена определению списка Новгородской первой летописи младшего извода, которым пользовался составитель Устюжской летописи. Выдвигается гипотеза о существовании общего протографа Комиссионного и Троицкого списков Новгородской первой летописи. Список Новгородской первой летописи, восходящий к этому протографу, был источником Устюжской летописи.

Ключевые слова: Устюжская летопись, Новгородская первая летопись, Троицкий список Новгородской первой летописи.

А. А. Селин. Новгородцы Пушкины в годы Смуты.

Статья посвящена участию представителей фамилии Пушкиных – новгородских помещиков – в событиях Смутного времени на Северо-Западе. В статье обобщаются все имеющиеся данные о новгородцах-Пушкиных конца XVI – начала XVII в., приводится информация об их служебных биографиях и семейных связях

Ключевые слова: Пушкины, Новгород, просопография, Смутное время

Т. В. Шмелева. Новгород XVIII века как центр риторического образования.

В статье рассматривается культурная жизнь Новгорода XVIII века в одном из аспектов – в плане осуществления и развития риторического образования, которое для этого периода составляло известную новацию. Статья основана на широком круге исторических и филологических источников. В ней формулируются основания того, что позволяет квалифицировать город как центр риторического образования, а затем приводятся факты, которые убеждают, что такая квалификация для Новгорода обоснованна практически для всего XVIII века. Показаны сложности формирования русской риторики как направления филологической мысли и гуманитарного образования.

Ключевые слова: Новгород, XVIII век, риторика, школа Лихудов, Новгородская духовная семинария, риторические традиции

И. А. Мельников. Деятели российского старообрядчества XVIII в. среди выпускников Новгородской семинарии.

Статья посвящена судьбам двух выпускников Новгородской духовной семинарии, в которых отразились особенности конфессиональной жизни России XVIII в. Бывшие семинаристы в дальнейшем стали одними из видных деятелей российского старообрядчества, а один из них, Алексей Самойлов, считается автором старообрядческого апологетического сочинения «Меч духовный». На основе архивных источников автор уточняет сведения об этих личностях, до этого известных лишь по старообрядческим сочинениям

Ключевые слова: старообрядчество, Новгородская духовная семинария, Новгород

Д. Б. Терешкина. Записные книжки дореволюционного периода в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея.

В статье представлен обзор записных книжек дореволюционного периода из собрания Новгородского музея. На основе изучения разнохарактерных записей книжек разных типов и времени создания делаются выводы о специфичности записных книжек как источника по истории повседневности, а также как эго-документа, отражающего разнородный состав владельцев книжек и авторов записей, особенности выбора и письменной фиксации текстов разных жанров и служебных записей.

Ключевые слова: эго-документ, записная книжка, история повседневности.

И. В. Хохлов. Исполнение квартирной повинности городами Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в.

Статья посвящена одному из важнейших аспектов взаимодействия военных и городских властей в конце XIX – начале XX в. – исполнению городами квартирной повинности. На конкретных примерах рассмотрены способы размещения войск в городах, а также затруднения, которые испытывали городские власти при исполнении квартирной повинности.

Ключевые слова: квартирная повинность, гарнизоны, казармы, Новгородская губерния.

Я. А. Васильев. «Вестники Новгородского земства» как источник по истории кредитных учреждений Новгородской губернии.

Статья посвящена серии периодических изданий Новгородского губернского земства, выходивших на протяжении 1899–1906 и 1913–1917 гг. Автор рассматривает «Вестники Новгородского земства» как источники по истории кредитных учреждений Новгородской губернии. Выявляются количество публикаций и круг проблем, интересующих корреспондентов по вопросам кредита, деятельности банковских учреждений и их влияния на местную хозяйственную и общественную жизнь. Определено изменение ценности «Вестников» как источника по вопросам истории местного кредита в разные периоды их издания.

Ключевые слова: Новгород, Новгородская губерния, земство, городские думы, кредит, банки, ломбарды

Б. Н. Ковалев. Матвей Шульгин – депутат Государственной думы Российской империи (1907–1912 гг.)

В статье рассматривается работа в III Думе Российской империи депутата от Новгородской губернии Матвея Шульгина. Он являлся членом нескольких комиссий: финансовой, по местному самоуправлению, по городским делам, торговли и промышленности, о мерах борьбы с пьянством, о мерах по борьбе с пожарами. По всем из этих вопросов он выступал как в самих комиссиях, так и перед всеми депутатами Думы.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, новгородский депутат, Матвей Шульгин

Н. С. Савельев. Подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в материалах Новгородской прессы

В статье на материалах новгородской прессы рассматривается подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Показаны формы изложения материалов о новгородцах – участниках фестиваля. Отражена роль областной прессы в процессе формирования образа советской молодежи.

Ключевые слова: VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, пресса, «Новгородский комсомолец», «Новгородская правда».

Я. А. Васильев. «Новгородский исторический сборник» в зеркале статистики.

Статья посвящена статистическому анализу материалов, опубликованных в «Новгородском историческом сборнике» за весь период его издания (1936–2015). Основное внимание уделено количеству опубликованных материалов и их основной тематике.

Ключевые слова: Новгородский исторический сборник, Новгород, Новгородская губерния, статьи, публикации, авторы, археология, история, культура

Г. А. Замятин. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года

В работе известного историка Смутного времени Г. А. Замятина (1882–1953) говорится о событиях, предшествующих переговорам между представителями России и Швеции в Столбово. Сравнивая территориальные потери России по условиям Столбовского договора с планами короля Густава Адольфа, Г. А. Замятин пришел к выводу, что заключение Столбовского мира – это дипломатическое поражение Швеции, правящие круги которой изначально хотели установить границы по реке Волхов и овладеть всем побережьем Чудского озера.

Ключевые слова: Смутное время, Густав Адольф, Столбовский мир, Новгород, Псков.

Т. А. Базарова. «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А. И. Репнина 1700–1701 гг.

Сохранившаяся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН в коллекции «Актовых книг, собранных Императорской Археографической комиссией» книга указов Аникиты Ивановича Репнина 1700–1701 гг. очерчивает круг обязанностей губернатора, связанных с укреплением обороноспособности Новгородской земли после поражения русской армии под Нарвой. Среди них координация действий воевод и заставных голов, организация сбора ратных людей, перераспределение людских ресурсов. Весной 1701 г. во время подготовки наступления русской армии по распоряжению губернатора работные люди направлялись на ремонт дорог и мостов, а также на строительство стругов. «Книга записная» — ценнейший источник по истории Новгорода и Новгородской земли в первые годы Северной войны (1700–1721).

Ключевые слова: исторический источник, Северная война, Петр I, губернатор, А. И. Репнин, Великий Новгород, организация обороны, воевода, граница

А. А. Роменский. Под сенью Божьей Премудрости (Рецензия на книгу: Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. 240 с.).

Книга А. Е. Мусина посвящена истории Церкви Великого Новгорода с момента ее становления до XVI в. Серия очерков из жизни церковной общины и ее иерархов основывается на историко-антропологическом подходе и внимании к полифонии свидетельств прошлого. История Церкви рассматривается сквозь призму истории культуры.

Ключевые слова: Новгород, Церковь, архиепископ, София, христианство.

SUMMARY

E. R. Mikhaylova. Antiquities of the second half of the 1st millennium AD around the Gulf of Finland. Prehistory to the route from the Vikings to the Greeks

The article discusses the archaeological sites from V–XI centuries in areas around the Gulf of Finland. One can distinguish two periods of development of these areas. The first one dates back to the end of the V – VIII centuries (the Late Migration period and the Merovingian / Vendel period), during this period there was an intensive interaction between the two cultural worlds: the coastal areas of the Gulf of Finland (together with Lake Ladoga and Lake Peipsi) and the "forest" world, which was focused on the more southerly areas. The proto-towns Ladoga and Pskov emerged at the points of the most intense cultural interaction between these two provinces. The main content of the second period (IX–XI centuries – the Viking Age or the early medieval Russian time) was the final formation of transcontinental waterways system with access to the Baltic Sea area. Novgorod becomes the largest urban center in the North-West of Eastern Europe, former important centers Ladoga and Pskov acquire the status of "suburbs" of Novgorod.

Keywords: archaeology, the Early Middle Ages, Eastern Baltic, proto-towns, the route "from the Vikings to the Greeks"

E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoylov. The early history of Staraya Russa according to the archaeological data

The paper is devoted to the problem of the emergence of Staraya Russa (or Rusa until the 16th century) that was the second largest town in medieval Novgorod Land, the center of salt production. The questions studied in the article are the localization and chronology of the earliest settled area of the town as far as the essential factors of the town's growth determination. The paper analyses the results of research (the study of finds, stratigraphy and dendro-chronological data) obtained on 11 areas in the most ancient part of Rusa. The problem of the earliest town fortifications is also debated.

Keywords: medieval archaeology, Novgorod Land, Staraya Russa (Rusa), emergence of Early Rus towns

P. P. Kolosnitsyn. Wooden credit tallies (zhreb'ya) in the medieval written sources

Credit tallies (zhreb'ya) are considered to be one of the most interesting categories of findings in medieval Russian towns. The most significant collections of credit tallies came from Veliky Novgorod (more than 80) and Staraya Russa (85). Credit tallies are wooden sticks which were marked with the system of notches according to the amount of borrowed money or goods and then split lengthwise. The portion kept by the issuer (the foil) exactly matched the piece (the stock) given to a debtor.

According to the analysis of the archaeological records and written sources we can suppose that wooden credit tallies were widely spread in Novgorodian land in 10th–15th centuries as a means of recording debts and obligations among people. Also zhreb'ya could be used as representative money or promissory.

Keywords: archaeology, wooden credit tallies, Old Russian town, Middle Ages, Staraya Russa, Veliky Novgorod.

M. B. Petrov. Medieval city estate: possibility of comparative studies (based on Posolskij-2006 and Nikolskij-2007 archaeological sites in Novgorod, Russia).

The article deals with analysis of city estate (*usad'ba*) of medieval Novgorod. Detailed study of buildings and finds from city estate allows to get an important information about its inhabitants, their social and property status via qualitative, quantitative and spatial analysis

Author proposes a density of finds as comparative criteria for quantitative analysis of different city tenements. This criteria also used to compare different functional groups of finds. The aim of this comparison is to reveal 'standard find complex of city estate'.

These scholar procedures applied to data from Posolskij-2006 and Nikolskij-2007 sites in Novgorod to get detailed description of everyday life at city tenements from these sites.

Keywords: Novgorod the Great, Slavenskij end (district), medieval city estate, comparison of city tenements, urban archaeology, household archaeology, everyday life, quantitative analysis

S. B. Chebanenko. Prejudicial resolution of a conflict in times of the Prostrannaya Pravda («Extended Pravda »): Novgorod birch-bark manuscript № 548.

Novgorod birch-bark manuscript № 548 speaks about the claim of returning or giving back unjustly withheld property. That is an attempt of prejudicial conflict resolution. Representative of proper party referring to the contract claims on return of the goods. Probably in this conflict involved persons, who were trading on lays, or carried out other commerce activities. The conflict should have been caused by property, left for storage and was not given back to its owner. Number of people, representing proper party, six men, suggests that in case of defendant's refractoriness it was supposed to appeal to the "izvod" of twelve people, mediator, consists of disputants and their representatives, coming out as witnesses of the contract. By the terms and conditions of contract it was impossible to appeal to an official court.

Keywords: birch bark manuscript № 548, conflict, conflict resolution, commerce "on lays", storage contract, "izvod", justice, conflict resolution, brokering.

A. A. Kuznetsov. The battle on Lipitsa 1216: source study and history of an event

Article is devoted to studying of texts about the battle on Lipitsa in 1216. A plot about negotiations of opponents before the fight, information about structure of army of the Vladimir prince, the temporary organization of an event in different texts, manifestations of literary etiquette in texts about the fight on Lipitsa, textual communication "Tale about the Battle on Lipitsa" and the short message on a crime in Isads (Ryazan Principality) in 1217 and an origin of unique data on fight in "The Tale about the battle on Lipitsa" were analyzed. As a result, it was proved that battle on Lipitsa should be studied 1216 on the basis of the Novgorodskaya Pervaya letopis'. Reconstruction of fight on Lipitsa and the events of political history of Old Russia at the beginning of the XIII century is presented in article.

Keywords: political history of Old Russia, the battle on Lipitsa, Novgorod, the Vladimir principality, Mstislav Udatny, Georgy (Yury) Vsevolodovich, Yaroslav Vsevolodovich, the Novgorod first chronicle (Novgorodskaya Pervaya letopis'), the Lavrentyevsky letopis' (chronicle), Tale about the Battle on Lipitsa, Ya.S. Lurye.

A. A. Vovin. On the dating of the first edition (svod) of Pskov chronicles and its ties with Novgorod chronicles.

The paper focuses on the origins of Pskov chronicles. The main argument is that the first edition of Pskov chronicles appeared in the 1410s and not in 1450s as Arsenij Nasonov believed. That Pskov svod influenced so-called Novgorod-Sophia chronicles (Novgorodskaja IV, Sophijskaja I, Novgorodskaja Karamzinskaja). In the fifteenth century two branches of Pskov chronicles appeared on base of that 1410s svod. One of them had probably a secular nature and survived in a just copy (Sinodalnyj) usually called Pskov II Chronicle. The other branch was of monastic origin with many copies survived.

Keywords: Pskov Chronicles, Novgorod Chronicles, Russian Medieval Chronicles, Pskov city-state

M. M. Bentsianov. Natives of Moscow Boyar's families on the Novgorod estates at the end of XV – the middle of the 16th century.

In article are analyzed the features of emergence and the status of representatives of the Moscow boyar families which have appeared on estates in the Novgorod county at a turn of the XV-XVI centuries. On a large number of examples the question of communication of obligatory service from estates and formation of family groups of natives of families of the untitled nobility and a role which was played in this process by the central government is raised. Not smaller value took place the formation of a circle of the families which had becoming the elite of the Novgorod nobility and applied later in this quality for hit in structure of the Court. This layer substantially has been created artificially. Its washing out, the quantitative and high-quality reduction connected with features of the Novgorod service, remote from the Court, have resulted in need of emergence of new elite from among the changed gentry who have proved themselves in the years of Livonsky war.

Keywords: Novgorod the Great, estate, estate system, boyars, aristocracy, nobility, boyar families, gentry, prosopography, genealogy

E. A. Lyakhovitskiy, M. A. Shibaev. The problem of the function of large-format paper in the Sofian set of the Great Minaion reader.

The article is dedicated to reconstruction of creating the Sofian set of the Great Minaion Reader of metropolitan Macarius. One of the ways to solve this problem is the analysis of the relatively large articles which were written by one scribe on the different kinds of paper. As the result of the research it has been found out, that the earliest «layer» of the paper consisted of two kinds of large-format paper. One of these was used for creating the set of the Cathedral of the Dormition. This fact gives us the reason to assume, that the significant parts of the both sets were created synchronically.

Keywords: Metropolitan Macarius, the large-format paper, the Great Minaion Reader

A. M. Vvedenskiy. The Novgorod First chronicle and the Ustyug chronicle compiler: What copy of the Novgorod First chronicle did the compiler of the Ustyug chronicle use?

The article is devoted to determination of the copy of the Novgorod First chronicle younger recension, which was used by the compiler of the Ustyug chronicle. The author proposes a hypothesis on the existence of a common protograph of Commission and Trinity cop-

ies of the Novgorod First chronicle. A copy of the Novgorod First chronicle dating back to this protograph was the source of the Ustiug chronicle.

Keywords: Ustyug chronicle, Trinity copies of the Novgorod First chronicle, Novgorod First chronicle.

A. A. Selin. Pushkins from Novgorod during the Time of Troubles.

The article is about the participation of Pushkin family who served in Novgorod the Great in the events of the Time of Troubles in Russian North-West. All the data about Pushkins from Novgorod (late 16 – early 17th cc.) is collected in the article, including information on their service biographies and family relations.

Keywords: Pushkin family, Novgorod the Great, Prosopography, Time of Troubles

T. V. Shmeleva. Novgorod at XVIII century as a center of the rhetoric education

This article observes Novgorod at XVIII century as a center of the rhetoric education, which was important aspect of his cultural life. The article is based on a wide range of historical and philological sources. It states reasons that qualify a city as a center of the rhetoric education, then given the facts which assure that such a qualification is justified to Novgorod for almost the entire XVIII century. The complexity of formation of Russian rhetoric as the direction of linguistic thought and education in the Humanities are shown.

Keywords: Novgorod, XVIII century, rhetoric, scholars of Lichud, Novgorod theological Seminary, rhetorical traditions

I. A. Melnikov. The figures of the Russian Old Faith of XVII th century among a graduates of Novgorod Seminary

The article is devoted to the fate of the two graduates of Novgorod Theological Seminary, which reflected especially Russian religious life of the XVIII century. Former seminarians later became one of the prominent figures of the Russian Old Belief, and one of them, Alexei Samoilov, is the author of «Sword of the Spirit» – the famous Old Believers apologetic writings. On the basis of archival sources the author specifies details about these personalities, previously known only from the writings of the Old Believers.

Keywords: Old Belief, Novgorod Theological Seminary, Novgorod.

D. B. Tereshkina. The notebooks of the pre-revolutionary period in the collections of the department of the written sources of the Novgorod museum.

The article presents a review of the notebooks of the pre-revolutionary period from the collection of the Novgorod Museum. Based on the study of various notes of notebooks of different types and time of creation makes conclusions about the specificity of the notebooks as a source for the history of everyday life and as an ego-document reflecting the diverse group of owners of notebooks and authors of the notes, characteristics of the selection and fixation of written texts of different genres and secondary notes.

Keywords: ego-document, a notebook, a history of everyday life.

I. V. Khokhlov. The execution of quarter service by Novgorod Province's cities in the late XIX – early XX c.

The article is devoted to one of the most important aspects of cooperation between military and city authorities in the late 19 – early 20 c. – the execution of quarter service by urban authorities. In the specific example consider the deployment of troops in the cities, as well as the difficulties experienced by the city authorities in the performance of the quarter service.

Keywords: quarter service, garrisons, barracks, Novgorod Province.

J. A. Vasilev. «The messengers of the Novgorod zemstvo» as a source on the history of credit institutions in the province of Novgorod.

The article is devoted to a series of periodicals in Novgorod governorate Zemstvo, which was aired during the 1899–1906 and 1913–1917. Author considers "the Messengers of the Novgorod Zemstvo" as sources on the history of credit institutions in the province of Novgorod. Identifies the number of publications and the range of problems of interest to correspondents on credit activities of banking institutions and their impact on local economic and social life. Determined the change in the values of «Messengers» as a source on the history of local credit in different periods of their publication.

Keywords: Novgorod, Novgorod guberniya, Zemstvo, the city Duma, credit, banks, pawnshops

B. N. Kovalev. Matvey Shulgin. A deputy of the State Duma of the Russian Empire (1907–1912).

The focus of the article is on the work of Matvey Shulgin, a deputy from the Novgorod province, at the third Duma. He was a member of several committees: finance, local self-government, urban affairs, trade and industry, on measures to combat drunkenness, and on measures to combat fires. Working on those issues, he addressed both the Committees and the Duma meetings

Keywords: State Duma of the Russian Empire, State Duma of the Russian Empire, Matvey Shulgin, Novgorod province.

N. S. Saveliev. Preparation and holding of the 6th World Festival of Youth and Students in Novgorod press materials.

The focus of the article is on Novgorod press materials highlighting the preparation and holding of the 6th World festival of youth and students. Forms of presentation of materials about Novgorodians, participants of the festival, are shown. The role of the regional press in the formation of a positive image of the Soviet youth is analyzed.

Keywords: VI World festival of youth and students, press, «The Novgorod Komsomol member», «The Novgorod truth».

J. A. Vasilev. "Novgorod historical collection" in the mirror of statistics.

The article is devoted to statistical analysis of materials published in "Novgorod historic collection" for the entire period of its publication (1936-2015). The focus is on the number published materials and their basic themes.

Keywords: Novgorod historical collection, Novgorod, Novgorod governorate, articles, publications, authors, archaeology, history, culture

G. A. Zamyatin. Conditions of concluding the Stolbovo peace treaty between Russia and Sweden of the 9th March 1617.

In the famous historian of the Time of Troubles GA Zamyatin's work (1882–1953) says about the events preceding the negotiations between the representatives of Russia and Sweden in Stolbovo. Comparing Russia territorial losses under the terms of the Stolbovo treaty with plans of King Gustav Adolf, G.A. Zamyatin has concluded that the conclusion of the Stolbovo peace – is a diplomatic Sweden defeat, the ruling circles which originally wanted to establish the boundaries on the river Volkhov and to capture all the coast of the Lake Peipsi.

Keywords: the Time of Troubles, Gustav Adolf, Stolbovo peace, Novgorod, Pskov.

T. A. Bazarova «Offer resistance cheerfully without any timidity»: *Zapishnaya kniga* (blotter) of decrees of Novgorod governor A.N. Repnin in 1700–1701.

In the book of decrees of Anikita Ivanovich Repnin of 1700–1701 that has remained in the collection «Books of acts collected by the Imperial the Archeographic commission» in the Scientific and Historical archive of Saint-Petersburg Institute of History of RAS outlines duties of the governor, connected with strengthening of defense capability of the Novgorod land after defeat of the Russian army by Narva. Among them there are the coordination of actions of *voevod* and *zastavnykh glav*, the organization of gathering of military people, redistribution of human resources. In the spring of 1701 during preparation of approach of the Russian army according to the order of the governor work people go for repair of roads and bridges, and also for construction of boats. «*Zapishnaya kniga*» – one of the most valuable sources on history of Novgorod and the Novgorod land in the first years of the Great Northern war (1700–1721).

Keywords: historical source, Great Northern war, Peter I, governor, A.I. Repnin, Veliky Novgorod, organization of defense, voevoda, border.

A. A. Romensky. Under the Canopy of Divine Wisdom (Review on the book: Musin A. E. *Zagadki doma Svyatoj Sofii. Ćerkov Velikogo Novgoroda v X–XVI c.* St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2016).

The book of A. E. Musin is devoted to the history of Novgorod's Church since its formation up to the 16th century. A series of essays from the life of church community and its hierarchy is based on historical and anthropological approach and attention to the polyphony of the evidence of the past. The church history is seen through the prism of the history of culture.

Keywords: Novgorod, the Church, the Archbishop, Sophia, Christianity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Владимир Васильевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: v.v.andreev@gmail.com

Andreev Vladimir, PhD student at Saint-Petersburg State University of Economics. E-mail: v.v.andreev@gmail.com

Базарова Татьяна Анатольевна, к.и.н., старший научный сотрудник СПбИИ РАН. E-mail: tbazarova@yandex.ru

Bazarova Tatiana Anatolievna, candidate of historical sciences (PhD), St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Senior Researcher. E-mail: tbazarova@yandex.ru

Бенцианов Михаил Михайлович, к.и.н., (г. Екатеринбург). E-mail: bmm4@yandex.ru.

Bentsianov Michael, candidate of historical sciences (PhD), (Ekaterinburg). E-mail: bmm4 @yandex.ru

Васильев Ярослав Анатольевич, к.и.н., к.э.н., доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского Института истории РАН; доцент кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru; cafedrased@yandex.ru

Vasiliev Yaroslav Anatolievich, candidate of historical sciences (PhD), candidate of economical sciences (PhD), associate professor, senior Researcher of The Novgorod group of Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; associate Professor of the Department of Russian history and archival science of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. E-mail: vasilev-yaroslav@yandex.ru; cafedrased@yandex.ru

Введенский Антон Михайлович, научный сотрудник Института истории СПбГУ. E-mail: 3103104@mail.ru

Vvedenskii Anton M., research fellow of Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: 3103104@mail.ru

Вовин Алексей Александрович, к.и.н., научный сотрудник центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: avovin@gmail.com

Vovin Alexei A., candidate of historical sciences (PhD), research fellow of European University at Saint Petersburg, department «Res Publica». E-mail: avovin@ gmail.com

Замятин Герман Андреевич (1882–1953), российский историк, автор фундаментальных исследований по истории русско-шведских отношений начала XVII в. Учился в Юрьевском (Тартуском) и Петербургском университетах, преподавал в Юрьевском и Воронежском университетах, Курском и Молотовском (Пермском) педагогических институтах.

Zamyatin German Nikolaevich (1882–1953), Russian historian, the author of the fundamental investigations in the History of the Russian-Swedish relations of the beginning of the 17th century. He studied from the Yriev (Tartu) and the Petersburg universities, taught at Yriev and Voronezh universities, Coursk and Molotov (Perm) pedagogic institutes.

Ковалев Борис Николаевич, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: bnkov@mail.ru

Boris Kovalev, Doctor of History, Professor, Leading Researcher St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. E-mail: bnkov@mail.ru

Колосницын Павел Павлович, зав. кабинетом Музея археологии НовГУ отдела изучения проблем археологии Новгородской земли при научно-образовательном центре ИГУМ НовГУ, научный сотрудник. E-mail: kpp@mail.ru.

Kolosnitsyn Pavel Pavlovich, Chief of Archaeological Novgorod State University Museum, research assistant. E-mail: kpp@mail.ru

Кузнецов Андрей Александрович, д.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: nalbuz@mail.ru

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of Sciences (History), Associate professor, Head of the Department of the History of medieval civilizations of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod. E-mail: nalbuz@mail.ru

Ляховицкий Евгений Александрович, к.и.н., зав. Лабораторией кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. E-mail: stoglav@bk.ru

Lyakhovitskiy Evgeniy Alexandrovitch, candidate of historical sciences (PhD), Head of Laboratory of the codicological researches and technical expertise of the documents, Division of Manuscripts of the National Library of Russia. E-mail: stoglav@bk.ru

Мельников Илья Андреевич, кандидат культурологии, директор Музея истории НовГУ. E-mail: potep_88@mail.ru.

Melnilov Ilya Andreevich, candidate of cultural studies (PhD), Director of The NovSU History Museum. E-mail: potep_88@mail.ru.

Михайлова Елена Робертовна, к.и.н., зав. Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского гос. университета. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru

Mikhaylova Elena, candidate of historical sciences (PhD), head of G. S. Lebedev Laboratory of archaeology, historical sociology and cultural heritage, St. Petersburg State University. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru

Петров Михаил Иванович, старший научный сотрудник Центра по организации и обеспечению археологических исследований, Новгородский музей-заповедник. E-mail: m_i_petrov@mail.ru

Petrov Mikhail Ivanovich, senior researcher, Archaeological Research Centre, Novgorod State Museum. E-mail: m_i_petrov@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, candidate of historical sciences (PhD), Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Роменский Александр Александрович, к.и.н., методист коммунального учреждения «Школа искусств Харьковского городского совета». E-mail: pergamen-romen@mail.ru

Romensky Alexandr Alexandrovich, candidate of historical sciences (PhD), Methodologist of the Municipal Institution "School of Arts of Kharkiv City Council. E-mail: pergamen-romen@mail.ru

Савельев Николай Сергеевич, аспирант кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: n.saveljev@gmail.com

Saveliev Nikolay Sergeevich, postgraduate student, of Russian History and Archival Science Sub-faculty, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. E-mail: n.saveljev@gmail.com

Самойлов Кирилл Глебович, зав. сектором отдела изучения проблем археологии Новгородской земли, старший преподаватель кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: jevoli@mail.ru

Samoylov Kirill Glebovich, head of sector in Novgorod Land Archeology Studies Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, senior lecturer of Russian History and Archival Science Sub-faculty. E-mail: jevoli@mail.ru

Селин Адриан Александрович, д.и.н., профессор Департамента истории НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Академ. руководитель ОП бакалавриата «История». E-mail: aselin@hse.ru

Selin Adrian A. Doctor of History, Professor, Higher School of Economics, St. Petersburg Branch, Department of History. E-mail: aselin@hse.ru

Терешкина Дарья Борисовна, доктор филологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Филиал в г. Великий Новгород).

Tereshkina Daria Borisovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (Branch in Veliky Novgorod).

Торопова Елена Владимировна, к.и.н., директор Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, завкафедрой истории России и архивоведения. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

Toropova Elena Vladimirovna, candidate of historical sciences (PhD), director of the Institute of Humanities Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, head of Russian History and Archival Science Sub-faculty. E-mail: Elena.Toropova@novsu.ru

Торопов Сергей Евгеньевич, заведомо изучения проблем археологии Новгородской земли Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: s_toropov@mail.ru

Toropov Sergey Evgenevich, head of Novgorod Land Archeology Studies Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. E-mail: s_toropov@mail.ru

Хохлов Илья Владимирович, к.и.н., ведущий научный сотрудник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Khokhlov Ilya Vladimirovich, candidate of historical sciences (PhD), Leading Researcher Fellow of the Novgorod State United Museum-Reserve, Associated Researcher Fellow of the St.-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science.

Чебаненко Сергей Борисович, к.и.н., старший преподаватель Института истории СПбГУ. E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Chebanenko Sergey Borisovich, candidate of historical sciences (PhD), senior lecturer, Institute of History in Saint Petersburg state university. E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Шибяев Михаил Алексеевич, к.и.н., заведующий Сектором информационно-библиографического обслуживания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. E-mail: michailshibaev@mail.ru

Shibaev Mikhail Alexeevich, candidate of historical sciences (PhD), Head of Information and Bibliographic Services Division of Manuscripts of the National Library of Russia. . E-mail: michailshibaev@mail.ru

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: szmiel@mail.ru

Shmeleva Tatyana Victorovna, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Journalism Jaroslav-the-Wise Novgorod State University. E-mail: szmiel@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

NOA	Ockupations arkivetfrån Novgorod
RA	Riksarkivet, Stockholm
Акад	Академический список
АРГ	Акты Русского государства 1505–1526 гг.
Арх.	Архивский список
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
Берл	Берлинский список
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВНЗ	Вестник новгородского земства
ВНГЗ	Вестник новгородского губернского земства
ВОИДР	Временник общества истории и древностей российских
ВОСК, Воскр.	Воскресенская летопись
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией
ДРВМ	Древняя Русь: Вопросы медиевистики
ЕРМ	Ермолинская летопись
И	Ипатьевская летопись
ИА	Институт археологии РАН
ИРГО	Известия Русского генеалогического общества
КБ1472	Кирилло-Белозерский свод 1472 года
КИ-НСС	«Краткие извлечения» из НСС
Км	Комиссионный список
Л	Лаврентьевская летопись
ЛА	Летопись Авраамки
ЛеП	Летописец епископа Павла
ЛПС	Летописец Переяславля Суздальского
ЛЛС	Лицевой летописный свод
ЛЪВ	Львовская летопись
МЛС	Московский летописный свод
Н1	Новгородская первая летопись
Н1мл.	Новгородская 1 летопись младшего извода
Н4	Новгородская четвертая летопись
НВЛ	Новгородская владычная летопись
Ник.	Никоновская летопись
НИС	Новгородский исторический сборник
НК	Новгородская Карамзинская летопись
НК2	Новгородская Карамзинская летопись, вторая подборка
НПК	Новгородские писцовые книги
НПЛ	Новгородская первая летопись
Обол.	Оболенский список
П1	Псковская 1 летопись

П2	Псковская 2 летопись
П3	Псковская 3 летопись
ПВЛ	Повесть временных лет
ПКНЗ	Писцовые книги Новгородской земли
Пог.	Погодинский список
ПоБЛ	Повесть о битве на Липице
Пр	протограф
ПСЗ (ПСЗРИ)	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
Радз.	Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в.
РАДЗ	Радзивилловская летопись
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РИБ	Русская историческая библиотека
РК	Разрядная книга
РЛ	Рогожский Летописец
С1	Софийская I летопись
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества
СИМ	Симеоновская летопись
СГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
СПБНИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории РАН
Стр.	Строевский список
СС1493	Сокращенный московский свод
СХВНГЗ	Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства
ТВ, Тв.	Тверской сборник
Тих.	Тихановский список
ТКДТ	Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века
То	Толстовский список
Тр	Троицкий список
Уст	Устюжский летописный свод
ЧОИДР	Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти ученого. Василий Фёдорович Андреев	3
---	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Р. Михайлова. Древности второй половины I тыс. вокруг финского залива: к предыстории Пути из Варяг в Греки	4
Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным	33
П. П. Колосницын. Деревянные кредитные бирки-жеребьи в средневековых письменных источниках.	59
М. И. Петров. Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа. (по материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде)	68
С. Б. Чебаненко. Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548.	103
А. А. Кузнецов. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события	115
А. А. Вовин. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием	139
М. М. Бенцианов. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века	162
Е. А. Ляховицкий, М. А. Шibaев. К вопросу о функционировании бумаги большого формата в Софийском комплекте Великих Миней Четых	202
А. М. Введенский. Новгородская первая летопись и Устюжский летописный свод: Каким списком Новгородской первой летописи пользовались составитель Устюжской летописи?	208
А. А. Селин. Новгородцы Пушкины в годы Смуты	223

Т. В. Шмелева. Новгород XVIII века как центр риторического образования	239
И. А. Мельников. Деятели российского старообрядчества XVIII в. среди выпускников Новгородской семинарии	252
Д. Б. Терешкина. Записные книжки дореволюционного периода в фондах отдела письменных источников Новгородского музея	260
И. В. Хохлов. Исполнение квартирной повинности городами Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в.	285
Я. А. Васильев «Вестники» Новгородского земства как источники по истории кредитных учреждений Новгородской губернии	299
Б. Н. Ковалев. Матвей Шульгин – депутат Государственной Думы Российской империи (1907–1912 гг.)	316
Н. С. Савельев. Подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в материалах Новгородской прессы	326

**К 80-ЛЕТИЮ
НОВГОРОДСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА**

Васильев Я. А. «Новгородский исторический сборник» в зеркале статистики. Обзор публикаций 1936–2015 гг.	336
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года	341
Т. А. Базарова. «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А.И. Репнина 1700–1701 гг.	377

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Андреев. Новгород или забытая Россия... Рецензия на книгу: «Novgorod ou la Russie oubliée: Une république commerçante (XIIe–XVe siècles)».....	416
А. А. Роменский. Под сенью Божьей Премудрости Рецензия на книгу: Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. ...	421
Аннотации	428
Summary	435
Сведения об авторах	441
Список сокращений	445

Научное издание

**НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК
16 (26)**

ISBN 978-5-89896-619-5

Редактор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *Я. А. Васильев*

Подписано в печать 23.01.2017. Формат издания 60×84 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,16. Тираж 100 экз. Заказ № 487.

Отпечатано: ООО «Типография Виконт»
Великий Новгород, ул. Береговая, д. 48, корп. 2
Тел. (8162) 677894, тел./факс (8162) 667406